

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 5 2022

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 5 2022

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, член-корр. РАН, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственные редакторы номера:

канд. ист. наук *Д.К. Тулуш*, канд. ист. наук *З.Г. Шакиров*

Редакционная коллегия номера:

Е.В. Асташенкова, к.и.н. (Владивосток); **С.Г. Бочаров**, к.и.н. (Севастополь); **Р.Р. Валиев**, к.и.н. (Казань); **И.О. Гавритухин** (Москва); **З.В. Доде**, д.и.н. (Ростов-на-Дону); **Ю.А. Зеленева**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **И.Л. Измайлов**, д.и.н. (Казань); **В.П. Кирилко**, к.и.н. (Симферополь); **А.В. Лыганов**, к.и.н. (Казань); **В.Л. Мыц**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Н.Г. Набиуллин**, к.и.н. (Казань); **К.А. Руденко**, д.и.н. (Казань); **Р.Р. Саттаров**, к.и.н. (Казань); **Д.К. Тулуш**, к.и.н. (Казань); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., проф. (Казань); **З.Г. Шакиров**, к.и.н. (Казань); **Л.В. Яворская**, к.и.н., доцент (Москва).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrastep.ru

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий

«Почта России»

Выходит 6 раз в год

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 5 2022

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaïck Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editors:

Candidate of Historical Sciences **Tulush Demir K.**, Candidate of Historical Sciences **Shakirov Zufar G.**

Editorial board:

Elena V. Astashenkova, Candidate of Historical Sciences (Vladivostok); **Sergei G. Bocharov**, Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); **Renat R. Valiev**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Igor O. Gavritukhin** (Moscow); **Zvezdana V. Dode**, Doctor of Historical Sciences (Rostov on Don); **Yuriy A. Zeleneev**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Iskander L. Izmailov**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir P. Kirilko**, Candidate of Historical Sciences (Simferopol); **Anton V. Lyganov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Victor L. Myts**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Nail G. Nabiullin**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Konstantin A. Rudenko**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Ruzil R. Sattarov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Demir K. Tulush**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Kazan); **Zufar G. Shakirov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Liliya V. Yavorskaya** Candidate of Historical Sciences (Moscow).

Executive Secretary: Antonina S. Bepalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
<https://www.evrazstep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Акынджи М. (Анталия, Турция), Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия) Ранний ислам в Волжской Булгарии в исследованиях Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова (к 1100-летию официального принятия ислама булгарскими предками поволжских татар)	8
Бугарчев А.И. (Казань, Россия), Петров П.Н. (Алматы, Казахстан), Сингатуллина А.З., Шайхутдинова Е.Ф. (Казань, Россия) Монеты XV века хана Барака Булгарского монетного двора (по материалам клада «Караульная Гора»)	19
Валиев Р.Р., Степанов Р.А. (Казань, Россия) Археологические исследования у д. Ржавец	26
Васильев Д.В. (Астрахань, Россия) Результаты 20 лет исследований на Самосдельском городище и новые перспективы	42
Галимова М.Ш. (Казань, Россия) А.Х. Халиков о палеолите Среднего Поволжья (в свете современных данных).....	51
Губайдуллин А.М. (Казань, Россия) Некоторые вопросы изучения средневековой фортификации	67
Денисов И.В. (Стерлитамак, Россия), Зубов С.Э., Букина О.В. (Самара, Россия) Применение 3D-технологий в сфере сохранения и использования археологического наследия	74
Дроздова Г.И. (Казань, Россия) Исследования Биляра казанскими археологами в архивных материалах.....	90
Зоря Р.С. (Севастополь, Россия) Концептуальные взгляды Н.Ф. Калинина на древнейшее прошлое Волго-Камья	97
Зубов С.Э. (Самара, Россия) Воинские пояса Волго-Уралья рубежа эр	106
Зубов С.Э., Ронжова С.С. (Самара, Россия) Бусинное ожерелье девочки из Западного Приуралья рубежа эр (по материалам раскопок пьяноборского Кипчаковского I курганно-грунтового могильника)	119
Иванов В.А. (Уфа, Россия) История населения Урало-Поволжья в эпоху раннего железного века (дискурс-анализ исследований XX столетия).....	129
Иконников Д.А., Соболев А.С. (Пенза, Россия) Исследование Золотарёвского городища VIII-XIII вв. Михаилом Романовичем Полесских ..	140
Коренюк С.Н., Мингалева М.К. (Пермь, Россия) Бусы Гляденовского костыща (материалы раскопок 2003–2006 гг.).....	151
Крыласова Н.Б. (Пермь, Россия) Ассортимент украшений из легкоплавких сплавов на основе олова в материалах Родановской археологической культуры	164
Кузин-Лосев В.И. (Донецк) Выделение социальных элит Северной Евразии с позиций форм сознания	178
Куклина А.А. (Казань, Россия) Материальная культура Волжской Булгарии в коллекции Музея Археологии РТ	192
Лифанов Н.А. (Самара, Россия) Каменнодольская находка: к вопросу о заволжском отрезке «мадьярского пути на запад».....	199
Лыганов А.А. (Казань, Россия), Морозов В.В., Смирнов А.Л. (Москва, Россия), Храмченкова Р.Х. (Казань, Россия) Поселение Игимский Бор I – новый памятник Сейминско-Турбинского хронологического горизонта (предварительные результаты исследований)	207

Набиуллин Н.Г., Салахатдинова Г.Т. (Казань, Россия) Из истории исследований археологических памятников средневекового и Нового времени г. Набережные Челны.....	217
Нигамаев А.З. (Елабуга, Россия) Средневековое оружие ближнего боя из фондов музеев Елабуги.....	227
Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия) Конские принадлежности в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья	235
Рафикова К.В., Букина О.В., Зубов С.Э. (Самара, Россия) Виртуальный музей археологии: архитектоника музейного пространства.....	244
Руденко К.А. (Казань, Россия) О ремесленном производстве на болгарских селищах XI – начала XIII в.....	254
Сиротин С.В., Богачук Д.С., Окороков К.С. (Москва, Россия) Западные и восточные импорты в комплексах кургана 1 группы «Студеникин Мар» некрополя «Студеникин Мар – Высокая Могила» в Южном Приуралье.....	271
Подосёнова Ю.А., Данич А.В., Крыласова Н.Б., Каменщиков О.Ю., Иванов П. А., Красновских М.П., Мокрушин И.Г. (Пермь, Россия) Деревянные ножны с металлическими обкладками из баяновского могильника Ломоватовской археологической культуры: результаты химико-технологического исследования	282
Халиков И.А. (Казань, Россия) Отграничение археологических предметов от клада, находки.....	298
Ахметгалин Ф.А. (Казань, Россия) Археологические исследования столицы Касимовского ханства	305
Юзеев А.Н. (Казань, Россия) Арабский географ ал-Идриси (XII в.) о тюркских народах Средней Азии	315
Список сокращений.....	322
Правила для авторов.....	323

CONTENT

Akynjy M. (<i>Antalya, Turkey</i>), Khuzin F.Sh. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Early Islam in Volga Bulgaria in the Studies of E.A. Khalikova and A.Kh. Khalikov (to the 1100 th anniversary of the official adoption of islam by the bulgarian ancestors of the Volga tatars)	8
Bugarchev A.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Petrov P.N. (<i>Almaty, Republic Of Kazakhstan</i>), Singatullina A.Z., Shaikhutdinova E.F. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Khan Barak Coins of the XV Century of the Bulgarian Mint (based on the materials of the hoard "Karaulnaya Gora").	19
Valiev R.R., Stepanov R.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Archaeological Research by the village Rzhavets	26
Vasiliev D.V. (<i>Astrakhan, Russian Federation</i>) Results of 20-Years Research on the Samosdelka Settlement and New Perspectives	42
Galimova M.Sh. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) A.Kh. Khalikov on the Paleolithic of the Middle Volga region (in the light of modern data).....	51
Gubaidullin A.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Some Questions of Medieval Fortification Studies	67
Denisov I.V. (<i>Sterlitamak, Russian Federation</i>), Zubov S.E., Bukina O.V. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Application of 3D -Technologies in the Field of Preservation and Use of Archaeological Heritage	74
Drozdova G.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Studies of Bilyar by Kazan Archaeologists in Archival Materials.....	90
Zorya R.S. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>) N.F. Kalinin's Conceptual Views on the Most Ancient Past of the Volga-Kama Region	97
Zubov S.E. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Warrior Belts from the Volga-Urals Area at the Turn of Era	106
Zubov S.E., Ronzhova S.S. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Girl's Bead Necklace from the Western Urals at the Turn of the Era (based on materials from the excavations of Pyany Bor Kipchakovo I mound-soil burial ground)	119
Ivanov V.A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) The History of the Population of the Ural-Volga Region During the Early Iron Age (discourse analysis of the studies in the XX century).....	129
Ikonnikov D.S., Sobol A.S. (<i>Penza, Russian Federation</i>) The Study of the Zolotaryovka Fortified Settlement of the VIII–XIII Centuries by Mikhail Romanovich Polesskikh	140
Korenyuk S.N., Mingaleva M.K. (<i>Perm, Russian Federation</i>) The beads found on the Glyadenovo Sanctuary During the 2003–2006 Excavation Period.....	151
Krylasova N.B. (<i>Perm, Russian Federation</i>) A Set of Pewter-Based Fusible Alloy Decorations in the Materials of the Rodanovo Archaeological Culture.....	164
Kuzin-Losev V.I. (<i>Donetsk</i>) Highlighting of Northern Eurasia Social Elites from the Position of Consciousness Forms	178
Kuklina A.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Material Culture of Volga Bulgaria in the Collection Museum of Archaeology of Tatarstan	192
Lifanov N.A. (<i>Samara, Russian Federation</i>) The Kamennodolsk finding: on the question to the Trans-Volga section of the "Magyar Way to the West"	199
Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Morozov V.V., Smirnov A.L. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Khramchenkova R.Kh. (<i>Kazan, Russian Federation</i>)	

The Settlement of Igimskiy Bor I is a New Site of the Seima-Turbino Chronological Horizons (preliminary research results)	207
Nabiullin N.G., Salakhatdinova G.T. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) From the History of Study of Medieval and Modern Times Archaeological Sites of Naberezhnye Chelny	217
Nigamaev A.Z. (<i>Yelabuga, Russian Federation</i>) Medieval Melee Weapons from the Collections of Yelabuga Museums	227
Nikitina T.B. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Horse Accessories in Burial Grounds of Vetluga and Vyatka Interfluvium	235
Rafikova K.V., Bukina O.V., Zubov S.E. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Virtual Museum of Archaeology: museum space architectonics	244
Rudenko K.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) About Craft Production on the Bulgar Settlements of the XI – Beginning of the XIII Century	254
Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Western and Eastern Imports in Burial Complexes of the 1 Group «Studenikin Mar» of Necropolis «Studenikin Mar – Vysokaya Mogila» in the Southern Urals.....	271
Podosyonova Yu.A., Danich A.V., Krylasova N.B., Kamenchikov O.Y., Ivanov P.A., Krasnovskikh M.P., Mokrushin I.G. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Wooden Scabbard with Metal Plates of Bayanovo Burial Ground of the Lomovatka Culture Archaeological Culture: results of chemical and technological study	282
Khalikov I.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Separation of Archaeological Items from the Treasure, Find	298
Akhmetgalin F.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Archaeological Studies of the Kasimov Khanate Capital.....	305
Yuzeev A. N. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Arab geographer al-Idrisi (XII century) about the Turkic peoples of Central Asia	315
List of Abbreviations	322
Instructions for Authors	323

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.8.18>

**РАННИЙ ИСЛАМ В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ Е.А. ХАЛИКОВОЙ И А.Х. ХАЛИКОВА
(К 1100-ЛЕТИЮ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРИНЯТИЯ ИСЛАМА
БУЛГАРСКИМИ ПРЕДКАМИ ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР)**

©2022 г. М. Акынды, Ф.Ш. Хузин

В статье анализируются труды известных советских археологов – доктора исторических наук, профессора А.Х. Халикова и его супруги, кандидата исторических наук Е.А. Халиковой, внесших значительный вклад в решение проблем истории раннего ислама в Волжской Булгарии. Е.А. Халиковой впервые проводились систематические и планомерные раскопки городских и сельских могильников домонгольских булгар, материалы которых, глубоко анализированные с привлечением письменных источников, свидетельствовали о начале мусульманизации населения еще в IX в. и широком распространении ислама среди булгар в последующие периоды, особенно в предмонгольское время. А.Х. Халиков вошел в историю булгароведения как исследователь руин белокаменных мечетей в Биляре и средневековой Алабуге – уникальных культовых сооружений домонгольских булгар. Им же впервые поставлена проблема взаимосвязи процессов исламизации и урбанизации булгарского общества.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, X – начало XIII вв., мусульманские некрополи, мечети, исламизация населения, язычество и ислам.

**EARLY ISLAM IN VOLGA BULGARIA IN THE STUDIES
OF E.A. KHALIKOVA AND A.KH. KHALIKOV (TO THE 1100TH
ANNIVERSARY OF THE OFFICIAL ADOPTION OF ISLAM
BY THE BULGARIAN ANCESTORS OF THE VOLGA TATARS)**

M. Akynjy, F.Sh. Khuzin

The authors analyze the works of well-known soviet archaeologists – doctor of historical sciences, professor A.Kh. Khalikov and his wife, candidate of historical sciences E.A. Khalikova, who made a significant contribution to solving the issues of the history of early Islam in the Volga Bulgaria. E.A. Khalikova for the first time carried out systematic and planned excavations of urban and rural burial grounds at the pre-Mongol Bulgar, the materials of which are deeply analyzed with using of written sources, indicated the beginning of the muslimization of the population in the IX century and the wide spread of Islam among the Bulgarians in subsequent periods, especially in the pre-Mongolian time. A.Kh. Khalikov entered the history of Bulgarian studies as a researcher of ruins of white-stone mosques at Bilyar and medieval Alabuga - unique pre-Mongol Bulgarian religious buildings. He for the first time posed the issue of relationship between the adoption of Islam and urbanization processes of Bulgarian society.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, the X – early XIII centuries, Muslim necropolises, mosques, Islamization of the population, paganism and Islam.

В России советского периода, господствующая идеология которой базировалась на учении научного коммунизма (научного атеизма, в частности), изучению истории ислама – времени его принятия, степени мусульманизации волжских булгар до монгольских завоеваний 1236 г., роли ислама в развитии культуры – не придавалось особого значения. В то же время уже в первом издании «Истории Татарской АССР», увидевшем свет в 1955 г., правильно отмечалось, что «мусульманство имело свое место в Булгарии и до прибытия посольства от халифа в 922 году, но с этого года ислам становится официальной рели-

гией государства и крупной политической силой, укреплявшей авторитет булгарского царя» (История..., 1955, с. 73). Однако тут же утверждалось, что «идеи ислама весьма слабо проникали в среду трудовых масс общества и только много позднее он стал влиять на быт народа, на его мировоззрение, играя преимущественно реакционную роль в развитии культуры и общественных отношений населения Булгарии» (История..., 1955, с. 73).

С удовлетворением можем утверждать, что начало научного изучения истории ислама у волжских булгар – одного из предков современных поволжских татар, связано с исследо-

ваниями археологов, а именно с раскопками Альфреда Хасановича Халикова (1929–1994) и Елены Александровны Халиковой (1930–1977) на Билярском городище. Исследования этого памятника начались в 1967 г., но первые масштабные изыскания состоялись через два года – в 1969 г., когда Е.А. Халикова приступила к раскопкам мусульманских некрополей, а А.Х. Халиков – руин кирпичного здания, условно названного им «караван-сарая», за восточным углом внутреннего города (Халиков, Халикова, 1970, с. 169–170).

Следует, однако, заметить, что систематические раскопки языческих и раннемусульманских могильников домонгольского времени, дающие возможность проследить переход волжских булгар от язычества к исламу, – имеем в виду в первую очередь Танкеевский и Тетюшский могильники – были предприняты А.Х. Халиковым, Е.А. Халиковой и Е.П. Казаковым еще в 1960-е годы и продолжались в последующем параллельно с работами на Биляре (Халикова, Казаков, 1970, с. 158–159; Халикова, 1971б, с. 283–284; Халикова, Халиков, 1971, с. 143–144; Казаков, Халикова, 1981, с. 21–35; Khalikova, Kazakov, 1977, с. 21–221).

I Билярский могильник, расположенный на юго-западной окраине городища за его внешними укреплениями, можно считать самым крупным некрополем Биляра, занимавшим, как показали раскопки IX–XIV 1969–1970 гг., площадь не менее 15 га. Здесь исследовано в общей сложности 173 захоронения. Наиболее ранние его погребения нарушали слои булгарского поселения X–XI вв. Очевидно, время функционирования могильника относится к XII – началу XIII в. – периоду расцвета Великого города, как его называли русские летописцы (Халиков, Халикова, 1970, с. 169).

В 1969, 1971 и 1972 гг. Е.А. Халикова и А.Х. Халиков раскопом XV изучали II Билярский могильник, расположенный за восточным углом укреплений внутреннего города. Здесь вскрыто 157 погребений X–XI вв., среди которых стратиграфически удалось выделить группу ранних могил, включающих 79 захоронений X в., преимущественно первой его половины (Халикова, 1973, с. 191).

На III Билярском некрополе у южного угла внутреннего города Елена Александровна раскопом XVIII 1971 г. выявила 7 раннемусульманских погребений X – начала XI вв. (Мазанов и др., 1972, с. 229–230).

В центральной части внутреннего города Биляра, у юго-восточной стены Соборной мечети (раскоп XXII), в 1972–1973 гг.

Е.А. Халикова исследовала погребения IV могильника, где ею было вскрыто 25 захоронений (Халикова, 1979, с. 114–118). В 1979 г. Р.Ф. Шарифуллин на этом же могильнике было изучено еще 19 погребений с 25 костяками, часть которых лежала в семейных склепах, сооруженных из хорошо обожженного строительного кирпича (Шарифуллин, 1984, с. 65–82). Усопших хоронили в деревянных гробах, от которых до нас дошли лишь следы древесной трухи и железные гвозди по углам и бокам. Умершие положены вытянуто на спине, головой к кыбле, левая рука вытянута вдоль тела, правая лежит на животе.

Необычные черты и своеобразие этого могильника, как то: не свойственное для рядовых булгарских могильников расположение его в центральной, наиболее богатой части города, притом прямо перед мечетью; наличие специальных наземных погребальных сооружений; парных или коллективных захоронений в них (семейных склепов) – следует поставить в прямую связь со знатностью и социальной привилегированностью погребенных. Заметим, что антропологически погребенные также отличались от рядового городского населения более четко выраженной монголоидностью (Фаттахов, 1979, с. 119–123). Нет сомнения в том, что на этом кладбище хоронили правителей страны, членов его семьи и других близких родственников, а также высокопоставленных должностных лиц государства (Хузин, 1995, с. 130–131).

В эти же годы Елена Александровна изучала сельские раннемусульманские могильники: Измерский/Девичий городок на левобережье Камы, III Рождественский у V одноименного селища XII – начала XIII в. в бассейне р. Меши, левого притока Волги, I Старокуйбышевский на безымянном острове Куйбышевского водохранилища, в 4 км к западу от с. Куралово (Старостин, Халикова, Халиков, 1971, с. 142; Халикова, 1976, с. 39–59).

В итоге в распоряжении Е.А. Халиковой оказался репрезентативный материал, позволяющий проследить процесс принятия ислама населением домонгольской Булгарии в широком хронологическом диапазоне на основе динамики изменений в погребальном обряде. На материалах археологии Е.А. Халикова впервые определила черты погребального обряда, характерные для мусульманских могильников первой половины X в. и отметила в них реминисценции язычества. По мнению исследовательницы, уже к X в. полностью пере-

стают функционировать языческие могильники типа Больших Тархан и Танкеевки, а в XII в. «идеология и обряды ислама глубоко укоренились у основного населения страны, охватив разные социальные слои болгарского общества», что доказывается установлением унифицированной, «ортодоксальной» погребальной обрядности, соответствующей канонам ислама – небольшой глубины подпрямоугольные могилы с заплечиками по длинной стороне; положение умершего в деревянных гробах вытянуто на спине; строгое соблюдение кыблы; однообразное положение корпуса и рук погребенных; полное отсутствие сопровождающего инвентаря и т. п. Такое единообразие было обусловлено наличием хорошо подготовленных кадров мусульманского духовенства, следившего за соблюдением канонических требований ислама (Халикова, 1976, с. 14–17; 1986, с. 151). Еще одним доказательством массовой мусульманизации болгар Е.А. Халикова считала полное отсутствие в остеологических материалах поселений костей свиньи, запрещенной в исламе (там же).

Выводы Е.А. Халиковой в принципе остаются верными и сегодня, хотя их нельзя абсолютизировать. Археологические исследования последних десятилетий показывают более сложную картину распространения новой религии в Булгарии. Речь идет не только о так называемых пережитках язычества или некоторых отклонениях от ортодоксальной погребальной обрядности, обнаруживаемых археологами в могильниках болгарского населения XI–XIII вв. (Газимзянов, 1997, с. 19–22), но и о языческих святилищах этого же времени. Об этом пишут, в частности, казанские ученые К.А. Руденко, ссылаясь на материалы Тигашевского городища в Чувашии, святилища на Ага-Базаре у г. Болгара на Волге и др. (Руденко, 2004, с. 36 и сл.). В восточной периферии Волжской Булгарии в последние годы открыты интересные памятники, в числе которых Гулюковский могильник в Мензелинском районе Республики Татарстан, свидетельствующий о начале проникновения ислама на эти земли лишь к концу X столетия (Бугров, Капленко, Ситдинов, 2010, с. 19–25). Здесь, на наш взгляд, нет ничего странного – в составе болгар всегда присутствовали группы языческого финно-угорского населения из соседних территорий и они, окончательно еще не обугаризованные, могли оставить эти немногочисленные памятники (более подробно см.: Давлетшин Г.М., Хузин Ф.Ш., 2000, с. 54–68; Хузин, Хамидуллин, 2013, с. 214–221).

Масштабные раскопки 1970-х гг., проведенные под руководством А.Х. Халикова, показали, что еще в X в. в центральной части внутреннего города Биляра происходило формирование своеобразного аристократического района, скорее всего, административного центра площадью не менее 10 гектаров. Именно в этом районе обнаружены интереснейшие памятники домонгольской монументальной архитектуры болгар. Главенствующее место среди них занимают руинированные остатки Соборной мечети – древнейшей археологически изученной мечети на территории Волжской Булгарии.

Еще в середине XVIII века русский историк и общественный деятель В.Н. Татищев в своей «Истории Российской» упоминал «портал или врата великого храма и столпы» в центре Биляра. Посетившему городище в 1769 г. Н.П. Рычкову удалось обмерить «преогромный каменный столп, построенный из красного кирпича, смешанного с диким камнем». Высота его оказалось более 5 метров, окружность до 24 аршин. По словам билярских старожилов, раньше этот «каменный столп, стоящий в градском замке, был преогромной величины. Возвышение его представляло вид обыкновенной колокольни, и находилось в нем несколько окошек», освещавших ход вверх. Местные жители называли его «татарской мечетью». Исследователь с сожалением отмечал, что крестьяне села Билярска «разрушили всё сие здание до основания, и ныне уже находятся там одна пустота и развалины» (Рычков, 1769, с. 13–18). П.А. Пономарев и М.Г. Худяков, производившие раскопки в районе «каменного столпа» в 1915 г., выявили следы мощного фундамента от большого каменного здания и несколько мусульманских погребений в его восточной части, но вынуждены были констатировать полное уничтожение памятника: остатки его, частично попавшие в раскоп, представляли собой груды известнякового щебня (Пономарев, 1915, с. 49).

В 1973–1977 гг. следы этого монументального здания были исследованы Билярской археологической экспедицией под руководством А.Х. Халикова с участием Р.Ф. Шарифуллина и архитектора С.С. Айдарова.

По довольно четким линиям очертаний котлована фундамента стен, внутренних колонн, башни («столпа») удалось определить форму, некоторые конструктивные особенности и время строительства каменного сооружения, служившего мечетью.

Как выяснилось в процессе исследований, к этому сооружению – белокаменной Соборной мечети площадью 1076 кв. м с большим отдельно стоящим минаретом (7,2×6,6 м), с северо-восточной стороны примыкало еще одно строение – деревянное, сохранившееся, к сожалению, только в виде комплекса столбовых ям (около 600 на площади 1420 кв. м), расположенных в определенном порядке. Первоначально, еще до завершения раскопок, Альфредом Хасановичем была выдвинута гипотеза о назначении этих ям в качестве столбов ограды цитадели, последовательно отодвигаемой от каменной мечети в северо-западную сторону (Игонин, Халиков, Халикова, 1974, с. 155). Дальнейшее изучение, однако, показало отсутствие продолжения столбов в северо-восточном и юго-западном направлениях, что заставило высказать предположение о принадлежности всей системы к остаткам обширного деревянного здания (Халиков, Хузин, 1976, с. 203). Как было установлено в ходе раскопок, первоначально была возведена деревянная мечеть, позднее, в конце X столетия, к ней была пристроена каменная часть. Общая площадь молельных помещений достигала 2500 квадратных метров. Здание ориентировано согласно мусульманским канонам на юго-запад – в сторону священной Мекки. Внутри белокаменной части прослежены остатки 24 колонн, расположенных симметрично в 6 рядов. Фасадная часть здания, обращенная на северо-восток, была красиво оформлена пилястровыми выступами – полуколоннами. В целом, несмотря на фрагментарную сохранность, общий монументальный характер этого крупного культового сооружения, Соборной мечети X – начала XIII в., вырисовывался вполне наглядно.

Графическая реконструкция «прижизненного» облика мечети выполнена докторами архитектуры С.С. Айдаровым (Айдаров, Забирова, 1979, с. 46 и сл., рис. 17–19) и Н.Х. Халитовым (2011, с. 15–18, рис. 1–8, 9, 10, 11), археологом Э.Д. Зиливинской (Зиливинская, 2019, рис. 7). Вопрос «Которая из них ближе к действительности?» не является предметом обсуждения, ибо все варианты гипотетичны.

Первоначально, как уже отмечалось выше, А.Х. Халиков датировал время строительства Билярской мечети первой половиной X в. Впоследствии он, продолжая исследования Е.А. Халиковой, писавшей о более раннем проникновении ислама в болгарское общество, уточнил свои представления о Соборной мечети Биляра. Он был сторонником крупней-

шего богослова и основоположника татарской исторической науки Ш. Марджани, убежденного, что болгары приняли ислам еще при аббасидских халифах ал-Му'мине (813–833) и ал-Васике (842–847) при посредстве среднеазиатских полонников и торговцев (Маржани, 1989, 116–121 б.). А.Х. Халиков подтвердил данную точку зрения, уточнив, что это событие могло произойти в 824–825 гг. при халифе Ма'муне, совершившем военный поход на хазар из Средней Азии. По его мнению, «в 821–822 гг., с началом правления в Багдадском халифате тахиридов, а затем и саманидов, на территории Мавераннхра и Хорасана с центром в Бухаре начинается усиленное распространение ислама, ставшего государственной религией не только в Средней Азии, но и в связанных с нею землях, в том числе и Булгарии» (Халиков, 1991, с. 49). Данная точка зрения археологически подтверждается, по мнению А.Х. Халикова, наличием на известных Больше-Тарханском и Танкеевском могильниках ранних болгар погребений, совершенных с соблюдением мусульманской обрядности (Халиков, 1991, с. 49–50)¹.

Опираясь на письменные сведения восточных авторов Ибн Русте и Ибн Фадлана о наличии у них мечетей еще до официального принятия ислама (Хвольсон, 1869, с. 22–24; Ковалевский, 1956, с. 138; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с. 31), Альфред Хасанович приводил археологические доказательства, указывающие на возможное время строительства деревянной части мечети – IX в., скорее всего, вторая его половина (Халиков, 1991, с. 49, 55).

Недавно к теме Билярской мечети вернулась известный специалист по истории средневековой архитектуры мусульманских городов Востока Э.Д. Зиливинская. Она считает, как и А.Х. Халиков, что деревянная мечеть действительно древнее, чем белокаменная, но она впоследствии не стала пристроеном к каменной половине здания, составляя единое целое, а была или разобрана, или же, претерпев реконструкцию, функционировала отдельно (Зиливинская, 2019, с. 78–95). Скорее всего, она действительно продолжала самостоятельно функционировать, но уже в качестве медресе при мечети.

В непосредственной близости от Соборной мечети возвышалось кирпичное здание с центральным (подпольным) отоплением, получившее в литературе условное название «дома знатного феодала», принадлежавшего, очевидно, имаму Соборной мечети (Археоло-

гические памятники, 1990, с. 53). Оно сохранилось на уровне фундамента и цокольной части. Раскопки производились А.Х. Халиковым в 1971–1973 гг. Кладка стен производилась из стандартных кирпичей квадратной формы (26×26×5 см). В основании фундамента отмечены остатки антисейсмической подушки из двух рядов сырцовых и полусырцовых кирпичей, характерной для архитектурной традиции Ближнего Востока и Средней Азии. По мнению специалистов, этот строительный прием является ярким доказательством деятельности в болгарских городах, в том числе и в Биляре, среднеазиатских мастеров, прибывших в 922 г. вместе с посольством халифа Муктадира (Смирнов, 1976).

Основная часть здания имела в плане квадрат размерами 11×11 м, разделенный внутренней крестообразной перегородкой на четыре равные части площадью 16 кв. м каждая. Наружные стены, сложенные из четырех рядов кирпичей, достигали значительной толщины (90–100 см), однако более мощными были стены внутренней перегородки (до 110 см). По предположению исследователей, это свидетельствует о двухэтажности здания, имевшего, скорее всего, куполообразное перекрытие, весовая нагрузка которого приходилась не на наружные, а на внутренние стены.

Все четыре комнаты нижнего этажа сообщались между собой – дверные проемы имели ширину 65–70 см. Стены были оштукатурены, а ближе к полу облицованы тонкими известняковыми плитками. Кирпичный пол был покрыт сверху известково-алебастровым раствором толщиной в 5–6 см.

Интересна система подпольного отопления. Общая печь находилась в северо-западном углу. Она имела двухчастную конструкцию, то есть состояла из топочной и жароаккумулятивной камер. От камеры жароаккумулятивной двумя магистральными дымоходными каналами отходила разветвленная отопительная система, расположенная под полом.

Для реконструкции общего облика здания важное значение имеют некоторые детали, выявленные в процессе раскопок восточной стены, в середине которой располагался широкий вход. По бокам его расчищены основания полуколонн-пилястров, на которых покоилась П-образная арка, обрамляющая вход. Такое оформление входа также характерно для ранних кирпичных зданий Средней Азии и Ирана (Халиков, 1979, с. 11–21; Шарифуллин, 1976).

Оставалась не совсем понятной северо-западная часть здания, имевшая усложненную конструкцию в виде двух небольших полукруглых комнат или башнеобразных выступов. По мнению Э.Д. Зиливинской, выдвинувшей новую гипотезу о возможном назначении здания в качестве общественной бани или, скорее всего, тахаратханэ, в этих помещениях стояли цистерны для холодной и горячей воды (Зиливинская, 2020, с. 147). Расположение хаммам или тахаратханэ у мечетей – распространенное явление в восточных городах. Об этом свидетельствует и колодец № 1, из которого брали воду в баню (Шарифуллин, 1979, с. 102).

Есть основания полагать, что и белокаменная мечеть, и кирпичное здание рядом с нею построены при участии приглашенных восточных мастеров. По мнению А.Х. Халикова и Р.Ф. Шарифуллина, «основы болгарского монументального зодчества были заложены не позднее X–XI вв. и складывались под непосредственным влиянием досельджукской архитектуры Ближнего Востока и Средней Азии» (Шарифуллин, 1976, с. 50–51; Halikov, Sharifullin, 1977, p. 199–202). Факт проживания в Биляре строителей и зодчих из восточных городских центров доказывают остатки наземных жилищ с каркасно-глинобитными стенами в нижних, древнейших горизонтах культурного слоя и сферические печи типа тандыров (Хузин, 1979, с. 62 и сл.).

Следует упомянуть также об исследованиях А.Х. Халикова на Елабужском городище, где до сегодняшнего дня сохранилась каменная башня, полуразрушенная, но восстановленная почти в первоначальном виде И.В. Шишкиным еще в 1867 г. Первые раскопки на этом памятнике проводил А.А. Спицын, выявивший план здания, имеющего подквадратную форму с четырьмя угловыми башнями и четырьмя выступами по середине стен (Спицын, 1893, табл. 6, рис. 38). Исследователь, определив время его строительства не позднее XIII в., высказал предположение, что здание представляло собой или часть древнего караван-сарая, или усыпальницу одного из мусульманских святых (Спицын, 1893, с. 88–91). А.П. Смирнов считал его одной из сохранившихся башен крепости – «цитаделем», построенным булгарами в XII в. (Смирнов, 1951, с. 29).

В 1991–1992 гг. на памятнике проводил раскопки, не совсем удачные как в плане методики исследований, так и интерпретации объектов², преподаватель Елабужского педуни-

верситета К.И. Корепанов (1997, с. 112–113). В 1993 г. раскопки были продолжены А.Х. Халиковым, которому удалось полностью выявить объект на уровне фундамента и подтвердить дату его строительства, предложенную в свое время А.П. Смирновым. Здание имело квадратную в плане форму с длиной сторон 21 м; по углам очертились фундаменты округлых башен со средним размером 9 м. Отличалась своими размерами (и, по всей вероятности, высотой) башня в юго-восточном углу – 14 м в диаметре. Функциональное назначение здания определила его ориентация на кыблу – мечеть, выполнявшая одновременно и военно-оборонительную роль (Халиков, 1997).

Е.А. Халикова и А.Х. Халиков, годы активной творческой деятельности которых проходили в условиях советской реальности, пронизанной идеологией марксизма-лениниз-

ма, исключавшей из духовной жизни человека т. н. «религиозные предрассудки», практически впервые обратились к теме ислама у средневековых предков татар, поставили и во многом правильно решили те вопросы, которые и сегодня активно обсуждаются в научном сообществе – о начале проникновения и степени распространения ислама среди населения Волжской Булгарии, о соотношении ислама и язычества, проблемах взаимосвязи процессов исламизации и урбанизации болгарского общества и пр. Научные результаты, полученные этими двумя учеными в процессе археологических раскопок и базирующиеся на глубоком анализе имеющихся к тому времени археологических и письменных источников, активно используются в трудах современных исследователей (Давлетшин, 2004; Измайлов, 2006, с. 549–556; Хузин, 2011, с. 43–49).

Примечания:

¹ Важно отметить также наличие около двух десятков мусульманских погребений в курганном могильнике Брусяны II в Самарской области, датированных Р.С. Багаутдиновым IX в. (2007, с. 215–216), и около десятка мусульманских могил того же времени, оставленных болгарским населением в бассейне Северского Донца (Кравченко, 2005; 2020).

² О предварительных результатах «исследований» на площади 896 кв. м. К.И. Корепанов доложил на заседании отдела археологии ИЯЛИ АН РТ в апреле 1993 г., демонстрировав план А.А. Спицына столетней давности в качестве своего. Посещение раскопа А.Х. Халиковым и Ф.Ш. Хузиным в июне того же года показало, что руины здания еще не были даже выявлены.

ЛИТЕРАТУРА

Айдаров С.С., Забирова Ф.М. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья (археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 46–61.

Багаутдинов Р.С. Христианство, ислам и ранние болгары // Проблемы на прабългарската история и култура. Выпуск 4–1. Доклади от Петата международна среща по прабългарската история и археология. (Варна, 22–24.04.2004). София, 2007. 213–219.

Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдигов А.Г. К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 19–25.

Газимзянов И.Р. О некоторых элементах в погребальной практике волжских болгар X–XV вв. // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Материалы Всерос. научно-практич. конф. Секция археологии / Ред. П.Н. Старостин, С.Ю. Измайлова. Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1997. С. 19–22.

Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань: Татарское книжное издательство, 2004. 430 с.

Давлетшин Г.М., Хузин Ф.Ш. Ислам и язычество в Волжской Булгарии домонгольского времени // Ислам в Поволжье: история и проблемы изучения. Материалы научной конференции, посвященной 1100-летию (по хиджре) официального принятия ислама Волжской Булгарией / Отв. ред. Р.М. Амирханов. Казань: Иман, 2000. С. 54–68.

Зиливинская Э.Д. Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. “Джума мечеть” // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 78–95.

Зиливинская Э.Д. Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. Здания с подпольным отоплением // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 145–158.

Игонин Н.И., Халиков А.Х., Халикова Е.А. Билярская экспедиция // АО 1973 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 155.

Измайлов И.Л. Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 549–556.

История Татарской АССР. Т. 1. (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 549 с.

Казаков Е.П., Халикова Е.А. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних булгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 21–35.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. 347 с.

Корепанов К.И. Предварительные заметки о раскопках каменного здания Елабужского городища // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды Международной конференции. Т. 3 / Отв. ред. Я.Н. Гибадулин. М.: Инсан, 1997. С. 112–113.

Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 153–186.

Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец / Археология Евразийских степей. 2020. №4. 344 с.

Мазанов А.А., Йовков С.М., Халиков А.Х., Халикова Е.А., Шарифуллин Р.Ф. Биляр // АО 1971 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 229–230.

Мәржәни Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр. Кыскартып төзелде / Тәржемә итүче һәм төзүче Ә.Н. Хәйруллин. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 415 б.

Пономарев П.А. Краткий отчет о раскопках и разведках в районе Билярска летом 1915 года // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 1. С. 45–57.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. и коммент. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Наука. 1971. 134 с.

Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск, 2004. С. 36–66.

Рычков Н. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1779 гг. СПб., 1770. 220 с.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.

Смирнов А.П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских булгар // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 3–6.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. 1 / Ред. Д.Н. Анучин. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 192 с.

Старостин П.Н., Халикова Е.А., Халиков А.Х. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища // АО 1970 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 142.

Халиков А.Х. Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья (археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 11–20.

Халиков А.Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1991. С. 47–60.

Халиков А.Х. Алабуга – Елабуга: История возникновения города и исследования Елабужского городища в 1993 году. Елабуга, 1997. 32 с.

Халиков А.Х., Хузин Ф.Ш. Изучение Великого города // АО 1975 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 203–204.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья (археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 21–45.

Халиков А.Х., Халикова Е.А. Раскопки в Биляре // АО 1969 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 169–170.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника. (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971а. С. 64–93.

Халикова Е.А. Раннебулгарский могильник у г. Тетюши на Волге // Тезисы докладов на сессиях, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971б. С. 283–284.

Халикова Е.А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии домонгольского периода // Тезисы докладов на сессиях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 140.

Халикова Е.А. Исследование мусульманских могильников на территории Волжской Булгарии // АО 1972 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1973. С. 191.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Булгара домонгольского времени // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание: Тез. докл. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1974. С. 42–43.

Халикова Е.А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII вв. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Москов. гос. ун-т, 1976. 18 с.

Халикова Е.А. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 39–59.

Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976а. С. 113–168.

Халикова Е.А. IV Билярский некрополь // Новое в археологии Поволжья (археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 114–118.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.

Халикова Е.А., Казаков Е.П. Тетюшский могильник // АО 1969 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 158–159.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Раскопки в Биляре Тетюшского могильника и караван-сарая // АО 1970 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 143–144.

Халитов Н.Х. Мечети средневековой Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 183 с., ил.

Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дада, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1869. XIII + 199 с.

Хузин Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. (археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 62–99.

Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра – Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 223 с.

Хузин Ф.Ш. Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань: Фолиант, 2011. 468 с.

Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. Philology and Culture. 2013. № 1 (31). С. 214–221.

Шарифуллин Р.Ф. Иранские параллели в архитектуре Волжской Булгарии домонгольского периода (по материалам Билярского городища) // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Препринты докладов и сообщений / Ред. Р. Г. Кузев. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 50–51.

Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 65–82.

Halikov A.H., Sharifullin R.F. On the development of architecture in premongolian Volga-Bulgaria // Acta Archatologica. Budapest, 1977. Т. 29 (1–2). Р. 199–202.

Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977. Р. 21–221.

Информация об авторах:

Акынды, Мелтем, доктор истории (г. Анталья, Турция) mltm.akinci@hotmail.com.

Хузин Фаяз Шарипович, доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

REFERENCES

- Aidarov, S. S., Zabirowa, F. M. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkeologii Povolzh'ia (Arkeologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 46–61 (in Russian).
- Bagautdinov, R. S. 2007. *Problemi na prablgarskata i kultura (Issues of the Proto-Bolgar History and Culture)* 4–1. Sofia, 213–219. (in Russian).
- Bugrov, D. G., Kaplenko, N. M., Sitdikov, A. G. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 19–25 (in Russian).
- Gazimzianov, I. R. 1997. In Starostin, P. N., Izmailova, S. Yu. (eds.). *Gumanisticheskie traditsii Zapada i Vostoka v muzeinom dele Rossii i Tatarstana (Humanistic Traditions of Occident and Orient in the Museology of Russia and Tatarstan)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 19–22 (in Russian).
- Davletshin, G. M. 2004. *Ocherki po istorii duhovnoi kul'tury predkov tatarskogo naroda (istoki, stanovlenie i razvitie) (Essays on the History of the Spiritual Culture of the Ancestors of the Tatar People (Origins, Formation and Development))*. Kazan: Tatar Book Publishing House (in Russian).
- Davletshin, G. M., Khuzin, F. Sh. 2000. In Amirkhanov, R. M. (ed.). *Islam v Povolzh'e: istoriya i problemy izucheniya. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchenoy 1100-letiyu (po khidzhre) ofitsial'nogo prinyatiya islama Volzhskoy Bulgariy (Islam in the Volga region: history and problems of study. Materials of the scientific conference devoted to the 1100th anniversary (on the Hijra) of the official adoption of Islam by the Volga Bulgaria)*. Kazan: "Iman" Publ., 54–68 (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D. 2019. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* 28 (2), 78–95 (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D. 2020. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* 34 (2), 145–158 (in Russian).
- Igonin, N. I., Khalikov, A. Kh., Khalikova, E. A. 1974. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkeologicheskie otkrytiia 1973 g. (Archaeological Discoveries 1973)*. Moscow: "Nauka" Publ., 155 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriya tatar s drevnejshih vremen (v semi tomah) (History of the Tatars Since Ancient Times (in Seven Volumes))*. 2 Kazan: "RukhIL" Publ., 549–556 (in Russian).
- Gimadi, Kh. G. (ed.). 1955. *Istoriya Tatarskoy ASSR. (History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic)* 1. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
- Kazakov, E. P., Khalikova, E. A. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii rannikh bulgar (From the History of the Early Bulgars)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 21–35 (in Russian).
- Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921–922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
- Korepanov, K. I. 1997. In Gibadullin, Ya. N. (ed.). *Yazyki, dukhovnaya kul'tura i istoriya tyurkov: traditsii i sovremennost'. Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii (Languages, spiritual culture and history of the Turks: traditions and modernity. Works of the international conference)*. Moscow: "Insan" Publ., 112–113 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. Khazarское время (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 153–186 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2020. *Sidorovskii arkeologicheskii kompleks na r. Severskii Donets (Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River)* Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4 (in Russian).
- Mazanov, A. A., Iovkov, S. M., Khalikov, A. Kh., Khalikova, E. A. 1972. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkeologicheskie otkrytiia 1971 g. (Archaeological Discoveries 1971)*. Moscow: "Nauka" Publ., 229–230 (in Russian).
- Mardzhani, Sh. 1989. *Möstafadel-əkhbar fi əkhvali Kazan və Bolgar (Kazan həm Bolgar khəllərə turynda faydalanylğan khəbərլər. Kyskartyp tözəldə) (Möstəfədələ-əhbər fii əxvali Kazan və Bolgar (Reports on events in Kazan and Bulgar. Abridged version))*. Kazan: "Tatar. kit. nashr." Publ. (in Tatar).
- Ponomarev, P. A. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkeologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 30 (1). Kazan, 45–57 (in Russian).

In Bol'shakov, O. G., Mongait, A. L. 1971. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153 gg.) (The Journey of Abu Hamid al-Gharnati in Eastern and Central Europe (1131–1153))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2004. In Shutova, N. I. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Monuments of the Kama-Vyatka Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 36–66 (in Russian).

Rychkov, N. 1770. *Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviia po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1769 i 1779 gg. (Journal or Daily Notes of a Journey to Various Provinces of the Russian State in 1769 and 1779)*. Saint Petersburg (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum. XIX. Moscow: State Historical Museum Publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 3–6 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1893. In *Priural'skii kraï. Arkheologicheskie rozyskaniia o drevneishikh obitateliakh Viatskoi gubernii (Cis-Urals Region. Archaeological Investigations of the Ancient Inhabitants of Vyatka Governorate)*. Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Russian Governorates) 1. Moscow: "Tipografiia E. Lissnera i Yu. Romana" Publ. (in Russian).

Starostin, P. N., Khalikova, E. A., Khalikov, A. Kh. 1971. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1970 goda (Archaeological Discoveries in 1970)*. Moscow: "Nauka" Publ., 142 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 11–20 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1991. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Biliar – stolitsa domongol'skoi Bulgarii (Bilyar – Capital of Pre-Mongol Bulgaria)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 47–60 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1997. *Alabuga – Elabuga: Istoriia vznikeneniia goroda i issledovaniia Elabuzhskogo gorodishcha v 1993 godu (Alabuga – Elabuga: History of the Foundation of the Town and Study of Elabuga Hillfort in 1993)*. Elabuga (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Khuzin, F. Sh. 1976. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 g. (Archaeological Discoveries 1975)*. Moscow: "Nauka" Publ., 203–204 (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 21–45 (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Khalikova, E. A. 1970. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1969 goda (Archaeological Discoveries 1969)*. Moscow: "Nauka" Publ., 169–170 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 64–93 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1971. In *Tezisy dokladov na sessiyakh, posvyashchennykh itogam polevykh arkheologicheskikh issledovaniy v 1970 g. v SSSR (Theses of reports at sessions devoted to the results of field archaeological research in 1970 in the USSR)*. Tbilisi, 283–284 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1971. In *Tezisy dokladov na sessiyakh, posvyashchennykh itogam polevykh arkheologicheskikh issledovaniy v 1971 g. (Theses of reports at sessions devoted to the results of field archaeological research in 1971 in the USSR)*. Moscow, 140 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1973. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1972 g. (Archaeological Discoveries in 1972)*. Moscow: "Nauka" Publ., 191 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1974. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Pervoe Povolzhskoe arkheologo-etnograficheskoe soveshchanie (The First Volga Region Archaeological and Ethnographic Session: Abstracts)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 42–43 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113–168 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 39–59 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1976. *Musul'manskie mogil'niki Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII vv. kak istoricheskiy istochnik (Muslim burial grounds of the Volga Bulgaria X – the beginning of the XIII century as a historical source)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khalikova, E. A. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 114–115 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th – early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Khalikova, E. A., Kazakov, E. P. 1970. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1969 goda (Archaeological Discoveries 1969)*. Moscow: “Nauka” Publ., 158–159 (in Russian).

Khalikova, E. A., Khalikov, A. Kh. 1971. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1970 goda (Archaeological Discoveries 1970)*. Moscow: “Nauka” Publ., 143–144 (in Russian).

Khalitov, N. Kh. 2011. *Mecheti srednevekovoy Kazani (Mosques of Medieval Kazan)*. Kazan: “Tatarskoe kinzhnoe izdatel'stvi” Publ. (in Russian).

Khvol'son, D. A. 1869. *Izvestiia o Khazarakh, Burtasakh, Bolgarakh, Mad'iarakh, Slavianakh i Russakh Abu Ali Akhmeda Ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatel'ia nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeia (News of the Khazar, Burtas, Bulgar, Magyar, Slavs and Russ by Abu Ali Ahmed ben Omar ibn Dasta, Hitherto Unknown Arabic Writer of the Beginning of the 10th Century, the Manuscript of the British Museum for the First Time Published)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 62–99 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1995. *Velikii gorod na Cheremshane. Stratigrafiia, khronologiia. Problemy Biliara-Bulgara (Great City on Cheremshan River. Stratigraphy, Chronology. Issues of Bilyar and Bulgar)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2011. *Issledovaniia po bulgaro-tatarskoi arkheologii (Studies on the Bulgar and Tatar Archaeology)*. Kazan: “Foliant” Publ., (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Khamidullin, B. L. 2013 In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 31 (1), 214–221 (in Russian).

Sharifullin, R. F. 1976. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Etnokul'turnye svyazi naseleniya Urala i Povolzh'ya s Sibir'yu, Sredney Aziey i Kazakhstanom v epokhu zheleza (Ethnic-cultural relations of the population of the Ural and the Volga region with Siberia, Central Asia and Kazakhstan in the Iron Age)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 50–51 (in Russian).

Sharifullin, R. F. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of the Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 65–82 (in Russian).

Halikov, A. H., Sharifullin, R. F. 1977. In *Acta Archaologica* 29 (1–2), 199–202 (in English).

Khalikova, E. A., Kazakov, E. P. 1977. In *Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est*. Budapest. 21–221.

About the Authors:

Meltem Akıncı. Doctor of History. Antalya, Turkey; mltm.akinci@hotmail.com

Khuzin Fayaz Sh. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 737(470.41) «14»

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.19.25>

МОНЕТЫ XV ВЕКА ХАНА БАРАКА БУЛГАРСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА (ПО МАТЕРИАЛАМ КЛАДА «КАРАУЛЬНАЯ ГОРА»)¹

©2022 г. А.И. Бугарчев, П.Н. Петров, А.З. Сингатуллина, Е.Ф. Шайхутдинова

Одним из важнейших кладовых комплексов начала XV века для изучения монетного дела в Булгарской земле является клад монет «Караульная Гора», хранящийся в Национальном музее РТ в г. Казани. Клад был найден в 1957 г. около села Караульная Гора Октябрьского района Татарстана. В его состав входят серебряные монеты общим числом 2859 экземпляров, битые от имени ханов, начиная с Шадибека до Мухаммада и Гийас ад-Дина, в том числе и Мухаммада Барака. Поскольку количество болгарских серебряных монет Барака в кладе оказалось вполне достаточным для статистических исследований (109 акче болгарской чеканки и 20 дирхамов южной чеканки), то эти монеты и явились той первой и базовой отправной «точкой» для изучения. Известно, что болгарские типы Барака выпускались в 1422–1425 гг. На базе изучения легенд лицевых сторон было выделено четыре типологические группы. В результате исследования установлено, что значение веса кладовых монет тяготеет к значению 0,52 г. Приводятся показатели анализа поверхностного слоя акче Барака – серебро 62–87%, медь 9–34%. Авторы считают, что метрологические особенности болгарских эмиссий Барака позволяют атрибутировать многочисленные региональные монеты с именем Мухаммада, выпущенные в 1419–1430-х гг.

Ключевые слова: археология, клад, монета, дирхам, метрология, Барак, Мухаммад, Булгарский вилайат, XV в., Национальный музей РТ.

KHAN BARAK COINS OF THE XV CENTURY OF THE BULGARIAN MINT(BASED ON THE MATERIALS OF THE HOARD "KARAU LNAYA GORA")²

A.I. Bugarchev, P.N. Petrov, A.Z. Singatullina, E.F. Shaikhutdinova

One of the most important hoard complexes of the beginning of the XV century for the study of coinage in the Bulgar land is the treasure of coins "Karaulnaya Gora", stored in the National Museum of the Republic of Tatarstan in Kazan. The hoard was found in 1957 near the village of Karaulnaya Gora in the Oktyabrsky district of Tatarstan. It consists of 2,859 silver coins, beaten on behalf of the khans, from Shadibek to Muhammad and Giyas ad-Din, including Muhammad Barak. Since the number of Bulgar silver coins of Barak in the treasure turned out to be quite sufficient for statistical research (109 akche of Bulgar coinage and 20 dirhams of southern coinage), these coins were the initial and basic starting point for studying. It is known that Bulgar-types of Barak were minted in 1422–1425. Based on the study of the legends on the front sides of coins, four typological groups were identified. As a result of the study, it was found that the weight of the coins tends to 0.52 g. The results of the analysis of the surface layer of the akche Barrack are given – silver 62–87%, copper 9–34%. The authors believe that the metrological features of the Bulgar Barak issues will allow to attribute numerous regional coins with the name of Muhammad, minted in 1419–1430.

Keywords: archaeology, hoard, coin, dirham, metrology, Barak, Muhammad, Bulgar vilayat, XV century, National Museum of the Republic of Tatarstan.

Целью настоящей статьи является установление основных метрологических параметров акче¹ Мухаммада Барака, битых на монетном дворе Булгара. Для изучения метрологии болгарских дирхамов Барака нами были привлечены материалы клада «Караульная Гора», хранящиеся в фондах Национально-

го музея Республики Татарстан (г. Казань) под инвентарным № 33485. Клад был найден около села Караульная Гора, Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарстана в 1957 г. на левом берегу реки Б. Черемшан в огороде О.С. Бикеневой. Размер клада составил 2859 экземпляров. В его состав входят акче с имена-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00485 А «Химический состав сплавов чеканной продукции монетных дворов XV века в Поволжье как индикатор состояния золотоордынской монетной системы в регионе»

2 The study was carried out with the financial support of the RFBR as part of the scientific project No. 19-09-00485 A "Chemical composition of alloys of minted products of mints of the XV century in the Volga region as an indicator of the state of the Golden Horde coin system in the region"

ми золотоордынских ханов XV в.: Шадибека (6 экз.), Пулада/Булата (2 экз.), Тимура (1 экз.), Джалала ад-Дина (1 экз.), Кибака (Кубека) (1 экз.), Чокре/Чекре (2 экз.), Дервиша (3 экз.), Мухаммада (545 экз. болгарской чеканки и 121 дирхам южных монетных дворов), Барака (162 экз. болгарских выпусков и 20 экз. южной чеканки), Гийаса ад-Дина (857 экз.), Давлет-Бирди (130 экз. южной чеканки), стёртые, перечеканенные, неатрибутированные (927 экз. болгарской чеканки и 55 дирхамов южной чеканки). Также в кладе находились

Таблица 1. Монеты Мухаммада Барака из клада «Караульная Гора»
Table 1. Muhammad Barak coins from the hoard "Karaulnaya Gora"

Шифр А.Г. Мухаммадиева	Тип легенды Л.с.	Вес, г	Примечания
V/ 1, 6, 8, 9, 11; XIV/ 3, 5, 6	А	0,36; 0,51; 0,53; 0,56; 0,57; 0,54; 0,54; 0,52	8 экз. Рева, 2-5
V/ 3, 7	А	0,44; 0,53	2 экз. Рева, 6
VI / 1	Г	0,40	Рева, 19
VI/ 2	Г	0,44	Рева, 15-21
VI/ 3; VII/ 6	Г	0,47; 0,47	2 экз. Рева, 15-22
VI/ 4; VII/ 8	Г	0,49; 0,51	2 экз. Рева, 21-22
VI/ 5, 6, 7, 8; 10; VII/ 7	Г	0,50; 0,51; 0,53; 0,55; 0,62; 0,50	6 экз. Рева, 16, 19
VI/ 9; VII/ 2, 16; XII/ 10	Г	0,58; 0,45; 0,57; 0,58	4 экз. Рева, 15-22. О.с. сбита
VII/ 1	Г	0,39	Рева, 20-21
VII/ 3, 4, 10, 11, 15, 17; XII/ 6, 7, 9	Г	0,47; 0,48; 0,53; 0,53; 0,57; 0,63; 0,56; 0,54; 0,58	9 экз. Рева, 20-22
VII/ 5	Г	0,49	Рева, 17-18, 20-21
VII/ 9, 13	Г	0,51; 0,54	2 экз. Рева, 18
VII/ 12	Г	0,54	Рева, 18, 20-22
VII/ 14	Г	0,56	Рева, 17-18
VII/ 18	Г	0,39	Рева, 19-22
IX/ 1, 4, 6	В	0,47; 0,53; 0,53	3 экз. Рева, 9-14
IX/ 2, 8, 9	В	0,52; 0,53; 0,55	3 экз. Рева, 9
IX/ 3, 5, 11, 13, 14	В	0,52; 0,53; 0,56; 0,59; 0,60	5 экз. Рева, 10-14
IX/ 7	В	0,53	Рева, 12-14
IX/ 10, 15; V/ 12	В	0,55; 0,48; 0,61	3 экз. Рева, 13
IX/ 12	В	0,56	Рева, 9-14, о.с. не прочитана
X/ 1, 2, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 13, 16, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 37, 38	Б	0,42; 0,42; 0,43; 0,44; 0,47; 0,48; 0,48; 0,49; 0,50; 0,51; 0,51; 0,51; 0,52; 0,53; 0,54; 0,56; 0,56; 0,57; 0,58; 0,59; 0,62; 0,63; 0,64; 0,66; 0,80; 0,86	26 экз. Рева, 8
X/ 14, 15, 19; 22, 25, 28, 31	Б	0,50; 0,51; 0,51; 0,53; 0,56; 0,57; 0,61	7 экз. Рева, 8, о.с. стёрта
X/ 39	Б	0,42	Рева, 8, перечекан рус. денги
XII/ 1	Г	0,51	Рева, 22
XII/ 2, 3, 4	Г	0,49; 0,51; 0,51	3 экз. Рева, 17
XII/ 5	Г	0,51	Рева, 21
XII/ 8	Г	0,38	Рева, 17-18, 20-22
XIII/ 2, 7	В	0,60; 0,54	2 экз. Рева, 10-11
XIII/ 3		0,46	Барак. Новый вар. О.с. стёрта.
XIII/ 4, 5	В	0,73; 0,51	2 экз. Рева, 10-14
XIV/ 13	Б	0,43	Рева, 8
XIV/ 47, 69, 73	В	0,56; 0,60; 0,65	3 экз. Раздел «Мухаммад / Булгар». Рева, 10
XVI/ 9	А	0,60	Раздел «Мухаммад / Булгар». О.с. зеркально, как Рева, 7. Новый вариант
Н/ 277	В	0,63	Раздел «Мухаммад / МД?». Рева, 9-14.

Примечание. Экземпляры, учтённые А.Г. Мухамадиевым и исключённые нами из числа монет Барака:

V/ 2 – стёрто. V/ 4 – имя стёрто. V/ 5 – стёрто. V/ 10 – л.с. не читается.

№№VIII / х – монеты с именем Мухаммада, но не Барак (Л.с. ... / Мухаммад / хан). 14 экз.

№IX / 1 – IX / 12 – о.с. зеркально.

X/ 3 л.с. стёрта. X/ 7 л.с. не прочитана, Булгар. X/ 9 имя не читается. X/ 12 л.с. стёрта.

X/ 36 имя стёрто. №X / 39 – перечекан русской монеты, видно «...кна...».

XIII/ 1 л.с. стёрта. XIII/ 6 – Мухаммад / Булгар (имя Барак не читается).

XIV/ 2 – Мухаммад? (имя Барак не читается). XIV/ 4 и XIV/ 7 л.с. стёрты.

XIV/ 8 л.с. не читается, Булгар. XIV/ 9 – Мухаммад / Булгар (имя Барак не читается).

XIV/ 10, XIV/ 11, XIV/ 12 л.с. не читается.

«XIV/1» - ещё одна монета с шифром XIV.

№№XV / х – Зарб (зеркально) (не прочитан). В таблицу Барака не включены.

16 русских удельных денег. Таким образом, монетный комплекс сконцентрировал в своем составе монеты, битые в период 805~830-х г. по х. / 1402–1430-х гг., т. е. примерно в течение 30 лет.

Первый исследователь клада – профессор КГУ А.Г. Мухамадиев в 1960-х гг. провёл значительную работу по его атрибуции, классификации и сделал прорисовки. Весь комплекс был пересмотрен заново с использованием этих наработок, была уточнена атрибуция акче в тех случаях, когда это было необходимо, сфотографирована каждая монета. В ходе системных исследований монет XV в. болгарского эмиссионного центра² наше внимание было обращено на чеканную продукцию хана Мухаммада Барака. Еще в 2015 г. новосибирский нумизмат Р.Ю. Рева, рассматривая вопрос о монетном деле хана Мухаммада Барака, предложил схему штемпельных связей лицевой и оборотной сторон (Рева, 2015). Эта схема и легла в основу нашего исследования. Из состава всего клада были отобраны все акче Барака болгарской чеканки, их количество составило 109 штук. У А.Г. Мухамадиева было зафиксировано 162 болгарских экземпляра (Мухамадиев, 1983, с. 156). Нами они были классифицированы по типам³ и вариантам согласно схеме Р.Р. Ревы (2015, с. 82). Были выделены 4 типа с различным написанием легенд лицевой стороны:

А. Султан / возвеличенный / Мухаммад Барак / хан

(№ 2–6 по схеме Р.Ю. Ревы);

Б. Султан / Мухаммад Барак / хан (№ 8);

В. Мухаммад / Барак / хан (№ 9–14);

Г. Мухаммад / Барак / хан (зеркально) (№ 15–22).

На оборотной стороне у всех монет помещена легенда «Чекан / Булгара» с различными эпиграфическими особенностями. На основе шифров А.Г. Мухамадиева монеты Барака были сгруппированы в соответствии с типо-

логией, предложенной Р.Ю. Ревой, с указанием метрологии каждого экземпляра.

Всего в таблице 1 учтено 109 монет четырёх типов лицевой стороны:

– тип А – 11 экз.;

– тип Б – 35 экз.;

– тип В – 24 экз.;

– тип 7 – 38 экз. Ещё одна монета с шифром

XIII/3 представляет неизданный вариант.

По результатам метрологии дирхамов Барака построена гистограмма.

Наблюдаются идентичные показатели для всех типов Барака ~0,52 г. Изучение метрологии акче Барака не является самоцелью – это тот параметр, который вкупе с данными о составе монетного металла позволяет увидеть динамику качества серебряных денег, выпускавшихся в Булгаре, и в некоторых случаях понять очередность правления ханов.

Булгарская эмиссия монет Мухаммада Барака осуществлялась в 826–828/1422–1423 – 1424–1425 гг. (Рева, 2015). С 822/1419–1420 г. на «серебре» Золотой Орды появилось имя хана Мухаммада (Тростьянский, 2004, с. 158). В указанной статье О.В. Тростьянского он назван Улу-Мухаммадом. В Рыбнослободском кладе объемом более 6000 монет было обнаружено всего две монеты Мухаммада Барака, начавшего чеканить монету в 826 г. по х., а также один хаджитарханский дирхам тоже 826 г. по х. с именем Мухаммада. Соответственно, все монеты с именем Мухаммада из Рыбнослободского клада были выпущены в промежуток 822–826 гг. по х. (1419–1423). В исследованном нами Измерском кладе (хранится в Национальном музее РТ, № 34410, общее число 2358 экз., эмитенты от Шадибека до Мухаммада) акче Барака вовсе не обнаружены. То есть дирхамы с именем Мухаммада из Измерского клада чеканились с 822 до 826 г. по х., а их указной вес 0,61 г (было учтено 79 экземпляров) был выше баракских монет (0,52 г).

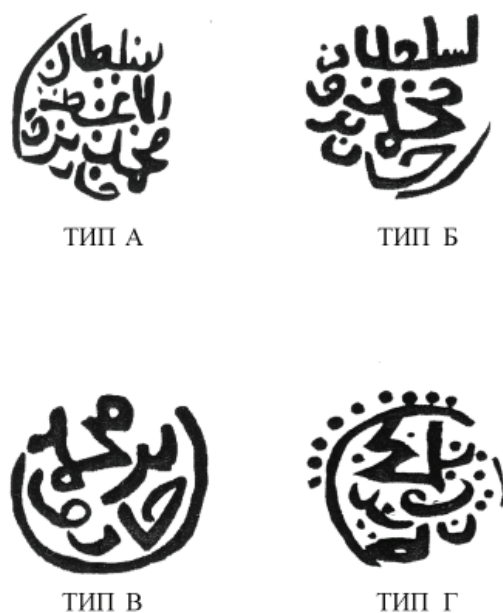

Рис. 1. Типы лицевых сторон монет Мухаммада Барака (по: Рева, 2015)
Fig. 1. Types of obverse of Muhammad Barak coins (according to Reva, 2015)

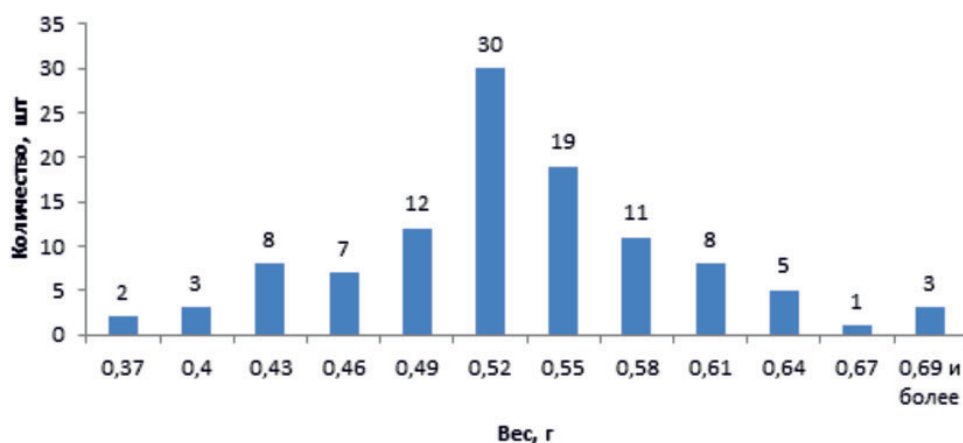

Рис. 2. Гистограмма. Зависимость количества монет болгарской чеканки с именем Барака от значения их веса. Учтено 109 экз. из клада «Караульная Гора».

Fig. 2. Histogram. The dependence of the number of coins of Bulgarian coinage with the name of Barak on the value of their weight. 109 coins from the hoard «Karaulnaya Gora» were registered.

Мода $0,52 \pm 0,02$ г (30 экз., 27,5% от всех учтённых в гистограмме монет). Также были рассчитаны моды отдельно для типов Б, В и Г (сами гистограммы не приводятся): Б – мода $0,52 \pm 0,02$ г (8 экз.); В – $0,54 \pm 0,02$ г (8 экз.); Г – $0,50 \pm 0,02$ г (12 экз.). Для 11 экземпляров типа А гистограмма не строилась из-за небольшого количества.

Таким образом, вес акче Барака становится репером для многочисленных болгарских эмиссий «Мухаммада» (Хаджи-Мухаммада, Улу-Мухаммада, Кичи-Мухаммада). Установив вес какой-либо группы кладовых монет Булгара с именем Мухаммада, отличный от 0,52 г, мы можем достаточно уверенно отнести их к периоду до Барака, то есть к 822–826 гг. по х., или ко времени после 828 г. по х./1424 г.

Изучение химического состава поверхностного слоя болгарских монет Барака нами приводилось ранее (Шайхутдинова и др., 2018, с. 108), однако считаем необходимым повторить полученные результаты:

– серебро 62,5–87,0%; медь 9,5–34,1%; железо 0,6–3,4%; свинец 1,0–1,4%; золото 0,6–0,9%; остальные элементы – менее 0,8%. Анализы проведены на 5 экземплярах.

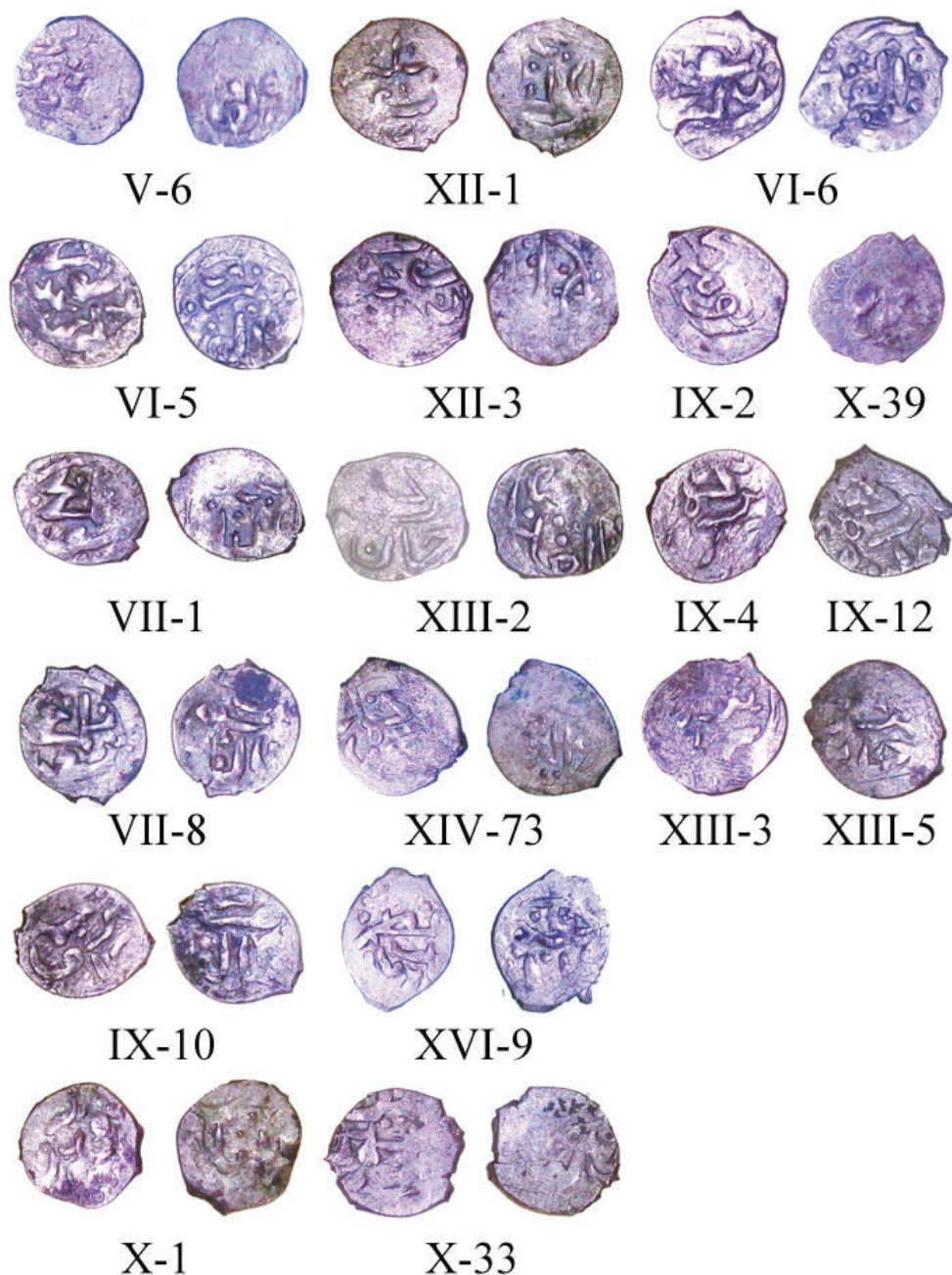

Рис. 3. Фототаблица. Монеты Мухаммада Барака. Клад «Караульная Гора».
 Fig. 3. Photo table. Muhammad Barak coins. The hoard. «Karaulnaya Gora».

Т. е. количество серебра в монетном металле каждого акче Барака составляло от 0,34 до 0,45 г.

У монет же с именем Мухаммада (оборотная сторона «Трёхногая тамга и надпись») основные показатели следующие: серебро 94,2–95,5%, медь 2,5–3,9% (анализ по 5 экземплярам) (Шайхутдинова и др., 2018, с. 108). Вес монет «Мухаммад / тамга и легенда» соответствует значению 0,56 г (учтено 23

экземпляра), то есть большему, чем вес монет Барака (~0,52). А серебра в монетном металле этого эмитента присутствовало ~0,53 г. Таким образом, акче «Мухаммад / Трёхногая тамга и надпись» не могли выпускаться в Булгаре в период или позднее акче Мухаммада Барака. Видимо, их эмиссия относится к периоду 822–826 гг. по х. / 1419–1423 гг.

Номера монет в фототаблице соответствуют номерам в таблице 1. (рис. 3).

Примечания:

¹ Акче – мелкая серебряная монета, как правило – низкопробная. Использовалась в XV в. в Булгарском и Крымском регионах, позднее – в Крымском ханстве.

² Назовём основные публикации: Aleksey Bugarchev etc., 2019. P. 159-166; Бугарчев, Сингатулина, 2019;

Бугарчев и др., 2020; Бугарчев и др., 2021, с. 53-64; Бугарчев и др., 2021, с. 88-90.

³ За критерий типа в данном случае принимается два компонента – композиционное оформление и содержание легенд на стороне монеты с именем эмитента.

ЛИТЕРАТУРА

Бугарчев А.И., Петров П.Н., Сингатуллина А.З., Ситдииков А.Г., Шайхутдинова Е.Ф. Булгарские монеты хана Пулада Измерского клада // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 53–64.

Бугарчев А.И., Петров П.Н., Сингатуллина А.З., Шайхутдинова Е.Ф. Монеты хана Тимура из Измериевского клада // История и культура Великой степи. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. М.Х. Абусейтовой. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. С. 142–145.

Бугарчев А.И., Сингатуллина А.З. Монеты хана Пулада, выпущенные на монетном дворе Булгар ал-Джадид (по материалам Измериевского клада из фондов Национального музея РТ) // Археология Евразийских степей. 2019. №5. С. 94–98.

Бугарчев А.И., Шайхутдинова Е.Ф., Сингатуллина А.З. О монетах Махмуда из Измериевского клада // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. Тверь 24-29 мая 2021 г. Тезисы докладов и сообщений. Тверь, 2021. С. 88–90.

Мухаммадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М.: Наука, 1983. 168 с.: XXI табл. ил.

Рева Р.Ю. Мухаммад Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. № 5 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2015. С. 80–104.

Тростьянский О.В. Клад золотоордынских монет XV века с территории Татарстана // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. / Под ред. П.Н. Петрова. М.: Нумизматическая литература, 2004. С. 157–158.

Шайхутдинова Е.Ф., Бугарчев А.И., Петров П.Н. О химическом составе поверхностного слоя булгарских монет XV в. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 года. К 100-летию отдела нумизматики ГИМ. Москва, 27 и 28 ноября 2018 года / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2018. С. 104–110.

Aleksey Bugarchev, Eugenia Shaykhutdinova, Alfira Singatullina, Airat Sitdikov. About The Golden Horde Silver Coins Of Khan Shadibek From The Izmeri Treashua (Russia) // 6th SWS International Scientific Conference on Arts and Humanities 2019. Conference Proceedings. Volume 6, Issue 1. 2019. P. 159-166.

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); abugar.61@rambler.ru

Петров Павел Николаевич, кандидат исторических наук, профессор РАЕ, ведущий научный сотрудник Республиканского Государственного Казенного Предприятия "Центральный Государственный музей Республики Казахстан" (г. Алматы, Казахстан); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8125-769X>; ppn@zmail.ru

Сингатуллина Альфира Закиулловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела спецхранения, Национальный музей РТ (г. Казань, Россия); singatullina@list.ru

Шайхутдинова Евгения Флюровна, кандидат технических наук, зав. музея археологии Республики Татарстан, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Казанский Национальный Исследовательский Технического университет им. А.Н. Туполева – КАИ; доцент, Казанский Федеральный университет. (г. Казань, Россия); eugen.shaykhutdinova@gmail.com

REFERENCES

Bugarchev, A. I., Petrov, P. N., Singatullina, A. Z., Sitdikov, A. G., Shaikhutdinova, E. F. 2021. In *In Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 53–64 (in Russian).

Bugarchev, A. I., Petrov, P. N., Singatullina, A. Z., Shaikhutdinova, E. F. 2020. In Abuseitova, M. Kh. (ed.) *Istoriya i kul'tura Velikoy stepi (History and culture of the Great Steppe)*. Almaty: "Shygyys pen Batys" Publ., 142–145 (in Russian).

Bugarchev, A. I., Singatullina, A. Z., 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 94–98 (in Russian).

Bugarchev, A. I., Shaikhutdinova, E. F., Singatullina, A. Z., 2021. In *Dvadsat' pervaya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya i (XXI All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports)*. Tver: "Triumf print" Publ., 88–90 (in Russian).

Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vv. (The Bulgaro-Tatar monetary system of the XII–XV cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Reva, R. Yu. 2015. In Mirgaleev, I. M. (ed.-in-chief). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)*. 5. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 80–104 (in Russian).

Trost'yansky, O. V. 2004. In Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th–15th Centuries)*. Moscow: “Numizmaticheskaya literatura” Publ., 157–158 (in Russian).

Shaikhutdinova, E. F., Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2018. In Zakharov, E. V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2018 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2018)*. Moscow: State Historical Museum, 104–110 (in Russian).

Aleksey Bugarchev, Eugenia Shaykhutdinova, Alfira Singatullina, Airat Sitdikov. 2019. In *6th SWS International Scientific Conference on Arts and Humanities 2019. Conference Proceedings*. Volume 6, Issue 1, 159–166.

About the Authors:

Bugarchev Aleksei I. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation;; abugar.61@rambler.ru

Petrov Pavel N. Candidate of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Natural Sciences. Republican State Enterprise "Central State Museum of the Republic of Kazakhstan". 44, Samal-1 microdistrict, Almaty, 050051/A25C9A2, Republic of Kazakhstan; ppn@zmail.ru; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8125-769X>

Singatullina Alfira Z. Candidate of Historical Sciences, National Museum of the Republic of Tatarstan. Kremlyovskaya St., 2, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; singatullina@list.ru

Shaykhutdinova Eugenia F. Candidate of Technical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Docent. Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI. K.Marx St., 10, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlevskaya, 18 Str., 420008, Kazan, epublic of Tatarstan, Russian Federation; eugen.shaykhutdinova@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.26.41>**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ У Д. РЖАВЕЦ**

© 2022 г. Р.Р. Валиев, Р.А. Степанов

Публикация посвящена итогам археологических исследований в 2019 г. ряда памятников у д. Ржавец в Спасском районе Республики Татарстан. Первые археологические памятники здесь обнаружены разведочными исследованиями в 1961 г. В последующие годы посещались лишь отдельные памятники ржавецкой группы памятников, раскопки на них не проводились. Проведение раскопок в 2019 г. было обусловлено разрушением культурного слоя памятников из-за природного и антропогенного воздействия. На размываемой береговой линии Ржавецкого I селища раскопом I площадью 68 кв. м, кроме отложений и объектов современной деревни, выявлены культурные напластования и две ямы поселения, предположительно датируемого эпохой бронзы. Эти отложения перекрыты слоем поселения именьковской культуры, переработанным пашней второй половины XIX–первой половины XX вв. На Ржавецком V–VI селище исследования проводились раскопом I площадью 160 кв. м. Здесь культурные напластования уничтожены многолетней распашкой XIX – начала XXI вв., сохранились лишь углубленные в материк объекты. Они представлены тремя хозяйственными и двумя смолокурными ямами. Исходя из анализа немногочисленных находок и радиоуглеродного датирования образцов древесного угля с заполнения одной из ям, время существования селища относится авторами к домонгольскому периоду Волжской Булгарии, а именно к XI–XII вв. Благодаря исследованиям на памятниках в центральных районах Волжской Булгарии впервые выявлены объекты, связанные со смолокурным промыслом.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Волжская Булгария, Ржавец, селище, эпоха бронзы, средневековье, именьковская культура, домонгольское время, промыслы, раскоп, смолокурная яма.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH BY THE VILLAGE RZHAVETS**R.R. Valiev, R.A. Stepanov**

The publication deals with the results of archaeological research in 2019 of a number of sites near the village Rzhavets in the Spassk district of the Republic of Tatarstan. The first archaeological sites were discovered here by exploration study in 1961. In subsequent years only some sites of the Rzhavets group of sites were visited, no excavations were carried out on them. The excavations in 2019 were fulfilled due to the destruction of the cultural layer of sites by reason of natural and anthropogenic impact. Cultural strata and two pits of the settlement, presumably dating from the Bronze Age, have been found on the eroded coastline of the Rzhavets I settlement by excavation I with an area of 68 sq. m, in addition to deposits and objects of the modern village. These deposits were covered by a layer of the settlement of the Imenkovo culture, processed by the arable land of the second half of the XIX – first half of the XX centuries. On the Rzhavets V–VI settlement, the research was carried out by excavation I with an area of 160 sq. m. Here cultural strata was destroyed by long-term plowing of the XIX – early XXI centuries, just objects deepened into the virgin soil were preserved. They are represented by three household and two tar pits. Based on the analysis of the few finds and radiocarbon dating of charcoal samples from the filling in one of the pits, the existence of the settlement is dated by the authors back to the pre-Mongol period of Volga Bulgaria, namely to the XI–XII centuries. Thanks to research on sites in the central regions of Volga Bulgaria, the objects associated with the tar industry have been identified for the first time.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Volga Bulgaria, Rzhavets, settlement, Bronze Age, Middle Ages, Imenkovo culture, pre-Mongol period, crafts, excavation, tar pit.

В окрестностях д. Ржавец Спасского района Республики Татарстан находится более 10 памятников археологии (Археологическая карта Татарской АССР (Западное Закамье), 1986, с. 39–40, № 199–203, 208–209, 211–216; Свод археологических памятников Республики Татарстан, 2007, с. 339–340), а также известны находки отдельных вещей (Археологическая карта..., 1986, с. 39–40, №

205–207, 210, 217). Часть из них располагается на краю коренной надпойменной террасы левобережья р. Волги и впадающей в нее речки Ржавец, остальные затоплены Куйбышевским водохранилищем (рис. 1).

Первые археологические памятники здесь обнаружены в 1961 г. разведочными исследованиями С.В. Морозовой. Экспедиция под ее руководством обследовала береговую линию

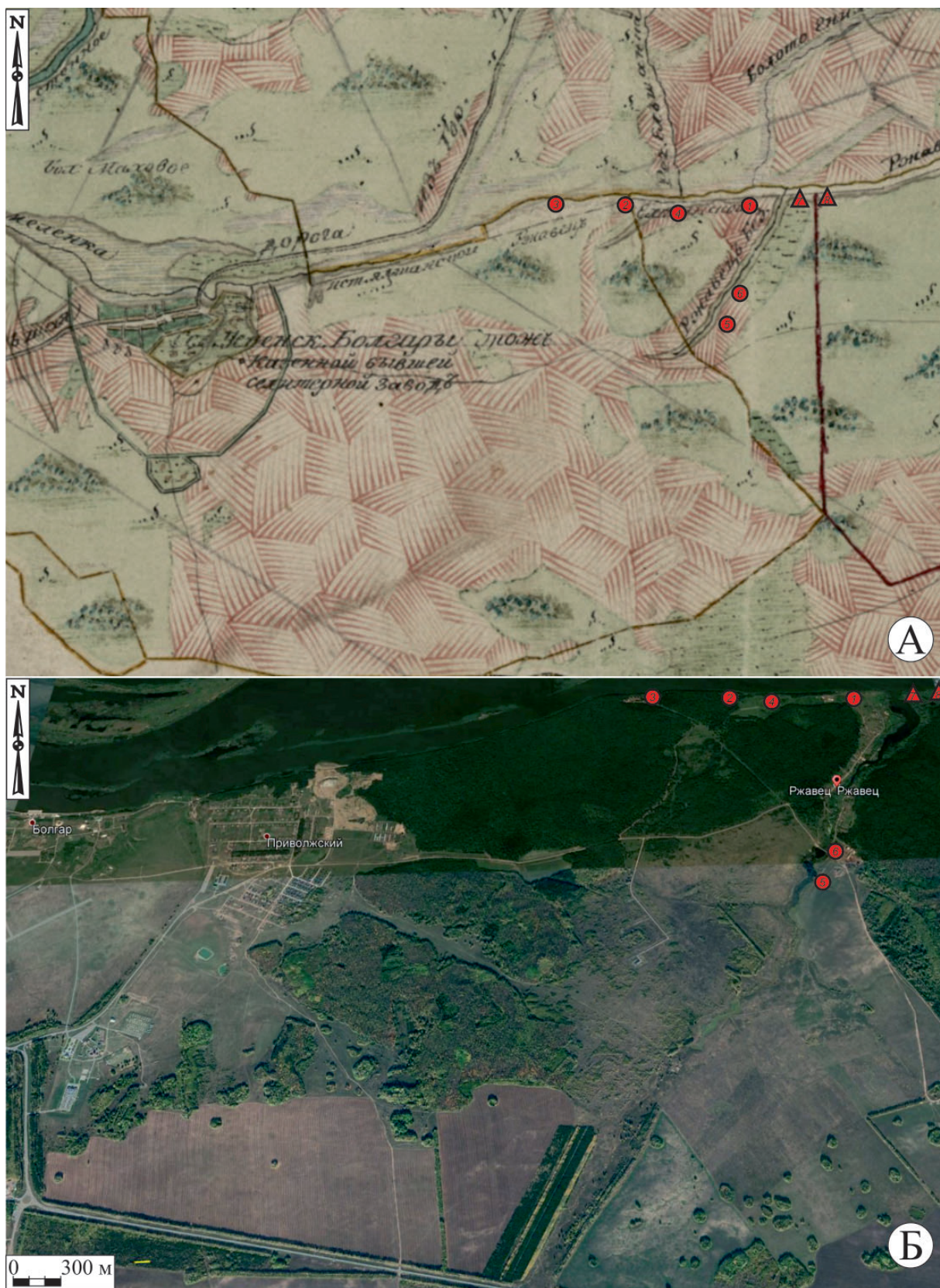

Рис. 1. Ржавецкая группа археологических памятников (1 – I селище, 2 – II селище, 3 – III селище, 4 – IV селище, 5 – V селище, 6 – VI селище, 7 – I стоянка, 8 – II стоянка) на увеличенном фрагменте Генерального плана Спасского уезда конца XVIII в. (А) и на космоснимке (от 10.8.2018 г.) рассматриваемого района (Б).
Fig. 1. Rzhavets group of archaeological sites (1 – settlement I, 2 – settlement II, 3 – settlement III, 4 – settlement IV, 5 – settlement V, 6 – settlement VI, 7 – camp I, 8 – camp II) on an enlarged fragment of the General Plan of the Spassk district of the end of the XVIII century. (A) and on the satellite image (dated 10.8.2018) of the area under consideration (B).

Куйбышевского водохранилища на отрезках от д. Маклашеевка до с. Болгары и от с. Щербеть до с. Болгары. В результате археологической разведки, кроме прочих, у д. Ржавец открыты 5 археологических памятников: городище и 4 селища (I–IV), из которых городище отнесено к ананьинской КИО, селища – к срубной, именьковской и болгарской культурам (Морозова, 1961).

В 1964 г. ТАЭ двумя отрядами провела археологические разведки в Западном Закамье и Предволжье, в том числе в Спасском (Куйбышевском) районе Татарстана. Разведочный отряд Р.Г. Фахрутдинова в 1 км и в 0,1 км югу от д. Ржавец выявила болгарские домонгольские V и VI селища¹ (Фахрутдинов, 1975, с. 128, № 762–763), отряд Р.С. Габяшева в 2–2,3 км к северу от селения на краю размываемой надлуговой террасы обнаружила поселения I–III, в 2,5 км к северо-востоку – могильник срубной культуры (Габяшев и др., 1966, л. 64, № 100–103).

В 1982 г. Р.С. Габяшевым в 0,3 км и 0,8 км к востоку от д. Ржавец на краю размываемой надлуговой террасы открыты Ржавецкие стоянки I–II (Археологическая карта..., 1986, с. 40, № 211–212). Кроме того, в 1960–1980-х гг. в окрестностях д. Ржавец обнаружены археологические находки, выделенные как отдельные местонахождения. Большинство археологических памятников эпохи камня и бронзы на момент выявления были размыты или интенсивно разрушались водохранилищем (Габяшев, 1992, л. 6–7; Фахрутдинов, 1965, л. 21–22; 1975, с. 127–128, № 760–761, 764). В последующие годы в окрестностях д. Ржавец посещались лишь отдельные памятники (Морозов, 2015; Свод ..., 2007, с. 340; Сивицкий, 2020).

В 2019 г. под руководством Р.Р. Валиева проведены археологические разведки в буферной зоне и прилегающих территориях объекта Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО – Болгарского историко-археологического комплекса. Разведочными исследованиями были охвачены острова и прибрежные участки коренной террасы левого берега р. Волги от г. Болгара до д. Ржавец в Спасском районе Республики Татарстан. В результате работ было обследовано 22 известных памятника археологии, в том числе Ржавецкая группа памятников. Для Ржавецких I, IV–VI селищ получены сведения о местах локализации и современном состоянии памятников, уточнена культурно-хронологическая атрибуция, составлены инструментальные топогра-

фические планы, путем шурфовки и зачисток почвенных обнажений определены границы. Отмечено, что обследованные археологические памятники требуют постоянного мониторинга и проведения охранных раскопок (Валиев, 2021, с. 6–11, 72–148, рис. 211, 341, 386).

Поздней осенью 2019 г. согласно Плану управления Болгарского историко-археологического комплекса на разрушающихся участках Ржавецких I и V–VI селищ проведены охранные археологические раскопки, которые к тому же носили рекогносцировочный характер.

Ржавецкое I селище расположено на краю коренной террасы на северной окраине д. Ржавец. На момент выявления в 1961 г. поверхность селища частично была задернована, западную часть занимали картофельное поле и фруктовый сад, восточную – животноводческие комплексы, силосные ямы, амбары, кузница и прочие строения. Культурный слой в центральной части селища достигал мощности 60 см и убывал до 30–50 см к востоку и западу (Морозова, 1961, л. 7, рис. 5–6).

Селище вытянуто вдоль коренной террасы на 754 м шириной 200 м. Его площадь составляет 14,71 га. Площадка селища с севера вдоль береговой кромки заросла деревьями и кустарником, на отмели – камышом и тростником. Остальная территория задернована, на поверхности присутствуют всхолмления и впадины от руин сельскохозяйственных построек XX в., силосных ям и мест складирования навоза. Кроме того, территория селища частично застраивается и разрушается жилыми и хозяйственными постройками, досуговыми объектами. Поверхность памятника плавно понижается на восток – к руслу рч. Ржавец, северо-восточная часть вдоль коренной террасы разрушается водохранилищем во время штормов, там же имеются участки, разрушенные небольшим карьером, ныне частично задернованные (рис. 2).

На размываемой северо-восточной части памятника проведены исследования раскопом I площадью 68 кв. м. Раскоп вытянут вдоль берега водохранилища по линии запад – восток. Поверхность раскопа задернована, понижается с юга на север в сторону водохранилища, с перепадами высот до -91 см от 0. Прокопка производилась пластами по 10 см.

Стратиграфическая ситуация на раскопе при общей мощности отложений до 45 см позволяет выделить три культурно-хронологических слоя (рис. 3). Сверху располагается

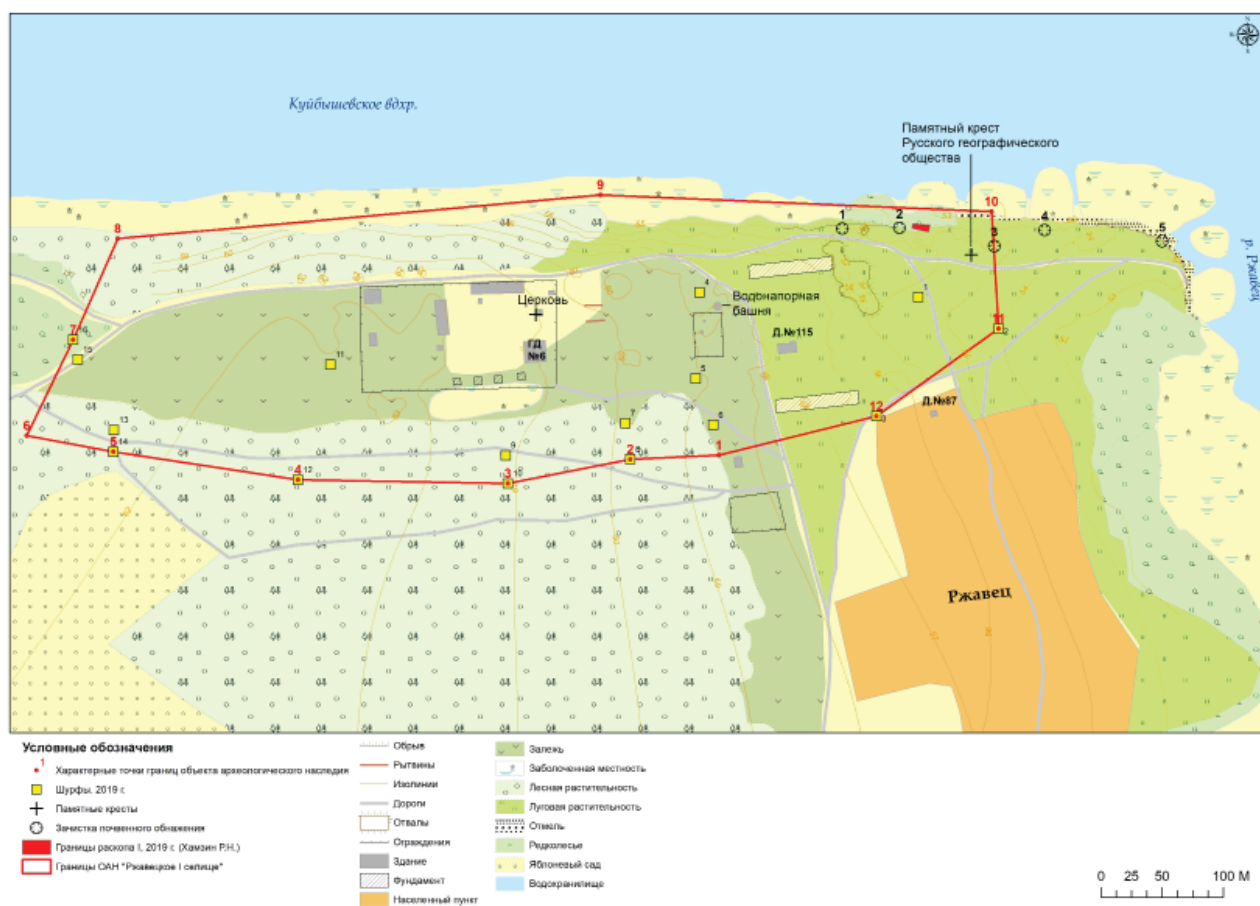

Рис. 2. Инструментальный топоплан Ржавецкого I селища с указанием раскопа.
 Fig. 2. Instrumental topography of Rzhavets I settlement with indication of excavation

дерн толщиной 4–6 см, под которым залегает слой деревни мощностью 5–40 см, сформировавшийся во второй половине XX в. Он представлен прослойками желтого песка, серой и темно-серой супесями с высоким содержанием строительного мусора, а также единичными переотложенными находками лепной керамики, относящейся к именьковской археологической культуре и к эпохе бронзы. К данному слою деревни относятся несколько столбовых ям.

Ниже располагается прослойка темно-серой супесями мощностью 5–40 см. Ее верхние границы частично переработаны в процессе жизнедеятельности деревни, нижние – с включениями вывороченного светло-серого подзола – имеют специфический фестончатый край. Он образовался в результате распашки данной территории плугом с отвалом, переворачивающим пласт земли. Плуг данной конструкции появляется лишь во второй половине XIX в. Следы от борозд в виде полос шириной 10–25 см и глубиной 4–8 см, вытянутые через весь раскоп по оси ЮЗ–СВ, четко фиксировались на фоне светло-серого подзола. Находки с данного слоя представлены лепной керамикой именьковской культуры (6 фр.), а также

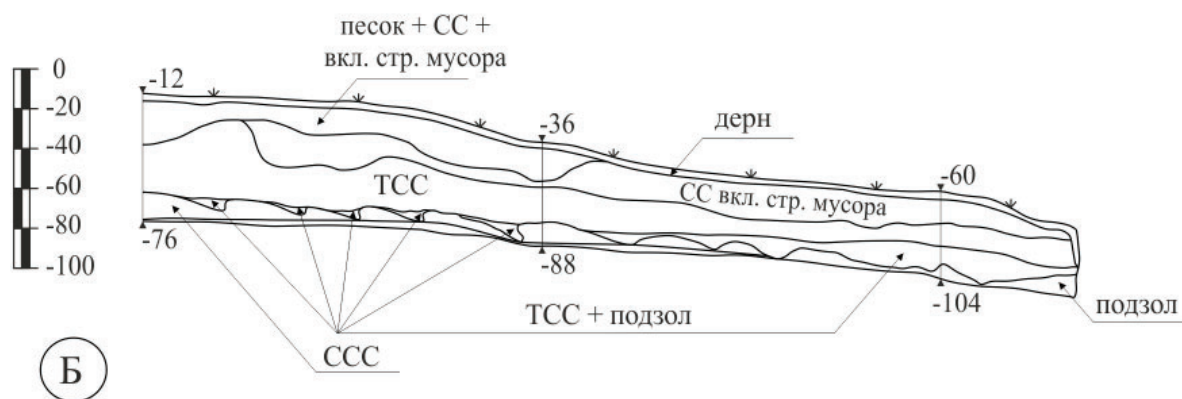
единичными фрагментами лепной посуды эпохи бронзы. На основании вышеизложенного очевидно, что слой сформировался в результате распашки во второй половине XIX – первой половине XX в. территории поселения именьковской культуры.

Ниже залегает однородная прослойка светло-серой супесями мощностью до 12 см. Находок в ней не обнаружено, однако наличие в вышележащих слоях переотложенной керамики эпохи бронзы позволяет предположить, что данный слой образовался в период существования поселения бронзового века, возможно, срубной КИО. Кроме того, с верхними границами данного слоя связаны два объекта (ямы 1 и 2), выявленные на раскопе.

Культурный слой покоится на погребенной почве (светло-серый подзол) толщиной до 16 см.

На раскопе обнаружено несколько перекопов и столбовых ям второй половины XX в., которые не представляют интереса, а также выявлены две ямы, перекрытые слоем пашни (рис. 4).

Яма 1 выявлена на уровне пласта 2 (-60 см от 0) на кв. 2 в виде пятна полуovalной формы с фиксируемым размером 68×40 см, вытя-

Условные обозначения:

СС - серая супесь

ССС - светло-серая супесь

ТСС - темно-серая супесь

стр. мусора - строительного мусора

Рис. 3. Ржавецкое I селище – 2019 г. Раскоп I. Западная стенка (а), профиль западной стенки (б).

Fig. 3. Rzhavets I settlement - 2019. Excavation I. Western wall (a), Western wall profile (б).

нутого по оси З–В и тянущегося в сторону южной стенки раскопа. Яма имеет скошенные стенки, переходящие в чашевидное в разрезе дно, которое покоится в погребенной почве на глубине -96 см от 0 (глубина ямы не менее 36 см). Заполнение представлено темно-серой супесью мощностью 28–32 см и светло-серой супесью в придонной части мощностью 8–12 см. Находок не обнаружено.

Яма 2 выявлена на уровне пласта 2 (-60 см от 0) на кв. 2 в виде пятна округлой формы диаметром 120 см. Восточная стенка ямы вертикальная, остальные скошенные, плавно переходящие в пологое дно, которое покоится в погребенной почве на глубине -124 см от 0 (глубина ямы не менее 64 см). В заполне-

нии ямы располагалась темно-серая супесь, залегающая на однородной серой супеси, мощностью до 50 см. Единственная находка с ямы – фрагмент стенки лепного сосуда эпохи бронзы.

Скорее всего, ямы имели хозяйственное назначение. Они частично прорезались бороздами от пашни.

На раскопе обнаружено всего 18 предметов. Они представлены в основном фрагментами лепных горшков именьковской культуры и керамикой эпохи бронзы, а также фрагментом современного железного предмета и ошлакованной керамикой (рис. 5: 1–8). Скучный и невыразительный вещевой материал с раскопа не позволяет однозначно интерпрети-

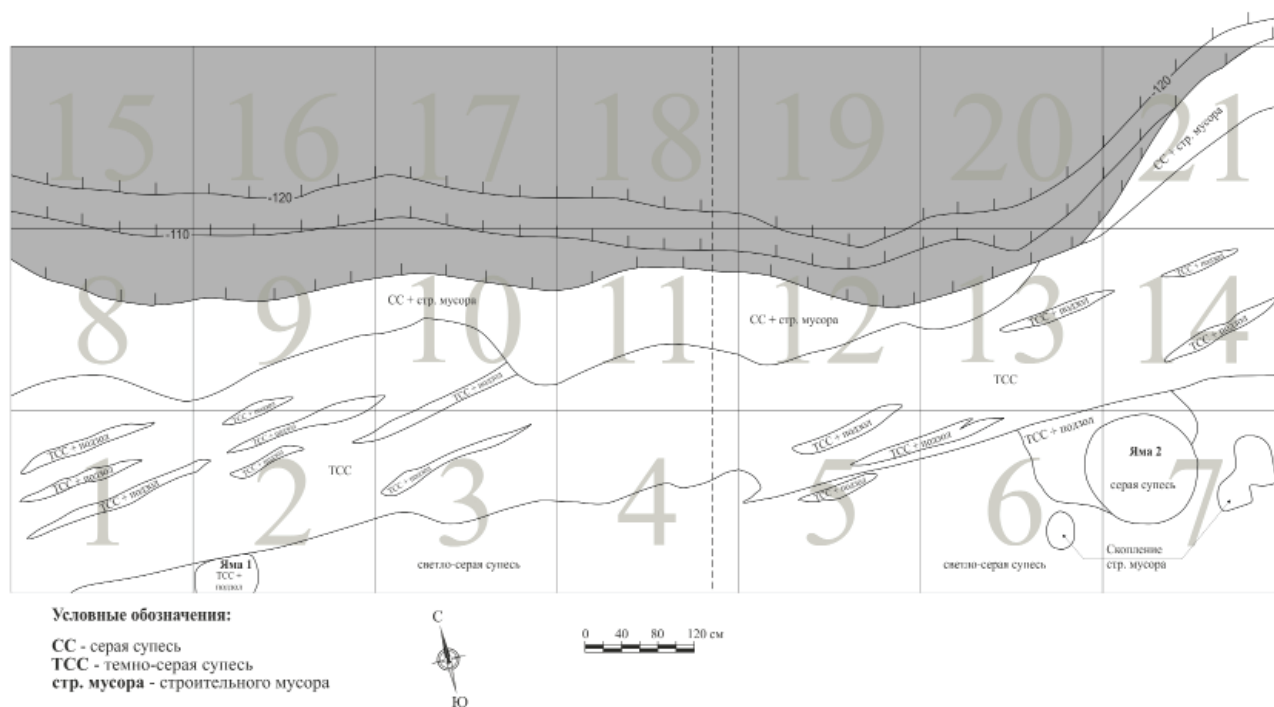

Рис. 4. Ржавецкое I селище – 2019 г. Раскоп I. План на уровне -60 см от 0.

Fig. 4 Rzhavets I settlement - 2019. Excavation I. Plan at -60 cm from 0.

ровать объекты и слои I селища, тем не менее имеющиеся материалы показывают перспективность исследования памятника.

В 2 км к ЮЮЗ от I селища находятся **Ржавецкие V и VI селища**. Они локализируются в 0,1–1 км к югу от д. Ржавец Спасского района Республики Татарстан, в 5 км к востоку от Болгарского городища. Памятники расположены на широком мысу правого берега суходола рч. Ржавец (Археологическая карта..., 1986, с. 40, № 208–209; Свод..., 2007, с. 340, № 2963–2964), впадающей в Куйбышевское водохранилище, до образования которого он являлся левым притоком рч. Вихлянки (Елшанки), левого притока р. Бездны левого притока р. Волги. На момент выявления в 1965 г. площадь V и VI селищ составляла 6 га (600×100 м) и 1,2 га (120×100 м) соответственно (Фахрутдинов, 1965, л. 22–23; 1975, с. 128, № 762–763). Вследствие того что подъёмный материал по всей указанной территории (54,01 га) распределен практически равномерно, в 2019 г. граница между селищами V и VI не установлена. Площадка распространения материала с севера ограничена краем леса и окраиной д. Ржавец, с запада суходолом и рч. Ржавец, с юго-запада устьем отрога вышеупомянутого суходола, восточная граница проходит вдоль леса. Северная и северо-западная часть территории занята МТС и хозяйственными объектами фермерского хозяйства, остальная часть ранее

распахивалась, ныне задернована и используется для выпаса скота (рис. 6).

В северо-западной части территории распространения подъемного материала в результате многолетней распашки и размыва культурного слоя вдоль грунтовой дороги образовалась канава шириной около 2 м и глубиной до 0,3 м и обнажились ямные объекты. На этом участке вдоль дороги (с включением канавы) заложен раскоп I площадью 160 кв. м. Он вытянут вдоль канавы по оси ССВ–ЮЮЗ (азимут 38°) и располагался к северу от ложбины, которая могла служить условной границей между двумя селищами. Поверхность раскопа слабо задернована, имеются участки без растительного покрова, плавно понижается с востока на запад в сторону рч. Ржавец и ложбинки с перепадами высот до -136 см от 0. На участках в северо-западной части раскопа современная дневная поверхность имеет резкое понижение в канаву от -80 до -148 см от 0.

Мощность распаханного культурного слоя на данном участке памятника составила 6–52 см (рис. 7). Он в восточной и западной части раскопа покрыт дерном толщиной 2–4 см. Культурный слой памятника состоит из двух горизонтов одного хронологического отрезка (XIX – начала XXI в.), образованных в результате распашки и смыва распаханного культурного слоя к подошве террасы.

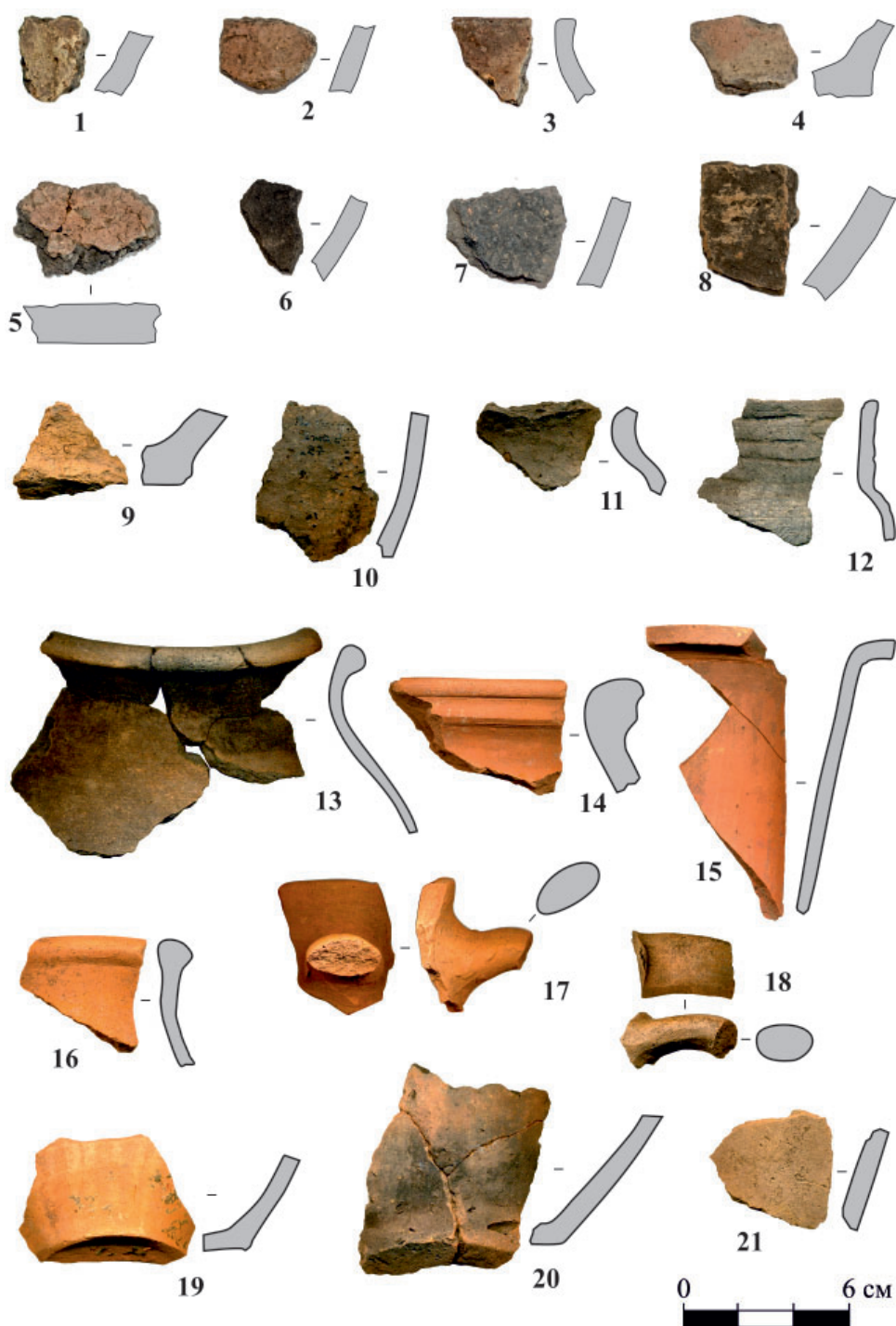

Рис. 5. Керамика с раскопов: 1–8 – Ржавецкое I селище, 9–21 – Ржавецкое V–VI селище.
 Fig. 5. Ceramics from the excavations: 1-8 – Rzhavets I settlement, 9-21 – Rzhavets V-VI settlement.

Горизонт пашни толщиной 28–40 см представлен серой супесью, а также прослойкой рыжего суглинка с включениями серой супеси, образовавшейся в результате распашки культурного слоя селища и верхней кромки материка. В западной части раскопа данный слой переработан пролежавшей здесь грунтовой дорогой, размыв дождевыми и тальными водами. Единичные находки из данного слоя представлены мелкой лепной керамикой с примесями шамота в формовочной массе,

отнесенной к именьковской культуре (2 фр.), общеполгарской керамикой (6 фр.), а также фрагментами стекла, шифера и прочего современного мусора.

Горизонт, появившийся в результате смыва распаханного культурного слоя к подошве террасы, образовался в западной части раскопа, где покатый склон переходит в пойму. Он состоит из прослойки песка толщиной 3–14 см, залегающей на серой супеси с песком мощностью 8–45 см. последняя частично

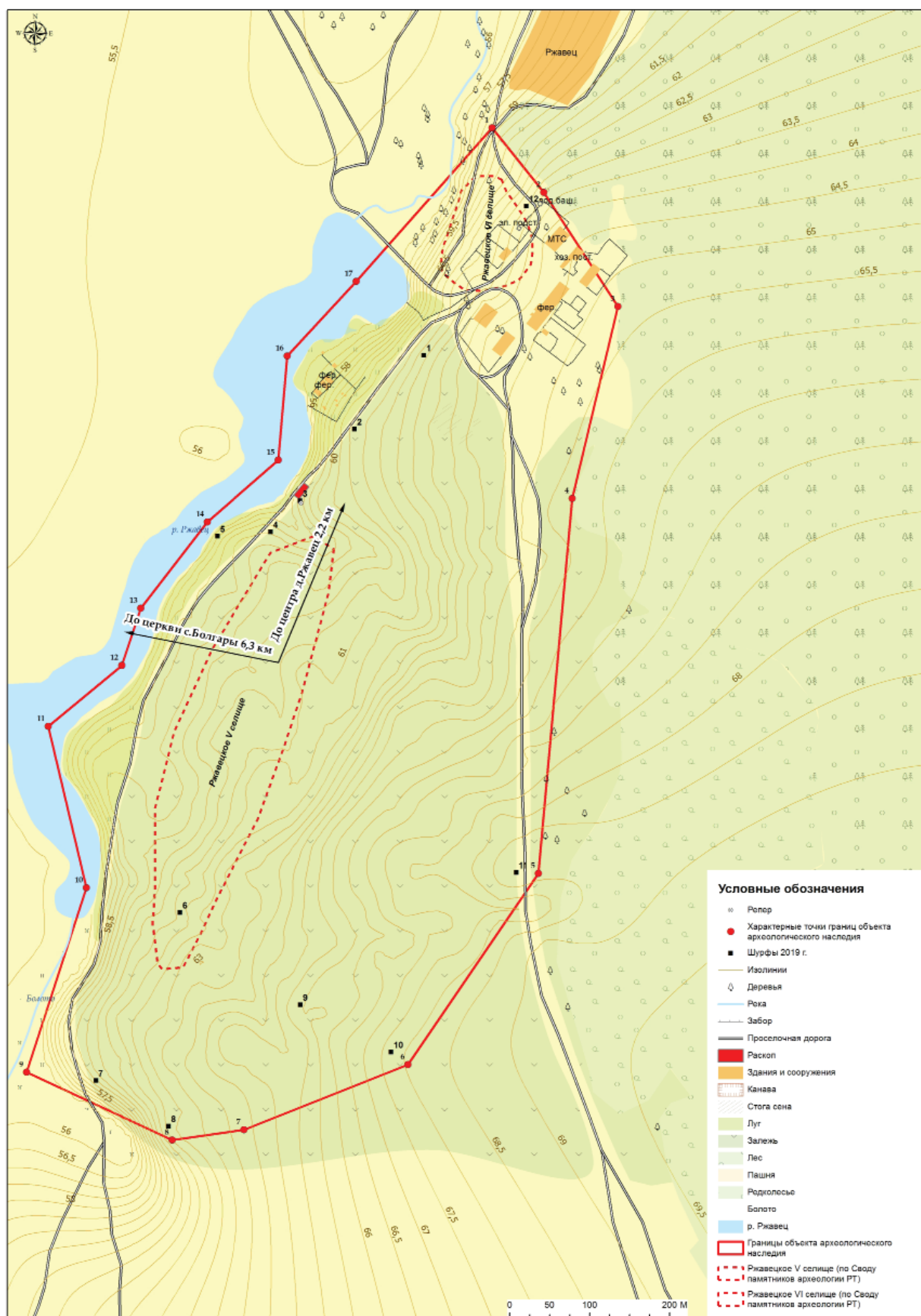
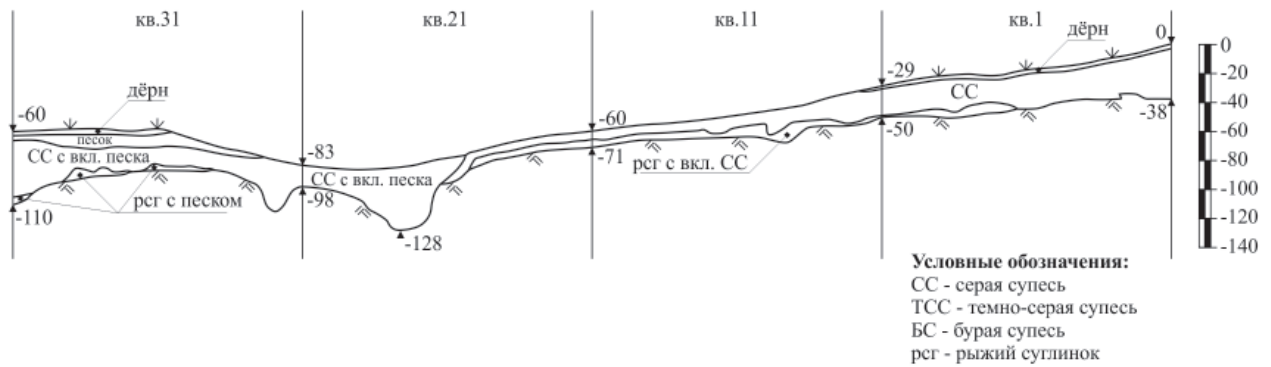

Рис. 6. Инструментальный топоплан Ржавецкого V–VI селища с указанием раскопа.
 Fig. 6. Instrumental topography of Rzhavets V–VI settlement with excavation indication.

а) профиль северо-восточной стенки

б) фрагмент профиля юго-восточной стенки

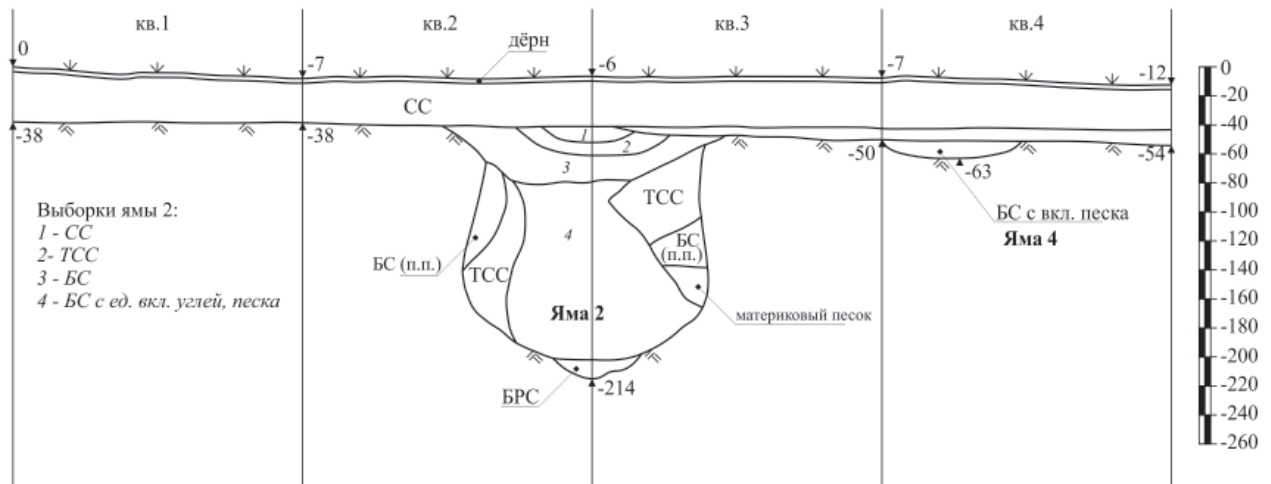

Рис. 7. Ржавецкое V–VI селище – 2019 г. Раскоп I. Профиль северо-восточной стенки (а), фрагмент профиля юго-восточной стенки (б).

Fig. 7. Rzhavets V–VI settlement - 2019. Excavation I. Profile of the north-eastern wall (a), profile fragment of the south-eastern wall (б).

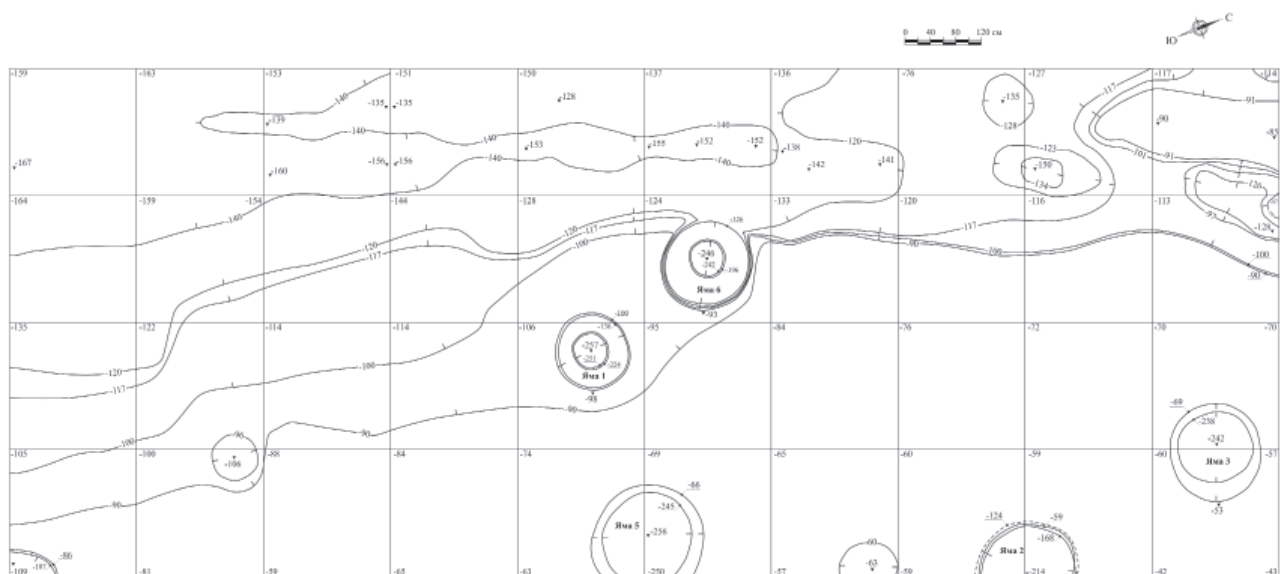

Рис. 8. Ржавецкое V–VI селище – 2019 г. Раскоп I. План на уровне материка.

Fig. 8. Rzhavets V–VI settlement - 2019. Excavation I. Plan at the level of the virgin soil.

располагается на материке, частично залегает на прослойке рыжего суглинка с песком толщиной 2–12 см. Общая мощность горизонта составляет от 8 см на участках смыва до 50 см в местах накопления в канаве и на подошве террасы. Находки данного горизонта аналогичны вышеописанному.

На раскопе обнаружено 6 объектов (рис. 8), дневные уровни которых срезаны в результате распашки.

Яма 1 выявлена во время археологических разведок летом 2019 г. на размываемом дождевыми и талыми водами склоне террасы. Данная яма представляет собой в плане пятно круглой формы диаметром 124 см, оконтуренное по периметру полосой прокала. Она имеет воронкообразную в разрезе форму, т. е. скошенные, сужающиеся ко дну стенки, которые на глубине 117 см от верхнего края (-204 см от 0) переходят в вертикальные. Скошенные стенки обмазаны глиной и обожжены. Толщина прокаленных стенок, фрагменты которых встречались в заполнении ямы, составляет 3–8 см. Высота вертикальных стенок 54 см. В пространственном отношении получается усеченный конус на цилиндре. Плотное ровное плоское дно покоится в песчаном материке на глубине -258 см от 0 (глубина ямы не менее 171 см). В заполнении ямы, чуть проседая к центру, располагались 7 прослоек, из которых три верхние являются просадкой грунта. Незначительное количество находок из заполнения ямы представлено костями животных, фрагментами горшков, кувшинов и тувака круговой общеполгарской посуды (в том числе с примесью растительности), одним фрагментом горшка прикамско-приуральских истоков, связываемого с угорским населением (Казаков, 1992, с. 303, рис. 100; Кокорина, 2002, с. 22–24, рис. 3; Хлебникова, 1988, с. 22–25, рис. 8; Хузин, 1986, с. 16–21, рис. 6), единичными фрагментами лепных горшков именьковской культуры и неопределенными мелкими фрагментами лепной посуды.

Яма 2 начала проявляться в виде просадки грунта и четко оконтурилась на следующем пласте 4 (-60 см от 0) на кв. 2–3 в виде пятна полукруглой формы с фиксируемым размером 150×84 см, продолжающегося в юго-восточную стенку раскопа. Дневная поверхность ямы срезана распашкой, тем не менее, судя по разрезу в юго-восточной стенке раскопа, она располагалась между отметками -20/-40 см от 0. Яма имеет расширяющиеся ко дну ровные стенки, плавно переходящие в чашевидное

дно, которое покоится в материке на глубине -202 см от 0 (глубина ямы не менее 162 см). По центру дна имеется небольшое углубление диаметром 56 см и глубиной 12 см, образованное землеройными животными. В заполнении ямы прослежено три горизонта. Верхний горизонт мощностью до 54 см является просадкой грунта в заполнение ямы, средний горизонт мощностью 124 см – непосредственно заполнение ямы, нижний горизонт толщиной до 120 см вдоль стенок ямы образовался в результате проседания и обвала стенок ямы. Находки со всех горизонтов единообразны и представлены незначительным количеством костей животных и в основном мелкими фрагментами керамики, среди которой преобладает круговая общеполгарская посуда (кувшины, горшки, кружка), имеются фрагменты лепных горшков именьковской культуры и единичные фрагменты неопределенной лепной посуды с примесями шамота или органики с песком.

Яма 3 выявлена на уровне пласта 4 (-60 см от 0) на кв. 1,11 в виде пятна овальной формы размером 150×140 см, вытянутого по оси СЗ–ЮВ. Яма имеет чуть скошенные стенки, плавно переходящие в ровное плоское дно, которое покоится в материке на глубине -240 см от 0 (глубина ямы не менее 182 см). Заполнение ямы состояло из двух горизонтов: верхний горизонт мощностью до 54 см является просадкой грунта, нижний горизонт мощностью 162 см образовался в результате засыпки, проседания и обвала стенок ямы. Единичные находки – фрагмент лепной именьковской керамики, песчаник и кость – происходят с нижнего горизонта.

Яма 4 проявилась на уровне пласта 4 (-60 см от 0) на кв. 3–4 в виде пятна овальной формы с фиксируемым размером 100×60 см, вытянутого по оси СВ–ЮЗ, продолжающегося в юго-восточную стенку раскопа. Углубление имеет пологие стенки, плавно переходящие в чашевидное дно, которое покоится в материке на глубине -63 см от 0 (глубина ямы 13 см). Заполнение ямы состояло из бурой супеси с включениями песка. Находки отсутствуют.

Яма 5 выявлена на уровне пласта 4 (-60 см от 0) на кв. 5–6 в виде пятна округлой формы с фиксируемым диаметром 175 см, продолжающегося в юго-восточную стенку раскопа. Яма имеет чуть скошенные стенки, плавно переходящие в ровное плоское дно, которое покоится в материке на глубине -250 см от 0 (глубина ямы не менее 188 см). Заполнение ямы состояло из нескольких прослоек, образовавшихся в результате просадки грунта,

засыпки и обвала стенок. На дне ямы залегала прослойка обгоревшей соломы (толщина 1–4 см), подстилаемая желтоватым песком толщиной 12 см, откуда были отобраны образцы для анализа почвенного угольного спектра и макроостатков. Микроскопические исследования, проведенные сотрудником ИА АН РТ Ю.А. Саловой², показали, что образец представляет собой обугленные стебли и зерна злаков, сорных трав в соотношении: пшеница однозернянка (*Triticum monocossum*) и пшеница двузернянка (*Triticum dicossum*) – 77,3% (85 шт.), овес (*Avena sativa*) – 20,9% (23 шт.), семена сорных трав – 1,8% (2 шт.). Зерна и стебли не окатаны, не перемешаны, следовательно, не перемещались или минимально перемещались, в составе образца присутствовали начавшие слеживаться и перегнивать комки. Прогорание сплошное, необугленных стеблей менее 1%. Находки в яме единичны: кости животных, мелкие фрагменты круговой общеполгарской и лепной именьковской керамики.

Яма 6 начала проявляться на уровне пласта 6 (-100 см от 0) и четко оконтурилась на пласте 7 (-120 см от 0) на кв. 25 в виде пятна овальной формы размером 150×124 см, вытянутого по оси ССЗ–ЮЮВ и по периметру оконтуренного полосой прокаленной глины шириной до 4 см. Яма имеет воронкообразную в разрезе форму, т. е. скошенные, сужающиеся ко дну стенки, на глубине 90 см от верхнего края (-188 см от 0) переходят в отвесные. Скошенные стенки обмазаны глиной и обожжены. Толщина прокаленных стенок, фрагменты которых встречались в заполнении ямы, составляет 3–8 см. Высота вертикальных стенок составляет 58 см. В пространственном отношении получается усеченный конус на цилиндре. Плотное ровное плоское дно покоится в песчаном материке на глубине -246 см от 0 (глубина ямы не менее 148 см). В заполнении ямы, проседая к центру, располагались 2 прослойки: верхняя – серая супесь с единичными включениями прокала мощностью до 96 см; нижняя – серая супесь с включениями прокала, углей мощностью до 56 см. Находки представлены незначительным количеством костей животных, фрагментами круговой общеполгарской керамики (кувшины, корчага, горшки и тувак), единичными неопределенными фрагментами лепной посуды с примесями шамота и с подлощенной поверхностью. Кроме того, в заполнении ямы встречались фрагменты шлака, которые представляют собой однородную пористую массу

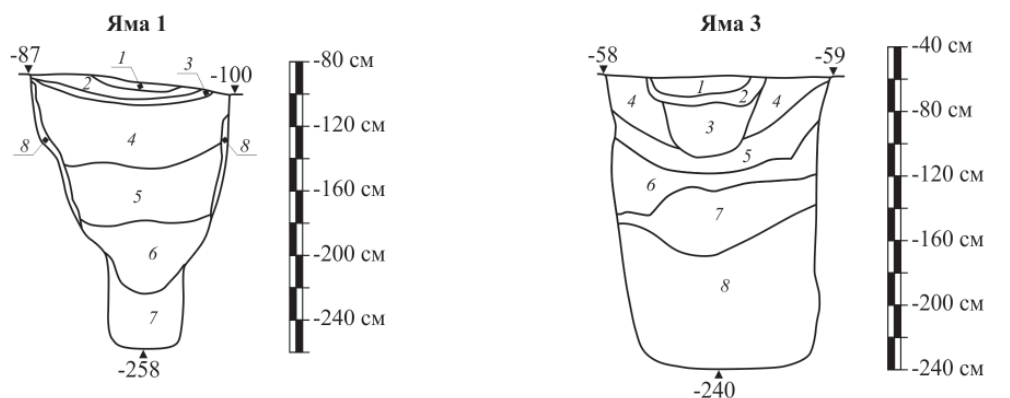
неизвестного происхождения черного цвета, внешняя поверхность сажистая, на изломе – глянцевая и матовая серебристая. По определению Ю.А. Саловой, образец образовался в результате того, что кипящая вспененная масса стекала в песок и золу, образуя плотную корку.

Из шести объектов, выявленных на раскопе, три (ямы 2, 3 и 5) являются ямами хозяйственного назначения (из них яма 5 использовалась для хранения зерна), один (яма 4) – остатком слоя селища, сохранившимся в небольшом углублении в материке, остальные два объекта (ямы 1 и 6), отличающиеся своей конструктивной особенностью, относятся к промысловым (Валиев, 2021) (рис. 9, 10). Последние располагаются на расстоянии 1 м друг от друга и, возможно, являются сооружениями одного комплекса.

Ямы подобной конструкции (усеченный конус на цилиндре) применялись в смолокурном промысле при ямном способе получения смолы и использовались в России вплоть до начала XIX в. Смолокурение – это технологический процесс разложения смолистой древесины (осмола) при нагревании без доступа кислорода, в результате которого выделяется смола, скипидар и получается древесный уголь. При ямном смолокурении в яму загружали осмол, поджигали и засыпали землей. Без доступа кислорода осмол тлеет, выделяя тепло, за счет чего разгоняется смола и стекает на дно ямы, куда вставлялась емкость, как правило, бочка для сбора. Смазанные глиной и обожженные скошенные стенки ям способствовали быстрому стеканию смолы в установленную на дне ямы емкость.

Смолокурные ямы, как и ямы для возгонки дегтя, являются редкими археологическими объектами как на территории Волжской Булгарии, так и на ближайших сопредельных территориях. До настоящего времени аналогичная яма (сооружение 1) была известна с южной периферии Волжской Булгарии – Муромского городка на Самарской Луке, и располагалась в южном внешнем городе. Она, как и ржавецкие ямы, устроена подобным же образом – круглая в плане диаметром 160 см, воронкообразная в разрезе, глубиной 158–162 см – и имела ровное плоское дно. На стенках воронковидной части прослеживалась уплотненная и обожженная кора. Отмечается малочисленность находок (Кочкина, 2014, с. 40, рис. 2).

Аналогии подобным ямам домонгольского времени хорошо представлены в древнерус-

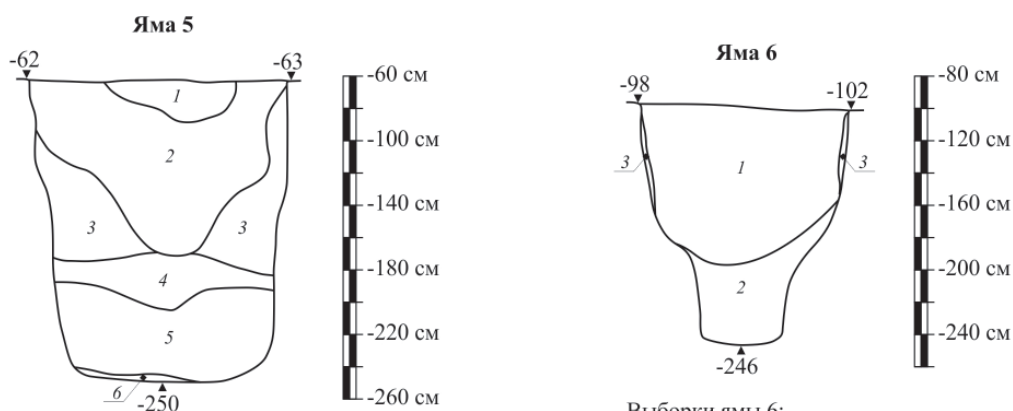

Выборки ямы 1:

- 1 - ТСС
- 2 - БС
- 3 - песок
- 4 - БС с вкл. песка
- 5 - СС
- 6 - ТСС с вкл. песка, прокала, углей
- 7 - СС с вкл. прокала, углей, песка
- 8 - прокал (прокалившаяся глиняная обмазка)

Выборки ямы 3:

- 1 - песок
- 2 - БС
- 3 - песок
- 4 - СС
- 5 - БС с вкл. песка
- 6 - песок с вкл. СС
- 7 - СС с вкл. песка
- 8 - песок с вкл. пятен СС

Выборки ямы 5:

- 1 - СвСС
- 2 - СС
- 3 - песок с вкл. СС
- 4 - СС с вкл. песка
- 5 - песок с ед. вкл. СС
- 6 - обгоревшая солома

Выборки ямы 6:

- 1 - СС с ед. вкл. прокала
- 2 - СС с вкл. прокала, углей
- 3 - прокал (прокалившаяся глиняная обмазка)

Условные обозначения:

- СвСС - светло-серая супесь
- СС - серая супесь
- ТСС - тёмно-серая супесь
- БС - бурая супесь

Рис. 9. Ржавецкое V–VI селище – 2019 г. Раскоп I. Разрезы объектов.
Fig. 9. Rzhavets V–VI settlement - 2019. Excavation I. Section of the object.

ском поселении Авдуничи в Черниговщине конца X – рубежа XII–XIII в., где выявлено до 26 подобных ям (Готун, 1993, с. 65, рис. 3). Кроме того, смолокуренные ямы домонгольского времени обнаружены в Гнёздове (Пушкина и др., 2012, с. 254, рис. 12), Чернигове (Казаков, Черненко, 2007, с. 120–121) и других памятниках Древней Руси (Коваленко и др., 2003, с. 57, 59). Смолокуренные

ямы на исследованном болгарском поселении (Ржавецком V–VI селище) располагались у подошвы террасы, где протекает рч. Ржавец. Две аналогичные ямы с Гнёздовского археологического комплекса также выявлены в пойменной части селища у оз. Бездонка, в прибрежной зоне вблизи древнего русла Днепра (Пушкина и др., с. 254). Расположение смолокуренных ям на окраине селища у

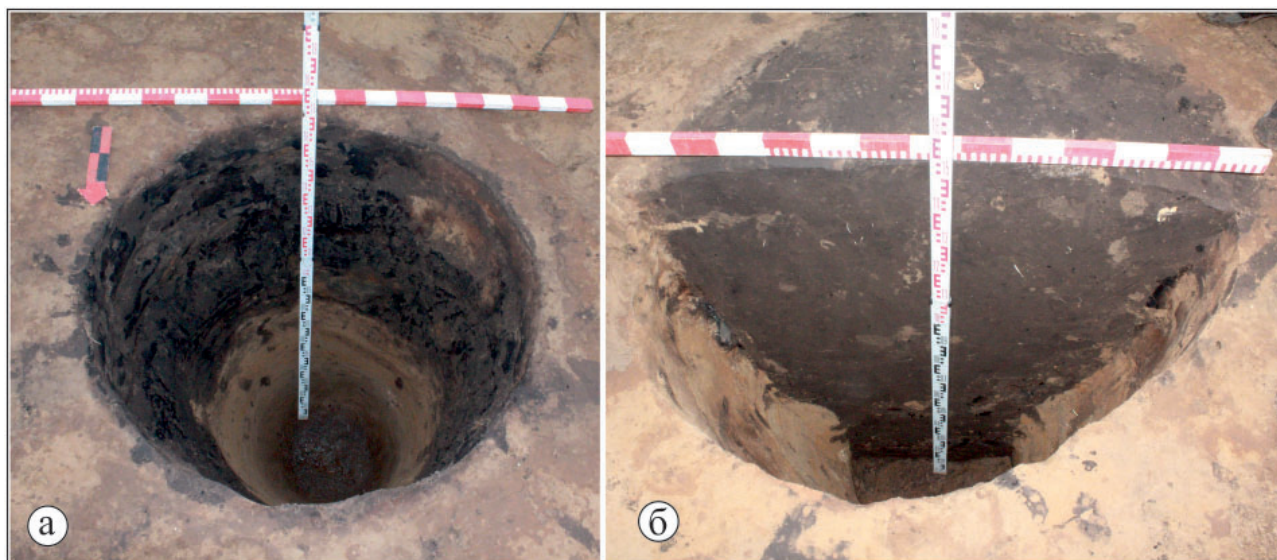

Рис. 10. Ржавецкое V–VI селище – 2019 г. Раскоп I.
Смолокуренные ямы: яма 1 после выборки (а) и разрез ямы 6 (б).

Fig. 10. Rzhavets V–VI settlement - 2019. Excavation I.

Tar pits: pit 1 after excerpt (a) and pit section 6 (б).

воды объясняется противопожарной безопасностью.

Находки с Ржавецкого V–VI селища, как с ям, так и с переработанного культурного слоя раскопа, в целом немногочисленны (рис. 5: 9–21). В основном они представлены фрагментами общеполгарской керамики (в том числе с примесью растительности в тесте) и костями животных. Кроме того, встречаются единичные фрагменты посуды прикамско-приуральских истоков («постпетрогром»), именьковской культуры и лепной неопределенной керамики с примесью шамота, органики и органики с песком в формовочной массе. Среди археозоологического материала преобладают кости крупного рогатого скота (22 фр.), далее по убыванию кости мелкого рогатого скота (9 фр.) и лошади (6 фр.), остальные 11 фрагментов не поддаются определению³.

Исходя из анализа находок, время существования селища относится к домонгольскому периоду Волжской Булгарии, что было установлено предшествующими разведочными исследованиями (Фахрутдинов, 1975, с. 128, № 762). Радиоуглеродное датирование образцов древесного угля с заполнения ямы 1 подтвердило и сузило хронологическую атрибуцию памятника: анализ UOC-8145, 914±35 р. л. н., что соответствует 1030–1250 гг. н. э.⁴ Скорее всего, ржавецкие смолокуренные ямы (яма 1 и б) функционировали в XI–XII вв. Незначительный культурный

слой, немногочисленность находок и их архаичность (растительные примеси в тесте общеполгарской керамики), а также относительная разреженность объектов (они не перерезают друг друга), возможно, свидетельствуют о непродолжительном существовании поселения.

Таким образом, в 2019 г. впервые проведены раскопки археологических памятников у д. Ржавец. Благодаря проведенным исследованиям на Ржавецком I селище выявлены напластования и объекты современной деревни, а также прослежены культурные напластования и две ямы поселения, предположительно датируемого эпохой бронзы. Зафиксирован частично переработанный пашней второй половины XIX – первой половины XX в. слой поселения именьковской культуры. Работами на Ржавецком V–VI селище установлено, что культурные напластования уничтожены многолетней распашкой XIX – начала XXI в., сохранились лишь углубленные в материк объекты. Они представлены тремя хозяйственными и двумя смолокуренными ямами. Исходя из анализа немногочисленных находок и радиоуглеродного датирования образцов древесного угля с заполнения одной из ям, время существования селища относится к домонгольскому периоду Волжской Булгарии, а именно к XI–XII вв. Благодаря исследованиям на памятниках в центральных районах Волжской Булгарии впервые выявлены объекты, связанные со смолокурением.

Примечания:

¹ В отчете изначально они обозначены как I и II селища (Фахрутдинов, 1965, л. 22–23).

² Анализ почвенного угольного спектра и макроостатков провела Ю.А. Салова (лаб.-иссл. Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ), за что авторы выражают ей огромную благодарность.

³ Определение костей животных провела Г.Ш. Асылгараева (с.н.с. Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ), за что авторы выражают ей огромную благодарность.

⁴ Радиоуглеродный анализ образцов угля выполнен в А.Е. Lalonde AMS Laboratory, Оттава, Канада.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 112 с.

Валиев Р.Р. Отчет об археологической разведке в буферной зоне и прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г., в 3-х томах. Казань, 2021. Т. I. 163 л. НФ МА РТ.

Валиев Р.Р. Отчет об археологической разведке в буферной зоне и прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г., в 3-х томах. Казань, 2021. Т. II. 118 л. НФ МА РТ.

Валиев Р.Р. Отчет об археологической разведке в буферной зоне и прилегающих территориях Болгарского историко-археологического комплекса в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г., в 3-х томах. Казань, 2021. Т. III. 228 л. НФ МА РТ.

Валиев Р.Р. Об одном виде промыслов в Волжской Булгарии // Актуальные проблемы тюркологии: Россия и тюрко-мусульманский мир: X Международная тюркологическая конференция (г. Елабуга, 25 декабря 2020 г.) / Отв. ред. А.З. Нигаматов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. С. 427–429.

Габяшев Р.С. Отчет об археологических работах в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах Спасского и Алексеевского районов Республики Татарстан в 1992 г. Казань, 1992. 15 л. НФ МА РТ.

Габяшев Р.С., Ишмуратова Г.Р., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические исследования на Куйбышевском водохранилище в пределах ТАССР в 1960–1966 гг. Казань, 1966. 91 л. НФ МА РТ.

Казаков А., Черненко Е. Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи / Ред. О.Б. Коваленко и др. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 119–125.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

Коваленко В., Моця А., Сытый Ю. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів: Сіверянська думка, 2003. С. 51–83.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.

Морозов В.В. Отчет об археологических разведках в Спасском районе Республики Татарстан в 2014 г. Казань, 2015 / НФ МА РТ.

Морозова С.В. Отчет о разведке по маршруту Щербеть – Маклашеевка, лето 1961 г. Казань, 1961. 37 л. НФ МА РТ.

Пушкина Т.А., Мурашова В.В., Енисова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.

Свод археологических памятников Республики Татарстан. Т. 3. / Отв. ред. А.Г. Ситдинов, Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007. 528 с.

Сивецкий М.В. Отчет об археологических разведках в Спасском районе (Республика Татарстан) в 2018 г. (Открытый лист №2081-2018). Казань, 2020. 50 л.

Фахрутдинов Р.Г. Отчет отряда Татарской археологической экспедиции о разведочных работах, проведенных в 1964 году. Казань, 1965. 292 л.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 4–23.

Информация об авторах:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vrr80@yandex.ru

Степанов Родион Алексеевич, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); outdanger@bk.ru

REFERENCES

Starostin, P. N. (ed.). 1985. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Valiev, R. R. 2021. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v bufernoy zone i prilegayushchikh territoriyakh Bolgarskogo istoriko-arkheologicheskogo kompleksa v Spasskom rayone Respubliki Tatarstan v 2019 g., v 3-kh tomakh (Report on archaeological exploration in the buffer zone and adjacent territories of the Bulgar historical and archaeological complex in the Spassk district of the Republic of Tatarstan in 2019, in 3 volumes)*. I. Kazan: Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Valiev, R. R. 2021. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v bufernoy zone i prilegayushchikh territoriyakh Bolgarskogo istoriko-arkheologicheskogo kompleksa v Spasskom rayone Respubliki Tatarstan v 2019 g., v 3-kh tomakh (Report on archaeological exploration in the buffer zone and adjacent territories of the Bulgar Historical and Archaeological Complex in the Spassky district of the Republic of Tatarstan in 2019, in 3 volumes)*. II. Kazan: Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Valiev, R. R. 2021. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v bufernoy zone i prilegayushchikh territoriyakh Bolgarskogo istoriko-arkheologicheskogo kompleksa v Spasskom rayone Respubliki Tatarstan v 2019 g., v 3-kh tomakh (Report on archaeological exploration in the buffer zone and adjacent territories of the Bulgar Historical and Archaeological Complex in the Spassky district of the Republic of Tatarstan in 2019, in 3 volumes)*. III. Kazan: Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Valiev, R. R. 2021. In Nigamaev, A. Z. (ed.). *Aktual'nye problemy tyurkologii: Rossiya i tyurkomusul'manskiy mir: X Mezhdunarodnaya tyurkologicheskaya konferentsiya (g. Elabuga, 25 dekabrya 2020 g.) (Actual issues of Turkology: Russia and the Turkic-Muslim world: X International Turkological Conference (Yelabuga, December 25, 2020))*. Kazan: Kazan State University, 427–429 (in Russian).

Gabyashev, R. S. 1992. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v zone Kuybyshevskogo vodokhranilishcha v predelakh Spasskogo i Alekseevskogo raionov Respubliki Tatarstan v 1992 g. (Report on archaeological works in the area of the Kuibyshev reservoir within the Spassk and Alekseevskoe districts of the Republic of Tatarstan in 1992)*. Kazan: Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Gabyashev, R. S., Ishmuratova, G. R., Kazakov, E. P., Starostin, P. S., Khalikov, A. Kh., Khlebnikova, T. A. 1966. *Arkheologicheskie issledovaniya na Kuybyshevskom vodokhranilishche v predelakh TASSR v 1960–1966 gg. (Archaeological studies at the Kuibyshev reservoir within the borders of the TASSR in 1960–1966)*. Kazan: Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Kazakov, A., Chernenko, E. 2007. In Kovalenko, O. B. et al. (eds.). *Chernigiv u seredn'ovichniy ta rann'omoderniy istorii Tsentral'no-Skhidnoi Evropi Chernigov citadel of the IX–XIII centuries in the context of new archaeological materials*. Chernigov: “Desnyan'ska Pravda” Publ., 119–125 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic and Cultural History)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kovalenko, V., Motsya, A., Sytii, Yu. 2003. *Druzhinni starozhitnosti Tsentral'no-Skhidnoi Evropi VIII–XI st. (Archaeological research of the Shestovitsa complex in 1998–2002)*. Chernigiv: “Siverians'ka dumka” Publ., 51–83 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (On the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Morozov, V. V. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Spasskom raione Respubliki Tatarstan v 2014 g (Report on Archaeological Surveying Conducted in Spassky District of the Republic of Tatarstan in 2014)*. Kazan: Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Morozova, S. V. 1961. *Otchet o razvedke po marshrutu Shcherbet' – Maklasheevka, leto 1961 g. (Reconnaissance report on the route Shcherbet - Maklasheevka, summer 1961)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Pushkina, T. A., Murasheva, V. V., Eniosova, N. V. In Makarov, N. A. (ed.). *Rus' v IX–XI vekakh: arkhelogicheskaiia panorama (Rus in 9th-11th Centuries: Archaeological Panorama)*. Moscow; Vologda: “Drevnosti Severa” Publ., 242–273 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (ed.). 2007. *Svod arkhelogicheskikh pamiatnikov Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites of the Republic of Tatarstan)*. Kazan (in Russian).

Sivitsky, M. V. 2020. (Otchet ob arkhelogicheskikh razvedkakh v Spasskom rayone (Respublika Tatarstan) v 2018 g. (Otkrytyy list №2081-2018)). (Report on archaeological reconnaissance in the Spassk district (Republic of Tatarstan) in 2018 (Excavation licence No. 2081-2018)). Kazan (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1965. *Otchet otryada Tatarskoy arkhelogicheskoy ekspeditsii o razvedochnykh rabotakh, provedennykh v 1964 godu. (Report of the detachment of the Tatar archaeological expedition on reconnaissance work carried out in 1964)* Kazan (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territoriia (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Posuda Biliara (Dishware of Bilyar)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 4–23 (in Russian).

About the Authors:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Stepanov Rodion A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; outdancer@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.42.50>

РЕЗУЛЬТАТЫ 20 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ НА САМОСДЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2022 г. Д.В. Васильев

Исполнилось 20 лет с момента начала раскопок на Самосдельском городище в дельте Волги. В статье подводятся итоги работы Самосдельской экспедиции на памятнике, который ассоциируется с остатками средневекового торгового города Саксина, который до сих пор был известен только по отдельным упоминаниям в средневековых письменных источниках. Кроме того, городище стало известно из-за предположения о локализации на нём остатков последней столицы Хазарии – города Итиля. В статье рассматриваются аргументы «за» и «против» этой версии, а также производится сопоставление с археологическими реалиями. В частности, городище состоит из трёх частей – на двух берегах Волги и на острове, что совпадает с описаниями Итиля. В нижних слоях городища обнаружены следы тотального пожара, который ассоциировался со временем разрушения хазарского города. Однако в ходе исследований этот слой был передатирован XI – началом XII вв. Обнаруженные в нижних слоях остатки крепостных стен и двух башен с воротами позволяют предположить, что фортификация возникла именно в хазарский период, на рубеже IX и X вв. Пока для подобного утверждения нет достаточно чётких оснований, кроме предположения о том, что строительство кирпичной крепости могло быть произведено лишь под контролем сильной государственной власти. Это могло произойти либо ещё в период существования хазарского государства, где существовала царская монополия на кирпичное строительство, либо в период становления города Саксина. В таком случае Саксин предстаёт перед нами в виде достаточно развитого государственного образования, в котором существовала сильная центральная власть. Этот вопрос нуждается в дальнейшей проработке, так как известно, что город находился под властью кочевых огузов, которые не могли позволить горожанам сооружать крепостные стены, дабы не ослабить контроль за Саксином.

Ключевые слова: археология, Самосдельское городище, дельта Волги, город и область Саксин, городская культура, Хазарский каганат, город Итиль, фортификация.

RESULTS OF 20-YEARS RESEARCH ON THE SAMOSDELKA SETTLEMENT AND NEW PERSPECTIVES

D.V. Vasiliev

Twenty years have passed since the beginning of excavations at the Samosdelka settlement in the Volga delta. The author summarizes the work of the Samosdelka expedition on the site, which is associated with the remains of the medieval trading city of Saksin, which until now was known only from separate mentions in medieval written sources. In addition, the settlement became known due to the assumption of the localization of the remains of the last capital of Khazaria – the city of Itil. The author examines the "pro" and "contra" arguments according to this version, as well as a comparison with archaeological realities. In particular, the settlement consists of three parts – on the two banks of the Volga and on the island, which coincides with the descriptions of Itil. In the lower layers of the settlement were found traces of a total fire, which was associated with the time of the Khazar city destruction. However, in the course of research, this layer was re-dated to the 11th – early 12th centuries. The remains of fortress walls and two towers with gates, found in the lower layers, suggest that fortification was created in the Khazar period, at the turn of the 9th and 10th centuries. So far, there are no sufficiently clear grounds for such a statement, except for the assumption that the construction of a brick fortress could be carried out only under the control of a strong state power. This could have happened either during the existence of the Khazar state, where there was a royal monopoly on brick construction or during the formation of the city of Saksin. In this case, Saksin appears before us in the form of a sufficiently developed state formation, in which there was a strong central authority. This issue needs further elaboration, as it is known that the city was under the rule of the nomadic Oguzes, who could not allow the townspeople to build fortress walls so as not to weaken control over Saksin.

Keywords: archaeology, Samosdelka settlement, Volga delta, Saksin city, urban culture, Khazar Kaganate, Itil city, fortification.

В 2019 г. был проведён 20-й по счёту полевой сезон раскопок на Самосдельском городище в дельте Волги. Кроме того, исполнился уже 31 год с момента начала активных исследований на памятнике (Васильев, 2015, с. 190). Среди ранних находок на городище следует выделить ряд сосудов, имеющих салтовский облик – горшки, кувшины и кружки (Васильев, 2016, с. 420). Эти артефакты позволили изначально сделать предположение о локализации последней столицы Хазарии – города Итиля (Атиля) – на Самосдельском городище. В начале 1990-х гг. были организованы разведки и предприняты ограниченные раскопки, был снят топоплан памятника, который показал, что основная часть городища располагается на острове, окружённом со всех сторон пересохшими ныне протоками. Обнаружено ещё две части города – Правобережное и Левобережное селища. Такая картина ещё больше уверила исследователей в правильности интерпретации городища как местоположения города Итиля, так как совпадала с описаниями хазарской столицы (некоторые авторы (например, ал-Масуди) упоминают о наличии трёх частей города, причём центральная располагалась на острове и соединялся с одним из берегов реки понтонным мостом. Здесь находился укрепленный дворец царя Хазарии. Похожее описание трех частей или трех городов есть в письме Иосифа (Заходер, 1962, с. 167–202), однако размеры города в нем сильно преувеличены). Было установлено, что мощность культурного слоя в центральной части островка достигает 3 метров, но быстро убывает к периферии, где составляет всего 0,5–0,3 м.

С 2000 г. начала работать Самосдельская археологическая экспедиция, которая регулярно организуется Астраханским государственным университетом, Институтом этнологии и антропологии РАН и Государственным историческим музеем. За долгие годы Самосдельская экспедиция сложилась в прочный и разнонаправленный научный коллектив, в составе которого трудятся собственно археологи, при этом комплексность исследований обеспечивают привлекаемые узкие специалисты – керамисты, археозоологи, антропологи, материаловеды (специалисты по металлу, стеклу, кости, камню и пр.). На основе анализа материалов Самосдельского городища к настоящему времени написаны и защищены две кандидатские диссертации: Е.М. Болдыревой на тему «Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв.: по материалам Самосдельского городища» (Болдырева,

2016), а также П.В. Поповым на тему «Керамический комплекс Самосдельского городища IX–XIV вв.» (Попов, 2018). Анализу и интерпретации результатов исследований на Самосдельском городище посвящена обширная библиография, включающая в себя более сотни наименований.

Главная часть городища находится на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги, который со всех сторон окружён высохшими протоками. В настоящее время эта местность располагается на правом берегу Старой Волги. Значительные выходы культурного слоя имеются ниже по течению, где река на повороте подмывает береговой обрыв, в районе паромной переправы. Таким образом, правобережная половина городища состояла, как минимум, из двух частей – островной центральной и Правобережного Самосдельского селища. В 2005 г. была сделана аэрофотосъёмка городища, которая показала, что в центре острова предположительно находится крепость треугольной формы со стенами, сложенными из обожжённого кирпича. Размеры возвышенности, сформированной развалинами крепости, 350×350×120 м.

Наличие культурных напластований IX–XIV вв. было выявлено и на левом берегу Старой Волги на территории села Самосделка на бэровском бугре. С юга к бугру примыкает территория левобережного Самосдельского селища, где проводились раскопочные исследования в 2018 г. На нём были выявлены остатки юртообразных жилищ, затопленных в результате резкого подъёма воды в Волге, который произошёл до XI в. Эту территорию можно считать Левобережным Самосдельским селищем. Здесь же располагается кладбище, синхронное селищу, где были выявлены захоронения, совершенные по мусульманскому обряду (Васильев, 2018, с. 27–29).

Таким образом, Самосдельское городище на правом берегу Волги, Правобережное и Левобережное селища, а также грунтовые могильники (остатки ещё одного могильника сопутствуют Правобережному селищу) позволяют определить памятник как Самосдельский археологический комплекс. Общая площадь памятника, известная на данный момент, составляет около 5 км², что для эпохи Средневековья является весьма значительной величиной.

Культурные отложения городища перекрыты мощными (доходящими местами до 2 метров) отложениями окатанной керамики, речной ракушки, обломков кирпича или

речного ила и песка. Это слои затопления, образовавшиеся в ходе двух трансгрессий Каспия. Первая представляла собой постепенный подъём уровня воды в море и в реке с нач. X по серед. XIV в. Лишь с серед. XIII по серед. XIV вв. этот процесс принял характер катастрофы. Вода отступила в XVIII в., о чём свидетельствуют отдельные находки монет этого времени в островной части городища, но снова на короткое время памятник был затоплен в XIX в. В середине того же XIX века на островке строится рыбзавод с посолочными цехами, прудами для содержания рыбы и сушильнями. Уже в кон. XIX в. на островке возникло и существовало до 1-й четв. XX в. мусульманское кладбище, внешние признаки которого к настоящему времени совершенно не сохранились.

Именно с данным городищем мы и соотносим город Саксин, описываемый арабским странствующим правоведом Абу Хамидом ал-Гарнати в XII в. (ал-Гарнати, 2010, с. 31–33).

В ходе исследований нам пришлось столкнуться с залежавшими буквально под поверхностью земли многочисленными конструкциями, сложенными из обломков обожжённого кирпича вторичного использования (Зиливинская. Васильев, Гречкина, 2003, с. 83–122). Кирпичные конструкции жилищ образовывали правильную квартальную планировку. На раскопе № 1 ядром планировочной структуры служила небольшая квадратная площадь, которую окружали кирпичные постройки, на раскопе № 3 был вскрыт квартал домов и мастерских, также примыкавших к квадратной площади. Примерно такую же планировку мы наблюдаем и на раскопе № 2. Дома квадратной формы имеют схожую внутреннюю планировку. Стены возводились либо из глины и тростника на жердевом каркасе (турлучные), либо были каркасно-глинобитными на широком кирпичном цоколе. Вдоль стен располагались узкие и короткие суфылежанки, обложенные кирпичом и забитые глиной, в суфы встроены небольшие тандыры (печи) для выпечки лепёшек. От тандыров внутри суф проложены короткие каналы – дымоходы. В центр пола, как правило, встраивалась жаровня-сандак, изготовленная либо из придонной части крупного хума, либо из целого лепного или кругового котла. На начальном этапе исследований мы предполагали, что эти слои датируются домонгольским периодом, поэтому выдвинули предположение, что система отопления в виде суф и

каналов пришла в Нижнее Поволжье в XII в. из Средней Азии (Зиливинская. Васильев. Гречкина, 2003, с. 83–122). Однако анализ находок и монетного материала из заполнения первых 3–4 пластов позволяет уверенно соотносить эти слои и сооружения с XIV в., когда происходит перепланировка развалин старого города и строительство новых сооружений в период правления хана Узбека в Золотой Орде. Этот же период отмечен развитием торговли по Волго-Каспийскому торговому пути, о чём говорят предметы импорта в указанных слоях. Слой характеризуется наличием большого числа золотоордынских монет и доминированием золотоордынской круговой керамики.

Ниже располагается слой XIII в., который резко контрастирует с вышележащим (Васильев, 2010, с. 338–339; Васильев, Яворская, 2011, с. 338–343). Это слой упадка, длительной стагнации города и обживания руин зданий, разрушенных монголами в ходе внезапного взятия Саксина в 1230-х гг. Некоторые сооружения предшествующего периода были полностью заброшены, наиболее сохранившиеся повторно обживались, но в них радикальным образом менялась планировка. Слои разрушения города, соответствующие времени монгольского нашествия, представляют собой огромное пожарище, которое наполнено костями погибших животных и людей. Встречаются случайные, а также индивидуальные и массовые санитарные захоронения этого периода.

Слои XIII и XIV вв. первоначально интерпретировались нами как остатки города Суммеркента. Сведения о городе Суммеркенте в дельте Волги приводит Гильом де Рубрук: «При среднем рукаве (Волги) находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда вода разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нём Аланы и Саррацины» (Рубрук, 1957, с. 181). Очевидно, что вопрос о местоположении Суммеркента нуждается в дополнительной проработке. Во всяком случае, на настоящий момент сравнение описания маршрута Рубрука через дельту Волги с природными и географическими условиями расположения Самосдельского городища не позволяет однозначно идентифицировать его как Суммеркент. Скорее всего, город Суммеркент располагался на городище Мошаик на восточной окраине современной Астрахани, а на Самосдельском городище в золотоордынское время продолжал существовать город Саксин, который под таким же

именем упоминается в сочинениях восточных авторов XIV в. (Васильев, 2011а, с. 64–72).

Слой расцвета города Саксина соответствуют 4–12 пластам (примерная глубина от 60 до 240 см от поверхности). Перед нами предстают кварталы города, ведущего комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовецкое хозяйство, процветание которого базировалось на обеспечении активной торговли по Волго-Каспийскому пути. Именно отсюда начинался Волжский торговый путь, сюда прибывали большие корабли с Каспия, товары с которых перегружались здесь на мелко-сидящие речные суда. Наиболее активными торговыми агентами Саксина в этот период являются Ширван, Дербент, Мангышлак, юго-западный Прикаспий и Иран в целом. Однако в слоях Самосдельского городища можно встретить импортные изделия буквально со всех концов света – с Кавказа и из Закавказья, Византии, Крыма, Сирии, Средней Азии и Афганистана.

Раскоп № 2 демонстрирует существовавшую в Саксине правильную уличную планировку – здесь была прослежена улица протяженностью 60 метров, идущая с юга на север, которую пересекают две перпендикулярные улицы. Ориентировка улиц задана двумя факторами – ориентировкой большого общественного здания (возможно, мечети), а также расположением ворот в крепостной стене к югу от данного участка исследований.

Наша уверенность в том, что именно Саксин локализуется на Самосдельском городище, базируется на сведениях письменных источников – двух сочинений Абу Хамида ал-Гарнати, которые содержат сведения о городе Саксине, причём настолько детализированные, что ошибка здесь практически исключена. Ал-Гарнати помещает Саксин в стране, где имеется «тысяча рек», богатых рыбой, описывает бэровские бугры, характерные для дельты Волги, соляные озёра выше по течению, а также точную ширину реки в районе Саксина (ал-Гарнати, 2010, с. 31–33). Перечисляет народы, живущие в Саксине: «сорок племён» огузов, хазар, болгар, сувар, а также множество («тысячи») мусульманских купцов из арабских стран (ал-Гарнати, 2010, с. 31–33). Уникальной особенностью Саксина является использование «чёрного олова», то есть свинца, вместо серебра в качестве денежного эквивалента. Мы неоднократно писали о множестве находок свинцовых слитков в слоях Самосделки XI–XII вв. (Васильев, Сьянова, 2012, с. 36–42).

Такие точные и детальные совпадения наблюдаемой археологической реальности с материалами письменного источника позволяют нам однозначно локализовать Саксин на Самосдельском городище.

Сложности в интерпретации памятника начинаются в нижних слоях Самосдельского городища, которые соотносятся с уровнями 12–14 пластов.

Условной границей нижних и средних слоёв является слой пожара, который наблюдается по всей вскрытой поверхности раскопов на одном и том же уровне.

Ниже слоя пожара располагаются сгоревшие турлучные постройки, в том числе многочисленные юртообразные жилища. Выше обнаруживаются остатки турлучных построек, которые перекрываются горизонтом, содержащим сырцово-кирпичные дома, встроенные в правильную уличную планировку. Ниже слоя пожара исчезает лепная керамика с «пышной» орнаментацией, которая связывается с огузами. Видимо, слой пожара знаменует какую-то политическую катастрофу, связанную со взятием города и его сожжением, за которым последовало восстановление его в новом виде под руководством новой экономической и политической силы. Этот слой, как и слой, связанный с монгольским нашествием, содержит костные останки людей, представляющие собой непреднамеренные захоронения. Если в ранних своих работах мы писали о том, что этот слой может быть связан с разрушением города хазарского времени (Васильев, 2011б, с. 36–47), то теперь мы несколько пересмотрели свои взгляды. Обнаруженный в 2018 г. комплекс непреднамеренных погребений в сгоревшем жилище содержал разнообразный материал: от комплекта медных котлов сер. XI в. до предметов вооружения – сабель, топоров и ледоходных шипов – начала XII в. Таким образом, крупную военную катастрофу Саксина логично будет связать с нач. или первой половиной XII в. Между прочим, ал-Гарнати сообщает о том, что жители Саксина сражаются на льду реки с нападающими на них врагами. Это значит, что нападения совершались именно в зимний период. Об этом же говорит и наличие ледоходных шипов у одного из погибших. Ахмед ат-Туси указывает, что Саксин сильно страдает от набегов кыпчаков. В то же время ал-Гарнати, отмечая, что Саксин находится в «стране хазар», называет его «городом гузов». Видимо, огузы, осуществляя политическую власть над городом, взяли на себя на каком-то

этапе и функцию его защиты от врагов (Васильев, 2015, с. 189–267).

Как бы то ни было на настоящий момент мы не можем интерпретировать лепную керамику из нижних слоёв иначе, чем собственно хазарскую. Это керамика общетюркского облика – горшки и котлы с витыми ручками, единственным украшением которых являются тамги и граффити. Известно, что хазары составляли часть населения Саксина. Да, в нижних слоях Самосделки не встречается мелкообломочный материал салтовской керамики, она не имела здесь массового распространения. Как уже было указано выше, из слоёв хазарского периода происходит буквально несколько сосудов салтовского облика, которые, видимо, следует расценивать как внутренний импорт в рамках Хазарии. Мы также знаем, что классическая салтовская керамика является посудой донских алан, которая в лепном варианте была воспринята кочевниками каганата и распространилась на большой территории. Возможно, что столица государства была заселена иным этническим компонентом – хазарами (носителями лепной керамики древнетюркского облика) и савирами (изготавливавшими хорошую гончарную посуду общебулгарского облика) (Васильев, 2015, с. 224–226).

Юртообразные жилища, распространённые на территории Хазарии и обнаруживаемые на Дону на салтовских памятниках, видимо, не могут рассматриваться как однозначный признак принадлежности только к культуре Хазарского каганата. Самое позднее и самое большое круглоплановое жилище было обнаружено в слоях XII в., значит, они активно использовались какой-то частью населения Саксина в постхазарский период.

Очень важным в деле определения внутренней хронологии памятника является вопрос о кирпичном строительстве на Самосдельском городище, а именно о времени его возникновения. Из сочинения Константина Багрянородного мы знаем, что кирпичное строительство в Хазарии являлось государственной монополией. Поэтому кирпичные строения на различных памятниках Подонья В.С. Флёров, например, склонен связывать с присутствием там царской (каганской) власти (Флёров, 2011, с. 42–45).

На Самосдельском городище обожжённые кирпичи практически отсутствуют как основной или вспомогательный строительный материал в нижних слоях памятника. Встречается лишь мелкая кирпичная крошка или небольшие обломки в заполнении слоя. Такая

картина могла возникнуть в случае наличия кирпичной постройки, которая стояла, выполняла свои функции и не разбиралась.

В более высоких слоях, XI в. и выше, кирпичные элементы в конструкциях присутствуют в изобилии, однако они носят вспомогательный характер или являются частью отделки. Следует обратить внимание, что кирпичи имеют разный размер от 30×30×6 см до 18×18×4 см, однако средний размер 22–24×22–24×4 см. При этом бросается в глаза примерно одинаковое низкое качество кирпичей, неровность обжига, большое количество бракованных кирпичей, оплавленных и деформированных, что сильно контрастирует, например, с высококачественными кирпичами Саркела или кирпичами эпохи Золотой Орды. Такое явление возникает, когда кирпичи обжигаются не в специальных печах, а в буртах – штабелях, в которых оставлены продухи для циркуляции горячих газов (Гончар, 1958, с. 32–49). Такие бурты заполняются дровами и углём и обмазываются снаружи глиной, а затем поджигаются. При таком способе обжига неизбежно большое количество бракованных изделий в результате недожога, пережога, деформации и спекания, что мы и наблюдаем в материалах Самосделки.

Кроме того, анализ состава кирпича позволяет предположить, что тесто для его изготовления замешивалось также непрофессионально – не из полноценной отмученной и промоятой глины, а из плохо перемешанного и непросеянного культурного слоя. В составе кирпичей наблюдается огромное количество полостей от сгоревшей органики – травы и овечьего навоза, встречаются многочисленные обломки костей животных, а также фрагменты керамических сосудов.

Мы предполагаем, что строительство крепости велось в авральном порядке, с привлечением больших масс населения, не имевшего опыта в изготовлении кирпичей. Мастерам, задававшим размеры, важно было быстро получить большое количество кирпича любого качества.

В 2017 г. (Болдырева, 2018) были впервые обнаружены следы присутствия фортификации в слоях XII в. в виде траншей выборки крепостной стены, которые пересекали раскоп № 2 в центральной части в направлении с ЮЗ на СВ. В 2018 г. остатки крепостной стены были исследованы уровнем ниже. Это было сооружение, возведённое поверх культурного слоя на выровненной площадке. Ширина стены составила около 2 м. Она была

сооружена с применением техники панцирной кладки. Этот объект был первым, в котором был использован целый полноразмерный кирпич. Кладка выполнена вперевязку на глиняном растворе с последующим оштукатуриванием её снаружи глиной. Внутренний объём стены был заполнен фрагментами кирпича, уложенными на глиняную заливку слоями. Через внутренний объём стены через 3–4 метра были выложены кирпичные связи – поперечные стенки между внешним и внутренним рядами кладки. Таким образом получались кирпичные клетки, которые и заполнялись обломками кирпича на глиняном растворе.

В восточной части раскопа остатки стены упирались в пустое квадратное пятно размером примерно 5×5 м, имевшее выровненную поверхность и лишённое кирпича. С востока от него располагалось подобного рода пятно, образованное фундаментными траншеями, поверх которых располагалось более позднее сооружение. Между этими квадратными пятнами располагалось заполнение улицы шириной около 80 см. Причём именно на этом уровне находились наиболее ранние слои улицы. Нами этот комплекс интерпретирован как южные крепостные ворота – места установки двух разобранных башен, между которыми находился воротный проём.

Казалось бы, вопрос решён: найдена фортификация, которую мы так долго не могли найти. Однако ситуация осложняется тем, что из заполнения ям ниже крепостных стен происходят мелкие обломки полуфаянсового сосуда с бирюзовой поливой. А это значит, что яма эта датируется как минимум концом XI в., а следовательно, стена, выстроенная поверх ямы, не может иметь отношения к фортификации хазарского времени. Значит, город Саксин также имел фортификацию, возведённую на рубеже XI–XII вв., но существовавшую недолго, так как в 30-х гг. XII в. Абу Хамид ал-Гарнати её уже не застал и не описывал.

В этом утверждении также кроется противоречие. Дело в том, что город Саксин находился под властью огузов и был источником поступления стабильных доходов от торговли. Огузы вели кочевой или полукочевой образ жизни, обжив острова волжской дельты и Волго-Ахтубинской поймы в качестве ресурса для круглогодичного скотоводства. Ал-Гарнати упоминает о «неверных», которые подкочёвывают к городу для торговли скотом, при этом цена на скот и мясо резко падает (ал-Гарнати, 2010, с. 31–33).

У любого средневекового города существовал ряд функций, которые он выполнял – функция центра власти, торгового центра, центра ремесла, религиозного центра, центра культуры, науки и образования, оборонительная функция. Город Саксин (как, впрочем, и существовавшие позднее города Золотой Орды и существовавший ранее хазарский Итиль) выполнял все эти функции, кроме одной – он не являлся центром власти, центром принятия решений. Политическая власть концентрировалась в кочевой ставке, а ставка эта приближалась к городу или находилась в нем лишь в зимний период.

Вряд ли хозяева политической ситуации позволили бы горожанам окружить город стенами. Да и сами тоже вряд ли пошли бы на такой шаг – ведь в противном случае им пришлось бы неоднократно бороться с проявлениями непокорности со стороны горожан.

Кроме того, если вспомнить, что в Хазарии кирпичное строительство было государственной монополией именно из-за дороговизны кирпича и технологической сложности его производства, то можно предположить, что если бы жители Саксина пожелали выстроить укрепления, они бы прежде всего возвели глинобитные стены и башни – это гораздо быстрее и менее затратно.

Таким образом, остаётся предположить, что крепостные стены возникли в более ранний период, а мелкие кусочки полуфаянса или фаянса из ямы из-под стены были неправильно интерпретированы. Это должно стать предметом для специального исследования.

Если же предположить, что кирпич был изготовлен в саксинское время, тогда встаёт вопрос – почему он до такой степени фрагментирован? Если у города Саксина была возможность вести кирпичное производство, почему не обжигались новые кирпичи, а использовались обломки старых? Также вызывает критику предположение по поводу того, что кирпич был привезён в Саксин из развалин стоявшей где-то недалеко хазарской крепости. Отчего-то в Саксин в таком случае везли главным образом обломки кирпича, а не целые экземпляры.

Кроме того, расширение и продолжение исследований должно ответить на вопрос – как долго существовала крепость, повлияло ли её существование на интенсивность накопления культурного слоя в центре городища. Дело в том, что хорошо заметный на аэрофотосъёмке и снимках со спутника треугольник в центральной части городища, который

интерпретируется как остатки крепости, мог возникнуть в результате активного освоения края острова населением, которое жило здесь скученно в результате затопления окрестных территорий водами Волги. Основная толща культурного слоя накопилась в «треугольнике» не внутри крепостных стен, а уже после их разборки.

В раскопе на Левобережном Самосдельском селище зафиксированы затопленные и размывтые водой юртообразные жилища, которые оказались в прибойной зоне внезапно и одновременно, причём произошло это до XI в., когда в культурный слой ещё не откладывались обломки кашинных изделий (Васильев, 2018, с. 27–29). То обстоятельство, что поселение просто исчезло, а не передвинулось выше по склону местности, говорит нам о том, что затопление селища совпало с общим упадком городища в постхазарский период. Таким образом, низинные окрестности Самосдельского городища могли оказаться затопленными в результате трансгрессии X в. Дальнейшее поднятие уровня воды на реке Волге фиксируется на материалах раскопа № 2. Здесь в южной части раскопа дома, разрушенные монголами, оказались размывты водой, а не снесены. Кроме того, в данной части раскопа не обнаружено ни одной золотоордынской монеты, ни одного фрагмента массовой ордынской керамической посуды. Таким образом, до нач. XIV в. этот участок раскопа был затоплен подымавшейся водой. Более того, это случилось сразу после нашествия, поскольку здесь непосредственно под слоем затопления обнаруживаются фрагменты неубранных тел убитых в ходе нападения монголов людей.

Итак, мы предполагаем, что в нижних слоях Самосдельского городища существова-

ла кирпичная крепость, которая возникла на самом позднем этапе существования Хазарского каганата. Именно в это время, согласно выводам В.С. Флёрова, город Итиль становится городом в полном смысле этого слова – получает фортификацию. Более того, нижние слои Самосдельского городища свидетельствуют о наличии активной торговли по Волго-Каспийскому пути, поскольку здесь наряду с керамикой местных типов встречаются привозные находки. Более того, город Итиль упоминается в качестве одного из важных портов Прикаспия в лоциях Каспийского моря в X в. (Заходер, 1962, с. 167–170).

Находки хазарского периода, причём происходящие не только с территории Хазарии, но из Закавказья и из Средней Азии, а также радиоуглеродные даты по-прежнему позволяют датировать нижние слои периодом IX–X вв. В данной статье изложены противоречивые и сложные моменты во внутренней хронологии Самосдельского городища, лишь дальнейшие раскопки позволят преодолеть эти трудности и разрешить поставленный вопрос – соотносятся ли нижние слои Самосделки с последней столицей Хазарии.

Однако этот вопрос постепенно отступает на второй план, поскольку становится понятно, что в хазарский период история города была краткой, нижние слои в значительной степени перекопаны и труднодоступны для изучения, но перед нами открываются широкие перспективы изучения материальной культуры и истории города Саксина, а на его основе – материальной культуры и истории области Саксин, само существование которых позволяет отодвинуть историю городской культуры в дельте Волги на тысячу лет назад.

ЛИТЕРАТУРА

- Абу Хамид ал-Гарнати.* Сочинения. М.: Директ-Медиа, 2010. 184 с.
- Болдырева Е.М.* Отчет об археологических исследованиях Поволжского отряда Средневековой археологической экспедиции Исторического музея в Камызякском районе Астраханской области в 2017 году. Городище Самосделка. Раскоп №2. Участок №3. М., 2018. // Архив ИА РАН.
- Болдырева Е.М.* Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Дисс. канд ист. наук. М.: МГУ, 2016. 250 с.
- Васильев Д.В.* Результаты изучения слоёв золотоордынского времени на Самосдельском городище в дельте Волги (по материалам раскопа №2) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII Уральского археологического совещания / Науч. ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 338–339.
- Васильев Д.В.* О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населённых пунктах, которые он посетил // Золотоордынское наследие: материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Вып. 2 / Отв. ред. Миргалеев И.М. Казань: Фолиант, 2011. С. 64–72.

Васильев Д.В. Кувшины // Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С. 420.

Васильев Д.В. Некоторые результаты исследований на раскопе №2 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв.ред. Д. В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 36–47.

Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. 2015. №2 (12). С. 189–267.

Васильев Д.В. Об археологических исследованиях в окрестностях села Самосделка в 2018 году // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы XIV Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 17 мая 2018 г.) / Отв. ред. Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2018. С. 27–29.

Васильев Д.В., Сьянова О.А. Свинцовые изделия из материалов Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения. Вып. IV. / Ред. А.А. Курапова. Астрахань: издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2012. С. 36–42.

Гончар П.Д. Простейшие способы производства кирпича. М.: Центральное бюро технической информации СССР, 1958. 50 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Восточная литература, 1962. 281 с.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Городище Самосделка - памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко–золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 83–122.

Попов П.В. Керамический комплекс Самосдельского городища IX – XIV вв.. Дисс. канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2018. 330 с.

Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.- Иерусалим: Мосты Культуры – Gesharim, 2011. 258 с.

Информация об авторе:

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, рук. Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет (г. Астрахань, Россия); hvdv@mail.ru

REFERENCES

- Abu Hamid Al-Garnati, 2010. *Sochineniya (Works)*. Moscow: Direct-Media Publ. (in Russian).
- Boldyreva, E. M. 2018. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Povolzhskogo otryada Srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii Istoricheskogo muzeya v Kamyzyakskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2017 godu. Gorodishche Samosdelka. Raskop №2. Uchastok №3. (Report on the archaeological studies of the Volga detachment of the Medieval archaeological expedition of the Historical museum in the Kamyzyak District of the Astrakhan Region in 2017. Samosdelka settlement. Excavation2. Area # 3)*. Moscow. Archive of Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- Boldyreva, E. M. 2016. *Polivnaya keramika Nizhnego Povolzh'ya v X – I-y pol. XIV vv. (po materialam Samosdel'skogo gorodishcha) (Glazed ceramics of the Lower Volga region in the X – 1st half of the XIV centuries (according to the materials of the Samosdelka settlement))*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Vasiliev, D. V. 2010. In Obydenova, G. T. et al. (eds.). *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiya (18th Ural Archaeological Conference: Cultural Areas, Archaeological Culture, Chronology)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 338–339. (in Russian).
- Vasiliev, D. V. 2011. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: “Sorokin R.V.” Publ., 36–47 (in Russian).
- Vasiliev, D. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)». 17 marta 2009 g (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th – 15th cc.)” March 17, 2009.)* 1. Kazan: “Fan” Publ., 64–72 (in Russian).
- Vasiliev, D. V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 189–267 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2016. *Puteshestvie ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara (The Journey of Ibn Fadlan: the Volga Route from Baghdad to Bolgar)*. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ., 420 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2018. In Timofeeva, E. G., Tyurin, A. O. (eds.). *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki (On the Crossroads of History. Current Issues of Historical Science)*. Astrakhan: Astrakhan State University, 27–29 (in Russian).

Vasiliev, D. V., S'yanova, O. A. 2012. In Kurapov A.A. (ed.). *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Readings of Local History) IV*. Astrakhan: "Sorokin R.V." Publ., 36–42 (in Russian).

Gonchar, P. D. 1958. *Prosteyshiy sposoby proizvodstva kirpicha. (The simplest ways of producing bricks)*. Moscow: Central Bureau of Technical Information of USSR (in Russian).

Zakhoder, B. N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. T. 1. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. (The Caspian Corpus of Information on Eastern Europe. Vol. 1. Gorgan and the Volga Region in 9th – 10th cc.)* Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D., Vasiliev, D. V., Grechkina, T. Yu., 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 3. Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (The Cuman–Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 83–122 (in Russian).

Popov, P. V. 2018. *Keramicheskii kompleks Samosdel'skogo gorodishcha IX – XIV vv. (Ceramic Complex of the 9th – 14th Centuries from Samosdelka Settlement)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Flyorov, V. S. 2011. «Goroda» i «zamki» Khazarskogo kaganata. *Arkheologicheskaya real'nost' ("Towns" and "Castles" of Khazar Khaganate. Archaeological Reality)*. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ. (in Russian).

About the Author:

Vasiliev Dmitry V. Candidate of Historical Sciences. Astrakhan State University. Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; hvdv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

А.Х. ХАЛИКОВ О ПАЛЕОЛИТЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДАННЫХ)

© 2022 г. М.Ш. Галимова

В статье рассмотрены достижения А.Х. Халикова в изучении палеолита Среднего Поволжья и поиска истоков происхождения уралоязычных народов среди позднепалеолитического населения Урала и южной Сибири вплоть до Прибайкалья. Автором суммированы результаты исследований А.Х. Халикова стоянки Юнга-Кушерга в Горномарийском районе и изучения коллекции из раскопок палеолитической стоянки Постников Овраг в г. Самаре, осуществленных В.В. Гольмстен в 1920-е годы. Концепция А.Х. Халикова о вхождении Среднего Поволжья и Приуралья в ареал воздействия культурных традиций Сибири в конце эпохи палеолита проанализирована с точки зрения современных данных по памятникам средней и поздней поры позднего палеолита Среднего и Южного Урала и Южной Сибири. Кратко рассмотрено многообразие мнений специалистов по вопросу взаимодействия населения позднепалеолитических стоянок и культурных образований этих регионов. Автором сделан вывод о том, что, хотя схема А.Х. Халикова на сегодняшний день и не подтверждается фактами напрямую, которые рисуют более сложную картину, исследователи продолжают изыскания в данном направлении. Стоянки Постников Овраг на Средней Волге и Талицкого в Предуралье и в наше время остаются вовлеченным в разработку дискуссионных вопросов генезиса и взаимодействия культурных образований позднего и финального палеолита Поволжья, Урала и Зауралья.

Ключевые слова: археология, поздний палеолит, Среднее Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, культурные традиции, происхождение уралоязычных народов.

A.Kh. KHALIKOV ON THE PALEOLITHIC OF THE MIDDLE VOLGA REGION (IN THE LIGHT OF MODERN DATA)

M.Sh. Galimova

The author examines the achievements of A.Kh. Khalikov in the study of the Paleolithic of the Middle Volga region and the search for the origins of the Ural-speaking peoples among the Late Paleolithic population of the Urals and southern Siberia up to the Baikal region. The author summarizes the results of A.Kh. Khalikov's research of the Junga-Kusherga site in the Gornomariysky district and the study of the collection from the excavations of the Postnikov Ovrage Paleolithic site in Samara, carried out by V.V. Gol'msten in the 1920s. A.Kh. Khalikov's concept about the entry of the Middle Volga region and the Urals into the area of influence of the cultural traditions of Siberia at the end of the Paleolithic era is analyzed from the point of view of modern data on the sites of the Middle and terminal stage of the Late Paleolithic of the Middle and Southern Urals and Southern Siberia. The diversity of experts' opinions on the interaction of the population of Late Paleolithic sites and cultural formations of these regions is briefly considered. The author concludes that, although the scheme of A.Kh. Khalikov to date is not directly confirmed by the facts, which paint a more complex picture, researches in this direction still are continued. The Postnikov Ovrage sites on the Middle Volga and Talitsky in the Urals and nowadays remains to be involved into the working out of controversial issues of the genesis and interaction of cultural formations of the Late and Final Paleolithic of the Volga region, the Urals and the Trans-Urals.

Keywords: archaeology, Late Paleolithic, Middle Volga, the Urals, Western Siberia, Eastern Siberia, cultural traditions, origin of the Ural-speaking peoples.

Значительное место в широком спектре научных интересов Альфреда Хасановича Халикова в начальный период его деятельности занимала проблема выявления палеолитических памятников на Средней Волге. В 1956–1959 гг. в рамках масштабных разведочных исследований на территории Марийской АССР, осуществленных совместной археологической экспедицией Марийского научно-

исследовательского института языка, литературы и истории и Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР под руководством А.Х. Халикова, были зафиксированы несколько десятков местонахождений четвертичной фауны. Хотя следов палеолитического человека в ходе этих разведок обнаружить не удалось, по инициативе А.Х. Халикова для детального осмотра наиболее

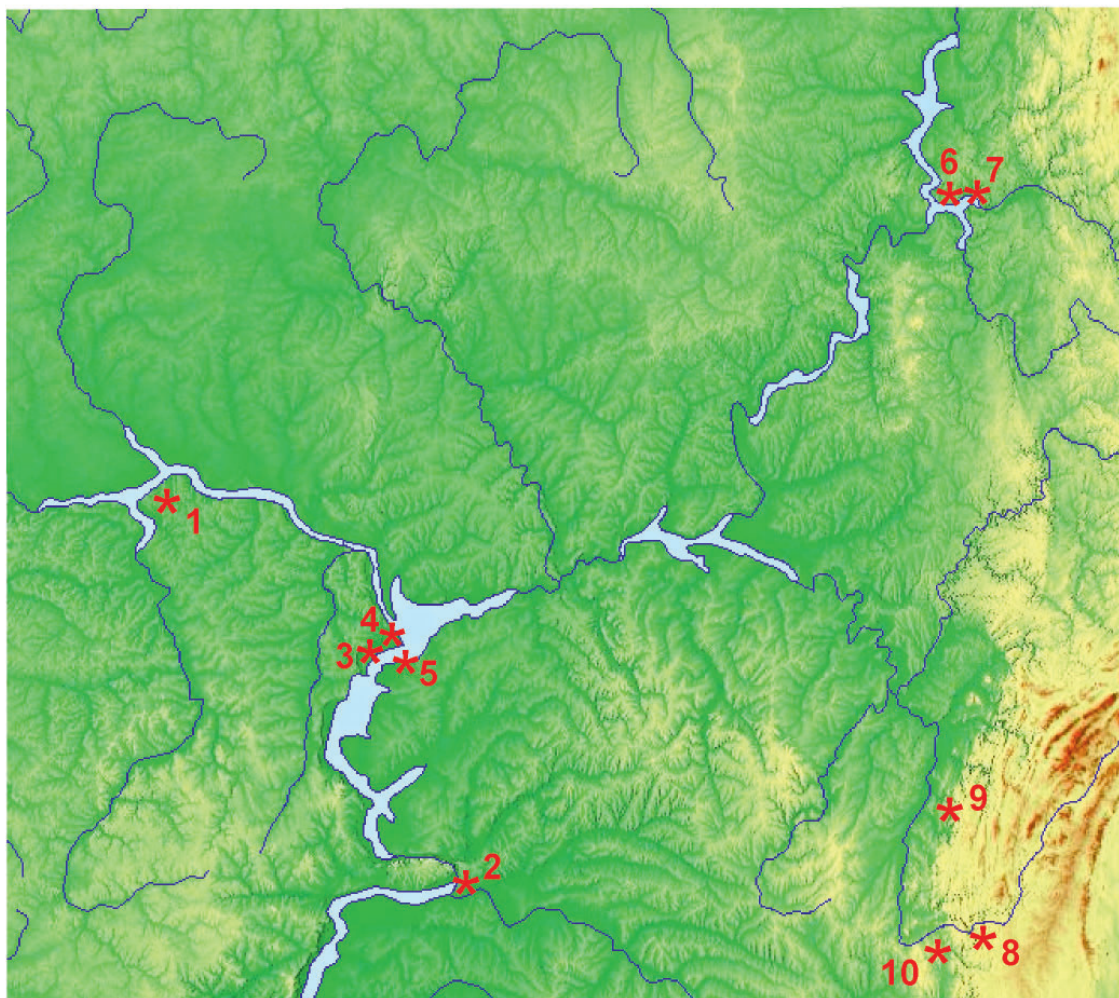

Рис. 1. Карта-схема основных палеолитических памятников Среднего Поволжья и Предуралья: стоянки открытого типа: 1 – Юнга-Кушерга; 2 – Постников Овраг; 3 – Сюкеевский Взвоз; 4 – Камское Устье II и Лобач II; 5 – Курган и Беганчик; 6 – имени Талицкого; пещеры: 8 – Капова; 9 – Игнatieвская; 10 – Байсланташ.

Fig. 1. Location map of the main Paleolithic sites in the Middle Volga region and the Urals: open-air sites: 1 – Junga-Kusherga; 2 – Postnikov Ovrage; 3 – Syukeyevsky Vzvoz; 4 – Kamskoye Ustye II and Lobach II; 5 – Kurgan and Beganchik; 6 – named after Talitsky; caves: 8 – Kapova; 9 – Ignatievskaya; 10 – Bayslantash.

интересных фаунистических местонахождений был приглашен крупнейший специалист по палеолиту А.Н. Рогачев из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР – исследователь всемирно известных палеолитических стоянок в с. Костёнки на Среднем Дону. А.Х. Халиковым и А.Н. Рогачевым совместно с научным сотрудником Геологического института КФ АН СССР К.С. Андриановым и студентами Казанского и Марийского педагогических институтов были пройдены разведочные маршруты в долинах правых притоков Волги – Сумки, Большой Юнги и Малой Сундырки в Горномарийском районе. В результате удалось обнаружить и выяснить геологические условия залегания местонахождений кремневых отщепов Акчерино и Петнур, местонахождения костей четвертичной фауны Янгосово, а также главного откры-

тия – палеолитической стоянки Юнга-Кушерга (рис. 1) (Халиков, 1961).

Предпосылкой открытия этой стоянки стало сообщение местного жителя о находке бивня мамонта в обрыве левого берега р. Большой Юнги, при впадении в нее ручья Кожважка, к востоку от д. Юнга-Кушерга Горномарийского района (рис. 2А). Осмотр места находки, произведенный А.Х. Халиковым в июле 1959 г. (рис. 2Б), показал наличие здесь находок окаменевших костей ископаемой фауны, в том числе мамонта, шерстистого носорога, лошади, быка, медведя, бобра (определение с.н.с. Биологического института КФ АН СССР В.А. Попова). Как отметил А.Х. Халиков, «часть из этих костей носила следы искусственных повреждений (слом, надрезы, зарубки), что уже тогда заставило предполагать наличие здесь местонахождения стоянки

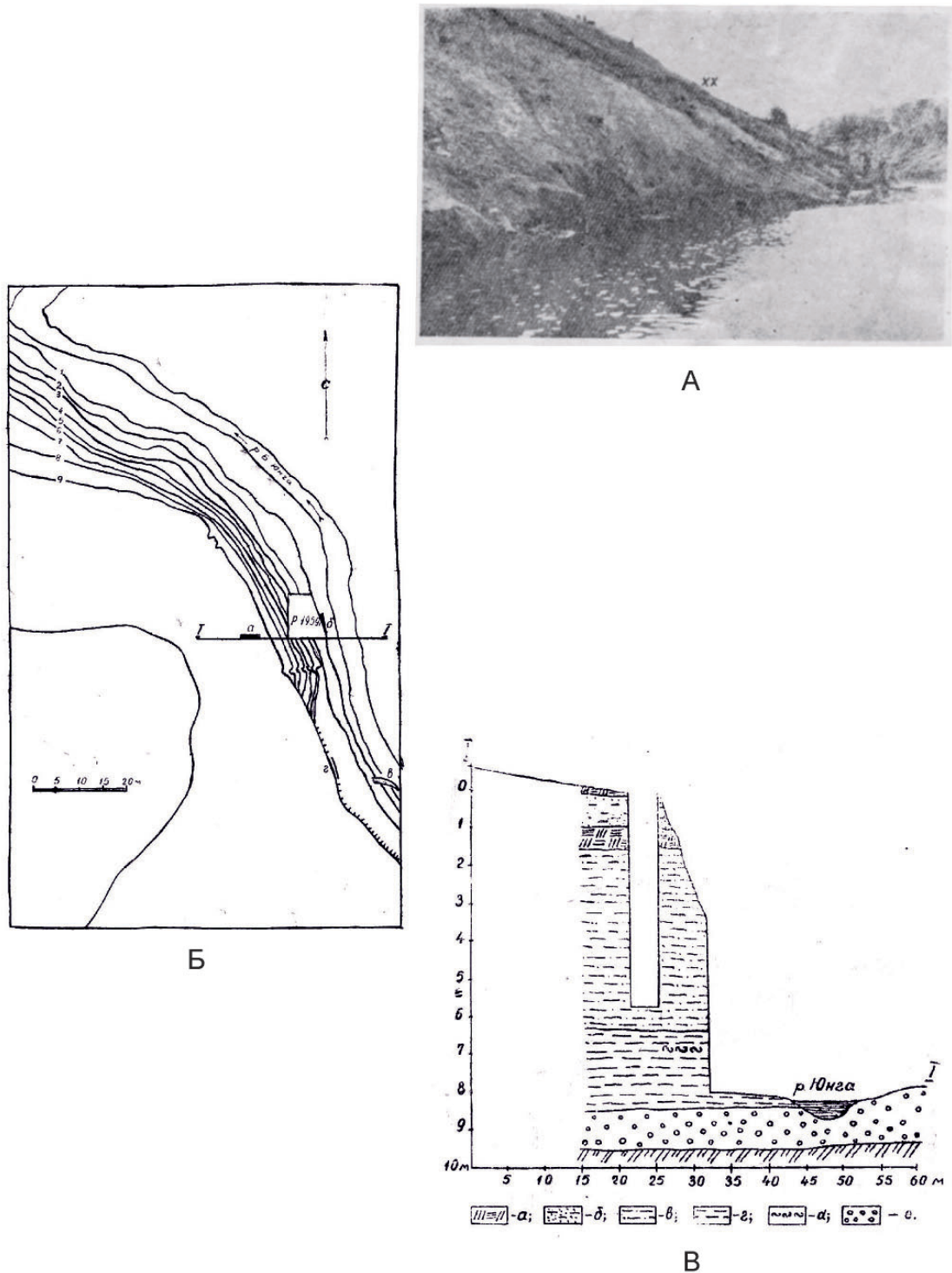

Рис. 2. Стоянка Юнга-Кушерга в Горномарийском районе

А – фото стоянки (по: А.Х. Халиков, 1961, рис. 1, с. 142): х – место находки бивня мамонта в 1958 г.; хх – место раскопа 1959 года; Б – план расположения стоянки (по: А.Х. Халиков, 1961, рис. 2, с. 143): а – шурф; б – зачистка в августе 1959 г.; в – место находки бивня мамонта в 1958 г.; обнажение: I – I – линия разреза. Горизонталы проведены через 1 метр; В – стратиграфический разрез через местоположение стоянки по линии I – I (по: А.Х. Халиков, 1961, рис. 3, с. 145).

Fig. 2. The Junga-Kusherga site in the Gornomariysky district

А – photo of the site (according to A.Kh. Khalikov, 1961, Fig. 1, p. 142): х – the discovery place of the mammoth tusk in 1958; хх – location of the excavation 1959; Б – plan of the site location (according to A.Kh. Khalikov, 1961, fig. 2, p. 143): а – the prospect trench; б – cleaning of the bank cliff in August 1959; в – the discovery place of the mammoth tusk in 1958; outcrop: I – I – the section line. The horizontal lines are drawn through 1 meter; В – stratigraphical section through the location of the site along the line I – I (according to A.Kh. Khalikov, 1961, fig. 3, p. 145).

палеолитического возраста. Это предположение полностью подтверждалось при осмотре местонахождения стоянки в августе 1959 г. А.Н. Рогачевым и геологом К.С. Андриановым» (Халиков, 1961, с. 144).

Важной находкой стало обнаружение исследователями кремневых артефактов и фрагментов костей *in situ* в обнажении берега в слое илистого суглинка на высоте 1,5 м от уровня летней межени реки (рис. 2Б). К.С. Андриановым (1961), изучившим геологические условия стоянки, было установлено, что культурные остатки и углистые включения залегают в отложениях древней старицы и приурочены к нижним горизонтам первой надпойменной террасы Большой Юнги, которая сформировалась во время последнего оледенения (рис. 2В).

Поскольку береговой мыс с этими отложениями мог быть размытым в ближайшее половодье, во второй половине сентября 1959 г. под руководством А.Х. Халикова были организованы охранно-спасательные раскопки. В раскопках принимали участие научный сотрудник МарНИИ Г.А. Архипов, старший научный сотрудник Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника Е.А. Безухова (Халикова), а также студенты Казанского университета и Горьковского педагогического института (Халиков, 1961, с. 144–145).

Раскоп общей площадью 43 м² исследовался путем зачисток по 3–5 см, а культурный слой (сизый иловатый суглинок с включениями желтого суглинка) мощностью 10–20 см выбирался мелкими инструментом с оставлением всех находок на местах и их фиксацией (рис. 3А). В ходе раскопок А.Х. Халиковым было отмечено: «Хотя все зафиксированные кремни, кости животных, углистые и охристые включения, без сомнения, сохранились в слое суглинка в непо потревоженном состоянии, однако они, вероятно, представляют собой культурные остатки, уже в древности оказавшиеся во вторичном залегании в результате их перемещения с места обитания человека в русло Праюнги» (Халиков, 1961, с. 147, 149) (рис. 3Б).

По результатам пылецевого анализа культурного слоя, выполненного Т.А. Кузнецовой (Геологический институт КФ АН СССР), во время функционирования стоянки произрастала степная растительность, на берегах, вероятно, существовали ивняки, на водоразделах – слабые сосновые боры, а климат приближался к тундровому типу. Этой реконструкции ландшафта соответствуют видовые определения

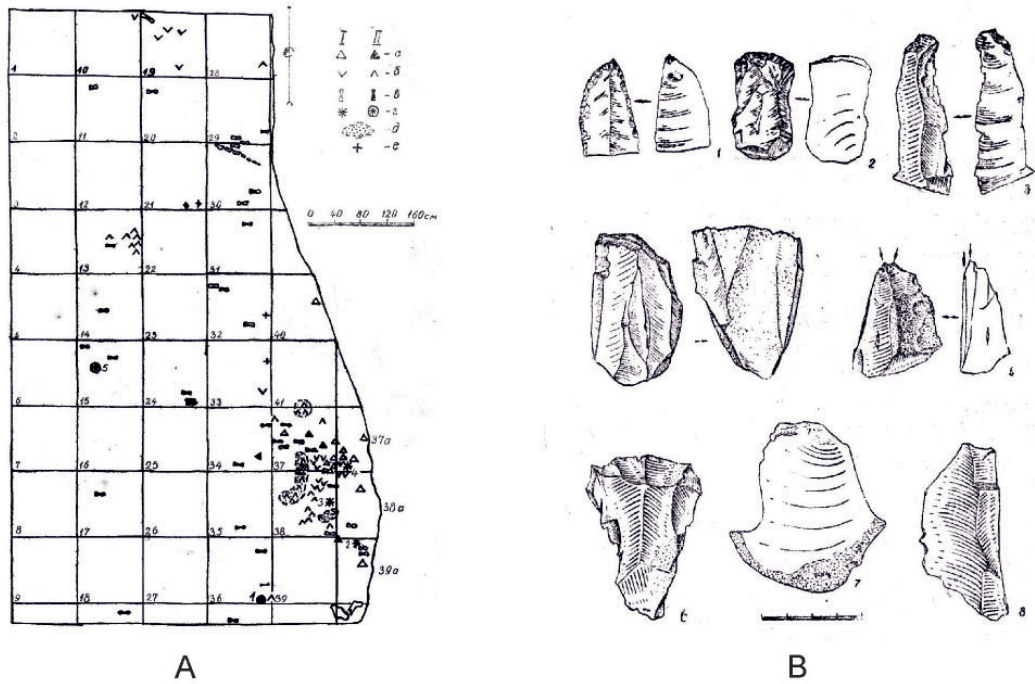
фаунистических остатков из раскопа, выполненные В.А. Поповым (Биологический институт КФ АН СССР), в числе которых лошадь, северный олень, лось, носорог, мамонт, крупная полевка, пищуха, степная пеструшка (Халиков, 1961, с. 149, 150).

В коллекции кремневых предметов, собранных на стоянке в количестве 87, преобладают крупные отщепы, имеется небольшое количество крупных пластин и одна миниатюрная пластина. Некоторые из этих пластин имеют следы их применения в качестве ножей, выраженные в виде нерегулярных фасеток ретуши утилизации по краям. Был найден конический нуклеус с негативами пластин. Также А.Х. Халиковым отмечены два фрагмента нуклеусов и единичные орудия: обломок острия листовидной формы на крупной пластине с пологой ретушью на сходящихся краях, концевой скребок на массивной пластине, а также массивный крупный отщеп с резцовым сколом по краю (рис. 3В).

Кроме того, автором при знакомстве с этой коллекцией определены следующие орудия: два долотовидных изделия на фрагментах длинных сколов, двугранный срединный резец на коротком фрагменте скола, двугранный угловой резец на длинном сколе подправки, резцевидное изделие на фрагменте миниатюрной пластинки (Галимова, 2001, с. 50, 272).

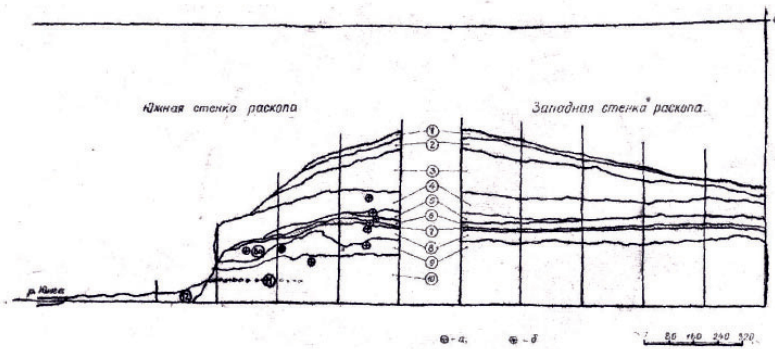
В результате морфолого-типологического изучения кремневого комплекса и естественно-научных данных А.Х. Халиков датировал Юнга-Кушергинскую стоянку верхнепалеолитическим временем (Халиков, 1961, с. 152, 153). Исследователь полагал, что материальная культура населения, оставившего эту стоянку, «была близка к культуре Восточной Европы, а не Сибири» (Халиков, 1969, с. 19). Вместе с тем ни в первой публикации, ни в последующих работах А.Х. Халиков не высказался с определенностью о культурной принадлежности Юнга-Кушерги, что представляется вполне обоснованным в свете малочисленности и недостаточной выразительности найденных здесь кремневых орудий.

После результативных поисков палеолита в Горномарийском районе и исследования стоянки Юнга-Кушерга А.Х. Халиков обратился к материалам позднепалеолитической стоянки Постников Овраг, открытой в 1922 г. на левом берегу Волги в черте Самары и раскопанной в 1924–1927 гг. В.В. Гольмстен и ее учениками под эгидой созданного тогда Самарского общества археологии, истории,

А

В

Б

Рис. 3. Стоянка Юнга-Кушерга. Раскоп 1959 года

А – план раскопа (по: А.Х. Халиков, 1961, рис. 4, с. 146): I – предметы в основном слое; II – предметы в подстилающем горизонте: а – отщеп; б – угли; в – кость; г – орудие; д – песок; е – охра; 1 – острие; 2 – скребок; 3 – пластина с ретушью. **Б** – профиль раскопа (по: А.Х. Халиков, 1961, рис. 5, с. 148): а – место выема пробы для пыльцевого анализа; б – предмет в слое. Слои: 1 – дерн с темно-серым суглинком; 2 – желтый суглинок; 3 – коричневатно-желтый суглинок; 4 – желтовато-серый суглинок; 5 – серый иловатый суглинок; 6 – сизый иловатый суглинок; 7 – иловатый суглинок с гуммированными включениями и культурными остатками; 8 – серовато-сизый ил; 9 – темно-серый ил; 10 – серый ил; 11 – галечник. **В** – кремневые орудия (по: А.Х. Халиков, 1961, табл. I, с. 151): 1 – острие; 2 – скребок; 3 – пластина с ретушью; 4 – нуклеус; 5 – резец; 6, 8 – нуклеидные кремни; 7 – отщеп.

Fig. 3. The Junga-Kusherga site. The excavation 1959

A – excavation plan (according to A.Kh. Khalikov, 1961, fig. 4, p. 146): I – items in the main layer; II – findings in the underlying horizon: a – flake; b – coals; c – bone; d – tool; d – sand; e – ochre; 1 – point; 2 – scraper; 3 – retouched blade. **B** – the excavation profile (according to: A.Kh. Khalikov, 1961, fig. 5, p. 148): a – the place of taking out sampling for pollen analysis; б – the object in the layer. Layers: 1 – sod with dark gray clay loam; 2 – yellow clay loam; 3 – brownish-yellow clay loam; 4 – yellowish-gray clay loam; 5 – gray silty clay loam; 6 – gray silty clay loam; 7 – silty clay loam with gummed inclusions and cultural remains; 8 – grayish-gray silt; 9 – dark gray silt; 10 – gray silt; 11 – pebbles. **B** – flint tools (according to A.Kh. Khalikov, 1961, Table I, p. 151): 1 – butt; 2 – scraper; 3 – retouched blade; 4 – core; 5 – burin; 6, 8 – nucleoid flints; 7 – flake.

этнографии и естествознания при Самарском университете (рис. 1, 4). Тогда общая раскопанная площадь на многослойном памятнике Постников Овраг составила 100 м². В результате исследований были зафиксированы 11 пунктов находок каменных артефактов, отнесенных к культурным слоям разного возраста. Поздним палеолитом были датированы два нижних культурных слоя (Гольмстен, 1928; Кузнецова, Скупова, 1987; Кузнецова, 2000).

Кремневые артефакты нижнего палеолитического культурного слоя залежали в подошве толщи лессовидного суглинка на глубине около 2 м (Гольмстен, 1928, с. 125; Кузнецова, Скупова, 1987; Кузнецова, 2000). Здесь были найдены около 200 кремневых предметов (нуклеусов и их первичных заготовок, пластин, отщепов, орудий), а также фрагмент костяной иглы, обломки бивня мамонта и предмет неизвестного назначения с нарезками по краю. Каменный инвентарь нижнего слоя отличается присутствием значительного числа кремневых пластин, а также орудий, выполненных на пластинах: концевые скребки, резцы ретушного и двугранного типов, скобели, пластинки с усеченным ретушью концом (Кузнецова, Скупова, 1987, с. 22–24; Кузнецова, 2000, с. 76, 77). Также в этом слое были найдены галечное рубящее орудие типа чоппинга (рис. 4: 24) и скребла на массивных сколах с кремневых конкреций (рис. 4: 13, 22).

Верхний палеолитический культурный слой был зафиксирован в слое делювиального суглинка на глубине от 130–160 см. Здесь В.В. Гольмстен были зафиксированы не только кремневые артефакты, но и остатки кострища, речные раковины и кости животных (Кузнецова, 2000, с. 28–31). В коллекции из верхнего слоя насчитывается 229 кремневых предметов, среди которых: нуклеусы, нуклеидные куски, отщепы, численно преобладающие над пластинами, а также орудия разных типов (Кузнецова, Скупова, 1987, с. 25–27; Кузнецова, 2000, с. 78–80). Среди орудий наиболее представительна группа скребков, разнообразных по форме и размерам, в их числе концевые скребки на пластинах (рис. 4: 12; 5: 6, 7) и отщепов (рис. 4: 11; 5: 12), а также выразительная серия скребков с выпуклым краевым либо полукруглым лезвием, выполненных на отщепов (рис. 4: 9; 5: 1–4; 9–11). Малочисленны в коллекции верхнего слоя отщепы с краевой ретушью либо выемками – скобели (рис. 5: 5, 8), единично клювовидное орудие на отщепе (рис. 4: 5). Оригинальный облик имеют крупные скребла, изготовлен-

ные на морозобойных сколах и плитке кремня (рис. 4: 14; 5: 13, 16), а также топоровидное орудие с выпуклым лезвием (Кузнецова, Скупова, 1987, рис. 11: 2, с. 27).

А.Х. Халиков, изучив коллекцию Постникова Оврага, на основании крупных орудий, найденных в верхнем слое (рис. 4: 14, 16, 18, 19, 21, 23), выдвинул гипотезу о том, что области Среднего Поволжья в конце эпохи палеолита и в начале мезолитического времени вошли в ареал воздействия культурных традиций Сибири. В развернутом виде эта гипотеза была сформулирована в его фундаментальной монографии «Древняя история Среднего Поволжья» (Халиков, 1969, с. 6–19). Главным аргументом в пользу «сибирского облика» кремневого инвентаря Постникова Оврага II (верхнего слоя) послужили «макролитические» изделия. Исследователь имел в виду расколотые гальки и конкреции с приостренными концами (рис. 4: 16, 17, 19–22), крупные скребки и скребла (рис. 4: 14, 18, 23), грубые рубящие орудия, крупные подклиновидные ядрища (рис. 4: 4).

А.Х. Халиков полагал, «что крупные орудия стоянки Постников Овраг II, имеющие макролитический облик, по форме и характеру изготовления обнаруживают, с одной стороны, палеолитические традиции, а с другой – выявляют технику, специфичную для каменного века Сибири и востока Средней Азии» (Халиков, 1969, с. 15).

К этому кругу памятников рубежа палеолита и мезолита были отнесены стоянки, выявленные к тому времени в районе устья Камы, – Сюкеевский Взвоз на правом берегу Волги, а также Девичий Городок и Курган в левобережье (рис. 1). Кроме того, сибирские культурные традиции были прослежены А.Х. Халиковым на примере двух костяных гарпунов (рис. 6), находка которых была зафиксирована В.В. Гольмстен в ходе разведок в 1920-х гг. у с. Кравцово Бузулукского уезда Самарской губернии. Как отметила В.В. Гольмстен, один из гарпунов был изготовлен из кости мамонта и залегал совместно с палеолитической фауной (Гольмстен, 1928). А.Х. Халиков на основе анализа формы гарпунов и сравнения их с позднепалеолитическими гарпунами Западной Европы и гарпунами из мезолитических (эпипалеолитических) памятников Сибири отнес гарпуны из Кравцово к сибирским типам (Халиков, 1969, с. 20).

По мнению исследователя, «рубеж палеолита и мезолита является тем важным периодом, когда на востоке Европы появились

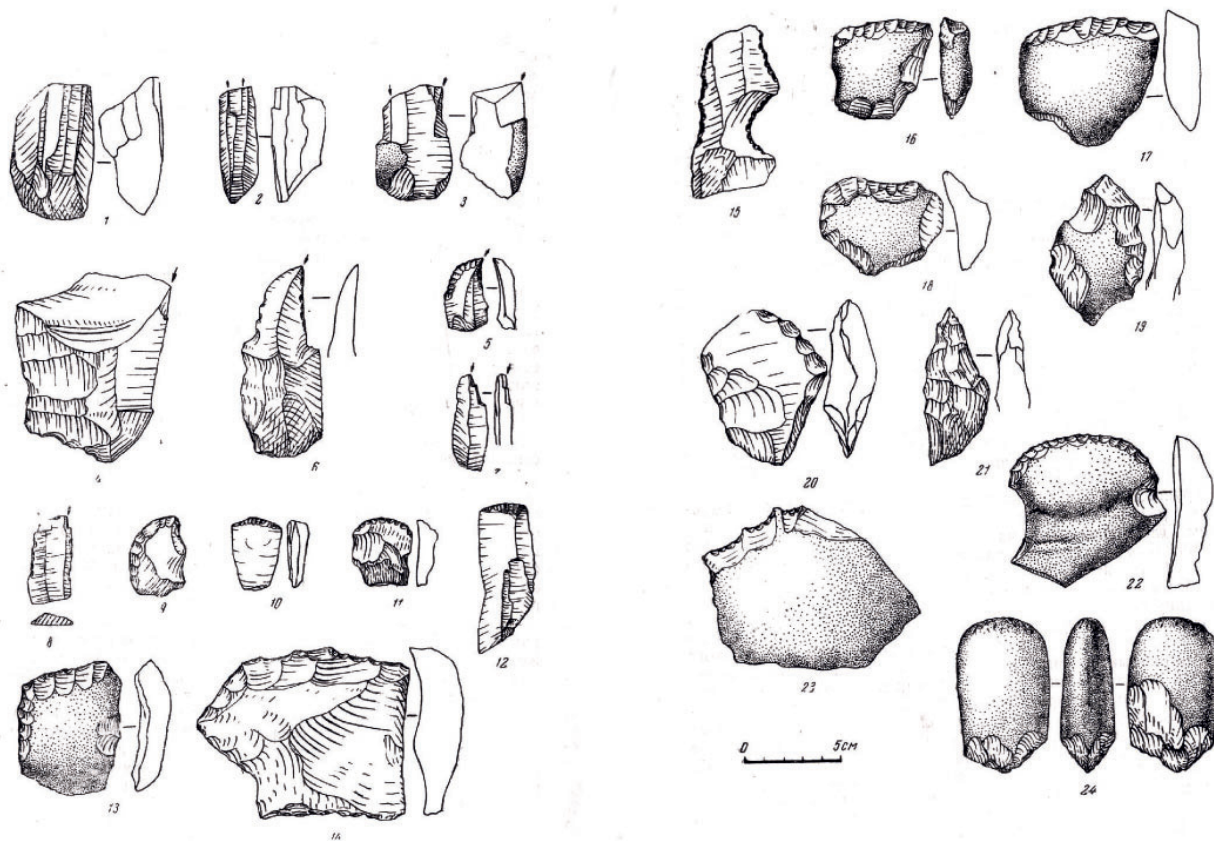

Рис. 4. Стоянка Постников Овраг. Кремневый инвентарь (по: А.Х. Халиков, 1969, рис. 3, с. 12–13)
Fig. 4. The Postnikov Ovrag site. Flint inventory (according A.Kh. Khalikov, 1969, fig. 3, p. 12–13).

новые палеоэтнические группы, сыгравшие впоследствии значительную роль в формировании древнейших основ местных племен эпохи мезолита и неолита» (Халиков, 1969, с. 6). А.Х. Халиков отмечал, что кремневый инвентарь Постникова Оврага имеет много общего с материалами позднепалеолитической стоянки им. Талицкого в Пермском Прикамье (рис. 1), а также что, «вероятно, области Среднего Поволжья в конце эпохи палеолита и в начале мезолитического времени вошли в ареал воздействия культурных традиций Сибири» (Халиков, 1969, с. 19).

Свое дальнейшее развитие эта точка зрения получила в труде «Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья», в части, посвященной происхождению финноязычных народов (Халиков, 1991, 2011). В этой работе А.Х. Халиков выдвинул тезис о зарождении урало-алтайской языковой и этнической общности в позднем палеолите. Археологическим воплощением урало-алтайской общности, как полагал исследователь, были енисейские культуры – афонтовская и кокоревская, занимавшие территорию от стоянки Ошурково (Забайкалье) на востоке до стоянки Могочино (Томское Приобье) на западе (рис. 7). По мнению А.Х. Халикова, представители

урало-алтайской общности контактировали с сформировавшимися западнее племенами индоевропейской общности. Следует отметить, что к кругу памятников, принадлежавших носителям индоевропейских языков, А.Х. Халиков отнес известные стоянки Мальта и Буреть (рис. 7) на р. Ангаре (Халиков, 2011, с. 14).

По схеме А.Х. Халикова, в конце палеолита (около 15–10 тыс. л. н.) племена сибирского происхождения пересекли Урал и расселились на берегах Камы и Волги. Их путь отмечен такими памятниками, как Голый Камень на Урале, стоянка им. Талицкого и Горная Талица на р. Чусовой, Медвежья пещера на Печоре, Постников Овраг и Сюкеевский Взвоз на Волге (рис. 1). Исследователь полагал, что «в этом процессе следует усматривать отрыв основы уральской общности от сибирского корня и начало ее самостоятельного существования» (Халиков, 2011, с. 14).

Несмотря на свою логичность, концепция А.Х. Халикова не получила в полной мере подтверждения по результатам дальнейших исследований палеолитических памятников палеолита Сибири, Урала и Поволжья. Ряд новых палеолитических стоянок, изученных на юге Западной и Средней Сибири, а также на

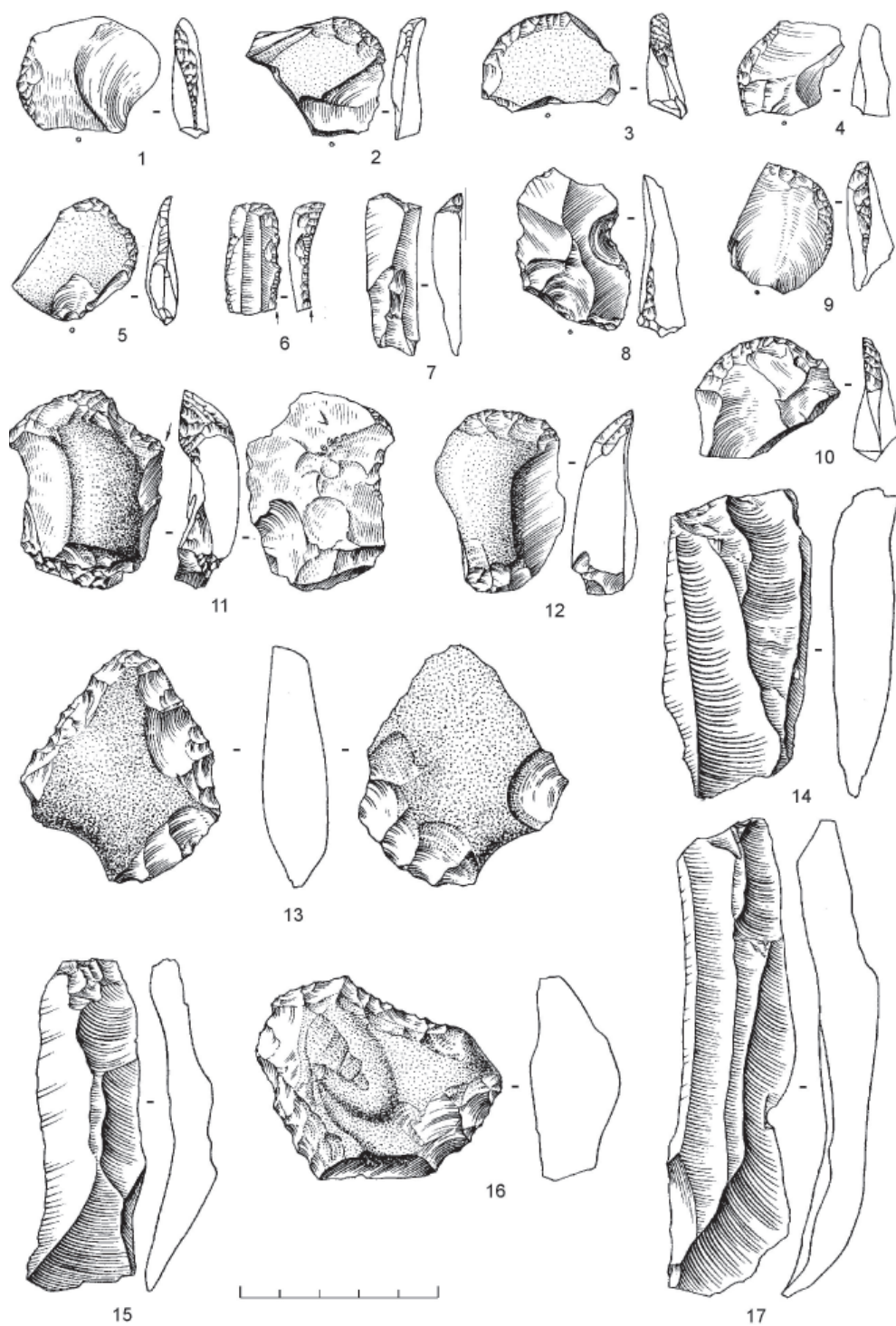

Рис. 5. Стоянка Постников Овраг. Кремневые орудия и пластины (по: Л.В. Кузнецова, 2000, рис. 44–45, с. 79–80)

Fig. 5. The Postnikov Ovrag site. Flint tools and blades (according to L.V. Kuznetsova, 2000, fig. 44–45, p. 79–80).

Урале, создают гораздо более сложную культурно-хронологическую картину. К примеру, если в 1960–1970 гг. в Западно-Сибирской низменности были исследованы чуть более десятка позднепалеолитических стоянок – Гари, Шикаевка, Черноозерье 2, Волчья Грива, Могочино, Томск и другие (рис. 7), то к первому десятилетию XXI в. здесь появились сведения о почти 40 памятниках позднепалеолита, для многих из которых теперь

получены радиоуглеродные даты (Зенин, 2002; Макаров, 2009).

На Урале, по данным Ю.Б. Серикова, исследовано раскопками около 40 палеолитических памятников, большинство из них отличаются индивидуальными чертами каменного инвентаря. Это не способствует их объединению в культурные группы с достаточной степенью уверенности (Сериков, 2007).

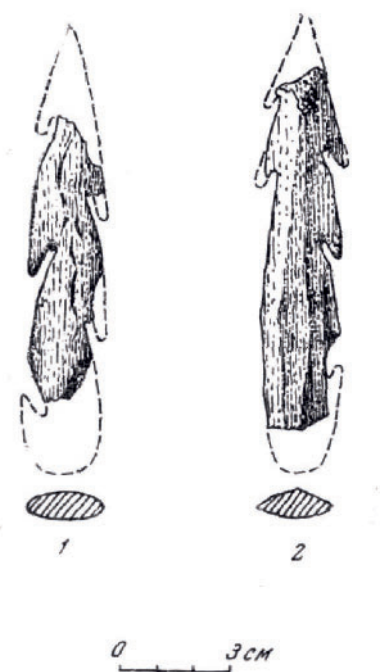

Рис. 6. Костяные гарпуны, найденные у с. Кравцово (бывш. Бузулукского уезда Самарской губернии) (по: А.Х. Халиков, 1969, рис. 5, с. 20)
Fig.6. Bone harpoons found at Kravtsovo village (ex. Buzuluk district of Samara governorate (according to A.Kh. Khalikov, 1969, fig. 5, p. 20)

Отмеченная А.Х. Халиковым стоянка-мастерская Голый Камень на окраине г. Нижнего Тагила рассматривается в настоящее время как комплекс разновозрастных местонахождений и стоянок, связанных с выходами кремнистого сырья, в том числе раннепалеолитических (Сериков, 1988, 2015). Это не позволяет считать Голый Камень памятником, отмечающим движение сибирских позднепалеолитических коллективов на Среднюю Волгу.

Стоянка им. Талицкого (Островская), открытая в 1938 г. в нижнем течении р. Чусовой в Пермском Прикамье, является самым известным и информативным палеолитическим памятником открытого типа на Урале. В связи со стоянкой Талицкого до сих пор не угасает дискуссия о сибирском либо европейском облике материальной культуры уральского населения позднего палеолита. Стоянка изучалась М.В. Талицким, В.И. Громовым, М.П. Грязновым и А.А. Иессеном, а также основным ее исследователем – О.Н. Бадером, который в период с 1945 г. по 1952 г. вскрыл раскопками 500 м² и получил коллекцию, состоящую из 5000 каменных и 30 костяных артефактов. Среди фаунистических остатков преобладают кости северного оленя, найдены также кости мамонта, шерстистого носоро-

га, лошади, песка и зайца (Щербакова, 1994; Котов, 2014). Радиоуглеродный возраст культурного слоя определен одной датой: 18700 ± 200 лет (ИГАН-1907) (Свеженцев, Щербакова, 1997). Практически полным аналогом стоянки Талицкого с точки зрения материальной культуры считается стоянка Широфаново II, исследованная Э.Ю. Макаровым и П.Ю. Павловым в 1990–2000-х гг. на Верхней Каме (Макаров, Павлов, 2007).

На протяжении второй половины XX в. в литературе развернулась дискуссия: М.В. Талицкий, М.В. Воеводский, З.А. Абрамова, О.Н. Бадер, А.Х. Халиков усматривали в материальной культуре стоянки им. Талицкого зауральские черты и вели ее происхождение из Сибири, в то время как не менее известные специалисты – П.П. Ефименко, А.Н. Рогачев, А.А. Формозов – относили эту стоянку к восточноевропейскому верхнепалеолитическому кругу (Павлов, 2012). Т.И. Щербакова (1994) и В.Т. Петрин (1986) высказались в пользу самобытного характера материальной культуры стоянки Талицкого.

В начале XXI в. обсуждение этого вопроса продолжилось. Г.П. Григорьев однозначно отнес стоянку им. Талицкого к сибирскому палеолиту (Григорьев, 2001). К этой точке зрения присоединился В.Г. Котов (2014). Автор настоящей статьи и Ю.Б. Сериков высказали мнение о том, что современный уровень наших знаний не позволяет решить вопрос о культурной атрибуции стоянки со всей определенностью (Галимова, 2001; Сериков, 2007).

П.Ю. Павлов видит в материальной культуре стоянки им. Талицкого основу для выделения специфической уральской (среднеуральской) культуры позднего палеолита, носители которой контактировали с населением стоянки Постников Овраг, о чем свидетельствуют найденные там крупные галечные рубящие орудия и скребла (Павлов, 2007, 2014). Также П.Ю. Павлов усматривает аналогии каменному и костяному инвентарю памятников уральской культуры в материалах стоянки Черноозерье II, исследованной в 1968–1971 гг. В.Ф. Генингом и В.Т. Петриным на р. Иртыш в Омской области (рис. 7) (Генинг, Петрин, 1985).

Хотя концепция уральской (первоначально «среднеуральской») культуры П.Ю. Павлова не получила поддержку некоторых специалистов по палеолиту Урала (Котов, 2014; Сериков, 2007), сходство между стоянкой им. Талицкого на Чусовой и Постниковым Овра-

Рис. 7. Карта основных палеолитических стоянок Среднего Поволжья, Урала, Западной Сибири и Прибайкалья, упоминаемых в статье: 1 – Юнга-Кушерга; 2 – Постников Овраг; 3 – Сюкеевский Взвоз; 4 – Курган, Девичий Городок; 5 – Кравцово; 6 – Медвежья пещера; 7, 8 – стоянка Талицкого, Горная Талица; 9 – Широфаново 2; 10 – Голый Камень; 11 – Гари; 12 – Игнatieвская пещера; 13 – Шикаевка; 14 – Черноозерье 2; 15 – Волчья Грива; 16 – Могочино; 17 – Томск; 18 – Шестаково; 19 – Ачинск; 20 – Красный Яр; 21 – Новоселово, Кокорево; 22 – Черёмушки, Троицкая 1; 23 – Мальта; 24 – Буреть; 25 – Ошурково

Красным цветом показаны памятники, упомянутые в работах А.Х. Халикова

Fig. 7. Map of the main Paleolithic sites of the Middle Volga region, the Urals, the Western Siberia and the Baikal region mentioned in the article: 1 – Junga-Kusherga; 2 – Postnikov Ovrage; 3 – Syukeyevsky Vzvoz; 4 – Kurgan, Devichiy Gorodok; 5 – Kravtsovo; 6 – Medvezhya Cave; 7, 8 – Talitsky site, Gornaya Talitsa; 9 – Shirovanovo 2; 10 – Goliy Kamen; 11 – Gari; 12 – Ignatievskaya Cave; 13 – Shikaevka; 14 – Chernoozerye 2; 15 – Volchya Griva; 16 – Mogo-chino; 17 – Tomsk; 18 – Shestakovo; 19 – Achinsk; 20 – Krasny Yar; 21 – Novoselovo, Kokorevo; 22 – Cheryomushki, Troitskaya 1; 23 – Malta; 24 – Buret; 25 – Oshurkovo.

The sites mentioned in the works of A.H. Khalikov are shown in red.

гом на Волге по характерным чертам каменного инвентаря было отмечено неоднократно (Кузнецова, 2000; Григорьев, 2001; Галимова, 2001).

Аналогии в каменном инвентаре стоянки им. Талицкого и Игнatieвской пещеры на р. Сим на Южном Урале (рис. 7), функционировавшей как палеолитическое святилище около 14–13 тыс. л. н., отмечалось исследователем пещеры В.Т. Петриным (1992). Он полагал, что сравниваемые памятники относятся к одной линии развития культур позднего палеолита Урала.

По мнению В.Т. Петрина, «для палеолитических культур на Урале характерна автох-

тонная линия развития. В позднем палеолите наибольшее распространение получают культурные проявления, эталоном которых могут служить материалы стоянки им. Талицкого. Видимо, это автохтонная линия развития, уходящая своими корнями в предшествующее время. Она заканчивается в позднем палеолите и наиболее ярко представлена на стоянке Горная Талица. Каменный инвентарь из Игнatieвской пещеры, с одной стороны, несомненно, близок к коллекциям с памятников этого круга, но с другой – представляет вполне самостоятельное явление, как и материалы из Каповой пещеры» (Петрин, 1992, с. 145).

Вместе с тем целый ряд исследователей указали на сходство стоянки им. Талицкого с зауральской стоянкой Черноозерье II (Петрин, 1986; Щербакова, 1994; Григорьев, 2001; Галимова, 2001). Вопрос о характере этого сходства решался по-разному. В.Т. Петрин полагал, что это сходство отражает не их однокультурность, а лишь возможные контакты групп людей, живших в примерно одинаковых природных условиях и имевших сходный хозяйственный уклад (Петрин, 1986, с. 105). Другого мнения придерживался Г.П. Григорьев, указавший на сходство каменного инвентаря стоянок им. Талицкого и Постников Овраг с инвентарем стоянок Черноозерье II на Иртыше и Могочино на Оби (рис. 7). В поддержку концепции А.Х. Халикова Г.П. Григорьев отметил: «Стоянка Талицкого, по совокупности признаков каменного инвентаря, относится к сибирскому палеолиту. Урал уже не был границей между верхнепалеолитической Европой и Сибирью, а областью, где (видимо, в разное время) обитали и носители сибирского палеолита, и поникавшие туда группы европейского населения. Сибирские памятники проникали вплоть до Волги, свидетельством чему несколько пунктов в Постниковом овраге на территории города Самары» (Григорьев, 2001, с. 154).

В материалах многослойной стоянки Шестаково (рис. 7), расположенной на юго-востоке Западно-Сибирской равнины, В.Н. Зенин усматривает аналогии наиболее выразительным типам орудий из культурных горизонтов 5–8 (25–18 тыс. л. н.) в материалах некоторых раннесартанских стоянок Сибири и в близких им по хронологии стоянках Урала и Поволжья (стоянки им. Талицкого и Постников Овраг) (Зенин, 2003).

Если следовать схеме А.Х. Халикова, далее к востоку, в Южной Сибири, изучена группа весьма информативных стоянок на Среднем Енисее, расположенных на участке от севера Минусинской котловины до Красноярска. Эти стоянки стали опорными в культурно-хронологических схемах позднего палеолита Сибири, разработанных исследователями в конце XX – начале XXI в. В первую очередь речь идет об афонтовской и кокоревской культурах, выделенных З.А. Абрамовой в 1960–1970 гг. (Абрамова, 1989).

Важнейшей особенностью этих культур является то, что их носители занимали одну и ту же территорию и жили одновременно в поздний период последнего оледенения – приблизительно от 15 до 11 тыс. л. н.

(Деревянко и др., 2017; Харевич и др., 2017). Общими чертами техники расщепления каменного сырья и производства орудий для обеих культур являются оформление клиновидных нуклеусов для получения пластин и микропластин стандартной формы и широкое использование этих пластин в пазовом костяном и роговом инвентаре в качестве вкладышей в сочетании с крупными галечными орудиями «архаического» облика – рубящими (чопперами) и скреблами. Характерны также составные костяные и роговые орудия (вкладышевые кинжалы и наконечники). В афонтовской культуре основными памятниками являются стоянки Кокорево II и III (рис. 7), Афонтова Гора II и III, Таштык I и II. Опорными стоянками кокоревской культуры являются Кокорево I (Забочка), Новоселово VI и VII, Кокорево IV (рис. 7), Аешка I и II (Абрамова, 1989).

Верхняя хронологическая граница кокоревской культуры сравнительно недавно была продлена вплоть до окончания оледенения и начала современного климатического этапа – голоцена, поскольку появились данные изучения стоянок финального этапа кокоревской культуры на Красноярском водохранилище – Троицкая и Черёмушки II (рис. 7) (Харевич и др., 2017; Акимова и др., 2017).

Гораздо восточнее афонтовско-кокоревской группы стоянок, в бассейне Ангары, располагались упоминаемые А.Х. Халиковым стоянки Мальта, Буреть и Красный Яр (рис. 7). З.А. Абрамова (1984) рассматривала верхний культурный комплекс стоянки Красный Яр, раскопанный ею и датированный интервалом 15–16 тыс. л. н., как дальнейшее развитие яркой и самобытной материальной культуры стоянок Мальта и Буреть.

Объединенные в мальтинско-буретскую культуру стоянки Мальта и Буреть, исследования которых осуществил в 1930-х и 1950-х гг. М.М. Герасимов (1958, 1961), а затем в 1991–2001 гг. продолжили иркутские археологи под руководством Г.И. Медведева (Липнина, 2002), дали палеолитоведению богатейший материал по жилищам, погребениям, каменному и костяному инвентарю, произведениям первобытного искусства и украшениям (Абрамова, 1984). Напластования «классической» мальтинской культуры стоянки Мальта датируются периодом 23–21 тыс. л. н. (Липнина, 2002). Характерное для каменного инвентаря мальтинско-буретской культуры сочетание типично сибирских «архаичных» галечных орудий с орудиями европейского

облика, широко представленными в материалах позднего палеолита Европы (Мещерин, 2014) в дополнение к ярким образцам образа женщины в мальтинском мобильном искусстве, дало основание некоторым исследователям вести происхождение этой культуры из Европы (Лисицын, 1999). Однако это предположение не получило поддержку большинства специалистов (Абрамова, 1984; Липнина, 2002; Зенин, 2003).

Памятники мальтинской культуры в соединении с Ачинской стоянкой (рис. 7), близкой по облику каменного инвентаря, были включены З.А. Абрамовой в особую культурную область – ангаро-чулымскую, существовавшую на среднем этапе позднего палеолита на юге Сибири (Абрамова, 1984). Вместе с тем З.А. Абрамовой было отмечено явное сходство каменного инвентаря верхнего комплекса Красного Яра и стоянки им. Талицкого, бытовавших в более поздний период последнего оледенения (Абрамова, 1978).

В целом общие черты в материальной культуре стоянок, расположенных на гигантском расстоянии друг от друга, таких как стоянка им. Талицкого в Приуралье и Красный Яр на Ангаре, были отмечены многими. Однако гипотезы, объясняющие это сходство, существенно разнятся.

А.Х. Халиков (1969, 1991) и Г.П. Григорьев (2001) предполагали непосредственный приток палеолитического населения из Восточной Сибири на Урал и Среднюю Волгу. З.А. Абрамовой (1978) было выдвинуто предположение о том, что стоянка им. Талицкого и Красный Яр представляют собой расходящиеся линии от одной общей подосновы, гипотетически развивавшейся в пределах Казахстана – Средней Азии.

Несколько иной точки зрения придерживался Н.Ф. Лисицын (1999), по мнению которого, в период 20–18 тыс. л. н. в Сибири произошел процесс микролитизации каменного инвентаря, наряду с ранее бытовавшим комплексом изделий появляются пластинки с притупленным краем, мелкие острия с притупленной спинкой, увеличивается количество резцов. Исследователем была намечена цепочка близких в хронологическом плане стоянок от Урала до Байкала (стоянка им. Талицкого, Томская, Ачинская, Красный Яр и др.). В это время зарождается техника торцового микро-нуклеуса.

П.Ю. Павлов рассматривает позднепалеолитические мелкопластинчатые каменные индустрии Северной Азии в качестве источ-

ника, из которого около 19 тыс. л. н. в бассейнах Камы и Печоры, на Среднем и Южном Урале распространилась уральская культура, носители которой в позднеледниковое время проникли в Среднее Поволжье и на Русскую равнину (Павлов, 2008; 2012).

С.С. Макаровым (2009) высказана точка зрения о том, что в раннесартанское время от Приуралья до Байкала появляются носители каменных индустрий с близкими технико-типологическими характеристиками (мелкие размеры орудий и нуклеусов, мелкопластинчатая направленность стратегии расщепления). К этим индустриям отнесены стоянки им. Талицкого, Широфаново 2, Ганичата 2, Шикаевка 2, Томская, Шестаково, Ачинская, Мальта. Решающим фактором в появлении сходных элементов в каменных индустриях позднего палеолита на обширной территории, по мнению С.С. Макарова, были существенные климатические изменения в начале последней стадии оледенения.

В.Н. Зенин (2003) полагает, что в силу повышенной мобильности позднепалеолитических коллективов Сибири возникла тенденция к «микролитизации» – уменьшению размеров инвентаря. В результате мобильности могла происходить «эстафетная» или «волновая» передача культурных или технических «образцов» на просторах северной Евразии. В связи с этим исследователь считает малоперспективными поиски «азиатских» предков для стоянки им. Талицкого либо «европейских» для Мальты.

Таким образом, хотя схема А.Х. Халикова на сегодняшний день и не подтверждается фактами напрямую, которые рисуют более сложную картину, исследователи продолжают изыскания в данном направлении и не исключена возможность вернуться к идее А.Х. Халикова в будущем на новых материалах.

Стоянка Постников Овраг на Волге – опорный памятник позднего палеолита Среднего Поволжья, который наряду с опорным уральским памятником – стоянкой им. Талицкого – и в наши дни остается вовлеченным в разработку дискуссионных вопросов генезиса и взаимодействия культурных образований позднего и финального палеолита Поволжья, Урала и Зауралья.

В заключение следует присоединиться к мнению В.В. Напольских – ведущего отечественного специалиста в области исторического языкознания, который оценил роль трудов А.Х. Халикова по уральской предыстории следующим образом: «Работы А.Х.

Халикова отличаются... прежде всего, чрезвычайно широким, практически панъевразийским взглядом на проблемы уральской предистории, постоянным интересом к открытиям и гипотезам зарубежных коллег, готовностью к научной полемике и постоянным стремлением к комплексному подходу... Именно сочетание этих особенностей позволяло исследователю выстраивать кажущиеся порой слишком смелыми, но при этом оказавшиеся достаточно жизнеспособными гипотезы. ...Следует признать выдерживающей проверку временем идею А.Х. Халикова о носителях уральских языков (праязыка) как первых постледниковых насельников Урала и Западной Сибири и о распаде более древних общностей в связи с освоением предками уральцев Западносибирского – Уральского региона в конце ледникового периода. Однако конкретные археологические следы этих процессов (материалы стоянок Голый Камень, им. Талицкого, Горная Талица, Медвежья пещера, Постников овраг и др., близкие, по А.Х. Халикову, позднему сибирскому палеолиту), вероятно, сегодня могут быть переинтерпретированы... Таким образом, можно констатировать, что труды Альфреда Хасановича Халикова сохраняют свою ценность для исследования уральской предистории, а многие его идеи и гипотезы требуют дальнейшей внимательной разработки и развития» (Напольских, 2018, с. 100, 101, 105, 106).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З.А.* Палеолитическая стоянка Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья / Ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1978. С. 7–34.
- Абрамова З.А.* Поздний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР / Археология СССР. Т. 5 / Отв. ред. П.И. Борисковский. М.: Наука, 1984. С. 161–346.
- Абрамова З.А.* Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии / Отв. ред. П.И. Борисковский. Л.: Наука, 1989. С. 145–243.
- Акимова Е.В., Харевич В.М., Ваишков А.А., Стасюк И.В., Санько А.Ф.* Позднепалеолитическая стоянка Черёмушки II на красноярском водохранилище: к проблеме финального этапа кокоревской культуры // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017. Т. 20. С. 26–43.
- Андрианов К.С.* Геологические условия залегания верхнепалеолитической стоянки близ д. Юнга-Кушерга, Марийской АССР // Труды МарНИИЯЛИ. Вып. 16. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское кн.изд-во, 1961. С. 155–163.
- Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.; Казань: Янус-К, 2001. 272 с.
- Генинг В.Ф., Петрин В.Т.* Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 88 с.
- Герасимов М.М.* Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956–58 гг.) // СЭ. 1958. № 3. С. 28–52.
- Герасимов М.М.* Круглое жилище стоянки Мальта // КСИА. Вып. 82. / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1961. С. 128–134.
- Гольмстен В.В.* Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии Российской ассоциации Институтов общественных наук. Вып. IV. М., 1928. С. 125–137.
- Григорьев Г.П.* Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту? // Проблемы первобытной культуры / Отв. ред. В.Г. Котов, В.Е. Щелинский. Уфа: Гилем, 2001. С. 136–155.
- Деревянко А.П., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И., Гладышев С.А., Рыбин Е.П., Стасюк И.В., Харевич В.М., Акимова Е.В., Слепченко С.М., Зольников И.Д., Клементьев А.М., Галухин Л.Л., Богданов Е.С.* Археологические комплексы позднего палеолита стоянки Афонтова Гора II (по материалам раскопок 2014 года) // Stratum plus. 2017. № 1. С. 175–199.
- Зенин В.Н.* Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 22–44.
- Зенин В.Н.* Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. 59 с.
- Котов В.Г.* Проблемы верхнего палеолита Урала и концепция Г.П. Григорьева // Каменный век от Атлантики до Пацифики / Замятинский сборник. Вып. 3 / Отв. ред. Г.А. Хлопачев, С.А. Васильев. СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. С. 366–385.
- Кузнецова Л.В.* Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 5–80.

Кузнецова Л.В., Скупова Т.Ю. Постников овраг – археологический памятник эпох камня – средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 3–29.

Лисицын Н.Ф. О европейско-сибирских контактах в позднем палеолите // *Stratum plus*. 1999. №1. С. 121–125.

Макаров С.С. Динамика культурного развития и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2009. Т. 8, Вып. 3. С. 63–75.

Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю. Стоянка Широфаново II – новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век европейского Севера / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 7–13.

Мещерин М.Н. О характеристике каменной индустрии Мальты «классической» (по материалам собрания ГИМ 1956–1958 годов // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 101–104.

Напольских В.В. Место трудов А.Х. Халикова в историографии проблемы уральской предыстории // Напольских В.В. Очерки по этнической истории. Издание 2-е, исправл. и дополн. Казань: АН РТ, 2018. С. 99–106.

Павлов П.Ю. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2007. С. 73–85.

Павлов П.Ю. Основные этапы заселения человеком северо-востока Европы в эпоху палеолита // Путь на север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики (Материалы международной конференции) / Отв. ред. А.А. Величко, С.А. Васильев. М.: Институт географии РАН, 2008. С. 69–78.

Павлов П.Ю. Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 1 (18). С. 6–23.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1986. 141 с.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 207 с.

Свеженцев Ю.С., Щербакова Т.И. Радиоуглеродные даты палеолитических памятников Урала // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции (Уфа, 9-15 сентября 1997). Уфа, 1997. С. 97–99.

Сериков Ю.Б. Голокаменная мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. 1988. № 4. С. 203–209.

Сериков Ю.Б. Следы раннего палеолита на территории Среднего Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4(31). С. 4–16.

Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2007. 138 с.

Халиков А.Х. Юнга-Кушергинская палеолитическая стоянка (доклад, прочитанный на секции каменного века сессии Института археологии АН СССР и Института археологии АН УССР в Киеве 8 мая 1960 г.) // Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 16. Йошкар-Ола, 1961. С. 139–153.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Часть I. Происхождение финноязычных народов. Учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. 107 с.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2011. 336 с.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Ваишков А.А. К проблеме верхней границы кокоревской культуры в позднем палеолите Енисея (по материалам стоянки Троицкая) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 182–190.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994. 95 с.

Информация об авторе:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

REFERENCES

- Abramova, Z. A. 1978. In Vasilievskii, R. S. (ed.). *Drevnie kul'tury Priangar'ya (Ancient cultures of the Angara region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 7–34 (in Russian).
- Abramova, Z. A. 1984. In Boriskovskii, P. I. (ed.). *Paleolit SSSR (Paleolithic of USSR)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 5(20). Moscow: "Nauka" Publ., 161–346 (in Russian).
- Abramova, Z. A. 1989. In Boriskovskii, P. I. (ed.). *Paleolit Kavkaza i Severnoy Azii (Paleolithic of the Caucasus and North Asia)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 145–243 (in Russian).
- Akimova, E. V., Kharevich, V. M., Vashkov, A. A., Stasyuk, I. V., San'ko, A. F. 2017. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 20. 26–43 (in Russian).
- Andriyanov, K. S. 1961. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Voprosy istorii, arkheologii i etnografii mari (Issues of History, Archaeology and Ethnography of the Mari)*. Series: Trudy Mariyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (Proceedings of the Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute) 16. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 155–163 (in Russian).
- Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Late Paleolithic and Mesolithic Sites in the Mouth of the Kama River)*. Moscow; Kazan: "Ianus-K" Publ. (in Russian).
- Gening, V. F., Petrin, V. T. 1985. *Pozdnepaleoliticheskaya epokha na yuge Zapadnoy Sibiri (The Late Paleolithic Era in the South of Western Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Gerasimov, M. M. 1958. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* (3), 28–52 (in Russian).
- Gerasimov, M. M. 1961. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 82. Moscow: "Nauka" Publ., 128–134 (in Russian).
- Gol'msten, V. V. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Rossiyskoy assotsiatsii Institutov obshchestvennykh nauk (Works of the archaeology section of the Russian Association of Institutes of Social Sciences)* 4. Moscow, 125–137 (in Russian).
- Grigoriev, G. P. 2001. In Kotov, V. G., Shchelinskii, V. E. (eds.). *Problemy pervobytnoy kul'tury (Issues of primitive culture)*. Ufa: "Gilem" Publ., 136–155 (in Russian).
- Derevyanko, A. P., Slavinskii, V. S., Tsybankov, A. A., Lysenko, D. N., Drozdov, N. I., Gladyshev, S. A., Rybin, E. P., Stasyuk, I. V., Kharevich, V. M., Akimova, E. V., Slepchenko, S. M., Zol'nikov, I. D., Klementiev, A. M., Galukhin, L. L., Bogdanov, E. S. 2017. In *Stratum plus*. 1, 175–199 (in Russian).
- Zenin, V. N. 2002. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 12 (4), 22–44 (in Russian).
- Zenin, V. N. 2003. *Pozdnyy paleolit Zapadno-Sibirskoy ravniny (Late Paleolithic of West Siberian Plain)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).
- Kotov, V. G. 2015. In Khlopachev, G. A., Vasiliev, S. A. (eds.). *Kamennyy vek ot Atlantiki do Patsifiki (The Stone Age from the Atlantic to the Pacific)*. Series: Zamyatninskiy sbornik (Zamyatnin's collection of papers) 3. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 366–385 (in Russian).
- Kuznetsova, L. V. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriya Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. Stone Age)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 5–80 (in Russian).
- Kuznetsova, L. V., Skupova, T. Yu. 1987. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Povolzh'e (Archaeological investigations in the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 3–29 (in Russian).
- Lisitsyn, N. F. 1999. In *Stratum plus*. 1, 121–125 (in Russian).
- Makarov, S. S. 2009. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 8 (3), 63–75 (in Russian).
- Makarov, E. Yu., Pavlov, P. Yu. 2007. In Volokitin, A. V. (ed.). *Kamennyi vek Evropeyskogo Severa (Stone Age of the European North)*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 7–13 (in Russian).

Meshcherin, M. N. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 101–104 (in Russian)

Napolskikh, V. V. 2018. In Napolskikh, V. V. *Ocherki po etnicheskoy istorii (Essays on ethnic history)*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 99–106 (in Russian).

Pavlov, P. Yu. 2007. In Zhilin, M. G. (ed.). *Svoeobrazie i osobennosti adaptatsii kul'tur lesnoy zony Severnoy Evrazii v final'nom pleystotsene – rannem golotsene (Adaptation originality and peculiarities of cultures in the forest zone of Northern Eurasia in the Final Pleistocene – Early Holocene)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 73–85 (in Russian).

Pavlov, P. Yu. 2008. In Velichko, A. A., Vasiliev, S. A. (eds.). *Put' na sever: okruzhayushchaya sreda i samye rannie obitateli Arktiki i Subarktiki (The way to the North: the environment and the earliest inhabitants of the Arctic and Subarctic)*. Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 69–78 (in Russian).

Pavlov, P. Yu. 2012. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 18 (1), 6–23 (in Russian).

Petrin, V. T. 1986. *Paleoliticheskie pamyatniki Zapadno-Sibirskoy ravniny (Paleolithic sites of the West Siberian Plain)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Petrin, V. T. 1992. *Paleoliticheskoe svyatilishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Svezhentsev, Yu. S., Shcherbakova, T. I. 1997. In Nigmatullin, R. I. (Organizing Committee Chairman). *Peshchernyi paleolit Urala (The Cave Palaeolithic of the Urals)*. Ufa: "Print" Publ., 97–99 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 5–20 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2015. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 31 (4), 4–16 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2007. *Garinskaya paleoliticheskaya stoyanka i nekotorye problemy ural'skogo paleolitovedeniya (Gari Paleolithic site and some issues of Ural Paleolithic studies)*. Nizhnii Tagil: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1961. In *Trudy Mariiskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta (Proceedings of the Mari Research Institute)* 16. Yoshkar-Ola: Mari Publishing House, 139–153 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1991. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia. Chast' I. Proiskhozhdenie finnoiazychnykh narodov (Uchebnoe posobie) (Fundamentals of the Ethnic Genesis of Middle Volga and Cis-Ural Peoples)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 2011. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia. (Fundamentals of the Ethnic Genesis of Middle Volga and Cis-Ural Peoples)*. Kazan: Kazan State University Publ. (in Russian).

Kharevich, V. M., Akimova, E. V., Vashkov, A. A. 2017. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* (418), 182–190 (in Russian).

Shcherbakova, T. I. 1994. *Materialy verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Talitskogo (Ostrovskoy) (Materials of the Upper Paleolithic site named after Talitsky (Ostrovskaya))*. Yekaterinburg (in Russian).

About the Author:

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

УДК 623.11

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.67.73>

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФОРТИФИКАЦИИ

© 2022 г. А.М. Губайдуллин

Существенной составляющей облика городов и замков средневековья были их системы обороны, которые включали в себя не только крепостные стены и башни, но и другие элементы фортификации¹. В значительной степени они отражали уровень развития государства, содержащего и показатель военно-инженерного дела, и уровень внешней угрозы, а также в концентрированном виде отображали научно-технические достижения различных народов. Фортификация средневековых государств демонстрировала достаточно высокий уровень на общем фоне развития военно-оборонительного дела, начиная с эпохи Древнего мира. Несмотря на некоторый упадок науки об укреплениях, фиксирующийся в Средние века, на протяжении многих столетий их связывала целая цепочка традиций. При этом, наряду с общими тенденциями, средневековая фортификация различных территорий и государств имела ряд своих особенностей, которые обуславливались местными традициями градостроительства и условиями военной практики.

Ключевые слова: археология, средние века, укрепленные поселения, фортификация, развитие военно-оборонительного дела, типы конструкций.

SOME QUESTIONS OF MEDIEVAL FORTIFICATION STUDIES

A.M. Gubaidullin

An essential component of the appearance of cities and castles during the Middle Ages were their defense systems, which included not only fortress walls and towers, but also other elements of fortification². To a large extent, they reflected the level of development of the state, containing both the military engineering index and the level of external threat, as well as concentrated scientific and technical achievements of various peoples. The fortification of medieval states demonstrated a fairly high level against the general background of the development of military defence, beginning since the era of the Ancient World. Despite the decline of fortification science in the Middle Ages, a series of traditions linked them for centuries. At the same time, along with general trends, the medieval fortification of various territories and states had a number of their own features, which were conditioned by local traditions of urban development and conditions of military practice.

Keywords: archaeology, Middle Ages, fortified settlements, fortification, development of military-defense business, types of constructions.

Хронологическими рамками существования и развития средневековой фортификации определяется период с VI по XVI вв. Эту эпоху можно разделить на три этапа, которые имели хозяйственно-экономическую, военно-политическую и культурную специфику, предопределившие особенности развития всего военно-оборонительного дела и, в частности, фортификации. Ранний этап (VI – IX–X вв.) характеризовался становлением различ-

ных государств и развитием урбанизации, а также формированием собственных традиций в фортификации. В этот хронологический период на территории Европы¹ еще широко использовались оборонительные сооружения античного времени, а также продолжали строиться защитные дерево-земляные конструкции, т. е. никакого развития науки об укреплениях не наблюдалось. Следующий этап можно назвать новой качественной ступенью

1 Очень часто исследователи в своих публикациях употребляют слово «фортификация» применительно только к крепостным валам, рвам и остаткам каменных (кирпичных) или деревянных построек. Однако сам термин содержит в себе более широкое понятие. Поэтому его следует применять только при описании всего комплекса оборонительных мер, куда кроме основных крепостных сооружений, входят также дополнительные защитные конструкции (надолбы, частоколы, волчьи ямы и др.), наличие и использование водных преград, а также, в первую очередь, использование окружающего рельефа местности.

2 Very often researchers in their publications use the word "fortification" in relation only to ramparts, ditches and the remains of stone (brick) or wooden buildings. However, the term itself contains a broader concept. Therefore, it should be used only when describing the entire complex of defensive measures, which, in addition to the main fortifications, also includes additional protective structures (stakes, palisades, wolf pits, etc.), the presence and use of water barriers, as well as, first of all, the use of the surrounding relief.

по сравнению с предыдущими «темными веками» в развитии фортификации. К нему относится период с XI по XIV вв. В это время возводятся сложные крепостные сооружения из камня, кирпича, дерева и грунта. Часто для защиты применялась и многоярусность линий обороны, устроенных как в один, так и до двух-трех отдельных поясов. В основном именно их остатки сохранились до сего дня на территории Западной, Центральной и Восточной Европы. Третий этап связан с появлением огнестрельной артиллерии, начало применения которой приходится на XIV–XV вв. Это открыло новую страницу в развитии фортификации. Возникновение осадных орудий привело к изменению типов оборонительных сооружений. В это время происходит постепенный отказ от строительства высоких стен и башен, а на смену им начинают приходиться более низкие и утолщенные крепостные постройки. Строятся полукруглые и пятиугольные бастионы, которые обороняли территорию перед собой, а также фланкировали подступы, находясь при этом вне зоны прямой видимости для осаждающих. Стали также устраиваться специальные казематы, обороняющие рвы, происходит и более явственное разделение фортификации на долговременную, полевую и др. В тех государствах, где это развитие запаздывало, начинали происходить политические изменения, особенно на территории Восточной Европы и Западной Сибири. На данном историческом периоде закончилась классическая эпоха, а в Новое и Новейшее время стали развиваться новые идеи, формы и принципы, разрабатываемые различными военно-инженерными школами. Все эти три этапа, несмотря на различия, являлись относительно единой эпохой, когда сохранялись определенные традиции, единство форм и оборонительных систем.

Одной из важнейших задач в изучении средневековых укрепленных поселений является решение проблем систематизации, классификации и военно-социальной топографии памятников. Необходим единый подход и порядок в классифицировании объектов фортификации, анализ сведений различных археологических изысканий для получения данных для изучения военно-инженерного дела Средневековья. Очень важным является рассмотрение планировок укрепленных поселений в связи с природно-географическими условиями. На основе этого необходимо произвести анализ и группировку памятников, а также исследование систем обороны, их

конфигурация. Таким образом, можно определить зависимость структуры поселений и их крепостных сооружений от конкретного места расположения и рельефа местности. Проведение же общего военно-инженерного анализа объектов фортификации может способствовать выявлению истоков и направления эволюции крепостных сооружений на протяжении длительного периода времени и их взаимосвязь. Это в конечном счете может показать значение и роль военно-оборонительного дела в истории средневековых государств Евразии.

Одними из основных источников исследования, несомненно, являются археологические материалы, полученные в результате многолетнего изучения средневековых памятников фортификации, к которым относятся размещение на местности, планировка, устройство оборонительных линий, а также конкретные крепостные сооружения. Так, например, для анализа городищ, существовавших в X – первой половине XVI вв., расположенных на территории Среднего Поволжья, нами используются сведения о 198 укрепленных поселениях. Из них не менее чем на 50 памятниках исследовались оборонительные сооружения. Из общего числа к домонгольскому времени относится 156 городищ, к домонгольскому и золотоордынскому – 17, только к золотоордынскому – 19, к золотоордынскому и «ханскому» – 4 и ко всем трем – 2 памятника. Они охватывают весь спектр типов укрепленных поселений и крепостных построек в плане как общей фортификационной картины, так и ее отдельных элементов. В результате археологических раскопок, анализа изобразительного материала, исторических описаний и работ предыдущих исследователей, изучавших памятники военного зодчества, можно также проводить реконструкцию оборонительных сооружений и в какой-то мере реконструкцию облика самих поселений.

Благодаря моделированию процессов генезиса традиций военного зодчества можно проследить параллели с развитием фортификации в различных регионах Евразии, в первую очередь связанных со Средним Поволжьем историческими, цивилизационными и торгово-экономическими связями. Таким образом выявляются параллели как с традиционными формами военного зодчества, так и с их модификацией. Определяется место средневекового Поволжья в формировании науки об укреплениях в общем контексте с практикой обороны других народов и государств, что

показывает развитие и уровень военно-инженерного дела в исследуемый период. Подобные связи выводят на рассмотрение общетеоретических вопросов возникновения и этапов эволюции типов крепостных сооружений на всем евразийском пространстве, что представляется важной частью изучения средневековой военно-инженерной теории и практики, а также всего военно-оборонительного дела в целом.

Опираясь на имеющиеся данные, мы можем констатировать использование всех известных типов дерево-земляных оборонительных конструкций, существовавших в Средние века. К ним относятся частокол-тын, столбовая (каркасно-столбовая) конструкция, городни, тарасы, каменные стены, крепостные башни. Все они, в той или иной степени, были характерны для исследуемого периода на протяжении нескольких столетий. Вопрос же о применении крепостных башен в оборонительных линиях требует отдельного анализа. Здесь необходимо принимать во внимание и целесообразность возведения в том или ином месте данных объектов военной архитектуры. Также нужно учитывать более высокую стоимость их строительства по сравнению с крепостными стенами. Не исключено, что их наличие и не было обязательным, тем более у небольших по занимаемой площади поселений. Вряд ли можно сомневаться, что только воротные проезды должны были иметь максимальную защиту в виде проездных башен. Можно также допустить и вариант существовавших в то время государственных ограничений для возведения таких объектов обороны для небольших укрепленных населенных пунктов. Исключение могли составлять разве что только столичные центры. Нам неизвестно, существовал ли по этому поводу вообще какой-то регламент в Древнерусском государстве и на территории Волжской Булгарии. Лишь для эпохи Казанского ханства имеются различного рода свидетельства использования данных элементов крепостного зодчества. Поэтому часто неуместными бывают разнообразными реконструкциями, появляющиеся время от времени в литературе, где изображаются данные оборонительные объекты. Для этого нужны доказательства, в том числе письменные и археологические.

В этом плане на территории Западной Европы, например, в Нормандии, Англии и Уэльсе XI в., специальные королевские эдикты запрещали возводить фланкирующие башни и зубчатые парапеты (т. н. «кренелляция»)

крепостных стен при строительстве замков и усадеб феодалов, что продолжалось до XIII в. (Томпсон, 2011, с. 141). Сама постройка оборонительных сооружений на поселениях и оград монастырей находилась под контролем королевской власти или правителей округов, для чего требовались специальные лицензии – «патентные письма» – даже в XIV в. (Томпсон, 2011, с. 148, 350).

Что касается кренелляции, т. е. устройства бойниц и амбразур в крепостных сооружениях, то их форма была различной. В сохранившихся каменных и кирпичных постройках имеется множество примеров, представленных в виде узких вертикальных или квадратных проемов. Однако аналогий для деревянных конструкций почти не сохранилось, за исключением довольно поздних музеефицированных русских острогов Сибири, причем для них часто характерны бойницы, которые приспособлены для огнестрельного оружия – небольшие или средние по размерам подквадратные отверстия, прорубленные в стенах (Крадин, 1988). Возможно, что формы этих проемов зависели от конструкции стенок прикрытия внутренней боевой платформы. В стене, сложенной из горизонтальных бревен, стрелковые проемы должны были быть также горизонтальными. В случае же возведения стен и парапетов из вертикальных бревен и брусьев бойницы в них делались также вертикальными. Об этом могут свидетельствовать реконструкции замка Шато-Гайар (конец XII в.) и города Каркассон во Франции (XIII–XIV вв.) (Виолле-ле-Дюк, 2007, с. 44, рис. 15, 19, 20, 30, 58, 60). Автор склонен считать, что бойницы в деревянных крепостных стенах и башнях были горизонтальными (или вертикальными), но в любом случае устраивались в стыках бревен, наподобие «волоковых окон» (Теляковский, 1839, с. 20). Может статься, что данные проемы для ведения стрельбы из луков и арбалетов были более широкими, имевшими подквадратную форму. В этом случае они могли закрываться специальными вертикальными ставнями. Уже в первой половине XVI в., в эпоху Казанского ханства, должны были произойти некоторые изменения в устройстве бойниц. В этот период уже происходит более широкое применение пороха и пушек для обороны крепостей. Поэтому в дополнение к бойницам для лучников должны были применяться и проемы больших размеров, предназначенные конкретно для ведения стрельбы из пищалей и пушек. Кроме того, для обороны использовались и навес-

ные бойницы. Если в каменных (кирпичных) крепостных стенах и башнях создавались машикули или хорды², то в дерево-земляной фортификации устраивались обламы³.

Вызывает интерес и планиграфия укрепленных поселений, соотношение крепостных сооружений с гражданскими постройками. Так, на территории первой столицы Болгарского царства Плиски отмечалось, что плотно застраивался только центр территории города, пространство же между ним и крепостной стеной почти было свободно или вообще пустовало (Рашев, 2007, с. 105). Это правило размещения и соотношения гражданских и военных построек было выявлено во время археологических исследований и на укрепленных поселениях Волжской Булгарии, например, на Болгарском и Коминтерновском II городищах. Этому придерживались и в городах многих других территорий вплоть до Дальнего Востока (Артемьева, 2014, с. 439–444). По-видимому, здесь имела место специальная установка-закон, регламентирующая строительство объектов различного назначения и их соотношения друг с другом, т. е. жилые и ремесленные постройки из дерева являлись всегда пожароопасными. Думается, что их вообще запрещали строить в непосредственной близости от оборонительных линий. Так, например, о строительстве деревянной крепостной стены в Москве, отраженном под 1493 г. в Воскресенской летописи, говорится: «...церкви сносиша и дворы за Неглимною; и постави меру отъ стены до дворов сто сажень да девять» (Воскресенская летопись, 1998, т. 3, с. 299). Здесь даже есть указание на определенное необходимое расстояние. Скорее всего, оно касалось только относительно крупных городов, тогда как на небольших укрепленных поселениях эта свободная полоса земли могла быть меньше.

В период Нового времени подобные мероприятия трансформировались в создание специальных т. н. «военных улиц», которые, являясь противопожарной мерой, еще с древности предназначались для передвижения обороняющихся отрядов внутри крепостного периметра (Губайдуллин, 2006, с. 49). Особенно актуально это было во время обороны крупных населенных пунктов. Так, для защиты довольно протяженных линий крепостных стен больших городов Волжской Булгарии, достигавших площади в несколько десятков гектаров (иногда более сотни гектаров), в том числе и Великого города – Биляра (Билярское городище), были нужны значительные

по численности контингенты войск. Однако понятно, что одновременно располагать большие отряды воинов по всему периметру оборонительных линий не представлялось возможным. Не исключено, что вдоль всех крепостных сооружений находились только группы наблюдателей. Нельзя забывать и то, что противнику одновременно штурмовать с разных направлений большой город практически невозможно. Крупные населенные пункты только окружались со всех сторон и устраивалась блокада, а главную атаку производили лишь на определенном участке (участках) (Записки Юлия Цезаря, 1999, с. 49; Флавий, 1999; Воскресенская летопись, 1998, т. 2, с. 190; Тизенгаузен, 1941, с. 22–23). Поэтому в случае попытки штурма с какой-либо стороны по сигналу наблюдателей по «военным улицам» и могли передвигаться отряды защитников для занятия обороны в том или ином месте.

В этой связи может возникнуть вопрос о способе перемещения обороняющихся внутри крепостных стен и их действиях в обороне. Так возникают идеи о том, что болгарские конные лучники, передвигаясь внутри оборонительного периметра, обстреливали нападающего противника из-за вала навесной стрельбой (Коваль, 2018, с. 189). Согласно этой мысли, они стреляли не целясь в штурмующих, а просто выпускали ливень стрел в сторону неприятеля, т. е. «система обороны болгар была основана не столько на жестком удержании всей линии валов, сколько на использовании ее в качестве прикрытия от прицельных выстрелов врагов...». Таким образом, конные отряды производили «рысканье» в «завалье», причем автор, ссылаясь на русские летописи, не дал ссылку ни на какую из них (Коваль, 2018, с. 189–190). Данная точка зрения не нова, она была высказана еще более сорока лет назад и, разумеется, является ошибочной (Кавеев, 1981, с. 36–42).

Возвращаясь к теме планиграфии крупных укрепленных поселений Волжской Булгарии, нужно упомянуть и появившуюся точку зрения о том, что огромные площади болгарских городов по сравнению с древнерусскими объясняются «только разницей в стратегии организации обороны» (Коваль, 2018, с. 189). Данное утверждение приводится как единственно правильное, однако совсем не берутся во внимание традиции болгарского градостроительства, имеющего «восточные» корни, а также назначение и использование этих больших «свободных» площадей в каче-

стве мест для размещения торговых караванов, т. е. как караван-сарай. Также в случае военной опасности здесь могли укрываться и жители окрестных поселений, т. е. они имели функции болонье⁴ (Голицын, 1877, с. 43).

Как известно, не всегда оборонительные конструкции одной линии могли быть идентичными, о чем свидетельствуют материалы археологических исследований (Губайдуллин, 2019, с. 139–144). Наиболее распространены укрепленные поселения с треугольными и трапециевидными формами рвов. В болгарской военно-инженерной науке применялись оба этих типа, а также их комбинирование на одном памятнике. Так, например, состав грунта мог диктовать форму крепостных рвов, т. е. влиял на создание того или иного профиля. В результате многолетних исследований на Болгарском городище были выявлены оборонительные рвы как треугольной, так и трапециевидной формы. Самые ранние из них, датирующиеся X в., были треугольными с дренажной канавкой.

В предмонгольское время в XII – начале XIII в., когда город расширяет площадь, памятник уже ограждается трапециевидным рвом, который был выявлен в ходе археологических раскопок на некоторых участках. В связи с этим первоначально возникла идея, что форма рва может являться хронологическим показателем. Однако, как оказалось, если в западной части Болгарского городища в предмонгольское время был создан трапе-

циевидный ров, то в южной он уже представлен треугольным типом. И все это входило в одну оборонительную линию. Сейчас сложно объяснить данный факт, но, думается, здесь имелись свои причины. Первая – это характер прилегающей к городищу местности в тот период времени, вторая – состав грунта на разных участках, в котором выкапывался ров, и третья – существование бригад строителей, возглавляемых разными военными инженерами (городовыми мастерами).

Такое различие форм безотносительно хронологии, как выясняется, характерно и для многих других болгарских памятников. Например, на Танкеевском I городище были выявлены остатки оборонительных сооружений второй половины X в., где ров имел трапециевидную форму (Хлебникова, 1964, с. 67–68), тогда как на Хулашском (Каховский, Смирнов, 1972) и Юловском (Белорыбкин, 2003, рис. 32-6) городищах в предмонгольское время рвы имели треугольную форму.

Разница в типах оборонительных сооружений и их элементах не является случайной. Представляется, что точка зрения о существовании различных традиций в средневековой фортификации полностью верна. Строительство оборонительных сооружений требовало участия немалого числа квалифицированных специалистов для проведения работ, а также всегда существовала нужда в ремонте старых или возведении новых крепостных сооружений.

Примечания:

¹ В рамках этой статьи мы не рассматриваем специально фортификацию Востока, т.к. ее становление и развитие имело свою историю, отличавшуюся от «западной». Однако, как бы там ни было, она в разной мере повлияла на военно-инженерную науку народов и государств Западной и Восточной Европы, а также Западной Сибири.

² Хорда – выступающая навесная галерея из дерева, которую пристраивали снаружи к парапету каменной стены в период военных действий.

³ Облам – нависающий выступ сруба в верхней части деревянной крепостной стены или башни с продольным узким отверстием в полу для ближнего боя.

⁴ Болонье (интерваллум) – пустое пространство (широкая площадка) между внешним и внутренним валом. Использовалось в качестве убежища для окрестных жителей и скота в случае военной опасности, являлось местом сбора войск для последующей вылазки, не позволяло атакующему противнику сразу форсировать все укрепления и заставляло его после эскалады первой линии вновь сосредотачивать свои силы под обстрелом обороняющихся.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьева Н.Г. Столичные города государств Восточного Ся эпохи Цзинь // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 439–444.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. 200 с.

Виолле-ле-Дюк Э. Крепости и осадные орудия. Средства ведения войны в Средние века. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 255 с.

Воскресенская летопись. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Ред. И.Ю. Крачковский. Подгот. к изд. Цепковым А. И. / Русские летописи. Т. 2. Рязань: РИНФО, 1998. 646 с.

Голицын Н.С. Русская военная история. Ч. I. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1877. 250 с.

Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 144 с.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. / Археология Евразийских степей. 2019. №3. 322 с.

Записки Юлия Цезаря // Записки Юлия Цезаря. / Пер. и коммент. М.М. Покровского. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / Пер., статья и коммент. В.О. Горенштейна. М.: Ладомир–АСТ, 1999. С. 7–444.

Кавеев М.М. О некоторых результатах изучения оборонительных сооружений Билярского городища // Из истории материальной культуры татарского народа / Отв. ред. Е.П. Казаков, Ю.И. Смыков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 36–42.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Отв. ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1972. С. 3–73.

Коваль В.Ю. Фортификация как отражение системы организации обороны (по материалам лесной зоны Восточной Европы X–XV вв.) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 187–190.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 192 с.

Рашев Р. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Междунар. конгресса. Т. I / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. С. 104–117.

Теляковский А.З. Фортификация. СПб.: Тип. И.И. Глазунова и К°, 1839. Ч. I. 172 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Персидские источники. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

Томпсон А. Гамильтон. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. 414 с.

Хлебникова Т.А. Краткие итоги исследования Танкеевского городища в 1963 году // Итоговая научная сессия Казанского института языка, литературы и истории АН СССР за 1963 г. / Ред. М. Х. Гайнуллин, Л. Т. Махмутова, М. К. Мухарямов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1964. С. 66–68.

Флавий И. Иудейская война / Ред Т.Г. Ничипорович. Минск: Современный литератор, 1999. 704 с.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

REFERENCES

Artem'eva, N. G. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 439–444 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Viollet-le-Duc, E. 2007. *Kreposti i osadnye orudiya. Sredstva vedeniya voyny v Srednie veka (Fortresses and siege weapons. Means of warfare in the Middle Ages)*. Moscow: "ZAO Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).

1998. In Tsepkov, A. I. (ed.). *Voskresenskaya letopis'. Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu (The Resurrection Chronicle. Ibn Fadlan's Journey to the Volga)*. Series: Russkie letopisi (Russian Chronicles). 2. Ryazan: "RINFO" Publ. (in Russian).

Golitsyn, N. S. 1877. *Russkaia voennaia istoriia (Russian Military History)* 1. Saint Petersburg: "Tipografiya tovarishchestva Obshchestvennaia pol'za" Publ. (in Russian).

Gubaidullin A. M. 2006. *Fortifikatsionnyi slovar' (Dictionary of Fortification)*. Kazan: Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2019. *Fortifikatsiia v Srednem Povolzh'e v X – pervoi polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)* In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 3 (in Russian).

Zapiski Yuliyi Tsezarya. 1999. In *Gay Sallyustiy Krisp. Sochineniya (Notes of Julius Caesar. Gaius Sallust Crispus. Essays)*. Moscow: "Ladomir-AST" Publ., 7–444 (in Russian).

Kaveev, M. M. 1981. In Kazakov, E. P. Smykov, Yu. I. (eds.). *Iz istorii material'noy kul'tury tatarskogo naroda (From the history of the material culture of the Tatar people)*. Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 36–42 (in Russian).

Kakhovskii, V. F., Smirnov, A. P. 1972. In Prokhorova, V. A. (ed.). *Gorodishche Khulash i pamyatniki srednevekov'ya Chuvashskogo Povolzh'ya (Khulash Fortified Settlement and the Medieval Sites in the Chuvash Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 3–73 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 187–190 (in Russian).

Kradin, N. P. 1988. *Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo (Russian wooden defense architecture)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Rashev, R. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiya Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)* I. Kazan: History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 104–117 (in Russian).

Teliakovskii, A. Z. 1839. *Fortifikatsiia (Fortification)* 1. Saint Petersburg: “Tipografiya I.I. Glazunova i Ko” Publ. (in Russian).

Tiesenhauzen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Persidskie istochniki (Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Thompson, Alexander Hamilton. 2011. *Angliyskiy zamok. Srednevekovaya oboronitel'naya arkhitektura (The English Castle: An Account of its Developed as a Military Structure)*. Moscow: “Tsentrpoligraf” Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1964. In Gainullin, M. Kh., Makhmutova, L. T., Mukharyamov, M. K. (eds.). *Itogovaya nauchnaya sessiya Kazanskogo instituta yazyka, literatury i istorii AN SSSR za 1963 g. (The final scientific session of Kazan institute for language, literature and history of the USSR Academy of Sciences in 1963)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 66–68 (in Russian).

Josephus Flavius. 1999. *Iudeyskaya voyna (Jewish war)*. Minsk: “Sovremenniy literator” Publ. (in Russian).

Информация об авторе:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

УДК 902 528.718

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.74.89>

ПРИМЕНЕНИЕ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

© 2022 г. И.В. Денисов, С.Э. Zubov, О.В. Букина

В статье рассматриваются вопросы выбора и особенностей использования разных способов оцифровки археологических объектов и артефактов для генерирования 3D-моделей. Авторы выделяют три основных задачи создания 3D-моделей археологических объектов и артефактов: 1) научно-исследовательская работа; 2) хранение копии на случай вероятного повреждения (утраты) оригинала и 3) удаленный визуальный показ для популяризации археологического наследия. В качестве основных способов оцифровки археологических объектов и артефактов называются фотограмметрия и лазерное сканирование. Отдельно рассматриваются организационно-методические особенности использования метода фотограмметрии для генерирования 3D-моделей археологических артефактов и объектов: выбор оборудования, формирование рабочего пространства для фотограмметрии артефактов в стационарных условиях и процедура ее проведения, а также рекомендации по проведению фотограмметрии археологических объектов в полевых условиях.

Ключевые слова: археологическое наследие, цифровые технологии, 3D-моделирование, фотограмметрия, 3D-сканирование, археологические объекты, артефакты, методические рекомендации.

APPLICATION OF 3D -TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF PRESERVATION AND USE OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE

I.V. Denisov, S.E. Zubov, O.V. Bukina

The article covers the issues of choosing and specific using the various methods of digitizing archaeological sites and artifacts to generate 3D models. The authors identify three main objectives of creating 3D-models of archaeological sites and artifacts: 1) research work; 2) storage of a copy in case of possible damage (loss) of the original and 3) remote visual display for the popularization of the archaeological heritage. Photogrammetry and laser scanning are considered to be the main methods of digitizing archaeological sites and artifacts. The organizational and methodological features of using photogrammetry method to generate 3D-models of archaeological artifacts and sites are considered separately: the selection of equipment, arrangement of workspace for photogrammetry of artifacts in steady-state conditions and the procedure for its implementation, as well as the recommendations for conducting photogrammetry of archaeological objects in the field.

Keywords: archaeological heritage, digital technologies, 3D modeling, photogrammetry, 3D scanning, archaeological objects, artifacts, methodological recommendations.

В настоящее время трехмерные технологии стали весьма востребованы в самых разных областях деятельности. Они становятся неотъемлемой частью научных исследований, в том числе и археологических, а также привлекательным способом демонстрации археологических объектов и артефактов широкой аудитории любителей древностей.

Археологическое наследие имеет ряд специфических характеристик, что требует особых условий его хранения и использования в научной, образовательной и просветительской деятельности. К таковым можно отнести большой объем археологических материалов и их неоднородность по составу, фрагментарность артефактов и археологических объектов, что значительно осложняет уровень восприятия для неподготовленной аудитории. Кроме этого, следует отметить зачастую плохую

сохранность артефактов, усиливающуюся их быстрым разрушением после изъятия из грунта и перемещения в новую агрессивную среду. Существующие прежде и отчасти до настоящего времени принципы демонстрации и объяснения археологических объектов в музейной практике России были не всегда эффективны, что снижает их востребованность в социокультурной среде. В то же время научным сообществом позитивно оценивается значимость актуализации археологического наследия (Жукова, 2000; Медведь, 2004; Каменский, 2009; Андреев, 2014). Цифровые технологии, такие как 3D-моделирование, представляют новые возможности по документированию и удаленному изучению археологических материалов и их популяризации.

В российских университетах и исследовательских центрах в настоящее время довольно

активно ведется работа по 3D-моделированию археологических объектов и артефактов (Букина и др., 2021). Работа по 3D-моделированию археологических объектов и артефактов проводится также в «Научно-исследовательской инновационной цифровой лаборатории 3D-моделирования и визуализации» Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета под руководством И.В. Денисова (Archaeological museum, 2018; Igor Denisov, 2018; strbsu.ru/arch_museum) и в Научно-образовательном центре археологии и этнографии Волго-Уралья Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева под руководством С.Э. Зубова (Sergey Zubov, 2020) (рис. 1: 2–3).

Результаты работы И.В. Денисова, начатой еще в 2018 г., уже получили высокую оценку международного сообщества на крупнейшей в мире платформе для иммерсивного и интерактивного 3D, VR и AR «Sketchfab.com», объединяющей более 8 млн зарегистрированных пользователей по всему миру (Platform for immersive and interactive 3D, VR and AR «Sketchfab.com», 2012). 3D-модели, сгенерированные в «Научно-исследовательской инновационной цифровой лаборатории 3D-моделирования и визуализации» Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета за период с 2019 по 2021 гг. 12 раз входили в состав 10 лучших цифровых моделей по версии сектора «Cultural Heritage & History» данной платформы, избираемых международным коллективом профессиональных экспертов (strbsu.ru/arch_museum). Международное признание послужило основанием для приглашения аккаунту «Виртуального археологического тура» Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета войти в состав первых 27 членов уникальной лицензии «Коллекции наций» (рис. 1: 1), создаваемой на платформе «Sketchfab.com» по инициативе Смитсоновского института в США (Fink, Charlie, 2020). Вхождение в состав обладателей данной лицензии позволяет не только широко использовать 3D-модели в качестве иллюстраций в образовательном процессе, но и организовать ряд виртуальных международных выставок.

Полученные в ходе этой работы навыки, знания и обращение к опыту коллег показывают, что одним из ключевых вопросов 3D-моделирования в данной области является отработка методики оцифровки различных категорий археологических объектов и

артефактов, различных по размерам, формам, материалу, сохранности, местоположению и доступности.

Оцифровка археологических объектов и артефактов для генерирования 3D-моделей может быть осуществлена двумя основными способами: на основе фотограмметрии и 3D-сканирования (оптического или лазерного).

Выбор способа оцифровки определяется задачами дальнейшего использования 3D-моделей. Их можно выделить три: 1) для научно-исследовательской работы; 2) для хранения копии на случай вероятного повреждения (утраты) оригинала; 3) для визуального показа. Важно отметить, что для решения двух первых задач 3D-модель должна максимально сохранять не только внешний вид оригинала, но и все его точные размеры.

Кроме этого, на выбор способа оцифровки в каждом конкретном случае влияют также стоимость оборудования и программного обеспечения, скорость оцифровки, определяющая временные затраты; количество, размеры и особенности конкретных объектов оцифровки, технологические особенности получения изображения.

Для крупных стационарных археологических объектов – городищ, могильников, отдельных погребальных комплексов, например, курганов – в настоящее время активно используется метод фотограмметрии. Специальная фотосъемка может осуществляться как ручным способом (рис. 2), так и с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), снабженных фотокамерами (рис. 3). Перспективные результаты фиксации крупных объектов могут быть получены с помощью лидара (LIDAR, аббревиатура от Light Detection and Ranging) (рис. 4: 1–3). Автоматические алгоритмы позволяют убирать информацию и удалять такие объекты, как растительность, здания или другие структуры, мешающие цельному восприятию объекта. В настоящее время существует возможность использования дополнительных технологий наложения метрических данных и текстуры. В то же время использование лидара осложняется значительной дороговизной оборудования и программного обеспечения. Создание цифровых моделей сравнительно небольших объектов (например, погребений, ям или небольших раскопов) может быть произведено с использованием метода фотограмметрии (рис. 5; 6; 7) или портативным 3D-сканером, а моделей артефактов – методом фотограмме-

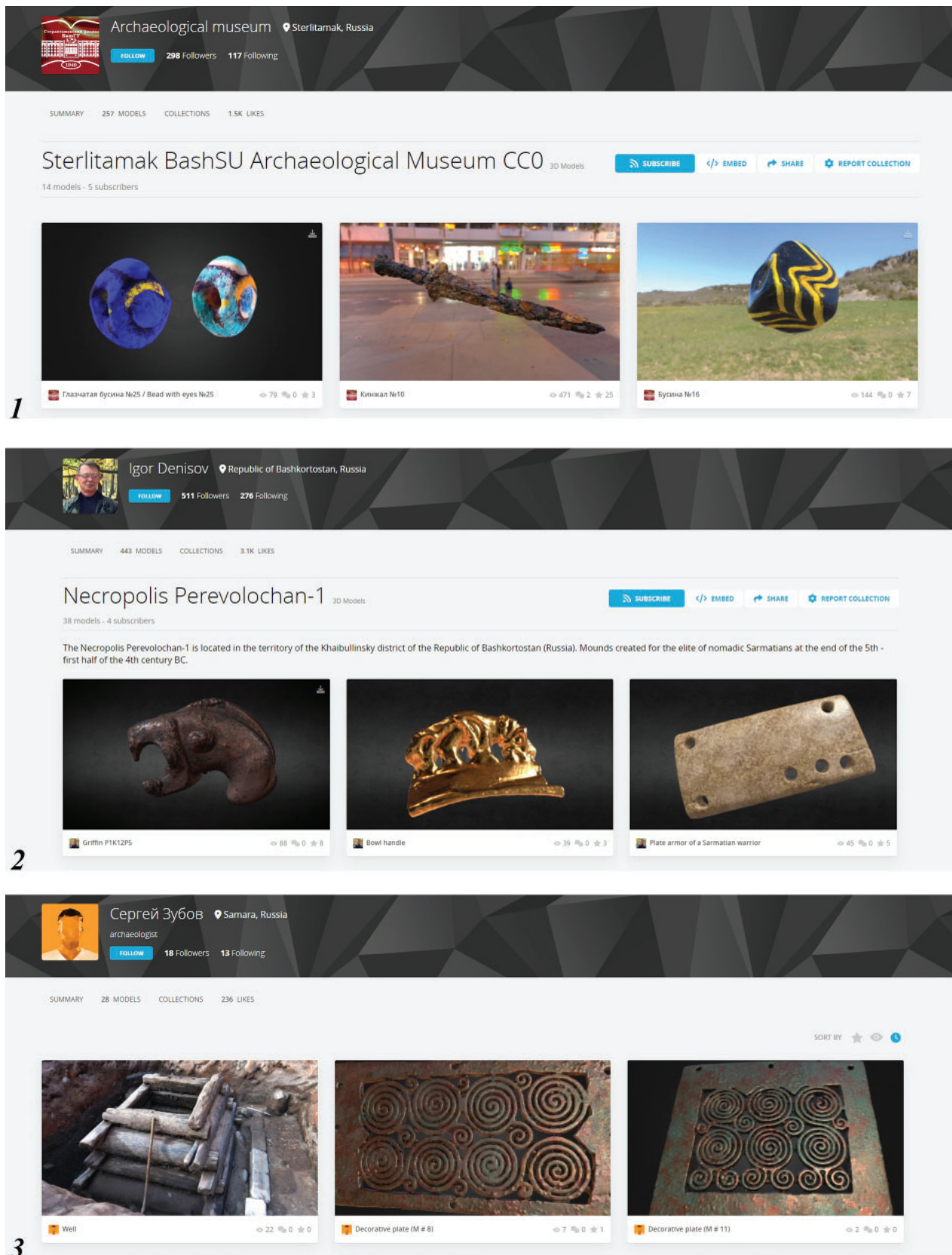

Рис. 1. Коллекции 3D моделей авторских аккаунтов на ресурсе Sketchfab.com. 1 – аккаунт «Археологический музей» Стерлитамакского филиала БашГУ; 2 – коллекция моделей могильника Переволочан-1 из числа коллекций авторского аккаунта; 3 – авторский аккаунт Научно-образовательного центра археологии и этнографии Волго-Уралья Самарского университета

Fig. 1. Collection of 3D-models of authoring accounts at Sketchfab.com.

1 – account “Archaeological museum” of Sterlitamak branch of Bashkir State University; 2 – collection of Perevolochan-1 burial ground models from authoring account collections; 3 – authoring account of Research and educational centre for archeology and ethnography of the Volga-Urals region, Samara University

Рис. 2. Фотограмметрическая 3D-модель срубового колодца ½ XIX в. (археологические исследования Самарского университета в 2021 г., г. Нижний Новгород, ул. Кожевнная)

Fig. 2. Photogrammetric 3D-model of timber well of the ½ 19th century (archaeological researches by Samara University in 2021, Nizhny Novgorod, Kozhevnnaya st.)

три и с использованием стационарного или портативного 3D-сканера.

Ведущий способ оцифровки оригинала будет определяться задачами удаленной демонстрации, научного исследования, реконструкции или вероятного воспроизведения, например, при помощи 3D-принтера.

Следует обратить внимание на то, что доступные 3D-принтеры, как правило, прекрасно воспроизводят структуру поверхности объекта, но не могут достоверно

воспроизвести цветовую палитру поверхности оригинала. Учитывая данное обстоятельство, на современном этапе вполне достаточно сканировать оригинал доступным для использования 3D-сканером в виде бесцветной модели (stl), одновременно сохраняя цифровые фотографии оригинала. Сканированный объект полностью сохраняет рельеф поверхности и метрические параметры оригинала. Сканирование в бесцветном режиме помогает выявить рельеф артефакта (например,

Рис. 3. Фотограмметрические 3D модели археологических объектов на Самарской Луке (Ставропольский р-н, Самарская область) по результатам фотосъемки квадрокоптером. 1 – Городище Малая Рязань I; 2 – раскоп I 2020 г. на курганно-грунтовой могильнике новинковского типа Малая Рязань

Fig. 3. Photogrammetric 3D-models of Samarskaya Luka archaeological sites (Stavropol district, Samara region) based on the results of the quadcopter photography. 1 – Malaya Ryazan I hillfort; 2 – excavation I 2020 mound-subsoil burial ground Malaya Ryazan

«метки» на медных или бронзовых наконечниках стрел), практически невидимый из-за гаммы окислов (рис. 7).

Создание цифровых копий объектов способом 3D-сканирования позволяет значительно снизить временные затраты и осуществить массовую оцифровку оригиналов для хранения. Параллельный процесс фотографирова-

ния объекта в разных ракурсах и хранение его цифровых фотографий в перспективе может быть использовано для «раскраски» бесцветной модели с применением соответствующего программного обеспечения.

В процессе научной обработки значительных по объему категорий археологического инвентаря возникает необходимость проведе-

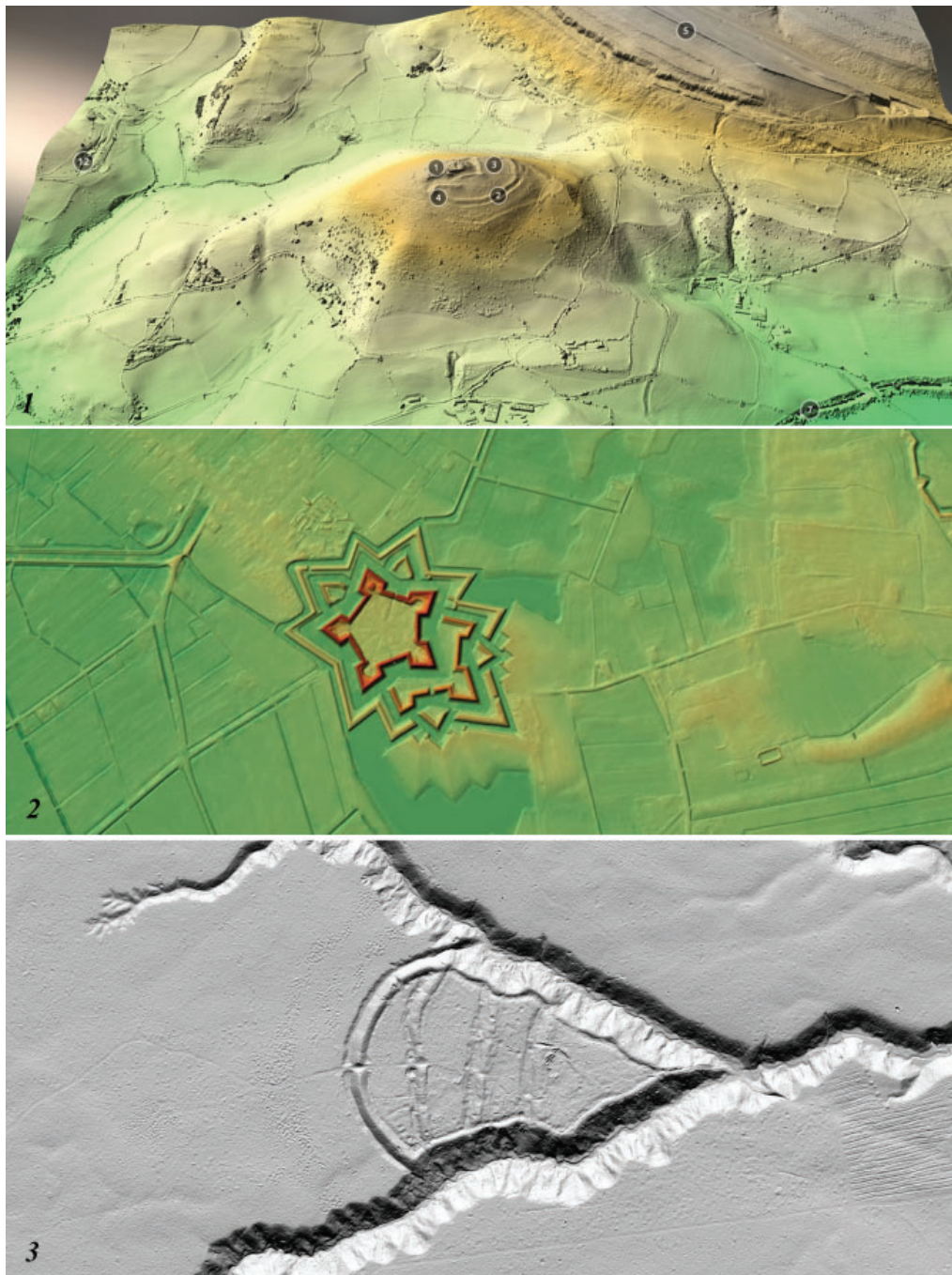

Рис. 4. 3D модели объектов, созданные по технологии LIDAR.

1 – Замок «Dinas Bran», XIII в. (Денбишир, Уэльс, Великобритания, источник: Sketchfab.com); 2 – Звездный форт «Bourtange», XVI в. (Гронинген, Нидерланды, источник: Sketchfab.com); 3 – Золотаревское городище XIII в. (Пензенская область, Россия, источник: Г.Н. Белорыбкин)

Fig. 4. 3D-models of objects created using LIDAR technology.

1 – Castle Dinas Bran, 13th century (Denbighshire, Wales, the Great Britain, source: Sketchfab.com); 2 – Star-shaped fort Bourtange, 16th century (Groningen, the Netherlands, source: Sketchfab.com); 3 – Zolotarevka fortified settlement, 13th century (Penza region, Russia, source: G.N.Belorybkin)

ния их анализа. Возможность массовой оцифровки артефактов способом 3D-сканирования, например, полных колчаных наборов наконечников стрел из разных погребальных комплексов, и использование специального программного обеспечения, основанного на доступных методах распознавания, позволит в перспективе произвести массовый анализ

массива цифровых моделей с целью выявления степеней сходства и различия, необходимого для научной классификации и типологизации.

Современные технологии и программное обеспечение позволяют осуществлять реконструкцию фрагментированного объекта (рис. 8: 1). Цифровая реконструкция может

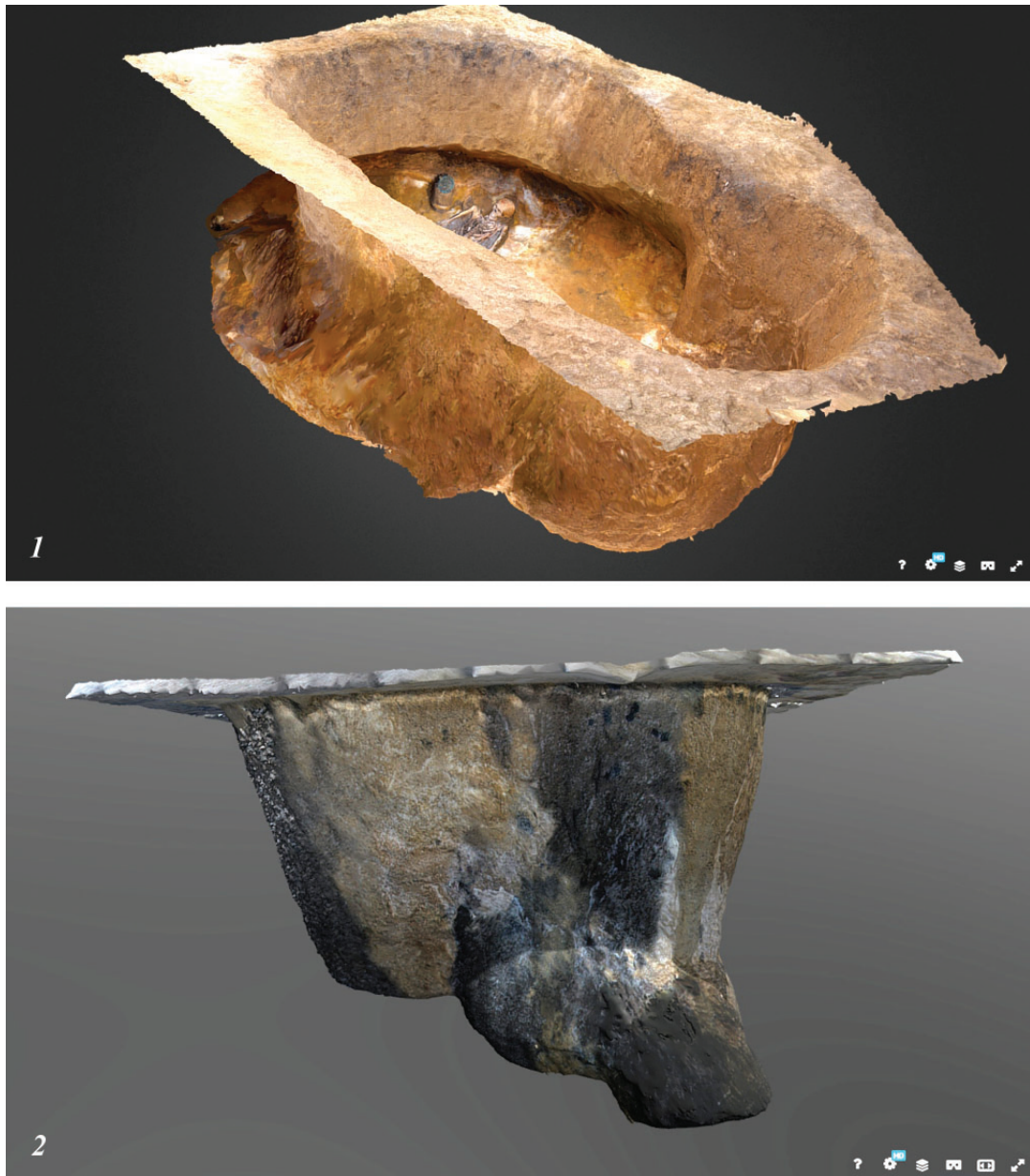

Рис. 5. Фотограмметрические 3D модели погребальных комплексов ранней сарматской культуры.

1 – могильник Переволочан-2, курган 4, (Хайбуллинский р-н, Республика Башкортостан); 2 – могильник Авласовский, курган 3, (Абзелиловский р-н, Республика Башкортостан)

Fig. 5. Photogrammetric 3D-models of burial complexes of the early Sarmatian culture.

1 – burial ground Perevolochan-2, barrow 4 (Khaibullino district, the Republic of Bashkortostan); 2 – burial ground Avlasovo, barrow 3 (Abzelilovo district, the Republic of Bashkortostan)

быть осуществлена для восстановления первоначальной формы оригинала способом визуализации или печати на 3D-принтере. В данном ключе видится проведение научных реконструкций форм сосудов на основе фрагментированного керамического материала (рис. 8: 2–3).

Использование сравнительно бюджетного метода фотограмметрии для создания 3D-модели оригинала является возможным и рекомендуемым при учете важной особенности: данные цифровые копии могут в итоге достоверно отражать цветовую палитру

поверхности оригинала, но использование данных моделей в 3D-печати крайне затруднительно.

Создание высококачественной фотограмметрической модели требует значительных временных затрат, очень большого количества цифровых фотографий максимального качества, особых условий фотосъемки, профессиональной фотоаппаратуры, программного обеспечения и значительного опыта. Например, создание средней по качеству фотограмметрической модели простой бусины или наконечника стрелы предполагает наличие

Рис. 6. Фотограмметрические 3D модели захоронения .

1-3 – курганно-грунтовый могильник Малая Рязань, раскоп I, 2020 г. (Ставропольский р-н, Самарская область)

Fig. 6. Photogrammetric 3D models of burial.

1-3 – mound-subsoil burial ground Malaya Ryazan, excavation I, 2020 (Stavropol district, Samara region)

около 200–300 цифровых фотографий оригинала во всех возможных ракурсах. Последовательное фотографирование объекта в изменяемых позициях (360°) для массы археологических и музейных объектов неприемлемо, так как может привести к повреждению хрупкого артефакта.

Недостаточное количество фотографий или нарушение методики фотографирования объекта приводят к недостоверному отображению поверхности оригинального объекта, маскируемому текстурой, что приведет к невозможности использования модели для

3D-печати и воспроизведения оригинала в случае необходимости.

В данном контексте перспективным видится комбинированное использование обоих способов оцифровки археологических объектов и артефактов, хотя на сегодняшний день фотограмметрия является более бюджетным и поэтому более доступным способом, но и требующим соответствующего освоения.

Оборудование, необходимое для фотограмметрии. Традиционно для фотограмметрии рекомендуются фотоаппараты профессионального уровня с полноэкранный

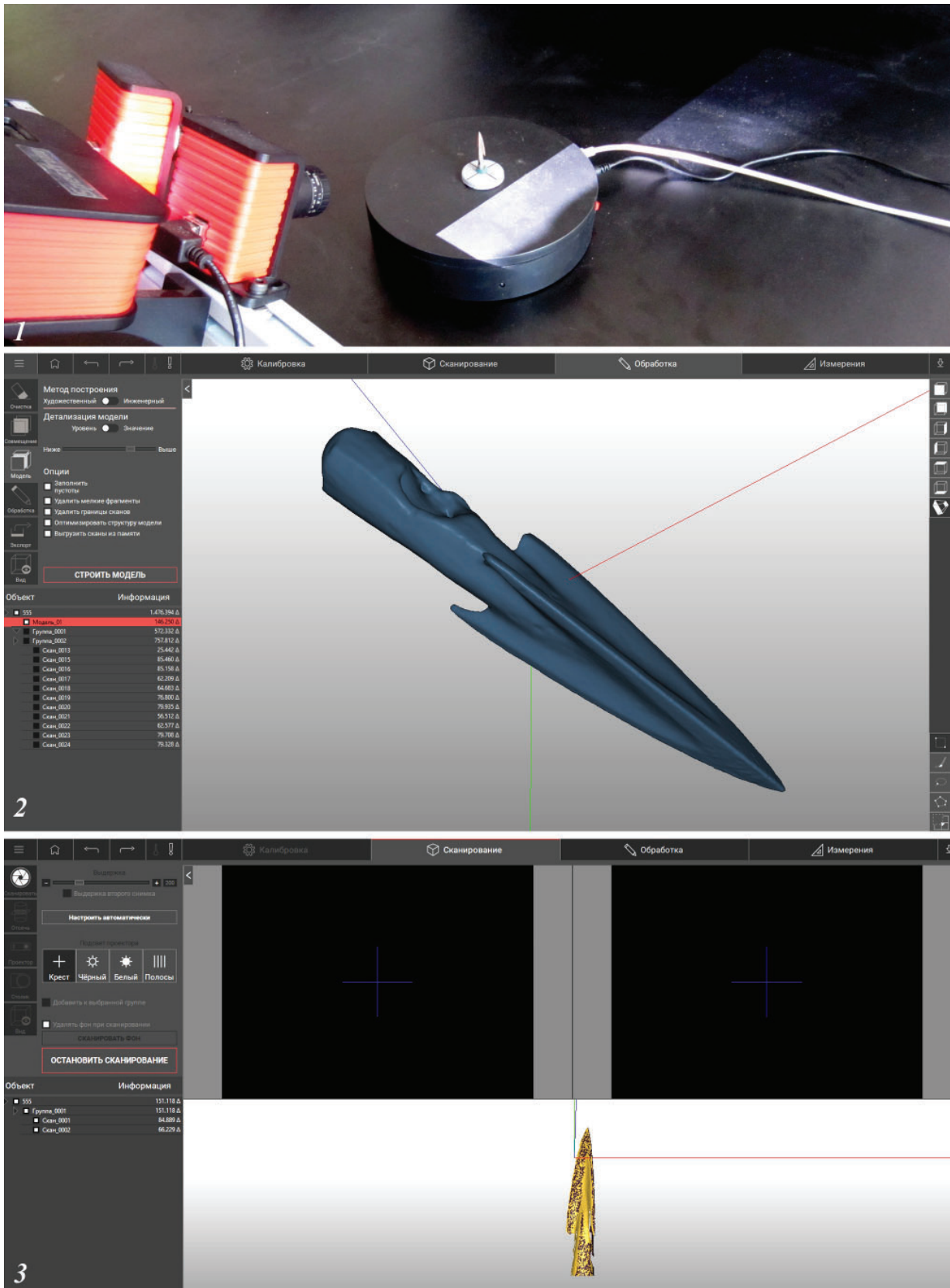

Рис. 7. Процесс 3D-сканирования бронзового наконечника стрелы ранней сарматской культуры (могильник Ивановский-1, Хайбуллинский р-н, Республика Башкортостан) в Научно-исследовательской инновационной цифровой лаборатории 3D-моделирования и визуализации (Кабинет археологии, Стерлитамакский филиал БашГУ)

Fig. 7. 3D scanning of bronze arrow heads of the early Sarmatian culture (burial ground Ivanovsky-1, Khaibullino district, the Republic of Bashkortostan) in Research and innovation digital laboratory for 3D-modelling and visualization (archaeology study room, Sterlitamak branch of Bashkir State University)

Рис. 8. Виртуальные реконструкции фрагментированных артефактов.

1 – каменный жертвенник ранней сарматской культуры из могильника Ивановский-1, курган 7, (Хайбуллинский р-н, Республика Башкортостан); 2. Сосуд гафурийского типа кара-абызской культуры из насыпи кургана могильника Шипово (Иглинский р-н, Республика Башкортостан, раскопки В.В Овсянникова); 3. Сосуд срубно-алакульского типа из могильника Канакас-2, курган 1, (Кугарчинский р-н, Республика Башкортостан)

Fig. 8. Virtual reconstructions of fragmented artifacts.

1 – stone altar of the early Sarmatian culture from burial ground Ivanovsky-1, barrow 7 (Khaibullino district, the Republic of Bashkortostan); 2 – Gafuri type vessel of the Kara-Abyz culture from the barrow mound of burial ground Shipovo (Iglino district, the Republic of Bashkortostan, excavated by V.V.Ovsyannikov); 3 – Srubnaya- Alakul type vessel from burial ground Kanakas-2, barrow 1 (Kugarchi district, the Republic of Bashkortostan)

резкостью (например, Nikon 810 и Canon 5D, или более современные). Неплохие результаты могут дать фотоаппараты профессиональных и полупрофессиональных моделей Sony и Olympus. Возможно использование фотоаппаратов непрофессионального уровня, вплоть до любительского, но конечный результат будет

находиться в прямой зависимости от уровня фотоаппарата. Желательно наличие сменных объективов (макро, широкоугольный), бленд и разнообразных светофильтров.

Сложность для генерации 3D-модели могут создать фотографии, сделанные разными моделями фотоаппаратов, имеющих свои

фирменные и нередко плохо совместимые особенности. Такие серии фото могут «не объединиться» в одно целое. Поэтому при наличии разных моделей фотоаппаратов, в том числе бюджетных, рекомендуется дублирование фотофиксации объекта для фотограмметрии полными сериями фотографий.

Для фотофиксации объектов в полевых условиях желательна наличие ноутбука для возможности проверки отснятого материала и его хранения.

Сама возможность, качество и скорость создания 3D-модели по методу фотограмметрии прямо зависят от уровня стационарного компьютера и его программного обеспечения. Компьютер с любой 64-разрядной версией Windows 10 обязательно должен быть оснащен видеокартой NVIDIA (только у этого производителя встроена нужная для 3D-моделирования технология Cuda). Нижней границей следует считать видеокарту NVIDIA GeForce GTX 1050TI. Для скорости обработки больших массивов фотографий крайне желателен большой объем оперативной памяти (не менее 32 Гб). Крайне желательна оснащение стационарного компьютера современным монитором с большой диагональю.

Фотограмметрия артефактов. Для получения необходимой серии фотографий в первую очередь потребуется оборудовать рабочее место и обзавестись необходимыми приспособлениями (максимально бюджетный вариант).

Для получения качественных фотографий необходимо создать иллюзию глубины за фотографируемым объектом. Для этого понадобится фон, который должен быть однородным, гладким, матовым, нетекстурированным и не имеющим стыков, царапин и т. д. Оптимально подходит лист белого пластика, например, используемый для откосов современных пластиковых окон. Размер зависит от размера объектов оцифровки (минимум 1×1 м). В качестве второго варианта – для почти белых объектов, например, костяных изделий – можно использовать фон черного цвета, иногда дающий более качественные результаты. Фон закрепляется вертикально на удобном освещенном месте.

Очень важным элементом в процессе проведения фотограмметрических работ является освещение, которое должно быть рассеянным, без контрастных теней. Желателен дневной естественный свет. Лучше, если дневное освещение не будет боковым, так как освещаться в первую очередь должен объект,

за которым на фоне не должно быть контрастных теней. Можно использовать искусственное, например, галогеновое или светодиодное освещение белого цвета. Один источник освещения рекомендуется расположить сверху и два – по бокам. Важно установить их таким образом, чтобы объект не отбрасывал тень на фон и на калибровочный столик. Нужно максимально избегать резких, контрастных теней. Допустимы слабые и размытые тени. Необходимо избегать близкого расположения светильников к объекту – слишком сильное и близкое освещение будет мешать фотосъемке (блики) и, что самое важное, вызывать эффект «ожога» на модели и текстуре (вспученная поверхность, дыры, засветка). Здесь все достигается опытным путем, зависящим от мощности и разновидностей светильников. В любом случае, наиболее оптимальным будет естественное освещение (дымка на солнце, несильная пасмурность и т. д.). Лучше избегать затенения плотными занавесками и тентами, так как фотографии должны сохранить в себе неискаженную информацию о цвете объекта, светотенях и глубинах деталей рабочего объекта. В противном случае можно получить серии бесполезных фотографий.

Одним из классических вариантов фотограмметрии является фотографирование объекта по кругу, когда сам он находится в центре. Этого же эффекта для перемещаемых предметов можно достичь с помощью специального поворотного столика. Артефакты имеют разные параметры, для которых нужны будут столики разных размеров, от стандартных до больших. Механические приводы, требующие специального программного обеспечения, для ручной фотосъемки практически бесполезны. Гораздо удобнее, в зависимости от размеров и характера объекта, поворачивать столик вручную, ориентируясь на характер самого объекта, его уникальные особенности и структуру.

Зачастую приходится фотографировать симметричные объекты (например, трехлопастной наконечник, проколка, плоский объект – фрагмент керамики), которые противопоказаны в фотограмметрии, так как программы путаются в ориентации (сторон). В этом случае могут быть использованы специальные маркеры, приклеиваемые на поворотный столик или (и) объект.

Фотоаппарат устанавливается на штативе горизонтально. Не рекомендуется проводить съемку в режиме «авто» и других специальных режимах. Нужно настроить режим «P»,

то есть программируемые установки. Установить размер кадра 4:3, чтобы заранее обрезать лишние поля кадра, а ISO – 100. Минимальный размер ISO важен для исключения на фотографиях «шума», мешающего моделированию. Желательно выбрать максимально возможное разрешение фотографии, так как чем больше «точек» объекта будет зафиксировано, тем точнее будет будущая модель. При необходимости для компенсации недостаточного освещения и «выбеливания» фона можно изменить настройки «компенсации экспозиции». Потребуется экспериментальный подбор. Можно увеличить компенсацию в районе от 1 до 2 (например, вариант на подоконнике в пасмурную погоду). Большого увеличения компенсации экспозиции следует избегать, так как в связи с этим увеличивается контрастность изображения. Следует установить центрально-взвешенную резкость и сетку. Полученные фотографии крайне не рекомендуется редактировать, например, в фоторедакторах, и кадрировать.

Порядок фотографирования артефактов в стационарных условиях:

а) первая серия фотографий. Фотоаппарат устанавливается под более резким углом к объекту, например, 60–70°. Более верхнее положение фотоаппарата нужно, чтобы уверенно получить верхний срез объекта или внутреннюю поверхность сосуда. Излишне завышать угол фотосъемки нет необходимости, так как сложно будет соблюсти резкость на всем объекте (вот для чего в фотограмметрии рекомендуются фотоаппараты с полноэкранный резкостью).

На всех фотографиях весь объект должен быть резким, поэтому нужно экспериментально найти степень удаления фотоаппарата от объекта так, чтобы весь объект был резким при всех поворотах столика. При фотофиксации не зуммировать, лучше использовать объектив с неизменяемым фокусным расстоянием и не менять настройки фотоаппарата. Все серии снимков должны быть сделаны с одинаковыми программными настройками и расстоянием фотоаппарата от объекта.

Фотографии делаются с небольшим шагом: следующее фото должно перекрывать предыдущее не менее чем на 30%. Чем больше снимков, тем будет качественнее модель. Следует проводить фотосъемку по полному кругу вокруг всего объекта;

б) вторая серия фотографий. Фотоаппарат на штативе немного опускается, и серия фото-

съемок повторяется. В случае, если объект профилированный (больше деталей), понадобится больше серий фотографий, вплоть до 10° положения фотоаппарата. В любом случае необходимы круговые серии.

Далее объект съемки следует перевернуть на 180° и повторить все серии фотографирования. Серии-перевертыши лучше как-то разделить. Например, завершив первую серию, положить в центре что-либо яркое и сделать фото, потом при загрузке снимков в программу это поможет визуально различать блоки фотографий.

Фотограмметрия археологического объекта в ручном режиме производится с выше рекомендованными программными настройками фотоаппарата (размер фото 16:9) при равномерном освещении. При солнечной погоде рекомендуется производить фотографирование объекта в полдень. Настоятельно рекомендуется избегать «косого» освещения объекта.

При отсутствии возможности удаления от объекта рекомендуется использовать фотоаппарат с широкоугольным объективом для наибольшего охвата объекта.

Фотографировать объект следует последовательно, по окружности от объекта таким образом, чтобы новое фото перекрывало предыдущее не менее чем на 30%. Не следует использовать настройку панорамного фотографирования.

Первую серию фотографий рекомендуется сделать с максимально возможной высоты, например, со стремянки, или другим способом. Вторая серия возможна с уровня плеча, третья – ниже. Объект с особо сложной поверхностью (например, камни в бровке) можно сфотографировать и с уровня дневной поверхности.

Качественная детализация элементов, например, погребального сооружения, может быть достигнута способом дополнительного последовательного фотографирования деталей объекта в разных ракурсах и большем масштабе. При необходимости фиксации деталей следует придерживаться принципа «кругового» фотографирования таким образом, чтобы расположение «детали» на объекте оказалось хорошо «привязано» к сериям фотографий более крупного плана. В противном случае появится риск того, что программа фотограмметрии может не обнаружить места «детали» на общей 3D-модели.

Не рекомендуется наличие на объекте посторонних предметов, особенно переме-

щаемых в процессе фотографирования, в частности масштабных линеек с контрастной и гладкой поверхностью. В случае острой необходимости масштабная линейка должна сохранять свое неизменное положение на всех сериях фотографий и располагаться в отдалении от важных деталей (не заслонять деталь) таким образом, чтобы в случае помехи ее можно было безболезненно «вырезать» (замаскировать) при генерации модели. Не следует злоупотреблять наличием в кадре нескольких масштабных линеек в разных местах объекта. Яркие, хорошо заметные масштабные линейки могут стать причиной эффекта «блондинки в красном» для программного обеспечения, то есть программа может сконцентрировать свое «внимание» только на подобном объекте и «построить» модель вокруг него, «слепив» всю информацию со снимка в одну аморфную массу.

Отдельные традиционные методики археологических исследований также могут представлять сложности для фотограмметрии. Тщательная, почти зеркальная зачистка материкового основания будет создавать блики, отражая солнечное освещение. Особенно это касается глины. Не следует подметать материковое основание вокруг объекта. Замытый этим процессом участок рискует быть проигнорированным программным обеспечением. Сохраненные пылинки помогут в воссоздании эффекта глубины и объема.

Компенсировать этот «недостаток» зеркальной зачистки можно использованием при фотографировании «маркеров-реперов»: предлагается располагать несколько в стороне от границ фиксируемого археологического объекта (на границе раскопа с отвалом) некие объемные, но разные по характеристикам небольшие неподвижные объекты. Маркеры должны быть заметными, расположенными несимметрично, но не излишне крупными, чтобы их можно было потом «вырезать». Они должны заметно отличаться друг от друга формой, размером и цветом, выделяясь на общем фоне (например, ведро, детские кубик и пирамидка). Таким образом можно «компенсировать» и крестовидную бровку.

Для получения рассеянного освещения не рекомендуется использовать, например, плотные (особенно цветные) тенты. В крайнем случае комплект фотографий при контрастном освещении можно несколько исправить средствами специального программного обеспечения. Несоблюдение требований может повлечь невозможность использования

данного массива фотографий для создания цифровой модели.

Не следует фотографировать объект «в обрез». Площадку вокруг погребальной камеры следует фотографировать с запасом не менее 1–1,5 м. «Лишний» участок можно удалить на самой модели. Подобная рекомендация распространяется и на фотографии любого археологического объекта.

Фотограмметрия археологического объекта с помощью фотокамеры, установленной на квадрокоптере. Фотографирование крупного археологического объекта с использованием, например, квадрокоптера весьма перспективно. В результате может быть получена большая серия фотографий, имеющих географическую привязку (GPS), что значительно облегчает генерацию модели (рис. 3). Рекомендуется последовательное фотографирование объекта сначала с большей высоты для получения общего плана участка. Потом ниже – для лучшего просмотра и детализации. Желательны серии круговых фотографий с углов меньше 90°. В противном случае, например, срезы бровок и раскопа получатся на модели смазанными и малоинформативными.

Фотографирование должно происходить последовательно, без «скачков», таким образом, чтобы объект был максимально зафиксирован с разных проекций и высот без «слепых зон». Неудачная фотофиксация объекта приведет к появлению незаполненных отверстий на 3D-модели.

Наилучшего результата для последующей генерации модели можно достигнуть при наличии круговых фотографий боковых проекций (30°). Желательна серия фотографий (вертикальных и с небольшим наклоном) общего плана, но с еще более низкой высоты. Данная рекомендация основывается на особенностях программного обеспечения для фотограмметрии, анализирующего весь комплект фотографий и воссоздающего из них нечто «среднее». При недостатке информации на снимках (малое количество, «слепые зоны» при фотографировании), например, каменная кладка может выглядеть в итоге не совсем естественно.

Хорошие результаты для создания фотограмметрической модели могут быть получены при комбинации комплектов фотографий квадрокоптера и в ручном режиме. В данном случае фотосъемка должна производиться при отсутствии изменений в оригинальном объекте.

те, желательнее в одно время и при одинаковом рассеянном освещении.

В настоящее время важной задачей является получение *возможности удаленной демонстрации сгенерированных 3D-моделей*. Полноценными возможностями для доступного хранения и визуальной демонстрации цифровых моделей объектов в настоящее время обладает уже упомянутая платформа «Sketchfab.com». В зависимости от избранного тарифного плана (бесплатный, PRO и др.) платформа предоставляет пользователю, кроме хранения, значительный спектр услуг, таких как редактирование и настройка файлов для просмотра в VR и AR; создание аннотаций к моделям. Актуальной особенностью платформы является наличие возможности получения неизменяемой короткой ссылки («share») на конкретную цифровую модель, которую можно использовать и в качестве ссылки на электронный ресурс в печатной работе. Каждая цифровая модель получает доступный для копирования код вставки («embed») для использования в веб-страницах и т. д. Дополнительные возможности просмотра и анализа модели можно получить, воспользовавшись функцией «model inspector».

Особый интерес для музеев и ученых представляет размещение цифровых моделей в секторе «Cultural heritage & history», где базируются аккаунты музеев, научных лабораторий и ученых со всего мира.

Обширные возможности использования платформы «Sketchfab.com» имеют и свои особенности, которые необходимо учитывать. Разнообразие форматов цифровых моделей, адаптированных для размещения на платформе, может ограничиваться специфическими особенностями «просмотра», в частности предустановок освещения. Предустановленные варианты настроек мало влияют на цветовую гамму освещения моделей, созданных по методу фотограмметрии. Сложности выбора могут возникнуть для отображения, напри-

мер, сканированных моделей и текстурированных в специальном программном обеспечении. В ряде случаев сложно подобрать предустановленные настройки освещения окружающей «среды», менее искажающие первоначальный цвет текстуры модели оригинала из металла, устранить излишний блеск и блики металла.

Визуальная демонстрация 3D-моделей в некоторых случаях (качество связи, отсутствие необходимого оборудования и др.) может быть заменена специально создаваемыми видеороликами с анимированными моделями. Несмотря на то, что процесс создания анимации цифровых моделей требует дополнительных временных затрат, специального программного обеспечения и, как правило, особой подготовки 3D-моделей, данный способ визуализации является перспективным. Создание специальной анимации 3D-модели позволяет показать объект в разнообразных ракурсах (вплоть до 360°) и разрезах, что невозможно при видеосъемке оригинала; видеоролики отдельных моделей можно компоновать, дополнять звуком в зависимости от конкретных задач; использовать для насыщения экспозиций виртуальных музеев и выставок; встраивать в презентации или страницы соцсетей, не адаптированных к показу 3D, например, «ВКонтакте»; демонстрировать по ТВ.

В свете вышеизложенного можно констатировать, что на современном этапе развития археологической науки появились новые методы сбора, хранения, обработки и презентации данных материальных объектов, в число которых входят фотограмметрия и лазерное сканирование. На основе новейших цифровых технологий выстраиваются трехмерные модели, позволяющие более глубоко изучать археологический материал, применять в научной процедуре графические и виртуальные реконструкции, что в итоге повлияет на уровень образовательной и просветительской деятельности в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев В.М. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // Фундаментальные исследования. 2014. №11. С. 195–200.

Букина О.В., Зубов С.Э., Рафикова К.В. Опыт российских университетов по виртуальному экспонированию археологического наследия в сети Интернет // Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина (г. Самара, 28–30 апреля) / Под общей ред. А.Ю. Нестерова. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2021. С. 723–727.

Жукова А.В. Возможности применения социоархеологического подхода в музейной экспозиции // Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии и

экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев / Тр. ГИМ. Вып. 113. / Ред. Л.И. Скрипкина. М.: ГИМ, 2000. С. 46–49.

Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках. Дисс... канд. культурологии. Екатеринбург, 2009. 175 с.

Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии. М.: ГНОМ и Д, 2004. 80 с.

Archaeological museum. Sterlitamak, Russia. URL: <https://sketchfab.com/archmsfbsu>. (дата обращения 02.03.2022).

Fink, Charlie. Realistic 3D Objects From Famous Museums, Free. URL: <https://www.forbes.com/sites/charliefink/2020/02/25/realistic-3d-objects-from-famous-museums-free/?sh=13ea23085bf4>. (дата обращения: 02.03.2022).

Igor Denisov. Republic of Bashkortostan, Russia. URL: <https://sketchfab.com/Digor/models>. (дата обращения: 02.03.2022).

Platform for immersive and interactive 3D, VR and AR «Sketchfab.com» (New York, USA). URL: <https://sketchfab.com>. (дата обращения: 02.03.2022).

Sergey Zubov. Samara, Russia. URL: <https://sketchfab.com/ArhLabSU> (дата обращения: 02.03.2022).

Strbsu.ru: Первый в Башкирии Виртуальный археологический тур. URL: https://strbsu.ru/arch_museum (дата обращения: 02.03.2022).

Информация об авторах:

Денисов Игорь Васильевич, заведующий учебно-методическим кабинетом археологии, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и философских дисциплин, Стерлитамакский филиал БашГУ (г. Стерлитамак, Россия); v.denisov@strbsu.ru

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru

Букина Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); bukina@yandex.ru

REFERENCES

Andreev, V. M. 2014. In *Fundamentalnye issledovaniya (Fundamental Research)* 11, 195–200 (in Russian).

Bukina, O. V., Zubov, S. E., Rafikova, K. V. 2021. In Nesterov, A. Yu. (ed.). *Chelovek v informatsionnom obshchestve: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu poleta v kosmos Yu.A. Gagarina (g. Samara, 28–30 aprelya) (Man in the information society: a collection of materials of the scientific and practical international conference dedicated to the 60th anniversary of Yuri Gagarin's space flight (Samara, April 28–30))*. Samara: Samara State University, 723–727 (in Russian).

Zhukova, A. V. 2000. In Skripkin, L. I. (ed.). *Sovremennye kontseptsii pervobytnoi istorii. Problemy interpretatsii pamiatnikov arkheologii v ekspozitsiakh istoricheskikh, kraevedcheskikh i arkheologicheskikh muzeev (Contemporary Concepts of Primeval History. Issues of Interpretation of Archaeological Monuments in Expositions of Historical, Local Lore and Archaeological Museums)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 113. Moscow: State Historical Museum, 46–49 (in Russian).

Kamenskii, S. Yu. 2009. *Aktualizatsiya arkheologicheskogo naslediya v sovremennykh sotsial'no-kul'turnykh praktikakh (Actualization of archaeological heritage in modern socio-cultural practices)*. Thesis of the Candidate of Cultural Sciences. Yekaterinburg (in Russian).

Medved, A. N. 2004. *Muzeefikatsiya pamyatnikov arkheologii (Museumification of archaeological sites)*. Moscow: “GNOM i D” Publ. (in Russian).

Archaeological museum. Sterlitamak, Russia. Available at: <https://sketchfab.com/archmsfbsu> (accessed: 02.03.2022) (in English)

Fink, Charlie. *Realistic 3D Objects From Famous Museums, Free*. URL: <https://www.forbes.com/sites/charliefink/2020/02/25/realistic-3d-objects-from-famous-museums-free/?sh=13ea23085bf4> (accessed: 02.03.2022) (in English).

Igor Denisov. Republic of Bashkortostan, Russia. Available at: <https://sketchfab.com/Digor/models> (accessed: 02.03.2022) (in English).

Platform for immersive and interactive 3D, VR and AR «Sketchfab.com» (New York, USA). Available at: <https://sketchfab.com> (accessed: 02.03.2022) (in English).

Sergey Zubov. Samara, Russia. Available at: <https://sketchfab.com/ArhLabSU> (accessed: 02.03.2022) (in English).

Strbsu.ru: *Pervyy v Bashkirii Virtual'nyy arkheologicheskiy tur (The first virtual archaeological tour in Bashkiria)*. Available at: https://strbsu.ru/arch_museum (accessed: 02.03.2022) (in Russian).

About the Authors:

Denisov Igor V. Sterlitamak branch of the Bashkir State University. Lenin Av., 49, Sterlitamak, 453103, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; v.denisov@strbsu.ru

Zubov Sergey E. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation; guberfond@rambler.ru

Bukina Olga V. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation; bukina@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.90.96>

ИССЛЕДОВАНИЯ БИЛЯРА КАЗАНСКИМИ АРХЕОЛОГАМИ В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ

© 2022 г. Г.И. Дроздова

В статье рассматриваются материалы личных фондов ученых-археологов, а также исследователей других специальностей, проводивших исследования на Билярском городище и его окрестностях: д.и.н, проф. А.Х. Халикова, к.и.н. Е.А. Халиковой, М.М. Кавеева, остеолога д.б.н. А.Г. Петренко, к.физ. мат.н. Е.А. Беговатова, д.архит.н. С.С. Айдарова, д.и.н. Р.Г. Фахрутдинова. Материалы, переданные родственниками умерших исследователей Институту археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, прошли научно-техническую обработку. Таким образом появилась возможность привлечь эти материалы к исследованиям в рамках тематики Института им. А.Х. Халикова.

Ключевые слова: археология, личный фонд, Билярское городище, Билярские некрополи, валы, рунические надписи.

STUDIES OF BILYAR BY KAZAN ARCHAEOLOGISTS IN ARCHIVAL MATERIALS

G.I. Drozdova

The author considers materials of personal collections of archaeologists, as well as researchers of other specialties who conducted research in the Bilyar fortified settlement and its surroundings: doctor of history, prof. A.Kh. Khalikov, candidate of historical sciences E.A. Khalikova, M.M. Kaveev, osteologist doctor of biology A.G. Petrenko, candidate of physical-mathematical sciences I E.A. Begovatov, doctor of architecture S.S. Aidarov, doctor of history R.G. Fakhrudinov. The materials were handed over by the relatives of the deceased researchers to the Institute of Archaeology named by A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, underwent scientific and technical processing. Thus there was an opportunity to attract these materials to the research on the topics of the Institute of Archaeology named by A.Kh. Khalikov.

Keywords: archaeology, personal fund, Bilyar settlement, Bilyar necropolises, ramparts, runic inscriptions.

В методическом кабинете Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ находятся на хранении личные фонды ученых-археологов, работавших на территории Татарстана. Обратимся к документальным материалам исследователей, изучавших городище Биляр, а также другие археологические памятники, расположенные в Алексеевском районе РТ в окрестностях Биляра. Это личные фонды: А.Х. Халикова (ф. 1), Е.А. Халиковой (ф. 7), М.М. Кавеева (ф. 10), Е.А. Беговатова (ф. 19), остеолога А.Г. Петренко (ф. 12), архитектора-реставратора д. архит. н. С.С. Айдарова (18), д.и.н Р.Г. Фахрутдинова (17).

Альфред Хасанович Халиков (30.05.1929–24.07.1994). **Фонд 1.**

Доктор исторических наук (1966), член-корреспондент АН РТ (1992), заслуженный деятель науки РТ (1974), лауреат государственной премии РТ в области науки и техники (1994) (Национальный центр археологических исследований, 2007, с. 98). Один из основных исследователей Биляра домонгольского периода.

Темой волжских булгар и Биляра он начал заниматься с 1967 года. Начались широкомас-

штабные раскопки, которые под руководством Альфреда Хасановича длились почти 25 лет и в свою очередь привели к тому, что Биляр стал хорошо изученным эталонным памятником домонгольской Булгарии (Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш., 2009, с. 9). А.Х. Халиков внес неоценимый вклад в изучении Биляра (билярских древностей). Проведение аэрофотосъёмки Билярского городища и его окрестностей для того времени было прорывом в археологии. Ученым определены хронологические рамки существования Биляра (922–1236 гг.) и аргументировано предположение о единовременном возникновении внутреннего и внешнего города, о возможной локализации золотоордынского Биляра на месте II и III Билярских селищ. Материалы, сохранившиеся в личном фонде ученого, являются доказательством этого. Все выше-обозначенное представлено в виде:

– научных отчетов по итогам полевых сезонов: за 1967 г. (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 38а), 1970 г. (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 41), 1971 г. (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 43), 1972 г. (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 44), 1973 г. (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 46,), 1974 г. (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 47, 47а), 1976 г. (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 49, т. 2),

1978 г. (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 52), 1979 г. (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 53а);

– материалов к отчетам, включающих чертежи, рисунки предметов, фотографии, полевые дневники: 1967 г. – чертежи раскопа VII Билярского городища (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 38а), 1969 г. – полевой дневник (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 40, т. 3), 1971 г. – фото керамики раскопа XVII, карточки с описаниями находок из Биляра, находящиеся на хранении в ЛОИА – (2) (Ф. 5), рисунки вещей (3) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 43), 1974 г. – рисунки находок (59) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 47), 1975 г. – рисунки предметов (67), фото (14), полевой дневник –разрез вала у Шаминского выезда (чертеж), сельскохозяйственные орудия из коллекции Билярского музея, собранные в разные года (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 48), 1977 г. – рисунки индивидуальных находок (31), раскопы XXVI, XXIII (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 50), 1983 г. – материалы к отчету по окрестностям Билярского городища: чертежи (30), таблицы (13) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 60).

Все вышеперечисленные материалы нашли свое отражение в публикациях ученого о Биляре. Рукописи статей находятся в личном фонде ученого: текст рукописи об истории изучения Билярского городища, о применении авиации при изучении Караван-сарая / Сборник «Исследование Великого города» (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 81); рукопись книги «Первое государство. Беренче дәүләт» на татарском языке (85 л.) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 92); рукопись «Кто мы болгары или татары?» (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 93); монография «Булгар-Киев» (200 л.) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 96).

Ряд статей был посвящено болгарской тематике:

1972 г. – «Биляр» / АО-71 (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 103);

1974 г. – «Билярская экспедиция» / АО-73 (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 104);

1975 г. – «Работы в Биляре» / АО-74 (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 104);

1979 г. – «Работы на Билярском городище и его окрестностях» / АО-78 (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 105); «Археологическое изучение центра Билярского городища» / Новое в археологии Поволжья (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 105); «Кирпичное здание на XVII раскопе» / Новое в археологии Поволжья. Рукопись, машинопись (36 л.); «Исследования комплекса мечети / там же (совместно с Р.Ф. Шарифуллиным) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 105);

1981 г. – Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских болгар в археологических материалах / Из истории

ранних болгар. Машинопись (10 л.) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 106); Монгольское нашествие и судьба Великого города / Археологические памятники Нижнего Прикамья (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 107); Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Культура Биляра. Машинопись (31 л.); Билярское городище и его место в истории Волжской Булгарии / Культура Биляра. Машинопись (15 л.) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 108); Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Машинопись (5 л.) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 108);

1986 г. – Введение / Посуда Биляра (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 109); Сфероконические сосуды / Посуда Биляра (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 109);

1991 г. – Материалы к сборнику «Биляр – столица домонгольской Булгарии». Иллюстрации: фото (7), таблицы (8), рисунки (23), чертежи (6).

Статья «К вопросу о названии столицы Волжской Булгарии домонгольского периода» (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 113).

Часть материалов относится к периодике:

«Билярский источник» – «Заря» Алексеевский р-н РТ. Машинопись (3 л.) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 121).

Археологическое исследование Билярского городища и его окрестностей в 1983 г. – «Заря». Машинопись (3 л.) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 121).

О времени и характере принятия ислама в Поволжье (совм. с Е.А. Халиковой) «Советская Татария» от 27.07.89. Машинопись (7 л.) (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 121).

Кроме публикационных материалов в фонде находятся и другие материалы, касающиеся непосредственно Биляра. Написано несколько диссертаций по исследованиям Билярского городища: отзывы на рефераты диссертаций, на диссертации (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 123):

Отзыв на реферат Измайлова И.Л. «Военное дело и вооружение ранних болгар VIII–X вв.» от 01.09.1983.

Отзыв на автореферат и рукопись монографии Хузина Ф.Ш. «Билярское городище: стратегия, хронология» от 27.11.87.

Отзыв на диссертацию Фахрутдинова Р.Г. «Территория Волжско-Камской Булгарии домонгольского и золотоордынского период».

Отзывы и рецензии на рукописи книг о Биляре:

Отзыв на монографию Е.А. Халиковой «Мусульманские могильники X – начала XIII вв. как исторический источник» от 07.04.1983 (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 125).

Тема Биляра отражена в материалах многочисленных конференций:

1972 г. – тезисы доклада «Булгар – Биляр – столица Волжской Булгарии X–XIII вв.» (ф. 1, оп. 2, ед. хр. 2, т. 4) / I Билярская археологическая конференция. Программа. Доклад «Билярский дом знатного феодала» был опубликован под названием «Кирпичное здание на XVII раскопе / Новое в археологии Поволжья. Протокол конференции (18 л.).

1973 г. – тезисы доклада «Исследования Билярского городища в 1972 г.» (ф. 1, оп. 2, ед. хр. 2, т. 4).

1974 г. – доклад «Аэрофотосъемка и аэровизуальное изучение Билярского городища» (совм. с Н.И. Игониным, Г.В. Фроловым). Тезисы доклада «Исследования Билярского городища в 1973–74 гг.» (совм. с Ф.Ш. Хузиным, Г. Давлетшиным) (ф. 1, оп. 2, ед. хр. 2, т. 4).

1984 г. – доклад «Монгольское нашествие и судьба Великого города Булгар» (28 л.) (ф. 1, оп. 2, ед. хр. 2, т. 6).

1991 г. – тезисы доклада «Торговые пути Булгара X–XIII вв. и социально-экономическое и политическое значение» / Путь из Булгара в Киев (ф. 1, оп. 2, ед. хр. 2, т. 9). Тезисы доклада «Булгарское направление Великого шелкового пути» (ф. 1, оп. 2, ед. хр. 2, т. 9).

В ф. 1, оп. 2, содержатся материалы по созданию историко-археологического заповедника в Биляре: письма и представления в министерство культуры ТАССР (1961 г.); в Совет министров РСФСР; председателю ВООПИК – 1967 г. о перевозе дома А.Е. Арбузова на территорию Билярского музея; письма в Исполнительный комитет депутатов трудящихся Алексеевского района ТАССР о передаче в ведение заповедника территории Билярского городища; письмо Д.М. Лихачеву (председателю фонда культуры) о создании Билярского заповедника 10.11.1991; Постановление Кабинета Министров РТ от 14.08.1992 об организации Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника в Алексеевском районе РТ (ф. 1, оп. 2, ед. хр. 3, т. 1).

Также в фонде хранится письмо А.Х. Халикова коменданту Казанского объединенного отряда гражданского воздушного флота У.Х. Мухтазину о проведении аэрофотосъемки в районе с. Билярск Алексеевского района ТАССР и о выделении самолета АН-2 (1973 г.) (ф. 1, оп. 2, ед. хр. 1, т. 2).

О деятельности А.Х. Халикова в КГУ свидетельствуют материалы о полевой прак-

тике студентов в Биляре, отчеты по практике за 1965–1967, 1970, 1972, 1983 гг. (ф. 1, оп. 2, ед. хр. 5, т. 1).

Исследуя Билярское городище, А.Х. Халиков отстаивал свою точку зрения по поводу Биляра как о единственной столице Волжской Булгарии X – начала XIII вв.

2. Елена Александровна Халикова (28.08.1930–24.06.1977). **Фонд 7.**

Кандидат исторических наук (1976), заведующая археологическим кабинетом КГУ. С 1968 г. Елена Александровна преподавала в Казанском университете. В 1968–1976 гг. она совмещала работу в университете с чтением лекций и проведением практики на историко-филологическом факультете Казанского педагогического института. Одним из основных направлений исследовательской деятельности Е.А. Халиковой было изучение доисламских и мусульманских могильников и погребального обряда населения Волжской Булгарии: времени проникновения ислама на территорию Волжской Булгарии, степени распространенности ислама среди разных социальных слоев населения.

В научном фонде содержатся материалы к кандидатской диссертации о сельских некрополях (ф. 7, оп. 1, д. 4, т. 1). Ею был привлечен материал из соседних территорий: Старо-Куйбышевский могильник, Измерский, Танкеевский могильники, могильник «Бабий Бугор», Ханская усыпальница, кладбище у Малого минарета в Болгаре, у Соборной мечети в Болгаре.

Исследователем были привлечены и материалы со Средней Азии: о курганах в долинах Заравшана (Древний Согд), о тюркских памятниках под Ташкентом, материалы по Киргизии. В фонде хранятся выписки из литературы и архивов (ф. 7, оп. 1, ед. 4, т. 2); по Биляру из раскопок П.А. Пономарева; сведения о I и II Билярских могильниках (1969, 1971 гг.).

В фонде сохранилось письмо С. Ефимовой с антропологическими данными по Билярскому могильнику (1975 г.).

Поскольку Е.А. Халиковой приходилось работать со студентами, проходившими археологическую практику, сохранились и отчеты по итогам проведенных ею археологических экспедиций:

Отчет о раскопках I Билярского могильника в 1969 г., машинопись (154 л.) (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 7).

Материалы к отчету: чертежи (20), фото (38), полевой дневник, полевые чертежи 1969 г. (54 л.) (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 7/1а).

Материалы к отчету за 1971 г.: дневник, записи по керамике, чертежи (60), полевые дневники по раскопам: IX, X, XI–XIV, XV (1971), (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 7/3).

Иллюстрации к отчету по II Билярскому могильнику – фото (120) (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 7/3).

Материалы к отчету по III Билярскому могильнику – фото (24) (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 7/3).

Отчет о работах на Билярском городище в 1972 г. (54 л.); материалы к отчету: чертежи на синьке (79), полевой дневник раскопа XV за 1972 г. (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 7/3).

Результаты экспедиций нашли свое отражение в публикациях. Личный фонд содержит рукописи некоторых публикаций: Билярские некрополи / «Исследование Великого города» (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 11).

Тезисы доклада. К вопросу о распространении ислама в Волжской Булгарии в X–XIII вв. (ф. 7, оп. 2, ед. хр. 1, т. 3).

3. Мурат Мазитович Кавеев (19.05.1954–24.07.2008). **Фонд 10.**

Мурат Мазитович работал в отделе археологии и этнографии ИЯЛИ КФАН СССР в 1980–1984 гг.; в 1985–1997 гг. М.М. Кавеев являлся заместителем директора по науке в Болгарском государственном историко-архитектурном музее; в 1997–2001 гг. – в должности старшего научного сотрудника в Иске-Казанском государственном музее-заповеднике; в 2002–2006 работал научным сотрудником НЦАИ Института истории АН РТ. С 1998 г. М.М. Кавеев занимался археологией Волжской Булгарии и Золотой Орды (Актуальные вопросы археологии Поволжья, 2012, с. 184).

В фонде представлены следующие материалы по исследованиям Билярского городища:

Дипломная работа «Оборонительные сооружения Билярского городища», 1980 г. Машинопись (51 л.) (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 1).

План работы над диссертацией по теме: «Булгарское село домонгольского периода Закамья» (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 2).

Отчеты:

Отчет о разведочных работах по изучению части сохранившихся валов внутреннего города Билярского городища, 1978 г. Рукопись (11 л.) (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 3).

Отчет о рекогносцировочных работах по изучению укреплений Билярского городища, 1979 г. Рукопись (12 л.) (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 4).

Дневник раскопа 1975, 1979 гг.

Отчет «Исследование первой внутренней линии валов (внутреннего города) Билярского

городища», 1982 г. Рукопись (6 л.) (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 6).

Отчет о разведочно-охранных работах в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР в 1984 г., 1985 г. Машинопись (58 л.) (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 7).

Все полевые изыскания были отражены в публикациях:

Вариант статьи «О некоторых результатах изучения оборонительных сооружений Билярского городища» в сб. «Из истории материальной культуры татарского народа», машинопись (12 л.) (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 31а); один из вариантов статьи «Исследование сельских поселений Западного Закамья домонгольского периода». Тезисы научной конференции «Памятники истории, культуры и природы Европейской России», Н. Новгород, 1993 г., машинопись (3 л.) (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 31г); по теме «Монгольское нашествие на Волжскую Болгарию и его последствия», рукопись (30 л.) (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 31г); «Отражение монгольского нашествия Рязанским и Киевским княжествами», рукопись (53 л.) (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 31г); фото аэрофотосъемки Биляра (38) (ф. 10, оп. 6, ед. хр. 1).

Аида Григорьевна Петренко (16.09.1933–27.01.2010). **Фонд 12.**

Доктор биологических наук (1985), заслуженный деятель науки РТ (1999), главный научный сотрудник НЦАИ.

В 1965 г. по окончании аспирантуры Аида Григорьевна была направлена на работу в сектор археологии и этнографии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. В 1968 г. в Казанском ветеринарном институте ею была защищена диссертация на тему «К истории домашних животных у древнего населения Волжско-Камского края (по данным остеологического материала археологических памятников)» с присвоением ученой степени кандидата биологических наук. В 1966–1996 гг. работала в отделе археологии и этнографии Института языка, истории и литературы им. Г. Ибрагимова (ИЯЛИ) КФАН СССР.

Материалы данного фонда содержат результаты определений остеологического материала по Среднему Поволжью и Приуралью разных периодов, а также есть материалы по Билярскому городищу. Ежегодно А.Г. Петренко обрабатывала огромное количество костей животных, определяя их принадлежность к диким или домашним животным, а также выясняла проблемы становления животноводства на вышеуказанной территории:

– XIII Алексеевское селище (бронза). 1 л. Рукопись (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 3, т. 1–2);

– Болгары. Р.LXV, LXII. 1 л. Рукопись;

– Волжская Булгария (золотоордынский период). Таблицы-19. Машинопись, рукопись (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 59);

– план, Болгар. 1 ксерокопия.

Материалы обработки остеологического материала по Билярскому городищу:

1971 г. – рукопись (9 л.), тетрадь (2 л.). Раскоп XVII. Машинопись (2 л.).

1972 г. – рукопись (тетрадь) (4 л.).

1974–1975 гг. – Рукопись, машинопись (13 л.).

1975 г. – машинопись (8 л.) (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 100); рукопись (тетрадь) (17 л.).

1978 г. – рукопись (тетрадь) (7 л.).

1981 г. – рукопись (тетрадь) (4 л.), рисунки (20), фото (4), схема (1) (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 4).

1986 г. – рукопись (1 л.).

1989 г. – Биляр (другие памятники). Рукопись (2 л.), машинопись (2 л.).

Биляр и другие памятники: II Мурзихинский могильник – 95, 96; Болгар – 86–92, 95–97; Ст. Куйбышевское селище – 86; Измерское селище; Кожаевское селище.

Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967–1971 гг. нашло своё выражение в ряде публикаций: «Исследование Великого города», 1976 г., ксерокопия (12 л.); приводятся данные о наличии костей диких и домашних животных на Билярском городище: зайцы, куны, лисицы, косули, лось (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 4).

«Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья». М., 1984 (монография). Фотоиллюстрации (4), карты-схемы к работе (5).

«К истории хозяйственной жизни населения домонгольского и золотоордынского периодов Волжской Булгарии» (совм. с Е.А. Беговатым) в сб. «Волжская Булгария и монгольское нашествие». С. 103–114. Казань. 1988 г. Машинопись, рукопись (17 л., 30 л.) (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 4).

«К истории болгарского коневодства» в ТД краеведческих чтений «Народы Среднего Поволжья: история, культура». Казань, 1993 г. Машинопись с правкой (5 л., 3 л.).

«Задача определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота в археологии» (совм. с Е.А. Беговатым). Казань, 1994 г. Типография (51 с.).

«К истории исследования проблем хозяйственной деятельности болгаро-татарского населения средневековых городов Среднего

Поволжья (по данным археозоологических материалов)» в ТА. 1999 г. № 1–2 (4–5). С. 135–145. Машинопись с правками (11 л.) (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 7).

«Остеологические материалы из археологических памятников Среднего Поволжья как исторический источник к вопросам изучения производящего хозяйства у раннебулгарского и домонгольского населения волжских болгар» в ТА. 2006 г. № 3–4. С. 190–212. Машинопись с правками (24 л.) (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 10).

Материалы IV научной конференции.

Доклад «Древнейшие скотоводы Волго-Уралья и проблемы одомашнивания лошади». РАН. 1993 г. Ксерокопия доклада (опубл.) (3 л.) (ф. 12, оп. 2, ед. 3)

Международная конференция «Ранние коневоды степей Евразии». Приглашение. 1995 г. Машинопись (3 л.).

Доклад «К истории раннего коневодства Волго-Камья и Предуралья». 18–24 июня 1995 г. Рукопись (1 л.), машинопись (3 л.).

Конференция по этноэкологии в АН РТ «Актуальные экологические проблемы Республики Татарстан». ТД «История охоты, животноводства Волго-Камья и экология». 1995 г. Машинопись (2 л.) (ф. 12, оп. 2, ед. 3).

Евгений Александрович Беговатов (?1937–?2015). **Фонд 19.**

Кандидат физико-математических наук, доцент Института вычислительной математики и информационных технологий К(П) ФУ, математик, археолог и нумизмат (Кочкина А.Ф., 2015, с. 341).

Е.А. Беговатов начал заниматься археологией в 1973 г. С 1980 г. он руководил археологическими раскопками. Разведки по островам Камы позволили Е.А. Беговатову спасти многие материалы для науки и открыть новые памятники. Особое место в его научной деятельности занимали археологические исследования в окрестностях Биляра (Алексеевский район). На II Билярском селище им был обнаружен клад куфических монет X–XI вв., изучению которого Евгений Александрович посвятил 15 лет. Нумизматика заняла важное место в его жизни (Кочкина, 2015, с. 341–345).

1. Отчет о раскопках на III Билярском селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 1996 году, совм. с А.Ф. Кочкиной. 1997 г. Машинопись (70 л.) (ф. 19, оп. 1, ед. хр. 1).

2. Отчет о раскопках на II Билярском селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 1999 г. 2000 г. Машинопись (41 л.) (ф. 19, оп. 1, ед. хр. 2).

3. Отчет о раскопках на II Билярском селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2000 г. 2001 г. Машинопись (76 л.) (ф. 19, оп. 1, ед. хр. 3).

5. Отчет о раскопках на II Билярском селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2001 г. (часть 1). 2002 г. Машинопись (85 л.) (ф. 19, оп. 1, ед. хр. 5).

6. Отчет о раскопках на II Билярском селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2001 г. (часть II. Альбом). 2002 г. Машинопись (111 л.) (ф. 19, оп. 1, ед. хр. 6).

8. Отчет о раскопках на II Билярском селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2003 г. (часть 1). 2004 г. Машинопись (32 л.) (ф. 19, оп. 1, ед. хр. 8).

9. Отчет о раскопках на II Билярском селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2003 г. (часть 2. Альбом). 2004 г. Машинопись (82 л.) (ф. 19, оп. 1, ед. хр. 9).

Результаты полевых изысканий отражены в научных статьях:

«Балынгузское IV селище (к проблеме преемственности культуры двух эпох)» (совместно с А.Ф. Кочкиной, Д.А. Сташенковым). Ксерокопия (6 л.) (ф. 19, оп. 1, ед. хр. 11).

«Билярское II селище – болгарский домонгольский памятник X–XI вв. Руническая надпись на пряслице с Булгарского селища» в сб. «Истоки татарского литературного языка». Казань. 1988 г. Иллюстрации пряслица (3 л.) (ф. 19, оп. 1, ед. хр. 21).

6. **Айдаров Сайяр Ситдикович** (25.06.1928–02.01.2014). **Фонд 18.**

Член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, заслуженный архитектор РФ, заслуженный деятель науки РТ, профессор Казанского государственного архитектурно-строительного университета, исследователь архитектуры Волжской Булгарии, автор ряда реставрационных проектов по Билярскому городищу (Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г., Айдарова Г.Н., Забирова Ф.М., Нугманова Г.Г., Хабибуллин М.М., 2014, с. 284).

В описи 1 хранятся: фотографии Билярских архитектурных памятников (28 экз.) (ф. 18. оп. 1, ед. хр. 48/6); Караван-сарай. Консервация и реконструкция (1 экз. (31,6x23,5) на картоне; аэрофотосъемка 1974 г. раскопов центра Билярского городища – фото (38x41); фото дома-музея Арбузова. Вид до реставрации и после (2 экз.).

Остальной материал содержит информацию о Болгарах, Свяжске, Казани.

7. **Равиль Габдрахманович Фахрутдинов** (14.03.1937–10.03.2014). **Фонд 17.**

Доктор исторических наук (1991), заслуженный деятель науки РТ (1997), лауреат государственной премии РТ в области науки и техники (1994). Равиль Габдрахманович работал в секторе археологии и этнографии ИЯЛИ КФАН СССР в 1968–1974 гг. Им было выявлено и исследовано свыше 1200 археологических памятников.

Исследование Р.Г.Фахрутдиновым билярских древностей отражено в следующих материалах:

– кандидатская диссертация «М. Черемшан. Бассейн левого берега. Краткое описание памятников с находками». 1965 г. Рукопись (6 л.) (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 9, т. 1);

– разведки Морозовой по Черемшану. 1962 г. Рукопись (6 л.);

– рисунок наконечника стрелы, 1967 г. (1);

– рисунки индивидуальных находок на миллиметровке (4);

– план села Старое Ромашкино (1);

– фото местности. Билярские селища (41) (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 9, т. 1).

– материалы к отчету: полевые чертежи.

ТАССР (31). Закамье (сплошная разведка М. и Б. Черемшана, Шешмы, Зая) (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 14).

Р.Г. Фахрутдиновым были проведены исследования внешнего и внутреннего города Биляра, о чем свидетельствуют документальные материалы из его личного фонда:

– иллюстрации по Биляру. 1968 г. (1-й экз. – 2); (2-й экз. – 17); (3-й экз. – 15);

– материалы к отчету: тетрадь с описанием внешнего города Билярского городища. 1968 г. Рукопись (12 л.);

– тетрадь № 2 с описанием восточной половины внешнего города. 1968 г. Рукопись (12 л.);

– полевая опись с описанием внутреннего города Билярского городища. Тетрадь № 3. 1968 г. Рукопись (16 л.);

– полевая опись с описанием внутреннего города Билярского городища. Тетрадь № 4. 1968 г. Рукопись (12 л.);

– полевая опись с описанием внутреннего города Билярского городища. Тетрадь № 5. 1968 г. Рукопись (12 л.);

– полевая опись с описанием внутреннего города Билярского городища. Тетрадь № 6. 1968 г. Рукопись (10 л.);

– полевая опись с описанием внутреннего города Билярского городища. Тетрадь № 7. 1968 г. Рукопись (18 л.);

- фотографии (13) (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 21);
- приглашение-программа на Билярскую конференцию. 1972 г. Типография (2 л.) (ф. 19, оп. 2, ед. хр. 6);
- ТД. Топография Билярского городища 1972 г. Машинопись (3 л.) (ф. 19, оп. 2, ед. хр. 6).
- фото (4);
- записи-черновики по Биляру. Рукопись (5 л.);
- карта Биляра. На кальке (1);
- Билярское городище. Фото (60) (ф. 19, оп. 9, ед. хр. 3).

В оп. 7 содержатся материалы по темам:

- Биляр (ф. 19, оп. 7, ед. хр. 1);
- план Билярского городища 60–70 гг. (1);
- выписки из литературы по Билярскому городищу. Рукопись (27 л.);

Приведенные документальные материалы личных фондов известных ученых по Биляру будут полезны археологам-булгароведам, историкам и всем интересующимся историей булгар.

ЛИТЕРАТУРА

- Кочкина А.Ф.* Памяти Е.А. Беговатова // Поволжская археология. 2015. №4 (14). С. 341–345.
- Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш.* Альфред Хасанович Халиков: очерк жизни и научной деятельности // Альфред Хасанович Халиков: ученый и учитель (к 80-летию со дня рождения) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Фэн АН РТ, 2009. С. 3–18.
- Научные фонды ученых В.Н. Маркова и М.М. Кавеева // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012, С. 186–189.
- Национальный центр археологических исследований. Библиография трудов научных сотрудников (1987–2006 гг.). / Отв. ред. и сост. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 116 с.
- Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г., Айдарова Г.Н., Забирова Ф.М., Нугманова Г.Г., Хабибуллин М.М.* Памяти С.С. Айдарова (1928–2014) // Поволжская археология. 2014. №1 (7). С. 284–287.

Информация об авторе:

Дроздова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gid27@mail.ru

REFERENCES

- Kochkina, A. F. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 341–345 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Starostin, P. N., Khuzin, F. Sh. 2009. In Khuzin, F. Sh., Sitdikov A. G. (eds.). *Alfred Khasanovich Khalikov: uchenyi i uchitel' (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) (Alfred Khasanovich Khalikov: Scientist and Teacher (Dedicated to the 80th Anniversary))*. Kazan: "Fan" Publ., 3–18 (in Russian).
2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studencheskogo arkheologicheskogo kruzha Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: "IaZ" Publ, 186–189 (in Russian).
- Khuzin, F. Sh. (ed.). 2007. *Natsional'nyy tsentr arkheologicheskikh issledovaniy. Bibliografiya trudov nauchnykh sotrudnikov (1987–2006 gg.). (National center for archaeological research. Bibliography of the works of researchers (1987-2006))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G., Aidarova, G. N., Zabirowa, F. M., Nugmanova, G. G., Khabibullin, M. M. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 7 (1), 284–287 (in Russian).

About the Author:

Drozdova Galina I. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; gid27@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ Н.Ф. КАЛИНИНА НА ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ ВОЛГО-КАМЬЯ¹

© 2022 г. Р.С. Зоря

В данной статье на основании анализа изданных работ и архивных данных предпринята попытка в краткой форме изложить взгляды ученого на прошлое Волжско-Камского региона. По своей сути, диссертация Н.Ф. Калинина “Древнейшее население Татарии” и ее последующие публикации в 1948 г. и дополненная новыми данными глава в коллективной монографии 1955 г. явились первыми обобщающими работами по первобытной и раннесредневековой археологии ТАССР. Новаторской разработкой исследователя было выделение трех локальных групп населения бронзового века исходя из преобладающего типа хозяйства, осуществленная реконструкция женского костюма пьяноборского времени. Не менее значим вклад Николая Филипповича в исследовании т.н. Приказанской культуры.

Ключевые слова: археология, Н.Ф. Калинин, история археологии, Волго-Камье, Республика Татарстан, археология в ТАССР.

N.F. KALININ'S CONCEPTUAL VIEWS ON THE MOST ANCIENT PAST OF THE VOLGA-KAMA REGION²

R.S. Zorya

An attempt to briefly present the scientist's views on the past of the Volga-Kama region is made in this article on the basis of the analysis of published works and archival data. In essence, the dissertation by N.F. Kalinin "The most ancient population of Tataria" and its subsequent publications in 1948 and the updated chapter in the collective monograph of 1955 were the first generalizing works on the “primeval” and “early medieval” archaeology of TASSR. An innovative development of the researcher was marking out of three local groups of the Bronze Age population based on the prevailing type of economy, the reconstruction of the women's costume of the Pyany Bor time was carried out. No less significant is the contribution of Nikolay Filippovich in the study of the so-called Prikazanskaya culture.

Keywords: archaeology, N.F. Kalinin, history of archaeology, Volga-Kama region, Republic of Tatarstan, archaeology in TASSR.

Фигура Н.Ф. Калинина – археолога, историка, педагога, музееведа и краеведа – широко известна среди представителей научной общности, чья профессиональная деятельность связана с изучением исторического и культурного наследия Республики Татарстан (Старостин, 1998; Ситдииков, Старостин, 2002; Хузин, 2011, с. 251–256; Ситдииков, Харитонович, 2013; Хузин, Ситдииков, 2014; Хузин, 2018). Исследователями было отмечено, что Николаю Филипповичу в ряду выдающихся представителей казанской школы археологии принадлежит особое место. В том числе это связано с тем, что ученый объединил в себе традиции как старой (дореволюционной), так и новой (советской) археологии 1930–1950-х гг. (Ситдииков, Старостин, 2002, с. 3–4). По сути, он был единственным местным специалистом, прошедшим обучение в Казанском императорском университете и воспитанным

в традициях региональных научных обществ, которые сохранились в Татарстане. Ученый продолжил археологические штудии (Зоря, 2021а, с. 102; 2021б, с. 60–61).

Благодаря отдельным обобщающим публикациям мы можем в полной мере судить об Н.Ф. Калинине и как об исследователе Казани и Иски-Казани, древнего Болгара и многих других археологических памятников, и как об организаторе работ по созданию Археологической карты Татарстана, и как о руководителе Казанского отряда Куйбышевской археологической экспедиции (Старостин, 1995; Ситдииков, 1998; Руденко, 2014, с. 82–84, с. 479–481; Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019; Зоря, Ситдииков, 2021; Зоря, 2021в). Однако мы имеем довольно смутное представление о Н.Ф. Калинине как об авторе обобщающих исторических трудов по древней и средневековой истории.

1 Работа выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 СевГУ (стратегический проект №5).

2 The work was carried out with the support of the SevSU Priority-2030 program (strategic project No. 5).

Основными работами, в которых нашли отражение взгляды Николая Филипповича на древнейшее прошлое Волго-Камья, служат рукопись его кандидатской диссертации «Древнейшее население Татарии», опубликованная в сокращенном виде в 1948 г. в сборнике «Материалы по истории Татарии» (Калинин, 1946; 1948а, с. 23–96); первая глава в коллективной монографии «История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», опубликованной в 1955 г. (Калинин, 1955, с. 11–45; с. 46–75).

Необходимо отметить, что упомянутые сочинения были созданы в разные для советской исторической науки эпохи. Текст кандидатской диссертации и раздел в «Материалах по истории Татарии» написаны в тот период, когда в отечественной археологической науке были сильны идеи «нового учения о языке» Н.Я. Марра и после идеологических кампаний 1944 г.¹ и Научной сессии о происхождении казанских татар, состоявшейся 25–26 апреля 1946 г. в Москве (Происхождение казанских татар, 1948).

Главы в «Истории Татарской АССР» опубликованы уже после официального отказа от яфетической теории и разгрома «марризма» (1950 г.), смерти И.В. Сталина (1953 г.), но еще до XX съезда КПСС, т. е. до осуждения культа личности. Можно было бы предположить, что упомянутые политические события и идеологические кампании не могли не оказать влияние на общее состояние и направленность гуманитарных исследований вообще и историко-археологических в частности. Ниже проанализируем и сравним уже упомянутые работы Н.Ф. Калинина.

Так, в кандидатской диссертации и очерках 1948 г., в рамках господствовавшей тогда в исторической и археологической науке теории автохтонизма, изложено представление ученого об исторических процессах, протекавших на территории Татарии в ранние периоды ее истории, показан процесс сложения Болгарского государства. Данный труд, по замыслу ученого, должен был послужить «одним из камней для фундамента большой постройки – истории Татарии» (Калинин, 1946, л. XIII). По своей сути это первые работы, в которых были обобщены как изданные в период с середины XIX в. по 40-е гг. XX в. материалы, так и неопубликованные коллекции и предметы из фондов Центрального музея ТАССР (в том числе и новые находки, поступившие в музей в результате археологической деятельности

Н.Ф. Калинина). Весь этот обширный материал был проработан исследователем с целью выявить этапы процесса исторического развития населения ТАССР. В работе также были привлечены материалы антропологических исследований, касающихся этногенеза народов Поволжья и Приуралья.

Стоит отметить, что в диссертации отсутствуют крайне негативные высказывания в адрес предшественников. В целом Николай Филиппович высоко оценивал вклад дореволюционных ученых (П.А. Пономарев, А.А. Штукенберг, А.Ф. Лихачев и др.) в развитие местной науки. К минусам «буржуазной» археологии были традиционно для той эпохи отнесены миграционизм и «формальное изучение вещей, как таковых» (Калинин, 1946, л. III–VI). Нельзя сказать, что острой критике были подвергнуты работы М.Г. Худякова и В.Ф. Смолина² – в диссертации содержится довольно мягкая формулировка: «... были еще чужды марксистской методологии и всецело базировались на дореволюционных взглядах. В типологизации, в датировке, в теориях миграций и заимствований... следовали, гл. (главным – авт.) образом Тальгрену и другим буржуазным ученым» (Калинин, 1946, л. VIII–IX).

Хотя на момент написания диссертации памятников эпохи верхнего палеолита на территории ТАССР выявлено еще не было, Н.Ф. Калинин на основании изучения смежных с Татарской республикой областей (Ульяновской, Пермской) предположил, что начало заселения территории относится именно к этому периоду: «Только отсутствием систематических поисков палеолитических поселений в пределах Татарии объясняется то, что они еще не известны науке» (Калинин, 1946, л. 6–7). Это предположение подтвердилось последующими работами и нашло отражение в разделе 1955 г. (Калинин, 1955, с. 12–14).

При описании памятников и культур эпохи бронзы в обеих работах подчеркивается, что, несмотря на наличие культурно-хозяйственных особенностей, оставленные населением археологические памятники были культурно едины, что проявляется во взаимном проникновении элементов отдельных культур. Эта общность объясняется «одинаковым стадийным развитием и межродовым обменом» (1947 г.) и «одинаковым по времени развитием и межродовым обменом» (1955 г.), благодаря чему осуществлялось взаимопроникновение элементов различных культур (Калинин, 1946, л. 16; 1955, с. 18).

Авторской идеей Н.Ф. Калинина было выделение и описание локальных вариантов групп населения на основании того или иного ведущего типа хозяйства. Так, в диссертации для периода II тыс. до н. э. на территории ТАССР им были выделены следующие районы:

– прибрежного рыболовно-охотничьего хозяйства (культура прибрежных стоянок), расположенные преимущественно на низких левых берегах р. Волги и в нижнем течении ее левых притоков (Калинин, 1946, л. 17–35). Было отмечено преобладание керамики, типичной для срубной культуры. Подчеркивалось, что ведущую роль в хозяйстве играло рыболовство, типовой формой жилища были округлые землянки, а общество находилось на стадии матриархата (Калинин, 1946, л. 20, 32);

– лугового мотыжного земледелия с домашним скотоводством. Степень изученности памятников этой группы на территории ТАССР, в отличие от соседних областей (Самарской, Саратовской), была очень низкой. Проанализировав клады, содержащие бронзовые орудия, близкие по форме к ножам-косарям и серпам, Н.Ф. Калинин определил географию их распространения преимущественно южными закамскими районами ТАССР. Также он предположил, что древнее население этих территорий было родственно носителям срубной культуры (Калинин, 1946, л. 37–39);

– внутренние, вдали от больших рек, в лесных пространствах, на водоразделах. Ареал был определен районами волжского правобережья, казанского Предкамья и Чувашской АССР (Калинин, 1946, л. 39–40). Основными занятиями были домашнее скотоводство, мотыжное подсечно-огневое земледелие, собирательство. На этой территории проживали носители фатьяновской и абашевской культур (Калинин, 1946, л. 39–54).

В более поздних очерках были уточнены границы этих районов и их датировка, привлечены новые археологические материалы.

Пожалуй, наиболее значимое изменение заключалось в выделении Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым из культуры прибрежных стоянок т. н. приказанской культуры и ее обосновании³. Отмечалось, что она испытывала сильное влияние сейминской и срубной культур⁴. Исследователями установлено, что ведущая роль принадлежала не рыболовству, а скотоводству; основной тип жилищ – четырехугольные полуземлянки с двускатной

крышей или шатровым покрытием; общество находилось на стадии перехода к патриархату. Подчеркивалось единство археологической культуры (Калинин, Халиков, 1954, с. 166; Калинин, 1955, с. 20–22). Носители приказанской культуры, по мнению Калинина, являлись предками народов Поволжья (Калинин, 1955, с. 20–22).

При описании населения бронзового века, проживавшего в южных районах ТАССР, исследователь практически дословно повторил высказанные им ранее сведения, вновь указав на влияние срубно-хвалынской культуры⁵ в этом регионе (Калинин, 1955, с. 23).

Для последней группы уточнен ареал обитания. Помимо ТАССР включены северные районы Чувашии, правобережная часть Марийской республики и Мордовия. (Калинин, 1955, с. 18–20).

При описании археологических памятников I тыс. до н. э. основное внимание уделено памятникам ананьинской культуры (VII–II вв. до н. э.), центром которой ученый считал предкамские районы ТАССР. Им были перечислены все известные на тот момент времени на территории ТАССР ананьинские памятники, дана характеристика материальной культуре. На основании анализа опубликованной литературы и обработки музейных коллекций Н.Ф. Калинин отметил ведущую роль скотоводства, развитие мотыжного земледелия и металлургии. Также исследователь предполагал наличие патриархального рабства у ананьинцев. Об этом, по мнению Калинина, могут свидетельствовать бедные и безынвентарные погребения (Калинин, 1946, л. 57–87).

Основываясь на данных антропологов, Николай Филиппович пришел к выводу, что уже в I тыс. до н. э. на территории ТАССР проживало «множество маленьких разрозненных единиц, в образовании которых принимали люди и монголоидной, и европеоидной и метисных рас...». Ученый считал, что в этот период происходило активное проникновение монголоидов на территорию ТАССР, подтверждением чему было население, оставившее Луговской могильник. «Ананьинские многочисленные и небольшие племена были одинаково материалом, из которого только позже сложились и мари, и удмурты, и татары, и другие народы Прикамья», – писал Н.Ф. Калинин. (Калинин, 1946, л. 88–90).

Содержательная часть, посвященная ананьинской культуре в очерках 1955 г., мало чем отличается. Автором были скорректированы хронологические рамки культуры (VII–

II вв. до н. э.). В работе отсутствуют утверждения о диффузии монголоидов – вместо этого употреблено более осторожное высказывание о том, что монголоидные черты у современного населения ТАССР имеют очень древнее происхождение, «именно с ананьинского времени» (Калинин, 1955, с. 25–30).

Период с конца I тыс. до н. э. по первую половину I тыс. н. э. назван в работах Н.Ф. Калинина предбулгарским (Калинин, 1946, л. 93; 1955, с. 31). Так, основной культурой, занимавшей территории северного и северо-восточного Прикамья, была генетически связанная с ананьинской пьяноборская культура. Описывая городища пьяноборцев, ученый анализировал в основном опубликованные труды А.А. Спицина, А.В. Шмидта, А.П. Смирнова, А.В. Збруевой. Более подробно дана характеристика могильников, что объясняется их лучшей изученностью на тот момент (Калинин, 1946, л. 93–104). Н.Ф. Калинин приводит принятую тогда в археологической науке датировку пьяноборской культуры – II в. до н. э. – V в. н. э., с разделением на три этапа⁶: II–I вв. до н. э., I–III вв. н. э., IV–V вв. н. э. (Калинин, 1946, л. 98). Представляет интерес предложенная на основании анализа материалов из раскопок А.А. Спицина Ныргындинского II могильника реконструкция женского костюма. Среди ведущих отраслей хозяйства указаны скотоводство, охота и земледелие, отмечено расширение и укрепление (в сравнении с ананьинским временем) экономических и культурных связей населения (Калинин, 1946, л. 104–110). Эти связи, по мнению исследователя, выражались «не только в проникновении новых вещей... но и новых людей, которые поступали... то в виде пленных, то в виде оседавших кочевых пришельцев». В том числе Николай Филиппович предполагал, что болгары могли появиться в Прикамье задолго до VII в. н. э. и контактировать с пьяноборцами⁷ (Калинин, 1946, л. 112–113).

В конце ученый практически повторяет выводы, высказанные А.П. Смирновым в 1938 г.: на основании пьяноборской культуры при инфильтрации в нее пришлых племен позже образовались народности хантов, манси, мари и удмуртов (Смирнов, 1938, с. 130–133; Калинин, 1946, л. 121–122). В южном Закамье «при значительном воздействии и слиянии местного населения с южными пришельцами-племенами сармато-аланского круга образовались во второй половине I тыс. н. э. болгарские племена, впоследствии путем влития

других этнических элементов ставшие народностями казанских татар и чуваш» (Калинин, 1946, л. 122).

Поскольку регионы Западного Поволжья и Закамья были слабо исследованы археологически, для характеристики дьяковской и городищской культур Н.Ф. Калининым были привлечены опубликованные материалы памятников соседних регионов (ЧАССР, Самарская, Саратовская и Ульяновская области). Их анализ позволил Н.Ф. Калинину прийти к заключению, что «...в правобережных районах Татарии и в Чувашии мы видим непрерывный путь развития местных племен от эпохи бронзы до болгарского периода и позже». К середине I тыс. н. э. относится начало процесса складывания двух этнических групп – предков татар и чуваш. Причем предки татар занимали более южную территорию – «черноземные степные пространства» и испытывали более сильное, нежели предки чуваш, воздействие тюркоязычных племен (Калинин, 1946, л. 131).

Следуя позициям автохтонизма, в завершении очерков ученый приходит к выводам, что на основе аборигенного населения, которое на протяжении длительного времени постепенно и непрерывно смешивалось с оседавшими кочевниками, к концу I тыс. н. э. сложились народности болгар и чуваш на юге, башкир на юго-востоке и востоке, манси и коми на северо-востоке, удмуртов и мари на севере, чуваш и мордвы на западе. Образование такой пестрой этнической картины в регионе Н.Ф. Калинин связывал с разнообразием природных условий (степь, лесостепь, лес, широкие луговые поймы и мощные речные артерии). Булгарское государство же «...втянуло в круг своего влияния и подчинения указанные этнические объединения. Тако образовалась к X-му веку Булгарская держава» (Калинин, 1946, л. 142–143).

Этот же раздел в очерках 1955 г. во многом созвучен с изложенными ранее ученым положениями, хоть и был дополнен новыми данными, полученными в результате археологического обследования ТАССР в 1945–1955 гг. В частности, приведено краткое описание памятников «добулгарского аборигенного населения»⁸, расположенных в Закамье. Несмотря на употребление более осторожных формулировок в публикации⁹, Н.Ф. Калинин, как и прежде в тексте своей диссертации, в очередной раз подчеркнул, что процесс культурного развития в регионе шел непрерывно, а пришлые кочевые племена «хоть и привносили в местную культуру что-либо новое,

сами смешивались с коренным населением» (Калинин, 1955, с. 40–41).

Таким образом, анализ работ второй половины 1940-х и 1955 гг. позволяет заключить следующее. Кандидатская диссертация и ее публикация в более сокращенном виде в 1948 г. явились первой работой, в которой были сведены, как правило, мелкие археологические статьи, опубликованные в период с конца 50-х гг. XIX вв. по первую половину 40-х гг. XX в. Помимо них, автор привлек и обработал обширные археологические коллекции и разрозненные находки, хранившиеся в основном в фондах Центрального музея ТАССР. На основании их анализа учёный составил, по сути, первую обобщающую работу по древней истории и археологии ТАССР (от палеолита до раннего Средневековья). Конечно, исследование не было лишено недостатков, однако получило в целом положительные оценки¹⁰. Авторской идеей было выделение локальных групп населения бронзового века исходя из преобладающего типа хозяйства. Представляет интерес предложенная ученым

реконструкция женского костюма пьяноборского времени.

Николай Филиппович придерживался традиционной для того времени археологической периодизации древностей и выступал с позиций автохтонизма, что прослеживается в рассмотренных нами произведениях. Их содержательная часть очень близка. Нельзя сказать, что высказанные ранее идеи исследователя претерпели существенные изменения – порой даже можно встретить «перекочевавшие» из прежней работы целые абзацы и конструкции. Сопоставляя диссертацию с первой главой в «Истории Татарской АССР», мы видим очень схожий текст (а порой дословно повторяющиеся абзацы¹¹), описывающий быт первобытных племен. Более поздний очерк дополнен материалами, полученными в ходе археологических экспедиций конца 1940-х – первой половины 1950-х гг., которыми руководил Н.Ф. Калинин. В числе новых разработок, появившихся в очерках 1955 г., следует назвать выделение и обоснование (совместно с А.Х. Халиковым) т. н. приказанской культуры бронзового века.

Примечания:

¹ Имеются в виду два постановления: ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» и Татарского обкома ВКП(б) от 6 октября 1944 г. «О работе и ошибках Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории».

² На момент написания диссертации ученых уже не было в живых: В.Ф. Смолин умер в 1932 г., М.Г. Худяков был обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян в 1936 г., а его работы были запрещены (подробнее см.: Гришкина, Кузьминых, 2008; Кузьминых и др., 2003). Калинин был лично знаком и участвовал в совместных исследованиях с Михаилом Георгиевичем и Виктором Федоровичем – они были в числе тех, благодаря кому Николай Филиппович пришел в археологию (Зоря, 2021б, с. 61). По всей видимости, именно по этой причине Н.Ф. Калинин не допустил резких выпадов в тексте работы в их адрес.

³ После полученных в результате археологических работ 1948 г. новых данных Н.Ф. Калинин предложил название «казанские стоянки типа Карташиха» и датировку – 2 половина II – начало I тыс. до н. э. (Калинин, 1949а, л. 9). В последующих публикациях уже употребляется термин «приказанская культура» (Калинин, Халиков, 1954; Калинин, 1955, с. 22). В работах А.Х. Халикова конца 1960–1980-х гг. разработана периодизация приказанской культуры, включающая займищенский, балымско-карташихинский, атабаевский и маклашевский этапы. Общая датировка культуры оставалась прежней – 2 половина II – начало I тыс. до н. э. (Халиков, 1969, л. 241; 1980). На современном этапе в рамках приказанской культуры остается займищенский этап XVI–XV вв. до н. э., хотя вопрос о самой культуре остается дискуссионным (Кузьминых, 2001).

⁴ В 1950-е гг. сейминская культура датировалась 1300–1100 гг. до н. э. На современном этапе для обозначения памятников сейминско-турбинского типа используется введенное Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых понятие «сейминско-турбинский транскультурный феномен» (см. Черных, Кузьминых, 1989).

⁵ В очерках срубно-хвалынская культура датирована 1600–700 гг. до н. э. (Калинин, 1955, с. 18).

⁶ Учёный приводит периодизацию, предложенную в работе М.Г. Худякова, не давая никаких ссылок на нее (см. Худяков, 1933). Это немного странно по той причине, что в дальнейшем в диссертации можно встретить сноски на эту публикацию (см., например, Калинин, 1946, л. 105)..

⁷ Это противоречило концепции А.П. Смирнова, который считал, что приток болгарских племен в Среднее Поволжье произошел в VI–VII вв. н. э. (Смирнов, 1940).

⁸ В своем докладе за 1949 г. и статье 1952 г. Н.Ф. Калинин называет эти памятники «ранне буртасскими» и «буртасскими» (Калинин, 1949, л. 12–13; 1952, с. 57). Любопытно, что в опубликованной в 1954 г. совместной с А.Х. Халиковым работе Н.Ф. Калинин относит эти памятники к восточно-буртасской культуре, а в очерках 1955 г. употребил более нейтральное название – «аборигенное население» (см. Калинин, Халиков, 1954, с. 43–62). Впоследствии В.Ф. Генингом, учеником Н.Ф. Калинина и О.Н. Бадера, вместо восточно-буртасской была

выделена и обоснована именниковская культура (Генинг, 1959, с. 208).

⁹ Например: «...на пьяноборском обществе несомненно отражались многочисленные передвижения разных племен... (сарматы, гунны)», «...население Закамья было гораздо больше, чем остальное население края, связано с племенами южных степных пространств...» (Калинин, 1955, с. 37, 39).

¹⁰ См. например, отзывы Н.И. Воробьева, А.П. Смирнова и А.В. Збруевой на диссертацию Н.Ф. Калинина (Отзывы... 1946)

¹¹ См. например: Калинин, 1946, л.13–14 и Калинин, 1955, с. 13; Калинин, 1946, л.16 и Калинин, 1955, с. 18, Калинин 1946, л. 118–119 и Калинин, 1955, с. 33 и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. Казань: КФАН СССР, 1959. С. 157–219.

Гришкина М.В., Кузьминых С.В. Михаил Георгиевич Худяков как историк // История Камско-вятского края. Избранные труды / Науч.ред. М.В. Гришкина, С.В. Кузьминых. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 3–49.

Зоря Р.С. Развитие археологической школы ТАСССР в послевоенные годы: фонды казанских архивов // Современные Востоковедческие исследования. Казань, 2021а. Т.3. №2. С. 100–111.

Зоря Р.С. Научно-педагогическая работа и организационная деятельность Н.Ф. Калинина в КФАН ИЯЛИ СССР // Аспирантские чтения – 2021: сборник материалов научно-практической конференции (Казань, 22-23 апреля 2021 г.). Казань, 2021б. С. 59–69.

Зоря Р.С. Археологические наблюдения Н.Ф. Калинина на территории г. Казани в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник Калмыцкого университета. Элиста, 2021в. №2(50). С.16-24.

Зоря Р.С., Ситдиков А.Г. Н.Ф. Калинин: изучение и сохранение историко-археологического наследия Болгарского городища // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 347–361.

Калинин Н.Ф. Древнейшее население Татарии. Дисс. ...канд. ист. наук, 1946 г. / Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.1. Ех. 119. 159 л.

Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань: Татгосиздат, 1948а. С. 23–96.

Калинин Н.Ф. Справки, переписка с научно-исследовательскими учреждениями в период его деятельности в Татарском научно-исследовательском институте языка, литературы и ИЯЛИ КФАН СССР, 1948б // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех. 155. 65 л.

Калинин Н.Ф. Отчет об археологической экспедиции 1948 г. по районам Татарии, 1949а // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.1. Ех. 177. 55 л.

Калинин Н.Ф. Археологическая экспедиция Казанского филиала АН СССР по западным районам Татарской АССР в 1949 г. Доклад на Археологической конференции Госмузея Татареспублики, 1949б // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.1. Ех. 180. 24 л.

Калинин Н.Ф. Отчет о работе старшего научного сотрудника ИЯЛИ КФАН СССР за сентябрь–ноябрь 1950 года // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех. 136. 5 л.

Калинин Н.Ф. Экспедиция по западным районам Татарии // КСИИМК. 1952. Вып. XLIV. С. 52–66.

Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // История Татарской АССР. Т. 1 / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 11–45.

Калинин Н.Ф. Волжская Булгария IX–XIII веков // История Татарской АССР. Т. 1 / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 46–75.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР 1954. С. 157–246.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. / Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

Происхождение казанских Татар: материалы сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 25-26 апреля 1946 года в г. Москве (по стенограмме). Казань: Татгосиздат, 1948. 159 с.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / МИА. № 46. М.: АН СССР, 1955. 162 с.

Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70-90-х гг. XX в.) // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань: Изд-во “Мастер-Лайн”, 2001. С. 14–29.

Кузьминых С.В., Михайлов Е.П., Савенко С.Н., Старостин П.Н. Виктор Федорович Смолин: основные вехи жизненного и творческого пути // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 35–46.

Отзывы профессоров: Н.И. Воробьева, А.П. Смирнова и старшего научного сотрудника А.В. Збруевой «Древнейшее население Татарии». (На соискание ученой степени кандидата исторических наук), 1946 // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.1. Ех. 126. 13 л.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Ситдигов А.Г. Н.Ф. Калинин – исследователь Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги, перспективы. Болгар. 1998. С. 13–16.

Ситдигов А.Г., Старостин П.Н. Николай Филиппович Калинин. 1888–1959 / Выдающиеся ученые Казанского университета. Казань: КГУ, 2002. 24 с.

Ситдигов А.Г., Харитонович В.А. К юбилею ученого: Н.Ф. Калинин (1888–1959) // Поволжская археология. 2013. №3 (5). С. 209–212.

Смирнов А.П. Прикамье в первом тысячелетии нашей эры // Сборник статей по археологии СССР / Тр. ГИМ. Вып. VIII. М.: Изд-во ГИМ, 1938. С. 129–168.

Смирнов А.П. Очерки по истории древних болгар // Сборник статей по археологии СССР / Труды ГИМ. Вып. XI / Под ред. Д.Н. Эдинга. М.: Изд-во ГИМ, 1940. С. 55–136.

Старостин П.Н. Роль Н.Ф. Калинина в изучении археологических памятников Закамья // Закамье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Заман, 1995. С. 86–90.

Старостин П.Н. 110-летию Н.Ф. Калинина // Татарская археология. 1998. №2 (3). С. 135–139.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Худяков М.Г. Ныргындинские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. С. 15–19.

Хузин Ф.Ш. Н.Ф. Калинин – основатель казанской школы археологии // Исследования по болгаро-татарской археологии / Отв. ред. А.Г. Ситдигов. Казань: Фолиант, 2011. С. 251–256.

Хузин Ф.Ш. Основатель казанской школы археологии (к 130-летию со дня рождения Н.Ф. Калинина) // Из истории и культуры народов Поволжья. 2018. №8. С. 200–210.

Хузин Ф.Ш., Ситдигов А.Г. Казанская археологическая школа: итоги и перспективы // Поволжская археология. 2014. № 3(9). С. 6–40.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Чижевский А.А., Галимова М.Ш., Губайдуллина А.В. Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.) // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 124–164.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1982. 240 с.

Информация об авторе:

Зоря Роман Станиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); romanzorya@bk.ru

REFERENCES

Gening, V. F. 1959. In *Trudy KFAN SSSR. Ser. gumanitarnye nauki (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Humanities Series)* 2. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 157–219 (in Russian).

Grishkina, M. V., Kuzminykh, S. V. 2008. In Grishkina, M. V., Kuzminykh, S. V. (eds.). *Istoriya Kamskoyatskogo kraya. Izbrannye Trudy (The history of the Kama-Vyatka region. Selected works)*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ., 3–49 (in Russian).

Zorya, R. S. 2021. In *Sovremennye Vostokovedcheskie issledovaniya (Modern Oriental Studies)* 3 (2), 100–111 (in Russian).

Zorya, R. S. 2021. In *Aspirantskie chteniya – 2021: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kazan', 22-23 aprelya 2021 g.) (Postgraduate readings – 2021: collection of the scientific and practical conference materials (Kazan, April 22-23, 2021))*. Kazan, 59–69 (in Russian).

Zorya, R. S. 2021. In *Vestnik Kalmytskogo instituta universiteta (Bulletin of Kalmyk university) 50 (2)*, 16–24 (in Russian).

Zorya, R. S., Sitdikov, A. G. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2*, 347–361 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1946. *Drevneyshee naselenie Tatarii (The most ancient population of Tataria)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 119, p. 159 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1948. *Materialy po istorii Tatarii (Materials on the history of Tataria) 1*, 23–96 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1949. *Spravki, perepiska s nauchno-issledovatel'skimi uchrezhdeniyami v period ego deyatel'nosti v Tatarskom nauchno-issledovatel'skom institute yazyka, literatury i IYaLI KFAN SSSR (References, correspondence with research institutions during his activity at the Tatar research institute of language, literature and IYALI of the KFAN of the USSR)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 2, dossier 155, p. 65 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1949. *Otchet ob arkheologicheskoy ekspeditsii 1948 g. po rayonam Tatarii (Report on the archaeological expedition in 1948 to the districts of Tataria)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 177, p. 55 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1949. *Arkheologicheskaya ekspeditsiya Kazanskogo filiala AN SSSR po zapadnym rayonam Tatarskoy ASSR v 1949 g. Doklad na Arkheologicheskoy konferentsii Gosmuzeya Tatarskoy Respubliki (Archaeological expedition of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences to the western districts of the TASSR in 1949. Report at the archaeological conference of the State Museum of the Tatar Republic)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 180, p. 24 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1950. *Otchet o rabote starshego nauchnogo sotrudnika IYaLI KFAN SSSR za sentyabr'-noyabr' 1950 goda (Report on the work of a senior researcher of the IYALI KFAN of the USSR for september-november 1950)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 2, dossier 136, p. 5 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1952. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)*. XLIV, 52–66 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1955. In Gimadi, Kh. G. (ed.). *Istoriya Tatarskoy ASSR. (History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic) 1*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ., 11–45 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1955. In Gimadi, Kh. G. (ed.). *Istoriya Tatarskoy ASSR. (History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic) 1*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ., 46–75 (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 42*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–246 (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ., 1-126 (in Russian).

1948. *Proiskhozhdenie kazanskikh Tatar: materialy sessii Otdeleniya istorii i filosofii Akademii nauk SSSR, organizovannoy sovместno s Institutom yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR, 25-26 aprelya 1946 goda v g. Moskve (po stenogramme) (The origin of Kazan Tatars: materials of the session of the Department of history and philosophy of the USSR Academy of Sciences, organized jointly with the Institute of language, literature and history of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences, April 25-26, 1946 in Moscow (according to the shorthand record report))*. Kazan: "Tatgosizdat" Publ. (in Russian).

Krivtsova-Grakova, O.A. *Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdney bronzy (Steppe Volga and Coastal Black Sea Regions in the Late Bronze Age)*. Series: Materials and Research in the USSR Archaeology, 46. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2001. In Kazakov, E. P., Valiulina, S. I., et al. (eds.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Kazan State University, 14–29 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Mikhailov, E. P., Savenko, C. N., Starostin, P. N. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost': istoki, razvitie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 35–46 (in Russian).

1946. *Otzyvy professorov: N.I. Vorob'eva, A.P. Smirnova i starshego nauchnogo sotrudnika A.V. Zbruevov «Drevneyshee naselenie Tatarii»*. (Na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk) (Reviews of professors: N.I. Vorobyov, A.P. Smirnov and senior researcher A.V. Zbrueva "The most ancient population of Tataria" (for the degree of Candidate of Historical Sciences)). Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 126, p. 13 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkhelogicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th – the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Sitdikov, A. G. 1998. In *Bolgar i problemy istoricheskogo razvitiia Zapadnogo Zakam'ia. 60 let arkhelogicheskogo izucheniia. Itogi, perspektivy (Bolgar and the Issues of the Historical Development of the Western Trans-Kama Region. 60 Years of Archaeological Study. Results, Prospects)*. Bolgar, 13–16 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Starostin, P. N. 2004. *Nikolai Filippovich Kalinin. 1888–1959 (Nikolai Filippovich Kalinin. 1888–1959)*. Series: *Vydayushchiesya uchenye Kazanskogo universiteta (Outstanding scientists of Kazan University)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Sitdikov, A. G., Kharitonovich, V. A. 2013. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 5 (3), 209–212 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1938. In *Sbornik statei po arkhologii SSSR (Collection of articles in the USSR Archaeology)*. Series: *Proceedings of the State Historical Museum* 8. Moscow: State Historical Museum, 129–168 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1940. In Eding, D. N. (ed.). *Sbornik statei po arkhologii SSSR (Collection of articles in the USSR Archaeology)*. Series: *Proceedings of the State Historical Museum* 11. Moscow: State Historical Museum, 55–136 (in Russian).

Nabiullin, N. G. 1995. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Zakazan'e: problemy istorii i kul'tury (Trans-Kazan area: Issues of History and Culture)* 1. Kazan: "Zaman" Publ., 86–90 (in Russian).

Starostin, P. N. 1998. In *Tatarskaia arkhelogiya (Tatar Archaeology)* 3 (2), 135–139 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* 1-24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudiakov, M. G. 1933. In *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area according to the A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: *Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture* 2. Leningrad: "Pechatnyi Dvor" Typography, 15–19 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2011. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Issledovaniia po bulgaro-tatarskoi arkhologii (Studies on the Bulgar and Tatar Archaeology)*. Kazan: "Foliant" Publ., 251–256. (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2018. In *Iz istorii i kul'tury narodov Povolzh'ya (From history and culture of peoples of the Middle Volga region)* 8, 200–210 (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2014. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 6–40 (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (The Seyma-Turbino Phenomenon))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Galimova, M. Sh, Gubaidullina, A. V. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 124–164 (in Russian).

Engels, F. 1982. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva: v svyazi s issledovaniyami Lyuisa G. Morgana (The Origin of the family, private property and the state: in relation to Lewis G. Morgan's research)*. Moscow: "Politicheskaya literatura" Publ. (in Russian).

About the Author:

Zorya Roman S. Candidate of Historical Sciences. Department of History, Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; romanzorya@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

ВОИНСКИЕ ПОЯСА ВОЛГО-УРАЛЬЯ РУБЕЖА ЭР

© 2022 г. С.Э. Zubov

В статье рассматривается появление воинских наборных поясов в исследованных археологических памятниках на территории Волго-Уралья на заключительном этапе эпохи раннего железного века. К таковым относятся ранние захоронения Андреевского (погр. 25/1-3, 50) и Староардатовского (погр. 1) курганов, соотносимых в настоящее время с памятниками писеральско-андреевского типа и погребение 43 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника пьяноборской культуры. Данные комплексы надежно датируются I в. н.э. Наборные пояса из пяти ранних захоронений Андреевского и Староардатовского курганов позволяют говорить о сформированной традиции украшения воинских ремней металлическими накладками и подвесками. В контексте предположения В.В. Ставицкого об участии воинов, оставивших памятники писеральско-андреевского типа, в военных событиях середины I в. н.э., автором статьи делается вывод о возможном появлении такой традиции. Знакомство с римскими воинскими поясами, украшенными металлическими накладками, вполне могло трансформироваться в особый элемент воинской субкультуры. В то же время, это было не простое заимствование украшений пояса. Элементы украшения пояса наполнились оригинальным семантическим значением – в виде изображений клыков хищников или традиционными для оседлого населения лесостепи и леса коническими бляшками и ромбовидными накладками.

Ключевые слова: археология, Волго-Уралье, ранний железный век, воинские пояса, воинская субкультура, поясные накладки и подвески.

WARRIOR BELTS FROM THE VOLGA-URALS AREA AT THE TURN OF ERA

S.E. Zubov

The author considers emergence of warrior plated belts in the explored archaeological sites in the Volga-Urals area at the final stage of the Early Iron Age. These sites include early burials of the Andreevka (burials 25/1-3, 50) and Staroye Ardatovo (burial 1) mounds which are currently correlated with the sites of the Piseraly-Andreevka type, and burial 43 of the Kipchakovo I mound-subsoil burial ground of the Pyanobor culture. These complexes are reliably dated to the 1st century A.D. The plated belts from five early burials of the Andreevka and Staroye Ardatovo barrows are indicative of the established tradition to decorate warrior belts with metal plates and pendants. In the context of V.V. Stavitsky's assumption that the warriors who left the sites of the Piseraly-Andreevka type participated in the military events in the middle of the 1st century AD, the author concludes concerning the emergence of this tradition. Familiarity with the Roman warrior belts decorated with metal plates is likely to have converted to a specific element of warrior subculture. At the same time, it was not merely adoption of belt decoration. The elements of belt decoration gained original semantic content expressed by the figures of predator fangs or conical buckle and diamond-shaped plates traditional for the sedentary population of the forest-steppe and forest areas.

Keywords: archaeology, the Volga-Urals area, Early Iron Age, warrior belts, warrior subculture, belt plates and pendants.

Пояс во все времена выполнял прежде всего утилитарную функцию и предназначался для завязывания, закрепления запахиваемой одежды. К поясу часто крепился различный необходимый в жизнедеятельности инструментарий. В военной сфере пояс стал служить основной системой для подвешивания предметов бытового характера (нож, кресало, шило и пр.) и вооружения (меч, кинжал, колчан со стрелами и пр.). В то же время с глубокой древности пояс играл значительную обрядовую роль и упоминался в различных мифо-

логических сюжетах. Во многих культурах пояс был символом силы и власти, готовности к действию, супружеской верности, являясь также и аллегорией девственности. Со временем этот аксессуар приобретает социальную функцию, становясь определенной статусной вещью, показывающей уровень богатства или принадлежности к определенному сословию. Даже сегодня сохранилась традиция обозначения статуса уровня мастерства в некоторых восточных боевых искусствах, обозначающегося различным цветом пояса. А в боксе,

дзюдо, самбо и др. практикуется вручение чемпионских поясов как аналога спортивных победных регалий.

В средневековой археологии достаточно четко утвердился термин «воинские наборные пояса», которые рассматриваются не как простая совокупность украшений, а как очень важный предмет одежды воина. В настоящее время специалистами делается упор не только на культурную и хронологическую принадлежность наборных поясов, но и ставятся вопросы социальной стратификации и семантической составляющей форм, изображений, орнаментов.

У тюрков эпохи каганатов наборные воинские пояса имели ярко выраженную социальную символику, приобретая статус воинских регалий (Добжанский, 1990, с. 74–80; Комар, 2005, с. 160–188; Юрченко, 2015, с. 22). Воины разных рангов за заслуги награждались поясами с фурнитурой из цветных металлов. Пряжки и наконечники ремней, количество поясных накладок и материал их изготовления (золото – серебро – бронза), по всей видимости, достаточно четко отражали статус своего хозяина, о чем свидетельствует, например, текст рунической надписи X в.: «Моя геройская доблесть. Мой пояс с 42 (чиновными) пряжками-украшениями» (Малов, 1952, с. 93). В среде енисейских тюрков фиксируется формула награждения воинским поясом: «Так как у него была доблесть, то у своего хана, мой бег Аза Тутук, достиг пряжки (чиновного пояса)» (Малов, 1952, с. 95).

На востоке в первые века нашей эры распространяются наборные пояса у носителей таштыкской культуры. Однако, по свидетельству П.П. Азбелева, таштыкские пояса относятся к периферийной имитации ранних версий круглобляшечной композиции и не имеют на Енисее прототипов, а «детальный разбор исторических обстоятельств сложения культуры таштыкских склепов составляет особую задачу, связанную с изучением истоков «принципа композитности» и путей распространения европейских и среднеазиатских типов на восток в первые века н. э.» (Азбелев, 2009, с. 28).

Довольно четко фиксировался статус воинского пояса в государственных образованиях с четкой иерархической структурой. Так, Децим Юний Ювенал в начале II в. н. э. описывал солдат Римской империи как «вооруженных и опоясанных людей» (Ювенал. «Сатиры», 16, 48). По свидетельству Корнелия Тацита, в Риме (69 г. н. э.) имел место случай, когда

некие шутники из простонародья срезали в толпе пояса (портупей) с нескольких солдат. «Воины, не привыкшие сносить насмешки, возмутились и с обнаженными мечами бросились на безоружную толпу» и убили нескольких мирных людей (Тацит. «История», 2, 88). Лишение воинского пояса (балтеуса) означало для римского солдата исключение его из военного сословия. В римской армии у дискредитировавшего себя солдата отбирали пояс, что прослеживается вплоть до современности. На память приходят фотографии военнопленных Первой и Второй мировых войн, да и на гауптвахтах в Советской армии, помнится, отбирали ремни.

На заключительном этапе эпохи раннего железного века в Волго-Уралье наборные пояса имели менее выраженный характер воинских регалий. Более того, следует отметить крайнюю редкость нахождения таких поясов в мужских захоронениях.

В материалах кара-абызской культуры наборные пояса с украшенными накладками в виде противоположащих грифонов являются «наиболее распространенной и характерной принадлежностью женского костюма» (Пшеничнюк, 1976, с. 66). С внутренней стороны накладок расположены по два ушка для крепления тонким ремешком к ремню.

Основные памятники этой культуры – Биктимировский, Охлебенинский, Шиповский, Ново-Уфимский могильники – были раскопаны А.Х. Пшеничнюком (1964, 1968, 1976). На основе полученных данных он представил реконструкции женского костюма (рис. 1) с поясными наборами в своих публикациях (Воробьева, 2009, рис. 3). Накладки с грифонами входят в состав многих женских поясов из комплексов рубежа IV–III вв. до н. э. – I–II вв. н. э. В поясной набор входят, как правило, 10–20 и более накладок (Воробьева, 2009). По технологии изготовления и стилизации они разделяются на два ведущих типа: выполненные в технике литья с реалистичным изображением грифонов и выполненные с помощью штампа с сильно стилизованным изображением (Овсянников и др., 2007).

Кроме таких накладок с грифонами, являющихся ведущей формой украшения женских поясов и, по сути, одним из культуuroобразующих элементов материальных остатков среднебелского населения, бытовали и накладки в виде ряда спаренных вертикально 3–4 круглых бляшек.

Только в двух мужских кара-абызских погребениях Шиповского грунтового могиль-

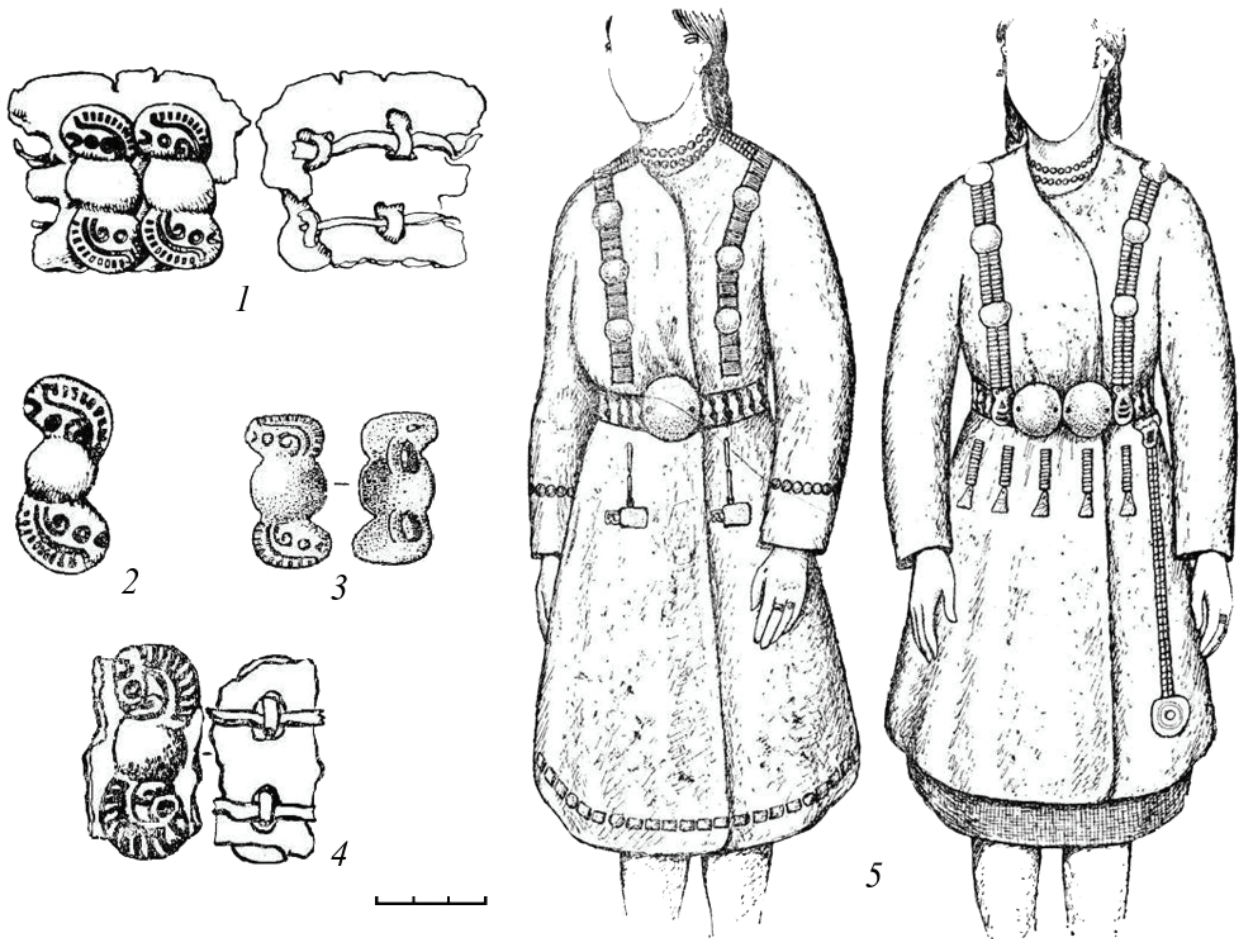

Рис. 1. Поясные накладки с грифонами в кара-абызской культуре (по: Воробьева, 2009, рис. 3). 1 – Шиповский могильник, погр. 23; 2 – Шиповский могильник, погр. 8; 3 – Охлебининский могильник; 4 – Шиповский могильник, погр. 2, кург. 17; 5 – реконструкция женских костюмов по материалам Биктимировского и Охлебининского могильника (по: Пшеничнюк, 1973. Рис. 13, 14. С. 186).

Fig.1. Belt plates with griffins in the Kara-Abyz culture (after: Vorobieva, 2009, p. 3). 1 – Shipovo burial ground, burial 23; 2 – Shipovo burial ground, burial 8; 3 – Okhlebinino burial ground; 4 – Shipovo burial ground, burial 2, barrow 17; 5 – reconstruction of women's costumes based on materials from the Biktimirovo and Okhlebinino burial grounds (after: Pshenichnyuk, 1973. Fig. 13, 14. P. 186).

ника (погр. 26 и 62) рубежа эр (наиболее вероятная дата I в. н. э.) пояса украшены ромбическими накладками с петелькой (ушком) на обороте (рис. 2: 11–13). В третьем мужском захоронении (погр. 89) выявлены бронзовые фигурные поясные накладки (всего 13 экз.) в сочетании с железной пряжкой с длинным щитком и бронзовым подвижным язычком (Пшеничнюк, 1976, рис. 22: 22) Это погребение, расположенное на периферии грунтового могильника, выходит за пределы интересующего нас времени, поскольку является более поздним и может быть датировано III в. н. э.

В пьяноборской среде пояса украшались ременными накладками (рис. 2: 1–10) преимущественно трех общих типов: прямоугольные с двумя рядами треугольных выемок и петельками на обороте (тип 1 с вариантами по Б.Б. Агееву); ромбические накладки

с петелькой на обороте (тип 3 с вариантами по Б.Б. Агееву); круглые выпуклые бляшки с перекладкой или петелькой на обороте, иногда они сдвоенные или соединены из 3–4 одинаковых бляшек (типы 4–6 с вариантами по Б.Б. Агееву) (Агеев, 1992, с. 43).

Анализ погребений с такими поясными накладками позволяет соотносить их в большинстве своем с женскими комплексами. Лишь немногие похороненные мужчины имели на поясе накладки. И хронологически такие мужские наборные пояса появляются на рубеже эр, в I веке н. э. Причем для мужских наборных поясов характерны ромбические накладки третьего (по Б.Б. Агееву) типа.

Пояс с такими ромбическими накладками был обнаружен в мужском погребении 43/2012 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника (рис. 3; 4). В первую очередь

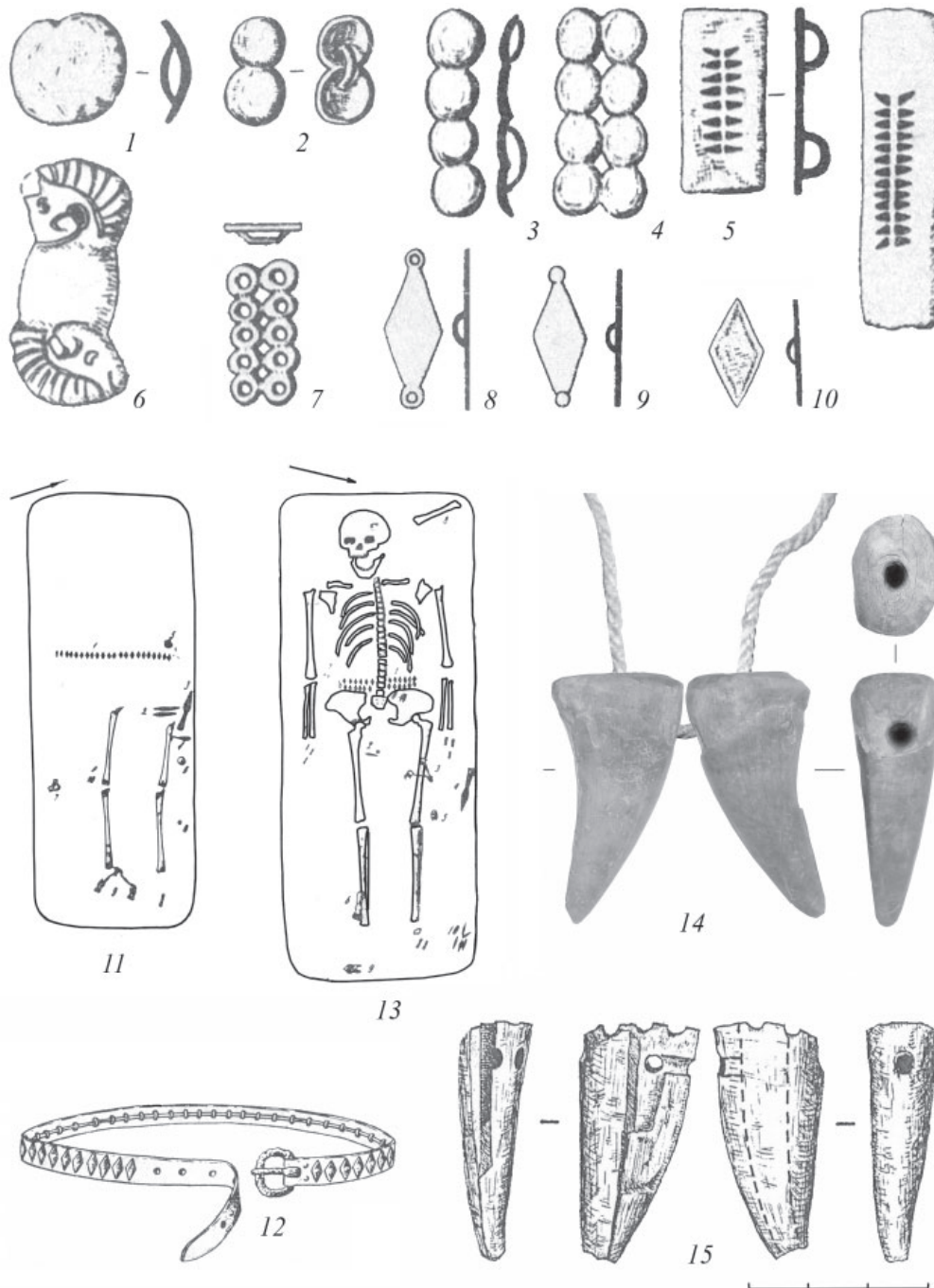

Рис. 2. Поясные накладки и подвески из клыков медведя в материалах памятников пьяноборской и карабызской культур. 1-10 – пьяноборские поясные накладки (по: Агеев, 1992. Табл. 8); 11 – погр. 26 Шиповского грунтового могильника; 12 – реконструкция пояса из погр. 26 Шиповского грунтового могильника; 13 – погр. 62 Шиповского грунтового могильника (11-13 – по: Пшеничнюк, 1976. Рис. 19, 22); 14 – подвеска из клыков медведя, Охлебининский могильник, погр. 234; подвеска из клыков медведя, Кипчакровский могильник, погр. 32/1994.

Fig.2. Belt plates and pendants made of bear fangs in the materials of the Pyany Bor and Kara-Abyz cultures. 1-10 – Pyany Bor belt plates (after: Ageev, 1992, Table 8); 11 – burial 26 of the Shipovo ground burial; 12 – reconstruction of the belt from burial 26 of the Shipovo ground burial; 13 – burial 62 of the Shipovo soil burial ground (11-13 – after: Pshenichnyuk, 1976. Fig.19, 22); 14 – pendant made of bear fangs, Okhlebinino burial ground, burial 234; pendant made of bear fangs, Kipchakovo burial ground, burial 32/1994.

интересно отметить характерную деталь расположения ремня не на поясе, а вытянуто вдоль тела (рис. 3: А). Такое расположение пояса далеко не единично встречается в погребальных комплексах могильников пьяноборской культуры. Так, например, женский пояс из погребения 51 Юлдашевского могильника с 18 накладками в виде противоположащих грифонов в кара-абызской традиции располагался на костяке вдоль тела (Пшеничнюк, 1986, с. 71, рис. 8). В могиле 318 Кушулевского III могильника пояс с накладками из зубов животного лежал вдоль костяка (Агеев, Мажитов, 1986, с. 78). В могиле 52 могильника Чеганда II пояс с медными накладками, с. 28). Предположив, что далеко не все пояса украшались накладками, Б.Б. Агеев произвел анализ всех планов погребений и дневников раскопок по особенностям расположения пряжек и застежек. В результате проведенной работы он определил наличие вытянутого вдоль тела пояса на Юлдашевском могильнике в 5, в погребениях могильника Нырғында II – в 4, на Новосасыкульском могильнике – в 5, на Афонинском – в 5 погребениях и по одному случаю в Урманавском, Кушулевском III и Старо-Чекмакском могильниках (Агеев, 1992, с. 26). На этом основании автор предположил появление этого элемента погребальной обрядности под влиянием кара-абызского населения (Агеев, 1992, с. 26), на что указывают и находки в пьяноборских погребальных материалах поясных накладок с противоположащими грифонами – культурообразующим элементом кара-абызских древностей.

Возвращаясь к погребению 43/2012, следует отметить не совсем понятное крепление ремня. В головах расположена круглая небольшая железная пряжка (рис. 3: 33), которая вполне могла быть поясной. Смущают только ее небольшие размеры. Расположение в ногах сравнительно крупной бронзовой застежки с крючком (рис. 4: 6) скорее предполагает использование ее в качестве крепления ножен кинжала, нежели пояса. Хотя по своим размерам она более соотносится с ремненным фиксатором. Сюльгаму, расположенную в зоне груди (рис. 3: 1), мы не рассматриваем в качестве застежки пояса, хотя первоначально была и такая мысль.

Среди материалов Кипчаковского I кургано-грунтового могильника это первый случай нахождения пьяноборского мужского воинского наборного пояса, который по сопровождающему инвентарю уверенно датируется I в. н. э. Доступные материалы

опубликованных источников подтверждают уникальность этой находки.

При датировании захоронения в первую очередь было обращено внимание на ребристую халцедоновую бусину (тип 21, вариант а, по Е.М. Алексеевой). Аналогичные бусины Е.М. Алексеева датирует I–II вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 13, табл. 37: 23). Вторая бусина (тип 2, вариант а, по Е.М. Алексеевой) датируется очень широко как эллинистическим временем, так и римским в пределах III в. до н. э. – III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 30, табл. 26: 9, 12).

Двулезвийный кинжал с кольцевым навершием имеет многочисленные убедительные аналогии в сарматских древностях I – нач. II вв. н. э. (Скрипкин, 1992, с. 13–14, 17, рис. 1; 3: 43–47; 4: 43–45).

Застежка с крючком для крепления кинжала к бедру соотносится с аналогичными застежками из погребений Тарасовского могильника, отнесенными Р.Д. Голдиной к типу 4 (3 экз., рис. 5: 1–3) – овальные, средняя часть покрыта плоской пластиной, украшенной ромбом, окантованным пояском из ряда насечек (Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 2; 8: 12) – и, возможно, к I в. н. э. (Голдина, 2018, с. 157). Обувные застежки с крючком четко соотносятся с застежками выделенного Р.Д. Голдиной типа 3 (22 экз.) – овальные с усеченным задним концом и закрытой сплошной бронзовой пластиной средней частью. Пластина украшена одним или двумя горизонтальными рядами точечного орнамента (Голдина, 2018, рис. 4: 1–5, 7–10, 12), иногда без орнамента (Голдина, 2018, рис. 4: 6) или с орнаментом в виде трех полос из накладывающихся друг на друга петель (Голдина, Бернц, 2016, рис. 10: 23; Голдина, 2018, рис. 4: 11). Все застежки этого типа Р.Д. Голдина уверенно относит к I в. н. э. (Голдина, 2018, с. 157). Наконец, круглая железная пряжка, пряжка-сюльгама и ромбические накладки пояса никоим образом не противоречат датировке погребения 43/2012 временем в пределах I в. н. э.

Интересно отметить, что и два вышеуказанных мужских погребения из Шиповского грунтового могильника также датируются в пределах I в. н. э.

Следует отметить, что в кара-абызской среде в части мужских захоронений были зафиксированы пояса, украшенные коренными зубами медведей. По нашим данным, в 12 погребениях Охлебининского могильника мужские ремни были украшены нашитыми медвежьими зубами (от 11 до 40 штук).

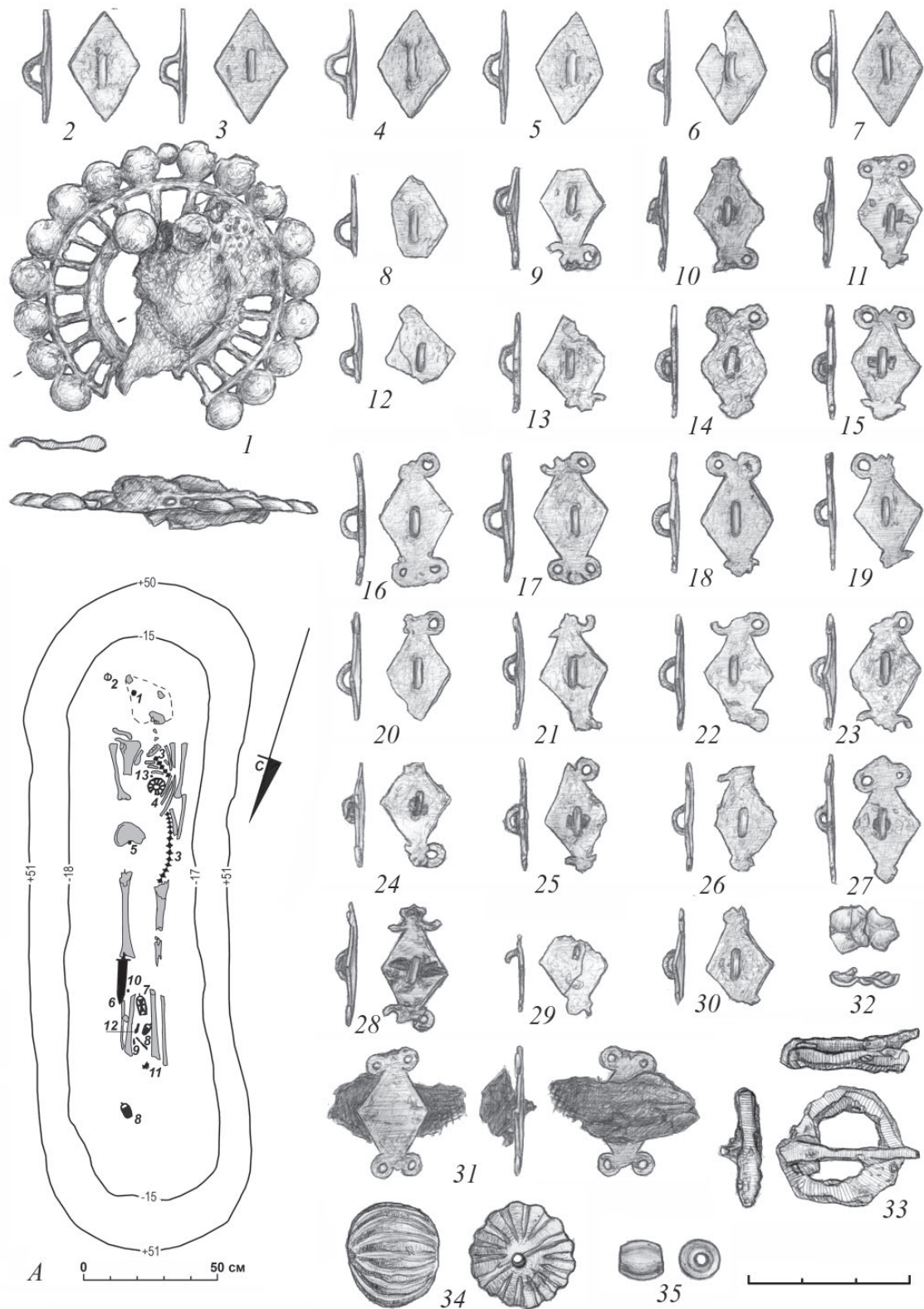

Рис. 3. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Материал погребения 43/2012. А – план погребения 43/2012; 1 – бронзовая сьюлгама; 2-31 – бронзовые накладки ремня; 32 – фрагмент бронзовой накладки; 33 – железная пряжка; 34 – халцедоновая бусина; 35 – стеклянная бусина

Fig.3. Kipchakovo I mound-soil burial ground. Burial material 43/2012. A – burial plan 43/2012; 1 – bronze sulgama; 2-31 – bronze plates of the belt; 32 – fragment of a bronze plate; 33 – iron buckle; 34 – chalcedony bead; 35 – glass bead

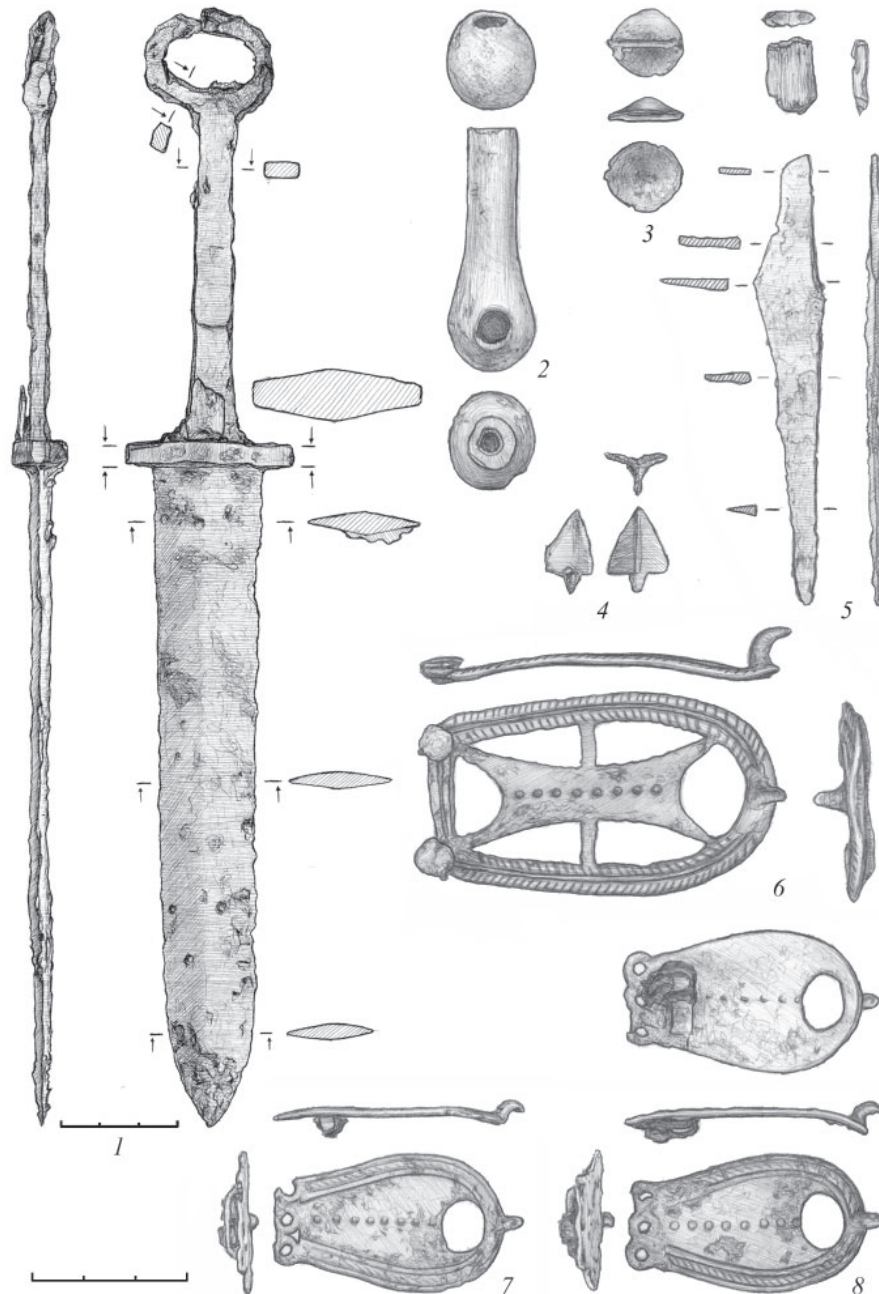

Рис. 4. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Материал погребения 43/2012

1 – железный кинжал; 2 – костяной предмет неясного назначения; 3 – бронзовая бляшка; 4 – железные наконечники стрел; 5 – железный нож с остатками деревянной рукояти; 6 – бронзовая застежка; 7-8 – бронзовые обувные застежки

Fig.4. Kipchakovo I mound-soil burial ground. Burial material 43/2012

1 – iron dagger; 2 – bone item of unclear purpose; 3 – bronze plaque; 4 – iron arrowheads; 5 – iron knife with the remains of a wooden handle; 6 – bronze clasp; 7-8 – bronze shoe clasps

В пьяноборском Кипчаковском I курганно-грунтовом могильнике были исследованы два мужских погребения с поясным набором из зубов медведя (63/1997, 8/2012). Анализируя поясной набор воинского погребения 8/2012, состоящий из 19 медвежьих зубов, археозологи В.В. Гасилин (Екатеринбург) и Н.В. Рослякова (Самара) определили их принадлежность к 8–9 особям (Зубов, 2021, с. 83).

Такие наборные пояса из зубов крупного хищника в комплексе с предметами вооружения являются показателем особой доблести и удачливости на охоте против такого серьезного и грозного зверя. Воины-охотники таким образом явно демонстрировали свои охотничьи трофеи и свою доблесть. В этом ключе интерес представляют подвески-амулеты из клыков медведя. Эти амулеты известны как в

виде одного клыка, так и в составе двух клыков с отпиленными корнями, связанных вместе у основания шнурком с помощью системы отверстий. Острия клыков при этом направлены в разные стороны (рис. 2: 14, 15). Такие подвески из двух или одного клыка известны в 11 мужских погребениях Охлебининского могильника кара-абызской культуры.

В пьяноборских древностях амулеты-подвески из клыков медведя известны в погр. 122 Кушулевского III могильника (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 14, 10). В.Ф. Генинг отмечает находку амулета из медвежьего клыка в погр. 9 могильника Ныргында II из раскопок 1898 г. (Генинг, 1970, с. 29). В Кипчаковском могильнике раннепьяноборского времени известны два случая обнаружения таких подвесок (погр. 32/1994 и 8/2012). Аналогичные амулеты известны в погр. 37 Андреевского кургана, входящего в круг памятников андреевско-писеральского типа (Гришаков, Зубов, 2009, с. 24, рис. 25, 7).

Можно предположить, что именно такой тип амулета послужил прообразом бронзовых «сапожковых» подвесок позднепьяноборского времени. Примечательно, что в погр. 5 Клишкинского I кургана в качестве амулета были использованы когти медведя, основания которых соединены при помощи медной фольги (Зубов, 2011, с. 82).

И здесь следует отметить интереснейший факт использования бронзовых подвесок-накладок с закрепившимся за ними названием «сапожковые» или «сапожковидные» населением, оставившим ярчайшие памятники писеральско-андреевского типа в Западном Поволжье. В двух могилах Андреевского кургана были зафиксированы воинские наборные пояса с бронзовыми накладками-нашивками и подвесками. Причем значительная часть из них повторяла в металле амулеты из клыков, которые располагались на поясе в виде накладок и привесок к поясу на ремешках.

Погр. 25 (рис. 5) являлось центральным и представляло собой большую грунтовую могилу с плечиками по длинным сторонам. Площадь дна могилы составляла 6,4×2,88 м. На дне могилы находилось 4 мужских костяка, из которых трое захороненных были уложены в ряд, а четвертый был расположен в их ногах в явно зависимой роли слуги или раба. Представляется, что мужчина в центре был уложен на помост, от которого зафиксированы шесть столбовых ямок. Эти трое мужчин, уложенных вместе, были явно высокого воинского сословия и сопровождались значитель-

ным набором вооружения. У каждого были клинковое и древковое оружия, колчаны со стрелами и уздечки с удилами. В головах центрального воина находились кольчуга и шлем.

На тазовых костях центрального погр. 25/1 лежала бронзовая кольцевая пряжка. Слева и справа от нее на животе лежали украшения пояса – бронзовые литые с петельками «сапожки» (рис. 5: 1–3). Располагались они горизонтально и, вероятно, в таком положении были прикреплены к поясу при помощи неширокого ремешка, продетого в петельки.

У воина справа от центрального захоронения (погр. 25/2) в районе живота находилась продолговатая бронзовая фигурная пряжка, а несколько ниже ее – остатки железной застежки. По обе стороны от пряжек на животе оказались украшения от пояса – «сапожки» и бронзовые конусы с перекладной внутри (рис. 5: 4, 5). «Сапожки», видимо, подвешивались на ремешках с нанизанными обоймами, а конусы прикреплялись к поясу при помощи ремешка, продетого под петельки.

У воина, захороненного с левой стороны от центрального захоронения (погр. 25/3), в области живота лежала железная пряжка от пояса. По обе стороны от нее лежали украшения пояса – «сапожки» (рис. 5: 2). На тазу было много железной окиси от разложившихся предметов, может быть, обоймы от ремешков, на которые подвешивались «сапожки» (Гришаков, Зубов, 2009, с. 101–104).

По совокупности элементов погребального инвентаря погр. 25 можно датировать 1-й пол. I в. н. э. (Гришаков, Зубов, 2009, с. 42–46, 91).

В грунтовой могиле 50–51 захоронен воин высокого социального статуса (рис. 6). При нем находились предметы вооружения ближнего (палаш, копье), дальнего (наконечники стрел) боя и в составе защитного снаряжения кольчуга и пластинчатый шлем, положенные, как и в погр. 25/1, в головах захороненного. В области живота обнаружена железная прямоугольная пряжка из длинных железных стержней (распалась). По обе стороны от нее лежали поясные украшения – бронзовые «сапожки» и бронзовые конусы (рис. 6: 1, 2), железные пластинки. Все эти предметы располагались поверх таза и под ним. Система украшений ремня захороненного очень близка поясу из погр. 25/2.

В ногах умершего, справа от него, на приступке лежал костяк подростка (погр. 51), явно подчиненного лица, сопровождающего

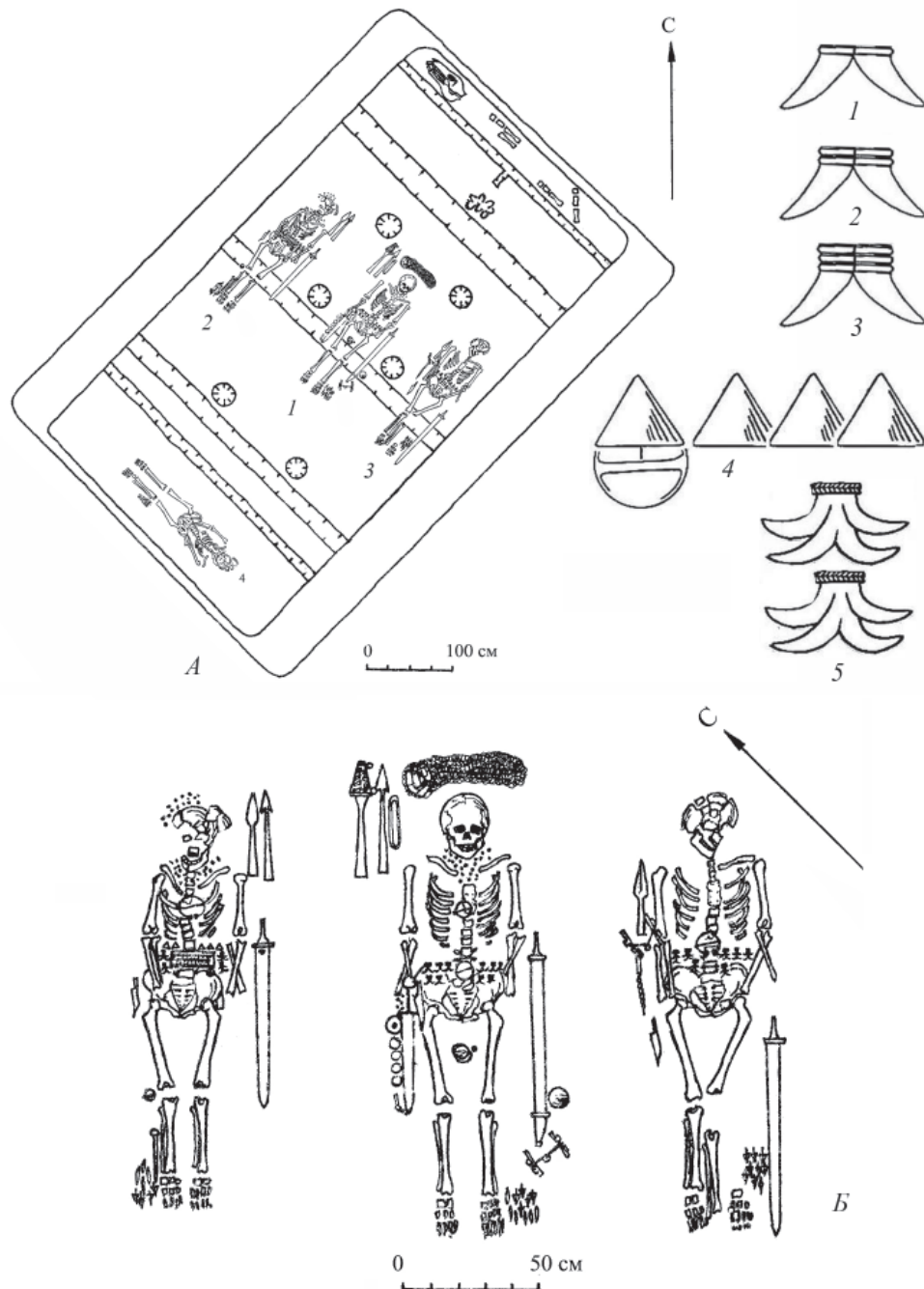

Рис. 5. Андреевский курган. Погребение 25.

А – план погребения 25; Б – фрагмент погребения 25; 1-4 – бронзовые поясные накладки; 5 – бронзовые поясные подвески

Fig.5. Andreevka mound. Burial 25.

A – plan of burial 25; Б – fragment of burial 25; 1-4 – bronze belt plates; 5 – bronze belt pendants

«хозяина» могилы в последний путь (Гришаков, Зубов, 2009, с. 111–112).

В единственной могиле с плечиками Староардатовского кургана находилось захоронение воина с двумя копьями, мечом и наконечниками стрел (рис. 7). Чуть выше тазовых костей в предполагаемой области живота расчищен поясной набор, состоящий из бронзовых пряжки и накладок. Пряжка цельнолитая,

имеет фигурный внешний контур круглого поперечного сечения с удлиненным щитком (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 33-3). На кожаный ремень пояса были нашиты 35 бронзовых накладок в виде спаренных умбоновидных бляшек с ложножгутовой окантовкой и напаянной с обратной стороны планкой (рис. 7: 1).

Анализ погребальной обрядности и сопровождающего инвентаря староардатовского

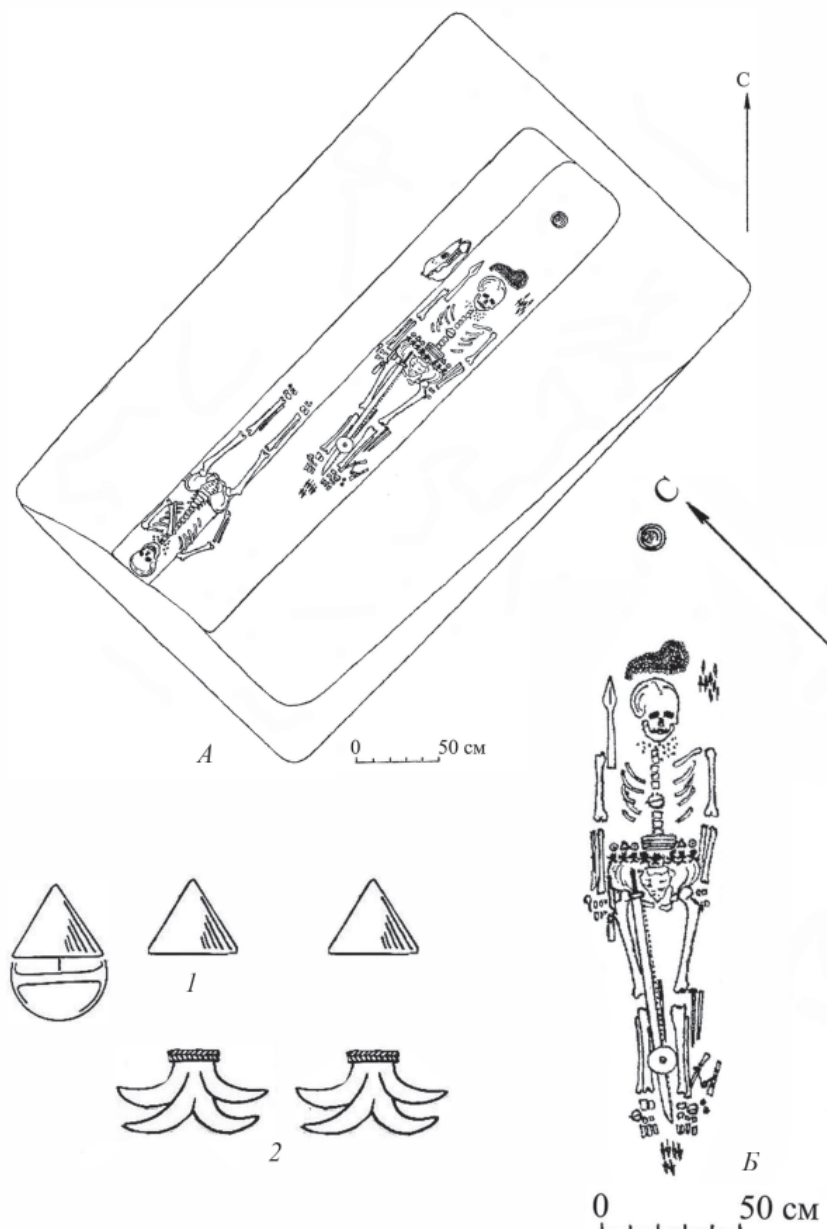

Рис. 6. Андреевский курган. Погребение 50-51.

А – план погребения 50-51; Б – фрагмент погребения 50; 1 – бронзовые поясные накладки; 2 – бронзовые поясные подвески

Fig.6. Andreevka mound. Burial 50-51.

A – burial plan 50-51; Б – fragment of burial 50; 1 – bronze belt plates; 2 – bronze belt pendants

погребения позволяет отнести его к первой группе захоронений, выделенных на основе центральной могилы 25 Андреевки, и датировать примерно серединой I в. н. э. (Гришаков, 2000, с. 52–53; Гришаков, Зубов, 2009, с. 65, 91).

Рассмотрение наборных поясов из ранних захоронений Андреевского и Староардатовского курганов позволяет говорить о сформированной традиции украшения воинских ремней металлическими накладками и подвесками.

Вопрос о появлении такой традиции можно рассматривать в контексте предположения В.В. Ставицкого о возможном участии воинов, оставивших памятники писеральско-андреевского типа, в военных событиях середины I в. н. э., связанных с борьбой Митридата VIII за Боспорское царство (Ставицкий, 2013, с. 137). Знакомство с римскими воинскими поясами, украшенными металлическими накладками, вполне могло трансформироваться в новый элемент воинской субкультуры, но со своей

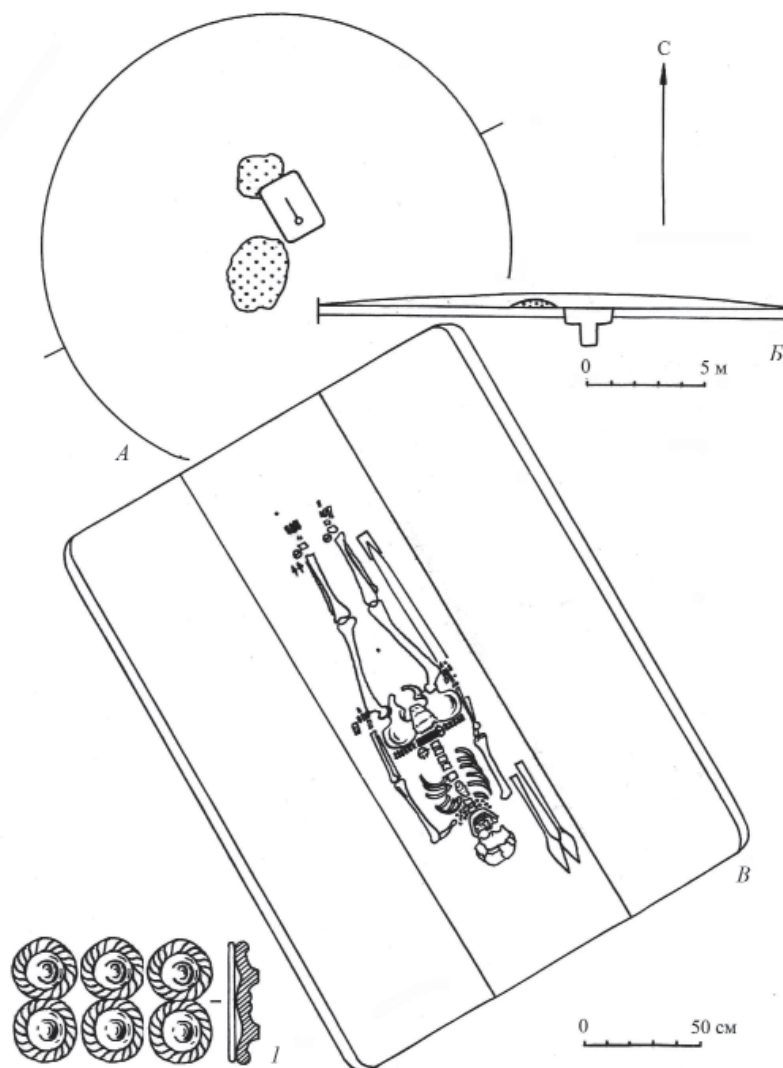

Рис. 7. Староардатовский курган. А – план-схема кургана; Б – план-схема профиля бровки по линии 3-В; В – план погребения 1; 1 – бронзовые поясные накладки.

Fig.7. Staroye Ardatovo mound. А – plan-scheme of the mound; Б – plan-scheme of the edge profile along the 3-B line; В – plan of burial 1; 1 – bronze belt pads

смысловой нагрузкой – в виде изображений клыков хищников или традиционных для оседлого населения лесостепи и леса конических бляшек и ромбовидных накладок.

Интересно, что наборные пояса в среде населения, оставившего памятники писеральско-андреевского типа и пьяноборской

культуры, бытовали только в течение I в. н. э. Очевидно, что данный феномен был одноактным и связан с определенными военно-политическими событиями, давшими некоторый импульс в формировании новых элементов воинской субкультуры, не получивший своего дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушудевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 75–94.

Азбелев П.П. Таштыкский пояс // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009. №1–2 (13–14). С. 29–49.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/3. М.: Наука, 1982. 105 с., табл. 35–54.

Воробьева С.Л. Типология поясных накладок с изображением грифона эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2009.. С. 84–90.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.

Голдина Р.Д. Застежки с крючком Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 150–177.

Гришаков В.В. Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско–писеральского горизонта // Древности Окско–Сурского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2000. С. 44–54.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ. 1990. 164 с.

Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 201 с.

Зубов С.Э. Животный мир в культах и украшениях пьяноборской культуры: к постановке проблемы (по материалам памятников Бельско–Сюньского междуречья) // УАВ. 2021 №1 (21). С. 78–88.

Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том II. История. М.: Ладомир, 1993. 369 с.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л.: АН СССР, 1952. 116 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Т. II // Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 215–231.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III // Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 59–104.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов и др. Уфа: ИИЯЛ, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

Скрипкин А.С. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Саратовский университет, 1992. С. 3–24.

Ювенал. Сатиры / Пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского, вступ. ст. А.И. Белецкого. М., Л. Academia. 1937. 158 с.

Юрченко А.Г. «300 золотых поясов» в монгольском имперском контексте // MONGOLICA-XIV / Ред. И.В. Кульганек, Л.Г. Скородумова, Т.Д. Скрынникова, К.В. Орлова, Н.С. Яхонтова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 19–29.

Информация об авторе:

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-9773>

REFERENVES

Ageev, B. B., Mazhitov, N. A. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'ia kh Beloi (Archaeological Studies in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 75–94 (in Russian).

Azbelev, P.P. 2009. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 13–14 (1–2), 29–49 (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/2. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/3. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vorob'eva S.L. 2009. In *Etnosy i kultury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: "Institute of Ethnological Studies" Publ., 84–90 (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).

Goldina, R. D. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 150–177 (in Russian).

Grishakov, V. V. 2000. In Grishakov, V. V. (ed.). *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Oka – Sura Interfluvies Area)* 2. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 44–54 (in Russian).

Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

Dobzhanskii, V. N. 1990. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii (Asian nomad plated belts)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries). Migrational Processes in the New Ethnic and Cultural Environment, by the Archaeological Data)*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).

Zubov, S. E. 2021. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (1), 78–88 (in Russian).

Publius Cornelius Tacitus. 1993. *Annaly (Annals)*. 2. Moscow: "Ladimir" Publ. (in Russian)

Malov, S. E. 1952. *Eniseyskaya pis'mennost' tyurkov. Teksty i perevody (Yenisey Turkic script. Texts and translations)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ovsianikov, V. V., Savelev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1964. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 215–231 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 59–104 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1992. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy khronologii sarmatskoi kul'tury (Issues of the Chronology of Sarmatian Culture)*. Saratov: Saratov University, 3–24 (in Russian)..

Decimus Iunius Iuvenalis. 1937. *Satiry (Satires)*. Moscow; Leningrad: "Academia" Publ. (in Russian).

Yurchenko, A. G. 2015. In Kul'ganek, I. V., Skorodumova, L. G., Skrunnikova, T. D., Orlova, K. V., Yakhontova, N. S. (eds.). *Mongolika (Mongolica)* 14. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 19–29 (in Russian).

About the Author:

Zubov Sergey E. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation, guberfond@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.119.128>

БУСИННОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ ДЕВОЧКИ ИЗ ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ РУБЕЖА ЭР (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПЬЯНОБОРСКОГО КИПЧАКОВСКОГО I КУРГАННО-ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА)

©2022 г. С.Э. Zubov, С.С. Ronzhova

В статье анализируется ожерелье из детского захоронения (курган 5, погр. 17/2013) Кипчаковского I курганно-грунтового могильника. Возраст ребенка по набору изолированных молочных зубов соответствовал 3–4 годам. Погребение включало в себя богатый набор украшений одежды, головного убора и обуви из цветных металлов, а также представительный бусинный комплекс, большая часть которого входила в состав ожерелья. Это шейное украшение состояло из многочисленных стеклянных бус импортного происхождения. Бусы были разделены на три основные категории: многоцветные (полихромные) (3 экз.), одноцветные (89 экз.), бусы с металлической прокладкой (134 экз.) и на 10 типов в соответствии с разработками Е.М. Алексеевой. Довольно широкая датировка бусинного материала по Е.М. Алексеевой (II в. до н.э. – I в. н.э.) была откорректирована планиграфическими наблюдениями, что позволило определить более узкие хронологические рамки (II – сер. I в. до н. э.). В целом, ожерелье представляет с собой многоярусную композицию из 4–5 рядов бус разных категорий.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Волго-Камье, пьяноборская культура, детские захоронения, бусинный инвентарь, хронология, импорты.

GIRL'S BEAD NECKLACE FROM THE WESTERN URALS AT THE TURN OF THE ERA (BASED ON MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS OF PYANY BOR KIPCHAKOVO I MOUND-SOIL BURIAL GROUND)

S. E. Zubov, S.S. Ronzhova

A necklace from a children's burial (barrow 5, burial 17/2013) of the Kipchakovo I mound-soil burial ground is analyzed in the paper. The age of the child according to the set of isolated milk-teeth corresponded to 3–4 years. The burial included a rich set of clothing decorations, a headdress and shoes made of non-ferrous metals, as well as representative bead complex, most of which was part of the necklace. This neck adornment consisted of numerous imported glass beads. The beads were divided into three main categories: multi-color (polychrome) (3 pieces) monochrome, (89 pieces), beads with a metal spacer (134 pieces) and 10 types according to the samples of E.M. Alekseeva. Quite a wide dating of bead material by E.M. Alekseeva (2nd century BC - 1st century AD) was corrected by planigraphic observations, which made it possible to determine a narrower chronological framework (II - mid-I century BC). In general, the necklace is a multi-tiered composition of 4–5 rows of beads of different categories.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Volga-Kama, Pyany Bor culture, children's burials, bead implements, chronology, imports.

Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник и расположенное в непосредственной близости от него городище, несомненно, составляют единый археологический комплекс, материалы которого представлены раннепьяноборскими древностями и коррелируются между собой достаточно четко. Кипчаковский археологический комплекс находится в лесостепной зоне Предуралья на коренной террасе правого берега р. Сюнь, левого притока р. Белой (рис. 1; 2). Исследования этого археологического объекта начались в 1990 году и на сегодняшний момент частично опубликованы (Зубов, 1998; Зубов,

2004; Зубов, 2007; Зубов, 2010; Гарустович, Тагиров, 2012; Зубов и др., 2021).

Раскопками могильника в 2013 г. было исследовано, без сомнения, уникальное детское погребение 17/2013 под насыпью кургана 5 (рис. 3). Костяк погребенного ребенка не сохранился. Фиксировался в ряде случаев лишь еле заметный тлен от черепа и трубчатых костей конечностей под бронзовыми украшениями. Только зубы имели удовлетворительную сохранность, анализ которых позволил определить возраст девочки в пределах 3–4 лет (Зубов, Калмина, Мясникова, 2014, с. 88–89). Погребение включало

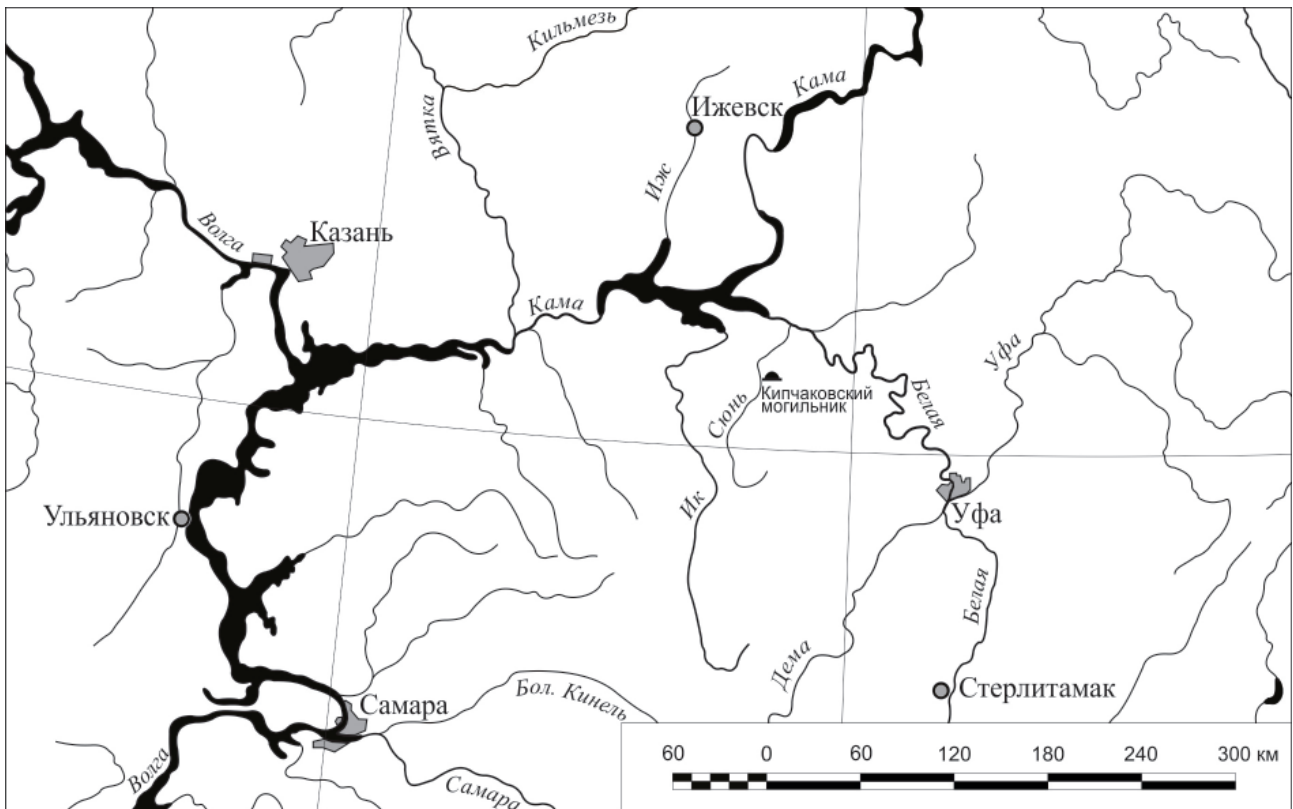

Рис. 1. Карта-схема расположения Кипчаковского I курганно-грунтового могильника.

Fig. 1. Location map-scheme of the Kipchakovo I mound-soil burial ground

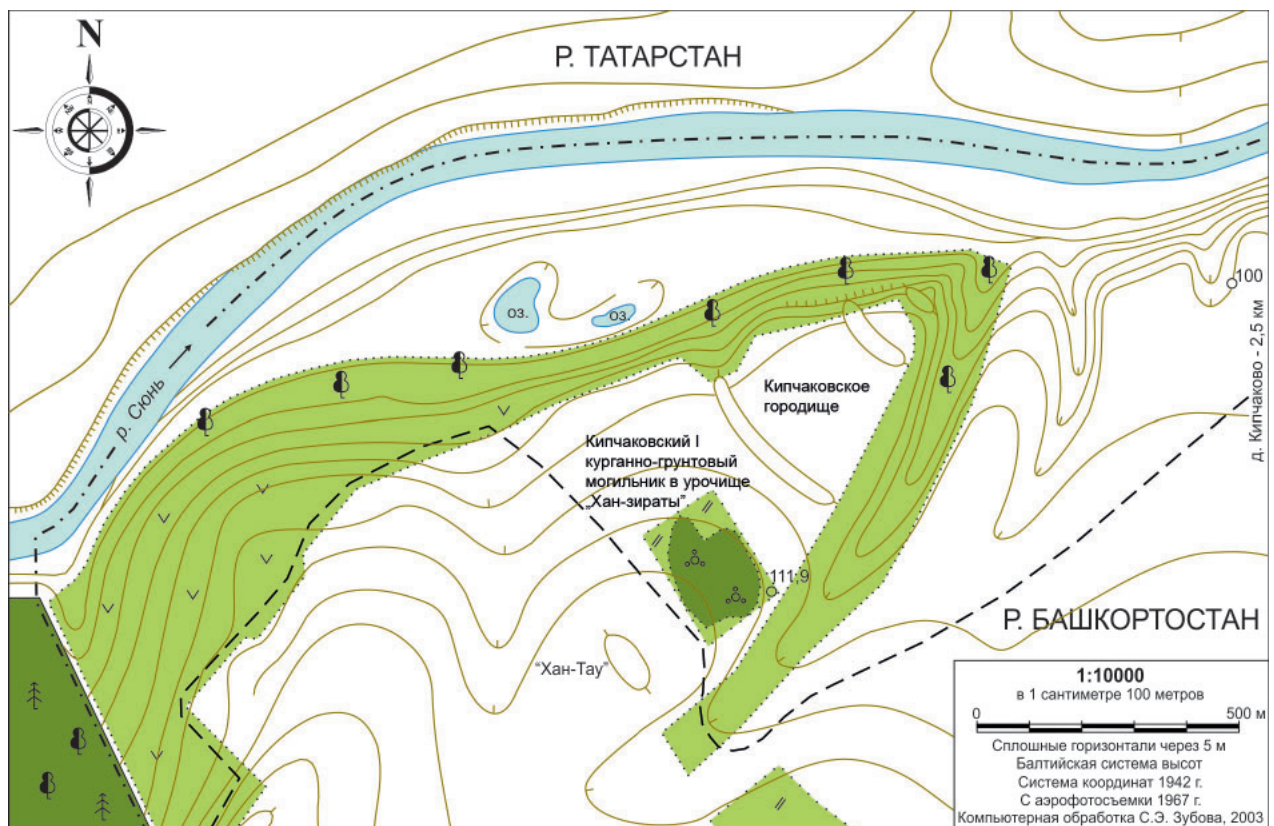

Рис. 2. Топографический план местности с Кипчаковским археологическим комплексом (Республика Башкортостан, Илишевский район, окрестности д. Кипчаково).

Fig. 2. Topographic plan of the area with the Kipchakovo archaeological complex (Republic of Bashkortostan, Ilishevo district, vicinity of Kipchakovo).

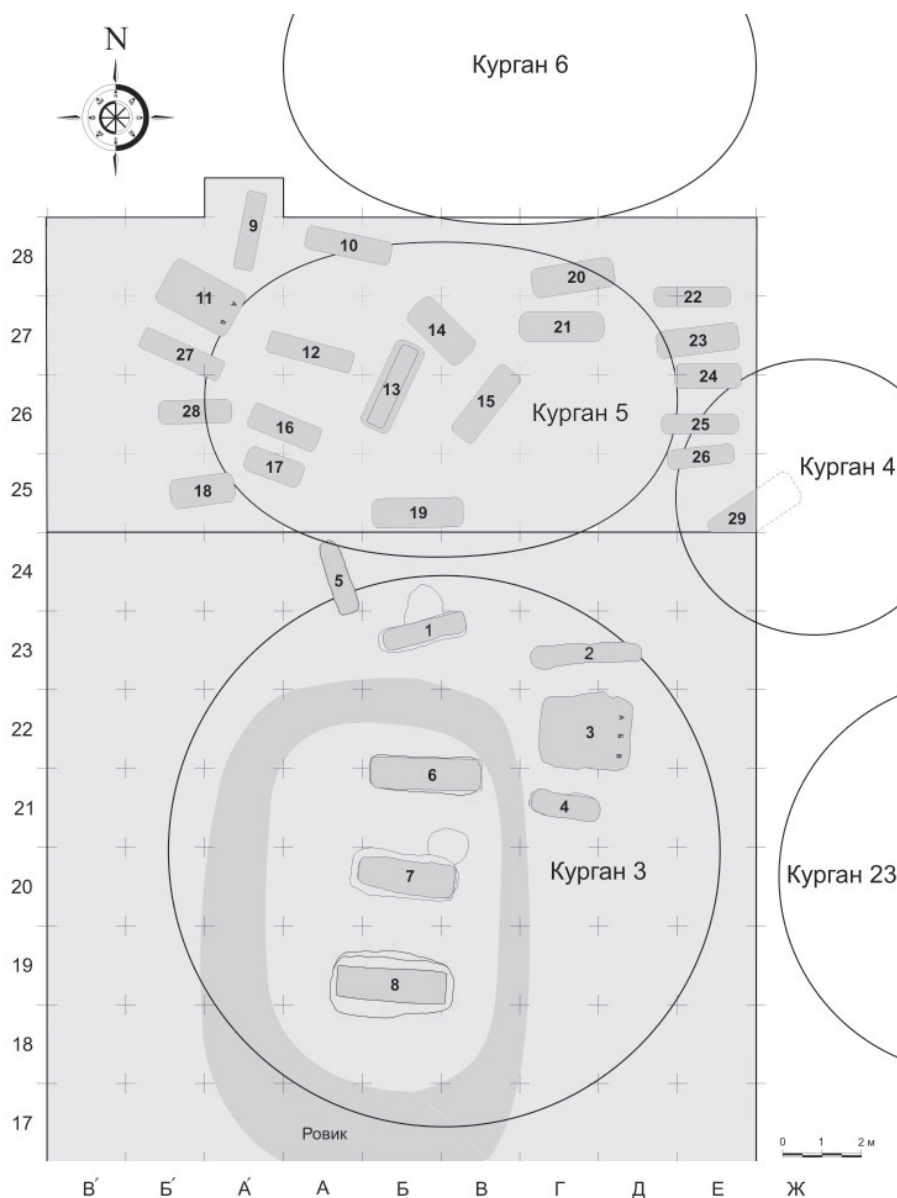

Рис. 3. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. План раскопа кургана 5 (2013) и кургана 3 (2006)
Fig. 3. Kipchakovo I mound-soil burial ground. Excavation plan of the barrow 5 (2013) and barrow 3 (2006)

в себя богатый набор украшений одежды, головного убора и обуви из цветных металлов. Кроме этого, в области шеи и грудной клетки был расчищен более чем представительный бусинный комплекс (рис. 4), изучению которого и посвящена настоящая работа.

Многие специалисты, занимающиеся проблемами датирования археологических материалов пьяноборской культуры, прежде всего обращают внимание на бусы импортного происхождения, опираясь на разработки Е.М. Алексеевой, которые на данный момент являются полным сводом бус и подвесок из Северного Причерноморья (Алексеева, 1975; 1978; 1982). К примеру, Д.Г. Бугров при описании бус из Тойгузинского II городища идентифицировал их с типами по классификации Е.М. Алексеевой (Бугров, 2007, с. 442).

Р.Д. Голдина и А.А. Красноперов при публикации Ныргындинского I могильника типологию бус и их хронологию выстраивали по работе Е.М. Алексеевой (Голдина, Красноперов, 2012, с. 71–75, 78–81). Б.Б. Агеев создал свою классификацию, но краткое описание и датировку бус дал со ссылкой на классификацию Е.М. Алексеевой (Агеев, 1992, с. 32–35). Наконец, Р.Р. Саттаров в своей диссертации по импортным предметам пьяноборской культуры в части обработки бусинного материала и хронологической привязки использовал классификацию Е.М. Алексеевой (Саттаров, 2019, с. 77–82). В связи с этим мы посчитали возможным опереться на фундаментальный труд известного специалиста Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1975; 1978; 1982) и использовать ее классификацию для определения

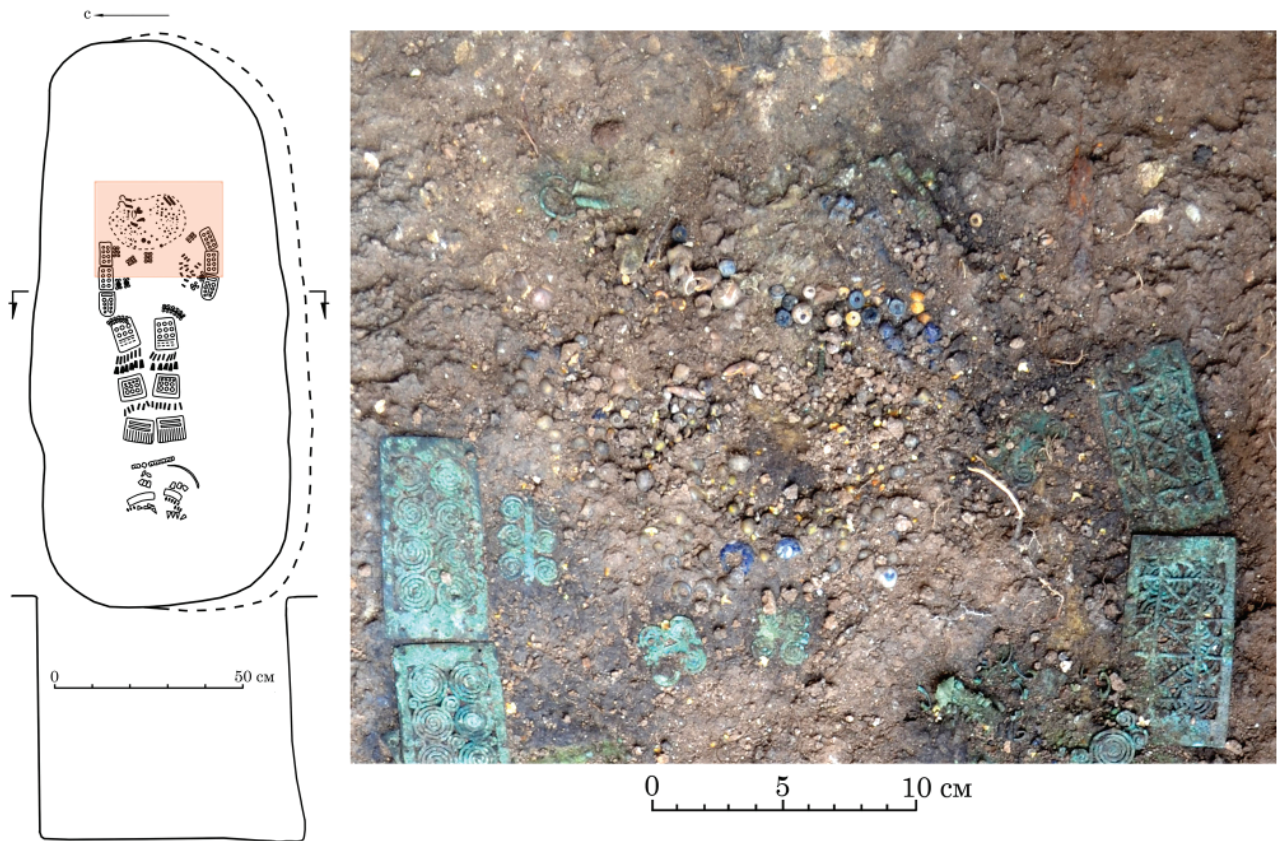

Рис. 4. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. План погребения 17/2013 с фотографией фрагмента погребения, выделенного на плане

Fig. 4. Kipchakovo I mound-soil burial ground. Plan of the burial 17/2013 with a photo of the burial fragment highlighted on the plan

типов и времени бытования бус в ожерелье из погребения 17 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника.

В погребении 17 в составе ожерелья было найдено 226 бус, которые были разделены по следующим категориям: многоцветные (полихромные) (3 экз.), одноцветные (89 экз.), бусы с металлической прокладкой (134 экз.). Бусы ожерелья были распределены на 10 типов по классификации Е.М. Алексеевой (табл. 1).

Самую малочисленную категорию бус – многоцветные – представляют 2 бусины из глухого грязно-синего стекла с глазчатым орнаментом в виде центрального синего диска, обведенного белым кольцом и 1 бусина с аналогичным орнаментом, но из глухого белого стекла. Синие бусы, соответствующие типу 33 варианта а, датируются широко, начиная с эпохи эллинизма (III–I вв. до н. э.) и I в. н. э. (Алексеева, 1975, с. 61), а белая бусина типа 26 варианта а датируется Е.М. Алексеевой II в. до н. э. (Алексеева, 1975, с. 59).

Среди одноцветных бус насчитывается 6 типов. Больше всего на ожерелье девочки встречено цилиндрических черных бус (51

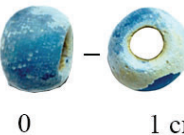
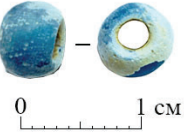
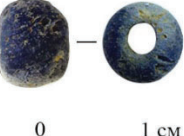
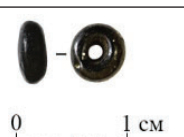

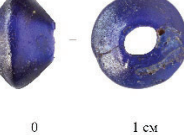

экз.), которые, по мнению Е.М. Алексеевой, соответствуют типу 54 и датируются II–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 67). Однако стоит отметить разницу в технике изготовления бус типа 54. В отличие от описания Е.М. Алексеевой, бусы из погребения были сделаны не из пластины, а, скорее всего, из трубочки, т. к. нет шва в месте стыка краев пластинки.

Бочковидные, поперечно-сжатые бусы из глухого черного стекла (8 экз.) Е.М. Алексеева определяет типом 18. Они встречаются во II в. до н. э. и в I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 65).

Остальные четыре типа бус датируются широко. Это округлые бусы из стекла купоросного цвета типа 12 (5 экз.), определенные в пределах II в. до н. э. – I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 64), округлые бусы из бирюзового глухого стекла типа 13 (1 экз.), которые использовались начиная со II–I вв. до н. э. и вплоть до III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 64), округлые синие бусы типа 15 (4 экз.), сделанные из глухого стекла и датирующиеся III–I вв. до н. э., I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 64–65), и биконические бусы из синего прозрачного стекла типа 94 (20 экз.), распространенные с

Таблица 1. Хронология и типология бус из погребения 17/2013 кургана 5 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника (Категория, тип и датировка по: Алексеева, 1975; 1978)

Table 1. Chronology and typology of beads from the burial 17/2013 of the barrow 5 from Kipchakovo I mound-soil burial ground (category, type and dating by Alekseeva, 1975; 1978)

Категория	Тип	Датировка	Рисунок
Многоцветные (полихромные)	Тип 26 вариант а: округлые бусы из глухого белого стекла с тремя глазками. А – глазки накладные: на ядро нанесены синие диски и синие кольца вокруг них, последние имеют один-два разрыва. (Алексеева, 1975, с.59)	II в. до н.э.	
	Тип 33 вариант а: округлые бусы с различной пропорциональной характеристикой, сделанные из грязно- и темно-синего стекла, глухого, прозрачного и полупрозрачного. А – разнообразные бусы с плоскими глазками, центральный синий диск которых обведен одним кольцом. (Алексеева, 1975, с.61)	III-I вв. до н.э., I в.н.э	
Одноцветные	Тип 12: Округлые бусы из прозрачного стекла купоросного цвета. Большая часть бус имеет гладкие края отверстий. (Алексеева, 1978, с.64)	II в. до н.э. – I в.н.э.	
	Тип 13: округлые бусы из глухого бирюзового стекла. Бусы имеют гладкие края отверстий. (Алексеева, 1978, с.64)	II-I вв. до н.э., I, II-III вв. н.э.	
	Тип 15: округлые синие бусы. (Алексеева, 1978, с.64-65)	III-I вв. до н.э., I в.н.э	
	Тип 18: бочковидные, поперечно-сжатые бусы из глухого черного стекла. (Алексеева, 1978, с.65)	II в. до н.э., I в.н.э.	
	Тип 54 (близкий к типу): цилиндрические бусы из глухого черного стекла. (Алексеева, 1978, с.67)	II-IV вв.н.э.	
	Тип 94: синие биконические бусы из прозрачного стекла. (Алексеева, 1978, с.68)	Конец VI в. до н.э. по IV в.н.э.	
Бусы с металлической прокладкой	Тип 1 вариант а: округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла. А – бусы с гладкими краями отверстий и ровной поверхностью, некоторые сделаны из желтоватого стекла. (Алексеева, 1978, с.29)	III-I вв. до н.э., I в.н.э.	
	Тип 5 (близкий к типу): пропорциональные и короткоцилиндрические бусы. (Алексеева, 1978, с.30-31)	III-I вв. до н.э., I- II в.н.э.	

конца VI в. до н. э. по IV в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 68).

Категория бус с металлической прокладкой самая многочисленная в ожерелье. 123 экземпляра представлены одним типом – типом 1 варианта а, и представляют собой округлые пропорциональные и поперечно-сжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла с золотой или серебряной прокладкой. Такие бусы были присущи комплексам эллинистического времени, т. е. III–I вв. до н. э. и продолжали бытовать в первые века н. э. (Алексеева, 1978, с. 29). Еще одна деформированная бусина предположительно может быть отнесена к данному типу, т. к. на краю этой бусины сохранились остатки позолоты. Другой тип бус – пропорциональные и короткоцилиндрические бусы (10 экз.) – близок к типу 5 по классификации Е.М. Алексеевой и датируется ей III–I вв. до н. э., I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 30–31).

Что касается хронологии всей массы бус ожерелья, то все эти типы (кроме бус, близких к типу 54) бытовали с конца прошлого тысячелетия по первые века нашей эры. Определение более четкой ранней даты существования погребения 17/2013 по импортным бусам III в. до н. э. вызывает вопрос, так как ряд типов начинают свое существование только со II в. до н. э. (тип 26а, тип 12, тип 13, тип 18). Поэтому мы устанавливаем раннюю дату со II в. до н. э.

Говоря о поздней дате, то почти все бусы бытовали в I в. н. э., лишь некоторые продолжали существовать и в последующие века (тип 13, тип 54, тип 94, тип 5). Вызывает вопрос многоцветная бусина типа 26а, которая датируется самой Е.М. Алексеевой II в. до н. э., однако, как она отмечает, глазчатый орнамент был одним из наиболее распространенных в античное время (Алексеева, 1978, с. 35), что позволяет говорить о длительном существовании данного типа в Причерноморье и других территориях.

Таким образом, погребение 17/2013 кургана 5 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника по импортным стеклянным бусам в составе ожерелья погребенной можно датировать в пределах II в. до н. э. – I в. н. э.

К этому следует добавить некоторые планиграфические наблюдения, позволяющие в некоторой степени уточнить эту весьма широкую датировку. Все мужские захоронения под насыпью кургана 5 следует отнести к раннему периоду существования могильника по наличию в них исключительно бронзовых

наконечников стрел (рис. 3, погр. 15, 16, 22, 24, 27). В мужских захоронениях примыкающего с южной стороны кургана 3 (рис. 3, погр. 2, 3, 4, 8) также были обнаружены исключительно бронзовые наконечники стрел. Железных наконечников стрел не было ни в одном из мужских погребений этих курганов. Анализ колчаных наборов из мужских погребений Кипчаковского могильника позволил специалистам сделать вывод о том, что «у пьяноборского населения смена на железные наконечники стрел произошла в середине – второй половине I века до н. э., повсеместно утвердившаяся к началу I в. н. э.» (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214). Таким образом, мы можем откорректировать хронологические рамки погребения 17/2013 и датировать его по совокупности доступных нам на сегодняшний день материалов II – сер. I в. до н. э.

При описании отдельных типов бус нельзя не сказать и о самом ожерелье в целом. Воссоздать первоначальный вид ожерелья с абсолютной точностью не представляется возможным в связи с хаотичным положением бусин в погребении (рис. 4). Хотя в ряде случаев видны четкие ряды бусин, которые позволяют предложить некую реконструкцию бусинного ожерелья ребенка.

На наш взгляд, ожерелье состоит из двух частей. Первая включает в себя бусы из одноцветного стекла, вторая состоит из металлической прокладки и многоцветных бусин (рис. 5).

В первой части мы видим два ряда бус, которые располагались вокруг шеи. Спереди прослеживается 2 ряда бус различных типов (12; 13; 15; 18; близкий к типу 54; 94). Еще два ряда цилиндрических бус (близких к типу 54) располагались, по всей вероятности, под шеей погребенной.

Во второй части ожерелья сложно выделить количество рядов, скорее всего, их было 2 или 3. На самом нижнем ряду в центре располагались 3 крупные многоцветные бусины, две синие (тип 33а) и рядом с ними белая (тип 26а).

В целом ожерелье представляет с собой многоярусную композицию из 4–5 рядов бус разных категорий. При анализе всего комплекта бусин возникает вопрос о составе бусинного ожерелья, были ли это 4–5 отдельные низок бус или это цельное украшение с общим креплением (рис. 5).

Детское погребение 17/2013 кургана 5 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника выделяется своей уникальностью

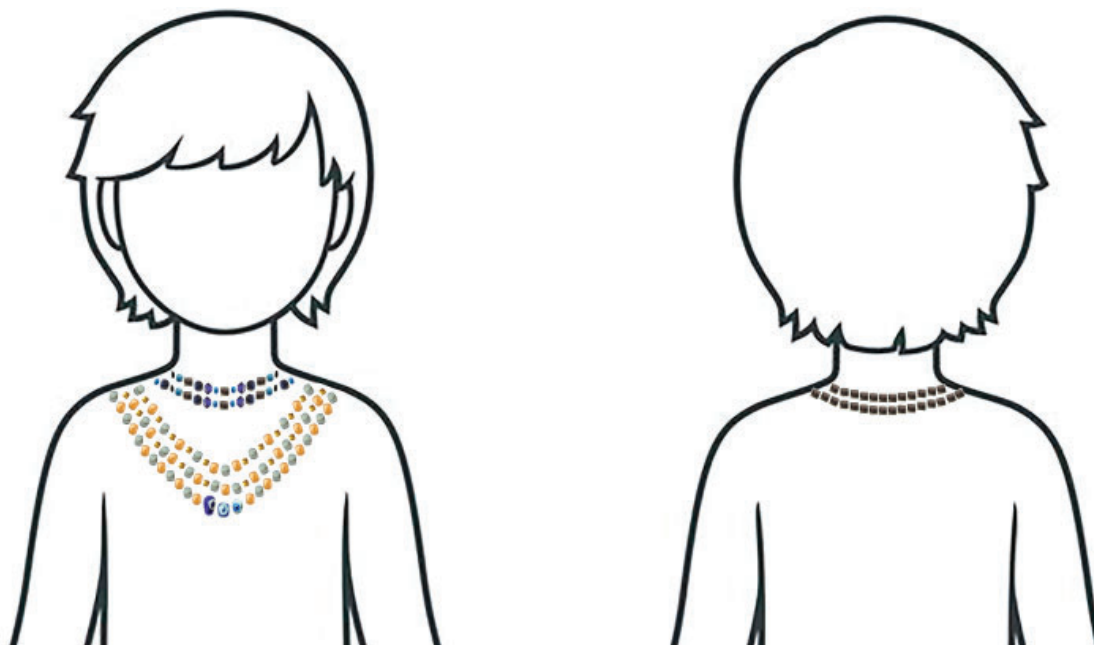

Рис. 5. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Реконструкция бусинного ожерелья погребения 17/2013 (компьютерная обработка – Ронжова С.С., Титова Л.В.)

Fig. 5. Kipchakovo I mound-soil burial ground. Reconstruction of the bead necklace from the burial 17/2013 (computer processing - Ronzhova S.S., Titova L.V.)

среди других детских погребений могильника благодаря большому количеству бронзовых изделий, украшавших одежду, и богатого бусинного материала. Все это может говорить о явном привилегированном положении захороненного здесь ребенка среди других погребений детей на Кипчаковском могильнике. В большинстве случаев в детских захоронениях по 1–2 экземпляра от 2–3 категорий предметов, чаще всего из числа личных украшений и украшений одежды. Так, из 64 погребений Кипчаковского могильника, исследованных под руководством Ф.М. Тагирова, восемь детских захоронений не отличаются обилием сопровождающего инвентаря, кроме более богатого по составу украшений захоронения девочки из погр. 26/1994 (Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021, с. 294–295). Такая тенденция среди детских погребений наблюдается и в других могильниках пьяноборской культуры. Например, в исследованной части Старокиргизовского могильника из 137 погребений было выявлено 33 детских. Выделяются только четыре погребения со сравнительно богатым инвентарем. Остальная часть детских погребений (29 могил) была либо совсем без инвентаря, либо с минимальным количеством вещей (в девяти из них встречены бусы). Подобная ситуация наблюдается и в Юлдашевском могильнике, где из 131 исследованной могилы было выявлено 46 детских погребений, большее число из которых (38

могил) без вещей либо с минимальным набором погребального инвентаря (Пшеничнюк, 1986, с. 45–74).

Многие исследователи отмечают крайне малое количество детских захоронений из огромного числа уже исследованных погребений пьяноборской культуры (Генинг, 1963, с. 84–85; 1970, с. 115; Агеев, 1992, с. 20; Журавлева, 2014, с. 73). Особенно редки погребения детей до 4–5 лет, хотя детская смертность, особенно до 1–3 лет, была чрезвычайно высокой.

На малое количество детских захоронений также обращают внимание специалисты, проводящие исследования памятников раннего железного века на сопредельных территориях (Берсенева, 2011, с. 62–64).

Немногочисленные детские захоронения в могильниках пьяноборской культуры организовывались в соответствии с общей традицией погребальной обрядности. Позиция и ориентировка умершего ребенка в могиле не отличались от захоронений взрослых. Не улавливается разница также и в расположении сопровождающего погребального инвентаря. Отличительной особенностью детских захоронений в большинстве случаев являются менее глубокие могильные ямы и сравнительно скудный погребальный инвентарь, что, скорее всего, обуславливалось определенным положением ребенка в обществе (Зубов и др., 2021, с. 65–66). По материалам других

территорий специалисты также отмечают для детских захоронений полное или небольшое, за редким исключением, количество предметов в погребальных комплексах (Стоянова, 2012, с. 91; Савельев, 2019, с. 60).

Именно в случае с захоронением девочки (курган 5, погр. 17/2013) из Кипчаковского могильника вступает в силу то самое редкое исключение, когда многочисленный и отчасти уникальный инвентарь детского погребения резко диссонирует со среднестатистическими малоинвентарными детскими захоронениями и даже значительно превышает по количе-

ству предметов многие «богатые» женские захоронения пьяноборской культуры в целом и указанного конкретного могильника в частности. Многочисленные предметы украшения верхней одежды из цветного металла, украшения головного убора и обуви детского погребения 17/2013 составляют почти 200 экземпляров. После проведения спектрального анализа украшений из цветных металлов и изучения технологических приемов их изготовления авторы планируют ввести в научный оборот полный комплекс материалов этого яркого захоронения.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/1. М.: Наука, 1975. 94 с., 19 табл.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/3. М.: Наука, 1982. 105 с., табл. 35–54.
- Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.
- Бугров Д.Г. Бусы Тойгузинского II городища // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2007. Вып. XVII. С. 442–453.
- Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М. Новые находки с Кипчаковского городища на Северо-западе Башкортостана // УАВ. Вып. 12. Уфа: Гилем, 2012. С. 124–135.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. / ВАУ. Вып. 5. Ижевск, 1963. 195 с.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22 / Отв. ред. Л.И. Липина. Ижевск: УдГУ, 2012. 364 с.
- Журавлева Г.Н. Предварительные итоги изучения Нырғындынского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга // Поволжская археология. 2014 №1 (7). С. 69–91.
- Зубов С.Э. К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско–писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. С. 44–51.
- Зубов С.Э. Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 267–279.
- Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 72–88.
- Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.
- Зубов С.Э., Калмина О.А., Мясникова О.В. Детское погребение из Кипчаковского I курганно-грунтового могильника: археологический контекст и морфология зубов // Международная полевая школа в Болгаре. Материалы. Вып. 1 / Отв. ред. А.Г. Ситдииков Казань, Болгар: Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. С. 86–91.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 210–214.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // Археология Евразийских степей. 2021. №2. С. 261–300.

Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Рослякова Н.В., Саттаров Р.Р. Погребение мальчика-охотника из Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 65–77.

Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С.45–74.

Савельев Н.С. Детские погребения кочевников Южного Урала середины I тыс. до н. э. // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 55–62.

Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.

Информация об авторах:

Зубов Сергей Эдгарович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-9773>

Ронжова Светлана Сергеевна, старший лаборант Научно-исследовательской лабораторией археологии Самарского университета, студентка 1 курса магистратуры направления «История» по профилю «Археология Поволжья» СГСПУ (г. Самара, Россия); svetlana.ronzhova@yandex.ru

REFERENCES

Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaiia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Berseneva, N. A. 2011. *Sotsial'naia arkheologiiia: vozrast, gender i status v pogrebeniiax sargatskoi kul'tury (Social Archaeology: Age, Gender, and Status in Burials of the Sargat Culture)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Bugrov, D. G. 2007. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (17), 442–453 (in Russian).

Garustovich, G. N., Tagirov, F. M. 2012. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (12), 124–135 (in Russian).

Gening, V. F. 1963. *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo peregeleniia narodov (Azellino Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 5. Izhevsk (in Russian).

Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd – 3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Zhuravleva, G. N. 2014. In *Povolzhskaia arkheologiiia (Volga River Region Archaeology)* 7 (1), 69–91 (in Russian).

Zubov, S. E. 1999. In Arsent'ev, N. M. (ed.). *Issledovaniia P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy sovremennosti (P. D. Stepanov's Studies and Modern Ethnic-Cultural Processes)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev, 44–51 (in Russian).

Zubov, S. E. 2004. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya (Issues of Archaeology of the Urals and the Volga Region)* 2. Samara: "Samarskiy universitet" Publ., 267–279 (in Russian).

Zubov, S. E. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7. Ufa: "Gilem" Publ., 72–88 (in Russian).

Zubov, S. E. 2010. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 10. Ufa: "Gilem" Publ., 64–82 (in Russian).

Zubov, S. E., Kalmina, O. A., Myasnikova, O. V. 2014. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Mezhdunarodnaia polevaia shkola v Bolgare. Sbornik materialov itogovoi konferentsii (International Field School in Bolgar: Proceedings of the Final Conference)*. 2. Kazan; Bolgar: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov; Kazan (Volga Region) Federal University, 86–91 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R.R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)*. Samara: “Samara State University of Social Sciences and Education”, “Porto-Print” Publ., 210–214 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 261–300 (in Russian).

Zubov, S. E., Lifanov, N. A., Roslyakova, N. V., Sattarov, R. R. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 65–77 (in Russian).

Pshenichuk, A. Kh. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iyakh Beloi (Archaeological Research in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 45–74 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2019. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 62 (1). 55–62. (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2012. *Detskie pogrebeniia iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003-2009 gg.) (Children's Burials from the Opushki Burial Ground (Based on the Results of Excavations in 2003-2009))*. Simferopol: “Dolia” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Zubov Sergey E. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation, guberfond@rambler.ru

Ronzhova Svetlana S. Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation; Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky, Str., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; svetlana.ronzhova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ДИСКУРС-АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ XX СТОЛЕТИЯ)¹

©2022 г. В.А. Иванов

Анализ содержания и стилистики (критический дискурс-анализ – КДА) исследований по истории племен Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века, написанных советскими археологами в течение XX столетия, позволяет дать им определенную оценку. По своей сути они представляют собой историко-археологические дискурсы (высказывания) по социально-экономической истории региона, основанные на довольно ограниченных эмпирических данных. Стоя на позициях марксистской методологии истории (теория социально-экономических формаций) и марксистского понимания историзма, утвердившегося в советской археологии в 30–50-е гг., авторы этих дискурсов недостаточность эмпирики компенсируют методологически выверенной трактовкой археологической эмпирики в контексте формационной теории истории. Итог – неуклонный, монотонно-поступательный процесс разложения у племен Прикамья и Предуралья родового строя в течение всей эпохи раннего железного века.

Ключевые слова: археология, ананьинская, пьяноборская, кара-абызская культуры, историзм, дискурс-анализ, родовой строй, союз племен.

THE HISTORY OF THE POPULATION OF THE URAL-VOLGA REGION DURING THE EARLY IRON AGE (DISCOURSE ANALYSIS OF THE STUDIES IN THE XX CENTURY)²

V.A. Ivanov

The content and stylistics analysis (critical discourse analysis – CDA) of studies on the history of the tribes of the Kama region and the Urals in the Early Iron Age, written by Soviet archaeologists during the XX century, allows us to give them a certain reference. In their essence they are historical and archaeological discourses (statements) on the socio-economic history of the region based on rather limited empirical data. Standing on the positions of the Marxist methodology of history (the theory of socio-economic formations) and the Marxist understanding of historicism, which was established in Soviet archaeology in the 30–50s, the authors of these discourses compensate for the lack of empiricism with a methodologically verified interpretation of archaeological empiricism in the context of the formation theory of history. A steady, monotonously progressive process of decomposition among the tribes of the Kama region and the Urals of the tribal system during the entire epoch of the Early Iron Age is the result of these interpretations.

Keywords: archaeology, the Ananyino, Pyany Bor, Kara-Abyz culture, historicism, discourse-analysis, tribal system, union of tribes.

Любое археологическое исследование – это одновременно и нарратив, и дискурс. Нарратив – поскольку оно базируется на вербальном изложении результатов эмпирических действий автора исследования¹. Дискурс – поскольку археологическое исследование, как правило, завершается этнокультурной, хронологической, функциональной, исторической атрибуцией исследуемого археологического материала². Именно эта, вторая компонента

археологического дискурса чаще всего становится предметом дискуссий между исследователями – *сколько историков, столько историй* (по Р.Дж. Коллингвуду). Такова диалектика исторического познания.

Впрочем, что такое историзм в археологии³, не знает никто: дискуссия по этому поводу, прошедшая в конце 1970-х гг., завершилась безрезультатно (Клейн, 1993). Тем не менее исторические дискурсы являются неотъем-

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) (грант №22-28-01153: «Критический дискурс анализ (КДА) исследований по древней, средневековой и новой истории Южного Урала»).

2 The article was prepared with the financial support of the Russian scientific foundation (RSF) (grant 22-28-01153: «Critical discourse analysis (CDA) of research on the ancient, medieval and modern history of the Southern Urals»).

лемой частью археологических исследований, в первую очередь обобщающих (История Удмуртии..., 2007; История башкирского народа..., 2009, 2012; и др.). И поскольку эти и подобные им исследования созданы в основном на археологических источниках, для их адекватного понимания и оценки следует иметь в виду, что воссозданные в них картины прошлого представляют собой продукт априорного воображения авторов, определяющего выбор источников, используемых в работе. «Эти источники являются источниками, т. е. им верят только потому, что они обоснованы таким образом» (Коллингвуд, 1980, с. 233).

Однако история советской археологии прошла под знаком историзма, который определялся «не только прагматическим изучением древностей разных эпох, но и решением важнейших исторических проблем: история хозяйства, история социального развития, история религии и искусства, этногенез и миграции древних племен, проблема возникновения государственности, проблема развития античного или средневекового города, история торговли, проблема взаимовлияния культур и т. д.» (Рыбаков, 1978, с. 5). Приведенный тезис выдающегося советского археолога фактически «канонизировал» понимание целей и задач археологической науки, сформировавшееся ещё на начальных этапах истории советской археологии: «С первых же шагов советской археологии историзм был выдвинут как один из ее руководящих методологических принципов. Он понимался как реализация материалистической диалектики применительно к изучению человеческого общества. Общество и его культура стали рассматриваться в закономерном скачкообразном развитии, которое характеризовалось приматом производства. **Археологические памятники стали изучаться как основа для исторических реконструкций и как средство социологического познания прошлого** (здесь и далее выделено мной – *авт.*). Это означало установление неразрывной связи советской археологии с историей и социологией и борьбу с эмпиризмом, с тенденцией ограничить все изучение древних культур вещеведением. В этом широком спектре методологических установок раскрывался принцип историзма» (Клейн, 1993, с. 135).

Одним из первых ярких проявлений историзма советской археологии являются «Очерки по истории европейского северо-востока в эпоху родового общества», опубликованные в 1935 г. А.В. Шмидтом в сборнике «Из исто-

рии родового общества на территории СССР» (Шмидт, 1935). Само название сборника определяло и авторскую концепцию указанного дискурса, состоящего из четырех очерков, в трех из которых автор на примере известного тогда в Волго-Камско-Вятском регионе археологического материала эпохи бронзы – раннего железного века показывает процесс эволюции общественно-производственных отношений у населения региона от матриархата к патриархату. В контексте темы, заявленной в настоящей статье, нас интересует четвертый очерк «Эпоха становления отцовского рода в Волгокамье» (Шмидт, 1935, с. 72–96).

Эмпирическую базу данного очерка составляли материалы памятников «ананьинско-пьяноборской эпохи» (Ананьинского, Зуевского, Котловского могильников на р. Каме, Ройский Шихан, Тихогорского, Свиногорского, Пижемского, Буйского, Аргыжского городищ в Камско-Вятском бассейне)⁴. Методологической основой служила марксистская теория общественно-экономических формаций, изложенная Ф. Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Соответственно, и имеющийся в распоряжении А.В. Шмидта археологический материал освещал (а точнее иллюстрировал) заданную схему: во-первых, развитие производительных сил и общественных отношений (укрепление патриархата), в котором основное место занимало скотоводство, о чем свидетельствуют многочисленные находки костей домашних животных на памятниках. Затем – начало производства железных орудий, которые «...как указывал и Энгельс, обусловили значительный рост производительности труда, и этим ростом общество было обязано мужчине» (Шмидт, 1935, с. 77). И далее по схеме: скотоводство (пастухи) и железные орудия стимулировали распад родового строя, усиление патриархальных отношений и появление частной собственности. Частная собственность усиливает товарный обмен: на юге развивается торговля со скифами: «южным привозом в край являлось железо, железные изделия, некоторые бронзовые орудия и украшения, некоторые виды бус и других предметов убранства, напр., бусы так наз. «египетской пасты» (Шмидт, 1935, с. 78).

Скифам «ананьинцы» поставляли меха, на что, по мнению А.В. Шмидта, указывает большое количество костей пушных зверей на городищах. Исходя из не очень большого

количества южных изделий на ананьинских памятниках, автор делает вывод об эксплуататорском характере торгового обмена со стороны скифов, более развитых в социальном плане и имевших уже своих купцов (ссылка на Геродота).

Внутриобщинный обмен в самом ананьинском обществе тоже мог быть эксплуатационным, поскольку «руководство обменом находилось, конечно, в руках родовых старшин и родовой знати, которые, конечно, **не пропускали случая поживиться за счет труда общинников и прибрать к своим рукам львиную долю выгоды** (Шмидт, 1935, с. 81).

Сами же «ананьинцы» эксплуатировали более северные племена (археологически автор их никак не идентифицирует), получая от них пушнину в обмен на бронзовые топоры-кельты. И чем сильнее была эксплуатация, тем меньше собственных изделий «ананьинцы» выставляли на обмен: племена Поветлужья, например, от «ананьинцев» не получали ничего и были более отсталыми в техническом отношении (пользовались каменными орудиями). Зато обитатели Финляндии и Карелии уже осваивали производство кельтов ананьинского типа, образцы которых «ананьинцы» им поставляли, поскольку уже имели собственных мастеров-литейщиков – ремесленников, работавших на удовлетворение потребностей в процессе торгового обмена.

Возникновение частной собственности и рост богатства неизбежно ведет к имущественному и социальному расслоению. Ананьинские могильники – Зуевский и Ананьинский – наглядно подтверждают этот тезис. В Зуевском могильнике А.В. Шмидт выделяет три группы мужских погребений, по количеству сопровождающего инвентаря разделяющиеся на богатые, безынвентарные и «промежуточные». Захороненные в безынвентарных погребениях могли быть патриархальными рабами (по Ф. Энгельсу). Социально-экономические условия для возникновения патриархального рабства у «ананьинцев» были (Шмидт, 1935, с. 92).

Вместе с тем однообразие материальной культуры ананьинских племен А.В. Шмидт трактует «как доказательство относительно тесного объединения ряда отдельных родов Волжско-камского края...» в союз племен (Шмидт, 1935, с. 94).

Итак, фактически А.В. Шмидт составил конспект книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», проиллюстрировав его археологическими

материалами Волго-Камья. Или (что, очевидно, будет точнее) интерпретировал археологический материал с помощью историко-социологической схемы, разработанной Энгельсом на основе книги Л. Моргана «Древнее общество». Хотя сам А.В. Шмидт в своих «Очерках» на Энгельса ссылается весьма скупо (Шмидт, 1935, с. 32, 83, 92).

Изложенная в дискурсе названного автора схема социально-экономической истории населения Урало-Поволжья в эпоху раннего железного века на многие годы (фактически до конца XX в.) становится основополагающей для подобных дискурсов. Их авторы, практически не ссылаясь на А.В. Шмидта, в своих работах воспроизводят те же самые положения, правда, на более широкой эмпирической основе.

В 1952 г. выходят в свет сразу две крупные работы видных советских археологов А.П. Смирнова и А.В. Збруевой, в которых интересующая нас тема исторической интерпретации материалов эпохи раннего железного века Урало-Поволжского региона рассматривается подробно. Причем если книга А.П. Смирнова воспринимается как дальнейшее развитие «Очерков» А.В. Шмидта⁵ (Смирнов, 1952, с. 61–110), то книга А.В. Збруевой уже в самом своем названии претендует как на нечто более фундаментальное (Збруева, 1952). Судя по всему, эти работы создавались независимо друг от друга, но практически на одной и той же эмпирической базе. Это те же Ананьинский, Зуевский, Луговской, Маклашеевский I, Котловский, Рёлка, Морквашинский, Скородум, Уфимский, Каракулинский могильники; Конецгорское селище, Гляденовское костыще, Пижемское, Усть-Нечкинское, Галкинское, Гремячий Ключ, Сорочьи Горы, Гроханьское, Свиногорское, Буйское, Ройский Шихан и др. городища.

Соответственно, и содержание социально-экономических дискурсов, составленных вышеуказанными авторами, практически совпадают, правда, различаясь в акцентах. **Хозяйство**⁶, по А.В. Збруевой: «... с самого начала ананьинской эпохи **земледелие** было не подсобным промыслом, не имевшим большого значения в хозяйстве, занятием женщин, а **одной из основных отраслей хозяйства**, делом мужского коллектива того или иного родового поселка. Земледелие было мотыжным, без применения сохи и без использования домашних животных... не скотоводство и не земледелие в отдельности были ведущими отраслями хозяйства ананьинцев,

а земледелие и скотоводство вместе взятые, причем земледелие, а не скотоводство определяло характер оседлости, выбор места для поселений. **Источником же существования племен являлось комплексное хозяйство** – земледелие, скотоводство, охота, рыболовство и собирательство» (Збруева, 1952, с. 48, 50); по А.П. Смирнову: «в настоящее время прекрасно выяснена **ведущая роль скотоводства**, развивающегося еще в предшествующую эпоху. Несомненно, было развито и мотыжное, **весьма примитивное земледелие**... Большую роль играла еще охота, хотя значение ее быстро шло на убыль» (Смирнов, 1952, с. 66).

Зато авторы едины во мнении о достаточно высоком уровне развития у «ананьинцев» цветной и черной металлургии, свидетельствующем о наличии у них общественного разделения труда (Смирнов, 1952, с. 66–67).

Общественный строй, по А.П. Смирнову: «... общественное разделение труда внутри общины нарушило, конечно, старые отношения в родовых группах. Этому содействовал и обмен с южными соседями, а военные столкновения с другими племенами, несомненно, привели к усилению роли вождя. Погребение вождя в ананьинском могильнике, **наличие богатых и бедных погребений** – все это достаточно ясно показывает, что род вступил в последнюю стадию своего существования. Начался распад родовых отношений» (Смирнов, 1952, с. 67); по А.В. Збруевой: «анализ погребального инвентаря ананьинских могильников позволяет говорить о **расслоении в обществе ананьинцев, что одинаково ярко выражено как в мужских, так и в женских погребениях**» (Збруева, 1952, с. 148).

Из сказанного следует, что эмпирика социальных реконструкций цитируемых авторов заключается в количественном и качественном анализе погребального инвентаря. И в данном случае здесь базовыми по-прежнему выступают Ананьинский и Зуевский могильники. Здесь также проводится группировка мужских и женских погребений по качественно-количественному составу погребального инвентаря⁷. На основании полученных результатов А.П. Смирнов (в противовес мнению А.В. Шмидта) делает вывод о сохранении социального значения женщины в условиях начавшегося патриархата (Смирнов, 1952, с. 68), а А.В. Збруева – о том, что имущественно-социальное расслоение ананьинского общества, прослеженное по мужским погребени-

ям, в равной степени отражается и в женских погребениях (Збруева, 1952, с. 159).

Хронологически А.П. Смирнов в своих «Очерках» идет дальше А.В. Шмидта и вслед за ананьинской культурой рассматривает и пьяноборскую культуру. Интересующий нас контекст обозначен автором однозначно: «Изучение материала пьяноборской культуры позволяет говорить о том, что она принадлежит тем племенам, которые населяли Прикамье в более раннюю – ананьинскую эпоху и **характеризует более позднюю стадию их истории**» (Смирнов, 1952, с. 69). А в историческом контексте, естественно, опирающемся на соответствующую эмпирическую базу – материалы Пьяноборских I и II, Ныргындинских I и II, Атамановы Кости, Вичмарского, Азелинского, Харинского, Качка могильников, Гляденовского костыща – уровень социально-экономического развития пьяноборских племен продолжал развитие форм хозяйства и общественных отношений, сформировавшихся ещё в ананьинскую эпоху. То есть в комплексном скотоводческо-земледельческо-охотничьем хозяйстве «пьяноборцев» ведущая роль по-прежнему принадлежит скотоводству, мотыжное земледелие играет подсобную роль, охота преимущественно пушная, ориентированная на обеспечение внешнего торгового обмена. В металлообработке сохраняются ананьинские производственные традиции. Одним словом, «по сравнению с предшествующим временем общий характер его (хозяйства – *авт.*) оставался тем же, но мощность хозяйства сильно возросла» (Смирнов, 1952, с. 104).

И, согласно марксистской схеме, «рост производительных сил вызвал и соответствующее углубление процесса распада первобытно-общинных отношений... Это же доказывается количеством и ценностью вещей, обнаруженных в некоторых могилах». А военная угроза со стороны сарматов могла послужить «толчком к созданию **союзов племен**, и такие союзы в Прикамье и Поволжье в первые века нашей эры действительно сложились. Доказательством этому служит широкое распространение одних и тех же частей костюма⁸ на значительной территории» (Смирнов, 1952, с. 109).

В 1957 г. выходит очередная монография А.П. Смирнова, на сей раз посвященная археологическим культурам Приуралья, бассейна р. Белой (Смирнов, 1957). Применительно к интересующему нас периоду автор основное свое внимание уделяет описанию и обоснов-

ванию выделения отдельной уфимской или кара-абызской культуры в среднем течении р. Белой, которую А.П. Смирнов трактует как локальный вариант ананьинской культуры. Этот тезис автора, как и высказанное им предположение о возможности выделения поздних кара-абызских памятников в один из вариантов пьяноборской культуры, сейчас уже относятся к области историографии, поэтому мы на них останавливаться не будем. Что же касается социально-экономической истории кара-абызских племен, то в этом вопросе А.П. Смирнов ничего нового по сравнению с носителями ананьинской и пьяноборской культур у «караабызцев» не обнаруживает. Находки костей животных на городищах Кара-Абыз и Курман-Тау не оставили у автора «сомнения в том, что скотоводство было основой хозяйства края». Земледелию у «караабызцев» автор отводит «большую роль», а охоте «какую-то важную». По находкам бронзовых литых украшений из Уфимского могильника и погребений с территории г. Уфы⁹ А.П. Смирнов делает вывод о «сравнительно высокой культуре металлургического производства» и о наличии своих мастеров («выделились кузнецы, литейщики, работавшие не только на свою общину, но и на соседние»), хотя и не столь искусных, как у «ананьинцев» (Смирнов, 1957, с. 36).

Общественные отношения у «караабызцев» А.П. Смирнов обозначает как **патриархальные, в которых «отдельная семья становится хозяйственной единицей, отношения всеобщего равенства в роде уходят в прошлое**. Материал немногочисленных могильников типа Уфимского свидетельствует об экономическом расслоении, которое закрепляется в сознании людей особым обрядом погребения знати». Применительно к рассматриваемой культуре, это воинские захоронения в Уфимском могильнике – дружинники, превращающиеся в обособленную социальную группу и владеющие большей частью военной добычи: «все это знаменовало зарождение отношений, которые в дальнейшем привели к **сложению классового общества**» (Смирнов, 1957, с. 37).

Естественно, схема социально-экономического развития населения Прикамья и Предуралья в эпоху раннего железного века, неоднократно воспроизведенная в академических дискурсах, определила содержание дискурсов научно-популярных. Поэтому в первой¹⁰ обобщающей научно-популярной книге О.Н. Бадера и В.А. Оборина, вышедшей в 1958 г. под

показательным названием «На заре истории Прикамья», каноническая схема социально-экономической истории населения региона в указанное время воспроизводится во всех её деталях. Хозяйство комплексное, основанное на подсечном земледелии¹¹, скотоводстве и охоте. У «ананьинцев» соотношение земледелия и скотоводства в хозяйстве варьировалось в зависимости от ландшафтного районирования: в Южном Прикамье, в зоне широколиственных лесов и луговых пойм роль скотоводства была преобладающей.

Четко определяется значение охоты на пушного зверя с целью добычи мехов, идущих на обмен. «Существенной частью производственной деятельности ананьинцев была очень развитая по тому времени металлургия».

Происходит переход от материнского рода к отцовскому, который завершился уже в пьяноборскую эпоху. Существенная роль женщины в общественной жизни обуславливалась значимостью женского труда в мотыжном земледелии, а проявлялась в наличии инвентаря в женских могилах, захоронениях детей именно с женщинами-матерями и находках глиняных статуэток – изображений женского божества – покровительницы домашнего очага (Бадер, Оборин, 1958, с. 99–105).

Гляденовская культура, сменившая ананьинскую в Среднем Прикамье, описывается авторами по материалам девяти костяк, которые интерпретируются ими как коллективные могильники с трупосожжениями (Смирнов, 1952, с. 114), и семи городищ и селищ. На основании этих материалов авторы рисуют типическую картину социально-экономического развития носителей гляденовской культуры: «Хозяйство гляденовских племен сохранило в основном те же формы, какие существовали в ананьинское время. Однако в связи с **появлением железного топора усиливается роль земледелия, которое окончательно переходит к подсеке как основной системе землепользования**. Железная мотыга и железный серп также способствовали увеличению продуктивности этой отрасли хозяйства... **Скотоводство продолжало развиваться, но гораздо медленнее земледелия**... Значительное место в хозяйстве занимала охота и рыбная ловля. Дальнейшее развитие получает пушная охота... Наряду с металлургией железа у гляденовцев продолжала развиваться металлургия меди и бронзы. Правда, орудия труда из меди и бронзы делаются очень редко. В основном медь

и бронза идут на производство украшений и мелких бытовых вещей» (Бадер, Оборин, 1958, с. 120–121).

Общественный строй племен гляденовской культуры развивается в сторону упрочения патриархата, чему способствовали развитие подсеки, скотоводства, пушной охоты и металлургии – сугубо мужские занятия (Бадер, Оборин, 1958, с. 123).

Социально-экономическую интерпретацию материалов пьяноборской культуры авторы проводят на основании той же самой эмпирики, что и их предшественники, для тех же самых культур Урало-Поволжья. Это орудия труда, результаты видового анализа остеологического материала, свидетельства металлургического производства, дифференциация погребений по составу погребального инвентаря – поэтому я ограничусь цитатой (хотя и пространной) из их резюме: **«Здесь можно уже уверенно говорить о победе патриархата. Экономической базой этой победы послужил подъем производительных сил за счет развития скотоводства и металлургии, давших возможность быстрее накапливать богатство в руках патриархальных семей и больше производить на обмен. Мужской труд использовался при выпасе скота и при его охране от набегов воинственных соседей. Мужчина стал хозяином больших стад. Роль женщины в хозяйстве свелась к домашним делам и воспитанию детей, что привело ее к подчиненному положению по отношению к главе семьи – мужчине. На Чегандинском могильнике богатые погребения зажиточных членов патриархального рода располагаются в центре, а погребения их бедных сородичей – с одной-двумя вещами в могиле – по краям. На самом краю могильника находятся погребения, в которых совсем нет вещей. Здесь люди похоронены по обряду, чуждому местным племенам... В этих могилах похоронены рабы, захваченные во время военных набегов на соседние племена»** (Бадер, Оборин, 1958, с. 134–135).

Таким образом, теория распада родового строя и перехода к раннеклассовым отношениям, изложенная Ф. Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», самым развернутым образом была проиллюстрирована эмпирикой археологических культур эпохи раннего железного века Урало-Поволжского региона.

Рост источниковой базы по археологии эпохи раннего железного века в Прикамье и

Приуралье в 1950–1960-е гг. (в основном за счет памятников пьяноборской и кара-абызской культур) ставил на повестку дня вопрос о более глубоком её изучении, в том числе и в контексте создания археолого-исторических дискурсов. Ибо историзм как один из основных методологических принципов советской археологии никто не отменял. И пьяноборская культура в представлении исследователей того времени давала благодатную почву для приложения этого принципа к конкретному материалу уже не в виде очерков, а в виде археолого-исторического дискурса (как это сделала А.В. Збруева).

Именно в это время на авансцену Урало-Поволжской археологии эпохи раннего железного века решительным шагом выходит молодой, по сравнению со своими предшественниками, археолог В.Ф. Генинг, один из учеников О.Н. Бадера¹², в 1958 г. защитивший кандидатскую диссертацию на тему «Пьяноборская культура на Средней Каме». А в 1962 г. на основе своей диссертации он публикует обширную статью, в которой излагает узловые на тот момент проблемы изучения этой культуры (Генинг, 1962).

И хотя основное внимание в статье было уделено полемике автора с А.П. Смирновым по поводу морфологических признаков и ареала распространения пьяноборской культуры, также были затронуты вопросы социально-экономического развития её носителей. Изученные автором материалы из 9 могильников (в общей сложности 350 погребений), 36 городищ и 57 селищ, по словам самого В.Ф. Генинга, **«впервые дают возможность более или менее обоснованно** поставить вопрос о хозяйстве пьяноборских племен» (Генинг, 1962, с. 27). Конечно, с позиций современной историографии такая формулировка звучит довольно категорично, но старшие предшественники В.Ф. Генинга в вопросе социально-экономической реконструкции эпохи раннего железного века в регионе к тому времени уже отошли от данной темы. А новые материалы, полученные автором статьи с могильников и поселений, исследованных им в низовьях р. Камы, дали ему основание внести некоторые коррективы в хозяйственную структуру племен эпохи раннего железного века региона. При том, что ведущими отраслями хозяйства пьяноборских племен В.Ф. Генинг также называет скотоводство и земледелие, а охоту и рыболовство – подспорьем, на первое место он ставит мотыжное земледелие, которое в природно-климатических условиях Прика-

мья оказывалось более продуктивным, нежели пастушеское скотоводство, ограниченное сезонными разливами рек: «трудности обеспечения скота кормами в зимнее время весьма ограничивало возможности расширения скотоводства, которое у пьяноборских племен фактически не выходило за рамки содержания домашних животных, то есть лишь необходимого минимума» (Генинг, 1962, с. 27).

Металлургия развивается и специализируется – медь и бронза идут на изготовление украшений, технология которых усложняется, а сами украшения становятся массовыми и стандартными.

Неразвитое скотоводство тормозило переход от матриархата к патриархату: «труд женщин находил свое применение также в охоте и рыбной ловле. В некоторых женских погребениях встречаются наконечники стрел.

Не исключено, как об этом свидетельствует ряд фактов из памятников послепьяноборского времени, что металлургия меди, связанная главным образом с производством украшений, находилась в руках женщин» (Генинг, 1962, с. 31).

Пьяноборские роды были небольшими по численности – 45–50 человек, но их было много, и они были сплочены «в такую организацию, которая обеспечивала постоянные мирные отношения между отдельными родовыми общинами. Такой организацией мог быть **постоянный союз этих племен**» (Генинг, 1962, с. 35).

Рассмотренная статья фактически представляла собой тезисы монографии «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху», увидевшей свет в 1970 г. Две главы указанной монографии называются, соответственно, «Хозяйство» (гл. 2) и «Общество» (гл. 3) (Генинг, 1970, с. 94–137). Сразу следует отметить, что по своей фактуре глава «Хозяйство» – это дискурс вокруг немногочисленных находок орудий земледельческого труда на пьяноборских поселениях и ландшафтно-климатических условий Нижнего Прикамья при тогдашнем низком уровне технологии кормозаготовок, исключавшем масштабное скотоводство: «в пьяноборское время при отсутствии такого орудия, как коса, заготовка кормов была, видимо, чрезвычайно трудоемким делом и на зиму невозможно было создать большие запасы его. Поэтому на зиму оставляли лишь необходимый для воспроизводства стада минимум его поголовья...» (Генинг, 1970, с. 95).

Черная металлургия продолжала развиваться (находки ям и горнов для варки железа на городище Чеганда II), но меднолитейное производство, причем из местного сырья, достигло большего развития: усложнялась технология изготовления и расширялся ассортимент медно-бронзовых украшений. Причем если железоделательное производство в силу своей трудоемкости являлось прерогативой мужчин, то меднолитейное, вероятнее всего, находилось в руках женщин (Генинг, 1970, с. 113). А поскольку, по мнению автора, во всех отраслях хозяйства пьяноборских племен женский труд применялся почти в равной мере с мужским, то «это, вероятно, обусловило то, что **патриархальные отношения в пьяноборскую эпоху не получили своего полного расцвета, и общественное положение женщины оставалось довольно высоким**». То есть, «в общественных отношениях чегандинского (пьяноборского – авт.) общества **при бесспорном господстве патриархальных отношений (? – авт.)** достаточно хорошо прослеживаются и сильные пережитки матриархата, что было обусловлено своеобразными местными условиями в развитии комплексного хозяйства, не дававшими большого преимущества ни какой-либо одной отрасли хозяйства, ни мужскому труду в основных сферах хозяйственной деятельности» (Генинг, 1970, с. 114–115).

Далее в виде пространного дискурса (хотя и не лишеной некоторой алогичности) В.Ф. Генинг на материалах могильника Чеганда II реконструирует пьяноборскую патриархальную семью. Внутри такой семьи, по его мнению, уже существовало имущественное расслоение, отразившееся в ассортименте погребального инвентаря (особенно в женских могилах)¹³ и планиграфии указанного могильника, и автор отмечает возможность «**наличия рабства, которое, правда, не имело широкого распространения и оставалось патриархальным, т. е. не представляло собой определенной системы и не играло значительной роли в производстве**» (Генинг, 1970, с. 125).

Выше было сказано, что, как считал В.Ф. Генинг, пьяноборские патриархальные семьи составляли небольшие роды по 40–50 человек, «которые, будучи генетически связанными с родами предшествующей ананьинской культурной общности, сложились в **четыре племенных союза** – чегандинский (пьяноборский – авт.), кара-абызский, гляденовский и осинский, «причем первые

два были наиболее крупными и многочисленными по населению. Образование постоянных племенных союзов было решающим шагом в переходе к новой культуре» (Генинг, 1970, с. 137), что «было первым шагом на пути сложения отдельных народностей...» (Генинг, 1970, с. 139).

Кара-абызский союз племен среди вероятных племенных объединений Прикамья и Предуралья в эпоху раннего железного века появляется не случайно: к концу 1960-х гг. выходит серия статей А.Х. Пшеничнюка, в которых автор обоснованно доказывает существование в I тыс. до н. э. в бассейне р. Белой самобытной кара-абызской культуры, не являющейся вариантом ни ананьинской, ни пьяноборской культур. И в своей монографической статье, опубликованной в 1973 г., автор, как и его предшественники, раскрывает историю «караабызцев» во всем доступном археологической эмпирике спектре её выражения. Естественно, что особый раздел своего исследования А.Х. Пшеничнюк посвящает характеристике хозяйства и общественного устройства «караабызцев».

Реконструкцию кара-абызского хозяйства автор проводит исходя из природно-географических условий ареала кара-абызских памятников, а также немногочисленных свидетельств хозяйственной деятельности носителей этой культуры, найденных на поселениях – Охлебнинском II, Биктимировском и т. н. «гафурийских» городищах. Общий вывод А.Х. Пшеничнюка: «разнообразии природных условий (наличие лесов, рек, широких пойменных долин и низких коренных террас, больших открытых участков), а также находки с поселений и могильников позволяют говорить о **ведении караабызскими племенами комплексного хозяйства, где главными отраслями были скотоводство и земледелие**» (Пшеничнюк, 1973, с. 210). В отличие от своих предшественников автор не выделяет какую-то приоритетную отрасль хозяйства, но отмечает, что, судя по остеологическим остаткам, в кара-абызском стаде преобладали животные, присущие кочевому или полукочевому скотоводству. Данное обстоятельство он относит на счет участия в генезисе кара-абызской культуры пришлого из Южного Зауралья «гафурийского» населения (Пшеничнюк, 1973, с. 212).

Кара-абызскую металлургию исследователь трактует в традиционном ключе: обилие металла в погребениях свидетельствует о высоком развитии металлургического дела

(что не удивительно для уральского населения), а многочисленность и стандартность изделий указывает на производство их в одном центре специалистами-ремесленниками, работающими на обмен (Пшеничнюк, 1973, с. 215).

Анализ материальной культуры кара-абызских могильников (Охлебнинский, Биктимировский I) приводит А.Х. Пшеничнюка к заключению о родовом характере общественного устройства «караабызцев», о наличии у них имущественного расслоения и о выраженной милитаризации мужской культуры, что было, по его мнению, обусловлено близким соседством воинственных кочевников-сарматов. А концентрация кара-абызских памятников в четырех микрорайонах по правобережью р. Белой указывает на сложение у «караабызцев» союза племен, что характерно для рассматриваемой эпохи (Пшеничнюк, 1973, с. 216–217).

Итак, к началу 1970-х гг. в археологии Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века сложился устойчивый стереотип (методологически выдержанный в соответствии с марксистской теорией общественно-экономических формаций) понимания социально-экономических процессов в регионе в рассматриваемый период. По форме это были недискуссионные (поскольку методологически выверенные) дискурсы, рисующие довольно монотонное абстрактно-поступательное восхождение племен эпохи раннего железного века региона от родового строя к раннеклассовому, до которого они так и не дошли. Но они полностью соответствовали пониманию историзма, господствовавшему тогда в советской археологии.

Отсутствие отработанной методики социально-исторических реконструкций в последующие годы привело к тому, что один и тот же исходный материал в интерпретации разных исследователей получал различные, зачастую противоположные толкования. В частности, по результатам сравнительно-статистического анализа погребальных комплексов пьяноборской и кара-абызской культур автор этих строк приходит к выводу о слабой социальной дифференциации этих обществ и о вероятности существования союзов племен только на уровне племени «пьяноборцев» и «караабызцев» (Иванов, 1984).

Несколько позже с альтернативным толкованием практически того же материала выступил Б.Б. Агеев, обнаруживший в пьяноборском обществе значительное имущественное

и социальное расслоение внутри большесемейных групп, оформленных в виде союза (конфедерации) племен, имеющих общее происхождение, язык, идеологию, территорию и находящихся на одном социально-экономическом уровне развития (Агеев, 1992, с. 86). И подобная ситуация может продолжаться до бесконечности.

Вытеснение марксизма из исторического познания и замена его постмодернистской (метаисторической) парадигмой изменили и сам принцип подхода современных исследователей эпохи раннего железного века Прикамско-Предуралья к проблеме социально-исторических реконструкций. Это либо оставление проблемы «за скобками» за счет расширения хозяйственно-экономического дискурса, значительно пополнившегося набором соответствующих артефактов¹³, либо

беспристрастные ссылки на высказанные точки зрения¹⁴ (История Удмуртии..., 2007, с. 140–152; 175–180).

Или – более оригинально – трактовка рассматриваемых археологических культур как «слабо дифференцированные эгалитарные общества» (История башкирского..., 2009, с. 221, 245).

Но вообще-то *эгалитаризм* – это порождение мелкобуржуазной морали, возникающей в обществе, обладающем **регулярным избыточным продуктом**, способном «обеспечить прожиточный уровень всех своих взрослых членов даже в том случае, если они трудились не в полную меру» (Семенов, 1992). А вот обладали ли общества «ананьинцев», «пьяноборцев» и «карабызцев» таким продуктом? Вопрос, остающийся пока без ответа.

Примечания:

¹ Нарратив – языковой акт, т.е. вербальное изложение, самодостаточное и самоценное, рассказ ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность (История философии..., 2002, с. 649).

² Дискурс это совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования (кто говорит, о чем говорит, с какой целью и для кого, какую лексику использует и т.д.), имманентная конкретной социальной, политической и культурной среде (Фуко, 2004; Филлипс, Харди, 2009; Тимошук, 2012).

³ Хотя в философском определении историзм – историческое сознание, т.е. сопровождающее всякое познание сознание того, что все является ставшим, даже духовное бытие (Философский..., 2005, с. 190).

⁴ Материалы Уфимского могильника, Уфимского (Чортова) и Кара-Абызского городищ (последнее А.В.Шмидт сам и исследовал в 1928 г.) задействованы им не были.

⁵ Она и называется соответственно.

⁶ Реконструкцию хозяйственной структуры носителей ананьинской культуры оба автора проводят по находкам (правда, немногочисленным) орудий труда и результатам анализа остеологического материала.

⁷ По материалам Ананьинского, Зуевского, Луговского и Котловского могильников А.В.Збруева выделяет семь групп мужских погребений и четыре женских (Збруева, 1952, с. 149-162).

⁸ Накосники, эполетообразные застёжки, височные подвески.

⁹ И так и оставшейся в единственном числе среди книг подобного жанра для региона Верхнего и Среднего Прикамья.

¹⁰ На это, по мнению авторов, указывают многочисленные находки топоров-кельтов и топография ананьинских поселений.

¹¹ Вместе с В.А.Обориным, Г.И.Матвеевой, Н.А.Мажитовым они под руководством О.Н.Бадера постигали азы археологической науки в Пермском (тогда Молотовском) университете.

¹² Автор выделяет пять групп погребений – от богатейших до беднейших (Генинг, 1970, с. 124).

¹³ Гл. 3. Население Удмуртии в раннем железном веке.

¹⁴ Гл. 4. Пьяноборская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.).

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. 244 с.

Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 5–52.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.

- История башкирского народа в 7-и томах. Т. 1. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. 395 с.
- История башкирского народа. Т. 2. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2012. 416 с.
- История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. / Гл. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ Уро РАН, 2007. 304 с.
- История философии. Энциклопедия / Ред.-сост. Грицанов А.А. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. 1376 с.
- Клейн Л.С. Историзм в археологии // Археологические вести. Вып. 2 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Гелла, 1993. С. 135-144.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 482 с.
- Пиеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа, 1973. С. 162–243.
- Рыбаков Б.А. Историзм археологии // КСИА. Вып. 152. М.: Наука, 1978. С. 5–7.
- Семенов Ю.И. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 31–46.
- Смирнов А.А. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. №58. Отв ред. Н. Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1957. С. 5–113.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.
- Тимоцук Е.А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». 2012. Вып. 4 (12). С. 66–73.
- Филлипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ? // Современный дискурс-анализ. 2009. Вып. 1. Т. 1. С. 49–64.
- Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2005. 576 с.
- Фуко Мишель. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
- Шмидт А.В. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // Бадер О.Н., Воеводский М.В., Дмитриев П.А., Збруева А.В., Третьяков П.Н., Шмидт А.В. Из истории родового общества на территории СССР / Известия ГАИМК. Вып. 106 / Отв. ред. Л.: Изд. ГАИМК, 1935. С. 13–96.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanyuch@inbox.ru

REFERENCES

- Ageev, V. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Bader, O. N., Oborin, V. A. 1958. *Na zare istorii Prikam'ia (At the Dawn of History of the Kama Basin)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Gening, V. F. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 4. Sverdlovsk, 5–52 (in Russian).
- Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).
- Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region during the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza (I tys. do n.e. – pervaiia polovina I tys. n.e.) (Armament and Warfare of the Finno-Ugrians from the Cis-Urals in the Early Iron Age (1st Millennium B.C. – first half of 1st Millennium A.D.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kul'sharipov, M. M. (ed.-in-chief). 2009. *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kul'sharipov, M. M. (ed.-in-chief). 2012. *Istoriia bashkirskogo naroda (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 2. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Ivanova, M. G. (ed.) 2007. *Istoriia Udmurtii: s drevneishikh vremen do XV v. (History of Udmurtia: From Antiquity to the 15th c.)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

2002. In Gritsanov, A.A. (ed.). *Istoriya filosofii. Entsiklopediya (History of philosophy. Encyclopaedia)*. Minsk: "Interservis" Publ., "Knizhnyi Dom" Publ. (in Russian).

Klein, L. S. 1993. In Masson, V. M. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 2. Saint Petersburg: "Gella" Publ., 135–144 (in Russian).

Collingwood, R. G. 1980. *Ideia istorii. Avtobiografiia (The Idea of History. An Autobiography)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Rybakov, B. A. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)* 152. Moscow: "Nauka" Publ., 5–7 (in Russian).

Semenov, Yu. I. 1992. In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* 3, 31–46 (in Russian).

Smirnov, A. A. 1957. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri (Culture of the Urals and Western Siberia ancient tribes)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 58. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 5–113 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Timoshchuk, E. A. 2012. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Filosofii. Psikhologiiia. Sotsiologiiia (Bulletin of the Perm University: Philosophy. Psychology. Sociology Series)*. 12 (4), 66–73 (in Russian).

Phillips, N., Hardy, S. 2009. In *Sovremennyy diskurs-analiz (Modern discourse analysis)* 1 (1), 49–64 (in Russian).

Gubskii, E. F., Korableva, G. V., Lutchenko, V. A. (eds.). 2005. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Philosophical Encyclopaedic Dictionary)*. Moscow: "INFRA" Publ. (in Russian).

Michel Foucault. 2004. *Arkheologiiia znaniia (Archaeology of knowledge. L'archeologie du Savoir)*. Saint Petersburg: "Gumanitarnaia kniga" publ. (in Russian).

Shmidt, A. V. 1935. In Bader, O. N., Voevodskii, M. V., Dmitriev, P. A., Zbrueva, A. V., Tretiakov, P. N., Shmidt, A. V. *Iz istorii rodovogo obshchestva na territorii SSSR (From the history of the tribal society on the territory of the USSR)*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture)*. Vol. 106. Leningrad: State Academy for the History of Material Culture, 13–96 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revoliutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗОЛОТАРЁВСКОГО ГОРОДИЩА VIII–XIII ВВ. МИХАИЛОМ РОМАНОВИЧЕМ ПОЛЕССКИХ

©2022 г. Д.С. Иконников, А.С. Соболев

Золотарёвское городище (VIII–XIII вв.) представляет собой часть большого археологического комплекса эпохи средневековья. Оно относится к группе памятников болгарского типа. В 1952, 1953, 1957, 1959, 1965, 1976 и 1977 годах памятник исследовался Михаилом Романовичем Полесских (1908–1992). Этот исследователь первым определил научный потенциал археологического памятника. М.Р. Полесских не смог при жизни обобщить результаты своих работ на Золотарёвском городище. После смерти исследователя такие попытки предпринимались Г.Н. Белорыбкиным (в 2001 и 2020 годах). Однако эта работа не была доведена до конца. До настоящего времени не существует детальной реконструкции планиграфии результатов раскопок М.Р. Полесских на территории Золотарёвского городища. В данной статье восстановлена хронология археологических работ на археологическом памятнике. В 1952, 1953 и 1957 годах М.Р. Полесских заложил ряд шурфов на территории IV сектора городища. В 1959, 1965 и 1976–77 годах были проведены масштабные раскопки на территории всех секторов памятника. Наиболее полно была исследована мысовая часть Золотарёвского городища между стрелкой мыса и первым валом. На памятнике были обнаружены следы не менее четырёх сооружений (два – в секторе IV, два – в секторе I). Все они были интерпретированы М.Р. Полесских как жилые площадки. В 1965 и 1977 годах была исследована стратиграфия двух валов. Результаты всех этих работ введены в научный оборот только частично.

Ключевые слова: археология, М.Р. Полесских, Золотарёвское городище, памятники болгарского типа, планиграфия

THE STUDY OF THE ZOLOTARYOVKA FORTIFIED SETTLEMENT OF THE VIII–XIII CENTURIES BY MIKHAIL ROMANOVICH POLESSKIKH

D.S. Ikonnikov, A.S. Sobol

Zolotaryovka fortified settlement (VIII–XIII centuries) is the part of the large archaeological complex of the Middle Ages. It belongs to the group of Bulgar type archaeological sites. In 1952, 1953, 1957, 1959, 1965, 1976 and 1977 this site was studied by Mikhail Romanovich Polesskikh (1908–1992). This researcher determined the scientific potential of the monument. M.R. Polesskikh could not generalized during his lifetime the results of his work on the Zolotaryovka settlement. After the death of the researcher G.N. Belorybkin tried to do it in 2001 and 2020. However, the this work was not completed. There is no detailed reconstruction of the planigraphy of the results of the excavations carried out by M.R. Polesskikh on the territory of the settlement. This article restores the chronology of the work at the archaeological site. In 1952, 1953 and 1957 M.R. Polesskikh excavated a number of pits on the territory of the IV sector of the fortified settlement. Wide-scale excavations were carried out on the territory of all sectors of the archaeological site in 1959, 1965 and 1976–77. The headland part of the Zolotarevka fortified settlement which is located between the spit of the cape and the first rampart was studied more detailed. Remains of four buildings were found on the archaeological site (two in sector IV, two in sector I). These were interpreted by M.R. Polesskikh as residential areas. The stratigraphy of two ramparts was studied in 1965 and 1977. The results of all these works were only partially introduced into the scientific circulation.

Keywords: archaeology, M.R. Polesskikh, Zolotaryovka fortified settlement, archaeological sites of the Bulgar type, planigraphy

Научное творчество М.Р. Полесских (1908–1992), являвшегося в 1950–1979 гг. заведующим отделом археологии Пензенского областного краеведческого музея, составило отдельный этап в истории пензенской археологии. Михаил Романович работал в различных направлениях. Он исследовал памятники

каменного века, эпохи раннего металла и Средневековья, оставив заметный след в изучении каждого исторического периода. Значение его работ ещё только предстоит оценить и изучить.

Данная статья посвящена одному из аспектов многогранной деятельности исследовате-

Рис. 1. Современный план Золотарёвского городища VIII-XIII вв. (по Белору́бкин и др., 2020, рис. 1).

Fig. 1. The present plan of the Zolotaryovka fortified settlement of the VIII–XIII centuries. (according to Belorybkin et al., 2020, fig. 1).

ля – его работам на Золотарёвском городище (VIII–XIII вв.). Результаты работ М.Р. Полесских на этом памятнике представляют тему для сравнительно масштабного исследования, которая не может быть исчерпана одной статьёй. Поэтому здесь мы ограничимся восстановлением общей хроники археологических работ и выявлением наиболее важных проблем.

Золотарёвское городище (рис. 1) является частью большого археологического комплекса, в который, кроме него, входят не менее трёх селищ. Комплекс располагается в лесу, в окрестностях посёлка Золотарёвка приблизительно в 20 км от Пензы. Городище занимает треугольный мыс между двумя крупными оврагами глубиной до 20 метров. Направление стрелки мыса – северо-восточное. Местное название одного из оврагов – Кудеяров. Общая площадь городища составляет 2,5

гектара (Белорыбкин, 1995, с. 51; 2001, с. 12). С напольной стороны городище защищено четырьмя рядами оборонительных укреплений, каждый из которых состоит из вала и рва. Оборонительные линии делят площадь городища на четыре сектора (по М.Р. Полесских – зоны). Их нумерация ведётся в направлении от стрелки мыса к напольной стороне. Археологический памятник занимает важное место в системе памятников с красно-коричневой гончарной (круговой) посудой Верхнего Посурья и Примокшанья домонгольского периода. В настоящее время в научной литературе чаще используется термин «памятники болгарского типа».

Попытка обобщить материалы работ М.Р. Полесских на Золотарёвском городище была предпринята Г.Н. Белору́бкиным в монографии «Золотарёвское поселение» (2001), где есть характеристика ряда сооружений, найден-

ных М.Р. Полесских (Белорыбкин, 2001, с. 9–11), в том числе общий план раскопок в секторе I (Белорыбкин, 2001, рис. 3). Однако в целом данных об археологических работах 1950–1970-х гг. в монографии Г.Н. Белорыбкина немного. В ряде случаев даже не указывается, в каком районе городища выявлено то или иное сооружение. В дальнейшем Г.Н. Белорыбкин (в соавторстве с Т.В. Осиповой и А.С. Соболев) возвращался к этому вопросу в статье «Планиграфия сооружений Золотарёвского городища» (2020), но она была посвящена только отдельному аспекту темы. Кроме того, малый объём работы не позволил детально остановиться на результатах работы М.Р. Полесских.

Частично материалы Золотарёвского городища были затронуты в монографии В.В. Ставицкого «Археологические изыскания М.Р. Полесских» (2008). Однако автор не преследовал цель реконструировать результаты работ на отдельных памятниках.

В целом результаты археологических работ М.Р. Полесских на Золотарёвском городище в научной литературе ещё недостаточно отражены. В то же время они представляют немалый научный интерес.

В первый раз Золотарёвское городище упоминается в отчёте М.Р. Полесских об археологических работах 1952 г. (Полесских, 1953, с. 32–34), где лаконично указывается место нахождения памятника (границы Золотарёвского и Пугачёвского лесничеств, Терновский (ныне Пензенский) район), приводится описание фортификационной системы, в частности отмечено, что «оригинальной особенностью данного городища является присутствие валов по боковым сторонам площади, граничащим с оврагами». На территории памятника в момент его обнаружения прослеживалось множество кладоскательских ям. Рядом с одной из них был заложен «контрольный раскоп» (Полесских, 1952, с. 33). В 1953 г. работы на этом шурфе были продолжены (Полесских, 1954, с. 43–45).

Местоположение «раскопа» вызывает вопросы. В отчёте 1952 г. приводится только один ориентир – 15 м от проема напольного вала. В отчёте 1957 г. место проведения работ 1952–1953 г. названо «внутренней площадкой первой зоны» (Полесских, 1957, с. 32), тогда как в 1959 г. та же территория именуется «четвёртой зоной городища» (Полесских, 1960, с. 63). Из этого становится ясно, что в 1952–1957 гг. М.Р. Полесских нумеровал зоны (секторы) городища не от стрелки мыса, а от

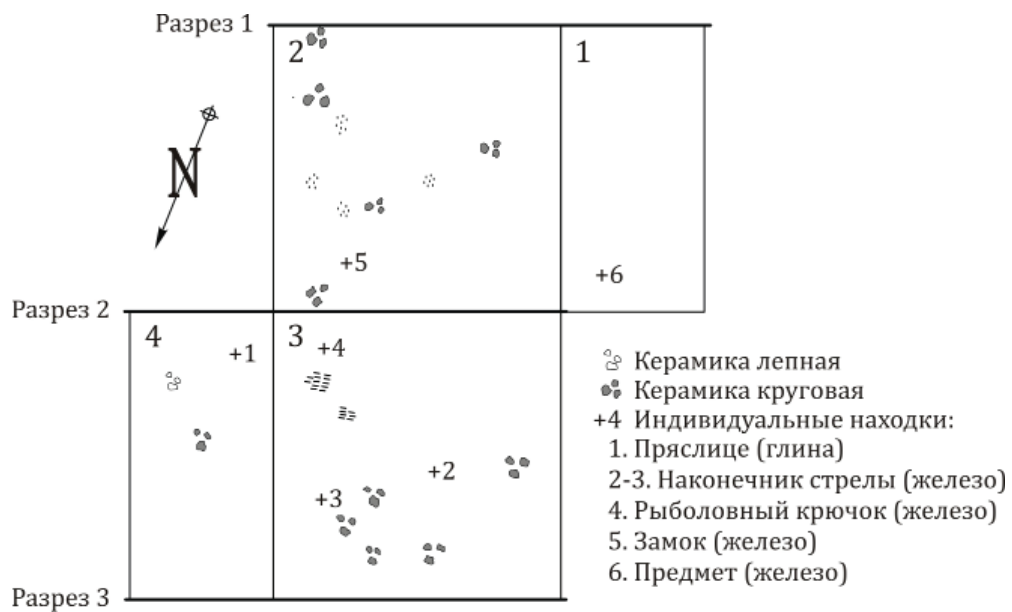
внешнего вала, и только в 1959 г. он пришёл к окончательной номенклатуре.

Таким образом, работы М.Р. Полесских в 1952, 1953 и 1957 г. проводились на территории IV сектора (Полесских, 1953, 1954, 1957). Наиболее масштабными были работы 1957 г. Если в 1952–1953 гг. раскопы велись ближе к центральной части зоны, в окрестностях просёлочной дороги, проходящей через мыс, то в 1957 г. раскоп-шурф площадью 3 м² был заложен в юго-восточном углу того же сектора (рис. 2). Шурф имел характерную S-образную форму, что было связано с соседством многолетних деревьев с развитой корневой системой (Полесских, 1957, с. 32). В ходе раскопок были встречены многочисленные фрагменты круговой керамики (преобладали красные и коричневые тона), три фрагмента лепной керамики и некоторые индивидуальные находки: пряслице, два наконечника стрел, нож, замок, скульгама и рыболовный крючок. Интересными находками были скопления обугленного зерна (Полесских, 1957, с. 33–35).

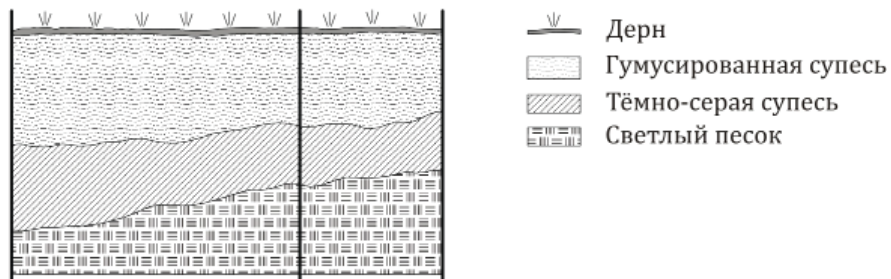
М.Р. Полесских в целом считал культурный слой городища сравнительно однородным и преимущественно соотносил его с прослойкой тёмно-серой супеси, в которой массово встречались керамика, древесный уголь и обугленное зерно (Полесских, 1953, с. 33; Полесских, 1957, с. 32). Однако наличие прослоек более светлой супеси местами создавало «видимость двух слоев» (Полесских, 1957, с. 32).

Однако отказаться от идеи двухслойности культурных напластований на Золотарёвском городище М.Р. Полесских, по-видимому, заставила зачистка профиля кладоскательской траншеи в секторе III в 1957 г. В материалах к отчёту (Полесских, 1957) сохранилась схема, нарисованная от руки, благодаря которой мы можем установить приблизительное местоположение этой траншеи (рис. 3). Она находилась в III секторе, почти примыкая к III валу. На схеме указанный вал называется вторым, так как до 1959 г. М.Р. Полесских нумеровал оборонительные линии не так, как в дальнейшем. Расстояние между траншеей и боковым валом составляло около 9,5 м. Общая длина траншеи нигде не указывается. Очевидно, она составляла 15–20 м. При зачистке траншеи было обнаружено, что слой тёмно-серой супеси на данном участке монолитен и не имеет более светлых прослоек. Кроме того, он начинается практически от уровня дёрна (рис. 4).

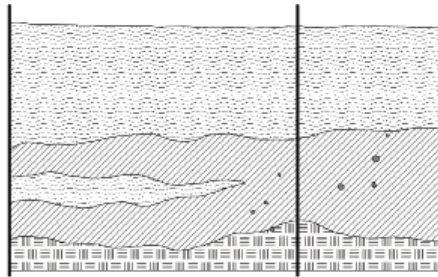
Археологические раскопы 1959 г. представляли собой логическое продолжение работ 1957 г. В первую очередь был исследован юго-

Разрез 1. Южная стенка шурфа. Вид с севера

Разрез 2. Средняя часть шурфа. Вид с севера

Разрез 3. Средняя стенка шурфа. Вид с юга

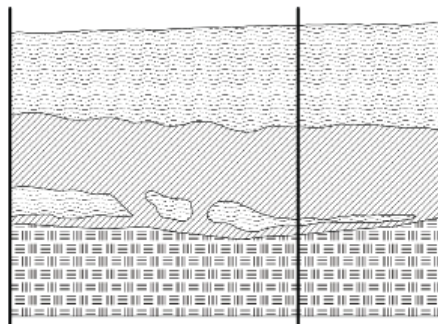

Рис. 2. Шурф в юго-восточном углу сектора IV Золотарёвского городища, археологические разведки 1957 года (по Полесских, 1957).

Fig. 2. The pit in the south-eastern part of sector IV of the Zolotaryovka fortified settlement, archaeological exploration in 1957 (according to Poleskikh, 1957).

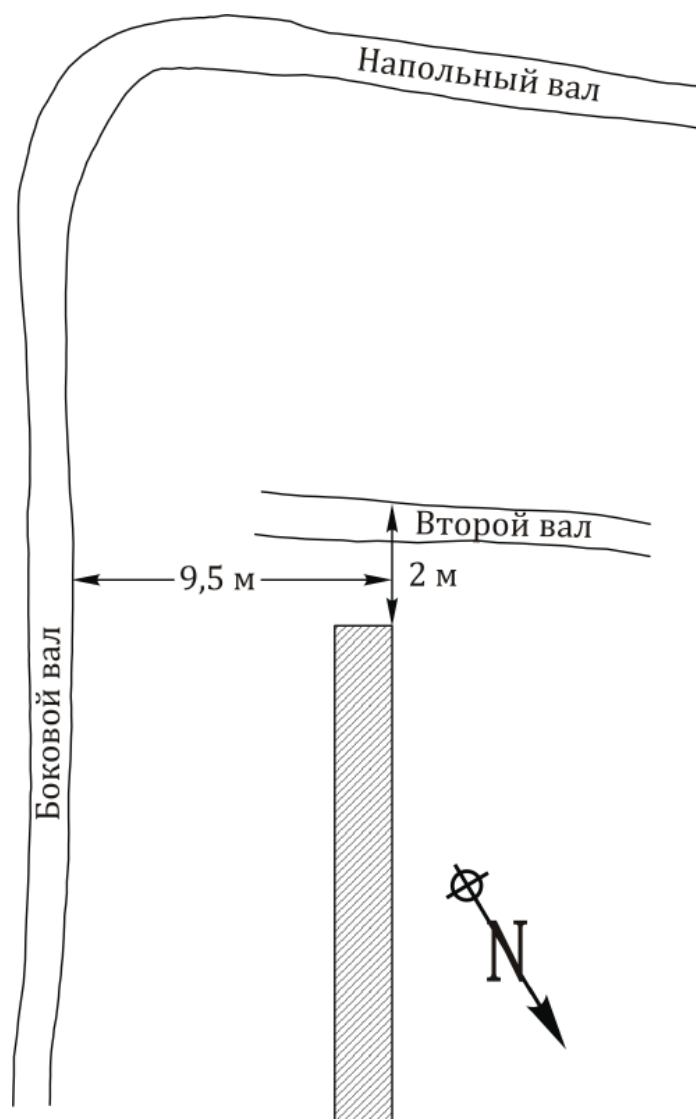

Рис. 3. Место расположения кладоискательской траншеи, исследованной в 1957 году (по Полесских, 1957).
Fig. 3 Location of the treasure-hunting trench, explored in 1957 (according to Polesskikh, 1957).

восточный угол сектора IV, где до этого располагался шурф 1957 г. Границы нового раскопа соприкасались с границами шурфа (Полесских, 1960, с. 65), однако не вполне ясна зона контакта. Общая площадь раскопа № 1 составила 94 м² (Полесских, 1960, с. 63). На общем плане (рис. 5) раскоп как бы распадался на две части. Большая часть занимала восточное и северо-восточное положение, меньшая – юго-западное. Находки преимущественно были представлены керамикой (преобладала круговая), костями домашних животных, древесным углем и обугленным зерном культурных растений. Среди индивидуальных находок преобладали пряслица (Полесских, 1960, с. 65), были также встречены некоторые железные предметы (Полесских, 1960, с. 69) и два хорошо сохранившихся серебряных височных кольца (Полесских, 1960, с. 70). Кроме того, в

северо-восточной части раскопа идентифицированы фрагменты черепа человека. Палеоботанические и палеозоологические материалы в дальнейшем были переданы для исследования (Полесских, 1960, с. 67).

На территории раскопа № 1 было обнаружено два сооружения, которые автор раскопок называл жилыми площадками. Первое располагалось в юго-западной части раскопа № 1, второе – в северо-восточном углу. Очертания обоих сооружений заметно варьировали на различной глубине, поэтому их форма и конструкция не вполне ясны. При исследовании жилой площадки № 1 были обнаружены следы древесины, и М.Р. Полесских предполагал, что речь должна идти о какой-то деревянной конструкции, возможно, о шалаше (Полесских, 1960, с. 65).

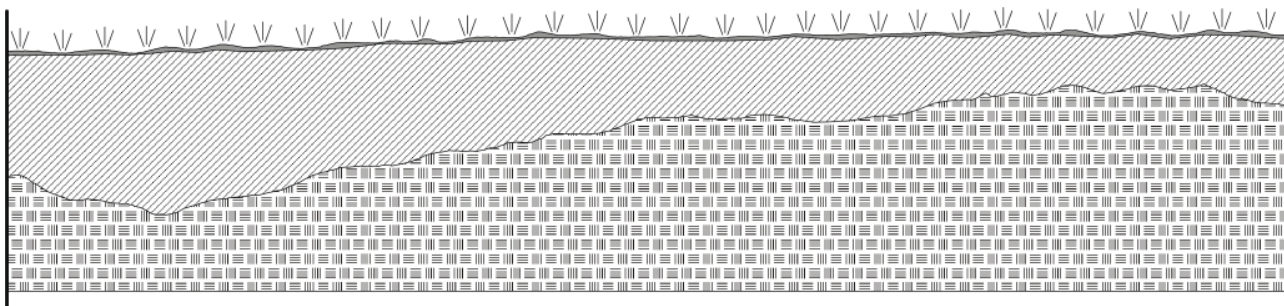

Рис. 4. Стратиграфия кладоискательской траншеи, исследованной в 1957 году (по Полесских, 1957).

Условные обозначения аналогичны рис. 2

Fig. 4. Stratigraphy of the treasure-hunting trench, explored in 1957 (according to Poleskikh, 1957).

Symbols are similar to fig. 2

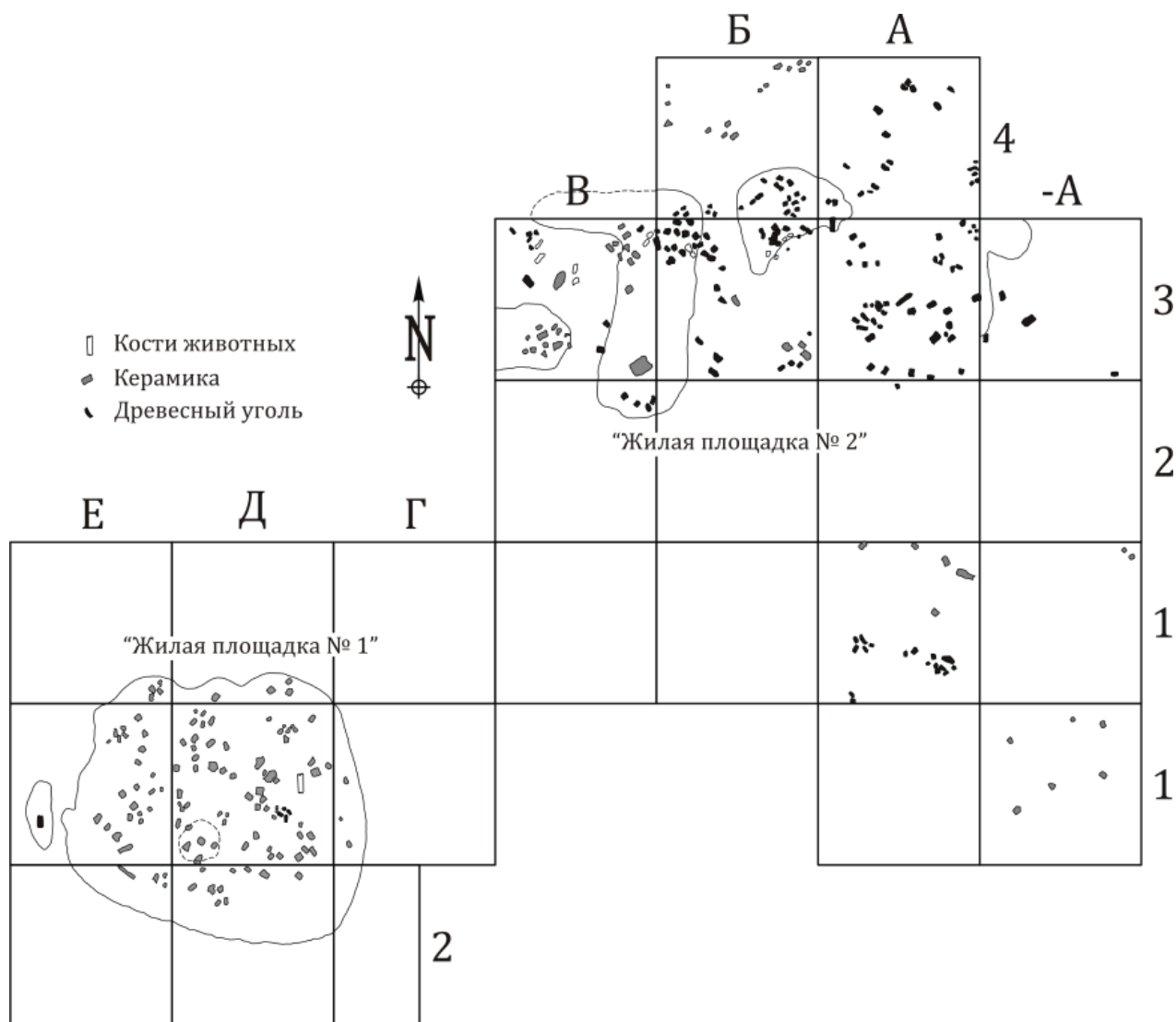

Рис. 5. Раскоп в юго-восточном углу сектора IV Золотарёвского городища на уровне III штыка, археологические раскопки 1959 года (по Полесских, 1960).

Fig. 5. The excavation in the southeastern part of sector IV of the Zolotaryovka fortified settlement at the level of the 3 layer, archaeological excavations in 1959 (according to: Poleskikh, 1960).

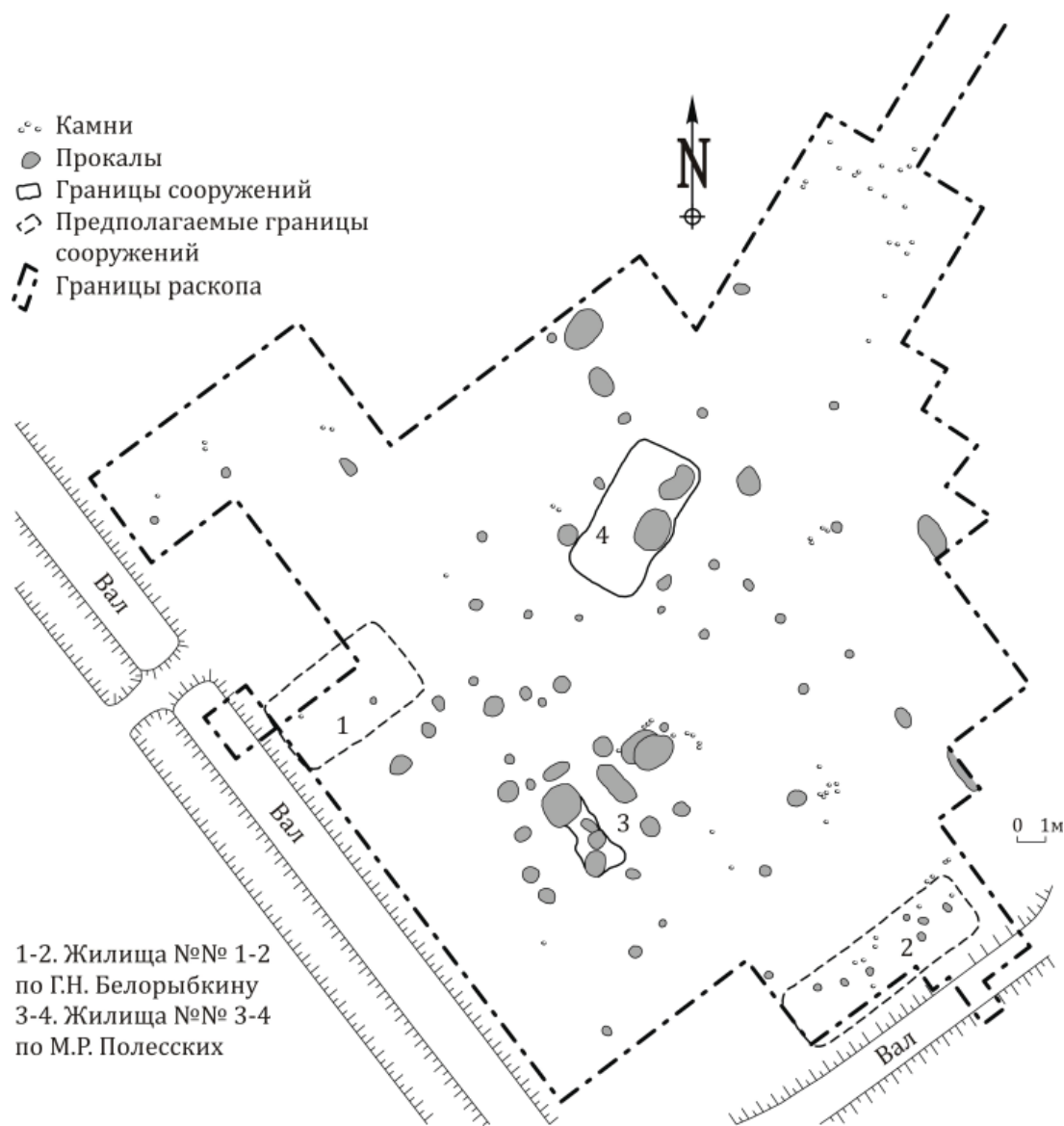

Рис. 6. Планиграфия результатов археологических работ М.Р. Полесских 1965, 1976 и 1977 годов на территории сектора I Золотарёвского городища по Г.Н. Белорыбкину (по Белорыбкин, 2001, рис. 3).

Fig. 6. Planigraphy of the results of archaeological work 1965, 1976 and 1977 by M.R. Poleskiy on the territory of sector I of the Zolotar'yovka fortified settlement according to G.N. Belorybkin (2001, fig. 3).

В том же году в секторе IV от внутреннего края вала IV до рва III была заложена траншея, проходившая параллельно современной просёлочной дороге. Материал, встреченный в её заполнении, был сравнительно беден (Полесских, 1960, с. 66).

Большая часть раскопок, проходивших на памятнике в 1965, 1976 и 1977 гг. представляет собой единый комплекс работ на территории I сектора (рис. 6). Раскоп № 1 был заложен в 1965 г. в юго-восточной части I сектора городища (Полесских, 1965, с. 1). Его площадь тяготела к углу, образованному боковым и I валами, и составляла 208 м² (52 квадрата 2×2 м) (Полесских, 1965, с. 1–17). Кроме того, от середины северо-восточной стенки раскопа в направлении стрелки мыса была проведена

разведочная траншея шириной 1 м, вытянутая с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Длина траншеи превышала 40 м (Полесских, 1965, с. 17–25). В 1976 г. к раскопу № 1 были проведены прирезки общей площадью 248 м² (Ставицкий, 2008, с. 159). Основная прирезка примыкала к северо-восточной стенке раскопа 1965 г., восточнее траншеи. Сравнительно небольшая Г-образная прирезка контактировала с северным углом того же раскопа. Кроме того, была частично расширена траншея (Полесских, 1978, рис. 1). Общая площадь прирезок, осуществлённых в 1977 г., составила около 220 м² (Полесских, 1978, с. 3–22). Точнее определить их площадь трудно, так как не все квадраты имели стандартные форму и размеры. В целом за три полевых сезона была

изучена третья часть сектора I. Приблизительная реконструкция планиграфии результатов раскопок была выполнена Г.Н. Белорыбкиным в 2001 г. (Белорыбкин, 2001, рис. 3).

На территории раскопа № 1 в секторе I были обнаружены два сооружения. Оба были найдены в 1965 г. Первое (жилище № 3 по М.Р. Полесских), обнаруженное в квадратах № 27–28, автор раскопок интерпретировал как «...площадку жилья, по краям которого явно заметны ямки от столбиков (кольев, жердей), стоявших, по-видимому, вертикально» (Полесских, 1965, с. 12). Г.Н. Белорыбкин считал эту конструкцию амбаром (Белорыбкин, 2001, с. 15).

Второе сооружение (жилище № 4 по М.Р. Полесских) было открыто в начальной части траншеи, недалеко от места её сближения с раскопом № 1 (квадраты № 1, 1а, 2, 2а, 3 и 3а) (Полесских, 1965, с. 19). Очевидно, траншея преднамеренно расширялась в этом районе и квадраты № 1а, 2а и 3а представляли собой прирезку. Размеры сооружения вызывают ряд вопросов. Согласно данным отчёта, ширина траншеи составляла 1 м, тогда как размеры очажного пятна в квадрате № 1 составляют 1,8×0,9 м, в квадрате № 2 – 2×1 м, в квадрате № 3 – 1,8×1 м (Полесских, 1965, с. 17–18). Налицо явная ошибка: либо неверно указана ширина траншеи, либо диаметры очажных пятен машинально умножены на два из-за разности в величине квадратов траншеи и раскопа. Последнее предположение выглядит более правдоподобным, так как при ширине 2 м, длина траншеи, состоящей из сорока квадратов (Полесских, 1965, с. 17–25), должна была составлять 80 м, что превышает всю ширину сектора I в любом направлении.

Примечательно, что в статье «Исследование памятников типа Золотаревского городища» (1971) М.Р. Полесских повторяет свою ошибку. В тексте он указывает размеры жилища № 4 – 3×1,7 м, тогда как на схеме из той же статьи длина сооружения составляет свыше 6 м (Полесских, 1971, с. 205, рис. 3: 3). Сомнительна также ориентировка сооружения. На той же схеме два больших очажных пятна локализируются в северной части сооружения, тогда как по данным отчёта, два наиболее крупных очажных пятна локализируются в квадратах № 1 и 2 (Полесских, 1965, с. 17–18), которые должны были занимать наиболее близкое к основному раскопу, т. е. наиболее южное, положение.

Таким образом, реконструкция планиграфии результатов археологических раскопов

на территории I сектора Золотарёвского городища – задача ещё не решённая и требующая дополнительной работы.

В 1965 г. работы проводились не только на территории сектора I (рис. 7). Раскоп № 2 размерами 2×10 м, по форме напоминающий траншею, был заложен в юго-восточном углу сектора II. Раскоп был сориентирован параллельно боковому валу, то есть, вытянут с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Культурный слой, представленный гумусированной супесью, имел толщину от 10–12 до 40 см, материалы были представлены красно-коричневой круговой керамикой, костями животных и глиняным грузиком конической формы. В квадратах № 4, 5 обнаружено очажное пятно размерами 0,8×0,6 м (Полесских, 1965, с. 25–26).

В том же году в юго-восточном углу сектора III был заложен раскоп № 3 общей площадью 56 м² (14 квадратов). Археологические находки здесь были представлены керамикой, углем, редкими железными и бронзовыми находками. Особенно много было скоплений обугленного зерна. На исследованной площади были найдены следы сооружений – предположительно двух очагов и остатки зерновой ямы (Полесских, 1965, с. 26–28).

Тогда же были заложены два шурфа, по размерам сопоставимые с небольшими раскопами. Первый из них площадью 20 м² располагался в секторе III, недалеко от проезда через III напольный вал. Археологические материалы были представлены керамикой, костями животных, некоторыми металлическими изделиями (фрагмент замка, пряжка), а также украшениями, в том числе бусиной и геральдическими накладками (Полесских, 1965, с. 29). Ещё один шурф, располагавшийся в северной части IV сектора, очевидно, недалеко от угла, образованного IV и III напольными валами, имел площадь 12 м² (три квадрата). Находки были не очень выразительны (преимущественно керамика и кости животных, а также фрагмент рыболовного крючка), мощность культурного слоя редко превышала 20 см. Район выглядел малоперспективным для дальнейших работ (Полесских, 1965, с. 29).

Кроме того, в 1965 г. был выполнен разрез I напольного вала (между секторами I и II), причём М.Р. Полесских дал достаточно подробное описание его стратиграфии (Полесских, 1965, с. 31–32).

Кроме того, ряд новых раскопов был заложен в 1977 г. В частности, был осуществлён

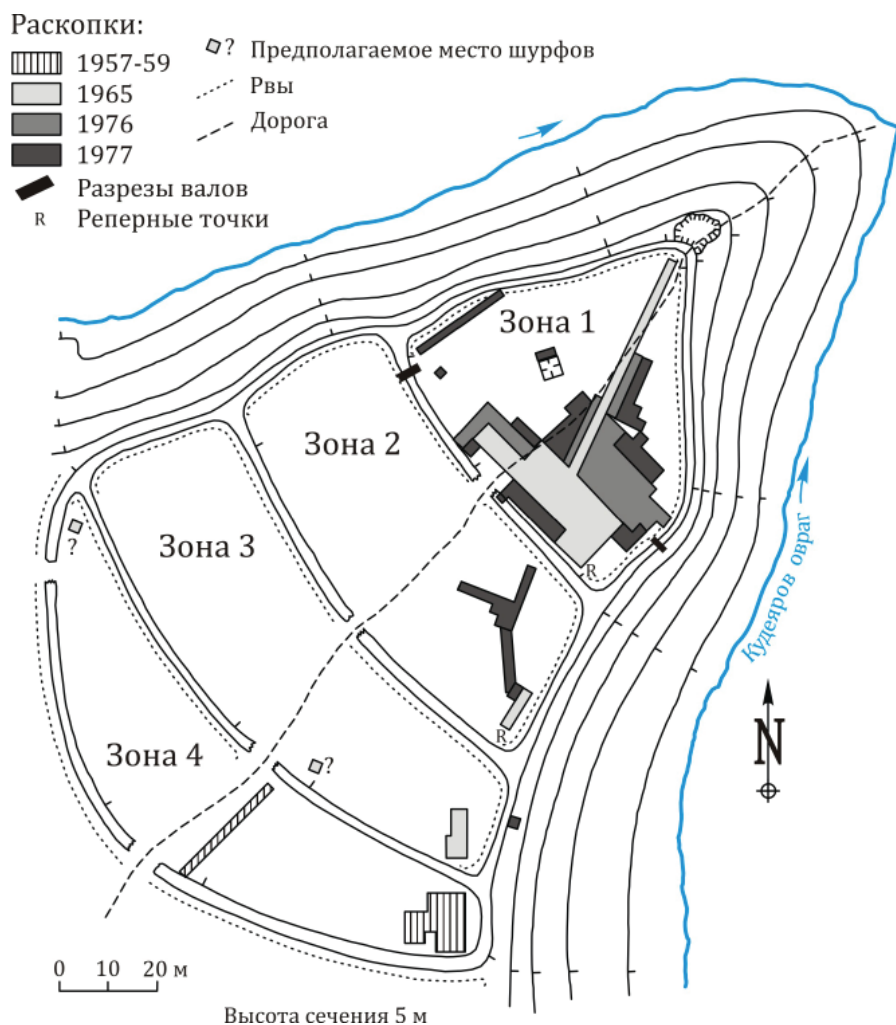

Рис. 7. Схема расположения основных раскопок М.Р. Полесских на территории Золотарёвского городища (по Полесских, 1978, рис. 1).

Fig. 7. Location scheme of the main excavations by M.R. Polesskikh on the territory of the Zolotaryovka fortified settlement (according to Polesskikh, 1978, fig. 1).

разрез бокового вала в I секторе городища. Данный разрез контактировал с основным раскопом № 1 и был отнесён к нему. Ширина разреза составляла 1 м, он был сделан на расстоянии около 16–18 м от угла, образованного боковым и I валами. На площадке, примыкавшей к разрезу с внутренней стороны, были обнаружены универсальный топор, фрагмент замка, несколько наконечников стрел (Полесских, 1978, с. 12–13).

Фактически самостоятельным шурфом были квадраты № 156 и 157. Они были заложены в центральной части сектора I по краю большой прямоугольной ямы (4×4,5 м), по-видимому, оставленной кладоискателями. Находки в небольшом шурфе преимущественно были представлены керамикой, как средневековой, так и городищной, встречены также пряслице, железная пластина и кости животных (Полесских, 1978, с. 21–22).

К раскопу № 1 М.Р. Полесских также отнёс траншею, заложённую в западной части секто-

ра I, хотя она и не контактировала с основной площадью раскопа. Траншея представляла собой непрерывную цепь из десяти квадратов (№ 158–167), вытянутую с юго-запада на северо-восток (Полесских, 1978, рис. 1; 6). Очевидно, общие размеры траншеи составляли 2×20 м. Сам М.Р. Полесских указывает размеры 2×10 м (Полесских, 1978, с. 23), но это явная опечатка. Мощность культурного слоя на исследованном участке составляла 25–35 см, находки были представлены преимущественно керамикой и костями животных. По мнению М.Р. Полесских, насыщенность культурного слоя здесь была слабее, чем в восточной части I сектора (Полесских, 1978, с. 23–24). В том же году была предпринята зачистка кладоискательских ям в районе стрелки мыса (Полесских, 1978, с. 24–25).

Последние сравнительно масштабные археологические работы на памятнике были проведены М.Р. Полесских в секторе II, где в 1977 г. был заложён раскоп № 2, который

являлся прямым продолжением раскопа № 2 1965 г. (Полесских, 1978, с. 25). Новая прирезка состояла из 12 квадратов (48 м²) № 6–17, траншеи шириной 1 м и длиной 18 м, состоящей из девяти полуквадратов № 18–26 (по 2 м² каждый) и соединявшей раскопы 1977 и 1965 гг., и двух квадратов (№ 27–28), прирезанных к старому раскопу в месте его контакта с траншеей. Находки в основном были представлены керамикой, костями животных и редкими металлическими предметами. Иногда встречались куски железного шлака (Полесских, 1978, с. 25–28).

Кроме того, на склоне Кудеярова оврага, за пределами площадки городища, с внешней стороны бокового вала напротив сектора III был заложен шурф размерами 1,8×2,5 м, в котором было обнаружено несколько металлических предметов (Полесских, 1978, с. 28).

Таким образом, раскопки, которые были проведены М.Р. Полесских на Золотарёвском городище, были достаточно масштабны и дали обширный археологический материал. Скрупулёзное исследование этого материала и введение его в научный оборот является весьма актуальной научной задачей, которая в настоящее время далека от разрешения.

Выводы

Авторами статьи была предпринята попытка восстановить основную хронологию археологических работ М.Р. Полесских на территории Золотарёвского городища. В 1952, 1953 и 1957 гг. им проводились разведочные исследования и закладка шурфов на территории памятника. С 1959 г. начались раскопки, продолженные в 1965, 1976 и 1977 гг. За время этих работ была в той или иной степени исследована территория всех секторов городища. Особенно масштабными были раскопки на территории I сектора, в мысовой части поселения. Планиграфия результатов всех археологических работ ещё до конца не реконструирована.

М.Р. Полесских был первым, кто по-настоящему оценил и наглядно продемонстрировал научный потенциал Золотарёвского городища. К сожалению, обстоятельства не позволили исследователю в полной мере ввести в научный оборот материалы этого памятника. Частично, но далеко не до конца эта работа была выполнена Г.Н. Белорыбкиным в монографии «Золотарёвское поселение» и ряде статей. Результаты работ М.Р. Полесских на городище ещё предстоит изучить во всех деталях.

ЛИТЕРАТУРА

- Белорыбкин Г.Н.* Городища X-XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (Материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья / Отв. ред. А.С. Касимов. Пенза: ПГПУ, 1995. С. 41–61.
- Белорыбкин Г.Н.* Золотарёвское поселение. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 197 с.
- Белорыбкин Г.Н., Осипова Т.В., Соболев А.С.* Планиграфия сооружений Золотарёвского городища // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 159–169.
- Полесских М.Р.* Отчёт об археологических разведках 1952 года в Пензенской области // РФ ПГКМ. 645/3. Пенза, 1953. 44 с.
- Полесских М.Р.* Отчёт об археологических исследованиях в Пензенской области в 1953 г. // РФ ПГКМ. № 106. Пенза, 1954. 28 с.
- Полесских М.Р.* Отчёт об археологических исследованиях 1957 года в Пензенской области // РФ ПГКМ. № 277. Пенза, 1957. 35 с.
- Полесских М.Р.* Отчёт об археологических раскопках и разведках 1959 года в Пензенской области // РФ ПГКМ. № 325. Пенза, 1960. 83 с.
- Полесских М.Р.* Отчёт об археологических исследованиях в Пензенской области за 1965 год // РФ ПГКМ. № 645/5. Пенза, 1965. 54 с.
- Полесских М.Р.* Исследования памятников типа Золотарёвского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 202–216
- Полесских М.Р.* Отчёт об археологических исследованиях в Пензенской области в 1977 году // РФ ПГКМ. № 645/15. Пенза, 1978. 38 с.
- Ставицкий В.В.* Археологические изыскания М.Р. Полесских. Пенза: ПГКМ, 2008. 176 с.

Информация об авторах:

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией Медицинского института, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); ikonnikof-ds@mail.ru

Соболь Ариэль Станиславович, аспирант кафедры «Всеобщая история и обществознание» Историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); специалист по экспозиционно-выставочной деятельности, хранитель фонда археологии, Отдел дореволюционной истории, Пензенский государственный краеведческий музей (г. Пенза, Россия); RedlionR@yandex.ru

REFERENCES

Belorybkin, G. N. 1995. In Kasimov, A. S.(ed.). *Stranitsy istorii Volgo-Don'ya (Pages of the History of the Volga-Don Region)*. Penza: Penza State Pedagogical University Publ., 41–61 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevka settlement)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Belorybkin, G. N., Osipova, T. V., Sobol, A. S. 2020. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 34 (4), 159–169 (in Russian).

Polesskikh, M.R. 1953. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh 1952 goda v Penzenskoy oblasti (Report on archaeological exploration in 1952 in the Penza region)*. Hand-Whritten Fund of the Penza State Museum of Local Lore. Dossier 645/3. Penza (in Russian).

Polesskikh, M.R. 1954. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoy oblasti v 1953 g. (Report on archaeological investigation in the Penza region in 1953)*. Hand-Whritten Fund of the Penza State Museum of Local Lore. Dossier 106. Penza (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1957. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1957 goda v Penzenskoy oblasti (Report on archaeological investigation in 1957 in the Penza region)*. Hand-Whritten Fund of the Penza State Museum of Local Lore. Dossier 277. Penza (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1960. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh i razvedkakh 1959 goda v Penzenskoy oblasti (Report on archaeological excavations and exploration in 1959 in the Penza region)*. Hand-Whritten Fund of the Penza State Museum of Local Lore. Dossier 325. Penza (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1965. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoy oblasti za 1965 god (Report on archaeological investigation in the Penza region for 1965)*. Hand-Whritten Fund of the Penza State Museum of Local Lore. Dossier 645/5 Penza (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 202–216 (in Russian).

Polesskikh, M.R. 1978. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoy oblasti v 1977 godu (Report on archaeological investigation in the Penza region in 1977)*. Hand-Whritten Fund of the Penza State Museum of Local Lore. Dossier 645/15. Penza (in Russian).

Stavitskiy, V.V. 2008. *Arkheologicheskiye izyskaniya M.R. Polesskikh (Archaeological researches by M.R. Polesskikh)* Penza: Penza State Museum of Local Lore (in Russian).

About the Authors:

Ikonnikov Dmitry S. Candidate of Historical Sciences. Penza State University. Lermontova St., 3, Penza, 440000, Russian Federation; ikonnikof-ds@mail.ru

Sobol Ariel S. Penza State University, Krasnaya St. 40, Penza, 440026, Russian Federation; Penza State Museum of Local Lore, Krasnaya St. 73, Penza, 440000, Russian Federation; arielwww@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.151.163>

БУСЫ ГЛЯДЕНОВСКОГО КОСТИЩА (МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК 2003-2006 ГГ.)¹

© 2022 г. С.Н. Коренюк, М.К. Мингалева

В статье приведены результаты анализа бус, найденных при раскопках Гляденовского костыща в 2003-2006 гг. Гляденовское городище-костыще (VI в. до н.э. - V в. н.э.) крупный культовый центр эпохи раннего железного века на территории Прикамья. Всего в указанные годы было найдено 842 бусины. В таком объёме этот материал представлен впервые. Анализ бус включает морфо-технологическое описание. Комплекс бус разделен на категории на основе ряда схожих приоритетных признаков. Выделено пять категорий бус: бусы из металла, бусы с металлической прокладкой, одноцветные стеклянные бусы, египетский фаянс и полихромные бусы. Преобладают «золотостеклянные» бусы с металлической прокладкой. Из полихромных большинство синих глазчатых бус. На основе аналогий с бусами других регионов выделены хронологические маркеры.

Ключевые слова: археология, Прикамье, ранний железный век, гляденовское городище-костыще, бусы.

THE BEADS FOUND ON THE GLYADENOVO SANCTUARY DURING THE 2003-2006 EXCAVATION PERIOD²

S.N. Korenyuk, M.K. Mingaleva

The article presents the results of the analysis of the beads found on the Glyadenovo sanctuary during the 2003-2006 excavation period. Glyadenovo hillfort and sanctuary archaeology site (VI century BC – V century AD) is a large cult center of the Early Iron Age in the Kama region. Total number consists of 842 beads. These beads are presented in such amount for the first time. The analysis includes a morpho-technological description of the beads. The beads are divided into categories based on a number of similar priority features. There are five categories of beads: metal beads, beads with metal foil, monochrome glass beads, Egyptian faience and polychrome glass beads. "Gold-glass" beads with a metal foil predominate. Blue beads with a décor like eyes predominate for polychromes beads. The chronological markers are identified on the basis of analogies with the beads from other regions.

Keywords: archaeology, Kama region, Early Iron Age, the Glyadenovo hillfort and sanctuary, beads.

Гляденовское городище-костыще находится в 2 км к западу от д. Малое Савино Пермского района Пермского края. Памятник расположен на высоком длинном мысу коренного берега р. Камы. Костыще, которое является крупным святилищем раннего железного века, расположено на площадке ананьинского городища, функционировавшего здесь с VI в. до н. э. Расцвет святилища относится к рубежу эр и к первым векам нашей эры, а первые его комплексы относятся к позднеананьинскому времени (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2021, с. 18). В V в. н. э. оно перестаёт функционировать (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2021, с. 24). Планиграфически костыще разделяется на центральную часть,

которую исследовал Н.Н. Новокрещенных, на отдельные локальные комплексы с культовыми объектами по периметру и инфраструктурные зоны: металлургические площадки и места для содержания жертвенных животных (Коренюк, Перескоков, 2017).

Первое натурное обследование на костыще провели С.И. Сергеев и И.Н. Глушков по заданию Пермской ученой архивной комиссии в 1896 г. В результате их работ были выявлены кости, наконечники стрел, три обожжённых стеклянных бусины и одна бронзовая бусина (Новокрещенных, 1901, с. 109) С.И. Сергеев, «не имея ни времени, ни возможности», не стал проводить дальнейшее исследование костыща, но заинтересовал этим открытием

¹ Работа выполнена за счёт Гранта РФФИ №19-78-10050 «Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов в Приуралье: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде», руководитель проекта: Перескоков Михаил Львович.

² The work was carried out at the expense of the RNF grant No. 19-78-10050 "The Early Iron Age and the epoch of the Migration Period in the Urals: adaptation, migration and cultural transformation in a changing natural environment", project manager: Mikhail Lvovich Pereskokov.

Н.Н. Новокрещенных, который и провел на памятнике первые масштабные раскопки в 1896 и 1897 гг. (Спицын, 1901, с. 230). Была вскрыта площадь в 170 кв. саженей. В ходе этих раскопок был собран многочисленный и разнообразный вещевой материал, среди которого преобладали бусы. Н.Н. Новокрещенных разделил все бусы на три категории: бусы бронзовые; золоченые и желтые; синие, цветные и глазчатые. Бронзовых бус было найдено 2479 штук. Больше всего было найдено бус второй категории: «*Всех золоченых и желтого стекла (подделка под золоченые) бус... 10578 штук...*». Всех других видов бус найдено всего 492 штуки, «*не считая ломы и горелых, а отчасти и растащенных рабочими*» (Новокрещенных, 1914, с. 90, 91). Таким образом, всего при первых раскопках Гляденовского костыща было учтено 13549 бус. Масштабные раскопки Н.Н. Новокрещенных дали повод на протяжении многих лет считать памятник полностью исчерпанным. И лишь спустя почти сто лет его исследования вновь возобновились. Регулярные раскопки памятника продолжают по сей день и дают новые материалы, позволяющие уточнить его хронологию и планиграфию. Результаты более чем 120-летних исследований представлены в сборнике научных статей «Гляденовское городище-костыще в контексте культур раннего железного века и эпохи великого переселения народов лесной полосы Евразии» (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2021, с. 8–77).

Всего за период новейших исследований памятника было исследовано 2517,4 кв. м, а вместе с раскопками Н.Н. Новокрещенных – 3291,4 кв. м. Стоит отметить, что все современные вместе взятые раскопки по количеству найденных бус (1798) не превосходят исследования Н.Н. Новокрещенных. Изменилось и соотношение бус к остальным находкам: если у Н.Н. Новокрещенных бусы – это самая массовая категория находок, то в новейших исследованиях это не так, исключением являются раскопки 2001 и 2004 гг.

Целью нашей статьи является анализ бус из раскопок С.Н. Коренюка 2003–2006 гг. Анализ проводился визуальным методом с помощью микроскопа. Морфологические признаки включают в себя категории материала, формы, размера, цвета, прозрачности, декора. Определение технологии изготовления основано на анализе признаков, которые предложены З.Л. Львовой (Львова, 1979; 1980).

В таком объеме и качестве этот бусинный материал вводится в научный оборот впервые.

Некоторые типы бус из материалов 2003–2004 гг. были представлены краткими тезисами (Коренюк, Чуйкина, 2005). Также предварительные результаты работы с анализируемым материалом были представлены авторами статьи в кратком устном докладе на полевым симпозиуме, посвященном 120-летию изучения Гляденовского костыща.

Количество найденных бус в указанные годы раскопок распределилось следующим образом: 2003 – 38; 2004 – 737; 2005 – 27; 2006 – 40. Общее количество анализируемых бус – 842 экземпляра, из них 14 представлены фрагментами, по которым в большинстве случаев невозможно провести анализ. Стоит также отметить достаточно большой процент бус плохой сохранности – 17% (144 экз.). У металлических бус (78 экз.) это проявляется коррозией, а среди стеклянных (66 экз.) это преимущественно бусы с металлической прокладкой, у которых частично или полностью утрачен верхний защитный слой стекла, иногда вместе с фольгой, а также оплавленные и деформированные бусы.

В представленной коллекции преобладают бусы из стекла, при этом больше половины из них составляют бусы с металлической прокладкой, так называемые «золотостеклянные» и «серебростеклянные». Есть категория бус, в которых визуально наличие фольги не определяется, но они светятся золотистым блеском, возможно, это связано со свойствами стекла или каким-то особым способом золочения. Таких бус мы выделили 69 экз. (8,2% от общего количества).

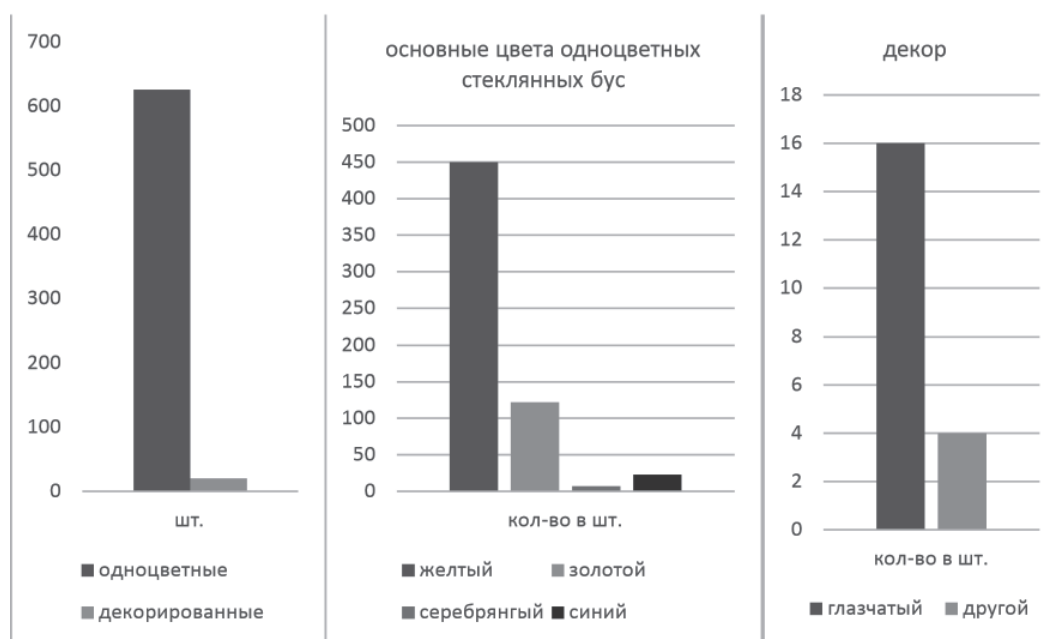
Цветовая гамма бус не отличается разнообразием. Большинство бус желтых оттенков, к которым мы также причисляем и «золотостеклянные» бусы, верхний слой стекла которых желтый. Бусы с металлической прокладкой, покрытые бесцветным стеклом, отнесены к отдельным цветовым категориям: с золотой фольгой – золотистые, с серебряной – серебристые. Следующие по встречаемости – бусы синих оттенков (синий, голубой, васильковый). Единичными экземплярами представлены бусы зеленого, сине-зеленого, бирюзового, серого, белого, коричневого, черного цветов, среди бус с металлической прокладкой есть две бусины, у которых внутренняя основа из розового стекла. Отдельной категорией мы выделяем полихромные декорированные бусы, среди которых преобладают темно-синие с сине-белым глазчатым орнаментом.

Ниже приведены описания бус, разделенных по категориям. Каждая категория выде-

Таблица 1. Материал бус
Table 1. Material of beads

материал	количество	% от общего количества
стекло	642	76,7
в том числе стекло с металлической прокладкой	383	45,5
египетский фаянс	4	0,5
металл	195	23,2
глина	1	0,1

Диаграмма. 1. Цвет и декор стеклянных бус.
Color and decor of glass beads.

лена на основе ряда схожих приоритетных признаков. Для некоторых вариантов бус приведен ряд аналогий и намечены их хронологические варианты.

Бусы из металла (рис. 1: 1–4)

Обнаруженные металлические бусы – все из сплава на основе меди, покрыты патиной, некоторые корродированы, другие хорошо отполированы, иногда в отверстиях встречаются остатки кожного ремешка. Бусы зеленого и серо-зеленого цвета, преимущественно бочковидной формы, некоторые экземпляры имеют более или менее выраженное поперечное ребро по центру тулова. Размеры бус: Н – от 3 до 9 мм, D – от 3 до 7 мм. За исключением двух экземпляров, которые были сделаны методом сгибания металлической пластины, о чем свидетельствует продольный шов, все бусы отлиты. Схожие формой и размером бронзовые бусы из Северного Причерноморья датируются I–III вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 23). Наиболее близкие аналогии мы находим в Ныргындинском могильнике в погребении

315, которое датировано последней четвертью II – первой четвертью III в. н. э. (Голдина, Красноперов, 2012, с. 78, табл. 185, 27–63). Похожие бронзовые бусы в небольшом количестве (8 из 244) обнаружены на Тойгузинском II городище, которое датировано I в. н. э. (Бугров, 2006, с. 75). На других костыщах Пермского Прикамья бронзовые бусы встречаются в единичных экземплярах. Больше всего (14 экз., которые в большинстве отличаются формой) бронзовых бус найдено на Юго-Камском костыще, которое А.Н. Лепихин вместе с Гляденовским относил к ранним памятникам (Лепихин, 2007, с. 74, 112).

Бусы с металлической прокладкой (рис. 1: 5–22)

Бусы с металлической прокладкой – золотой или серебряной фольгой между двух слоев стекла – известны начиная с IV в. до н. э. и до Средневековья.

Е.М. Алексеева выделяет технологические признаки, которые характеризуют эллинистическое или римское время их существования.

Рис. 1. Бусы Гляденовского костяка (раскопки С.Н. Коренюка 2003-2006 гг.). 1-4 – металл; 5-22 – стекло с металлической прокладкой; 23-26 – «египетский фаянс»; 27-45 – стекло.
 Fig. 1. Beads from Glyadenovo sanctuary (excavations by S.N. Korenyuk in 2003-2006). 1-4 – metal; 5-22 – glass with a metal spacer; 23-26 – "Egyptian faience"; 27-45 – glass.

Эллинистические бусы представлены преимущественно изолированными экземплярами, имеют однородную структуру, края их отверстий всегда гладкие и без закраинок. С рубежа эр бусы делаются из длинных цепей тянутых трубочек, о чем свидетельствует ярко выраженная продольная структура. При формировании перемычек и рассечении у краев отверстий оставались закраинки, часто такие цепи не расчленились на отдельные экземпляры (Алексеева, 1978, с. 28).

При анализе представленной коллекции мы находим и те и другие технологические признаки.

Подавляющее большинство бус этой категории представлено «золотостеклянным» бисером округлой и короткоцилиндрической формы (рис. 1: 5–10), диаметр которого колеблется от 3 до 5,5 мм, высота – от 2 до 4 мм. (225 экз.). Внутренняя стеклянная трубочка значительно тоньше, чем внешний слой, слои очень плотно прилегают друг к другу, края отверстий, как правило, заглажены. Цвет внешнего слоя стекла желтый, желто-коричневый. По некоторым сломанным экземплярам, где оголилась фольга, можно предположить, что она не золотая, а серебряная. Таким образом, золотой блеск достигается цветом

внешнего слоя стекла. На наш взгляд, для этой категории важным является цвет внешнего слоя стекла, так как именно с помощью него создавался эффект золотого блеска. Похожие бусы (7 экз.) с «золотистым» верхним слоем стекла известны на Тойгузинском II городище – I в. н. э. (Бугров, 2007, с. 448).

Из общей массы «золотостеклянного» бисера округлой формы выделяются три экземпляра с серебряной фольгой и бесцветным внешним слоем стекла.

Шарообразные и бочонкообразные бусы диаметром от 7 до 14 мм с золотой фольгой (15 экз.) (рис. 1: 14, 19). Цвет стекла, как основы, так и верхнего слоя, бесцветный, в одном случае слабый оливковый. Защитный слой стекла достаточно толстый (до 2 мм) и плотно прилегает к основе с фольгой. Часто верхний слой покрыт трещинами. Площадки у отверстий всегда ровные, хорошо зашлифованы. Подобные бусы типа ПГ2в характерны для погребений III–VIII вв. могильников Уфимско-Бельского междуречья (Русланова, 2014, рис. 7, 51). Есть похожие бусы в могильнике Нырғында I II–III вв. н. э. в уже упоминавшемся погребении 315 (Красноперов, рис. 22) и на Тойгузинском II городище (Бугров, 2007, с. 448).

Бочонкообразные (67 шт., две двухчастные) бусы из тянутой трубочки с металлической прокладкой, покрытые сверху тонким слоем стекла от 0,2 мм до 1 мм, со следами деления у отверстий (рис. 1: 11, 12). Как правило, стекло бесцветное, прозрачное, но есть экземпляры желтоватого стекла (7 экз.), и в одном случае внутренняя трубочка из розового стекла. Два экземпляра из 67 бусин – с серебряной фольгой, у 10 штук фольга вместе с верхним слоем полностью утрачена. В остальных случаях фольга золотая. Размеры: Н – от 2 до 8 мм, двухчастные – 9 и 13,5 мм; D – от 3 до 7,3 мм. Большинство бус имеет ярко выраженную продольную структуру, особенно это заметно на бусах с поврежденным или утраченным внешним слоем, что, по мнению Е.М. Алексеевой, свидетельствует о римском времени их происхождения (Алексеева, 1978, с. 28). Есть похожие бусы в могильнике Ныргында I II-III вв. н. э. (Красноперов, рис. 22).

Единичными экземплярами представлены ребристые с семью округлыми дольками бусы с золотой фольгой из бесцветного прозрачного стекла: цилиндрическая размером Н 6, D 6 (рис. 1: 13); и короткоцилиндрическая – Н 2,5, D 5. Подобные бусы отнесены к типу 10 (по Е. М. Алексеевой) и наиболее характерны для I в. до н. э. – I в. н. э., но также встречаются с III в. до н. э. по III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 31, табл. 26, 43, 50) Еще одна ребристая бусина – бочковидная с валиками по краям (рис. 1: 15), валики тоже ребристые, размером Н 7, D 7, относится к типу 11 (по Е. М. Алексеевой). Этот тип условно отнесен к I в. до н. э. – I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 31, табл. 26, 48).

Округлые бусы с золотой фольгой из бесцветного прозрачного стекла с широким каналом отверстия и ровными краями (рис. 1: 22). Одна из 23 бус с серебряной фольгой. Внутренняя трубочка очень тонкая, почти незаметная, у 3 бусин внутренние трубочки отслоились от внешней. Внешний слой часто тоже тонкий. На внешнем слое одной из бусин виден шов или трещина, у остальных поверхность гладкая без технологических признаков. Диаметр бус колеблется от 3 до 7 мм при высоте от 2,2 до 4,6 мм. По форме и цвету близки типу 1а (по Е.М. Алексеевой), который хронологически относится к III в. до н. э. – IV в. н. э., но со значительным преобладанием во II в. до н. э. – I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 28, 29, табл. 26, 2, 3). Похожие по описанию и форме бусы найдены в курганной группе Колония Норка в к. 6 п. f, относящемся к среднесарматским погребениям (Гущина И.И., Фирсов

К.Б., 2000, с. 274, рис. 6, 19) и в к. 1 п. с и d Станции Лебяжье. Погребения входят в группу раннесарматских захоронений II-I вв. до н. э. (Гущина И.И., Фирсов К.Б., 2000, с. 275, 276, 277, рис. 8, 10, рис. 9, 9, 10). Ближайшие аналогии в Прикамье известны в «Турбинском кладе» и на Юго-Камском костыще.

Биконические усеченные бусы с металлической прокладкой из желтого и желто-коричневого прозрачного стекла. Только одна бусина имеет выразительную биконическую форму. Две другие скорее усеченно-конические, так как второй конус почти не выражен. Диаметры бус колеблются от 4,5 до 6,7 мм при высоте от 3 до 4,5 мм. По форме схожи с типом 8 (по Е. М. Алексеевой), который имеет широкую датировку III в. до н. э. – IV в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 31, табл. 26, 15).

Короткоцилиндрические бусы с золотой фольгой из бесцветного прозрачного стекла со следами деления. Встречаются двухчастные неразделенные пронизи. Диаметр бус от 3,3 до 5,5 мм при высоте от 2 до 3,2 мм, двухчастные пронизи высотой 4,6; 5; 5,5; 6 мм.

Двухчастная пронизь из бесцветного прозрачного стекла с золотой фольгой, части цилиндрические. Размер Н 9, D 3,5. Соотносится с типом 32 (по Е. М. Алексеевой), который датируется преимущественно I-II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 33, табл. 26, 77).

Две двухчастные пронизи с округлыми частями с золотой фольгой. Одна из бесцветного стекла, другая из желтоватого. Соотносятся с типом 31 (по Е. М. Алексеевой), наиболее характерны для второй половины I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 33, табл. 26, 73).

Одноцветное стекло

Одноцветные стеклянные бусы представлены округлым, цилиндрическим и короткоцилиндрическим бисерами (рис. 1: 40, 42, 43), а также бусами малых размеров. Выделяется одна крупная ребристая бусина василькового цвета из непрозрачного стекла (рис. 1: 28).

Более всего округлого и короткоцилиндрического бисера желтого, желто-коричневого цветов (166 экз.) с диаметром от 2,8 до 5,3 мм при высоте от 1,3 до 4,5 мм. У 64 экземпляров очень пузыристое стекло обладает золотистым блеском, но визуальных признаков фольги не видно, поэтому мы назвали их фальшзолотостеклянными. Способ производства такого бисера – тянутые трубочки с последующим делением. По форме, размеру и цвету стекла он, на наш взгляд, может составлять одну категорию с точно таким же бисером с металлической прокладкой. Округлый

бисер с гладкими обработанными краями отверстий наиболее близок к бусам типа 6 (по Е. М. Алексеевой), которые употреблялись с I в. до н. э. по II в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 63–64). Цилиндрический схож с бусами типа 61, относящимися ко II–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 67). Аналогичный бисер (1 экз. округлый и 2 экз. короткоцилиндрические) входит в состав «Турбинского клада».

Короткоцилиндрический резаный бисер, выполненный из отрезков тянутых трубочек из голубого прозрачного и полупрозрачного стекла. Размеры Н 2,8, D 3,8. Близки бусам типа 69 (по Е. М. Алексеевой), связанным с комплексами I–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 67).

Двух- и трехчастные пронизи с короткоцилиндрическими долями, выполненные из отрезков тянутых трубочек из белого, желтого и бесцветного стекла.

Округлые бусы из непрозрачного светло-желтого стекла размером Н 3; 5, D 5; 7 мм (2 экз.). Схожи по описанию с типом 5 (по Е. М. Алексеевой), относящимся к концу VI – II вв. до н. э., но встречаются и в первые века н. э. (Алексеева, 1978, с. 63). Аналогичные есть на Тойгузинском II городище и в Нырғындинском могильнике.

Очень мелкий округлый бисер размером Н 1–1,6, D 2–2,7, d 0,8 из голубого и сине-фиолетового прозрачного стекла (рис. 1: 42). Выполнен возможно из тянутой трубочки. Аналогичный сине-фиолетовому мелкий бисер входит в состав «Турбинского клада».

Цилиндрические бусы из отрезков тянутой трубочки с ровными краями отверстий из синего и желтого прозрачного стекла. Размер: Н 4–5, D 6.

Короткоцилиндрические дисковидные бусы, выполненные в технике многократного обертывания, с ровными зашлифованными площадками у отверстий из желтого и синего стекла.

Зонные бусы из синего, сине-фиолетового, василькового, грязно-голубого прозрачного стекла из тянутой трубочки с обработкой краев отверстий. Н 3–3,5, D 5–6.

Биконические бусы из синего (6 экз.) и желтого (1 экз.) прозрачного стекла с диаметром от 6 до 8 мм при высоте 4–4,5 мм. Техника изготовления – отрезок тянутой палочки с последующим проколом отверстия. Две бусины синего цвета имеют признаки обгорания. Есть желтые (3 экз.) и коричневая (1 экз.) бусы, которые по форме стремятся к биконической, и техника их производства такая же,

как у вышеописанных биконических бус, но их форма не идеальна.

По типологии Е.М. Алексеевой, желтые биконические бусы относятся к типу 99, который датирован III–I вв. до н. э. – II в. н. э., а синие – к типу 100, датированному II–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 69, табл. 33–28).

Аналогичные биконические бусины из желтого прозрачного стекла встречаются в Прикамских могильниках: Мокинском, в хронологической зоне, относящейся к III в. н. э. (Мингалева, Мингалева, Перескоков, 2019, с. 207), Нырғындинском (Красноперов, дата обращения: 26.11.2018). Синие биконические бусы найдены в Тураевском могильнике в п. 106 вместе с грибовидными янтарными подвесками (Голдина Е.В., с. 466, рис. 1; Голдина, Бернц, 2010, с. 248, 267) и на могильнике Верхний Ирряк в Осинском районе Пермского края, который датируется II–IV вв. н. э. (Коренюк, 2004, с. 16; Коренюк, Мингалева, Перескоков, Чайковский, 2021, с. 155). В Тарасовском могильнике подобные желтые и синие бусы были найдены в п. 806 в составе жертвенного комплекса (Голдина, 2003, с. 142, табл. 352). В том же комплексе находилась бусина с шахматным декором, подобные датируются III в. н. э. (Румянцева, 2009, с. 354), и височные подвески в виде знака вопроса, которые также относятся к III в. н. э. (Лещинская, 2014, табл. 86; Иванов, 1999, рис. 8). Одна биконическая бусина из желтого стекла и 29 из синего найдены в крымском могильнике Нейзац, который относится к концу II – IV вв. н. э. А.А. Стоянова рассматривает III–IV вв. н. э. «как время их особенной популярности» (Стоянова, 2004, с. 274). Биконические бусы синего цвета известны в к. 10 п. 2 сарматского могильника Барановка I, большинство этих бус отнесено автором к концу II–III вв. н. э. (Сергацков, 2000, с. 115, рис. 2, 16).

Шарообразные усеченные дважды поперечно бусы из желтого прозрачного стекла (12 экз.) (рис. 1: 41), сделанные из палочки с проколом отверстия или многократным обертыванием. Размеры: Н 4–5,5, D 5–6.

Также есть ряд бус (9 экз.) из того же желтого прозрачного стекла с неидеальной формой. Это либо недовершенная до совершенства шарообразная форма, либо плохо сформированная биконическая бусина, так как на некоторых экземплярах можно предположить слабо намеченное поперечное ребро. Размеры: Н 4,5–5, D 5–7.

Одна шарообразная ребристая бусина из непрозрачного стекла василькового цвета

(рис. 1: 28). Имеет 10 округлых граней. Размер Н 13, D 15. Похожая бусина из «*синего глухого стекла*» найдена в к. 27 Сусловского могильника, который отнесен к среднесарматскому времени (I – I пол. II вв.) (Скрипкин, 1998, с. 107, 110, рис. 5, 16).

Полихромные бусы

Одна бусина в форме параллелепипеда из непрозрачного черного стекла с фестонобразным декором желтого цвета высотой 15 мм, шириной 12,5 мм (рис. 1: 27). Формировалась на керамической основе, следы от которой видны внутри довольно крупного отверстия диаметром 8 мм. Орнамент хорошо впрессован в основу. Массовое распространение фестонобразных орнаментов на бусах в Северном Причерноморье относится к IV–III вв. до н. э.; тип 276б (Алексеева, 1978, с. 49) Подобные бусы выделены как один из хроноиндикаторов сарматских погребений IV в. до н. э. (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 52). Встречаются подобные бусы на Семилукском городище, которое относится к позднескифскому времени и датируется кон. IV – нач. III вв. до н. э. (Пряхин, Разуваев, 1995, с. 64); в п. 76 у с. Ксизово на Верхнем Дону, также относящемуся к скифскому времени (Обломский, Разуваев, 2013, с. 191, рис. 5-3,4). «*На Южном Урале такие бусы появляются в V в. до н. э. и исчезают во II в. до н. э., но пик их распространения приходится на IV в. до н. э.*» (Аникеева, 2017, с. 21). Похожая бусина есть в коллекции Тойгузинского II городища, но она отличается цветом основы и как пишет Д.Г. Бугров: «*не исключено её пережиточное существование*» (Бугров, 2006, с. 75).

Одна бочонковидная глазчатая бусина из бирюзового непрозрачного стекла с белыми непрозрачными впаянными глазками. Можно предположить, что глазки были двухсоставные, на некоторых глазках на белом стекле слабо видны остатки светло-желтого стекла. Размер Н 13, D 15. (рис. 1: 36).

Две глазчатые шарообразные бусы из голубого непрозрачного стекла с накладными черно-розово-желтыми глазками с D 6 мм и Н 6 мм (рис. 1: 37–38). На одной бусине три глазка, на другой – пять, и основа, возможно, сделана сгибанием полосы, так как прослеживается шов. Аналогии обнаруживаются среди бус Бирского, Югомашевского и Старокабановского могильников уфимско-бельского междуречья в погребениях III–VII вв. (Русланова, 2014, рис. 52, тип I.2B1и). В иллюстрациях бус из Тураевского могильника типы IVB12и и IVB52a очень схожи с нашими, но

есть несовпадения в описании цвета (Голдина, 2010, с. 467; рис. 2). Интересна одна бусина, которая, по нашему мнению, является подражанием вышеописанным (рис. 1: 39). Ее основа ближе к бочонковидной форме, сделана из отрезка палочки с проколом отверстия, размер Н 6, D 7, имеет также три глазка – один красно-коричневого стекла, другие два желтые и, по-видимому, сделаны из половинок сломанной мелкой бусины.

Одна шарообразная поперечно-усеченная бусина из зеленого прозрачного стекла с узором в виде так называемой розетки – цветов с желтыми лепестками и красной сердцевинкой (рис. 1: 44). Размер: Н 12 мм, D 13,5 мм. Декор нанесен на стеклянную полосу вдавлением палочки миллефиори, а затем методом сгибания полосы сформирована бусина – очень четко виден сварочный шов. Схожие бусы относятся к типам 481 и 482 (по Е.М. Алексеевой) и датированы II–III вв. н. э., но в первом случае количество цветков в орнаменте меньше, а во втором сама бусина гораздо крупнее (Алексеева, 1982, с. 42; табл. 49, 15, 16). Подобная бусина входит в состав жертвенного комплекса п. 515Б Тарасовского могильника (Голдина, 2003, цв. вкл.).

Две бусины, выполненные в технике миллефиори, представлены лишь фрагментами. По одному из фрагментов можно определить, что бусина сделана из отрезков палочки миллефиори с шахматным узором бело-красно-зелено-желтого цвета (рис. 1: 45).

Большинство декорированных бус составляют глазчатые бусы из синего непрозрачного или полупрозрачного стекла со слоистыми сине-белыми глазками, расположенными в шахматном порядке, в количестве 6 или 9 шт. (рис. 1: 29–34). Форму таких бус называют зонной или подцилиндрической. Все они имеют широкое отверстие от 6 до 9,5 мм. Диаметр бус колеблется от 11 до 18 мм при высоте от 7 до 12,5 мм. Часто эти бусы имеют признаки обгорания (5 из 11), также бывают сломаны (5 из 11). Внутри отверстия наблюдаются следы от керамической основы, на которой формировалась бусина. В своде Е.М. Алексеевой наиболее схожие бусы отнесены к типам 54в и 66б и имеют достаточно широкую датировку с V по I вв. до н. э. (Алексеева, 1975, с. 65, 67). Этим же периодом датируют аналогичные бусы из Южной Британии (Smith, p. 20). В Прикамье такие бусы найдены также в Турбинском и Скородумском кладах и на Конецгорском селище. А.В. Збруева характеризовала их как «принадлежащие

к ананьинской эпохе» (Збруева, 1952, с. 248). Точные аналогии таких бус есть на памятнике Кобанской культуры – Луговом могильнике в Ингушетии, который датируется VI–V вв. до н. э. (Крупнов, 1957, рис. 4, 29, 30); в одном из курганов могильника Филипповка I в Илекском районе Оренбургской области, который датируют рубежом V – 3-й четвертью IV вв. до н. э. (Яблонский, 2013, с. 54, 194); в Песочинском курганном могильнике скифского времени (Бабенко, 2005, с. 145); в нижнем слое Дьяково городища (Кренке, 2011, с. 54), а также на других городищах дьяковского типа (Крис, Чернай, 1980, с. 80); на Семилукском городище, которое относится к позднескифскому времени и датируется кон. IV – нач. III вв. до н. э. (Пряхин, Разуваев, 1995, с. 65, рис. 14–21). Подобные бусы встречаются на Горшковском, Милоградском и Чаплинском городищах, относящихся к IV–II вв. до н. э. (Мельниковская, 1967, с. 94). *«На Южном Урале такие бусы встречаются преимущественно в наборах V в. до н. э. В IV в. до н. э. они, вероятно, перестали поступать, хотя единичные экземпляры встречаются и в погребениях IV–II вв. до н. э.»* (Аникеева, 2017, с. 21). А в сочетании с черными параллелепипедными бусами с фестонобразным орнаментом они маркируются V–IV вв. до н. э. (Аникеева, 2017, с. 22).

Египетский фаянс (рис. 1: 23–26)

Ребристая шаровидная поперечно-усеченная бусина серого цвета диаметром 17 мм и высотой 12 мм (рис. 1: 25). Возможно, покрывавшая её глазурь была утрачена. Выделяется 10 округлых граней. Аналогичная бусина, но бирюзового цвета найдена в Бирском могильнике (Русланова, 2014, с. 80, р. 16, тип II.1A1a). В Северном Причерноморье среди большого количества разных вариантов округлых ребристых бус из египетского фаянса, датированных с I в. до н. э. по IV в. н. э., наибольшую схожесть с нашей бусиной имеет тип 16г, но основная их масса происходит из погребений I–II вв. н. э. (Алексеева, 1975). Похожие бусы найдены в могильнике Нейзац II–IV вв. н. э. (Стоянова, 2004, с. 287).

Ребристая шарообразная бусина, поперечно-усеченная, диаметром 9,5 мм, высотой 8,5 мм (рис. 1: 26). Бусина имеет 8 граней, слегка наклоненных по отношению к узкому отвер-

стию, и покрыта бирюзовой глазурью, которая слабо сохранилась. Схожа с типом 16в (Алексеева, 1975, с. 33).

Шарообразная бусина серого цвета с декором в виде прочерченных окружностей (рис. 1: 23). Глазурь, покрывавшая её, была утрачена. Н 15 мм, D 17 мм. В раскопках Н.Н. Новокрещенных обнаружены три аналогичных бусины.

Цилиндрическая бело-серая бусина с желобками вокруг отверстий и желобком, прочерченным поперечно в середине бусины только с одной её стороны (рис. 1: 24). Н 16 мм, D 8,5 мм.

Выводы

Исходя из представленных нами аналогий, самыми древними на костице являются синие глазчатые бусы и черный параллелепипед с желтым фестонобразным орнаментом, которые имеют распространение с V в. до н. э. с пиком в I в. до н. э. по I в. н. э. Эти бусы указывают на связи с кочевыми сарматскими племенами. Синие глазчатые бусы чаще, чем другие, имеют признаки горения, и одна из них была найдена в жертвенном комплексе вместе с фрагментом железного ножа.

Среди бус из одноцветного стекла выделяются немногочисленные синие и желтая биконические усеченные бусы. Исходя из аналогий, они могут являться маркерами III – нач. IV вв.

Определенным культурным трендом представителей гляденовской культуры является большое количество «золотостеклянных» бус и особенно бисера на костице, а также подобного бисера желтого цвета. Можно только догадываться, имело ли это какую-то сакральную значимость или являлось лишь делом вкуса и представлением о прекрасном.

Первыми появляются так называемые эллинистические золотостеклянные бусы: одиночные с заглаженными краями отверстий. Затем с рубежа эр начинают поступать и римские, которые отличаются технологическими признаками и часто в нерасчлененных столбиках, хотя в представленной коллекции неразделенных пронизей их очень мало по отношению к одиночным экземплярам. Массовое поступление «золотостеклянных» бус хронологически совпадает с периодом расцвета костица I в. до н. э. – нач. III в. н. э.

Благодарности:

Авторы благодарят Д. Г. Бугрова автора коллекции и А. Губайдулину хранителя Национального музея Республики Татарстан за возможность увидеть коллекцию бус Тойгузинского II городища своими глазами.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. / САИ. Вып. Г1-12/1. М.: Наука, 1975. 94 с., 19 табл.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/3. М.: Наука, 1982. 105 с., табл. 35–54.
- Аникеева О.В.* Происхождение и время появления на Южном Урале бус из наборов погребения 5 кургана могильника Кичигино I // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2017. С. 14–24.
- Бабенко Л.И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: Райдер, 2005. 284 с.
- Бугров Д.Г.* Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 351 с.
- Бугров Д.Г.* Бусы Тойгузинского II городища // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2007. Вып. XVII. С. 442–453.
- Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.* Основные итоги 120-летнего изучения Гляденовского городища-костища // Гляденовское городище-костище в контексте культур раннего железного века и эпохи великого переселения народов лесной полосы Евразии / Отв. ред. С.Н. Коренюк, М.Л. Перескоков. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 8–57.
- Голдина Е.В.* Характеристика и датировка бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция // МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широбокова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 193–202.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) // МИКВАЭ. Т. 17. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.
- Гуцина И.И., Фирсов К.Б.* Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2000. С. 268–293.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
- Иванов А.Г.* Новые материалы по ранней дате полемской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье. Вып. 1 / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. С. 6–52.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С.* Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2002. С. 47–81.
- Коренюк С.Н.* Могильник раннего железного века Верхний Ирьяк // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 95–98.
- Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.* Планиграфия гляденовского городища // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 77–79.
- Коренюк С.Н., Чуйкина Е.В.* Импортные бусы с гляденовского костища (по материалам коллекций раскопок 2003-2004 гг.) // Современный музей как важный ресурс развития города и региона: материалы международной науч.-практ. конф., посвященной 1000-летию Казани и 100-летию Национального музея Республики Татарстан (12-17 сентября 2005 г.) / редкол.: Г. С. Муханов и др. Казань: Школа, 2005. С. 197–201.
- Коренюк С.Н., Мингалева М.К., Перескоков М.Л., Чайковский И.И.* Бусы могильника Верхний Ирьяк. Работа над ошибками и новые данные // Гляденовское городище-костище в контексте куль-

тур раннего железного века и эпохи великого переселения народов лесной полосы Евразии / Отв. ред. С.Н. Коренюк, М.Л. Перескоков. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 153–169.

Красноперов А.А. Бусы Ныргинды [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu/3156851>. (дата обращения 12.02.2019)

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Крис Х.И., Чернай И.Л. Городища Дьяковского типа Боршева и Селецкое. // КСИА. Вып. 162. М.: Наука, 1980 С. 75–82.

Крупнов Е.И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.) // СА. 1957. № 2. С. 154–173.

Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье / Древняя культура финно-угорских народов Пермского Прикамья. Березники: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2007. 224 с.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьаноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014. 472 с.

Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып. 20. Л.: Искусство, 1979. С. 90–103.

Львова З.А. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып. 21. Л.: Искусство, 1980. С. 75–84.

Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967. 147 с.

Мингалев В.В., Мингалева М.К., Перескоков М.Л. Бусы Мокинского могильника III–V/VI вв. н. э. в Пермском Прикамье // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 202–221.

Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в Западной части Пермской губернии. // Труды ПУАК. Вып. IV. Пермь: типография П.Ф. Каменкаго. 1901. С. 107–141.

Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще Пермской губернии на р. Каме Пермского уезда // Труды ПУАК. Вып. XI. Пермь, 1914. С. 19–97.

Обломский А.М., Разуваев Ю.Д. Грунтовые погребения скифского времени у с. Ксизово на Верх. Дону // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 183–195.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1884–1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4 / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 1995. С. 43–68.

Румянцева О.С. Бусы могильника Брут 2 2-й половины II – середины III в. // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН, ТАУС. 2009 С. 341–437.

Русланова Р.Р. Бусы могильников уфимско-бельского междуречья III–VIII вв. Дисс... канд. ист. наук. В 2-х т. Казань, 2014.

Сергацков И.В. О конечной дате раннесарматской культуры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2000. С. 113–119.

Скрипкин А.С. Материалы Суловского курганного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 104–124.

Спицын А.А. Гляденовское костыще // Записки императорского археологического общества. Т. XII. Вып. первый и второй. СПб., 1901. С. 228–269. Табл. I–XVII.

Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Деметра, 2004. С. 263–319.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга I. М: ИА РАН, 2013. 232 с. с.: ил.

Smith H. Celtic Beads from the British Isles. URL https://www.academia.edu/1488066/Celtic_Beads_from_the_British_Isles (дата обращения: 14.02.2019)

Информация об авторах:

Коренюк Сергей Николаевич, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); korenyuk_sn@mail.ru

Мингалева Мария Константиновна, младший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); m.yukova@yandex.ru

REFERENCES

- Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Anikeeva, O.V. 2017. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in Southern Ural)* VII. Chelyabinsk: State Museum of the South Ural History, 14–24 (in Russian).
- Babenko, L. I. 2005. *Pesochinskiy kurgannyi mogil'nik skifskogo vremeni (Pesochin barrow cemetery of the Scythian time)*. Kharkiv: "Raider" Publ. (in Russian).
- Bugrov, D. G. 2006. *Poseleniya p'yanoborskoy kul'tury v Iksko-Bel'skom mezhdurech'e (Settlements of the Pyany Bor Culture in the Ik-Belaya Interfluve)*. Thesis of the Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).
- Bugrov, D. G. 2007. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (17). 442–453 (in Russian).
- Vasil'eva A.V., Korenyuk S.N., Pereskokov M.L. 2021. In Korenyuk, S. N., Pereskokov, M. L. (eds.). *Glyadenovskoe gorodishche-kostishche v kontekste kul'tur rannego zheleznoogo veka i epokhi velikogo pereseleniya narodov lesnoy polosy Evrazii (Glyadenovo hillfort-sanctuary in the context of the cultures of the Early Iron Age and the Migration Period of the forest belt peoples of Eurasia)*. Perm: Perm State University, 8–57 (in Russian).
- Goldina, E. V. 2012. In Goldina, R. D. (ed.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 193–202 (in Russian).
- Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
- Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
- Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II-III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
- Gushchina, I. I., Firsov, K. B. 2000. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3. Volgograd: Volgograd State University, 268–293 (in Russian).
- Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Ivanov, A. G. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 6–52 (in Russian).
- Klepikov, V. M., Skripkin, A. S. 2002. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5. Volgograd: Volgograd State University, 47–81 (in Russian).

Korenyuk, S. N. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 95–98 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Pereskokov, M. L. 2017 In Savinov, D. G. (ed.). *Ranniy zheleznyy vek ot rubezha er do serediny I tys. n. e. Dinamika osvoeniya kul'turnogo prostranstva (The Early Iron Age from the turn of the era to the middle of the I millennium A.D. The dynamics of the development of cultural space)*. Saint Petersburg: "Skifia-Print" Publ., 77–79 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Chuikina, E. V. 2005. In Mukhanov, G. S. et al. (eds.). *Sovremennyy muzey kak vazhnyy resurs razvitiya goroda i regiona (The modern museum as an important resource for the development of the city and region)*. Kazan: "Shkola" Publ., 197–201 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Mingaleva, M. K., Pereskokov, M. L., Chaikoskii, I. I. 2021 In Korenyuk, S. N., Pereskokov, M. L. (eds.). *Glyadenovskoe gorodishche-kostishche v kontekste kul'tur rannego zheleznoogo veka i epokhi velikogo pereseleniya narodov lesnoy polosy Evrazii (Glyadenovo hillfort-sanctuary in the context of the cultures of the Early Iron Age and the Migration Period of the forest belt peoples of Eurasia)*. Perm: Perm State University, 153–169 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. *Busy Nyrgyndy (The Nyrgynda Beads)* Available at: <https://www.academia.edu/3156851/> (accessed: 12.02.2019)

Krenke N. A. 2011. *Diakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the Moscow River basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kris, Kh., Chernay, I. L. 1980. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 162. Moscow: "Nauka" Publ., 75–82. (in Russian)

Krupnov, E. I. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 154–173 (in Russian).

Lepikhin, A. N. 2007. *Kostishcha gliadenovskoi kul'tury v Srednem i Verhnem Prikam'e (Bone Beds of the Glyadenovo Culture in the Middle and Upper Kama Regions)*. Series: Drevnyaya kul'tura finno-ugorskikh narodov Permskogo Prikam'ya (Ancient culture of the Finno-Ugric peoples of the Perm Kama region). Berezniki: "Tipografiya kuptsa Tarasova" Publ. (in Russian).

Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv., n. e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

L'vova, Z. A. 1979. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 20. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 5–27 (in Russian).

L'vova, Z. A. 1980. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 75–84 (in Russian).

Mel'nikovskaya, O. N. 1967 *Plemena Yuzhnoy Belorussii v rannem zheleznom veke (Tribes of the Southern Belarus in the Early Iron Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

Mingalev, V. V., Mingaleva, M. K., Pereskokov, M. L. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 29 (3), 202–221 (in Russian).

Novokreshchennykh, N. N 1901. In *Trudy Permskoi gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Perm Governorate Scientific Archive Commission)*. 4. Perm, 107–141 (in Russian).

Novokreshchennykh, N. N 1914. In *Trudy Permskoi gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Perm Governorate Scientific Archive Commission)*. 11. Perm, 19–97 (in Russian).

Oblomskii, A. M., Razuvaev, Yu. D. 2013. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 231, 183–195 (in Russian)

Pryakhin, A. D., Razuvaev, Yu. D. 1995. In Cheliapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)* 4. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 43–68 (in Russian).

Rumiantseva, O. S. 2009. In Gabuev, T. A., Malashev, V. Yu. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza (Sites of the Early Alans of Central Areas of the Northern Caucasus)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Taus" Publ., 341–437 (in Russian).

Ruslanova, R. R. 2014 *Busy mogil'nikov ufimsko-bel'skogo mezhdurech'ya III–VIII vv. (Beads from the burial grounds of the Ufa-Belaya interfluvium of III–VIII centuries AD)*. Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Sergatskov, I. V. 2000. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3. Volgograd: Volgograd State University, 113–119 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1988. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 1. Volgograd: Volgograd State University, 104–124 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1901. In *Zapiski Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Russian Archaeological Society)* 12(1–2). Saint-Petersburg: “Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag tipografi”, 228–269 (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2004. In Zinko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* 5. Simferopol; Kerch: Demetra, 263–319 (in Russian).

Yablonskii, L. T. 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdey. Elitnyy nekropol' Filippovka I (po materialam raskopok 2004-2009 gg.) (Gold of the Sarmatian chieftains. The elite necropolis of Filippovka I (based on excavations in 2004-2009))*. Book 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Smith H. Celtic Beads from the British Isles. Available at: https://www.academia.edu/1488066/Celtic_Beads_from_the_British_Isles (accessed: 14.02.2019)

About the Authors:

Korenyuk Sergei N. Perm State University. Bukirev, Str. 15, Perm, 614990, Russian Federation; korenyuk_sn@mail.ru

Mingaleva Mariya K. Perm State University. Bukirev, Str. 15, Perm, 614990, Russian Federation; m.yukova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/02

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.164.177>

АССОРТИМЕНТ УКРАШЕНИЙ ИЗ ЛЕГКОПЛАВКИХ СПЛАВОВ НА ОСНОВЕ ОЛОВА В МАТЕРИАЛАХ РОДАНОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

© 2022 г. Н.Б. Крыласова

В период родановской археологической культуры (XII–XV вв.) на территории Пермского Предуралья в составе декоративного убранства костюма особое место заняли украшения из легкоплавких сплавов на основе олова. Ассортимент таких украшений достаточно широк, и включает все основные категории – височные, шейные, поясные, украшения рук. Наибольшим разнообразием отличаются плоские шейные подвески – монетовидные, медальоны, лунницы, которые в это время стали традиционным мужским украшением. Большинство из них имеет древнерусские прототипы. Новшеством в костюме стали нашивные украшения – колючки и «лапки». Причиной широкого распространения украшений из легкоплавких сплавов с одной стороны, мог стать недостаток серебра, основным источником которого прежде были монеты. С другой стороны, распространение нового материала, вероятно, связано с началом древнерусской колонизации Урала, в процессе которой он был привнесен сюда славянскими переселенцами.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, родановская культура, сплав на основе олова, украшения, костюм, литейные формы, древнерусская колонизация.

A SET OF PEWTER-BASED FUSIBLE ALLOY DECORATIONS IN THE MATERIALS OF THE RODANOVO ARCHAEOLOGICAL CULTURE²

N.B. Krylasova

In the period of the Rodanovo archaeological culture (12–15th centuries) pewter-based fusible alloy decorations held a special place in the design of costume on the territory of the Perm Cis-Urals. There is a rather wide range of decorations like these in all the main categories – to be worn at the temples, on the neck, waist and hands. Flat neck pendants are the most diverse – in the form of coins, medallions, and lunar pendants, which became traditional decorations for men at the time. Most of the decorations have Old Russian prototypes. Applique decorations - rings and ‘paws’, were a novelty in the costume. There could be two reasons why fusible alloy decorations were so popular. It could be the lack of silver, the main source of what were primarily coins. On the other hand, the spread of new material is probably connected with the beginning of the Old Russian colonization of the Urals, during what it was brought here by the Slavic immigrants.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, Rodanovo culture, pewter-based alloy, decorations, costume, moulds, Old Russian colonization.

Родановская археологическая культура на территории современного Пермского края пока остается одной из самых малоизученных, несмотря на то, что в свое время В.А. Оборин посвятил ей кандидатскую диссертацию (Оборин, 1957) (где из-за недостатка

источников о предмете нашего исследования еще даже не упоминается). Основной причиной этого, как и прежде, остается незначительное количество исследованных памятников, в особенности могильников. Конечно, определенные подвижки в плане изучения

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания, номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2 (сбор источников); при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-49-590001 p_a_Пермский край «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности» (анализ материалов) и при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 (обсуждение результатов исследования)

² The work was carried out within the framework of the State task, the number of the State registration of the topic АААА19-119032590066-2 (collection of sources); with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-49-590001 p_a_Perem Krai "Medieval jewelry heritage of Perm Krai: stylistic and chemical and technological features" (analysis of materials) and with the support of the Ministry of Education and Science of Perm Krai, Agreement No. C-26/1192 dated 19.12.2019 (discussion of research results)

родановской культуры сделаны. В первую очередь внесены уточнения в определение границы между родановской и предшествующей ломоватовской культурой – с IX в. она передвинута на рубеж XI–XII вв., когда в материальной культуре действительно произошли существенные изменения (Белавин, Крыласова, 2016), и, таким образом, культура сейчас датируется XII–XV вв. Детально проанализирована одна из наиболее ярких категорий вещевого материала – шумящие украшения (Вострокнутов, 2020). Опубликованы материалы исследований Плотниковского могильника (Крыласова, Брюхова, 2017), которые могут послужить определенным репером для выделения родановских материалов на многослойных памятниках, к числу которых в первую очередь принадлежат крупные городища, исследуемые в последние годы (Роданово, Рождественское, Саламатовское, Купрос).

В частности, пока очень мало известно о *родановском костюме*, в то время как костюм ломоватовского периода изучен достаточно полно. Конечно, по имеющимся разрозненным элементам понятно, что в нем по-прежнему использовались металлические украшения преимущественно местного производства. На основании последних исследований в области изучения ювелирного дела можно утверждать, что на период родановской культуры приходится его расцвет. Ювелиры в совершенстве овладели разнообразными техниками и производили высокохудожественные изделия из серебра с позолотой и цветными вставками. Во время ломоватовской культуры, когда преобладали более простые технологии и в достатке было сырье, в качестве которого выступал монетный металл, производство изделий из серебра было массовым, обеспечивающим потребности широких слоев общества, о чем наглядно свидетельствуют материалы могильников. Но в родановскую эпоху ювелирная продукция приобрела элитарный характер, ею стали больше дорожить, значительно реже помещать в погребения, и известна она в основном покладам и единичным находкам на поселениях. Бронзолитейное дело в родановское время, напротив, испытывало деградацию. Об этом, во-первых, свидетельствует переход на совершенно новую, гораздо более трудоемкую технологию, подробно охарактеризованную А.В. Вострокнутовым (2020, с. 131–149), во-вторых, наблюдается существенное сокращение ассортимента украшений из сплавов на основе меди, которые после XIII в. почти

полностью вышли из употребления (Вострокнутов, 2020, с. 161).

Возможно, именно указанные моменты послужили одной из причин массового распространения *изделий из легкоплавких сплавов*, которые в ранних публикациях традиционно именовались «свинцово-оловянистыми». Как показали исследования, основу этих сплавов составляло олово с небольшой долей свинца (до 10%), а иногда и почти чистое олово.

Все украшения из сплавов на основе олова изготовлены способом литья в каменные или глиняные формы, широко представленные в материалах поселений. Отметим, что подавляющее большинство обнаруженных литейных форм связано именно с изготовлением изделий из легкоплавких металлов, в то время как отливка изделий из сплавов на основе меди осуществлялась в одноразовые формы. Как показал анализ плавильных сосудов, проведенный в лаборатории МГУ Н.В. Ениосовой, прослеживается корреляция между типом сплава и формой плавильных сосудов. Все проанализированные льячки (с городищ Анюшкар, Рождественское и селища Запоселье) предназначались исключительно для легкоплавких сплавов. На стенках льячек зафиксированы следы олова или оловянно-свинцового сплава, причем во всех образцах с небольшой примесью латуни или меди, которые добавлялись для твердости (Ениосова, 2010). Судя по распространению литейных форм и льячек не только в мастерских, но и зачастую в пределах жилищ, население могло самостоятельно отливать необходимые украшения, не обращаясь к мастерам-литейщикам. По крайней мере это касается мелких отливок – нашивных колечек, «лапок», гирьковидных привесок, формы для отливки которых наиболее многочисленны.

Сырьем служили *слитки олова* в виде округлых «лепешек» с отверстием, которые, безусловно, поступали в Пермское Предуралье извне, но их источник пока достоверно не установлен (Крыласова, Подосенова, 2019).

Справедливости ради отметим, что использование легкоплавких сплавов для изготовления украшений началось значительно раньше. В частности, на Баяновском и Рождественском могильниках в погребениях IX–XI вв. встречались следы сильно разрушенных т. н. «оловянной чумой» поясных накладок, украшений поясных сумочек и головных уборов, которые практически не поддаются реконструкции. Но наиболее широко такие украшения вошли в обиход с XII в., поэтому их

Рис. 1. Височные украшения (1–2) и бусы (3–6): 1 – погребение 15 Плотниковского могильника; 2 – межмогильное пространство Плотниковского м-ка; 3 – п. 170 Плотниковского могильника; 4–5 – п. 175 Плотниковского м-ка; 6 – Рождественское городище.

Fig. 1. Temple decorations (1–2) and beads (3–6): 1 – burial 15 of the Plotnikovo burial ground; 2 – space between burials of the Plotnikovo burial ground; 3 – burial 170, 4–5 – burial 175 of the Plotnikovo burial ground; 6 – Rozhdestvensk hillfort.

уверенно можно считать характерным элементом родановской культуры. Они уже публиковались (Вострокнутов, Крыласова, 2012), но к настоящему времени ассортимент таких украшений существенно расширился, и назрела необходимость проанализировать и выяснить роль подобных украшений в костюме носителей родановской археологической культуры.

Височные украшения. Украшений, принадлежащих к этой категории, пока известно всего 2 экз. (рис. 1: 1–2). Первая находка, обнаруженная в погр. 15 Плотниковского могильника XIII–XIV вв. (рис. 1: 1), напоминает по оформлению височные украшения с гроздьевидной привеской, бытовавшие в Пермском Предуралье в VIII–XI вв. (Подосенова, 2021, с. 88–98), а вторая, найденная в 2021 г. в межмогильном пространстве этого же могильника (рис. 1: 2), – височное украшение с полой «булавовидной» привеской IX–X вв. (Подосенова, 2021, с. 78–81). Как отмечает Ю.А. Подосенова, в XII–XIV вв. височные украшения стали менее популярными, чем в предшествующий период, почти перестали использоваться в погребальном костюме и, возможно, остались лишь частью парадного убора. В это время изменился видовой ассортимент изделий, представленный в основном бусинными височными кольцами и импортными украшениями в виде знака вопроса (Подосенова, 2021, с. 146). Височные украшения из легкоплавкого сплава с Плотниковского могильника выпадают из имеющейся типоло-

гии и пока являются единичными находками индивидуального характера.

Бусы. Это пока немногочисленная категория находок. На Плотниковском могильнике обнаружено 3 экз. крупных эллипсоидных бусин длиной 2,7 см (Брюхова, 2020). Одна из них (рис. 1: 3, погр. 170) разделена посередине выпуклым валиком со следами насечек, вдоль которого с обеих сторон помещены выпуклые колечки, остальная часть тулова бусины покрыта имитацией зерни. Бронзовые бусы, орнаментированные кружками, есть в новгородских материалах (Седова, 1981, рис. 61:1), в вымских могильниках (Савельева, рис. 34: 38–40), но по форме и по общему оформлению они существенно отличаются. Пара других одинаковых бусин (рис. 1: 4–5, погр. 175), также разделенных посередине выпуклым валиком, имеют прорезное тулово с округлыми отверстиями, обрамленными каплевидным валиком. На Рождественском городище найдена бусина аналогичной эллипсоидной формы длиной 1,5 см с рифленным туловом (рис. 1: 6). Судя по материалам Плотниковского могильника, эти бусины использовались в составе ожерелья.

Плоские подвески. В эту категорию объединены украшения, которые традиционно именуются «монетовидными» подвесками, «лунницами» и «медальонами», к ним же принадлежат и подвески квадратной и ромбовидной формы. Их объединяет функциональное назначение – судя по имеющимся данным,

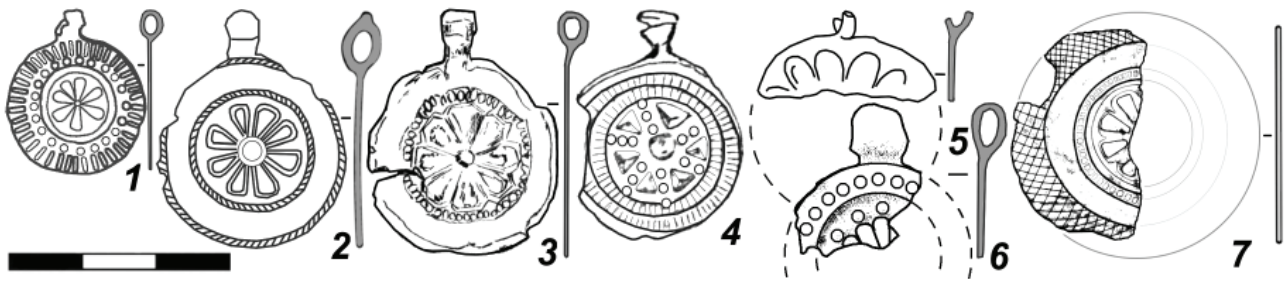

Рис. 2. Монетовидные подвески с орнаментом в виде «розетки»: 1 – Саламатовское городище; 2 – насыпь п. 5 м-ка Телячий Брод; 3 – селище Телячий Брод; 4 – п. 62 Антыбарского м-ка; 5 – п. 56а, 6 – п. 9 м-ка Телячий Брод; 7 – п. 131 Плотниковского м-ка.

Fig. 2. Coin-shaped pendants with an ornament in the form of “rosette”:

1 – Salamatovo hillfort; 2 – filling of the burial 5 of the Telyachiy Brod burial ground; 3 – Telyachiy Brod settlement; 4 – burial 62 of the Antybary burial ground; 5 – burial 56a, 6 – burial 9 of the Telyachiy Brod burial ground; 7 – burial 131 of the Plotnikovo burial ground.

эти украшения характерны для мужских и детских погребений, где они входили в состав шейных украшений (по 1–3 экз.) (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 176). Одиночные подвески могли носить просто на шнурке, а когда подвесок было несколько, логично предположить, что они нашивались на съемный матерчатый воротник. Традиция использования в мужском костюме круглых матерчатых воротников-ожерелков с нашитыми на них круглыми подвесками зародилась еще в X–XI вв., но такое украшение имело статусный характер. А в период родановской культуры данный элемент, очевидно, перешел в разряд традиционного украшения мужского костюма, как и на территории соседней Удмуртии (Иванова, 1992, с. 69–70). По форме, размерам и особенностям оформления эту категорию украшений можно разделить на несколько групп:

Монетовидные подвески с орнаментом в виде «розетки» (рис. 2; 7 экз.). Диаметр их преимущественно составлял около 2,5 см, за исключением подвески с Саломатовского городища диаметром 2 см и подвески из погр. 131 Плотниковского могильника диаметром 3,5 см. Это территориально самая распространенная группа, подвески с подобным орнаментом происходят из селища и могильника Телячий Брод, Антыбарского, Плотниковского могильников и Саломатовского городища. По новгородским аналогиям такие подвески датируются XIII в. (Седова, 1981, с. 41, рис. 14: 9, 12).

Монетовидные подвески и медальоны с орнаментом в виде «процветшего креста» (рис. 3: 1–3; 6 экз.). Все подвески с такой орнаментацией происходят с Плотниковского могильника. Диаметром они от 1,8 до 4,6 см. Примерные аналогии наиболее декоративному изображению «процветшего креста»

на фрагменте медальона из межмогильного пространства (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 123–124, рис. 94: 7) можно найти среди серебряных медальонов с черневым орнаментом из Старой Рязани, Чернигова, Владимира, Великих Болгар, опубликованных Т.И. Макаровой (Макарова, 1986, рис. 53 – № 287, 297–298; 54 – № 289–291, 303–305); подобные медальоны известны также в материалах Кишертского могильника в бассейне р. Сылвы (Пастушенко, 2005–2006, с. 49, рис. 14: 17) и Золотаревского поселения в верховьях р. Суры (Белорыбкин, 2001, с. 59). Вариант «процветшего креста», представленный на наиболее распространенных подвесках из погр. 15, 65, 116, 129 (рис. 3: 1–3), находит прямые аналогии в монетовидной подвеске из Новгорода начала XIII – начала XIV в. (Седова, 1981, с. 41, рис. 14: 6) и монетовидной подвеске из Белоозера, найденной в горизонте второй половины XIII в. (Голубева, 1973, с. 139, рис. 15:17).

Медальоны с орнитоморфным сюжетом (рис. 3: 4–6; 6 экз.). Один медальон, найденный на территории Пермской губернии, содержится в дореволюционной коллекции М.Н. Зеликмана (рис. 3: 6), остальные 5 экз., из которых только два целых (рис. 3: 4–5), происходят из погребений Плотниковского могильника (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 122–123, рис. 94: 1–5). В целом такие подвески принадлежат к числу довольно редких предметов. Две подвески из низкокачественного серебра обнаружены в Новгороде в слое XIV в. (Седова, 1981, с. 45), фрагмент аналогичного медальона найден в погр. 281 Жигановского могильника в Республике Коми (Савельева, 2010, с. 409, рис. 281: 2). Все медальоны индивидуальны, но их объединяет ряд общих черт: единая техника исполнения способом литья с имитацией орнамента из зерни; изображение

Рис. 3. Монетовидные подвески с «процветшим крестом» (1–3) и медальоны с орнитоморфным сюжетом (4–6): 1 – п. 15, 2 – п. 116, 3 – п. 129, 4 – п. 7, 5 – п. 77 Плотниковского м-ка; 6 – Пермский край, коллекция Зеликмана (ПКМ).

Fig. 3. Coin-shaped pendants with a “bloomed cross” (1–3) and medallions with orniomorphous composition (4–6): 1 – burial 15, 2 – burial 116, 3 – burial 129, 4 – burial 7, 5 – burial 77 of the Plotnikovo burial ground; 6 – Perm Krai, Zelikman’s collection

Рис. 4. Лунницы: 1 – п. 37, 2–3 – п. 54, 4–5 – п. 77, 6 – п. 64, 7 – п. 59 Плотниковского м-ка.

Fig. 4. Lunar-shaped decorations: 1 – burial 37, 2–3 – burial 54, 4–5 – burial 77, 6 – burial 64, 7 – burial 59 of the Plotnikovo burial ground.

птицы с поднятыми вверх крыльями, широким хвостом, когтистыми лапами; наличие бордюра из двух линий, между которыми помещаются выпуклые полушария (медальоны из Новгорода, коллекции Зеликмана, погр. 37 Плотниковского могильника) или радиально расходящиеся лучи (медальоны из Новгорода и погр. 7, 76, 77 Плотниковского могильника); наличие петли в виде литой бусины.

Лунницы, принадлежащие к типу замкнутых, известны на селище Телячий Брод, и 8 экз. таких подвесок найдено на Плотниковском могильнике.

Среди них наиболее выделяется крупная лунница диаметром 3,2 см, декорированная с двух сторон (рис. 4: 7, погр. 59 Плотниковского могильника). С лицевой стороны имелся орнамент, имитирующий короткие и длинные

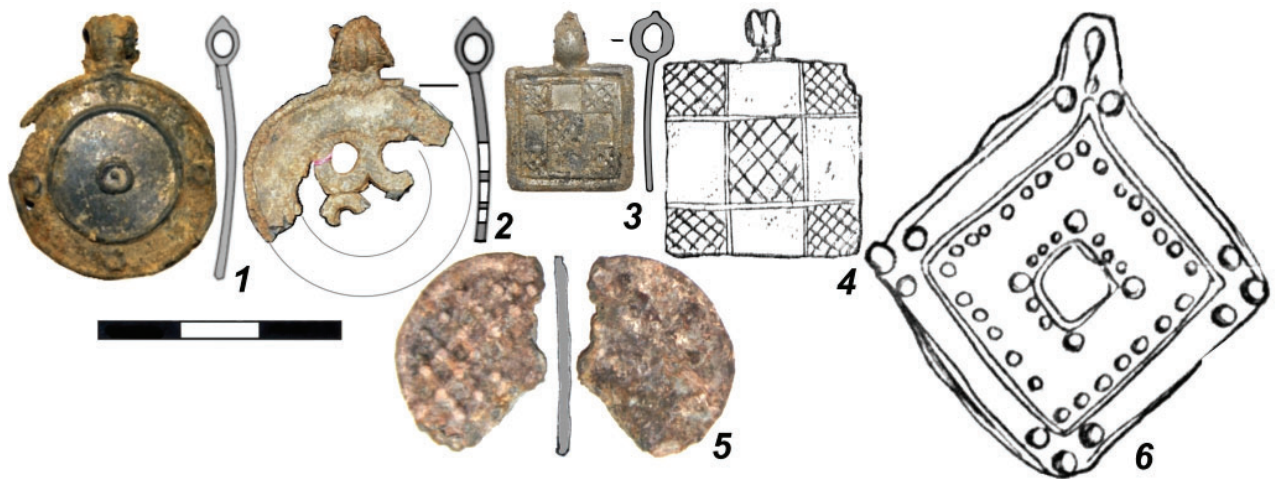

Рис. 5. Плоские подвески: 1 – п. 118, 2 – п. 23, 3 – п. 64 Плотниковского м-ка; 4 – п. 41 м-ка Телячий Брод; 5 – Рождественское городище; 6 – Антыбарский м-к.

Fig. 5. Flat pendants: 1 – burial 118, 2 – burial 23, 3 – burial 64 of the Plotnikov burial ground; 4 – burial 41 of the Telyachiy Brod burial ground; 5 – Rozhdestvensk hillfort; 6 – Antybariy burial ground.

ряды скани и зернь: по контуру подвески и внутреннего отверстия – бордюры из псевдоскани, над отверстием – четырехлучевая розетка из псевдозерни, по бокам – каплевидные фигуры из псевдоскани. С тыльной стороны изображены шесть треугольников, покрытых косой решеткой: четыре расположены вдоль внешней границы и обращены вершинами к центру, два – вдоль верхней границы отверстия вершинами в противоположные стороны. Изделие снабжено литой петлей, имитирующей бусину.

Известен также фрагмент лунницы диаметром 2,7 см (рис. 4: 1, погр. 37 Плотниковского могильника) с орнаментом, подобным помещенному на лицевой стороне вышеописанной подвески, и осколок лунницы с похожим орнаментом с селища Телячий Брод (Вострокнутов, Крыласова, 2012, рис. 2: 1). Замкнутые лунницы с подобным узором известны среди находок в Новгороде в слоях XIII в. (Седова, 1997, табл. 54: 25–26).

Представительную серию составляют лунницы диаметром 1,8–2 см (6 экз., погр. 54, 64, 77, межмогильное пространство Плотниковского могильника, рис. 4: 2–6). Они имеют идентичный орнамент и, вероятно, отлиты в одной форме. По внешнему контуру подвески орнаментированы имитацией штампованной проволоки, вокруг отверстия – имитацией зерни; верхняя орнаментальная зона над отверстием разделена прямыми выпуклыми полосками на 3 части, в которых размещены треугольники, имитирующие зернь, обращенные углом к отверстию. Изделия снабжены литой петлей, имитирующей бусину.

В дореволюционном описании лунниц из Вятской губернии В.В. Гольмстен датировала замкнутые лунницы XII в. (Гольмстен, 1914, с. 1–20). В Новгороде несколько замкнутых лунниц обнаружено в слоях XIII в. (Седова, 1981, с. 24, рис. 6: 5, 7). Подобные лунницы из бронзы найдены в трех погребениях Ликинского могильника в Зауралье (Викторова, 2008, с. 86).

Остальные *плоские подвески* пока не составляют больших серий.

Из погр. 118 Плотниковского могильника происходит пара *монетовидных подвесок* диаметром 2,4 и 2,7 см с идентичным орнаментом, одна из которых сильно разрушена, вторая сохранилась хорошо (рис. 5: 1): по контуру – кайма, образованная концентрическими окружностями из выпуклых линий, разделенная на 4 части концентрическими кружками; в центре – концентрический кружок с точкой посередине. У одной из подвесок сохранилась литая петля, имитирующая бусину. Подвески с подобным декором известны в материалах вымских могильников XI–XIV вв. (Савельева, 1987, рис. 31: 28). На Плотниковском могильнике есть еще несколько фрагментов монетовидных подвесок с кружковым орнаментом (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 124).

В погр. 23 Плотниковского могильника найден фрагмент *монетовидной подвески* диаметром 2,7 см (рис. 5: 2) с ажурной *сердцевидной*, образованной четырьмя кружками, расположенными квадратом. Изделие снабжено литой петлей, имитирующей бусину.

Немного похожие на нее крестовключенные прорезные подвески известны в матери-

алах Чиргинского могильника XII–XIII вв. в Удмуртии (Иванова, 1992, с. 42, рис. 32: 8–9), в Белоозере в горизонте первой половины XIII в. (Голубева, 1973, с. 139, рис. 49: 10). Подобная подвеска с ажурным крестом из колечек в центре известна в материалах могильника Нефедьево первой половины XI – начала XIII в. (Макаров, 1997, с. 117, табл. 153: 2).

Квадратные подвески известны пока в двух экземплярах: подвеска из погр. 64 Плотниковского могильника размерами 1,6×1,6 см и подвеска из погр. 41 могильника Телячий Брод размерами 2,4×2,4 см (рис. 5: 3–4). Поле обеих подвесок разделено на 9 чередующихся в шахматном порядке квадратов – гладких и покрытых крестом решетки.

За пределами Пермского края аналогичных изделий пока не выявлено. В погр. 18 Вадьягского могильника XIII–XIV вв. в Республике Коми есть подобная квадратная подвеска, но с иной орнаментацией (Савельева, 1987, рис. 31: 29).

На Рождественском городище обнаружен фрагмент *монетовидной подвески* диаметром 2,5 см, поверхность которой покрыта *косой решеткой* (рис. 5: 5). Она напоминает характерные для Северной Руси косорешетчатые подвески XII–XIII вв. (Седова, 1981, с. 42, рис. 10: 1–2).

В погр. 97 Антыбарского могильника XII–XIII вв. в Чусовском районе Пермского края обнаружена *пара ромбических подвесок* размером 4×4 см (рис. 5: 6). На их лицевой стороне в центре прослеживается имитация ромбического каста, окруженного по периметру мелкой зернью, по углам – крупной; вдоль внешнего края подвески – два ряда гладких выпуклых валиков, повторяющих форму подвески, между ними по углам подвески – по три крупные зернинки, в верхнем углу вместо одной из них сформирована петля, отлитая вместе с подвеской. Подвески обнаружены возле черепа погребенного в области шеи (Ленц, 1989), что подтверждает их использование в составе шейно-нагрудного украшения.

Эти подвески имитировали ювелирные изделия из серебра с цветной вставкой, находки которых тоже пока единичны. Пара таких подвесок входила в состав Вильгортского клада, а одна обнаружена на Рождественском городище (Крыласова, Подосенова, 2019а).

Привески. В материалах Плотниковского могильника известны довольно крупные (длиной до 3 см) *каплевидные привески*. Из них 4 экз. (рис. 6: 5–6; две привески разруше-

ны) найдены в детском погр. 54 в районе грудной клетки (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 35). У всех подвесок прослеживается бордюр из ряда прямоугольных выпуклин, каждая была снабжена литой петлей, имитирующей бусину. На одном из артефактов на тулове имеется орнамент в виде «процветшего креста» (рис. 6: 6), как на описанной серии монетовидных подвесок. В женском погр. 169 тоже находилось 4 каплевидные привески (рис. 6: 1–4) в районе груди в составе ожерелья: одна привеска имела более округлые очертания с розетковидным орнаментом (рис. 6: 1), а остальные – вытянутые, обрамленные орнаментом, имитирующим зернь (рис. 6: 2–4).

Но наиболее хорошо известны небольшие *привески с шаровидным туловом*, как правило, покрытым вертикальными насечками. По форме, размерам и, вероятно, функциональному назначению они напоминают бронзовые шаровидные и гирьковидные привески X–XI вв., которые включались в состав ожерелий, головных и поясных украшений, а применение их в качестве пуговиц, как они интерпретируются в древнерусских материалах (Седова, 1981, рис. 61: 3–7), пока не фиксировалось. Наиболее представительная серия таких привесок собрана на Рождественском городище (напр., рис. 6: 7–12), откуда происходит и большинство литейных формочек с гнездами для их отливки (рис. 6: 13–16).

Если вышеописанные категории украшений находят параллели в более раннем костюмном комплексе, то следующая категория является совершенным новшеством, никогда ранее не употреблявшимся местным населением – это *нашивные колечки и ажурные «лапки»*.

Колечки обычно имеют диаметр до 1 см, могут иметь перемычку для удобства пришивания, поверхность их украшена насечками. Они часто встречаются на памятниках, датировка которых охватывает XII–XIV вв. Для примера представлены отдельные находки с Рождественского городища и Плотниковского могильника (рис. 7: 7–9, 12, 14).

«Лапки» обычно в могильниках составляют единый комплекс с колечками и, очевидно, использовались аналогично. Они имеют длину от 1,5 до 3 см, несколько различаются по пропорциям, но в целом схожи – это ажурные «скелетные» украшения, сплошь (включая колечко) орнаментированные насечками (напр., рис. 7: 10–11, 13–16). Иногда (напр., в погребениях Плотниковского могильника) колечки и «лапки» находятся в скопле-

Рис. 6. Привески каплевидные и шаровидные (1–12), формы литейные глиняные (13,15) и каменные (14, 16): 1–4 – п. 169, 5–6 – п. 54 Плотниковского м-ка; 7–15 – Рождественское городище; 16 – Саламатовское городище.
Fig. 6. Drop-shaped and globular pendants (1–12); moulds: clay (13, 15) and stone (14, 16): 1–4 – burial 169, 5–6 – burial 54 of the Plotnikovo burial ground; 7–12–15 – Rozhdestvensk hillfort; 16 –Salamatovo hillfort.

нии с бусами и раковинами каури, очевидно, их использовали для расшивки матерчатых воротников-ожерелков. В погр. 24 Антыбарского могильника сосредоточение свинцово-оловянистых колечек и «лапок» обнаружено в области пояса (Вострокнутов, Крыласова, 2012, с. 106–107, рис. 1: 16), Г.Т. Ленц предполагала, что ими был обшит поясной кошелек. То есть, несмотря на то, что внешне «лапки» из легкоплавкого сплава напоминают бронзовые привески-лапки ломоватовского времени, назначение их было совсем иным – бронзовые привески обычно прикреплялись на цепочках к основе шумящих подвесок, а оловянно-свинцовые нашивались на ткань.

Большинство известных литейных формочек имеют гнезда для отливки именно колечек и «лапок», причем нередко они сочетают-

ся на одной форме, еще раз подчеркивая, что использовались они в комплексе (напр., рис. 7: 1–6).

За последние годы ассортимент украшений из легкоплавких металлов пополнился *поясными накладками*, обнаруженными на Рождественском и Саламатовском городищах. Это представляет большой интерес, так как, судя по имеющимся наблюдениям, традиция использования наборных поясов с накладками из цветных металлов после XI в. начала постепенно угасать, причем эта тенденция характерна не только для Пермского Предуралья. Но местами население упорно сохраняло наборные пояса. В частности, при исследовании могильника Телячий Брод XII–XIV вв. отмечено копирование поясных наборов XI в., включающих накладки с «бабочковидным»

Рис. 7. Формы литейные глиняные (1–2) и каменные (3–6); нашивки колечки (7–9, 12, 14); нашивки «лапки» (10–11, 14–16): 1 – Анушкар городище; 2–4 – Рождественское городище; 5 – Саламатовское городище; 6 – Чашкинское II селище; 7–11 – Рождественское городище; 12 – п. 95, 13 – п. 129, 14 – п. 120, 15 – п. 23, 16 – п. 121 Плотниковского м-ка.

Fig. 7. Moulds: clay (1–2) and stone (3–6); appliques in the form of rings (7–9, 12, 14) and ‘paws’ (10–11, 14–16): 1 – Anuyshkar hillfort; 2–4 – Rozhdestvensk hillfort; 5 – Salamatovo hillfort; 6 – Chashkinskoye II settlement. 7–11 – Rozhdestvensk hillfort; 12 – burial 95, 13 – burial 129, 14 – burial 120, 15 – burial 23, 16 – burial 121 of the Plotnikovo burial ground.

орнаментом, а также маленькие сердцевидные и розетковидные накладки, украшавшие поясные привески (Крыласова, 2020). Накладки с могильника Телячий Брод отличаются худшим качеством, очевидно, изготовлены по оттиску предметов, долго бывших в употреблении. Именно накладки из таких наборов копируют *розетковидные накладки* из сплава на основе олова (рис. 8: 9–10). В подобных же наборах иногда в основании привесок крепились *выпуклые накладки в форме полушария*, покрытые насечками, – представительная серия таких накладок найдена на Рождественском городище (напр., рис. 8: 1–5).

Новинкой XII–XIII вв. стали бронзовые *накладки-тройчатки* в виде соединения трех «умбончиков» со спиральным орнаментом. К примеру, наборы таких накладок найдены на могильнике Телячий Брод, единичные экземпляры встречаются на городищах. На Рождественском городище наряду с бронзовыми найдены и подобные накладки из оловянно-свинцового сплава (рис. 8: 6–7).

Помимо этого, в тот же период получили распространение *круглые и квадратные ювелирные накладки из серебра*, оформленные зернью и сканью. Набор таких круглых накладок сопровождал элитное погр. 5 могильника Телячий Брод. Но в целом они, конечно, встре-

чаются довольно редко. Дорогие серебряные украшения могли заменяться более дешевыми литыми подражаниями. На селище Телячий Брод и Рождественском городище известны формы для отливки таких бляшек (рис. 6: 13; 8: 13–14), но сами накладки были обнаружены только в 2021 г. (рис. 8: 11–12).

И еще одна категория украшений из легкоплавких металлов – *перстни*. Эта категория особенно существенно расширилась за счет исследования участка Саламатовского городища в 2012 г., где обнаружено 14 перстней, из которых 8 – из оловянно-свинцового сплава (напр., рис. 9: 1–3, 8–10). К сожалению, перстни поражены т. н. «оловянной чумой» и орнамент на них виден лишь отчасти (Абдулова, 2013, с. 33–34). Перстни из легкоплавких сплавов есть также в материалах Телячьего Брода и Плотниковского могильников, Рождественского городища. Все они щитковые, подражают образцам болгарских и древнерусских перстней.

В рассматриваемый период в Пермском Предуралье были широко распространены *широкосрединные перстни из серебра с чернью*, как болгарского, так и местного производства, а также подражания им из легкоплавких сплавов. На Плотниковском могильнике найдено 3 экз. таких литых перстней (Крыла-

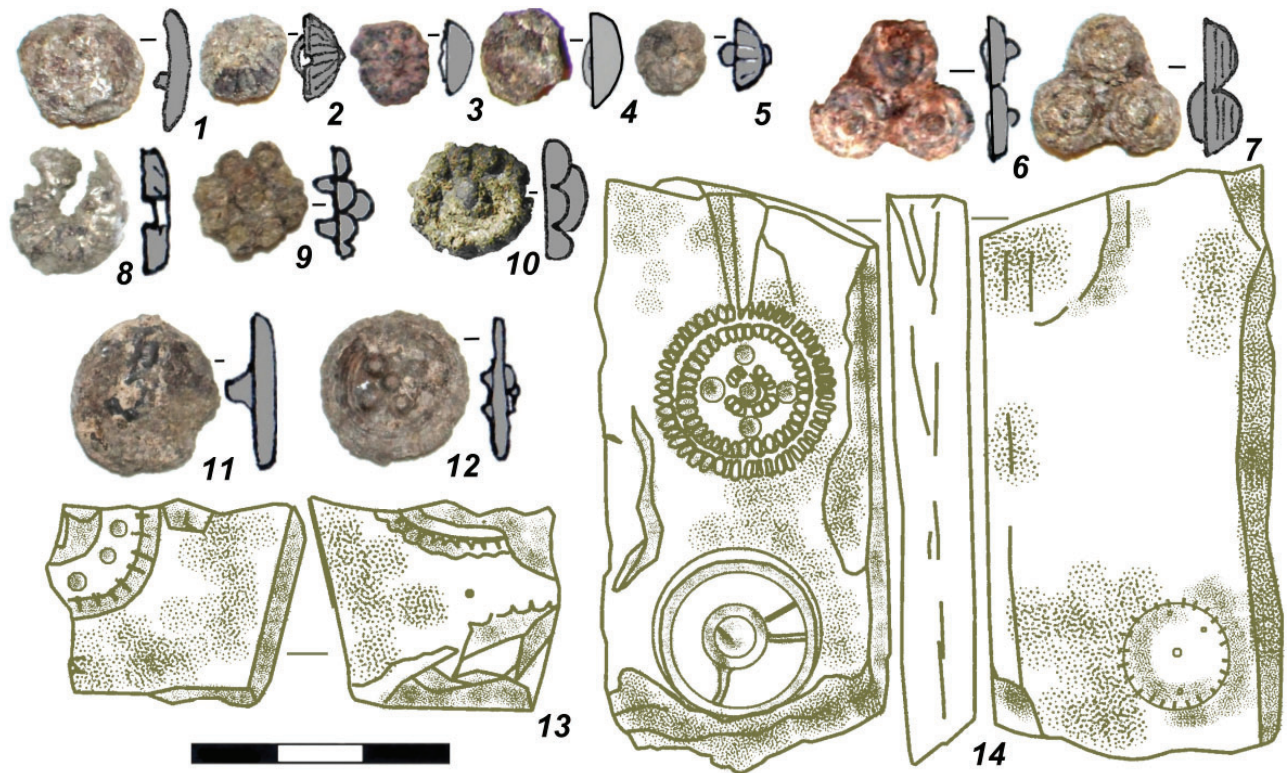

Рис. 8. Поясные накладки (1–12) и формы литейные каменные (13–14): 1–9, 11–12, 14 – Рождественское городище; 10 – Саламатовское городище; 13 – селище Телячий Брод.
Fig 8. Belt mounts (1–12) and stone moulds (13–14): 1–9, 11–12, 14 – Rozhdestvensk hillfort; 10 – Salamatovo hillfort; 13 – Telyachiy Brod settlement.

сова, Брюхова, 2017, с. 117) (напр., рис. 9: 5). К подобным подражаниям можно отнести и некоторые перстни с Саламатовского городища (рис. 9: 1–4).

Щитковосрединные перстни имеют несколько вариантов:

- *перстень с квадрифолийным щитком*, в центре – четырехлепестковая розетка (рис. 9: 6, погр. 15 Плотниковского могильника), может быть соотнесен с группой перстней с квадрифолийной печаткой, распространенных в Новгороде и других древнерусских землях с середины XIII до середины XV в. (Седова, 1981, с. 137–139, рис. 49: 26–27; 50: 12, 15–16; 52: 1, 3);

- *перстень с квадратным щитком*, в центре – крест (рис. 9: 7, могильник Телячий Брод). В Новгороде перстни с такими щитками из аналогичного материала найдены в слоях 60-х гг. XIII – 60-х гг. XIV вв., перстень с косым крестом – самый ранний из них (Седова, 1981, с. 136);

- *перстни с шестиугольными щитками* (рис. 9: 8–11). У двух экземпляров с Саламатовского городища на щитке прослеживается орнамент в виде креста (рис. 9: 8–9), у перстня из погр. 26 Плотниковского могильника – нечеткое изображение животного в

центре (рис. 9: 11). Т.И. Макарова упоминает о находках на Руси черных перстней с шестиугольным щитком с изображением зверя, похожего на гепарда (Макарова, 1986, с. 45, рис. 16: 86–87), в частности, они представлены вкладах XII–XIII вв. (Макарова, 1997, табл. 43: 35);

- *перстни с круглым щитком* (рис. 9: 12–13), центр выделен кружком, между ним и краями щитка – ряд небольших кружков. В Новгороде перстни с круглыми щитками существовали со второй половины XII до начала XIV в. (Седова, 1981, с. 132).

Но рассмотренными категориями ассортимент изделий из легкоплавких сплавов, очевидно, не ограничивался. В частности, на серии литейных форм (рис. 10) наблюдаются *прямоугольные гнезда* с прямой решеткой для каких-то накладок или нашивок и *вытянутые гнезда* для отливки небольших каплевидных привесок либо пронизок, но подобные изделия пока не встречались.

Таким образом, широкий ассортимент изделий из легкоплавких сплавов, наличие свидетельств их местного производства позволяют полагать, что они прочно вошли в состав декоративных элементов костюма местного населения. Притом очевидно, что

Рис. 9. Перстни: 1–4, 8–10, 12 – Саламатовское городище; 5 – п. 6, 6 – п. 15, 11– п. 26 Плотниковского м-ка; 13 – Рождественское городище.

Fig. 9. Signet rings: 1–4, 8–10, 12 – Salamatovo hillfort; 5 – burial 6, 6 – burial 15, 11– burial 26 of the Plotnikovo burial ground; 13 – Rozhdestvensk hillfort.

Рис. 10. Литейные формы Рождественского городища: каменные (1, 3) и глиняная (2).

Fig. 10. Moulds of the Rozhdestvensk hillfort: stone (1, 3) and clay (2).

погребальный обряд родановской культуры не предполагал сопровождения погребенного полным комплексом декоративного убранства костюма – в могилу помещались только те, которые обладали особой значимостью. Обзор украшений, включая находки с поселенческих памятников, позволяет расширить представления о костюме.

Причины массового распространения изделий из легкоплавких сплавов разноплановы. Во-первых, блестящие серебристые украшения из сплава на основе олова («серебра» бедняков) могли заменить в костюме серебряные изделия, которые стали менее доступными для широких слоев общества по причине недостатка сырья и усложнения технологий.

Во-вторых, распространение таких украшений, безусловно, отражает начало древнерусской колонизации Урала. Их древнерусские истоки подтверждаются наличием на Руси (особенно Северо-Западной) прямых параллелей для большинства рассмотренных изделий – медальонов и монетовидных подвесок, перстней, бус и пр. По мнению О.А. Щегловой, возникновение моды на украшения из свинцово-оловянистых сплавов обычно сопоставляется с волнами славянских переселенцев. Причем она подчеркивает, что изготовление изделий из свинцово-оловянистых сплавов не требует высокой специализации и появление формочек для их отливки на поселениях свидетельствует о движении населения, а не

мастеров. И при этом необходимо было не только наладить производство дешевых украшений, но и также, чтобы они пользовались спросом (Щеглова, 2002, с. 146–147). Следовательно, распространялись они либо в среде мигрантов, давно знакомых с подобными украшениями, либо среди местных жителей, испытывавших культурное воздействие переселенцев при непосредственном контакте с ними.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулова С.И.* Отчет о раскопках Саламатовского I городища в Чусовском районе Пермского края в 2012 году. Пермь: ПГГПУ, 2013. 61 с. / Архив МАЭ ПГГПУ.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 28–41.
- Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 191 с.
- Брюхова Н.Г.* Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в 2021 г. Пермь, 2021 / Архив МАЭ ПГГПУ.
- Викторова В.Д.* Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208 с.
- Вострокнутов А.В.* Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI – XIV в. н.э. СПб.: Мама-тов, 2020. 328 с.
- Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б.* Украшения XII–XIV из легкоплавких металлов на Территории Пермского Предуралья // Вестник пермского университета. История. 2012. Вып. 1 (18). С. 105–113.
- Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 212 с.
- Гольмстен В.В.* Лунницы императорского исторического музея имени императора Александра III. М.: Синод. тип., 1914. 20 с. 1 л. табл.: ил.; 32.
- Ениосова Н.В.* Результаты РФА анализа тиглей и литейных форм из Пермского края, проведенного в лаборатории МГУ в 2010 г.: Рукопись
- Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.
- Крыласова Н.Б.* Реконструкция «классических» поясных наборов, включающих накладки с «бабочковидным» орнаментом // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVII. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2020. С. 85–99.
- Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г.* Плотниковский могильник / Археология Пермского края: свод археологических источников. Вып. IV. Пермь: ПГГПУ, Музей Археологии и этнографии Пермского Предуралья, 2017. 222 с.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А.* Легирующие металлы в цветной металлургии Пермского Предуралья: Товарная форма и возможные источники поступления // РА. 2019. № 3. С. 62–74.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А.* Ромбическая ювелирная подвеска из Рождественского городища // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019а. Вып. 9. С. 86–93.
- Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 386 с.
- Макарова Т.И.* Черное дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.
- Оборин В.А.* Коми-пермяки в IX–XV вв.: Родановская культура. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИИМК АН СССР, 1957. 20 с.
- Пастушенко И.Ю.* Кишертский могильник в бассейне р. Сылвы // Finno–Ugrika. 2005–2006. № 9. С. 40–71.
- Подосенова Ю.А.* Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГГПУ, ПФИЦ УрО РАН, 2021. 210 с.
- Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.
- Савельева Э.А.* Жигановский могильник. Сыктывкар: ИИЯЛ КомиНЦ УрО РАН, 2010. 454 с.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Седова М.В.* Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 63–78.
- Щеглова О.А.* Свинцово-оловянистые украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 134–150.

Информация об авторе:

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук; профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

REFERENCES

Abdulova, S. I. 2013. *Otchet o raskopkakh Salamatovskogo I gorodishcha v Chusovskom rayone Permskogo kraya v 2012 godu (Report on the excavations of the Salamatovo I hillfort in the Chusovoy district of the Perm Krai in 2012)*. Perm. Archive of the Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2016. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istorii (Bulletin of Perm University. History series)* 32 (1), 28–41 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotorevka settlement)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Bryukhova, N. G. 2021. *Otchet o raskopkakh Plotnikovskogo mogil'nika v Kudymkarskom rayone Permskogo kraya v 2021 g. (Report on the excavations of the Plotnikovo burial ground in the Kudymkar district of the Perm Krai in 2021)*. Perm. Archive of the Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

Viktorova, V. D. 2008. *Drevnie ugry v lesakh Urala (The Ancient Ugrians in the Ural forests)*. Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ. (in Russian).

Vostroknutov, A. V. 2020. *Shumyashchie ukrasheniya Permskogo Predural'ya kontsa XI – XIV v. n.e. (Jingling jewelry of the Perm Cis-Urals at the end of the XI – XIV century AD)*. Saint Petersburg: "Mamatov" Publ. (in Russian).

Vostroknutov, A. V., Krylasova, N. B. 2012. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istorii (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 18 (1), 105–113 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1973. *Ves' i slaviane na Belom ozere. X–XIII vv. (The Ves and the Slavs on Lake Beloye. 10th–13th Centuries.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gol'msten, V. V. 1914. *Lunnitsy imperatorskogo istoricheskogo muzeia imeni imperatora Aleksandra III (Lunulas from the Imperial Historical Museum named after Emperor Alexander III)*. Moscow: "Sinodal'naia tipografiya" Publ. (in Russian).

Eniosova, N. V. 2010. *Rezultaty RFA analiza tigley i liteynykh form iz Permskogo kraya, provedennogo v laboratorii MGU v 2010 (The results of the X-ray fluorescence analysis of crucibles and moulds from the Perm Krai, carried out in the laboratory of Moscow State University in 2010)*. Moscow (in Russian).

Ivanova, M. G. 1992. *Pogrebal'nye pamiatniki severnykh udmurtov XI–XIII vv. (Burial Sites of the Northern Udmurts of the 11th–13th cc.)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Krylasova, N. B. 2020. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XVII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 85–99 (in Russian).

Krylasova, N. B., Bryukhova, N. G. 2017. *Plotnikovskiy mogil'nik (Plotnikovo burial-ground)*. Series: *Arkheologiya Permskogo kraya: svod arkheologicheskikh istochnikov (Archaeology of the Perm Kra: a Code of archaeological sources)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 62–74 (Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A. 2019a. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals)* 9, 86–93 (in Russian).

Makarov, N. A. 1997. *Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vv. Po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Beloz'er'ya i Poonezh'ya (Colonization of the northern peripheries of Ancient Rus in the XI–XIII centuries. According to the materials of archaeological sites on the portages of Lake Beloye and Onega river areas)*. Moscow: "Skriptorii" Publ. (in Russian).

Makarova, T. I. 1986. *Chernevoe delo Drevney Rusi (Niello Art in Ancient Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Oborin, V. A. 1957. *Komi-permyaki v IX–XV vv.: Rodanovskaya kul'tura (The Komi-Permyaks in the IX–XV centuries: the Rodanovo culture)*. Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Moscow: Institute for History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Pastushenko, I. Yu. 2005-2006. In *Finno-Ugrika*. 9, 40-71 (in Russian).

Podosenova, Yu. A. 2021. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Savel'eva, E. A. 1987. *Vymskie mogil'niki XI-XIV vv. (The Vym' Burial Grounds of 11th – 14th Centuries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Savel'eva, E. A. 2010. *Zhiganovskii mogil'nik (Zhiganovka Burial Ground)*. Syktyvkar: Institute for History, Language, and Literature, Komi Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X-XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sedova, M. V. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 63–78 (in Russian).

Shcheglova, O. A. 2002. In Kirpichnikov, A. N. (ed.). *Ladoga I ee sosedi v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and its Neighbours during the Middle Age)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 134–150 (in Russian).

About the Author:

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; Associate Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

УДК 903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.178.191>

ВЫДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЭЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ С ПОЗИЦИЙ ФОРМ СОЗНАНИЯ

© 2022 г. В.И. Кузин-Лосев

В статье предлагаются новые подходы, связанные с выделением внутри культур эпохи бронзы Северной Евразии социальных страт элитариев по ряду своеобразных критериев. Элита общества с определенного исторического этапа является носителем специфических форм сознания, а вслед за этим и потребителем совершенно новых знаковых систем и культурных форм. Обращение к различным формам культуры позволяет выделить внутри общества ряд критериев, по которым выявляются отдельные социальные группы с разными ментальными парадигмами. По археологическим материалам Северной Евразии класс элитариев впервые выделяется в майкопской культуре. Ключевое место в статье принадлежит семиотическому анализу археологических материалов деструктивного периода перехода от эпохи средней бронзы к поздней. Обращение к культурно-историческим процессам в эпоху бронзы степного ареала Восточной Европы и Приуралья позволяет констатировать присутствие нескольких субкультур в рамках единой культуры. Структурные образования субкультур рассматриваются как взаимодополняющие друг друга. Таким образом, в работе разбирается один из аспектов древностей степной Евразии в пределах новой археологии.

Ключевые слова: новая археология, знаковые комплексы, семиотика древности, эпоха бронзы, социальная элита, ментальные парадигмы, демография и теория информации.

HIGHLIGHTING OF NORTHERN EURASIA SOCIAL ELITES FROM THE POSITION OF CONSCIOUSNESS FORMS

V.I. Kuzin-Losev

The author suggests new approaches related to the identification of elitist social strata within the Bronze Age cultures of Northern Eurasia according to a number of unique criteria. The elite of society from a certain historical stages was the bearer of specific forms of consciousness, and after that, the consumer of completely new sign systems and cultural forms. The appeal to various forms of culture allows us to identify within society a number of criteria by which individual social groups with different mental paradigms are identified. According to the archaeological materials of Northern Eurasia, the class of elitists is first revealed in the Maikop culture. The key place in the article is the semiotic analysis of archaeological materials of the destructive period of transition from the Middle Bronze Age to the Late Bronze Age of Northern Eurasia. The reference to the cultural and historical processes in the Bronze Age of the Eastern Europe steppe area and the Urals allows the author to state the presence of several subcultures within a single culture. Structural formations of subcultures are considered as complementary to each other. Thus, the work deals with one of the aspects of the antiquities of steppe Eurasia within the new archaeology.

Keywords: new archaeology, key complexes, semiotics of antiquity, the Bronze Age, social elite, mental paradigms, demography and information theory.

Введение

Периодически в любой науке возникает затруднительная ситуация, требующая выхода из сложившихся научных парадигм. Невозможность в пределах традиционной археологии решать общеисторические проблемы прошлого приводит к постоянному поиску новых подходов и все большему междисциплинарному сотрудничеству. В какой-то момент взаимодействие археологии с гуманитарными науками испытывает трудности и сопровождается противоречиями неразрешимого характера. В изучении древностей эпохи бронзы Северной Евразии пусть с трудом, но

формируется новое направление, для которого область исследований находится вне традиционных подходов.

Превратившись в самостоятельное направление, новая археология к настоящему времени обладает уже сложившейся научной традицией. Монографии Л.С. Клейна и И.А. Шутелевой, вышедшие в 2009 г. и 2010 г. соответственно (Клейн, 2009; Шутелева, 2010), подводят своеобразный итог теоретическому развитию методологических идей новой археологии. Л.С. Клейн в своей книге сосредоточился на 60–70 годах XX в., работа И.А. Шутелевой более широкая по времен-

ному охвату и захватывает собой частично постпроцессуализм. Указывая на ощущение кризиса и разочарование в новой археологии и затрагивая ее перспективы, Л.С. Клейн пишет, что пора «подвести черту и сделать следующий рывок вперед» (Клейн, 2009, с. 326). Неудовлетворенность возможностями интерпретации археологических источников в рамках методологических приемов процессуальной археологии привела к появлению иных направлений. Подходы, предложенные Яном Ходдером, позволили вывести интерпретацию археологического материала на новый уровень, и ему принадлежит особое место в формировании отдельного самостоятельного течения в пределах новой археологии. Дальнейшее развитие идей постпроцессуальной археологии о большой роли духовного начала в общественных трансформациях древнего общества привело к концепции неолитической «революции символов», связанной с ментальными подвижками в общественном сознании, – проблеме, затронутой в работах Т.В. Корниенко (Корниенко, 2014, 2016).

Необходимо отметить, что в советской семиотике вопросы, связанные с неолитической революцией в ее знаковых и символических выражениях, решались в пределах московско-тартуской семиотической школы раньше идей Я. Ходдера. Небольшая работа В.Н. Топорова «Древнебалканская неолитическая цивилизация. Общий взгляд», опубликованная в 1986 г., и в настоящее время не утратила актуальности и методологической важности относительно понимания природы знаковости и символики неолитических культур (Топоров, 1986). В этом же ряду стоит его статья о знаке, его ритуальных и смысловых локусах в пределах древней индоевропейской традиции (Топоров, 1991). Следует отметить работу Вяч.Вс. Иванова 1979 г., в которой разбирается искусство и религия Чатал-Гююка и Хиджалара, в том числе в их связи с символами и знаками (Иванов, 1979, с. 13–23, 28–38). Работы Вяч.Вс. Иванова, Т.В. Цивьян и ряда других представителей советской семиотической школы, посвященные изучению балканской модели мира, выявляют архаические пласты знаков и семантем культурного мира Балкан глубокой архаики. К сожалению, данные разработки во многом остаются невостребованным постсоветским археологическим сообществом, занимающимся изучением духовного мира эпохи раннего металла. Определенные подвижки начали происходить в последние десятилетия, что во многом было связано с подключением

Вяч.Вс. Иванова к археологической проблематике индоевропейских древностей Северной Евразии (Иванов, 1999).

Методы и материалы исследования

В России, а затем в СССР сложилась устойчивая традиция изучения сознания человека через воспроизведение им действительности с помощью знаковых систем. Первоначально Л.С. Выготский сформировал представления о человеке как о физическом и социальном объекте, способном к знаковости и символизму, а его ученики Л.Н. Леонтьев и А.Р. Лурье развили данные идеи, переведя их в историко-культурную область. По Л.Г. Выготскому, для человека овладение знаком и символом превращается в способность к опосредственности, где опосредственность предполагает подмену предмета, вещи или просто реально существующих явлений некими образами и знаками. Перевод явления мира в знак неразрывно связан с моделированием, например, в той же ситуации взаимоотношений знака с другим знаком. Кроме того, знак оформляет среду, пространство (в его широком понимании слова), которое окружает человека (Салмина, 1994). Когда же речь идет об искусственных компонентах культуры, созданных человеком на протяжении большого исторического пути, совершенно необходимо при реконструкциях и интерпретациях учитывать особенности трансформации мышления во времени. Ментальность по своей природе обусловлена характером исторических эпох, и данное положение является базовым. Рассмотрение ментальности с позиций исторической стадильности приводит к тому, что смена исторических эпох выступает чередой различных форм общественного сознания. В работах В.С. Библера процесс формирования мышления в истории человечества, рассмотренного через призму смены качественно разных операциональных структур и типов культур, получил обоснование в системе «диалога культур». В его понимании тип мышления характеризуется особыми знаково-символическими системами и принципами построения текстов, отражающих основы мироустройства и бытие человека в мире (Салмина, Звонова, 2018, с. 32–33).

В советской археологии вопросы мировоззрения древних народов занимали свое важное место. Достаточно назвать такие имена, как Б.Ф. Поршнев, Е.В. Антонова, Е.Е. Кузьмина, Д.С. Раевский, Г.А. Федоров-Давыдов. Проблемы специфики сознания древнего населения степей Евразии затра-

гивались археологами в той или иной мере. Особенно это относится к скифо-сибирскому миру, где работам Д.С. Раевского, Е.М. Кузьминой, П.К. Дашковского принадлежит особое место. Относительно эпохи раннего металла и бронзы всё обстоит сложнее. Попытка путем изучения погребального обряда понять ментальность людей эпохи бронзы Казахстана была предпринята Э.Р. Усмановой (Усманова, 1995, с. 171–176). Однако, как было справедливо подмечено, отсутствие методологической основы и неразработанность методики для такого рода исследований позволили ей получить весьма ограниченные результаты, и они относились больше к специфике погребального обряда представителей федоровской и алакульской культур, чем их ментальности (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 119). Ю.И. Михайлов относительно сознания древнего населения степей выбрал оригинальный подход, связанный с «портретированием культуры» (Михайлов, 2001). Серия работ П.К. Дашковского (Дашковский, 1999, 2000, 2002) и совместная его работа с А.А. Тишкиным (Тишкин, Дашковский, 2003) были, по сути, первыми, в которых вопросы ментальности древних народов Северной Азии получили достойное освещение. П.К. Дашковский в своих научных работах предложил целостное методологическое обоснование путей изучения древней ментальности кочевников, проделав перед этим большое историографическое исследование (Дашковский, 2011). Заслуживает внимание с методологических позиций работа А.Б. Островского относительно изучения менталитета в традиционной бесписьменной культуре с позиций структурно-семиотического подхода (Островский, 1996). Необходимо отметить статьи Е.Н. Черных, опубликованные в 1982 г. (Черных, 1982а, 1982б), о рациональном и иррациональном в древних культурах.

Основные положения

В археологии Восточной Европы и Сибири общепринято выделение социально значимых признаков в зависимости от особенностей погребального обряда. Подобная методика позволяет добиться результатов при реконструкции социальных структур древних обществ и потому остается востребованной до настоящего времени. В своей работе хотелось бы обратиться к социально-общественным системам степной Евразии эпохи бронзы через описание механизма формирования элитариев как группы людей, наделенных особыми формами сознания. Исходным будет

положение, что особенности сознания неизбежно проявляют себя в культурных формах и явлениях, закрепляясь в знаковых системах культур.

Степень развитости сознания неотделима от способности к символизму и отвлеченной понятийности. Исторически известно, что овладение символическим типом сознания относится к узкой группе элиты общества. Даже в современном высокоцивилизационном обществе навыками символического и понятийно-абстрактного мышления обладают далеко не все люди, а в нынешних условиях деградации образования и общества разрыв социальных групп по ментальным способностям особо заметно. С какого-то исторического периода элита общества становится носителем специфического мышления, а вслед за этим и потребителем неизвестных ранее культурных форм, какими являются в том числе произведения искусства.

Начиная с периода формирования сложных обществ типа чифдома или «высокого варварства», фиксация новых социальных страт происходит не в последнюю очередь благодаря появлению в культурах высокохудожественных образцов искусства. Именно с этого периода наблюдается разделение культуры на «высокую» и «низовую». Ю.Е. Березкин для древних обществ специально выделяет драгоценные металлы и высококачественную керамику, вообще «предметы искусства» в качестве критериев для идентификации усложненных социополитических организаций. Как он отмечает, для создания подобных изделий требуется профессиональная квалификация мастеров (Березкин, 2014, с. 193).

Относительно Северной Евразии о появлении высокохудожественных изделий и слоя элитариев с уверенностью можно говорить начиная с майкопской культуры. В майкопских памятниках впервые появляются драгоценные вещи, к которым применимо определение произведений искусства. Р.М. Мунчаева полагает, что золотые кольца в майкопских погребальных комплексах были продукцией местного производства (Мунчаев, 1975, с. 407). Данную точку зрения поддерживает В.М. Массон (Массон, 1997, с. 76). Мастера ни одной культуры Европы или Ближнего Востока не проявили такого искусства в формовке сосудов из меди и бронзы, как майкопские (Рындина, 2017). Признаки высокотехнологического ремесла помимо металла наблюдаются также в керамическом производстве (Бобринский, Мунчаев, 1966; Мунчаев, 1975,

с. 373–375). Специализированное производство во многом было ориентировано на социальные верхи общества. Только узкий слой элиты мог себе позволить высококачественные и дорогие предметы и образцы искусства.

Неординарные для своего времени погребальные памятники типа Майкопа с обильными драгоценностями внезапно появляются и бесследно исчезают. Очаговый характер майкопской культуры присущ и неординарному Варненскому могильнику, отмеченному вещами из драгоценных металлов, который также находился в отдалении от древневосточных центров цивилизаций (Черных, 1982б; Черных, 2013, с. 130–135, 162–167). Данное явление достаточно примечательно, чтобы не обратить на себя внимание. Историческая судьба майкопской культуры позволяет ставить вопросы о динамике социальных процессов в обществах эпохи раннего металла и бронзы Северной Евразии.

Появление элит, если брать процесс в историческом разрезе, процесс не безусловный. Элиты могут возникать и исчезать, заменяясь новыми, что не раз фиксируется в истории. Майкопская культура в этом плане интересна тем, что она свидетельствует об отсутствии социальной регенерации элиты общества в историческом будущем. Социальные верхи общества могут вслед за всей культурой менять свое культурное окружение – видоизменение культурных форм вполне возможно и даже ожидаемо для больших исторических периодов, но содержательно в пределах культуры должна сохраняться некая субкультура знати, противостоящая остальной массе соплеменников. Как раз отсутствие преемственности в продолжении традиций изготовления предметов высокохудожественного искусства в постмайкопское время, пусть и в иной художественной манере, позволяет говорить об отсутствии элитариев в обществах Предкавказья в более поздние времена.

Вполне очевидно, что для существования элиты требовались условия, в которых мог бы быть востребован новый тип личности с новыми формами мышления. Должна была сформироваться устойчивая человеческая среда, которая обладала бы ушедшим от мифопоэтической архаики сознанием. Можно констатировать, что в майкопском обществе не было мощного слоя носителей специфического сознания понятийно-отвлеченного характера (об абстрактном сознании в данную историческую эпоху говорить не приходится). Массовое сознание оставалось в рамках

мифологического типа, и лишь отдельные представители социума начинали нарабатывать навыки нового осмысления мира. Неудивительно, что исчезновение в древнейших обществах узкого слоя элитариев приводило к общей архаизации культуры и общества. Или, в более привычных терминах, наблюдается общественно-социальная регрессия и возвращение к более простой родо-племенной системе отношений.

Майкопская культура на протяжении долгого времени оставалась в Северной Евразии уникальным явлением. Вплоть до скифо-сарматского времени здесь не встречаются высокохудожественные произведения искусства из драгоценных металлов и высококачественной керамики, пусть и в качестве импорта. Вся эпоха бронзы Северной Евразии прошла под знаком родового общества. Ямная культурно-историческая общность, афанасьевская культура, свита катакомбных культур, бабинская, срубная, сабашиновская, андроновские культуры демонстрируют унификацию и бедность погребального обряда, монотонность предметного культурного ряда, не сопоставимые с майкопскими памятниками типа кургана Ошад и Старомыштакского клада. При всей невыразительности культур эпохи бронзы все же есть признаки, позволяющие заметить начало изменчивости древних обществ в сторону становления класса элитариев со специфическими формами сознания задолго до скифо-сарматского периода.

С конца средней бронзы в восточноевропейском регионе от Северского Донца до Урала начинается трансформация степного культурного мира. Помимо смены археологических культур при переходе к поздней бронзе изменения коснулись идеологической надстройки. В катакомбной культуре смысловая система оставалась в достаточной степени архаичной, что видно по актуальности для нее мифологемы «демиурга» (Кузин-Лосев, 2007, с. 189–192). С её финалом на смену старой смысловой системы приходит совершенно новая.

После открытия Синташты (Генинг, 1977, 1992) и выхода книги К.Ф. Смирнова и Е.Е. Кузьминой (Смирнова, Кузьминой, 1977) проблематика переходного периода, часто называемого деструктивным, постоянно находится в центре внимания археологов. Все новые археологические открытия увеличивают источниковую базу и расширяют наши представления об этом историческом периоде.

К настоящему времени понятен его характер. Отношения между племенами в рассматриваемый период были достаточно непростыми и носили нередко эскалационный характер, о чем свидетельствуют Пепкинский курган, Ливенцовская крепость, сеть крепостей-поселений на Южном Урале, появление в захоронениях оружия. Среди всего массива погребений степного пространства от Урала до Среднего Дона присутствуют неординарные комплексы, относящиеся к воинской знати, элитариям. Показателен также элитарный характер сеймино-турбинских памятников (Черных, Кузьминых, 1987, с. 84–105).

Параллельно с нарастанием тенденций культурного разнообразия в степной ойкумене формируются общие, надкультурные компоненты – явление, получившее название «космополитизма» и характерное для социальной верхушки общества (Бочкарев, 1991). Одновременно происходило распространение новых культурных достижений, потестарных систем и, что особенно важно для нас, идеологических систем, придававших наступающей эпохе особое своеобразие (Черных, 1989, с. 21–29; Дремов, 1997; Гончарова, 1999, с. 347). На примере памятников Нижнего Поволжья делается вывод о переходе в данный период людей от магического культа к религиозным представлениям, что повлекло за собой быстрое формирование новых культурных традиций, которые способствовали появлению, в частности, срубной культуры (Дремов, 1997)¹.

Сопоставление западной и восточной частей региона в деструктивный период между двумя эпохами (средней и поздней бронзы) позволяет сделать ряд важных наблюдений. Элиты бабинской культуры и соседнего ей восточного региона отличаются между собой знаковыми комплексами. Обращение к семиотическим системам культур эпохи бронзы позволяет описать данное явление.

Своеобразие бабинского погребального обряда состоит в отсутствии практики помещения в могилы конской узды, колесниц, как это было в соседних восточных культурах. Объяснение этому лежит в механизме функционирования смысловых парадигм двух блоков культур – данная проблематика была разобрана в отдельной статье (Кузин-Лосев, 2011, с. 215–217). Бабинскую погребальную обрядность отличает видимый аскетизм. И вот на таком фоне выделяется одна специфическая особенность – в погребениях появляются ременные (или плащевые) пряжки.

Пояс в бабинской культуре, видимо, обладал статусным характером. Существуют комплексы, в которые наряду с пряжками помещали набор стрел: подобное погребение обнаружено в кургане «Беева Могила» недалеко от Горловки (Полидович, 1993, с. 80–82). Наличие в погребении стрел подтверждает воинский статус «людей с пряжками» бабинской культуры, и такие погребения относились к социальной верхушке общества. Сама традиция знаковой выделенности стрел в качестве инсигний власти восходит к позднекатамобной культуре (Смирнов, 1996, с. 121).

На себя обращает внимание факт изменчивости видов пряжек во времени. В бабинской культуре за две-три сотни лет сменилось четыре типа пряжек, что может быть расценено в том ключе, что почти каждое новое поколение имело свои предпочтения в оформлении внешнего вида данной категории изделий. Вкус к изменчивости вещей, фиксируемый по эволюции пряжек, отличается от стремления следовать устоявшимся традициям, что наблюдается в типах посуды и погребальной обрядности. Показательно, что аналогичные процессы заметны при анализе упряжи для колесниц (псалиев) у племен, обитавших восточнее бабинской культуры, аналогичные тенденции прослеживаются относительно роговых и костяных наконечников, колец, бронзовых ножей.

На себя обращает внимание изменчивость вкусов элиты общества во времени. Данному явлению вполне подходит определение «мода», и оно относилось к социальной элите общества. Подобные тенденции хорошо заметны на позднем этапе катакомбной культуры на примере изменчивости украшений, когда на смену стабильным видам шнуровых подвесок приходит их разнообразие в позднекатакомбный период, появляются заимствования из северокавказской культуры. Можно констатировать: общество в переходной период к поздней бронзе перестало быть консолидированным, из него выделились и оформились в отдельную социальную группу элитарии, маркированные особым знаковым комплексом. Таких элитариев отличает предпочтение к изменчивости форм предметного мира, что позволяет говорить о существовании особой ментальности у элиты общества. Для нас важен сам факт: за особенностями изменчивости узкой группы предметов с высоким социальным статусом, при устойчивости общекультурного фона, стоят специфические формы сознания людей.

Развитие российской археологии в последние тридцать лет позволяет ставить вопросы, ранее в принципе не решаемые в системе исторических древностей степной Евразии. В качестве одного из примеров новых возможностей, которые открываются в области изучения смыслов далекого прошлого, можно расценивать фиксацию разных *временных парадигм* (моделей) в обществах эпохи бронзы степной части Евразии. Д.Г. Зданович попытался обрисовать некую парадигму восприятия мира в азиатской архаике, в основе которой находились представления о зооморфных и антропоморфных образах космоса в их связи с временными и календарными системами, в частности, он остановился на ритуале ашвамедха (Зданович, 2007). Ашвамедху в контексте степных древностей Северной Евразии специально рассматривает И.В. Ковтун (Ковтун, 2011, с. 62–65; 2013, с. 139–142).

Описание двух временных парадигм в пределах единой культурной традиции возможно на основе динамики изменчивости предметных форм и декора вещей. Такая понятийная категория, как «время», становится реальностью для социальной элиты, тогда как масса рядового населения продолжала следовать мифопоэтической традиции восприятия действительности. Подобные процессы хорошо диагностируются по эпосу как особому историческому жанру. Ценность эпоса состоит в том, что по нему прослеживается, как новое сознание оперировало временной перспективой, иногда закрепляясь в виде генеалогий героев. Генеалогии были простейшего вида историями с выраженной временной перспективой. Параллельно происходили изменения в морально-этической шкале ценностей: у героев, ведущих свое происхождение от богов и легендарных царей, появляется презрение к черни, не знающей своего родства. Это первый социальный раскол общества, заданный ментальными структурами, а не системой кровнородственных отношений.

Объективные характеристики времени: непрерывность череды событий, вектор событий только в одну сторону без возможности возвращения в прошлое, умение планировать и тем самым управлять временными характеристиками (моделирование будущего)² — оказывались в культурном багаже социальной элиты. Элитарии начинают осваивать приемы анализа фактов действительности в их реальной естественной связности, а не в преде-

лах мифологических схем. Представители субкультуры, попадая в систему отношений, нацеленную на познание логики событий на основе внутренней канвы происходящего, неизбежно оказывались в логике причинно-следственных связей, а не подобия на основе тождественности. Овладение причинно-следственными связями в осмыслении событий приводило к тому, что формировалась особая модель мира, пусть пока еще сильно мифологизированная.

Новые ментальные качества элиты общества были востребованы в непростых условиях исторического периода, отмеченного военными столкновениями, перемещениями, взаимодействиями с инокультурной средой. Сила вновь нарождавшейся элиты состояла в ментальности, в способности оценивать действительность с позиций причинно-следственной логики, что повышало выживаемость коллективов.

Появившаяся субкультура элитариев выполняла еще очень важную для общества задачу по смягчению для культуры и ее представителей давления действительности в пределах информационной аномалии. С точки зрения теории информации, субкультура, помимо отсеивания негатива, выполняла своеобразную функцию *культурного кода*, через который осуществлялось проникновение в нее новых сообщений и сведений об окружающем мире.

Под напором информационного взрыва происходит естественная дестабилизация семантизированной области культуры. Дестабилизация старой смысловой области сопровождается взаимосвязанными явлениями: возникновением новых текстов культуры, знаковых систем, иногда моделей культуры. Именно в культурном мире элиты происходило накопление разного рода новых «текстов», будь инокультурные заимствования или вновь созданные, новые модели поведения, в нашем случае воинского типа. За счет новых текстов и моделей, аккумулированных в субкультуре элиты, происходило увеличение резервных возможностей всей культуры и всего общества, обеспечивая ему необходимый запас прочности.

Последствием формирования отдельной субкультуры элиты было размывание единства общества и обособление отдельных социальных групп друг от друга, неизбежно возникали некоторые трудности в процессе коммуникации между соплеменниками. Для компенсации такого рода негативных момен-

тов подсознательно формировался особый культурный механизм. Он предполагал включение всех социальных групп в более сложное образование – в высшее единство. Такой механизм обнаруживается на языковом уровне, где функционировал особый язык и особый «текст культуры», которые поднимались над остальными и обладали общекультурным статусом.

Материализацией метаязыка культуры в осязаемом виде было появление или грандиозных обрядов как по своему внешнему, так и по содержательному всекосмическому охвату, или возведение архитектурных построек опять же космологического содержательного уровня, требовавших концентрации усилий всех членов общества. Следы величественных построек или следы больших жертвоприношений свидетельствуют не только о выделении в обществе социальных страт. Обнаруживаемый циклопизм представляет собой особую языковую систему, поднимающуюся над всеми субкультурами общества и базирующуюся на своей особой семантической системы, а именно религии. Данные наблюдения позволяют ставить вопрос о существовании жречества. При отсутствии письменных источников с трудом можно делать предположения только на археологических материалах о характере взаимоотношений жрецов и общества, а также ответить на вопрос: была ли эта социальная прослойка избираема из числа жителей либо имела передающиеся по наследству функции (Куприянова, 2019, с. 29–30).

С позиций семиотики в культуре фиксируется несколько различных «моделей мира», относящихся к разным социальным группам. Как раз по материалам синташтинской культуры удается отчетливо проследить наличие отдельных субкультур со своими особыми семиотическими языками, а также отдельную надкультурную модель, которая поднималась над каждой из них и способствовала объединению людей в пределах одной культурной традиции. Такая надкультурная реальность превращается в своего рода идеальную модель общества. Идеальные модели иногда можно фиксировать по археологическим источникам. На основе анализа кладбищ представителей андроновской культуры реконструируется идеальная социальная реальность по представлениям андроновцев (Михайлов, 2004, с. 37–38). Более того, Ю.И. Михайлову удалось привязать контекст социальной реальности к мировоззренческим представлениям древнего населения, восходившим к эсхатоло-

гии. Планировка поселений типа Аркаима и Синташты, где жилища не выделялись своими размерами, было стремлением формирования идеальной социальной системы отношений в обществе (Кузин-Лосев, 2008, с. 283–285).

Обращение к судьбе синташтинской культуры весьма показательным с точки зрения неустойчивости социальных систем в исторической перспективе. При всей внешней яркости и самобытности сама культура исчезает, а вместе с ней и субкультура элиты теряет свои признаки, но не исчезает в обществе слой элитариев. Данное явление достаточно примечательно.

Окончание деструктивного периода и переход к эпохе поздней бронзы в Северной Евразии связаны с возникновением совершенно новых культурных миров: андроновского, срубного, сабашиновского. Со стабилизацией обстановки в степи и лесостепи Евразии сложилась культурно-историческая ситуация, диктовавшая свой круг проблем. На передний план выходила проблема осуществления коммуникационных контактов с носителями идентичной или близкой культурной традиции. Коммуникационные связи между людьми переносились из внешнего пространство во внутреннее. Это повлекло за собой сближение кодовых систем между территориально и культурно-исторически родственными анклавами, что и привело в итоге к оформлению андроновской, срубной и сабашиновской культур. В процессе такого сближения неизбежно происходило отсечение всего второстепенного и сохранение основополагающего в культуре. Отсюда упрощение всевозможных кодов культуры и унификация самой культуры. Как раз срубная и андроновские культуры дают показательные примеры изживания традиций более раннего времени и утверждения новой культурной парадигмы, открывавшей собой новую историческую эпоху.

Как нам представляется, в данных культурно-исторических процессах элитарии не исчезали – они приобретали новые качества. Верхушка общества в эпоху развитого этапа поздней бронзы превращается в носительницу жесткой семантизированнойности, а не проводником новшеств и инноваций. Повышенная строгость к следованию норме, общая семантизированнойность теперь в большей мере становились достоянием субкультуры социальных верхов, в то время как культурное пространство рядовых членов общества приобретало большую свободу от детерминированности. Произошла своеобразная инверсия страте-

гии смысловых парадигм социальных групп в сравнении с предшествующей эпохой. Всякого рода линейность, столь характерная для периода насыщенного историческими событиями и катаклизмами, но совершенно излишняя при стабилизации ситуации в Степи, оттеснялась на периферию культуры. Социальная элита теряла знаковый статус носителя «линейности» в знаковом выражении, но не теряла своего типа мышления, основанного на линейности причинно-следственного ряда. Новая элита превращалась в консервативную часть общества. Она застыла в состоянии своеобразного резерва культуры, который мог себя проявить в момент, когда сложившаяся традиционная система не справилась бы с неординарной исторической ситуацией. Именно это произошло при переходе к раннему железному веку.

Вполне логичен вопрос: в чем причины устойчивости вновь возникшей социальной системы отношений, предполагавшей существование различных социальных страт общества? Как видится, они связаны с ростом населения в восточноевропейских и южноуральских степях.

Пример неолитической революции на Ближнем Востоке показателен тем, какую роль сыграло увеличение народонаселения в общественном прогрессе и появлении урбанизированных центров, затем государственности. На роль демографического фактора обращает внимание В.М. Массон, оценивая историческую судьбу майкопской культуры (Массон, 1997а, с. 82–83). Существуют объективные трудности реконструкции на основе археологических источников демографической ситуации и влияния роста населения на социальные процессы. В рамках постпроцессуальной археологии зарубежные специалисты пытаются выйти на понимание структурных взаимосвязей между экономической, демографической и социальной подсистемами социума (Хофманн, Дяченко, Мюллер, 2016). В осмыслении данных процессов может помочь семиотика.

Динамику увеличения степного населения на протяжении эпохи бронзы Северной Евразии можно проиллюстрировать на примере Донбасса. В настоящем на территории Донецкой области, входившей ранее в СССР, известно более сотни исследованных в курганах погребений ямной культуры, катакомбных около 380, срубных более 1200. Данные цифры постоянно увеличиваются из-за археологических исследований, но даже в таком

виде они дают общее представление о динамике роста населения региона на протяжении всей эпохи бронзы. Можно говорить о своего рода демографическом взрыве в период поздней бронзы. Относительно срубной культуры, помимо погребальных памятников, очень высокая плотность населения наблюдается по поселениям, что фиксируется при сплошных археологических разведках.

Рост населения приводил к интенсификации хозяйства, что выразилось в формировании комплексного типа хозяйствования и в появлении специализированных поселков, что видно по Мосоловскому поселению на Среднем Дону (Пряхин, 1996), Безыменному II из Приазовья (Горбов, Усачук, 2000), Оло Хаз и Олаире из Башкирии (Усачук, Бахшиев, 2020, с. 74–75). И все же большое количество срубных поселенческих памятников – трудно объяснимое явление, не сводимое только к росту населения. У донецких археологов во время бесед возникла мысль о временном оставлении поселков и постепенном смещении населения в пределах долин рек и балочных систем. Интенсивное освоение территории возле поселений приводило к тому, что земли истощались и люди вынуждены были переселяться на новые земли (Горбов, 2000, с. 58). Возможно, что население через поколение, когда происходило восстановление биоценоза на старом месте, возвращалось в свои брошенные поселки. Раскопки поселений в Подонцовье на территории Донбасса фиксируют нередкие случаи перекрытия одних жилищ срубной культуры другими, что могло свидетельствовать о возвращении жителей на старые места обитания.

Рост населения неизбежно вызывает усложнение форм организации общества. Увеличение населения приводит к выработке адаптивных форм организации человеческих сообществ, иногда структурно сложных, обладавших особыми механизмами регулирования отношений между людьми. Отдельные подобные процессы описываются семиотикой.

При увеличении населения в эпоху поздней бронзы процесс коммуникации как внутри замкнутого сообщества, так и с соседями объективно приобретал усложненный вид. Искажение информационных потоков внутри сообщества при возрастании количества его участников было неизбежно. Как следствие, возникало недопонимание между людьми, что приводило к определенным социальным последствиям, в том числе к напряжению

внутри общества из-за появления разности во взглядах и суждениях людей. Одним из способов нивелировать накапливавшийся негатив в социуме была сегментация крупного сообщества – членение его на отдельные, замкнутые социально-корпоративные группы, касты. Дробление социума на группы сопровождалось резким сужением количества субъектов, охваченных коммуникационными связями, что снимало проблему искажения информации и приводило к адекватности ее восприятия. Таким образом, корпоративность позволяла уменьшить общее количество людей, которые тесно между собой взаимодействовали, сохраняя взаимопонимание между людьми и укрепляя личностные отношения. Раз возникнув в истории, социальные элиты степной Евразии закреплялись в структуре общества, приобретая в период демографического взрыва свои особенности.

Но вместе с этим возникала другая проблема. С появлением отдельных корпоративных групп теперь требовалось регулировать взаимоотношения уже между ними. Формы общественных организаций со сложной системой отношений между социальными образованиями могли иметь многообразный вид. Африка, где существовали позднеродовые общества, раннегосударственные образования и первичные «империи», дает в этом плане показательные примеры. Причем вся «ответственность» за функционирование сложных систем перекладывалась людьми на обезличенные структуры, а не на самих людей. Именно на корпоративные правила, на свод обычаев, который существовал в обществе, возлагалась ответственность за отношения между людьми. Как

пример, хорошо известные по этнографии употреблявшиеся в обиходе формулировки «так принято», «так было всегда», не вдаваясь в разъяснения. Правила могли быть освящены мифологической или легендарной традицией. Нарушить такую традицию для архаического сознания было невозможно.

Заключение

Впервые зародившись в майкопском обществе, социальная элита как историческое явление со временем исчезает. Новое ее формирование можно отнести к финалу средней бронзы. Рост населения и интенсификация контактов, происходившие в степной Евразии в конце эпохи средней бронзы и в деструктивный переходный период, сопровождались рядом исключительных явлений. В это время формируется на широком степном и лесостепном пространстве Евразии расширенная область коммуникаций с высокой степенью интенсивности. В обществах выделилась элита, чья сила состояла в ментальности и способности осмысливать окружающий мир с позиций мировоззренческих причинно-следственных связей. Ей противостояла остальная масса родственников, жившая по иным законам, иной схеме сознания и следовавшая традиционным мифопоэтическим нормам. Возник язык субкультуры верхушки общества. В пределах одной культуры существовало как минимум две культурные модели мировоззрения, а с учетом возникновения религии следует говорить о трех моделях. Выработалась новая социальная система, которая позволила в будущем, раннем железном веке, перейти к более усложненной организации общества с признаками первичной государственности.

Примечания:

¹ Необходимо заметить, что на существование двух принципиально различных смысловых систем в эпоху ранних древностей Северной Евразии указала И.В. Калинина (Калинина, 1995). Правда, ее разграничение между двумя смысловыми системами относится к более раннему времени.

² Гадания являются одним из проявлений направленности взгляда в будущность событий. Сознание нацелено уже не на повторение прецедента (мифо-ритуального плана), а на новое, неизведанное, поэтому пугающее человека. С позиций поиска следов данной ментальной парадигмы по археологическим источникам важно обращение не только к разного рода ритуальным комплексам, но и заслуживает внимания такое симптоматичное явление, как популярность наборов для гаданий, игр (в кости), тех же альчиков, чье количество резко возрастает в эпоху поздней бронзы (Стефанов и др., 2016, с. 232).

ЛИТЕРАТУРА

Березкин Ю. Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 187–217.

Бобринский А.А., Мунчаев Р.М. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1966. С. 14–22.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК АН СССР, 1991. С. 66–75.

- Генинг В.Ф.* Могильник Синташты и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. №4. С. 53–73.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало–Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.
- Гончарова Ю.В.* Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 336–349.
- Горбов В.Н.* Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 55–59.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н.* Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-II // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 97–100.
- Дашковский П.К.* Археология и психология: междисциплинарное исследование древних обществ // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1999. С. 131.
- Дашковский П.К.* Некоторые аспекты структуралистского подхода К. Леви-Стросса к изучению феномена «mentalite» // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт.гос. ун-т, 2001. С. 52–54.
- Дашковский П.К.* К вопросу об изучении ментальности кочевников Центральной Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, Ханты-Мансийск, 2002. С. 203–204.
- Дашковский П.К.* Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.
- Дремов И.И.* Материалы из курганов у с. Березовка Энгельского района и некоторые вопросы социо-культурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: ТОО "Орион", 1997. С. 146–165.
- Зданович Д.Г.* Антропоморфные образы времени в культурах Азии // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2007. №3 (81). С. 86–93.
- Иванов Вяч.Вс.* Чатал-Гююк и Балканы. Проблемы этнических связей и культурных контактов // *Balkanica: Лингвистические исследования* / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1979. С. 5–38.
- Иванов Вяч.Вс.* К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. Региональные особенности в свете универсальных моделей / Ред. Д.Г. Зданович, Н.О. Иванова И.В. Предеина. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 45–48.
- Калинина И.В.* Принципы функционально-типологического подхода в семантических исследованиях // АСГЭ. Вып. 32 / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. СПб: Государственный Эрмитаж, 1995. С. 7–12.
- Клейн Л.С.* Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: ДонНУ, 2009. 393 с.
- Ковтун И.В.* Сюжет сейминской композиции // Археология Южной Сибири. Вып. 25. К 80-летию Я. А. Шера / Отв. ред. Л.Н. Ермоленко. Кемерово: КемГУ, 2011. С. 121–128.
- Ковтун И.В.* Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Корниенко Т.В.* Социокультурные трансформации северомесопотамского общества эпохи раннего неолита как важный этап на пути к цивилизации // На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам) / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2014. С. 37–39.
- Корниенко Т.В.* Развитие взглядов на интерпретацию символических объектов и ритуальных комплексов Передней Азии эпохи перехода к неолиту // Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2016. С. 47–49.
- Кузин-Лосев В.И.* Область смыслов, знаков, символов катакомбной культурно-исторической общности // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2 / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2007. С. 153–196.
- Кузин-Лосев В.И.* Концепт истории и культура. Степи Восточной Европы в эпоху бронзы // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3 / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 269–290.

Кузин-Лосев В.И. Художественный стиль изобразительного декора рогового предмета из окрестностей г. Димитрова // Археологический альманах. № 25 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: Бытсервис, 2011. С. 199–227.

Куприянова Е.В. Религия древнего Аркаима: факты и мифы. // Аркаимский мир: взгляд в прошлое. Сборник статей к 25-летию Заповедника «Аркаим» / Отв. ред. И.А. Валиахметов. Челябинск: Фонд «Наследие», 2019. С. 25–52.

Литвиненко Р.О. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Евразии // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейских степи и лесостепи. Вып. 2. (Воронеж, 30 сентября–02 октября 1996 г.). Воронеж, 1996. С. 46–50.

Массон В.М. Кавказский путь к цивилизации: вопросы социокультурной интерпретации // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные и вопросы культурной трансформации) / Отв. ред. В.М. Массон. / Археологические изыскания. Вып. 46. СПб.: ИИМК РАН, 1997а. С. 124–133.

Массон В.М. Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные и вопросы культурной трансформации) / Отв. ред. В.М. Массон. / Археологические изыскания. Вып. 46. СПб.: ИИМК РАН, 1997б. С. 60–84.

Михайлов Ю.И. Мирозрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 414 с.

Островский А.Б. Структурно-семиотический подход к изучению менталитета в традиционной бесписьменной культуре // Актуальные проблемы изучения архаики. Вып. 7. Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. / Отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 26–32.

Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. Вып. № 2. Донецк: Лебедь, 1993. С. 35–98.

Пряхин А.Д. Мосоловский поселок металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. 175 с.

Рындина Н.В. О технологии производства металлических сосудов майкопской культуры Северного Кавказа // Stratum plus. 2017. № 2. С. 101–118.

Салмина Н.Г. Концепция Л.С. Выготского и проблема развития символической функции // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 69–78.

Салмина Н.Г., Звонова Е.В. Развитие символической функции в концепции диалога культур // Вестник Московского университета. Серия XIV. Психология. 2018. № 2. С. 24–39.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; ИА РАН, 1996. 181 с.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.

Стефанов В.И., Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П., Коряков И.О. Эволюция древней игры в кости: источники позднего бронзового века // Stratum plus. 2016. № 2. С. 235–253.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Топоров В.Н. Древнебалканская неолитическая цивилизация (ДБН). Общий взгляд // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму / Ред. Вяч.Вс. Иванов, В.П. Нерознак, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1986. С. 12–15.

Топоров В.Н. Др.-греч. sēm- и др. (знаковое пространство, знак, мотивировка обозначения знака; заметки к теме) // Балканские чтения – 1. Балканские древности. Материалы по итогам симпозиума / Ред. Н.П. Гринцер, Т.В. Топоров, Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1991. С. 3–36.

Усачук А.Н., Бахшиев И.И. Коллекция костяных изделий с поселения Оло Хаз // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2020. №8 (2). С. 55–123.

Усманова Э.Р. О менталитете «федоровцев» и «алакульцев» в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Культуры древних народов степей Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Матер. 3-й междунар. конф. «Россия и Восток. Проблемы взаимодействия». Ч. 5, кн. 1 / Ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 1995. С. 171–177.

Черных Е.Н. Гипотезы древней культуры // Знание–сила. 1982а. № 9. С. 32–34.

Черных Е.Н. Проявление рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы) // СА. 1982б. № 4. С. 8–20.

Черных Е.Н. Металл и древние культуры: узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1989. С. 14–30.

Черных Е.Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. Т.1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 84–105.

Шутелева И.А. «Новая» процессуальная археология: история появления и развития, современное теоретико-методологическое наследие. Уфа: Китап, 2010. 120 с.

Хоффман Р., Дяченко А., Мюллер Й. Демографические тенденции и динамика социально-экономического развития в преистории: некоторые проблемы корреляции // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы / Ред. С. Церна, Б. Говедарица Кишинев: Stratum Plus, 2016. С. 193–198.

Информация об авторе:

Кузин-Лосев Валерий Иванович, старший научный сотрудник, Донецкий Республиканский краеведческий музей (г Донецк); msr.val@mail.ru

REFERENCES

Berezkin, Yu. 2014. In *Antropologicheskiiy forum (Forum for Anthropology and Culture)* (20), 187–217 (in Russian).

Bobrinsky, A. A., Munchaev, R. M. 1966 In Passek, T. S. (eds.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 108. Moscow: "Nauka" Publ., 14–22 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 1991. In Masson, V. M. (ed.). *Sotsiogenez i kul'turogenze v istoricheskom aspekte (Sociogenesis and genesis of cultural in the historical aspect)*. Saint Petersburg: Institute for History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR, 66–75 (in Russian).

Gening, V. F. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 53–73 (in Russian).

Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Ch. 1. (Sintashta. Archaeological Monuments of Aryan Tribes in the Ural-Kazakhstan Steppes. Part I)*. Cheliabinsk: South Ural Book Publ. (in Russian).

Goncharova, Yu. V. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 336–349 (in Russian).

Gorbov, V. N. 2000. In Usachuk, A. N. (ed.). *Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura Levoberezhnoy Ukrainy i smezhnykh territoriy (Archaeology and ancient architecture of Left-bank Ukraine and adjacent territories)*. Donetsk: "Skhidniy vidavnicniy dim" Publ., 55–59 (in Russian).

Gorbov, V. N., Usachuk, A. N. 2000. In Usachuk, A. N. (ed.). *Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura Levoberezhnoy Ukrainy i smezhnykh territoriy (Archeology and ancient architecture of Left-bank Ukraine and adjacent territories)*. Donetsk: "Skhidniy vidavnicniy dim" Publ., 97–100 (in Russian).

Dashkovsky, P. K. 1999. In Grigor'ev, S. A. (ed.). *XIV Ural'skoe arkeologicheskoe soveshchanie (14th Ural Archaeological Conference)*. Cheliabinsk: "Rifei" Publ., 131 (in Russian).

Dashkovsky, P. K. 2001. In Tishkin, A. A. (ed.). *Gumanitarnye issledovaniya na poroge novogo tysyachetiya (Humanitarian studies on the threshold of the new millennium)*. Barnaul: Altai State University, 52–54 (in Russian).

Dashkovsky, P. K. 2002. In *Integratsiia arkeologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Omsk Khanty-Mansiisk, 203–204 (in Russian).

Dashkovsky, P. K. 2011. *Mirovozzrenie kochevnikov Sayano-Altaya i sopredel'nykh territoriy pozdney drevnosti i rannego srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya) (The worldview of the Sayan-Altai nomads and adjacent areas of late antiquity and the Early Middle Ages (Russian historiography and modern studies))*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Dremov, I. I. 1997. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 1997 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1997)* 2. Saratov: "Orion", 146–165 (in Russian).

Zdanovich, D. G. 2007. In *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State University: History Series.)* 81 (3), 86–93 (in Russian).

Ivanov, V. V. 1979. In Tsiv'yan, T. V. (ed.). *Balkanica: Lingvisticheskie issledovaniya (Balkanica: linguistic studies)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–38 (in Russian).

Ivanov, V. V. 1999. In Zdanovich, D. G., Ivanova, N. O., Predeina, I. V. (eds.). *Kompleksnye obshchestva Tsentral'noy Evrazii v III–I tys. do n. e. Regional'nye osobennosti v svete universal'nykh modeley (Complex So-*

- cieties of Cultural Eurasia in III–I millennia BC: regional specifics in the light of global models*). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 45–48 (in Russian).
- Kalinina, I. V. 1995. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 32. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 7–12 (in Russian).
- Klein, L. S. 2009. *Novaya arkheologiya (kriticheskiy analiz teoreticheskogo napravleniya v arkheologii Zapada) (New archaeology (critical analysis of the theoretical direction in the archaeology of the West))*. Donetsk: Donetsk National University (in Russian).
- Kovtun, I. V. 2011. In Ermolenko, L. N. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 25. Kemerovo: Kemerovo State University, 121–128 (in Russian).
- Kovtun, I. V. 2013. *Predystoriya indoariyskoy mifologii (Indo-Aryan Mythology: prehistory)*. Kemerovo: “Azia-Print” Publ. (in Russian).
- Kornienko, T. V. 2014. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Na poroge tsivilizatsii i gosudarstvennosti (po arkheologicheskim i inym istochnikam) (On the threshold of civilization and statehood (according to archaeological and other sources))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 37–39 (in Russian).
- Kornienko, T. V. 2016. In Korobov, D. S. (ed.). *Razvitie vzglyadov na interpretatsiyu arkheologicheskogo istochnika (The development of views on the interpretation of the archaeological source)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 47–49 (in Russian).
- Kuzin-Losev, V. I. 2007. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and Semiotic Studies in Archaeology)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 153–196 (in Russian).
- Kuzin-Losev, V. I. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and Semiotic Studies in Archaeology)* 3. Donetsk: Donetsk National University, 269–290 (in Russian).
- Kuzin-Losev, V. I. 2011. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 25. Donetsk: “Bytservis” Publ., 199–227 (in Russian).
- Kupryanova, E. V. 2019. In Valiakhmetov, I. A. (ed.). *Arkaimskiy mir: vzglyad v proshloe (Arkaim world: a look into the past)*. Chelyabinsk: “Nasledie” Publ., 25–52 (in Russian).
- Litvinenko, R. O. 1996. In *Dono-Donetskiy region v sisteme drevnostey epokhi bronzy vostochnoevropeyskikh stepi i lesostepi (Don-Donetsk region in the system of antiquities of the Bronze Age of the Eastern European steppe and forest-steppe)* 2. Voronezh, 46–50 (in Russian).
- Masson, V. M. 1997. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie obshchestva Kavkaza v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye i voprosy kul'turnoy transformatsii) (Caucasian ancient societies during palaeometal epoch (early complex societies and the questions of cultural transformation))*. Series *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys)* 46. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 124–133 (in Russian).
- Masson, V. M. 1997. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie obshchestva Kavkaza v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye i voprosy kul'turnoy transformatsii) (Caucasian ancient societies during palaeometal epoch (early complex societies and the questions of cultural transformation))*. Series *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys)* 46. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 60–84 (in Russian).
- Mikhailov, Yu. I. 2001. *Mirovozzrenie drevnikh obshchestv yuga Zapadnoy Sibiri (epokha bronzy) (The worldview of ancient communities in the South of Western Siberia (the Bronze Age))*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ. (in Russian).
- Munchaev, R. M. 1975. *Kavkaz na zare bronzovogo veka: neolit, eneolit, ranniaia bronza (Caucasus at the dawn of the Bronze Age: the Neolithic, Chalcolithic, Early Bronze)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Ostrovsky, A. B. 2014. In Albedil, M. F., Savinov, D. G. (eds.). *Aktual'nye problemy izucheniya arkhaiski (Actual issues of the study of the Archaic period)* 7. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 26–32 (in Russian).
- Polidovich, Yu. B. 1993. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 2. Donetsk: “Lebed” Publ., 35–98 (in Russian).
- Pryakhin, A. D. 1996. *Mosolovskiy poselok metallurgov-liteyshchikov epokhi pozdney bronzy (Mosolovka settlement of metallurgists-foundry workers of the Late Bronze Age)*. Book 2. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- Ryndina, N. V. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 101–118 (in Russian).
- Salmina, N. G. 1994. In *Voprosy psikhologii (Issues of psychology)* (5), 69–78 (in Russian).
- Salmina, N. G., Zvonova, E. V. 2018. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XIV. Psikhologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XIV. Psychology)* (2), 24–39. (in Russian).
- Smirnov, A. M. 1996. *Kurgany i katakomby epokhi bronzy na Severskom Dontse (Barrows and catacombs of the Bronze Age on the Seversky Donets River)*. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and

Anthropology, Russian Academy of Sciences; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Smirnov, K. F., Kuz'mina, E. E. 1977. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveishikh arkhologicheskikh otkrytii (The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stefanov, V. I., Kuzminykh, S. V., Chemyakin, Yu. P., Koryakov, I. O. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 235–253 (in Russian).

Tishkin, A. A., Dashkovsky, P. K. 2003. *Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoy epokhi (Social structure and system of worldviews of the Scythian era Altai population)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Toporov, V. N. 1986. In Ivanov, V. V., Neroznak, V. P., Toporov, V. N., Tsiv'yan, T. V. (eds.). *Balkany v kontekste Sredizemnomor'ya. Problemy rekonstruktsii yazyka i kul'tury (The Balkans in the context of the Mediterranea. Issues of reconstruction of language and culture)* Moscow: "Nauka" Publ., 12–15 (in Russian).

Toporov, V. N. 1991. In Grintser, N. P., Toporov, V. N., Tsiv'yan, T. V. (eds.). *Balkanskije chteniya – 1. Balkanskije drevnosti (Balkan readings – 1. Balkan antiquities)*. Moscow: "Nauka" Publ., 3–36 (in Russian).

Usachuk, A. N., Bakhshiev, I. I. 2020. In *Archaeoastronomy and Ancient Technologies* 2 (8), 55–123 (in Russian).

Usmanova, E. R. 1995. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Kul'tury drevnikh narodov stepey Evrazii i fenomen protogorodskoy tsivilizatsii Yuzhnogo Urala. Ch. 5, kn. 1 (Cultures of the Ancient Peoples of Eurasian Steppes and the Phenomenon of the Proto-City Civilization of the Southern Ural)* Part 5, book 1. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 171–177 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1982. In *Znanie – sila (Knowledge is power)* (9), 32–34 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 8–20 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1989. In Chernykh, E. N. (ed.). *Estestvennonauchnye metody v arkheologii (Natural Scientific Methods in Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 14–30 (in Russian).

Chernykh, E. N. 2013. *Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziiskogo mira (Cultures of the Nomads in the Megastructure of the Eurasian World)* 1 Moscow: "Iazyki slavianskoj kul'tury" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: *Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR)* 8. Moscow: "Nauka" Publ., 84–105 (in Russian).

Shuteleva, I. A. 2010. *«Novaya» protsessual'naya arkheologiya: istoriya poyavleniya i razvitiya, sovremennoe teoretiko-metodologicheskoe nasledie ("New" processual archaeology.: the history of its origin and development, modern theoretical and methodological heritage)*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

Hofmann, R., Diachenko, A., Müller, J. 2016. In Stanislav Ţerna, Blagoje Govedarica (eds.). *Kul'turnye vzaimodeystviya. Dinamika i smysly (Interactions, Changes and Meanings)*. Kishinev: Stratum Plus, 193–198 (in Russian).

About the Author:

Kuzin-Losev Valeriy I. Donetsk Republican Museum of Local Lore, Chelyuskintsev, Str., 189-a, 346330, Donetsk; msr.val@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.192.198>

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ РТ

©2022 г. А.А. Куклина

В статье представлен обзор части мемориальной коллекции Р.Р. Шайхутдинова, хранящейся в фондах Музея археологии РТ, которая относится к периоду существования государства Волжская Булгария и Золотой Орды (X–XV вв.). Вся коллекция включает более 1100 находок и получена в результате сборов на территории Республики Татарстан. К рассматриваемой части коллекции относится 294 предмета, которые представлены изделиями из железа, цветных металлов, стекла, керамики и кости: предметы обихода, инструменты, детали одежды, украшения. В коллекции немало предметов, относящихся к финно-угорским древностям. Большинство единиц коллекции имеет аналогии на широкой территории, однако есть и такие, которые известны на территории Волжской Булгарии только по редким находкам. К таким предметам относятся, например, перстни с изображением руки, которые связаны с русским населением.

Ключевые слова: музей, археология, Волжская Булгария, финно-угры, железо, бронза, медь, стекло, керамика, кость.

MATERIAL CULTURE OF VOLGA BULGARIA IN THE COLLECTION MUSEUM OF ARCHAEOLOGY OF TATARSTAN

A.A. Kuklina

The author presents an overview of items from the memorial collection of R.R. Shaikhutdinov, relating to the period of existence of the state of Volga Bulgaria and Golden Horde (X–XV centuries). The collection includes more than 1100 findings collected on the territory of the Republic of Tatarstan. The collection includes 294 objects, which are presented by products of iron, non-ferrous metals, glass, ceramics and bones: household items, tools, garments, jewelry. The collection contains many items related to Finno-Ugric antiquities. Most of the items in the collection have analogies over a wide area, but there are also those that are known in the territory of the Volga Bulgaria from rare finds. Such items include, for example, rings with the image of a hand, which are associated with the Russian population.

Keywords: archaeology, museum, Volga Bulgaria, the Finno-Ugrians, iron, bronze, copper, glass, ceramics, bone.

В 2019 году в Музей археологии АН РТ поступила коллекция предметов из сборов Р.Р. Шайхутдинова, который с 1990-х гг. принимал участие в охранно-спасательных исследованиях на территории Татарстана (Шайхутдинов, 1997). Коллекция состоит из 1177 предметов. География сборов охватывает Лаишевский, Елабужский и Спасский районы РТ. К сожалению, часть предметов при поступлении в Музей не содержала сведений о месте нахождения. Рассмотреть всю коллекцию в рамках одной статьи невозможно в силу ее многочисленности, а также того, что хронологическая и культурная принадлежность предметов охватывает период от палеолита до XX в.

Значительная часть коллекции (294 предмета) относится ко времени государства Волжская Булгария и более позднего периода, когда эта территория входила в состав Золотой Орды. В основном это предметы быта, инструменты, украшения, фрагменты гончар-

ной посуды. По материалу изготовления можно выделить несколько групп: изделия из железа, цветных металлов, глины, кости и стекла. Данный материал представляет интерес как источник по изучению материальной культуры населения Волго-Камья в X–XV вв. За рамками данной статьи осталась нумизматическая часть коллекции, которая подробно проанализирована А.И. Бугарчевым (Бугарчев, Шайхутдинова, 2022).

Железные изделия (рис. 1) представлены бытовыми предметами, ремесленными инструментами, деталями конской упряжи, инструментами для рыболовства и охоты, предметами вооружения. Самая многочисленная категория – бытовые (универсальные) ножи (36 экз.). Они отличаются от ножей специального назначения прямой спинкой и расположением лезвия на оси (или слегка над ней), проходящей через черешок (Савченкова, 1996, с. 27). Коллекция содержит 5 ножей,

Рис. 1. Железные предметы из сборов Р.Р. Шайхутдинова: 1 - Лаишевское селище; 2, 8, 10, 12, 13 - VI Рождественское селище; 3-7, 9 - неизвестные памятники, 11 - Мурзихинское селище
Fig. 1. Iron items from R.R. Shaikhutdinov's collections: 1 – Laishevo unfortified settlement; 2, 8, 10, 12, 13 – VI Rozhdestveno unfortified settlement; 3-7, 9 – unknown sites, 11 – Murzikha unfortified settlement

полученных с Рождественского комплекса, 7 ножей – с Лаишевского селища. У остальных ножей место нахождения неизвестно. Ножницы в коллекции представлены фрагментами лезвий (5 экз.). 2 находки происходят с Рождественского городища (Укреч), 1 – с VI Рождественского селища, 1 – с Лаишевского селища, 1 фрагмент имеет неопределенное местонахождение.

Замки (7 экз.) представлены одним типом – навесные цилиндрические с подвижной дужкой (рис. 1: 2–3). Все они сохранились в виде фрагментов. С VI Рождественского городища происходит 2 экз., с Лаишевского селища – 2 экз. У остальных место нахождения не установлено. Ключи от цилиндрических замков (7 экз.) относятся к типу коленчатых, с изогнутой рабочей частью: 1 происходит с Лаишевского селища, 2 – с VI Рождественского, остальные – с неизвестных памятников (рис. 1: 4–5).

Пробой представлены фрагментами стержней прямоугольного сечения, образующих петлю, – 7 экз.: 1 – с VI Рождественского

селища, 1 – с Рождественского городища, 2 – с восточной части Лаишевского селища, остальные – с неизвестных памятников.

Кресала в количестве трех штук представляют два типа: двулезвийный овальный (2 экз.) и калачевидный (рис. 1: 6).

Из бытовых железных предметов в коллекции имеется фрагмент очажной цепи (рис. 1: 7), скоба (неизвестный памятник), обоймица (Лаишевское селище), гвозди (1 – с Лаишевского селища, 1 – с неизвестного памятника). Особый интерес представляет изделие в виде стержня округлого сечения с петлей и продетым в нее кольцом и заостренным концом (рис. 1: 8). Подобный предмет имеется в собрании Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника (Баранов, Бугров, Ситдилов, 2016б, с. 89, № 17.5) и является приспособлением для письма (писало).

Железные накладки (9 шт.) различаются по конфигурации и назначению. Среди них есть прямоугольные, листовидные и с фигурными краями. Наконечники ремней (6 шт.) в основном прямоугольные, с подтреугольным окон-

чанием, один лировидный. два наконечника происходят с VI Рождественского селища, три – с Лаишевского селища, один – с неизвестного памятника.

К деталям конского снаряжения относится фрагмент стремени арочной формы (рис. 1: 9) и подпружные пряжки в количестве 9 экз. Последние включают в себя несколько разновидностей: круглые, прямоугольные, трапециевидные и лировидные. Все эти типы имеют аналогии в раннеболгарских памятниках (Казаков, 1991, с. 107). С I Рождественского селища происходит 1 прямоугольная пряжка, с Рождественского городища – 1 круглая, 1 прямоугольная, с VI Рождественского селища – 1 лировидная, с Лаишевского селища – 2 прямоугольные и 1 круглая, с неизвестных памятников – 1 трапециевидная, 1 прямоугольная.

Предметы торговли представлены пятью гирьками-разновесами: кубической формы – 1 экз. (Мурзихинское селище), бочонковидной формы – 1 экз. (VI Рождественское селище), в форме параллелепипеда – 3 экз. (1 – VI Рождественское, 2 – с неизвестного памятника) (рис. 1: 10–11).

Ремесленный инструментарий немногочислен, в основном представлен шильями (9 экз.). Помимо них есть два ножа: 1 – сапожный (рис. 1–12), 1 – неизвестного назначения, а также игла, долото, сверла (2 экз.), пробойник и скобель.

Особую группу составляют предметы, связанные с рыболовством и охотой. Сюда входят рыболовные крючки двух типов: квадратные в сечении (1 – с Лаишевского селища, 2 – с неизвестных памятников) и округлые в сечении (5 – с неизвестных памятников, 1 – с VI Рождественского селища). По всей видимости, является деталью пружинной ловушки (кляпца) предмет в виде четырехгранного стержня с двушипным острием на одной стороне и изгибом с другой (рис. 1–13). Подобный предмет есть в собрании Болгарского музея-заповедника (Баранов, Бугров, Ситдииков, 2016а, с. 197, № 9.26).

К категории сельскохозяйственных орудий относится фрагмент серпа с Рождественского городища. Из предметов вооружения в коллекции присутствуют наконечники стрел (17 экз.). Все они черешковые. Атрибуция их осложнена плохой сохранностью.

Изделия из цветных металлов составляют довольно большую группу. Сюда входят предметы обихода и торговли, детали одежды и украшения.

Среди украшений – браслеты, перстни, височные кольца, подвески. С VI Рождественского селища происходят два браслета: пластинчатый и дровотый, с Рождественского городища – широкопластинчатый браслет с орнаментом и узкопластинчатый без орнамента. Еще один пластинчатый браслет – с восточной части Лаишевского селища. Один фрагмент дровотого браслета обнаружен на Мурзихинском селище. С неизвестных памятников происходят четыре браслета. Один из них – фрагмент медного витого браслета из круглой в сечении проволоки – тип Б-I-1 по Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996, с. 177). Второй браслет – также в виде фрагмента – проволочный с пластинчатой вставкой на конце, обрамленной сканью, с сохранившейся вставкой из камня бирюзового цвета (рис. 2: 1). Подобный браслет имеется среди древностей Веселовского могильника (Архипов, 1973, с. 33, рис. 34б). Третий – фрагмент дровотого браслета с окончанием в виде лопасти с циркульным орнаментом. Последний экземпляр – плетеный серебряный браслет неплотного широкопетельного плетения с расплюснутыми концами (рис. 2: 2).

Перстни в количестве шести штук представлены несколькими видами. Три экземпляра относятся к медным щитковым перстням и представлены фрагментами (2 – с неизвестного памятника, 1 – с восточной части Лаишевского селища). Еще два медных перстня с щитком, на котором изображена рука (ладонь): 1 – с Лаишевского селища, 1 – с неизвестного памятника. Подобные перстни известны в основном по древнерусским городским памятникам; на территории Волжской Булгарии было известно лишь о двух находках (Полубояринова, 2008, с. 37; Олейников, 2021, с. 270–271). Перстни из коллекции Р.Р. Шайхутдинова отличаются от ранее известных техникой исполнения: изображение на щитке схематичное и выполнено гравировкой (рис. 2: 4–5). В коллекции имеется еще один перстень – серебряный, с квадратным щитком, с черненым фоном, на котором выгравировано изображение водоплавающей птицы (рис. 2: 3). Подобная находка известна на Малополянском археологическом комплексе (Руденко, 2015, с. 502, № 402), IV Кожаевском селище (Баранов, Бугров, Ситдииков, 2016б, с. 191, № 22.3.4). Такие перстни датируются концом XII – началом XIII вв. (Руденко, 2007, с. 56).

Среди височных украшений отмечены восемь височных колец и две кольцевидные подвески с напусковыми желудевидными

Рис. 2. Изделия из цветных металлов (из сборов Р.Р. Шайхутдинова): 1-4, 6, 7, 12, 13 - неизвестные памятники; 5, 8 - Лайшевское селище; 9, 10 - VI Рождественское селище; 11 - Мурзихинское селище
Fig. 2. Items made of non-ferrous metals (from R.R. Shaykhutdinov's collections): 1-4, 6, 7, 12, 13 – unknown sites; 5, 8 – Laishevo unfortified settlement; 9, 10 – VI Rozhdestveno unfortified settlement; 11 – Murzikha unfortified settlement

бусинами. Одна из них, медная, в виде проволоки круглого сечения с одной бусиной, украшенной пояском; вторая, серебряная, с бусиной, украшенной таким же пояском, имеющая на основе по два пояска с каждой стороны от бусины, к сожалению, довольно сильно деформирована (рис. 2: 6–7).

Интересны шумящие подвески, представленные в коллекции пятью экземплярами. Одно из украшений представляет собой основу с орнаментом, стилизованным под веревочное плетение, и двумя петлями с привесками в виде «гусиных лапок» (рис. 2: 8). Вероятно, это фрагмент обувного украшения, подобные предметы встречаются среди инвентаря марийских могильников (Архипов, 1973, с. 40, 41, рис. 51, 52). Остальные подвески сохранились в виде небольших фрагментов. К финно-угорским древностям относится нагрудное украшение с треугольной основой с тремя привесками из двух восьмёркообразных звеньев и бубенчиков (рис. 2: 9) и фрагмент подобного украшения в виде двух восьмёркообразных костыльков и бубенчика грушевидной формы, с вертикальной прорезью, соединенных между собой, с Мурзихинского селища (Архипов, 1973, рис. 23.13; Руденко, 2007, рис. 83.21,22). Подобные украшения широко распространены на памятниках Прикамья (Полякова, 1996, с. 189).

Интерес также представляет фрагмент цепочки, предположительно являющейся деталью женского головного украшения (рис. 10). Такие цепочки надевались поверх головной повязки в несколько оборотов, их длина достигала 396 см (Архипов, 1973, с. 18). Аналогии этого предмета имеются в материалах Танкеевского могильника (Баранов, Бугров, Ситдинов, 2016б, с. 57, № 14.14) и среди инвентаря древнемарийских погребений (Архипов, 1973, рис. 15.1–2).

К деталям костюма относятся пуговицы, накладки, привески и сюльгамы. Интерес представляет бусина-подвеска из белого металла, декорированная зернью. Такая же бусина находится в собрании Национального музея РТ, в коллекции А.Ф. Лихачева (Руденко, 2013, с. 39), и является деталью украшения в виде цепочки с привесками (рис. 2: 11).

В коллекции имеется пять бронзовых подвесок грушевидной формы с рельефным орнаментом. Согласно Г.Ф. Поляковой, это тип В-VI-2 (рис. 2: 12–13). Также присутствуют четыре круглые подвески без орнамента – тип В-V-1. Подвески обоих типов известны по раннеболгарским памятникам (Полякова, 1996, с. 185; Казаков, 1991, с. 119). Интересен также шаровидный бубенчик с линейной прорезью и горизонтальным пояском из двух тонких бороздок в нижней части корпуса. Предположительно, это тип В-III-1 по Г.Ф.

Рис. 3. Изделия из керамики, стекла и кости (сборы Р.Р. Шайхутдинова):

1 - I Рождественское селище; 2-7 - неизвестные памятники; 8-9 - I Семёновское селище;

10 - VI Рождественское селище

Fig. 3. Ceramic and bone items, glass ware (R.R. Shaykhutdinov's collections): 1 – I Rozhdestveno unfortified settlement; 2-7 – unknown sites; 8-9 – I Semyonovka unfortified settlement; 10 - VI – Rozhdestveno unfortified settlement

Поляковой. Еще один бубенчик – грушевидной формы с крестообразной прорезью и шариком внутри – тип В-1-1. Такие бубенчики бытовали в конце X – начале XII вв. (Полякова, 1996, с. 195–196).

Детали поясного набора представлены накладками и пряжками. Интересна накладка подпрямоугольной формы с неизвестного памятника: верхняя часть оформлена в виде трилистников, которые соединяются боковыми лепестками и образуют фигурное отверстие. Также примечательны подтреугольная (с VI Рождественского селища) и сердцевидная (неизвестный памятник) накладки. Аналогии этим накладкам имеются среди материалов I Измерского селища (Казаков, 1991, рис. 44.24, 91) и в марийских погребениях (Архипов, 1973, рис. 43.62). Среди деталей поясного набора – литая лировидная двурамчатая пряжка – тип В-Па по Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996, с. 198), найденная на I Рождественском селище. Пряжки такого типа встречаются как в Восточной Европе, так и в Средней Азии в слоях X–XI вв. (Казаков, 1991, с. 129).

Среди материалов коллекции, помимо украшений и деталей костюма, имеются предметы обихода и торговли. Так, с восточной части Лаишевского селища происходит бронзовый ключ. Аналогичные ключи найдены в Болгаре, Биляре, Укеке и Водянском городи-

ще (Полякова, 1996, с. 241; Баранов, Бугров, Ситдинов, 2016б, с. 177, № 22.2.20). Из бытовых предметов в коллекции шесть ушек от медных котлов: 1 – с VI Рождественского селища, 1 – с Лаишевского селища, остальные – с неизвестных памятников. Предметы, связанные с торговлей, представлены фрагментом медного коромысла весов с Мурзихинского селища и несколькими свинцовыми грузиками.

Керамика представлена несколькими фрагментами сосудов и пряслицами. Большинство сосудов относится к I группе по Т.А. Хлебниковой, среди них есть фрагмент дна с клеймом в виде рунического знака (рис. 3: 1). Пряслица нескольких видов: битрапецидные – 10 экз., биконические – 3 экз., цилиндрические – 4 экз., из стенки сосуда – 1 экз.

В коллекции имеется 12 стеклянных предметов. Один из них – круглая плоско-выпуклая вставка в перстень синего цвета. Остальные – бусины (рис. 3: 2–7). С Мурзихинского селища происходят бусина зонная голубая непрозрачная с плоскими глазками: красная точка с белыми «ресничками» в синем круге; бусина подцилиндрическая, коричневая с желтыми и белой полосами; бусина мелкая однотонная, зеленого цвета. С Лаишевского селища – две бусины: фрагмент шарообразной бусины зеленого цвета и шарообразная

желтая непрозрачная бусина с двумя рельефными «глазками». С неизвестных памятников происходят несколько однотонных бусин без орнамента.

Косторезное дело представлено шестью предметами: две бусины черного цвета (рис. 3: 8) и два инструмента для письма с I Семёновского селища (рис. 3: 9), фрагмент рукояти с неизвестного памятника и наконечник стрелы с VI Рождественского селища (рис. 3: 10). Наконечник черешкового типа, перо в виде трехгранного асимметричного острия на

костяной пластине, клиновидной на конце. По конфигурации этот предмет наиболее близок типу костяных наконечников П-3 по И.А. Закировой (Закирова, 1988, с. 224, рис. 99.9).

В целом коллекция Р.Р. Шайхутдинова отражает краеведческую и собирательскую деятельность в Татарстане в 1980–2000-х гг. Несмотря на то, что атрибуция некоторых предметов затруднена их плохой сохранностью, коллекция содержит ценный материал по изучению материальной культуры населения Волжской Булгарии.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 198 с.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. Казань: Главдизайн, 2016. 267 с.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 2. История тюрко-болгарской цивилизации. Казань, 2016 б. 254 с.

Бугарчев А.И., Шайхутдинова Е.Ф. Нумизматический комплекс из с. Рождествено (Татарстан) по материалам Музея археологии РТ Института археологии АН РТ// Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 169–174.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 220–243.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Олейников О.М. Перстни с изображением руки // КСИА. 2021. № 264. С. 270–289.

Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П. Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 26–102.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996. С. 154–257.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI–начале XIII вв.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.

Руденко К.А. Торевтика Волжской Булгарии и Болгарского Улуса Золотой Орды: проблемы преемственности // Поволжская археология. 2013 №4 (6). С. 34–46.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Савченкова Л.Л. Чёрный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996. С. 6–87.

Шайхутдинов Р.Р. Отчет об археологических работах в Алексеевском и Лаишевском районах Татарстана в 1996 г. Казань, 1997. / Архив музея археологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Ф. 4, Оп. 1, ед.хр.81.

Информация об авторах:

Куклина Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kuklinanna@mail.ru

REFERENCES

Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th — 11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei bolgarskoi tsivilizatsii. T. 1. Drevnii Bolgar: zhizn' goroda. (Museum of Bolgar Civilization. Vol. 1. Ancient Bolgar: Life of the City)*. Kazan: “Glavdizain” Publ. (in Russian).

Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei bolgarskoi tsivilizatsii. T. 2. Istoriia tyurko-bolgarskoi tsivilizatsii (Museum of Bolgar Civilization. Vol. 2. History the Turkic-Bulgarian civilization)*. Kazan: "Gladizain" Publ. (in Russian).

Bugarchev, A. I., Shaikhutdinova, E. F. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 169–174 (in Russian).

Zakirova, I. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 220–243 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Oleinikov, O. M. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 264, 270–289 (in Russian).

Poluboyarinova, M. D. 2008. In Starostin, P. N. (ed.). *Gorod Bolgar. Kul'tura, iskusstvo, trgovlia (City of Bolgar. Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ., 26–102 (in Russian).

Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–257 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2007. *Volzhskaia Bulgariia v XI – nachale XIII vv.: poseleniia i material'naia kul'tura (Volga Bulgaria in the 11th - early 13th cc.: Settlements and Material Culture)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 34–46 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Savchenko, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 6–87 (in Russian).

Shaikhutdinov, R. R. 1997. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Alekseevskom i Laishevskom rayonakh Tatarstana v 1996 g. (Report on archaeological works in Alekseevskoe and Laishevo districts of Tatarstan in 1996)*. Kazan: Archive of the Dniester Area Archaeology Museum of Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4, Inv. 4, dossier 81 (in Russian).

About the Author:

Kuklina Anna A. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.199.206>

КАМЕННОДОЛЬСКАЯ НАХОДКА: К ВОПРОСУ О ЗАВОЛЖСКОМ ОТРЕЗКЕ «МАДЬЯРСКОГО ПУТИ НА ЗАПАД»

© 2022 г. Н.А.Лифанов

В статье рассматривается происходящая из окрестностей посёлка Каменнодольск (юг Самарской области) находка поясной накладки с изображением музыканта, играющего на струнном инструменте. Артефакт относится к числу деталей поясных гарнитур с «мифологическими» сюжетами, распространённых в памятниках субботцевского культурного типа, соответствующего раннемадьярскому кругу древностей Восточной Европы. Место обнаружения данной находки рассматривается в контексте иных памятников степного Заволжья, связываемых с ранними мадьярами. В качестве такового памятника предлагается интерпретировать погребение у села Чёрная Падина (Саратовская область). Расположение пунктов находок в Каменнодольске и Чёрной Падине позволяет наметить маршрут раннемадьярских миграций между р.Самара и Нижним Поволжьем.

Ключевые слова: археология, степное Заволжье, ранние мадьяры, IX век, субботцевский тип, поясная накладка.

THE KAMENNODOLSK FINDING: ON THE QUESTION TO THE TRANS-VOLGA SECTION OF THE "MAGYAR WAY TO THE WEST"

N.A. Lifanov

Belt plate with the image of a musician playing a stringed instrument, originating from the south of the Samara region is examined in the paper. The artifact refers to the piece of the belt sets with «mythological» figural composition, wide spread in the sites of Subbottsy cultural type, corresponding to the early Magyar circle of antiquities in Eastern Europe. The place of discovery of this finding is considered in the context of other Subbottsy-type sites of the steppe Trans-Volga region, associated with the early Magyars. As such site, it is proposed to be interpreted the burial near the Chernaya Padina village (Saratov region). The location of the sites of findings in Kamennodolsk and Chernaya Padina allows the author to outline the route of the early Magyar migrations between the Samara River and the Lower Volga region.

Keywords: archaeology, steppe Trans-Volga region, the early Magyars, IX century, Subbottsy-type, belt plate.

В конце 2021 г. заведующему Научно-исследовательской лабораторией археологии Самарского университета С.Э.Зубову поступила информация о находке на юге Самарской области древнего украшения из цветного металла. Выезд на место находки – пос. Каменнодольск Большеглушицкого района, на границе с Оренбургской областью – позволил как непосредственно ознакомиться с ней, так и прояснить обстоятельства её выявления.

Находка оказалась поясной накладкой, обнаруженной жителем Каменнодольска (тогда – Кумрасы) пастухом П.Ф.Жупиковым в 1971 г. По словам сына находчика, В.П.Жупикова, первоначально она являлась частью целого комплекса металлических накладок (около 8 экз.), среди которых были предметы и значительно больших размеров (якобы до 10-15 см в поперечнике). Накладки были найдены в отвале лисьей норы в насыпи кургана, расположенного в 3 км к северо-востоку от Каменнодольска. Находки разошлись по рукам местных жителей, их судьба

неизвестна; тогда же жителем оренбургского с.Покровка верх кургана был скрыт бульдозером, в результате чего якобы выявились некие «гробы». Осмотр указанного кургана выявил на его вершине следы этого разрушения.

Накладка целиком отлита из жёлтой бронзы, плоская, слегка вогнутая. Её размеры составляют 32,5×23,6 мм, толщина в нижней части 1 мм и до 1,5 мм – в верхней. Она имеет форму неправильного сегмента, на нижней, «срезанной» границе которого некогда находились два ныне утраченных кольца-«ушка». К поясу накладка крепилась тремя шпеньками, основы которых сохранились на её оборотной стороне (рис.1-2).

Орнамент на лицевой стороне накладки выполнен в технике плоского рельефа. Основу заполняющей практически всю её поверхность композиции составляет человеческая фигура, судя по массивности пропорций – мужская. Человек изображён сидящим «по-турецки» с широко разведёнными в стороны коленями. К сожалению, затёртость верх-

Рис. 1. Каменнодольская находка. Фото К.С.Классен.
Fig. 1. The Kamennodolsk finding. Photo by Xenia Klassen.

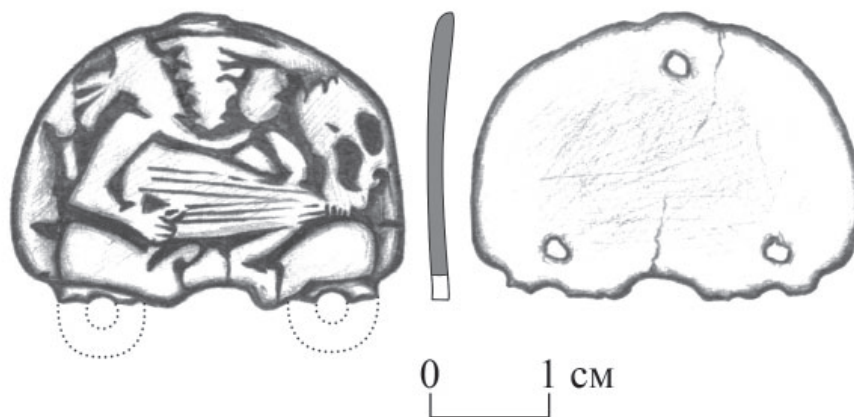

Рис. 2. Каменнодольская находка. Прорисовка О.Д.Сержантовой.
Fig. 2. The Kamennodolsk finding. Drawing by Olga Serzhantova.

ней части накладки не позволяет чётко определить, как изображена голова мужчины: на её месте присутствуют три неопознаваемых объекта. Наилучшим образом сохранилась центральная часть композиции. Здесь чётко опознаётся 6-струнный музыкальный инструмент типа европейской лютни или китайской пипы¹. Струны инструмента показаны глубокими врезными линиями. Правая кисть мужчины-музыканта с отчётливо видными пальцами лежит на струнах, левая, где пальцы сильно затёрты, – на грифе.

Данная орнаментация относится к выделенной А.В.Комаром группе изображений людей и животных с «мифологическими» сюжетами, относимых к раннемадьярскому кругу древностей Восточной Европы субботцевского типа. Полных аналогий ей неизвестно, однако в пользу этого свидетельствуют как общие очертания каменнодольской накладки, так и вписанная в них поза сидящего человека. Имеются среди деталей субботцевских ремennых наборов и три однотипные накладки с изображением музыканта со щипко-

вым инструментом (п.1 к.32 Катериновского могильника в Днепропетровской области Украины). А.В.Комар связывает такие изображения музыкантов, а также танцоров и жонглёров, со сценами пира степного правителя, в которых сочетаются китайские и восточноранские художественные элементы. Наличие среди субботцевских ремennых украшений с изображениями людей и образы, где по бокам головы человека расположены и некие сопоставимые с ней по размерам объекты. Восточные связи субботцевского искусства конкретизируются обнаруживаемыми на территории Синьцзяна изображениями трёхголовых божеств и мифологических персонажей с шарами по бокам от головы (Комар, 2011, рис.8 – 7; Комар, 2016, с.550-551, 553, рис.2 – 10-11, 17; Комар, 2018, с.122; Линь Мэйцунь, 2021, с.198-200).

Однако, в массиве субботцевских поясных накладок отсутствуют формы, снабжённые парой «ушек»-колец в нижней части. По сути, каменнодольская находка является среди них единственным предметом, обладающим

данным признаком. В салтово-маяцких же поясных гранитурах данный элемент появляется, ещё начиная со второй четверти VIII в.. (Комар, 1999, с.126-127, таб.3 – 102-106, 110-115; Лифанов, 2005, рис.1 – 19, 76, 91, с.31, 36), а на накладках подобной формы – с конца этого столетия (Круглов, 1992, рис.4 – 3; вопрос датировки: Гавритухин, 2005, с.414; Круглов, 2006, с.261; Лифанов, 2017, с.100-101). В целом, следует констатировать принадлежность каменнодольской накладки к числу поясных украшений «синтезного» стиля, сочетающего субботцевские и салтовские элементы (Комар, 2016, с.546; Комар, 2018, с.115).

Вопрос о дате каменнодольской накладки за отсутствием чётких датированных аналогий может быть решён лишь исходя из общих представлений о периоде местопребывания ранних мадьяр в Заволжье (и шире – в Восточной Европе). Наиболее ранним свидетельством последнего являются данные Хроники Симеона Логофета об эпизоде первого достоверно зафиксированного контакта венгров с Византией (Хроника..., 2014, с.181), датированного 836 или 837 гг. (Цукерман, 1998, с.664-666; Комар, 2011, с.28-29; Комар, 2018, с.30). На сегодняшний день основания для более ранней даты появления мадьяр в восточноевропейских степях отсутствуют, с чем согласуются и результаты радиоуглеродного датирования упомянутого выше погребения из Катериновки 761-892/894 годами (Комар, 2018, с.152, с.241).

Уже более четверти века назад В.А.Ивановым серия из четырёх пунктов находок разрушенных погребений в Самарском Заволжье (Палимовское, Ромашкинское, Немчанские, «116 км»), была интерпретирована как маркёр «урало-поволжской части мадьярского пути на Запад» (Иванов, 1995, с.33-34; Иванов, 1996, с.194-196; Иванов, 1999, с.93-96). Эта идея спровоцировала значительный исследовательский интерес к проблеме ранневенгерского присутствия в заволжском регионе. За прошедший период здесь были выявлены новые комплексы и отдельные находки, ассоциируемые с различными группировками угорского происхождения (Лебяжинка, «23-24 км», Просвет, Марычёвка, Печинка), а также переосмыслены в «мадьярском ключе»² некоторые уже известные (погребения в Золотой Ниве III и Бобровке, местонахождение Человечья Голова)³. В результате наметилась вытянутая вдоль нижнего течения р.Самара террито-

рия концентрации материалов, на основании аналогий деталям погребальной обрядности и инвентарю ассоциируемых с ранними мадьярами (рис.3). Эта территория на основании соответствия легендарным свидетельствам самих мадьяр, сохранившимся в трактате императора Константина VII Багрянородного, была соотнесена с одной из областей их обитания в IX в. – «местностью Леведия» (Лифанов, 2018)⁴.

Конечным пунктом заволжской части маршрута миграции мадьяр по В.А.Иванову выступает погребение у с.Луговское в Саратовской области (Galkin, 1983), поблизости от коего, по его мнению, располагалось место форсирования ими Волги (Иванов, 1995, с.34; Иванов, 1996, с.196; Иванов, 1999, с.96). Однако промежуточные отметки присутствия мадьяр на предполагаемом отрезке между р.Самара и низовьями р.Еруслан оставались пока неясными. Возможно, каменнодольская находка является одной из таких.

Кроме неё к числу подобных маркёров можно отнести и памятник, до сих пор не имевший какой-либо определённой этнокультурной атрибуции. Это выявленное в 1961 г. погребение у с.Чёрная Падина Ершовского района Саратовской области (Максимов, 1969, с.130-133). Черты его обрядности (грунтовое захоронение, вытянутый на спине костяк, головой ориентированный на запад) в принципе соответствуют субботцевским (Комар, 2011, с.60-61; Комар, 2018, с.96-97). Единственными обнаруженными при погребённом предметами являлись два аббасидских дирхема: 166 г.х. (782-783 гг.) чекана халифа ал-Махди в ал-Аббасии и 194 г.х. (809-810 гг.) чекана халифа ал-Амина в Нишабуре.

По два аббасидских дирхема с близкими датами содержались в Палимовском и Ромашкинском захоронениях. В первом из них: одна монета – предположительно 144 г.х. (761-762 гг.), вторая – сильно изношенная с ориентировочной датой в рамках конца VIII – начала IX вв. (Сташенков, Перепёлкин, 1996, с.199-200; Сташенков, 2020, с.38-39). В публикации Ромашкинского погребения приводится дата только одной из монет: 155 г.х. (771-772 гг.) (Мажитов, 1981, с.124; Сташенков, 2020, с.44). К тому же хронологическому диапазону второй половины VIII – начала IX столетий относятся и большинство (7 из 9) монет, обнаруженных в ранней части Больше-Тиганского могильника (Chalikova, Chalikov, 1981, s.58; Халикова, Халиков, 2018, с.61).

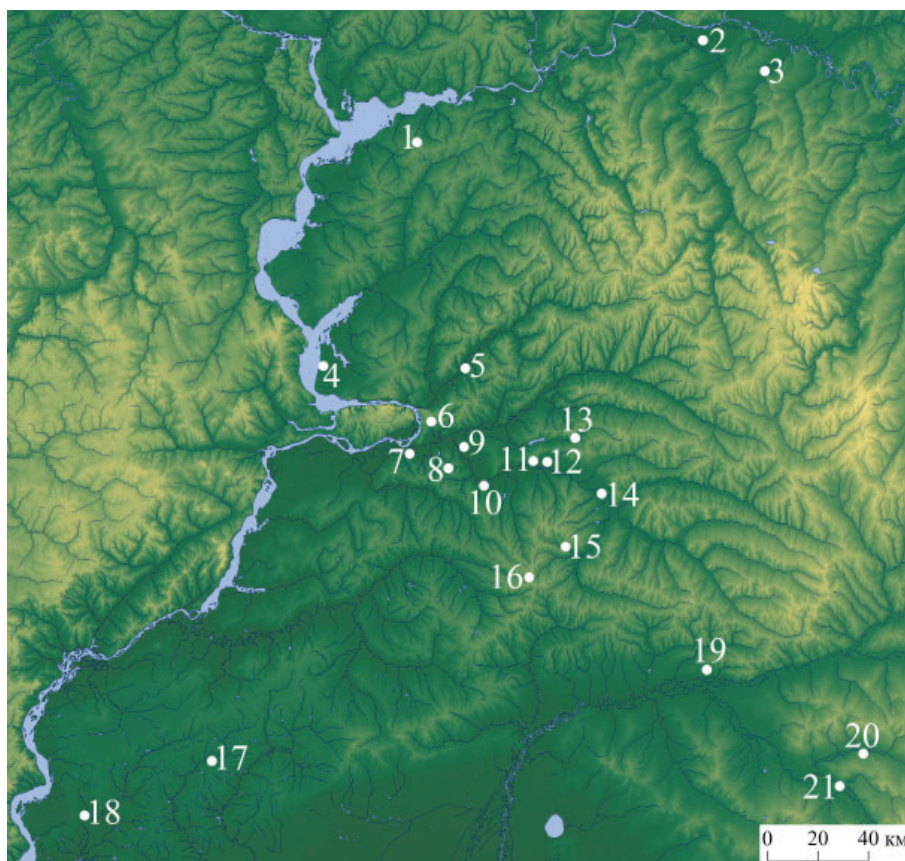

Рис. 3. Погребальные памятники и отдельные находки субботцевского типа на территории степного и лесостепного Заволжья: 1 – Большие Тиганы, 2 – Игим, 3 – Чишма, 4 – Золотая Нива III, 5 – Лебяжинка, 6 – «23-24 км», 7 – «116 км», 8 – Просвет, 9 – Бобровка, 10 – Человечья Голова, 11 – Марычёвка, 12 – Немчанка, 13 – Печинка, 14 – Палимовка, 15 – Ромашкино, 16 – Каменнодольск, 17 – Чёрная Падина, 18 – Луговское, 19 – Яман, 20 – Тамар-Уткуль, 21 – Тортоба

Fig. 3. Burial sites and individual findings of the Subbottsya-type on the steppe and forest-steppe Trans-Volga region. 1 – Bolshiye Tigany, 2 – Igim, 3 – Chishma, 4 – Zolotaya Niva III, 5 – Lebyazhinka, 6 – «23-24 km», 7 – «116 km», 8 – Prosvet, 9 – Bobrovka, 10 – Chelovechya Golova, 11 – Marychyovka, 12 – Nemchanka, 13 – Pechinka, 14 – Pali-movka, 15 – Romashkino, 16 – Kamennodolsk, 17 – Chyornaya Padina, 18 – Lugovskoe, 19 – Yaman, 20 – Tamar-Utkul, 21 – Tortoba

С высокой долей вероятности можно полагать, что захоронение у Чёрной Падины относится к древностям субботцевского типа середины – второй половины IX в. В качестве альтернативной позиции можно было бы принять принадлежность данного погребального комплекса к поволжским древностям салтово-маяцкой общности: в погребениях Кайбельского и Больше-Тарханского I могильников также встречены аббасидские дирхемы второй половины VIII – начала IX вв. (по одному на каждом памятнике) (Генинг, Халиков, 1964, с.63; Казаков, 1992, с.53, 54). Однако, подобные этим могильникам «болгаро-салтовские» материалы никогда не встречаются в глубине заволжской степи, тяготея к берегам Волги выше по её течению.

Примечания:

¹ Пипа не является исконно китайским инструментом. По данным «Суй шу: Иньюэ чжи» («История династии Суй: Трактат о мелодиях и музыке») в Среднем государстве он был заимствован из Западного края (Линь

На мой взгляд, было бы опрострачиво понимать находки в Каменнодольске, Чёрной Падине и Луговском, в качестве непосредственных следов кратковременного одноактного переселения, «великого похода» мадьярского народа на запад («в поисках новой родины»), как это может показаться при буквальном, некритичном восприятии письменных источников: сведений Константина VII и Венгерского Анонима⁵ (Иванов, 1995, с.33-34; Иванов, 1996, с.192-193, 196; Иванов, 1999, с.85-96). Данные пункты фиксируют, пожалуй, лишь общее юго-западное направление перемещений заволжских раннемадьярских кочевых групп в сторону Нижнего Поволжья, скорее всего, неоднократных и разновременных.

Мэйцунь, 2021, с.119).

² Эта тенденция намечается и в отношении некоторых памятников Южноуральского и Нижнедонского регионов (Круглов, 2019; Круглов, Парусимов, 2020).

³ Наиболее полная на сегодняшний день сводка опубликованных материалов «мадьярского круга» с территорий Самарского Заволжья: Сташенков, 2020. Исключение составляет лишь Печинское захоронение (Ломейко, 2013), публикация которого готовится.

⁴ Несомненно, наивным было бы относить все фиксируемые в Самарском Заволжье раннемадьярские памятники к упомянутой Константином VII «исторической» Леведии – местообитанию кочевой группы «турок»-мадьяр под предводительством воеводы – эпонима этой области. Данная группа по сведениям императора проживала на её территории лишь три года – временной промежуток, едва ли уловимый археологически (Константин Багрянородный, 1991, с.159-161). В данной статье речь о Леведии идёт в исключительно географическом контексте: как о местности, населявшейся в IX-X вв. различными угорскими группировками, оставившими указанные выше памятники.

⁵ Целесообразность использования этого «рыцарского романа» в качестве исторического источника вообще представляется крайне сомнительной ввиду его «полнейшей недостоверности» (Шушарин В.П., 1997, с.93 и далее).

ЛИТЕРАТУРА

Гавриутхин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16 / Ред. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. М.-Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2005. С. 378–426.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.

Иванов В.А. Мадьярский путь на Запад // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов Международной научной археологической конференции 14-17 ноября 1995 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1995. С. 33–35.

Иванов В.А. Урало-поволжская часть мадьярского пути на Запад // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 192–198.

Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita Antiqua*. 1999. №2. С. 111–136.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькёза: перспективы исследований // Мадьяри в Середньому Подніпров'ї / Археологія і давня історія України. Вип. 7. / Від. ред. Моця О.П. Київ: вид. ІА НАНУ, 2011. С. 21–78.

Комар А.В. Поясные наборы IX-X вв. с «мифологическими» сюжетами // *Zwischen Byzanz und der Steppe. Archäologische und historische Studien Festschrift für Csanád Bálint zum 70. Geburtstag (Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical Studies in Honour of Csanád Bálint on the Occasion of His 70th Birthday)* / Ed. by Ádám Bollók, Gergely Csiky and Tivadar Vida with assistance from Anett Mihácz-Pálfi and Zsófia Masek. Budapest: Institute of Archaeology Research centre for the humanities Hungarian Academy of Sciences, 2016. P. 545–556.

Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции (Komar O. A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei). Budapest: Martin Opitz Kiadó, PPKÉ BTK Régészettudományi Intézet, MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsoport, 2018. 426 p.

Константин Багрянородный. Об управлении империей // Древнейшие источники по истории народов СССР. М.: Наука, 1991. 496 с.

Круглов Е.В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // РА. 1992. №4. С. 176–183.

Круглов Е.В. Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8 / Отв.ред. А.С.Скрипкин, Л.Т.Яблонский. Волгоград: ВолГУ, 2006. С. 257–301.

Круглов Е.В. Выбор в пользу угро-мадьяр: Тамар-Уткуль (курган №3) и Яман // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 11 / Ред. С.Н. Малахов, Т.А. Невская. Армавир-Ставрополь: Печатный Двор, 2019. С. 203–218.

Круглов Е.В., Парусимов И.Н. Угро-мадьяры на Нижнем Дону: курганный могильник Валовый I // Волго-Уральский регион от древности до средневековья: материалы VI Нижневолжской Международ-

ной археологической научной конференции (Волгоград, 11-15 мая 2021 г.) / Отв. ред. А.С. Скрипкин, М.В. Кривошеев. Волгоград: ВолГУ, 2020. С. 152–158.

Линь Мэйцунь. 15 лекций об археологии Великого шелкового пути. М.: Шанс, 2021. 375 с.

Лифанов Н.А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Т 4. Хазарское время / Гл.ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 25–40.

Лифанов Н.А. «Княжеский» курган на Самарской Луке: вопросы культурно-хронологической атрибуции // Эпохи. 2017. Том XXV Книга 1. С. 92–119.

Лифанов Н.А. К вопросу локализации «местности Леведия» (памяти А.В. Расторопова) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 300–302.

Ломейко П.В. Отчет об археологических работах в Борском районе Самарской области в 2013 году / Архив ИА РАН.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII в. 1981. М.: Наука. 166 с.

Максимов Е.К. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 130–138.

Сташенков Д.А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. 120 с.

Сташенков Д.А., Перепёлкин С.Б. Палимовское погребение // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 199–207.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале. (Больше-Тиганский могильник / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.

Хроника Симеона Магистра и Логофета / Перевод со среднегреч. А. Ю. Виноградова, вступ.статья и комм. П. В. Кузенкова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 264 с.

Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок.836-889 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. VI / Ред.-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь, 1998. С. 663–688.

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.

Chalikow A.H., Chalikowa E.A. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 с.

Galkin L.L. Nomadischer Grabfund von jenseits der Volga // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T.XXXV (1983). / Ed. by L.Castiglione. P. 379–383.

Информация об авторе:

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Самарский национальный исследовательский университет, (г. Самара, Россия); liphanov@gmail.com

REFERENCES

Gavritukhin, I. O. 2005. In Petrukhin, V., Moskovich, V., Fedohchuk, A., Kulik, A., Shapira, D. (eds.). In *Khazary. Evrei i slavyane (The Khazars. Jews and Slavs)* 16. Moscow; Jerusalem: “Gesharim”; “Mosty kul'tury” Publ., 378–426 (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A. 1995. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 33–35 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 192–198 (in Russian).

- Ivanov, V. A. 1999. *Drevnie ugro-mad'iary v Vostochnoi Evrope (The Ancient Ugric Magyars in Eastern Europe)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
- Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Komar, A. V. 1999. In *Vita Antiqua* (2), 111–136 (in Russian).
- Komar, A. V. 2011. In Motsia, A. P. (ed.). *Madyari v Seredn'omu Podniprovi'i (The Magyars in the Middle Dnieper region)*. *Arkheologiya i davnia istoriia Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 7. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 21–78. (in Russian).
- Komar, A. V. 2016. In Ádám Bollók, Gergely Csiky and Tivadar Vida with assistance from Anett Mihácz-Pálfi and Zsófia Masek (eds.). *Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical Studies in Honour of Csanád Bálint on the Occasion of His 70th Birthday*. Budapest: Institute of Archaeology Research centre for the humanities Hungarian Academy of Sciences, 545–556 (in Russian).
- Komar, A. V. 2018. *Istoriya i arkheologiya drevnikh mad'yar v epokhu migratsii (History and archaeology of the ancient Magyars in the era of migration)*. Budapest: Martin Opitz Kiadó, PPKE BTK Régészettudományi Intézet, MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsoport (in Russian and Hungarian).
- Konstantin Bagrianorodnyi. *Ob upravlenii imperiei (Constantine Porphyrogenitus. On the Administration of the Empire)*. 1991. In *Drevneishie istochniki po istorii narodov SSSR (Ancient Sources on the History of the Peoples of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kruglov, E. V. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 176–183 (in Russian).
- Kruglov, E. V. 2006. In Skripkin, A. S., Yablonsky, L. T. (eds.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 8. Volgograd: Volgograd State University, 257–301 (in Russian).
- Kruglov, E. V. 2019. In Malakhov, S. N., Nevskaya, T. A. (eds.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the History of the North Caucasian Peoples Culture)* 11. Armavir; Stavropol: "Pechatnyi dvor" Publ., 203–218 (in Russian).
- Kruglov, E. V., Parusimov, I. N. 2020. In Skripkin, A. S., Krivosheev, M. V. (eds.). *Volgo-Ural'skiy region ot drevnosti do srednevekov'ya: materialy VI Nizhnevolzhskoy Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy nauchnoy konferentsii (Volgograd, 11-15 maya 2021 g.) (The Volga-Ural region from ancient times to the Middle Ages: materials of the VI Lower Volga international archaeological scientific conference)*. Volgograd: Volgograd State University, 152–158 (in Russian).
- Lin Meytsun. 2021. *15 leksiy ob arkheologii Velikogo shelkovogo puti (15 lectures on the archaeology of the Great Silk Road)*. Moscow: "Shans" Publ. (in Russian).
- Lifanov, N. A. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 25–40 (in Russian).
- Lifanov, N. A. 2017. In *Epokhi (Epochs)* Vol. 25, book 1, 92–119 (in Russian).
- Lifanov, N. A. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 300–302 (in Russian).
- Lomeyko, P. V. 2013. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Borskom rayone Samarskoy oblasti v 2013 godu (Report on archaeological work in the Borskoye district of the Samara region in 2013)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of the Southern Urals, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Maksimov, E. K. 1969. In Evtyukhova, L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 169. Moscow: "Nauka" Publ., 130–138 (in Russian).
- Stashenkov, D. A. 2020. *Drevnie vengry i ikh okruzhenie v Samarskom Povolzh'e. Katalog arkheologicheskikh kolleksiy (The ancient Magyars and their surroundings in the Samara Volga region. Catalogue of archaeological collections)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin (in Russian).
- Stashenkov, D. A., Perepelkin, S. B. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 199–207 (in Russian).

Khalikova, E. A. Khalikov, A. Kh. 2018. In *The Early Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshie Tigany burial ground)* Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 25. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

In Vinogradov, A. Yu., Kuzenkova, P. V. (eds.). 2014. *Khronika Simeona Magistra i Logofeta (Symeon Magistri et Logothetae Chronicon)*. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science (in Russian).

Tsukerman, K. 1998. In Aibabin, A. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* VI. Simferopol: "Tavriia" Publ., 663–688 (in Russian).

Shusharin, V. P. 1997. *Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniya (The early stage of the Hungarian ethnic history. Problems of ethnic identity)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).

Chalikow, A. H., Chalikowa, E. A. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum (in German).

Galkin, L. L. 1983 In *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. XXXV, 379–383 (in German).

About the Author:

Lifanov Nikolay A. Candidate of Historical Sciences, senior researcher. Samara National Research University. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; liphanov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

ПОСЕЛЕНИЕ ИГИМСКИЙ БОР I – НОВЫЙ ПАМЯТНИК СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ГОРИЗОНТА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

© 2022 г. А.В. Лыганов, В.В. Морозов, А.Л. Смирнов, Р.Х. Храмченкова

В статье публикуются материалы, полученные с вновь выявленного памятника археологии – поселения Игимский Бор I. Поселение расположено на краю останца высокой террасы по правому берегу старицы р. Ик, на особо охраняемой природной территории регионального значения «Игимский бор». При разведке, первоначально, был выявлен медный нож, характерный для сейминско-турбинского хронологического горизонта. На этом участке была заложена разведочная траншея, в погребенной почве которой выявлены мелкие фрагменты керамики, керамические и металлургические шлаки, капли меди и кости животных. Проведенный спектральный анализ ножа и двух капель металла выявил, как их схожесть – металлургически чистая медь, так и различия в микропримесях (наличие в составе металла ножа примесей серебра и железа в десятых долях процента). Судя по аналогиям медному ножу, и фрагментам керамики, время существования поселения приходится на финал энеолита – начало позднего бронзового века (конец III – начало II тыс до н.э.). Вероятно, поселение Игимский Бор I можно отнести к числу слабо изученных на данной территории производственных мастерских.

Ключевые слова: археология, река Кама, река Ик, озерно-болотный массив Кулегаш, сейминско-турбинский транскультурный феномен, металлические изделия, металлообработка, эмиссионный спектральный анализ.

THE SETTLEMENT OF IGIMSKIY BOR I IS A NEW SITE OF THE SEIMA-TURBINO CHRONOLOGICAL HORIZON (PRELIMINARY RESEARCH RESULTS)

A.V. Lyganov, V.V. Morozov, A.L. Smirnov, R.KH. Khranchenkova

The materials obtained from a newly found archaeological site – Igimskiy Bor I settlement are published in the paper. The settlement is located on the edge of the butte of a high terrace on the right bank of the Ik river oxbow, in a protected area of regional significance "Igimskiy Bor". During reconnaissance, at the first time, a copper knife was found with the distinctive features of the Seima-Turbino chronological horizon. A trial trench was made on this area, in its buried soil small pieces of ceramics, ceramic and metallurgical slags, drops of copper and animal bones were found. The spectral analysis of the knife and two metal drops revealed both their similarity – metallurgically pure copper, and differences in micro inclusions (the presence of silver and iron tempers in the composition of the knife metal in one-tenth of a percent). Judging by the analogies of the copper knife and pieces of ceramics, the time of the settlement's existence falls on the end of the Eneolithic – the beginning of the Late Bronze Age (the end of the III – beginning of the II thousand BC). Probably, the settlement of Igimskiy Bor I can be attributed to the number of poorly studied industrial workshops in this area.

Keywords: archaeology, Kama river, Ik river, Kulegash lake-marsh massif, Seima-Turbino transcultural phenomenon, items made of metal, metalworking, emission spectral analysis.

В 2020 г. при разведке на территории Актанышского и Мензелинского районов Республики Татарстан было осуществлено несколько выездов на локальные участки Камско-Икско-Бельской поймы – «Азибейскую дюну» и «Игимский бор», которые с востока и запада соответственно примыкают к крупнейшему озерно-болотному массиву Республики Татарстан – Кулегаш. На краю останца высокой террасы, надстроенной песками, на особо охраняемой природной территории регионального значения «Игимский бор» выявлен новый объект археологи-

ческого наследия – поселение Игимский Бор I.

Территория Игимского бора возвышается над поймой р. Ик и Камы на 23 м. Система больших вытянутых стариц северо-западнее Игима (рис. 1), имеющих ориентировку к р. Каме, указывает на следы одной из фаз отступления устья р. Ик. (Баранов, 1948, с. 14). На краю останца Игимской террасы по берегу бывшей старицы р. Ик (на сегодняшний момент это староречье соединяет русло подтопленной р. Ик в 5,3 км севернее с. Новый Мелькен с р. Камой в 3,4 км южнее

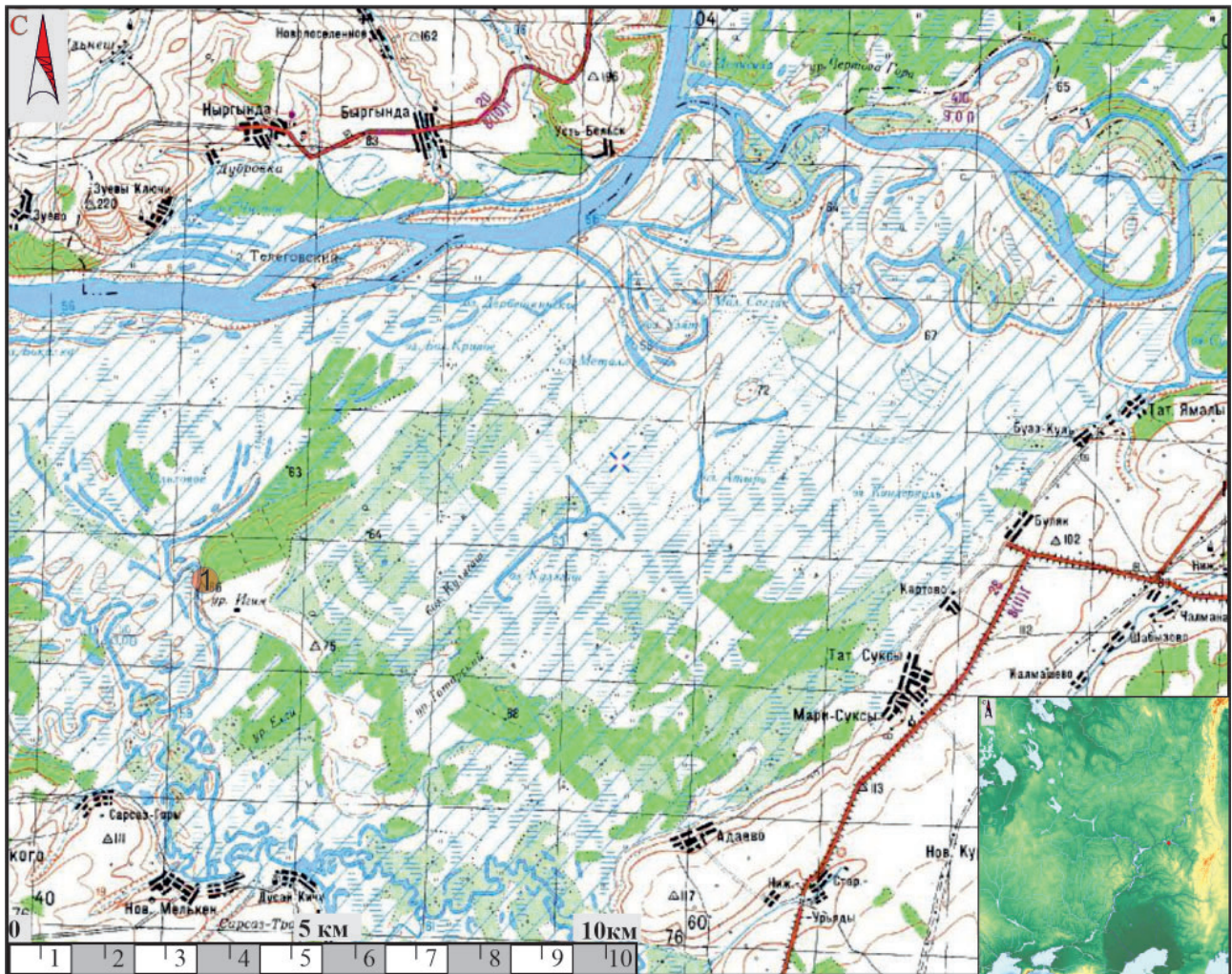

Рис. 1. Карта Камско-Икско-Бельской поймы и озерно-болотного массива Кулегаш до затопления Нижнекамским водохранилищем. 1 – поселение Игимский Бор I

Fig. 1. Map of the Kama-Ik-Belaya floodplain and the Kulegash lake-marsh massif before the flooding by the Nizhnekamsk reservoir. 1 – settlement of Igimskiy Bor I

с. Зуевые Ключи) песчаные дюны, спускающиеся крутым уступом, находятся в стадиях золотой дефляции (рис. 2А, 3). Характерный дюнный рельеф на этой территории показывает, что отложение этих песков происходило при сильной эрозии. При этом выросшие на этих песках сосны фиксировали эти дюнные формы рельефа вплоть до современности (Баранов, 1948, с. 15). К востоку высокая терраса Игимского бора плавно опускается к озерно-болотному массиву Кулегаш (Баранов, 1948, с. 14).

Окрестности с. Игим впервые целенаправленными археологическими разведками были осмотрены экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР под руководством А.Х. Халикова в 1958 г. (Халиков, 1959). В 2 км к северу от села (ныне не существующего) на мысу террасы, которая возвышается над поймой на 4–5 м, по обширному подъемному материалу, состоящему из неолитической, энеолитической керамики

и каменных изделий, была выявлена Игимская стоянка (рис. 3Б). Именно эта стоянка и стала в дальнейшем объектом пристального изучения. В 1970–1971 гг. Татарским отрядом Нижнекамской археологической экспедицией ИА АН СССР на памятнике вскрыто 997 м² площади (Габяшев, Старостин, 1971; Габяшев, Старостин, 1972). В раскопах выявлены объекты (жилища, различные по своей функциональности ямы и кострища) камской неолитической и гаринской энеолитической культур. В верхних слоях в большом количестве присутствовали керамические материалы ПБВ и РЖВ.

Первоначально в планах разведки 2020 г. был осмотр современного состояния Игимской стоянки и съемка ее инструментального плана. Однако при осмотре склона останца высокой террасы был выявлен новый памятник археологии – поселение Игимский Бор I. Этот участок отличается от площадки, на

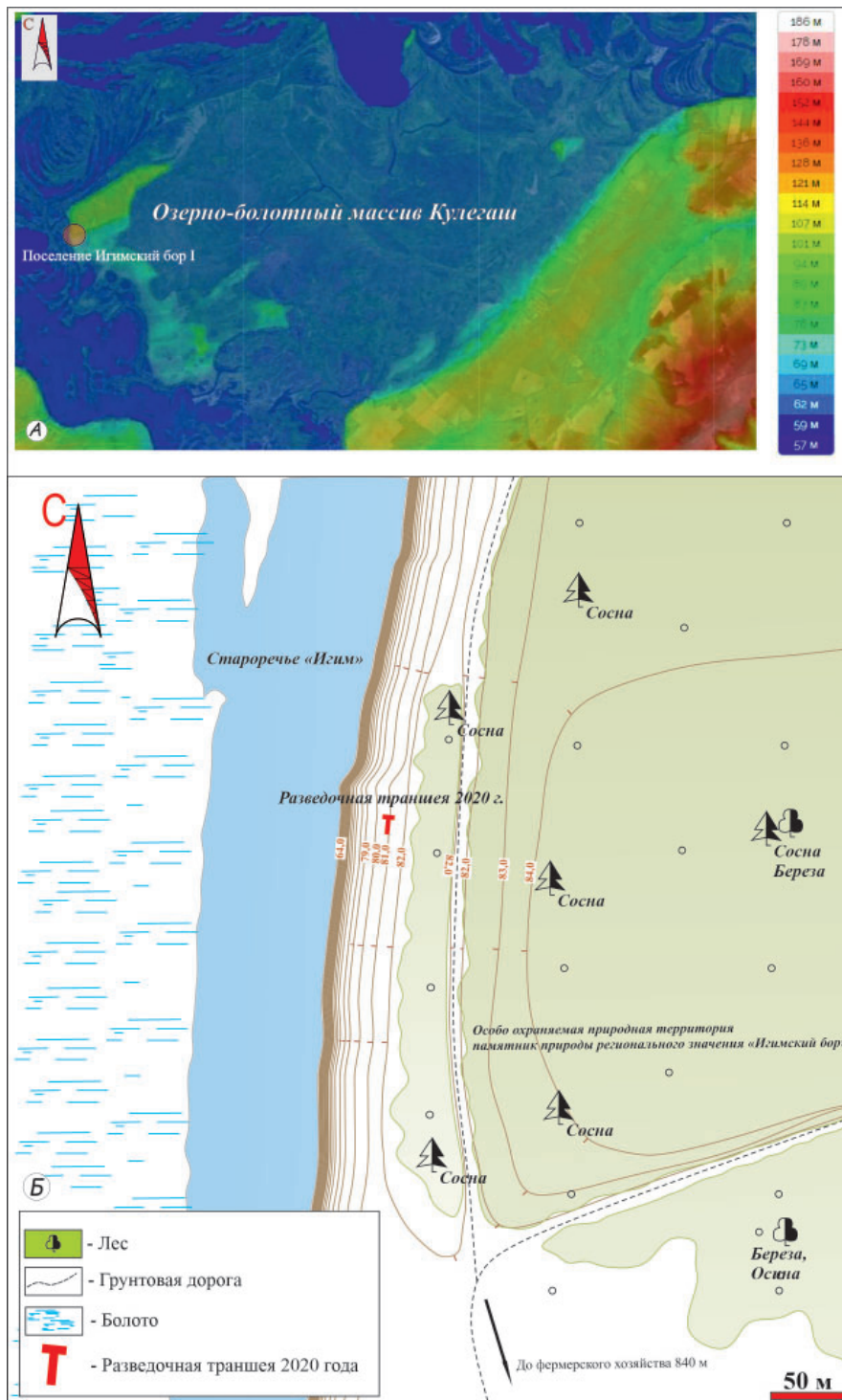

Рис. 2. А–Б – план поселения Игимский Бор I и разведочных разрезов на нем.

Fig. 2. А–Б – Plan of the settlement of Igimskiy Bor I and trial sections on it.

которой расположена Игимская стоянка. Останец террасы здесь имеет абсолютные отметки 79–82 м с резким понижением (обрывом) в сторону Игимского староречья (рис. 2, 3). Участок покрыт плотными рядами молодого соснового леса с остепненным разнотравьем. Дневная поверхность имеет следы глубокой распашки специализированным лесным плугом ПКЛ-70, а также следы почвенной эрозии. На одном из таких участков на месте

норы животного был найден медный нож (рис. 5: 15).

На месте находки ножа вдоль террасы была разбита разведочная траншея размерами 4×1 м, на дне которой выявлен слой погребенной почвы без находок. К траншее с севера был прирезан участок поперек террасы размерами 3×1 м. Здесь в слое погребенной почвы, насыщенной угольками, были обнаружены фрагменты керамики, кости животных и капли

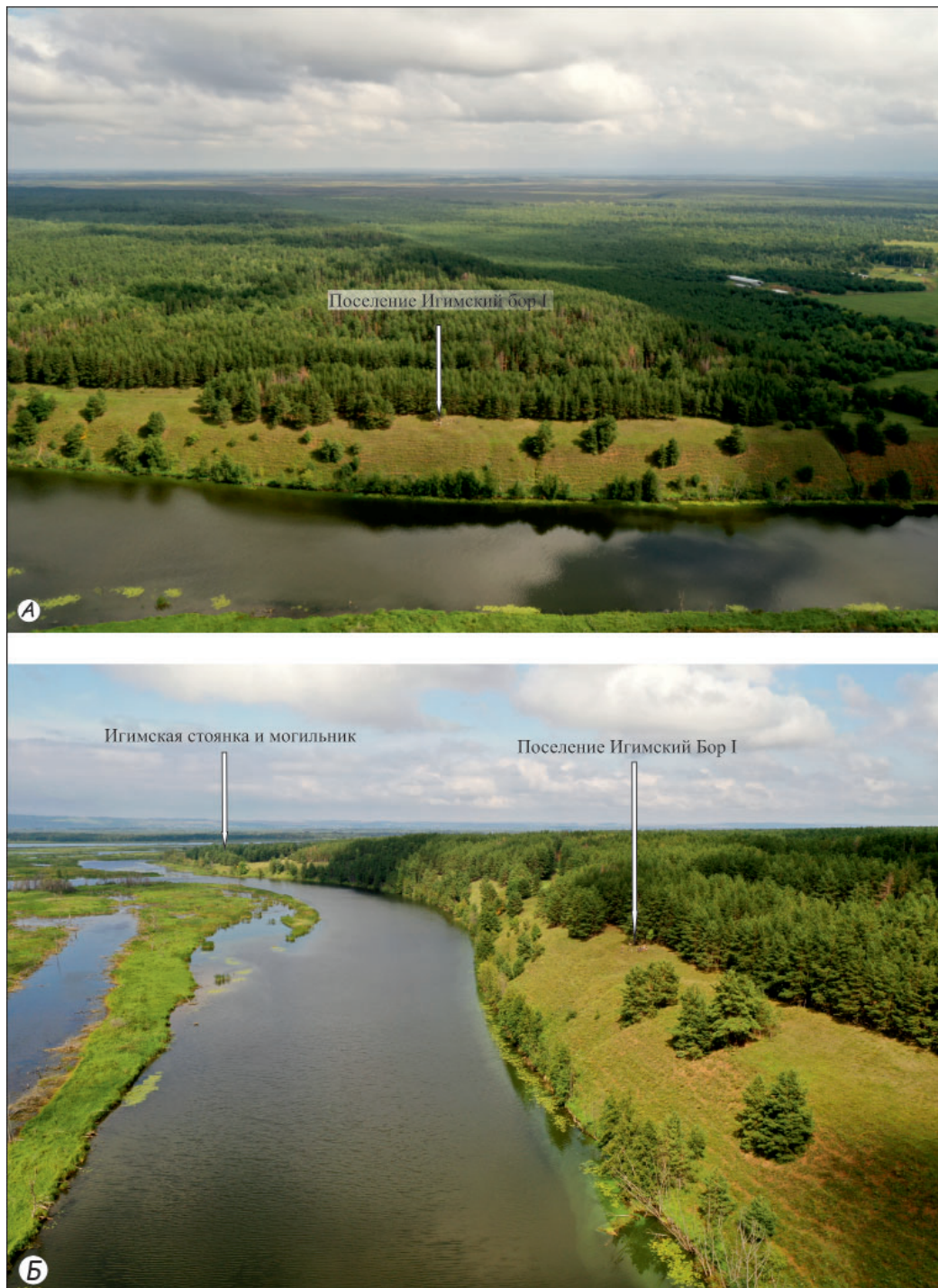

Рис. 3. А – поселение Игимский бор I, вид с запада, Б – поселение Игимский бор I, вид с юга (съемка БПЛА, Смирнов А.Л. 2020).

Fig. 3. A – settlement of Igimskiy Bor I, view from the west, Б – settlement of Igimskiy Bor I, view from the south (UAV survey, Smirnov A.L. 2020).

меди. Довольно неожиданным являлось то, что культурный слой здесь имел понижение вглубь террасы (рис. 4). В восточной части разведочной траншеи при зачистке поверхности материка были выявлены контуры объекта (материковой ямы), который имел подпрямоугольную форму, размерами 81×37 см, на его поверхности визуально фиксировались капли меди (рис. 4).

Стратиграфия прирезки к разведочной траншее:

- профиль северной стенки (кв. 5–7) (рис. 4);
- дневная поверхность шурфа отмечена на уровне -22...+6 см от условного нулевого репера;
- светло-коричневая сильно опесчаненная супесь с линзами серой супеси (с уровня

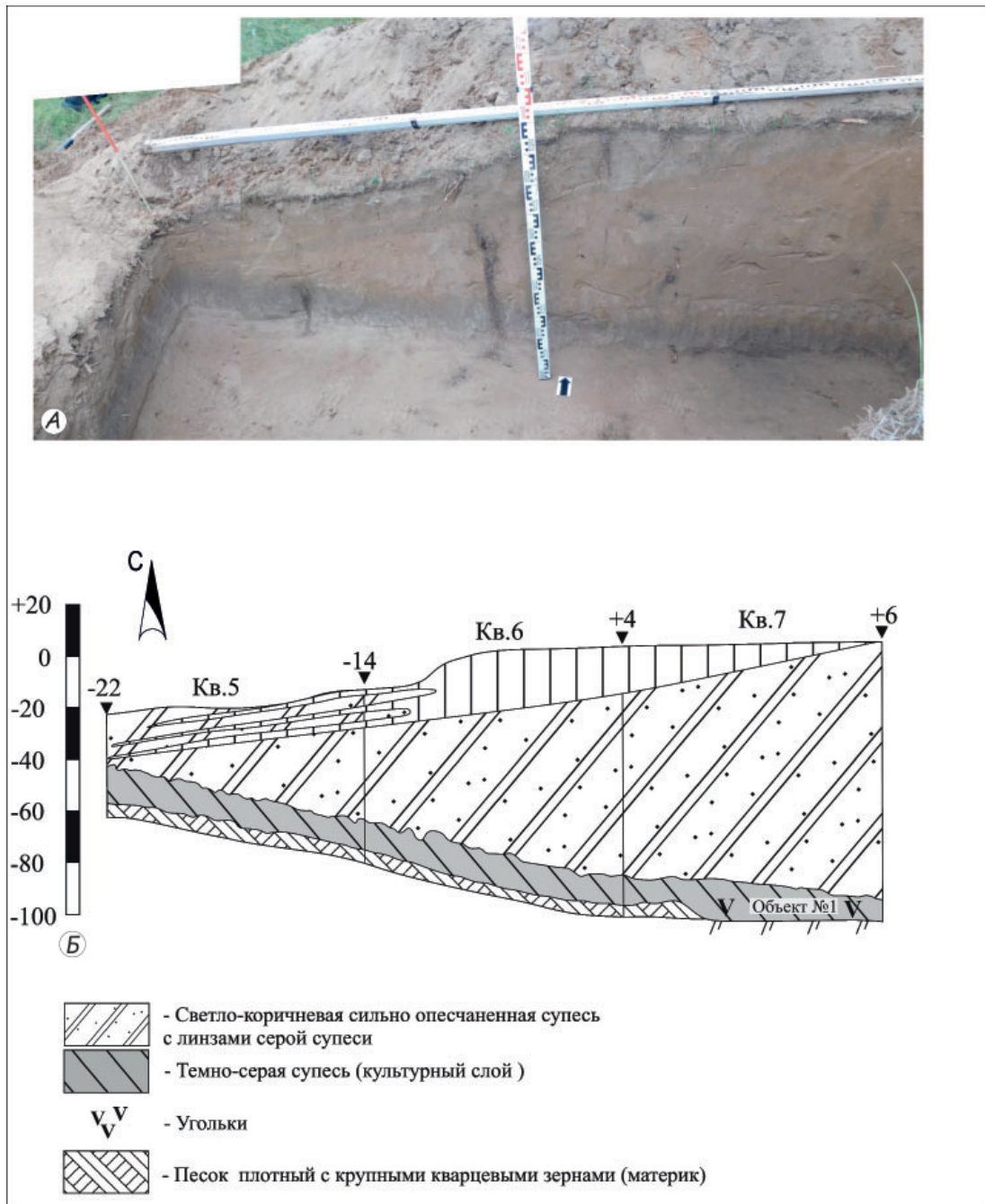

Рис. 4. Профиль северной стенки разведочной траншеи.
Fig. 4. The profile of the northern wall of the trial trench.

современной дневной поверхности до отметок -42...-87 см);

– темно-серая супесь – погребенная почва (культурный слой) (с уровня -42...-87 см до уровня верхней границы материка);

– уровень верхней границы археологического материка зафиксирован на отметках -57...-96 см. Материк представлен плотным песком с крупными кварцевыми зернами.

Керамика: всего в разведочной траншее было выявлено 10 фрагментов керамики. Первый и наиболее крупный фрагмент был отмечен у самого основания культурного слоя. Стенка толщиной 0,7 см от лепного

сосуда без орнамента с обильной примесью раковины в исходном пластичном сырье. Остальные образцы керамики в сильно фрагментарном состоянии находились в скоплении в непосредственной близости от выявленного объекта на дне культурного слоя. На этих фрагментах отсутствовала отслоившаяся внешняя часть, а задняя поверхность стенок имела следы штриховой зачистки. В исходном пластичном сырье такой керамики отчетливо фиксируются следы дробленной глины или шамота, что сближает ее с керамикой местных культур неолита и протоэнеолита (камской, Новоильинской) (Морозов, 2020).

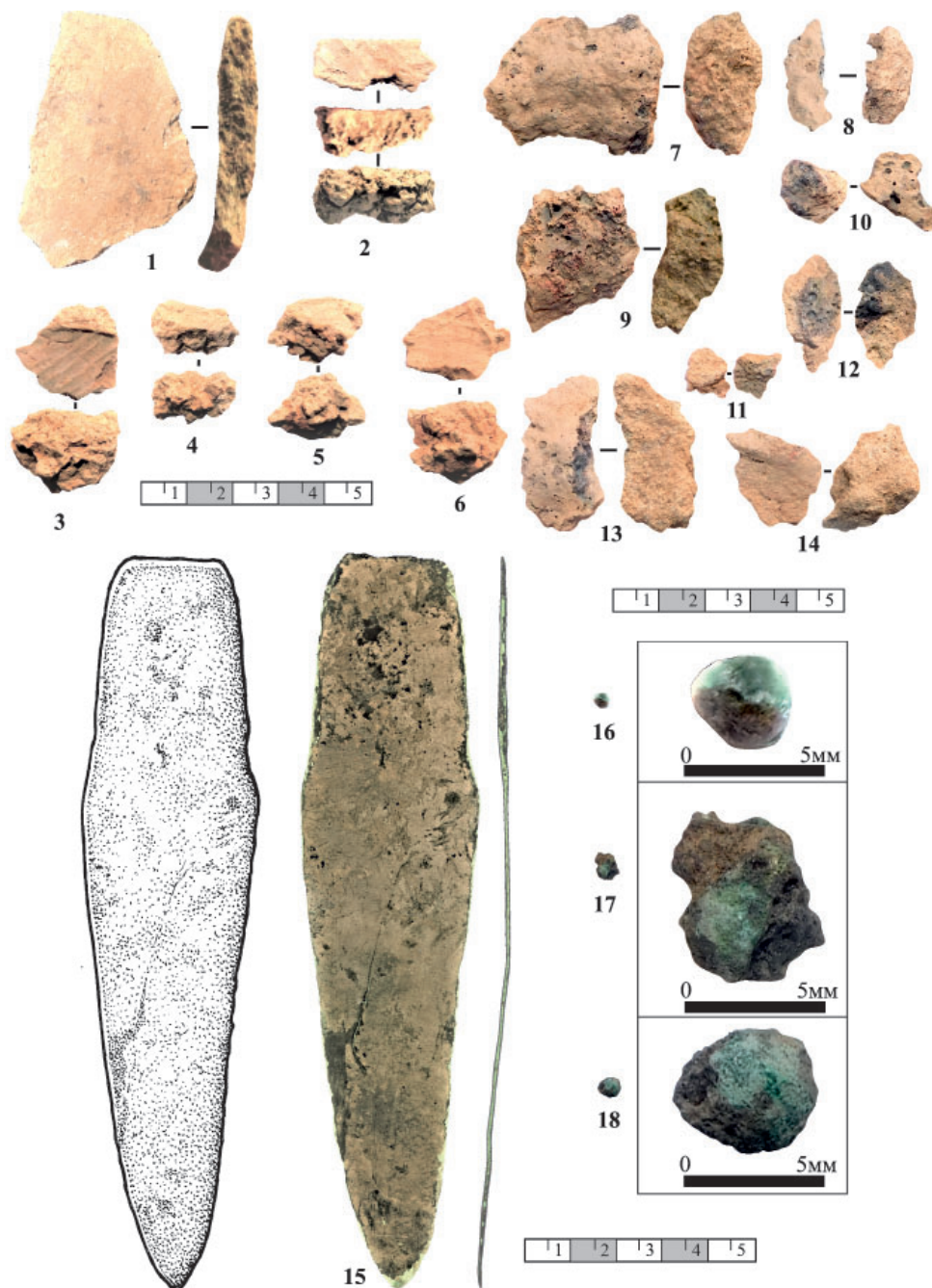

Рис. 5. Находки в погребенной почве (темно-серой супеси).

1-6 – фрагменты керамики, 7-14 – ошлакованные фрагменты керамики, 15 – медный нож, 16-18 – медные капли.

Fig. 5. Findings in buried soil (in dark gray loam).

1-6 – pieces of ceramics, 7-14 – slagged pieces of ceramics, 15 – copper knife, 16-18 – copper drops.

Металлические капли (сплески) выявлены в верхней части заполнения объекта. Они имели правильную (каплевидную) или аморфную форму (рис. 5: 16–18). Спектральный анализ, выполненный по двум каплям, позволил установить, что это чистая медь практически без инородных примесей, вероятно, происходящая из местных прикамских медистых песчанников. Такой химический состав медных капель (сплесков) и готовых изделий характерен в первую очередь для металлов лесных энеолитических культур Прикамья и Среднего Поволжья (Черных, 1970, с. 28).

Пластинчатый нож, характерный для памятников сейминско-турбинского транскультурного феномена северной Евразии, обнаружен при осмотре террасы на обнажении в норе животного. При закладке разведочной траншеи было зафиксировано, что в этом месте выходит на поверхность погребенная почва с находками со следами металлообработки. Нож из поселения Игимский Бор I имеет широкий, подпрямоугольной формы черенок, который отделяется от клинка слабо намеченными плечиками. На черенке едва заметны следы от волокон деревян-

Таблица 1. Химический состав металла поселения Игимский Бор I на основании эмиссионного спектрального анализа
 Table 1. Chemical composition of the metal of Igimskiy Bor I settlement based on emission spectral analysis

	Ag	As	Au	Bi	Co	Cu	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn
Капля меди (рис.5: 17)	0,0067	0,017	0	0,00029	0	99,93	0,002	0,0095	0,0014	0,013	0,0024	0,0007	0,014
Капля меди (рис. 5: 18)	0,0026	0,0011	0,0013	0,00012	0	99,95	0,001	0,018	0,0019	0,0017	0,0012	0,014	0,004
Нож (рис. 5: 15)	0,11	0,054	0,0002	0,0001	0,0013	99,02	0,58	0,021	0,001	0,001	0,0009	0,019	0,005

ной рукояти. Клинок подтреугольной формы с наибольшим расширением возле рукояти. Длина ножа 15,5 см, ширина черенка 3,1 см, ширина лезвия в наибольшем расширении 3,8 см. Нож относится к разряду НК-6 к группе длинных ножей (Черных, Кузьминых, 1989, с. 92–95). Это наиболее многочисленный тип пластинчатых ножей сейминско-турбинского транскультурного феномена, которые распространены преимущественно на памятниках Восточной Европы, но встречаются и в Сибири (Черных, Кузьминых, 1989, с. 94–95). Близики по внешнему виду к ножам из Юринского (Усть-Ветлужского) могильника из погр. 1, 2, 12 (Соловьев, 2013, рис. 7: 17–19).

По химическому составу нож относится к группе химической чистой меди с незначительными примесями серебра и железа (Ag 0,11%; Fe 0,58%). Наиболее близки по составу ножи данного разряда из усть-камских малых (условных) могильников – Мурзиха I и Соколовка (Черных, Кузьминых, 1989, с. 292, 294, 296). Однако в их химическом составе, помимо данных микропримесей, также присутствуют микропримеси олова, мышьяка, никеля и др.

Таким образом, нож относится к сейминско-турбинскому транскультурному феномену. Время существования таких изделий определено в рамках конца III – первой четверти II тыс. до н. э. (Соловьев, 2016, с. 176; Корочкова и др., 2020, с. 113–114). Это уже вторая находка сейминско-турбинских бронз в приустьевой части р. Белой у впадения ее в р. Каму. На сегодняшний день помимо ножа известно орудие-резак, происходящее из подъемного материала на территории Татарско-Азиевской III стоянки (Лыганов и др., 2021, рис. 4: 1). Ранее эта территория оставалась своеобразным белым пятном на карте распространения сейминско-турбинских памятников (Черных, Кузьминых, 1989; Кузьминых, 2011).

В этой связи хотелось бы вновь поднять вопрос о том, с какими археологическими культурами в регион попадали сейминско-турбинские бронзы. В 1 км к северу от поселения Игимский Бор I расположена широко исследованная Игимская стоянка. В культурном слое данного поселения выявлена своеобразная валиковая керамика (рис. 6), которая, по мнению исследователей, имеет аналогии в кротовской и др. «валиковых» культурах Западной Сибири (Габяшев, Старостин, 1971; Денисов и др., с. 120; Соловьев, 2000, с. 40). В комплексах кротовской культуры присутствуют металлические изделия сейминско-турбинского облика (Черных, Кузьминых, 1989, с. 22, 25; Соловьев, 2000, с. 40). Датировки памятников финала кротовской культуры приходятся на конец III – начало II тыс. до н. э. и синхронны сейминско-турбинским памятникам (Молодин и др., 2014, с. 152). Высказано мнение о том, что «распространение сейминско-турбинских бронз и сосудов с налепными валиками происходило в рамках единого процесса, а наличие «валиковой» посуды к западу от Урала отражает контакты пришельцев с местными племенами» (Соловьев, 2000, с. 40). Мы также поддерживаем эту точку зрения. Исходя из этих соображений, можно с осторожностью сделать предварительный вывод о культурно-хронологической связи находок валиковой керамики на территории Игимской стоянки и медного ножа сейминско-турбинского хронологического горизонта на территории поселения Игимский Бор I. Косвенно это подтверждает то, что среди керамики поселения Игимский Бор I зафиксированы фрагменты с обильной примесью раковины, сходные по составу с валиковой керамикой Игимской стоянки (рис. 5: 1; 6). Более полноценные выводы можно получить при дальнейшем изучении памятника, которое затруднено в связи с его местона-

Рис. 6. Валиковая (кротовская) керамика сейминско-турбинского хронологического горизонта Игимской стоянки.

Fig. 6. Relief bands (Krotovo) ceramics of the Seima-Turbino chronological horizon of the Igim settlement.

хождением на территории особо охраняемой природной территории регионального значения «Игимский бор».

Таким образом, в результате разведочных работ на памятнике удалось установить, что на поселении Игимский Бор I население занималось металлообработкой (ошлакованная керамика и шлаки, капли меди, готовое изделие). Анализ культурного слоя, который представлен тонкой прослойкой с включениями угля и следов металлургии, позволяет сделать

предварительное заключение об однослойности памятника, который был оставлен, вероятно, населением, функционировавшим в Иско-Бельском междуречье во время появления в регионе в конце III – первой четверти II тыс. до н. э. ярких хронологических маркеров – сейминско-турбинских металлических изделий. Высказано предположение и о культурно-хронологической связи сейминско-турбинских бронз и валиковой (кротовской) керамики Игимской стоянки.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов В.И. Болота и торфяники Татарии. Казань: Татгосиздат, 1947. 96 с.
- Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Итоги раскопок Игимской стоянки и могильника // Отчет Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции. Том 1 / Архив ИА РАН. Р-1, № 4121.
- Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Отчет о работах, проведенных летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Наб. - Челнинского районов ТАССР / Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1971 г. Том. 1 / Архив ИА РАН. Р-1, №4601.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Тресков С.А. Поселение Рычино III в Удмуртском Прикамье и валиковая керамика в позднегаринском культурном пространстве. // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 115–120.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2020. 214 с.
- Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. 2011. № 225. С. 240–263.
- Лыганов А.В., Морозов В.В., Смирнов А.Л., Храмченкова Р.Х. Металлические изделия позднего бронзового века Татарско-Азиевской III стоянки в устье р. Белой // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 104–117. DOI 10.24852/ra2022.1.39.104.117
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 136–167.
- Морозов В.В. Керамика опорных памятников камской неолитической культуры в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 330–353. DOI 10.24411/2587-6112-2020-1-0027
- Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.
- Соловьев Б.С. Культурные компоненты Усть-Ветлужского могильника // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 18–39.
- Соловьев Б.С. Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2016. 412 с.
- Халиков А.Х. Отчет I отряда археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР о работах, проведенных в Мензелинском районе ТАССР / Отчет о полевых работах археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР за 1958 г. Казань, 1959 / Архив ИА РАН. Р-1. № 1771.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 180 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Информация об авторах:

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); liganov.anton@yandex.ru

Морозов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, директор, ООО «Археология Восточно-Европейской равнины» (г. Москва, Россия); vikromolot@mail.ru

Смирнов Алексей Леонидович, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); ari1828@bk.ru

Храмченкова Резида Хавиловна, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; Казанский Федеральный университет (г. Казань, Россия); rezidahram@mail.ru

REFERENCES

- Baranov, V. I. 1947. *Bolota i torfyaniki Tatarii (Swamps and Peatlands of Tataria)*. Kazan: "Tatgosizdat" Publ. (in Russian).
- Gabyashev, R. S., Starostin, P. N. *Otchet Tatarskogo otryada Nizhnekamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Report of the Tatar detachment of the Nizhnekamsk archaeological expedition team)* 1. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 4121 (in Russian).
- Gabyashev, R. S., Starostin, P. N. 1972. *Otchet o polevykh issledovaniyakh Tatarskogo otryada Nizhnekamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1971 g. (Report on Field Studies of the Tatar Group of*

Nizhnekamsk Archaeological Expedition in 1971) 1. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 4601 (in Russian).

Denisov, V. P., Mel'nichuk, A. F., Treskov, S. A. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 115–120 (in Russian).

Korochkova, O. N., Stefanov, V. I., Spiridonov, I. A. 2020. *Svyatilishche pervykh metallurgov Srednego Urala (Sacred Place of the First Metallurgists in the Middle Ural)*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2011. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 225, 240–263 (in Russian).

Lyganov, A. V., Morozov, V. V., Smirnov, A. L., Khranchenkova, R. Kh. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 104–117. DOI 10.24852/pa2022.1.39.104.117 (in Russian).

Molodin, V. I., Epimakhov, A. V., Marchenko, Zh. V. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 13 (3), 136–167 (in Russian).

Morozov, V. V. 2020. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 3, 330–353. DOI 10.24411/2587-6112-2020-1-0027 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 18–39 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2016. *Arkheologicheskie kul'tury iuga lesnogo Povolzh'ia na rubezhe srednego i pozdnego bronzovogo veka (Archaeological Cultures of the Southern Forest Volga Region at the Turn from the Middle to the Late Bronze Age)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1959. *Otchet o polevykh rabotakh arkheologicheskoy ekspeditsii IYaLI KFAN SSSR za 1958 god. (Report on the Fieldworks of the Archaeological Expedition of G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences in 1958)*. Kazan. Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 1771 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1970. *Drevneishaia metallurgiya Urala i Povolzh'ia (Ancient Metallurgy of Ural and Volga Region)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; liganov.anton@yandex.ru

Morozov Victor V. Candidate of Historical Sciences. LLC "Archaeology of the East European Plain". Prospect Mira, 89–174, Moscow, 129085, Russian Federation; vikromolot@mail.ru

Smirnov Alexey L. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; ari1828@bk.ru

Khranchenkova Rezida Kh. Candidate of Physics-Mathematics Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; RezidaHram@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.217.226>

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО И НОВОГО ВРЕМЕНИ Г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

©2022 г. Н.Г. Набиуллин, Г.Т. Салахатдинова

В статье представлены новые материалы по истории исследований археологических памятников средневековья и Нового времени г. Набережные Челны. Обращение к первичным полевым источникам и другим материалам предшествующих исследований в совокупности с новыми данными позволило подтвердить сделанный ранее вывод о вполне представительном по меркам болгарской периферии болгаро-татарском присутствии на территории и окрестностях современного г. Набережные Челны. Имеющиеся материалы иллюстрируют продолжение начавшегося еще в домонгольское время освоения камских притоков в последующий золотоордынский период. Обычное закрепление на доминирующих естественных высотах, площадках мысов вписывается в контекст Камской коммуникации, контроля одного из ее участков. Рядом с укрепленными пунктами появлялись поселения, формировалась инфраструктура. Доминирование роли естественного фактора в древности, средневековье, новое время обусловило преемственность в выборе мест для проживания, в том числе первоначальных поселений, особенно укрепленных. В определенной степени сохранялся характер использования конкретных участков, соответствующий их функциональной сути. Территория, динамика формирования культурного слоя в средневековье и Новое время пока не определены. На исследованных участках не выявлены выразительные материалы XVII в., в том числе не локализованы первоначальные Челнинский починок, Бережная слобода, известные по письменным источникам. Последнее важно отметить в целях корректного сравнения представленности материалов Нового и средневекового времени. Общеизвестно, что последние изначально откладываются на порядки меньше по сравнению с поздними, сохраняются хуже, выявляются сложнее и т.д.

Ключевые слова: археология, Республика Татарстан, Чаллы, Набережные Челны, Волжская Булгария, Улус Джучи, Золотая Орда, раннее Новое время, XI–XIX вв., Усть-Челнинское селище, «Чалнинский городок».

FROM THE HISTORY OF STUDY OF MEDIEVAL AND MODERN TIMES ARCHAEOLOGICAL SITES OF NABEREZHNYE CHELNY

N.G. Nabiullin, G.T. Salakhatdinova

New materials on the history of study of archaeological sites of the Middle Ages and Modern times in Naberezhnye Chelny are presented in the article. A reference to primary field sources and other materials of previous studies, combined with new data, made it possible to confirm the previously made conclusion about the Bulgar-Tatar presence quite representative by the standards of the Bulgar periphery on the territory and surroundings of the modern city of Naberezhnye Chelny. The available materials illustrate the continuation of the development of the Kama tributaries area that began in the pre-Mongol period in the subsequent Golden Horde period. The usual settling at the dominant natural heights, the sites of the headlands fits into the context of the Kama communication, the control of one of its sections. Settlements appeared near fortifications, infrastructure was formed. The dominance of the role of the natural factor in antiquity, the Middle Ages, and Modern times caused continuity in the choice of places to live, including the original settlements, especially fortified ones. To a certain extent, the use of specific areas, corresponding to their functional essence, was preserved. The territory, the dynamics of the formation of the cultural layer in the Middle Ages and Modern times have not yet been determined. Strongly pronounced materials of the XVII century have not been revealed in the studied sites, including the original location of Chelny Pochinok, Berezhnaya Sloboda, known from written sources, have not been identified. The latter is important to note in order to correctly compare the representation of materials of Modern and Medieval periods. It is well known that the latter are initially concentrated less compared to the later ones, are preserved worse and more difficult to identify, etc.

Keywords: archaeology, Republic of Tatarstan, Chally, Naberezhnye Chelny, Volga Bulgaria, Ulus Jochi, Golden Horde, Early Modern times, 10–19th century, Ust-Chelninskoe settlement, 'Chalninsky gorodok'.

Первые сведения об исторических объектах Челны и его окрестностей появляются в XIX на территории современного г. Набережные в. Р.Г. Игнатъев описал остатки небольшой

крепости, находившейся на «Мысовой горе» (ныне «Элеваторная (Элеваторская) гора»): «В Мензелинском уезде, при Челновской пристани, близ устья реки Челновки, на вершине горы «Мыс» или Мысовой... находится ногайское городище; оно состоит из круглого вала песчано-каменистого грунта с двумя выходами с В. и З. стороны: этот вал в окружности 104, а в высоту неравномерно, что конечно произошло от времени, 1¹/₂ и 2 саж... Ногайское городище иначе еще называется в народе «Ногайским валом»; очень может быть, что это городище было крепостцей, и, конечно, по крайне затруднительному и теперь еще в ходу на гору Мыс и при младенчестве в то время военного искусства, крепостца была неприступною: но, как увидим далее, по р. Каме был как бы целый ряд укреплений» (Игнатьев, 1883, с. 339)¹.

В 1929 г. Л.И. Вараксина в составе работы геоморфологического отряда Общества изучения Татарстана среди прочих археологических памятников отмечает: «старинное кладбище... расположено на высоком берегу р. Камы. Кладбище размывается весенними разливами реки, обрывается берег и обнаруживаются погребенные в (дубовых) колодах» (Вараксина, 1930, с. 34)².

Основная часть памятников в черте современного г. Набережные Челны и его окрестностях³ выявлена в середине прошлого века в зоне Нижнекамского водохранилища у населенных пунктов Бетьки, Деуково, Кзыл-Тау, Кумыс, Самоскаково, Челнинский затон, Шайтаново и др. При этом выявленных здесь древних памятников ожидаемо оказалось представлено больше, чем средневековых.

В процессе развития г. Набережные Челны во второй половине XX в., связанного главным образом со строительством КамАЗа, планомерного исследования территории города на предмет выявления здесь памятников археологии фактически не проводилось. Некоторые памятники вошли в черту города, были частично или полностью уничтожены застройкой, попали в зону затопления Нижнекамского водохранилища. Можно предполагать, что значительная часть памятников здесь не выявлена, и это следует учитывать при современном хозяйственном освоении. У многих из них утеряны топографические привязки (в том числе по причине исчезновения населенных пунктов), выполненные до появления систем глобального позиционирования на уровне развития полевой археологии своего времени. В силу особен-

ностей составления научной отчетной документации о проведенных археологических полевых работах встречается избирательное представление в научных отчетах чертежных планов памятников, что, впрочем, как правило, компенсируется и дополняется добросовестно заполненными полевыми дневниками и прочей документацией. Это придает новую ценность первоисточниковым материалам прошлых поколений исследователей, заставших природно-культурные ландшафты до их глобальных изменений во второй половине XX столетия (Казаков и др., 2010).

В 1958 г. в рамках исследований по составлению археологической карты ТАССР экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР проводила разведки с углубленным изучением отдельных памятников по левому берегу р. Камы и в приустьевой части р. Белой и Ик в пределах Набережночелнинского, Мензелинского и Актанышского районов ТАССР. Работы проводились тремя отрядами А.Х. Халиковым (начальник экспедиции), В.Ф. Генингом, Т.А. Хлебниковой.

В отчете третьего отряда Т.А. Хлебникова описывает выявленное Орловское поселение (селище)⁴, которое «расположено в 3 км к югу от д. Орловка (в полевом дневнике: к юго-востоку от окраины деревни, в 800–900 м от фермы – Н. Н.), на правом берегу р. Шукралинки⁵, на пашне. Площадь распространения подъемного материала – 80×25 м, т. е. 2000 м². Культурный слой уничтожен многолетней пашней совершенно... На поверхности... пашни было поднято 23 фрагмента болгарской и 11 фрагментов русской поздней керамики... Орловское болгарское поселение XIII–XIV вв. ... является крайним северо-восточным памятником болгарской культуры. Что касается русской керамики, то она связана с каким-то поздним временным поселком» (Хлебникова, 1959, л. 59–61; Фахрутдинов, 1975, № 1252; Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 204; Свод, 2007, № 3255).

Кроме этого, Т.А. Хлебникова отмечает, что «у г. Набережных Челнов в 0,5 км к ю-з нами было обнаружено местонахождение болгарского черепка. Он происходит с песчаной надлуговой террасы Камы. На песках местами заметен и гумированный слой, но в нем ничего не найдено. Терраса очень разрушена карьерами по добыче песка» (Хлебникова, 1959, л. 61). Местные жители указывали на находку «медной монеты «с непонятным изображением» из района Красных Челнов, недалеко от которых обнаружены следы

болгарских поселений» (Хлебникова, 1959, л. 62).

Исследователями «осмотрено также известное ранее городище у Набережных Челнов, являющееся, как позволил установить осмотр его и опрос местных жителей, крепостным сооружением XVII столетия» (Хлебникова, 1959, л. 52); очевидно, здесь идет речь о Чаллыском городке на «Мысовой (Элеваторной) горе».

Дополнительные сведения дают материалы полевых дневников. Так, в записи от 9 августа 1958 г. Т.А. Хлебникова отмечает: «9/VIII. В Наб[ережных] Челнах беседовали с Лапочкиным В.Ф. – местным краеведом. Указал на ряд пунктов с возможными там памятниками: Чертово городище у Шайтаново, какие-то [неразборчиво – Н.Н.] у д. Белоус, городище у элеватора [и?] пристани в Наб. Челнах... Городище осмотрено с Лапочкиным. Беседовали с местными жителями. Выяснено: слабо сохранился ров; почти не видно вала, идущего когда-то за рвом снаружи. Культ[урный] слой в обнажениях достигает 10–15 см (серая супесь). Находок из слоя не найдено. На огородах в центре городища найдены черепки русской серой гончарной посуды XVII столетия. Городище все застроено жилыми домами... За городищем у вала с южной стороны при рытье ям в усадьбах находили человеческие кости (череп и др.) и камни с татарской надписью, какие сейчас татары ставят. Утверждают, что здесь было татарское кладбище. Положение костяков выяснить не удалось. Время могильника – тоже... Ниже осматривались берега Челнинки у Н. Челнов, Кувадов (прав. и лев. в пределах Н. Челнов и правый далее, и также Мелекеска, правый берег» (Хлебникова, 1958, л. 3, 4).

Т.А. Хлебникова фиксирует и упомянутое Л.И. Вараксиной старинное кладбище у восточного края с. Бетьки⁶ на берегу одноименной речки, на мысу второй террасы, «оказавшееся поздним русским кладбищем XVII–XVIII столетий, расположенным вблизи селения этого же времени» (Хлебникова, 1959, л. 51; 1958, л. 2 об). Разведочным отрядом также отмечен упомянутый Л.И. Вараксиной курган⁷, выявлен памятник срубного времени у д. Самоскаково⁸.

В 1964 г. в окрестностях этой деревни П.Н. Старостин выявил средневековое Самоскаковское селище, которое «расположено в 400 метрах к юго-западу от деревни на краю очень невысокой надлуговой террасы реки. К югу и востоку от селища заболоченная пойма

Шильни, к северо-западу широкое пахотное поле. Поверхность поселения издавна распаханна. На трех участках поверхности селища общей площадью около 2200 м² собрано около 30 фрагментов болгарской гончарной керамики оранжевого цвета с примесью песка, в том числе три днища и один венчик. Остальной материал составляют стенки. Три найденные стенки с орнаментом в виде прочерченных параллельных горизонтальных линий и волны... Вместе с болгарскими фрагментами были найдены 8 фрагментов лепных сосудов серого цвета с примесью в тесте толченых раковин... Культурный слой селища полностью разрушен пахотой» (Старостин, 1965, л. 2, рис. 2; Фахрутдинов, 1975, № 1253; Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 206). Представленный на иллюстрации фрагмент керамики, кажется, имеет золотоордынский (?) облик (Старостин, 1965, табл. I–11). В материалах П.Н. Старостина также есть данные о древних⁹ и предположительно раннесредневековых¹⁰ материалах.

Особое место в истории археологического изучения г. Набережные Челны и его окрестностей занимает деятельность Е.П. Казакова, который, кроме широких разведочных исследований, в 1968 г. провел раскопки Набережночелнинского срубного могильника (Казаков, 1969; 1972; Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 201)¹¹.

Е.П. Казаков стоит у истоков возобновления археологических исследований г. Набережные Челны спустя четверть века. В 1992 г. они были сосредоточены на «Элеваторной (Мысовой) горе»¹² и прилегающих к ней территориях, которые традиционно рассматриваются как историческое ядро будущего города. В 1997 г. на «Элеваторной горе» Ф.Ш. Хузиным, А.З. Нигаматовым, А.А. Багавиевой были проведены раскопки, где кроме напластований XIX–XVII вв. выявлены напластования XIII–XVI вв., соотносимые авторами с Яр-Чаллыским городищем. Раскопами 2008 г. здесь получены новые материалы, в том числе датированные исследователями концом домонгольской эпохи. По мнению исследователей, Яр-Чаллыское городище «могло составить единый комплекс с Усть-Челнинским селищем (по Е.П. Казакову)» и являться центром данной округи» (Багавиева и др., 1999; Нигаматов, 2009). Нашими небольшими исследованиями были локализованы археологические остатки «Чаллынского городка» XVII в. в виде примитивного оборонительного рва; средневековые культурные

напластования и вещевой материал на исследованном участке не зафиксированы (Ермаков и др., 2017).

Выявленное в 1992 г. Е.П. Казаковым Усть-Челнинское средневековое селище расположено на левом, противоположном от «Элеваторной горы», низком берегу р. Челны (Челнинки). В центральной части селища был заложен шурф. Фрагменты глиняной посуды зафиксированы на надпойменной террасе между берегом реки и второй надпойменной террасой (8 м), которая по краю покрыта бетонными плитами и превращена в дамбу. Наибольшая концентрация находок обнаружена около железного пешеходного моста. Здесь селище по линии северо-запад вытянулось на 240 м, имело ширину 40–70 м. На некоторых огородах прослежены черноземные пятна от сооружений. На них чаще встречались обломки посуды и включения золы. «К керамике волжских болгар позднезолотоордынского времени можно отнести несколько обломков круговых серо-коричневого цвета сосудов (в том числе от корчаги) с гребенчатым орнаментом... Однако преобладающая часть круговой посуды серо-черного цвета, видимо, относится уже к периоду Казанского ханства и русскому периоду...» (Казаков, 1993, л. 21, 22).

В 2008 г. Е.П. Казаков на Усть-Челнинском селище заложил два раскопа общей площадью 14 м². На раскопе 1 на глубине до 25 см (первый штык) идет перекопанный серо-черный слой чернозема, в котором встречаются обломки известняковых камней. Ниже до глубины 65 см идет перемешанный с глиной слой чернозема, вероятно, оставленный при работе бульдозером. На глубине 80 см он подстилается материковым суглинком.

На глубине 10 см встречен бронзовый перстень. На глубине 40 см выявлен фрагмент лепной рыхлой по фактуре керамики с подтреугольно-ямочным орнаментом, возможно, относящейся к эпохе бронзы, на глубине 35 см расчищены фрагменты кругового сосуда с волнистым и гребенчатым орнаментом, разделенным неширокими каннелюрами. Такая посуда характерна для комплексов XI–XII вв. домонгольской Волжской Болгарии.

На раскопе 2 на первом штыке (до 20 см) идет слой перекопанного чернозема огорода. На глубине 21–65 см идет слой чернозема, который подстилает материковый суглинок. В черноземе на глубине 25 см участка А/2 встречено два фрагмента круговой посуды серо-черного цвета. «Подъемный материал... фрагменты круговых сосудов серо-черного

цвета..., относящихся к позднеболгарскому и русскому периоду» (Казаков, 2009, л. 7, 8, рис. 37–45).

Таким образом, предшествующими исследованиями Усть-Челнинское селище датировано домонгольским и золотоордынским временем; кроме этого, зафиксированы фрагменты глиняной посуды бронзового века.

Полученные Е.П. Казаковым материалы легли в основу последующих проведенных нами небольших исследований Усть-Челнинского селища. На раскопе 4 площадью 56 м², заложенном рядом с раскопами 1 и 2, общая мощность культурных напластований составляла от 30 до 65 см. Наряду с напластованиями Новейшего и Нового времени, соотносимыми со временем функционирования г. Набережные Челны и с. Мысовые Челны, представляют интерес выявленные в основании культурного слоя отложения темно-серой сильно гумусированной плотной супеси и переработанная погребенная почва с единичными находками болгарской глиняной посуды на фоне одновременного отсутствия посуды Нового и Новейшего времени.

В общем керамическом комплексе раскопа (69 ед.) посуда распределена по группам следующим образом: гончарная глазурованная Новейшего времени (вторая половина XIX – начало XX в.) – 3 ед.; гончарная непорозовая «татарско-русская» по образцу или в развитие белоглиняной (по Т.А. Хлебниковой; здесь в пределах XVIII–XIX вв.) – 27 ед.; средневековая – 39 ед. Среди последней выделяются «общеполгарская» (15 ед.), «джукетау» (15 ед.), лепная с примесью в тесте толченой раковины, шамота (9 ед.), в том числе с верёвочно-гребенчатым орнаментом группы VII по классификации Т.А. Хлебниковой – одна из форм «постпетрогромско-болгарской», «гибридной» посуды по Е.П. Казакову (Хлебникова, 1984; Казаков, 2007). Складывается впечатление о домонгольской датировке болгарской керамики, правда, пока достаточно широкой (Казаков и др., 2021). В данной небольшой выборке количество поздней посуды сопоставимо со средневековой.

Расположение исследованного участка непосредственно на прибрежной территории, характеристики культурного слоя, немногочисленность культурных остатков позволяют предположить, что он использовался в основном под сельскохозяйственные нужды. Ранее высказывалось предположение о том, что он располагался на периферии средневекового поселения, основная часть которого скорее

находилась западнее, за р. Мелекеской, на территории Бережных Челнов и ныне затоплена Нижнекамским водохранилищем (Ермаков и др., 2017).

В то же время левобережье Челнинки являлось более удобной селитебной площадкой, благоприятной в том числе и для сельскохозяйственной деятельности по сравнению с «Мысовой горой» на противоположной стороне реки. Соответственно, и археологический культурный слой здесь более выражен и насыщен культурными остатками, чем на «Мысовой горе», к тому же выветривающейся на возвышении.

Полученные средневековые материалы на территории и в окрестностях современного г. Набережные Челны в своей совокупности не только маркируют болгаро-татарское присутствие, но, кажется, даже в имеющихся пока небольших выборках вполне представительны по меркам болгарской периферии. Немногочисленные и тем не менее достаточные для датировки выразительные материалы Орловского селища (Хлебникова, 1959, л. 59–61, табл. VIII) иллюстрируют продолжение начавшегося еще в домонгольское время освоения камских притоков в последующий золотоордынский период.

Обычное закрепление на доминирующих естественных высотах, площадках мысов, каковой является «Мысовая гора», в данном случае вписывается и в контекст камской коммуникации (в том числе торгового пути), контроля одного из ее участков (Набиуллин и др., 2018). Между прочим, судя по появляющимся материалам, правда, пока отрывочным, намечается ожидаемое выявление подобного пункта у комплекса с. Бетьки (Тукаевский район РТ) на левом берегу Камы, расположенного практически на равноудаленном расстоянии от «Мысовой горы» и Алабуги (10–11 км).

Рядом с укрепленными пунктами появлялись поселения, формировалась определенная инфраструктура, как, впрочем, происходило и наоборот: например, по данным письменных источников, «Чалнинский городок» (1650) возник позже Чалнинского починка (1626) и Бережной слободы (1630).

Доминирование роли естественного фактора в древности, в Средневековье, в Новое время обусловило преэминентность в выборе мест для проживания, в том числе первоначальных поселений, особенно укрепленных. При этом в определенной степени сохранялся характер использования конкретных участков, соответствующий их функциональной сути.

Не случайным стало появление в раннерусское время известного по письменным источникам острога Бетьки. Площадка «Мысовой горы» являлась удобным, потенциальным местом для расположения здесь укрепленного пункта на периферии домонгольской Волжской Булгарии, в золотоордынский, постзолотоордынский, ногайский периоды, и, соответственно, во время «Чалнинского городка» середины XVII в., построенного «для оберегания от приходу калмыцких и нагайских воинских людей» (Набиуллин, 2017). В то же время необходимы дополнительные исследования для локализации предполагаемых укреплений в разные исторические периоды.

В левобережье Челнинки в раннерусское время возникают Челнинский починок (позже с. Мысовые Челны), Бережная слобода (позже с. Бережные Челны). По данным материалов раскопа 4 на Усть-Челнинском средневековом селище, в Новое время его исследованный участок использовался жителями с. Мысовые Челны в основном для сельскохозяйственных нужд. На раскопе 3 площадью 40 кв. м, заложенном нами в 150 м к западу от раскопа 4, в районе строительства Дворца юных моряков, культурный слой имел заметно большую мощность, здесь выявлены следы жилой и хозяйственной застройки XVIII–XX вв. Подобные материалы получены исследованиями Ф.А. Ахметгалина (2008), Е.Н. Голубевой (2021), проводившими работы на смежных участках.

Пока остаются не определенными территории поселений, динамика формирования культурного слоя в Средневековье и Новое время. Культурный слой в г. Набережные Челны сильно переработан, на многих участках перекрыт мощным позднейшим техногенным балластом. Последнее, в частности, технически осложняет или даже делает невозможным проведение исследований в археологических шурфах и требует раскопок большими площадями. Общеизвестно, что средневековых материалов изначально откладывается на порядки меньше по сравнению с поздними, они сохраняются хуже, выявляются сложнее и т. д. Но пока на исследованных участках не выявлены даже выразительные материалы XVII в., в том числе не локализованы первоначальные Челнинский починок, Бережная слобода. В целях изучения и сохранения необходима локализация и других исторических населенных пунктов и объектов (Шильнинский медеплавильный завод XVIII–XIX вв. и др.).

Благодарности:

Авторы благодарят кандидата исторических наук В.Н. Бахматову за помощь в обработке керамики.

Примечания:

¹ Здесь и далее в авторских редакциях.

² Кроме этого, зафиксирован «курган в 2,5 километрах от д. Боровец (Челнинского кантона и Челнинской волости). Курган раскапывался, были найдены кости и разные древние вещи, которые были направлены в местный Челнинский музей» (Вараксина, 1930, с. 33).

³ В том числе на противоположном берегу р. Камы; за пределами настоящей публикации.

⁴ В отчете – поселение, в Археологической карте – селище (Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 204).

⁵ Река Челна (Челнинка).

⁶ См. также другие памятники у с. Бетьки: Бетькинский могильник, Бетькинская стоянка I, Бетькинская стоянка II срубной культуры (Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 198–200).

⁷ «...Курган на боровецком поле... одинокое всхолмление высотой не более 1 м, диаметром 28–30 м с кладоискательской ямой в центре, о котором местные жители рассказывают много противоречивого и которое теперь производит впечатление естественного всхолмления» (Хлебникова, 1959, л. 51). В полевом дневнике есть дополнительные данные: «18/VIII.[1958]. Нашли «курган» на краю Боровецкого поля по дороге из Н. Гардали в Боровецкое. Расположен в 6 км от Боровецкого [неразб.] от дороги, если ехать из Боровецкого в Н. Гардали. От дороги в метрах 50, недалеко от межи Боровецких и Гардалинских земель. Распахивается всхолмление, называемое местным населением курганом, давно» (Хлебникова, 1958, л. 16). Спустя шесть лет П.Н. Старостин отмечает, видимо, тот же (?) объект: «В беседе со старожилами д. Самоскаково мы узнали, что за селом Боровецким в сторону деревни Новые Гардали имеется курган. Они же сообщили, что курган в 1929 году раскапывали кладоискатели из села Боровецкое и нашли золотые серьги. При осмотре кургана нами установлено, что памятник расположен в 2 км к северо-западу от деревни на высоком распаханном поле в сторону с. Боровецкое, влево в 70–80 м от дороги, там, где кончается полевая полоса и дорога поворачивает влево... В настоящее время сохранилась овальная по форме длиной 17 м, шириной около 10 м и высотой 0,8 м насыпь кургана. В центре насыпи кургана сохранился глубокий кладоискательский вкоп. Поверхность кургана распахана» (Старостин, 1965, л. 3). Ныне указанная территория вошла в черту города, местоположение «кургана на боровецком поле», в Археологической карте получившего название «Новогардалинский курган», утеряно (Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 205). Как и локализация, его датировка и культурная принадлежность требуют уточнения.

⁸ В первоисточнике он назван «Самоскаковское поселение или поселение у Орловского ключа. Расположено в 2,5 км к ю-ю-з (в дневнике: 165° – Н.Н.) от д. Самоскаково и в 5 км к с-с-з (в дневнике 30° – Н. Н.) от элеватора в Набережных Челнах, у низовой дороги из д. Орловки в д. Самоскаково, примерно в 2 км от берега Камы и в таком же расстоянии от р. Шильни. Поселение занимает слегка наклонную к луговине отчетливо выступившую здесь площадку 2-й надпойменной террасы, в настоящее время подмытой и изрезанной овражками. Площадь задернована. Место для поселения чрезвычайно удобное. Луговина богата озерами. Одно из них расположено у подножия террасы, где расположено поселение. Здесь же бьет ключ с прозрачной и исключительно вкусной водой. Ключ носит название «Орловского» и существует по рассказам старожилов испокон... Площадь распространения подъемного материала на поселении примерно 170 м вдоль террасы и 60–65 м поперек. Протяженность культурного слоя по обнажениям вдоль террасы 100–120 м. Таким образом, площадь поселения равна примерно 10000 м²» (Хлебникова, 1959, л. 52, 54–58).

В то же время в Археологическую карту включен памятник «Самоскаковское местонахождение», соответствующий описанию П.Н. Старостина 1964 г.: «В 1,5-2 км к юго-юго-западу от деревни на краю распаханной надлуговой очень невысокой террасы на площади 30 x 40 м² собраны 10 фрагментов лепной толстенной глиняной плоскодонной посуды с примесью мелкого шамота срубного облика» (Старостин, 1965, л. 3; Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 207).

⁹ Шайтановская мезолитическая (?) стоянка в 2,5 км к северо-западу от д. Шайтаново (Старостин, 1965, л. 3, 4; Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 212). На последней в 1968 г. проведены раскопки (Косменко, 1969, л. 212). Исследованиями выявлены Кзыл-Тауская стоянка в 2 км к северо-западу от поселка с материалами бронзового века и «бахмутинско-мазунинского» типа; Кзыл-Тауское селище в 100 м к западу от стоянки с материалами, которые относятся к «ананьинскому типу памятников раннего железного века»; Кзыл-Тауское местонахождение «мезолитического времени» в 1,5 км к северу от поселка; местонахождения в окрестностях дер. Шайтаново (на вершине дюны, где находится деревня; на ее южной оконечности; в 400 м западу от деревни; в 1 км к юго-востоку от деревни) (Косменко, 1969, л. 211–213; 1970, л. 3, 4). Ср.: Кзыл-Тауское местонахождение, Кзыл-Тауское местонахождение II, Кзыл-Тауская стоянка, Кзыл-Тауское селище, Шайтановские местонахождения I, II в Археологической карте (Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 208–211, 213, 214; Свод, 2007, № 3230, 3231).

¹⁰ Набережно-Челнинское селище I (в первоисточнике Челнинское селище) с предположительно именковскими

материалами. Оно «расположено в 2 км к северу от города, в 250 м к северу от карьера по добыче бутового камня на краю коренного распаханного берега, поднимающегося над уровнем поймы на 25–30 м. К западу (внизу) протекает ручей, к востоку от селища проходит шоссе из г. Набережные Челны в д. Самоскаково. На краю террасы на площади 15×9 м² собрано 15 фрагментов лепных плоскодонных сосудов серого цвета с примесью в тесте шамота, а также обломки костей животных. Культурный слой селища полностью разрушен» (Старостин, 1965, л. 2, рис. 1; Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 203).

¹¹ При работах также зафиксированы Набережно-Челнинское местонахождение (кости животных, кремневый скол) на левом берегу р. Камы в 1 км к ЮЮЗ от западной окраины г. Набережные Челны по восточному котловану Нижнекамской ГЭС; Набережно-Челнинское селище в 1,5 км к югу от южной окраины г. Набережные Челны, в 200 м к западу от коренной террасы, на которой расположен Набережночелнинский могильник, где на площади 140×60 м зафиксированы фрагменты лепных толстостенных сосудов с примесью шамота в тесте (Казаков, 1969, л. 78). Ср.: Набережночелнинское селище в 300 м к северу от Набережночелнинского могильника (Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 202).

¹² В прибрежной части «Элеваторной горы» на поверхности найден фрагмент круговой черной керамики русского времени; место обозначено как «Набережно-Челнинское местонахождение». Был также заложен шурф, который материалов не дал (Казаков, 1993, л. 21).

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях в г. Набережные Челны (Республика Татарстан) на Набережночелнинском проспекте при слиянии рек Челна и Мелекесса в 2007 году. Казань, 2008 // НФ МАРТ ИА АН РТ.

Багавиева А.А., Нигаматов А.З., Хузин Ф.Ш. Отчет об археологических исследованиях в Набережных Челнах в 1997 году. Елабуга, 1999. Лаборатория археологии и этнологии ЕГПУ.

Вараксина Л.И. Материалы к археологии ТССР // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Вып. 4. Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского, 1930. С. 32–35.

Ермаков В.В., Набиуллин Н.Г., Газизов Д.Г., Салахатдинова Г.Т. К вопросу о локализации исторически известных объектов нового времени (на примере «Чалнинского городка» // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 99–111.

Игнатьев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Отдел второй. Уфа, 1883.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ 2007. 208 с.

Казаков Е.П. Набережно-Челнинский могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 78–86.

Казаков Е.П. Отчет о работах в районе Набережных Челнов и II Деуковского могильника / Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской экспедиции. Казань, 1969 // НФ МАРТ ИА АН РТ.

Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции в зонах водохранилищ Волго-Камского каскада Татарстана. Казань, 1993 // НФ МАРТ ИА АН РТ.

Казаков Е.П. Отчет о работе Раннеболгарской экспедиции 2008 г. Казань, 2009 // НФ МАРТ ИА АН РТ.

Казаков Е., Набиуллин Н. Яр Чаллы – Набережные Челны // Достояние поколений. 2010. № 2 (10). С. 26–31.

Казаков Е.П., Набиуллин Н.Г., Хуснутдинов Э.А. Новые материалы по исследованиям в исторической части г. Набережные Челны // Камский торговый путь. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции / Ред. И.В. Корнилова, А.З. Нигаматов, Г.М. Полькина. Набережные Челны: НГПУ, 2021. С. 143–156.

Косменко М.Г. Разведки в зоне затопления Нижнекамской ГЭС / Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской экспедиции. Казань, 1969 // НФ МАРТ ИА АН РТ.

Косменко М.Г. Отчет об археологических разведках и раскопках в левобережье р. Камы и устье р. Белой в зоне затопления Нижнекамской ГЭС / Отчет о работе Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 году. Том II. Казань, 1970 // НФ МАРТ ИА АН РТ.

Набиуллин Н.Г., Газизов Д.Г., Салахатдинова Г.Т. Поселенческая структура прибрежного Восточного Закамья в контексте Камской коммуникации // Камский торговый путь. Материалы II Всероссий-

ской научно-практической конференции / Ред. И.В. Корнилова и др Набережные Челны: НГПУ, 2018. С. 56–65.

Нигамев А.З. Отчет об археологических исследованиях на территории Элеваторной Горы в Набережных Челнах в 2008 году. Елабуга, 2009 / Лаборатория археологии и этнологии ЕГПУ.

Старостин П.Н. Отчет об археологической разведке в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, проведенной летом 1964 года. Казань, 1965 // НФ МАРТ ИА АН РТ.

Старостин П.Н. Материалы к отчету об археологической разведке в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, проведенной летом 1964 года // НФ МАРТ ИА АН РТ.

Старостин П.Н., Колодешникова Т.В. Итоги раскопок Кумысской стоянки и могильника в 1968 году // Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской экспедиции. Казань, 1969 / НФ МАРТ ИА АН РТ.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

Хлебникова Т.А. Отчет о работах III-го отряда экспедиции КФАН 1958 года в Набережно-Челнинском районе ТАССР / Отчет о полевых работах археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР за 1958 г. Казань, 1959 / Архив ИА РАН. Р-1. № 1771.

Хлебникова Т.А. Полевой дневник археологической экспедиции 1958 г. // НФ МАРТ ИА АН РТ.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Информация об авторах:

Набиуллин Наиль Гатиятуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); NabiullinNG@gmail.com

Салахатдинова Гузель Тимерзяновна, соискатель, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); guzel-salah@yandex.ru

REFERENCES

Kazakov, E. P. (ed). 1989. *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Monuments of the Eastern Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh v g. Naberezhnye Chelny (Respublika Tatarstan) na Naberezhnochelninskom prospekte pri sliyanii rek Chelna i Melekeska v 2007 godu (Report on archaeological security and rescue research in Naberezhnye Chelny (Tatarstan), carried out on Naberezhnochelninskiy Prospect at the confluence of the Chelna and Melekeska rivers in 2007)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Bagavieva, A. A., Nigamaev, A. Z., Khuzin, F. Sh. 1999. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Naberezhnykh Chelnakh v 1997 godu (Report on Archaeological Studies in Naberezhnye Chelny in 1997)*. Elabuga. Laboratory of Archaeology and Ethnology Elabuga State Pedagogical University (in Russian).

Varaksina, L. I. 1930. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatar Soviet Socialist Republic)* 4. Kazan: "Poligrafshkola im. A. V. Lunacharskogo" Publ., 32–35 (in Russian).

Ermakov, V. V., Nabiullin, N. G., Gazizov, D. G., Salakhadinova, G. T. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 22 (4), 99–111 (in Russian).

Ignat'ev, R. G. 1883. In *Spravochnaia knizhka Ufimskoi gubernii. Otdel vtoroi (Reference Book of Ufa Governorate. Second Section)*. Ufa (in Russian).

Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Kazakov, E. P. 1972. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Nizhnekamskoi ekspeditsii (Reports of the Nizhnekamsk Expedition)* 1. Moscow: "Znanie" Publ., 78–86 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1969. In *Otchet o polevykh issledovaniyakh Tatarskogo otryada Nizhnekamskoy ekspeditsii (Report on Field Studies of the Tatar Group of Nizhnekamsk Expedition)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E. P. 1993. *Issledovaniya Rannebolgarskoy ekspeditsii v zonakh vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada Tatarstana (Research of the Early Bulgar expedition team in the reservoir areas of the Volga-Kama cascade of Tatarstan)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E. P. 2009. *Otchet o rabote Rannebolgarskoy ekspeditsii 2008 g. (Report on the work of the Early Bulgarian expedition team in 2008)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E., Nabiullin, N. 2010. In *Dostoianie pokolenii (Wealth of Generations)* 8(2), 26–31 (in Russian).

Kazakov, E. P., Nabiullin, G. G., Khusnutdinov, E. A. 2021. In Kornilova, I. V., Nigamaev, A. Z., Polkina, G. M. (eds). *Kamskii torgovyi put' (Kama Trade Route)*. Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, 143–156 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 1969. In *Otchet o polevykh issledovaniyakh Tatarskogo otryada Nizhnekamskoy ekspeditsii (Report on Field Studies of the Tatar Group of Nizhnekamsk Expedition)*. Kazan. Scientific Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 3691 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 1970. In *Otchet o rabote Tatarskogo otryada Nizhnekamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1969 godu (Report on the work of the Tatar detachment of the Nizhnekamsk archaeological expedition team in 1969)*. Vol. 2. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Nabiullin, G. G., Gazizov, D. G., Salakhatdinova, G. T. 2018. In Kornilova, I. V. et. (eds). *Kamskii torgovyi put' (Kama Trade Route)*. Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, 56–65 (in Russian).

Nigamaev, A. Z. 2009. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Elevatornoi Gory v Naberezhnykh Chelnakh v 2008 godu (Report on Archaeological Studies at Elevatornaya Gora, Naberezhnye Chelny in 2008)*. Elabuga. Laboratory of Archaeology and Ethnology of the Elabuga State Pedagogical University (in Russian).

Starostin, P. N. 1965. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v zone zatopleniya Nizhnekamskoy GES, provedennoy letom 1964 goda (Report on the archaeological reconnaissance in the flooding zone of the Nizhnekamsk hydroelectric power station, carried out in the summer of 1964)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Starostin, P. N. *Materialy k otchetu ob arkheologicheskoy razvedke v zone zatopleniya Nizhnekamskoy GES, provedennoy letom 1964 goda (Materials for the report on the archaeological reconnaissance in the flooding zone of the Nizhnekamsk hydroelectric power station, carried out in the summer of 1964)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Starostin, P. N., Kolodeshnikova, T. V. 1969. In *Otchet o polevykh issledovaniyakh Tatarskogo otryada Nizhnekamskoy ekspeditsii (Report on Field Studies of the Tatar Group of Nizhnekamsk Expedition)*. Kazan. Scientific Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 3691 (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1959. In *Otchet o polevykh rabotakh arkheologicheskoy ekspeditsii IYaLI KFAN SSSR za 1958 god. (Report on the Fieldworks of the Archaeological Expedition of G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences in 1958)*. Kazan. Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 1771 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1958. *Polevoy dnevnik arkheologicheskoy ekspeditsii 1958 g. (Excavation journal of the archaeological expedition team of 1958)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Nabiullin Nail G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; NabiullinNG@gmail.com

Salahatdinova Guzel T. Applicant. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; guzel-salah@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.227.234>

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЕВ ЕЛАБУГИ

© 2022 г. А.З. Нигамев

В Музее археологии и истории Татарстана Елабужского института КФУ и Краеведческом комплексе Елабужского государственного музея-заповедника экспонируется интересный комплекс предметов вооружения из болгарских памятников Восточного Предкамья и Восточного Закамья. Большая часть изделий происходит из раскопов, но присутствуют и «случайно обнаруженные» находки. В статье дается описание наиболее характерных предметов вооружения ближнего боя. Особый интерес вызывают 2 сабли из памятников нижнего течения р. Зай. Одна из сабель более характерна для болгар, другая, с несколько поздней датировкой, имела широкое распространение у народов Степи. Большим типологическим разнообразием представлены топоры, чего нельзя сказать о наконечниках копий. Время максимального распространения большинства находок не выходит за рамки домонгольского периода. Данный комплекс оружия показывает сложный процесс эволюции военного дела болгар в течении всего домонгольского и золотоордынского периодов.

Ключевые слова: археология, Нижнее Прикамье, Волжская Болгария, памятники, домонгольский период, сабли, копьё, топоры.

MEDIEVAL MELEE WEAPONS FROM THE COLLECTIONS OF YELABUGA MUSEUMS

A.Z. Nigamaev

The Museum of archaeology and history of Tatarstan of the Yelabuga Institute of KFU and the Local history complex of the Yelabuga State Museum-Reserve exhibit an interesting set of weapons from the Bulgar monuments of the Eastern Fore-Kama and Eastern Trans-Kama regions. Most of the items were found in excavations, but there are also "accidentally discovered" finds. The most characteristic items of melee weapons are described in the article. Of particular interest are two sabers found on the sites of the lower reaches of the Zai River. One of the sabers is more characteristic for the Bulgars, the other, with a somewhat late dating, was widely used among the peoples of the Steppe. Axes are represented by a great typological diversity, which cannot be attributed to the spearheads. The time of maximum distribution of most of the finds does not go beyond the pre-Mongolian period. This complex of weapons shows the complex process of the evolution of the military affairs of the Bulgars during the entire pre-Mongolian and Golden Horde periods.

Keywords: archaeology, Lower Kama region, Volga Bulgaria, monuments, pre-Mongol period, sabers, spears, axes.

Война является постоянной спутницей человечества. В современный исторический период она служит важной составляющей частью жизни общества и влияние войн на его развитие в целом и евразийского пространства в частности только усиливается.

Будучи одной из важных сфер в жизни любого средневекового общества военное дело требует комплексного всестороннего изучения. Оружие всегда беспрестанно совершенствовалось. Безусловно, и изучение вещественных источников марциального характера не стоит на месте. В настоящее время накоплен солидный комплекс находок, связанный с военным делом Волжской Булгарии. Остаются и нерешенные задачи. Прежде всего, необходимо разработать единую типологию, происхождение или истоки (с этнокультурной привязкой) и хронологию предметов

вооружения, получивших распространение в Волго-Уральском регионе. К сожалению, особенности развития комплекса вооружения домонгольской и золотоордынской эпох отдельных территорий, в частности Восточного Предкамья и Восточного Закамья, почти не исследованы. Постоянные миграционные процессы, связанные с населением Верхнего Прикамья и лесостепного Западного Приуралья, должны были отразиться на военной тактике, оружии, доспехах волжских булгар, на фортификационных сооружениях их поселений.

Источником данного исследования являются экспонаты музеев г. Елабуги: Музея археологии и истории Татарстана (МАИТ) Елабужского института КФУ и Краеведческого комплекса Елабужского музея-заповедника.

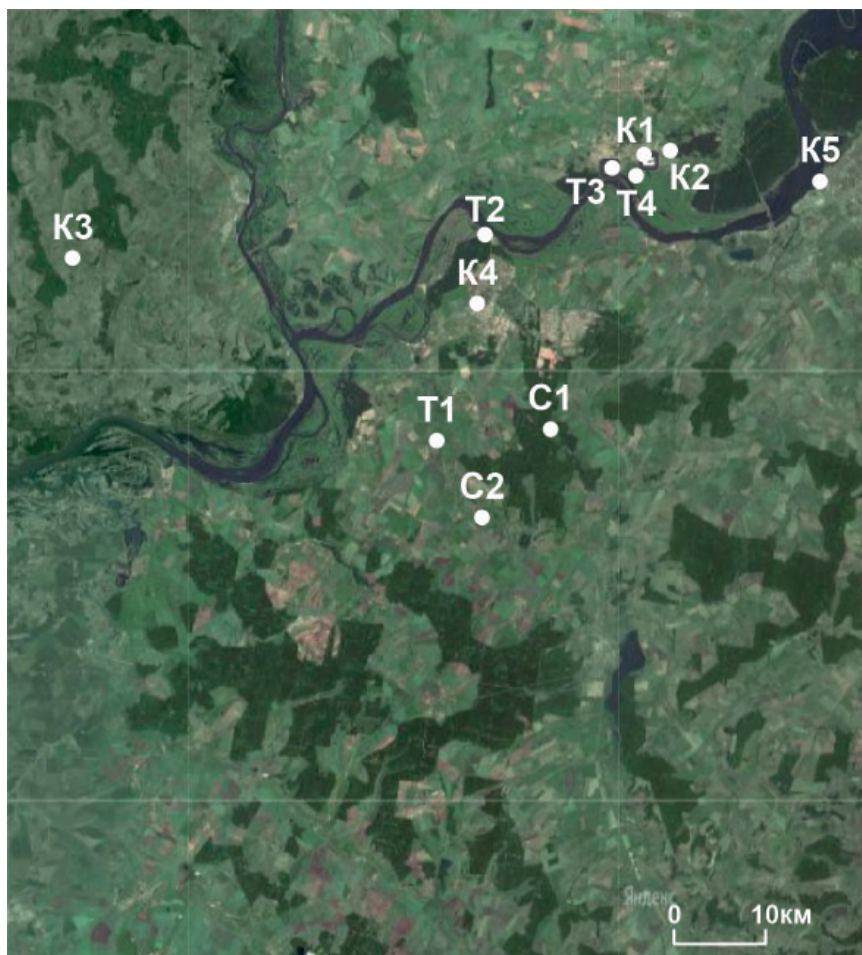

Рис. 1. Восточная часть Нижнего Прикамья с указанием местонахождения предметов вооружения
Fig. 1. The eastern part of the Lower Kama region, with indicating the location of weapons

Оружие ближнего боя, которое относится к наступательному вооружению, делится на несколько видов, в том числе клинковое оружие, копья и топоры. В работе описаны только те экспонаты, происхождение которых связано с Восточным Предкамьем или Восточным Закамьем.

Сабли. В зале археологии Краеведческого комплекса Елабужского музея-заповедника выставлены две сабли, происхождение которых связано с бассейном Нижнего Зая. По некоторым сведениям, несколько средневековых сабель хранятся и у частных «коллекционеров» Елабуги. Экспонируемые в музее сабли аналогичны синхронным находкам из центральных закамских территорий Волжской Болгарии.

Сабля № 1 (рис. 2: 1). Предположительно происходит из Ошинской группы болгарских памятников (Нижнекамский р-н РТ). Общая длина сабли 990 мм, длина клинка 870 см (конец приблизительно на 10 мм отломлен), толщина обуха 5–6 мм, ширина клинка в 50 мм от перекрестия 31 мм. Конец сабли на 160 мм имеет обоюдоострую заточку, ширина

клинка здесь 25 мм. Искривление клинка 20 мм. С лицевой стороны клинка следов дола не прослеживается. На клинке в 20 мм выше перекрестия сохранилась обоймица в виде припаянной П-образной пластины шириной 11 мм. Ширина клинка с обоймицей 36 мм.

Перекрестие с близким к ромбовидному расширением на середине тела и сильно удлиненными плечиками. Длина перекрестия 86 мм, максимальная высота 20 мм, ширина 21 мм. Конец бокового клиновидного выступа находится ровно посередине клинка. Плечики несимметричные. Длина рукоятки 110 мм, ширина у перекрестия 16 мм, на конце 8 мм. В 20 мм от перекрестия имеется одно отверстие для крепления. Угол отклонения ручки менее 2°. Вес сабли в нынешнем состоянии 686,1 г.

Данная сабля имеет типологическую близость к саблям типа I по И.Л. Измайлову (Измайлов, 1997, с. 22). Ареал использования таких сабель весьма широк, но чаще встречаются в южнорусских степях, Подонье и Волжской Болгарии (Кирпичников, 1966-1, с. 60). Наибольшее распространение подобных типов вооружения приходится на раннедо-

Рис. 2. Сабли из фондов Краеведческого комплекса ЕГМЗ.

Fig. 2. Sabers from the collections of the Yelabuga State Museum-Reserve Local history complex.

монгольское время. Исходя из места обнаружения, данный экземпляр можно датировать XI – началом XII вв.

Сабля № 2 происходит из Краснокадкинского городища (рис. 2: 2). Общая длина оружия 1180 мм. Длина клина 1070 мм, толщина обуха у перекрестия 6 мм, ближе к концу 4 мм. Ширина клинка у перекрестия 33 мм, постепенно сужается к концу. Почти треть клинка имеет ширину менее 20 мм. Несмотря на большую кривизну сабли (83 мм), конец ее длиной 200 мм выкован прямой сужающейся пикой. Обоймица представлена двумя пластинами на рабочей стороне шириной 13 мм и длиной 110 мм. Следы дола не прослеживаются.

Перекрестие ладьевидной формы длиной 110 мм, высотой плечиков 10-13 мм. С левой стороны имеется боковой защитный мысик подтреугольной формы высотой 10 мм. На рукоять спускается пластина длиной 21 мм. С правой стороны такие выступы отсутствуют, наблюдается лишь некоторое расширение до 17 мм. Длина рукоятки 100 мм, ширина у перекрестия 25 мм, на конце 10 мм. С правой стороны рукоятки имеется дол длиной 86 мм, шириной 6 мм, глубиной 1,5 мм. По долу имеются три отверстия диаметром 3 мм. С левой стороны верхнее отверстие закрыто выступом перекрестия. Рукоять отклонена от клинка на 2°. Вес сабли в нынешнем состоянии 828 г.

Ближние аналогии, но менее изогнутые и с чуть коротким клинком встречаются у черных клубков Южной Руси (Плетнева, 1967, с. 17, 18), кимаков Прииртышья (змеевский этап сrostкинской культуры) (Горбунов, 2006, с. 203, рис. 58-3) и золотоордынских кипчаков (Федоров-Давыдов, 1966, с. 22). Исходя из аналогий перекрестий, явление о появлении таких сабель в Волжской Булгарии как заимствования из Руси в XII–XIII вв. не имеет оснований (Кирпичников, 1966-1, с. 72). На наш взгляд, появление в бассейне р. Зай сабель данного типа связано с проникновением сюда восточно-кыпчакского (йемекского) населения в конце XII – начале XIII вв. В определенной степени это подтверждается и сообщением Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, 2001, с. 390), и присутствием кыпчакских источников посуды в керамическом комплексе домонгольского городища (Гариф, Набиуллин, 2006, с. 250). Как видим, в течение домонгольского периода происходит эволюция сабель путем удлинения клинка, увеличения изгиба полосы и общего веса. И это связано прежде всего с изменением военно-тактических приемов ведения ближнего боя. Наличие прямого пикообразного конца второго экземпляра говорит о том, что сабли уже использовали и для прямого пробивания кольчужных доспехов.

Наконечники копий и сулицы. Копье, как оружие колющего или колюще-рубящего действия, предназначен для ведения боя на средней и ближней дистанции. Одни исследователи выделяют их в категорию оружия таранного боя (Горбунов, 2006, с. 46), другие – относят в разряд вооружения ближнего боя (Белорыбкин, Гусынин, Измайлов, 2020, с. 32). В экспозициях елабужских музеев лучше всего представлены пиковидные наконечники копий. Распространение пик в Нижнем Прикамье следует связывать с появлением здесь западносибирско-южноуральского населения с востока или болгар с юга-запада. Пики – типичное оружие война-кочевника, воспринятое и сибирским населением. Они нашли широкое распространение в Подонье, Предкавказья, русских землях и даже в Подунавье (Кирпичников, 1966-2, с. 15). Четырехгранные квадратного сечения пики как прежде всего кавалерийское оружие были эффективны для пробивания металлических доспехов.

Наконечник № 1. Обнаружен в 1997 г. на ул. Б. Покровская г. Елабуги (раскоп II). Является наконечником сулицы (рис. 2: 1). Изделие имеет вытянуто-листовидное перо. Одна сторона наконечника относительно

плоская, другая подтреугольного сечения с четко выделяющейся гранью посередине пера. Общая длина 133 мм, длина пера 84 мм, ширина 27 мм. Черешок прямоугольного сечения имеет длину 49 мм. Данный наконечник, который достаточно близок к типу VI по И.Л. Измайлову (Измайлов, 1997, с. 74), датируется нами концом XII – XIII вв.

Наконечник № 2 (рис. 2: 2). Происходит из разрушенного погребения Елабужского II некрополя. Обнаружен в комплексе с другими находками в 1994 г. Наконечник можно отнести к пиковидным копьям. Его конец на 3,5 см имеет ромбовидное сечение, у остальной части пера края вытягиваются, образуя посередине закругленную грань. Общая длина (неполная) 180 мм, длина пера 130 мм, максимальная ширина пера 20 мм, длина втулки (неполная) 50 мм, диаметр 22 мм (Нигамаев, 2005, с. 25). В классификации И.Л. Измайлова таких наконечников нет. По сути, данный экземпляр можно отнести к среднему между подтипом IA и подтипом IB (Измайлов, 1997, с. 58–64). Датируется X – началом XI вв. Хранится в Музее археологии и истории Татарстана (МАИТ) ЕИ КФУ.

Наконечник № 3 (рис. 2: 3). Данный наконечник тоже из МАИТ ЕИ КФУ. Правда, происходит он из Кирменского комплекса, расположенного чуть западнее Восточного Предкамья. Его длина 230 мм, длина пера 150 мм, втулки – 80 мм, диаметр втулки 24 мм. Классический пиковидный наконечник с граненым подквадратным сечением. Относится к подтипу IB и датируется XII–XIII вв.

Наконечник № 4 (рис. 2: 4). Другой наконечник из МАИТ ЕИ КФУ, относящийся к подтипу IB, происходит из г. Нижнекамска. Обнаружен в 1997 г. Имеет более крупные размеры. Его длина (неполная) 233 мм, длина пера (конец отломлен) 130 мм, втулки – 103 мм, диаметр втулки 30 мм. Сохранилось одно отверстие для гвоздя диаметром 2,2 мм. В отличие от предыдущего наконечника его перо подквадратного сечения не сужается к верхней четверти длины.

Наконечник № 5 (рис. 2: 5). Происходит из г. Наб. Челны (Элеваторная гора?). Копье с длинным пером с почти параллельными краями с незначительным расширением к тулье. Общая длина (неполная) составляет 225 мм, длина пера 165 мм, втулки (неполная) – 60 мм. Максимальная ширина пера 21 мм. Сечение уплощенное ромбовидное. Грань четко прослеживается по всей длине пера. Диаметр втулки 21 мм. Точные аналогии в известных

Рис. 3. Наконечники копий из фондов Музея археологии и истории Татарстана ЕИ КФУ.
Fig. 3. Spearheads from the collections of the Museum of Archaeology and History of Tatarstan of the Elabuga Institute of KFU

типологиях обнаружить не удалось. На наш взгляд, время бытования таких наконечников XII–XIV вв.

В Краеведческом комплексе музея-заповедника имеются также несколько пиковидных, листовидных наконечников и одна рогатина. К сожалению, у нас нет информации об их происхождении из памятников восточных районов Нижнего Прикамья.

Топоры. Из-за своей универсальности и широкого применения топоры являются часто встречающимися находками из числа предметов вооружения. Строение лезвия, проуха, наличие или отсутствие щёк, длина топора и его лезвия, вес топора и другие особенности всегда учитывались при типологизации данного вида находок. По А.Н. Кирпичникову

и И.Л. Измайлову топоры делятся на боевые, рабочие и универсальные. Всего в экспозициях МАИТ выставлено четыре, в Краеведческом комплексе – пять топоров различных типов. Все они описаны в работе А.И. Галимова (2020, 2021). К сожалению, более половины этих топоров не связаны своим происхождением с Восточным Предкамьем и Восточным Закамьем.

Топор № 1 (рис. 4: 1). Топор с вытянутым клиновидным лезвием происходит из Нижнекамского района РТ. Его сохранность удовлетворительная. Длина топора 210 мм, длина лезвия 55 мм, вес 1045,5 г. По типологии И.Л. Измайлова, данный топор соответствует типу Б1 (1997, с. 82–84). Топоры этого типа были широко распространены в Прикамье в течение всего домонгольского времени. В памят-

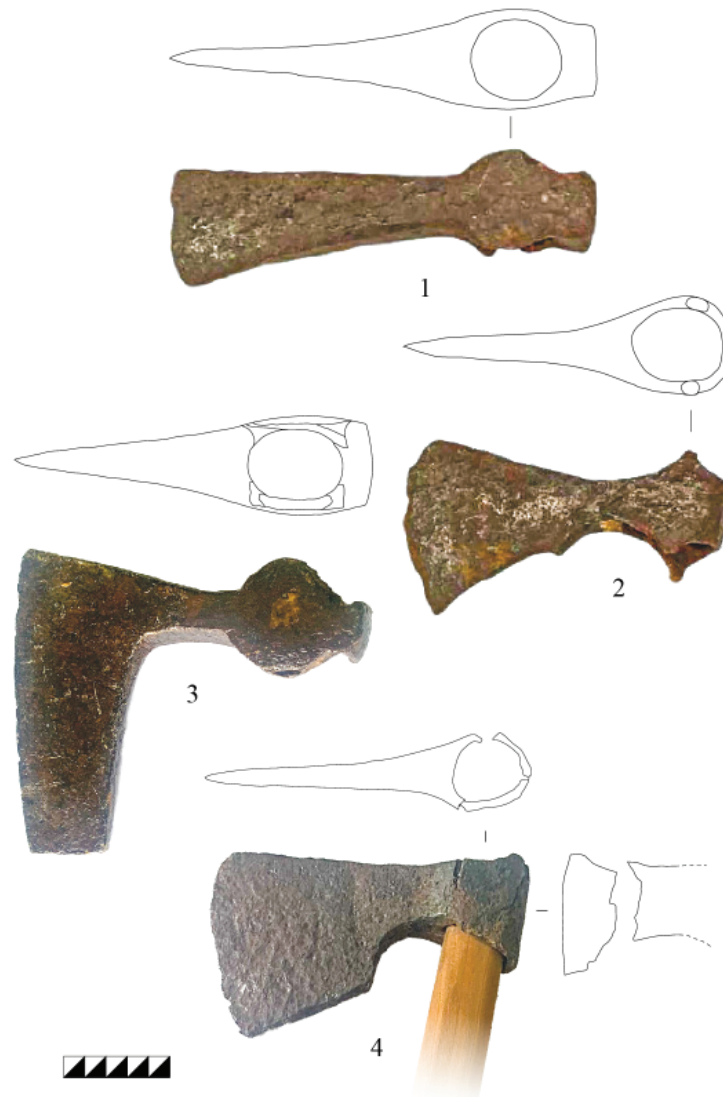

Рис. 4. Топоры из фондов Краеведческого комплекса ЕГМЗ (1-2) и Музея археологии и истории Татарстана ЕИ КФУ (3-4).

Fig. 4. Axes from the collections of the Yelabuga State Museum-Reserve Local history complex. (1-2) and the Museum of Archaeology and History of Tatarstan of the Elabuga Institute of KFU (3-4).

никах Волжской Булгарии такие чеканы больше всего встречаются в раннедомонгольское время.

Топор № 2 (рис. 4: 2). Еще один топорик предположительно из окрестности Красного Ключа (Нижекамский р-н). Сохранность удовлетворительная. Данное оружие с широким клиновидным лезвием и обухом с подтреугольными щековицами. Отмечается отсутствие выделенного обушка. Длина топора 160 мм, длина лезвия 87 мм, диаметр проуха 35 мм, вес 634,1 г. По типологии И.Л. Измайлова, данный топор соответствует типу VI, который был распространен в северных районах Среднего Поволжья и на Руси в XII–XIV вв. (1997, с. 88, рис. 56). В Нижнее Прикамье могли попасть в процессе проникновения сюда восточно-финского населения в конце XII в.

Топор № 3 (рис. 4: 3). Хранится в фондах МАИТ ЕИ КФУ. Происходит из Елабужского городища (случайная находка 1996 г.). Имеет следующие характеристики: длина топора 161 мм, ширина лезвия 143 мм, вес 978 г. Сохранность хорошая. Такие топоры с широким лопастным лезвием были популярны в XI–XIV вв. на всей территории Волжской Булгарии. В Краеведческом комплексе имеется топор еще более широким и узким лезвием (малая алебарда). Данный топор соответствует типу БШ (по И.Л. Измайлову).

Топор № 4 (рис. 4: 4). Не очень хорошей сохранности топорик происходит из посада средневековой Алабуги. Обнаружен на месте пожара (обух частично разрушен). Данный топорик, сочетающий свойства оружия и орудия труда, имеет широкое лезвие и отходя-

щие в сторону мысовидные выступы в тыльной стороне обуха. Его длина 150 мм, ширина лезвия 89 мм, вес 552 г. Датируется данный топорик XII–XIII вв.

Безусловно, не весь средневековый материал марциального характера, выставленный в музеях г. Елабуги, связан своим происхождением с восточными районами Нижнего

Прикамья. Значительная часть таких экспонатов имеет западно-закамское или неопределенное происхождение. Но тем не менее приведенные в работе предметы вооружения показывают, что военное дело в регионе постоянно развивалось, а наступательное вооружение ничем не уступало образцам из центральных районов Волжской Булгарии.

ЛИТЕРАТУРА

Белорыбкин Г.Н., Гусынин В.А., Измайлов И.Л. Вооружение населения юго-западной Булгарии (X – середина XIII века) / Археология Евразийских степей. 2020. № 1. 354 с.

Галимов А.И. Топоры из болгарских памятников Нижнего Прикамья (по материалам фонда археологического музея Елабужского института КФУ) // LIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Оренбург, 1–3 февраля 2021 г.) / Отв. ред. А.А. Евгеньев. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. 171–173 с.

Галимов А.И. Комплекс средневековых топоров из музейных фондов городов Нижнего Прикамья // LIV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Астрахань, 1–3 февраля 2022 г.) / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2022. С. 182–184.

Гариф Н.Г. Набиуллин Н.Г., Нурисламов Р.Х., Мельников Л.В. Археологические и почвенные исследования болгарских памятников Закамья (предварительные результаты работ на городище Кызыл Чапчак (Краснокадкинское) // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2007. С. 247–251.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Киртичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. I Мечи и сабли IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 143 с.

Киртичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. II. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 181 с.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.

Плетнева С.А. От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись.. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2001. 733 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Информация об авторе:

Нигамаев Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института Казанского федерального университета (г. Елабуга, Россия); alnig.07@mail.ru; ev1987@gmail.com

REFERENCES

Belorybkin, B. N., Gusynin, V. A., Izmailov, I. L. 2020. *Vooruzhenie naseleniya yugo-zapadnoy Bulgarii (X – seredina XIII veka)* Armament of the Population of South-Western Bulgaria (10th – mid-13th centuries) In *Arkheologiiia evraziiskikh stepei* (Archaeology of the Eurasian Steppes). 1. (in Russian).

Galimov, A. I. 2021. In Evgen'ev, A. A. (ed.). *LIII Uralo-Povolzhskaiia arkheologicheskaiia konferentsiia studentov i molodykh uchenykh (53rd Conference of Students and Young Scientists from the Ural and Volga Regions)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 171–173 (in Russian).

Galimov, A. I. 2022. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *LIV Uralo-Povolzhskaiia arkheologicheskaiia konferentsiia studentov i molodykh uchenykh (54th Conference of Students and Young Scientists from the Ural and Volga Regions)*. Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 182–184 (in Russian).

Garif, N. G., Nabiullin, N. G., Nurislamov, R. Kh., Mel'nikov, L. V. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv (Influence of the Natural Environment on the Evolution of*

Ancient Communities). Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 247–251 (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)*. (*Altai Population's Military Science in 3rd – 4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms)*). Barnaul: State University (in Russian).

Izmaylov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v. (Armament and Warfare of the population of Volga Bulgaria 10th – beginning of 13th century)* Kazan-Magadan: North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons) 1. Mechi i sabli IX–XIII vv. (Swords and Sabers of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons) 2. Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Nigamaev, A. Z. 2005. *Bolgarskie goroda Predkam'ia: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury i naseleniia (Bolgar Towns of the Cis-Kama area: Alabuga, Kirmen, Chally. Originality of Material Culture and Population)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Lavrent'evskaia letopis' (Laurentian Codex). 2001. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).

Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovomaiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

About the Author:

Nigamaev Albert Z. Candidate of Historical Sciences. Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University. Kazanskaya St., 89, Elabuga, 423604, the Republic of Tatarstan; alnig.07@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

УДК 902.02

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.235.243>

КОНСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В МОГИЛЬНИКАХ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2022 г. Т.Б. Никитина

В статье впервые обобщены сведения по находкам конских принадлежностей в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья X–XI вв., представлено полное описание категорий находок: стремена (16 экз.), удила (10 экз.), пряжки (3 экз.), оголовья коня (3 экз.). Материалы систематизированы с использованием типологии, разработанной А.Н. Кирпичниковым по Древней Руси. Сделана попытка реконструкции оголовья коня из жертвенного комплекса 65 Дубовского могильника. Конские принадлежности из могильников Ветлужско-Вятского междуречья имеют многочисленные аналогии в кочевых культурах Нижнего Поволжья, Южного Урала, Прииртышья, Приалтайских и восточноевропейских степей. Сравнительный анализ находок из средневековых марийских могильников и этнографических источников по традиционной культуре марийцев и соседних финно-угорских и тюркских народов позволил понять отдельные черты погребально-поминального обряда, связанные с представлениями о священном символе коня.

Ключевые слова: археология, стремена, удила, оголовье коня, средневековье, марийцы, погребальный обряд.

HORSE ACCESSORIES IN BURIAL GROUNDS OF VETLUGA AND VYATKA INTERFLUVE

T.B. Nikitina

The author for the first-time summarizes information on finds of horse accessories in the burial grounds of the Vetluga and Vyatka interfluve of the X–XI centuries, provides a complete description of the categories of finds: stirrups (16 specimens), bits (10 specimens), buckles (3 specimens), bridle (3 specimens). The materials are systematized using the typology developed by A.N. Kirpichnikov on Ancient Russia. An attempt was made to reconstruct the bridle from the sanctuary assemblage 65 of the Dubovoe burial ground. Horse accessories from the burial grounds of the Vetluga and Vyatka interfluve have numerous analogies in the nomadic cultures of the Lower Volga, the Southern Urals, the Irtysh regions, the Altai and Eastern European steppes. A comparative analysis of findings from medieval Mari burial grounds and ethnographic sources on the traditional culture of the Mari and neighboring Finno-Ugric and Turkic peoples made it possible to understand certain features of the burial rite related to the sacred symbol of the horse.

Keywords: archaeology, stirrups, bits, bridles, Middle Ages, the Mari, burial rite.

Могильники Ветлужско-Вятского междуречья X–XI вв. немногочисленны и небольшие по площади и количеству захоронений: на 12 могильниках изучено 364 объектов (погребений и жертвенных комплексов между погребениями).

Конские принадлежности обнаружены в 12 случаях: погр. 12 «Черемисского кладбища»; погр. 18, жертвенный комплекс (далее – ЖК) 2, находки в яме для трупосожжений, два местонахождения разрозненных находок на поверхности могильника (кв. В/6 и восточный склон дюны) «Нижняя стрелка»; погр. 17, погр. 66, ЖК 64, ЖК 65, ЖК 69; ЖК в кв. Е/4 Дубовского могильника; погр. 6 Красногорского могильника. Возможно, что в ЖК 64 в кв. А,Б/1 Дубовского могильника объединены 2 комплекса, поэтому обнаружены два комплекта удила и три стремени. Указанные

квадраты располагались в зоне, разрушенной постройками населенного пункта.

Принадлежности представлены стременами (16 экз.), удилами (10 экз.), подпружными пряжками (3 экз.), двумя оголовьями и одним фрагментом оголовья. Других элементов конского убора (нагрудники, седла и т. д.) не обнаружено, но, судя по изображениям костяных коньков, использованных в качестве украшений-пронизок для накольников, поясных подвесок или ожерелий, дополнительно украшали шею и грудь, иногда круп коня. Костяные коньки имеют очень маленькие размеры (в пределах 1,5–2,5 см), являются схематическим изображением коня, но отражают реальный образ, который наблюдал мастер (рис. 2: 9, 10). На коньке из погр. 11 Веселовского могильника вырезано даже седло с одной передней лукой (рис. 2: 10), а

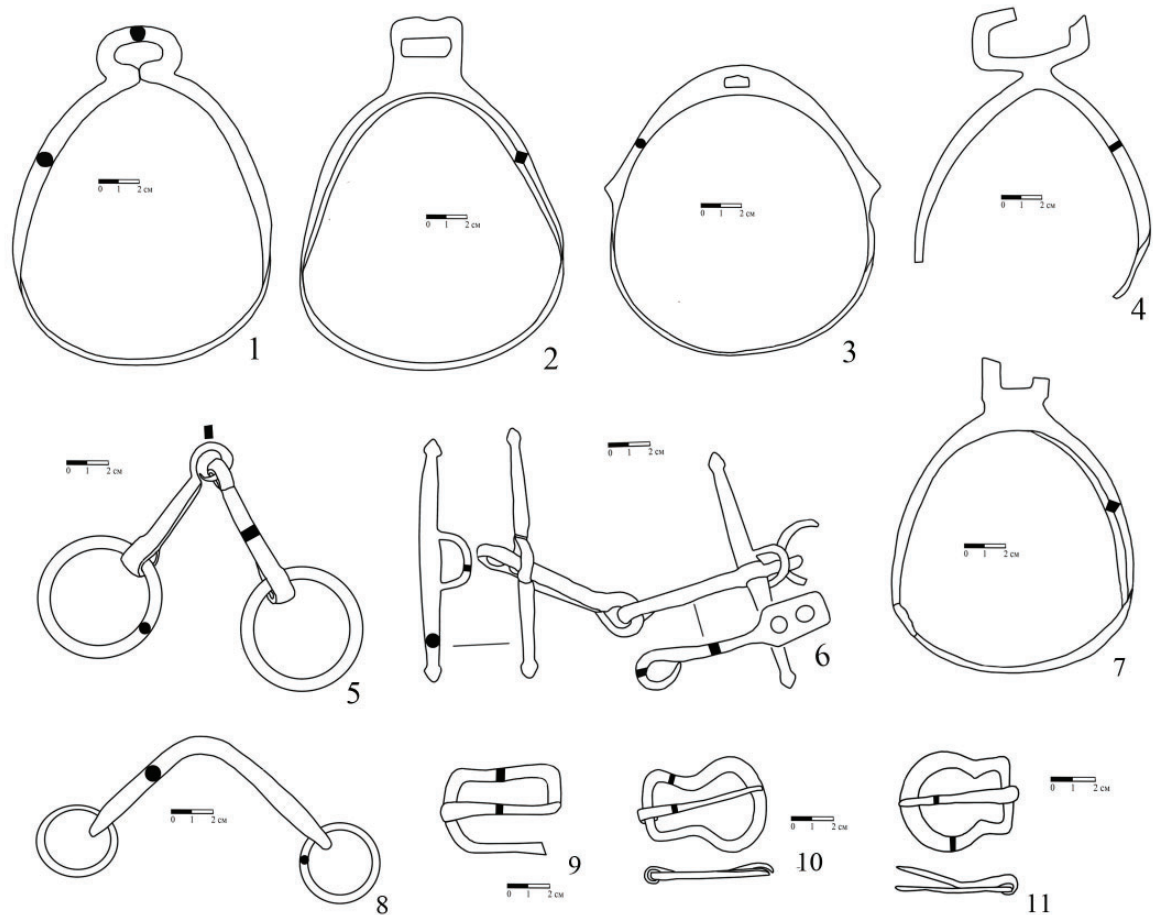

Рис. 1. 1,11 – могильник «Нижняя стрелка», ЖК 2; 2,5,6,7 – Дубовский могильник, ЖК 64; 3,8 – погребение 17 Дубовского могильника; 4 – Дубовский могильник, комплекс в кв. Е/2; 9 – погребение 66 Дубовского могильника; 10 – могильник «Нижняя стрелка», яма для трупосожжений.

Fig. 1. 1, 11 – burial ground "Nizhnyaya strelka", sanctuary complex 2; 2,5,6,7 – Dubovsky burial ground, sanctuary complex 64; 3,8 – burial of 17 Dubovsky burial ground; 4 – Dubovsky burial ground, complex in sq. E/2; 9 – burial 66 Dubovsky burial ground; 10 – burial ground "Nizhnyaya Strelka", a pit for cremation.

на коньке из Выжумского могильника седло обозначено прочерченным орнаментом.

В основу описаний основных конских принадлежностей положена типология, разработанная А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1973).

Стремена (16 экз.) представлены четырьмя типами. Стремена оvoidной формы с пластинчатым ушком прямоугольной, в одном случае дисковидной формы с боковыми стойками дужки из 4-угольного дрота – 8 экз. (рис. 1: 2): из ЖК 2 (1 экз.) и из ямы для трупосожжений (2 экз.) могильника «Нижняя стрелка», ЖК 64 (1 экз.), погр. 65 (2 экз.)¹ Дубовского могильника, погр. 6 Красногорского (2 экз.) могильника. По типологии А.Н. Кирпичникова соответствуют типу I (Кирпичников, 1973, с. 47).

Стремена овальноокруглой формы с боковыми стойками дужки из квадратного или круглого дрота; при переходе дужки в петлю

образуется восьмерка – 3 экз. (рис. 1: 1): погр. 18 (2 экз.) и ЖК 2 (1 экз.) «Нижней стрелки». Соответствуют типу IV изделий Древней Руси (Кирпичников, 1973, с. 48).

Стремена арочной формы с боковыми стойками подножки из четырехугольного дрота, прямоугольное ушко в месте соединения с дужкой заужено – 3 экз. (рис. 1: 4, 7): Дубовский могильник ЖК в кв. Е/4 (1 экз.) и ЖК 64 (2 экз.). Аналогичные стремена А.Н. Кирпичников включил в тип V (Кирпичников, 1973, с. 48, 49).

Стремена округлой формы, дужка с прорезным ушком с боковыми выступами «кулачками» в месте соединения дужки и подножки (рис. 1: 3): погр. 17 Дубовского могильника (2 экз.). Близкие формы с памятников Древней Руси рассмотрены в пределах типа IX (Кирпичников, 1973, с. 52).

Удила (10 экз.) представлены тремя типами.

Удила кольчатые из двух подвижных звеньев и двух колец – 7 экз. (рис. 1: 5): ЖК 2, погр. 18, из ямы для кремации «Нижней стрелки», кв. В/6, ЖК 64, ЖК 69, погр. 66 Дубовского могильника. Они представляют наиболее распространенную и универсальную форму и А.Н. Кирпичниковым объединены в тип IV (Кирпичников, 1973, с. 16, 17).

Два экземпляра удила относятся к разделу двукольчатых (?), близких по классификации А.Н. Кирпичникова типу 1а, у которых петли грызла расположены в одной плоскости (Кирпичников, 1973, с. 14). Отличительной чертой является оформление окончания грызла пластиной с двумя отверстиями (рис. 1: 6): в одно отверстие вставлена псалия с шпешечками на концах, во второе – дополнительное кольцо: ЖК 64 Дубовского, погр. 12 могильника «Черемисское кладбище».

Кольчатые удила без перегиба с грызлом из одного изогнутого стержня – 1 экз. (рис. 1: 8) – обнаружены в погр. 17 Дубовского могильника. По типологии А.Н. Кирпичникова соответствуют типу VI (Кирпичников, 1973, с. 17, 18).

Пряжки подпружные (3 экз.).

Прямоугольной формы пряжка из четырехгранного в сечении дрота – 1 экз. (рис. 1: 9): погр. 66 Дубовского могильника.

Пряжки с волнообразно изогнутой рамкой лировидной формы из четырехугольного дрота – 2 экз. (рис. 1: 10, 11): яма для кремаций и ЖК 2 «Нижней стрелки».

В целом все рассмотренные выше типы конского снаряжения распространены на широкой территории лесостепной зоны Восточной Европы и у кочевников Сибири и Алтая, о чем сказано в многочисленных публикациях. К наиболее оригинальным типам относятся двукольчатые удила из погр. 66 Дубовского могильника и погр. 12 «Черемисского кладбища». Нам не удалось найти абсолютно точных аналогий. С определенной долей условности из-за нечеткой прорисовки можно в качестве аналогии назвать изделия из Хусаиновских курганов на Южном Урале (Мажитов, 1981, рис. 24: 8) и Веськово Древней Руси (Кирпичников, 1973, табл. 1, 3).

Оголовье коня (узды). В могильниках, расположенных на Волге, обнаружены *оголовья коня* – 3 экз., каждое из которых представляет отдельный сложный объект.

Оголовье коня из ЖК 65 Дубовского могильника представлено достаточно крупными фрагментами ремней и деталями металлических украшений, позволяющими сделать

реконструкцию узды. Это стало возможным в результате фотографии в отчете и последующей статьи Г.А. Архипова, исследовавшего Дубовский могильник (Архипов, 1981).

Металлическая часть уздечки представлена четырьмя типами накладок, двумя типами решм. Накладки имеют шпеньки, загнутые с обратной стороны ремня. Шпеньки достаточно длинные, загнуты и утоплены в коже, чтобы не травмировать кожу коня. Четыре типа накладок:

Тип 1. Накладки сердцевидной формы с 5 каплевидными выступами имеют размеры 2,1×1,6 см, крепятся при помощи трех шпеньков (рис. 2: 3).

Тип 2. Накладки сердцевидной формы с тремя каплевидными выступами имеют такое же оформление, что и накладки типа 1, но очертания вытянутые (1,9×1,4 см), и три шпенька для крепления (рис. 2: 2).

Тип 3. Мелкие накладки сердцевидной формы с двумя каплевидными выступами имеют размеры 1,1×1,3 см и один шпенок для крепления (рис. 2: 7).

Тип 4. Накладки округлоподквадратной формы из четырех окружностей и каплевидных выступов между ними (рис. 2: 5). Размеры 2,3×2,3 см. Крепятся с помощью восьми шпеньков.

Наносной султанчик прямоугольной формы размерами 2,6×1,5 см имеет оформление, соответствующее сердцевидным накладкам, описанным выше (рис. 2: 6).

Бляхи-решмы относятся к типу бубенцовых, имеют сердцевидную форму, на лицевой стороне есть выступ округлой формы, прорезь на лицевой стороне и орнамент типа пальметты. С обратной стороны крепились пластины, повторяющая контур изделия. Между лицевой пластиной накладки и пластиной с обратной стороны пропускаться ремень уздечки, пластины были скреплены шпеньками. Три бляхи (рис. 2: 8) имели размеры 5,0×5,7 см и на лицевой стороне орнамент типа пальметты, пять шпеньков для крепления, расклепанных с задней стороны и два длинных шпенька, загнутых с обратной стороны. Одна бляха-решма (рис. 2: 4) имела размеры 3,2×4,3, изображение хищника на лицевой пластине, и для крепления использованы три расклепанных шпенька и два длинных, загнутых с обратной стороны.

Налобный, нащечные ремни, капсюль украшены накладками типа 2. Затылочный (или суголовный) ремень состоял из двух ремешков: один ремешок соединял нащечные

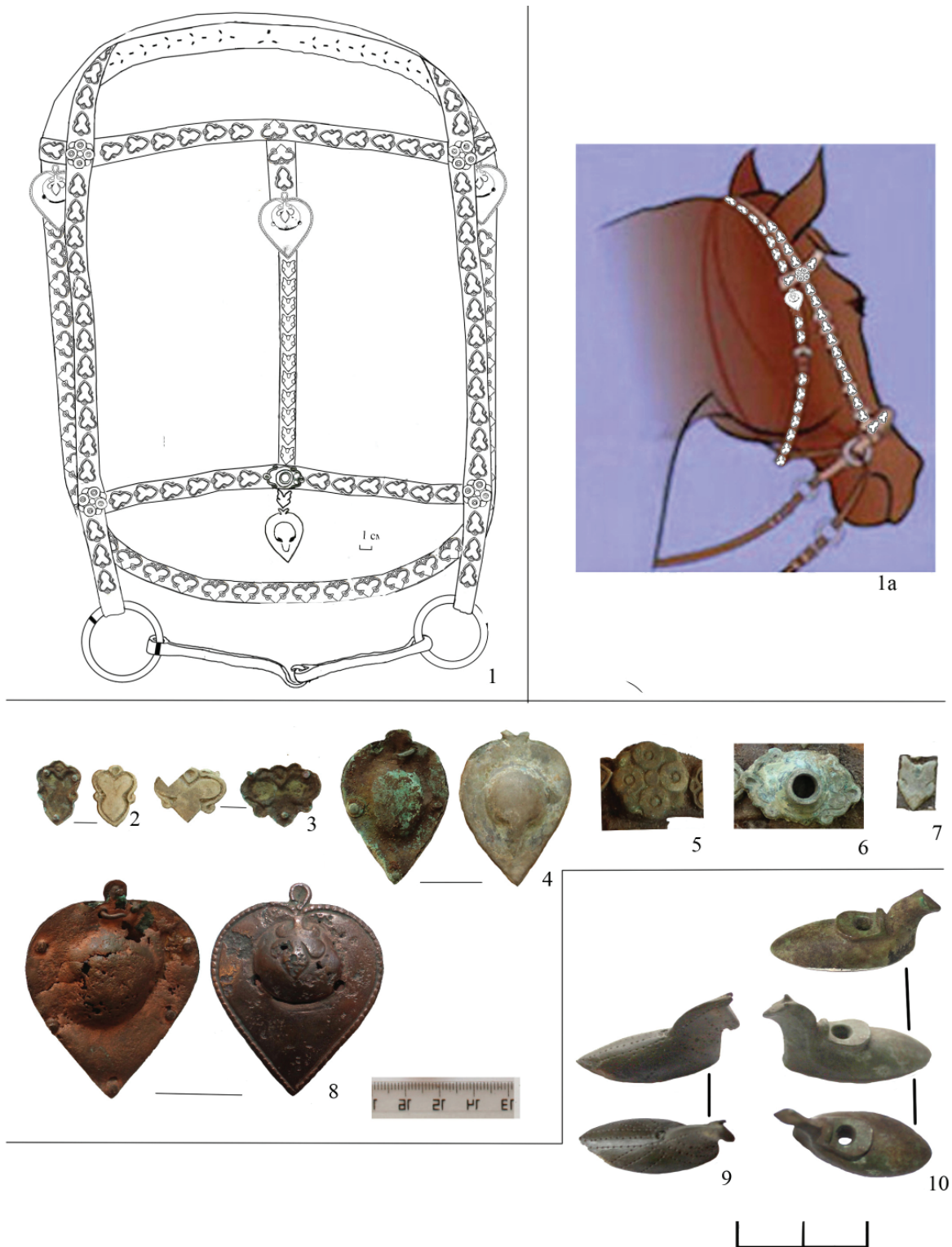

Рис. 2. 1 – авторская реконструкция оголовья коня из ЖК 65; 2-8 – украшения ремней оголовья коня из ЖК 65; 9,10 – коньковые пронизки из погребения 11 Веселовского могильника. 2-8 – цветной металл; 9,10 – кость.

Fig. 2. 1 – the author's reconstruction of the bridle from sanctuary complex 65; 2-8 – decorations of the bridle bands from sanctuary complex 65; 9,10 – horse-shaped spurs from burial 11 of the Veselovsky burial ground. 2-8 – non-ferrous metal; 9,10 – bone.

ремни и украшался, как и последние, накладками типа 2; второй ремешок, переходящий в подбородный ремень, украшался накладками типа 1. Налобный ремень и капсюль соединялись наносным ремнем, украшенным накладками типа 3. В местах соединения капсюля

с нащечными ремнями и налобного ремня с нащечными ремнями использованы накладки типа 4. В месте соединения наносного ремня с капсюлем крепился наносной султанчик и решма с изображением головы хищника (волка?). В месте соединения налобного

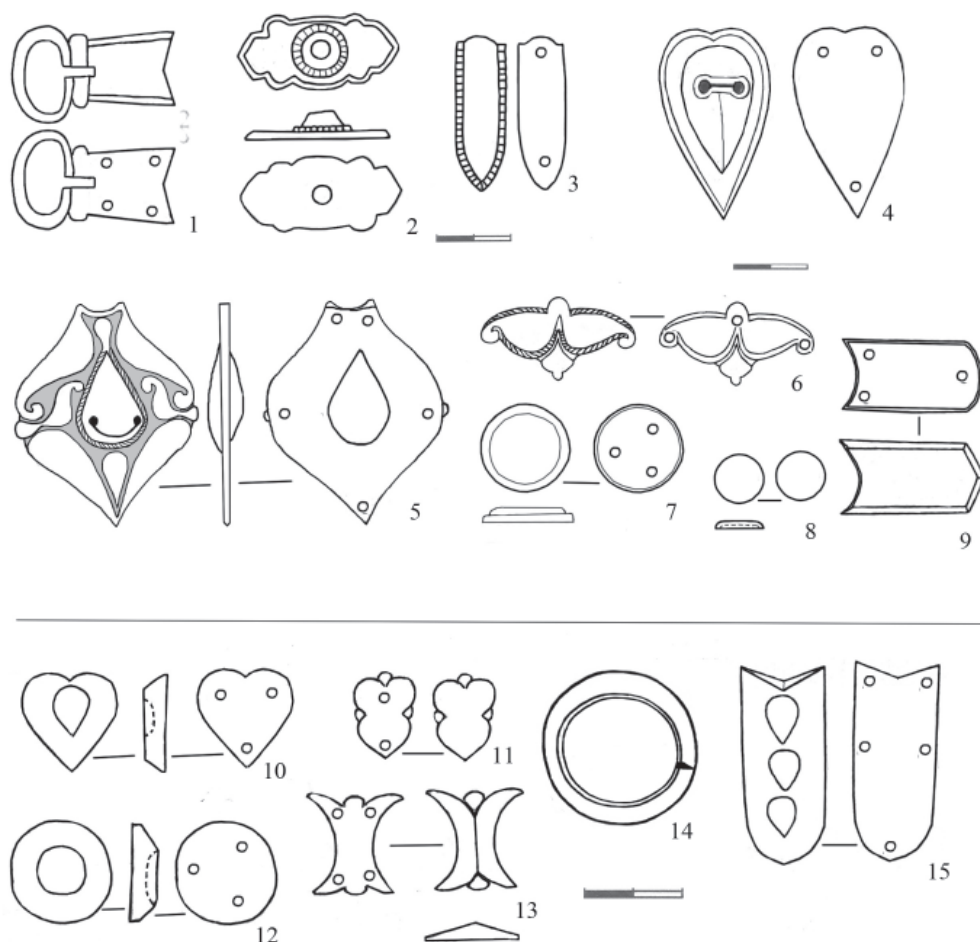

Рис. 3. 1-9 – Дубовский могильник, погребение 66; 10-15 – восточный склон могильника «Нижняя стрелка».
Fig. 3. 1-9 – Dubovsky burial ground, burial 66; 10-15 – the eastern slope of the burial ground "Nizhnyaya Strelka".

ремня с наносным ремнем и налобного ремня с нащечными ремнями крепились решмы с растительным (пальметтой?) узором.

Для объективной полной реконструкции не установлено расположение пряжек.

Оголовье коня из погр. 66 Дубовского могильника представлено накладками четырех типов, пряжкой, наконечником ремня, наносным султанчиком, решмами.

Все металлические детали крепились с помощью шпеньков, расклепанных с обратной стороны.

Накладки:

Тип 1. Круглые накладки диаметром 2,3 см с уступчатым бортиком имели три шпенька для крепления (рис. 3: 7).

Тип 2. Круглые выпуклые накладки диаметром 1,4 см с одним шпеньком для крепления (рис. 3: 8).

Тип 3. Накладки пятиугольной формы с бортиком, имеющим уступчик, с дуговидной выемкой на одной стороне крепились с помощью трех шпеньков (рис. 3: 9).

Тип 4. Накладка в форме пальметты с тремя шпеньками для крепления имеет по бордюру лицевой стороны насечку (рис. 3: 6).

Султанчик наносной размерами 4,4×2,0 см имел декоративную насечку вокруг центрального отверстия (рис. 3: 2).

Округло-рамчатая пряжка с неподвижным вытянутым щитком с треугольной выемкой на конце размерами 4,0×1,8–2,0 см (рис. 3: 1).

Наконечник с параллельными боковыми стенками, заостренным концом и фигурным вырезом имел 4,2×1,4 см и насечку по бордюру (рис. 3: 3).

Решмы бубенцовые с каплевидными выступами с прорезью на лицевой стороне (рис. 3: 5). На лицевой стороне нанесен рельефный растительный орнамент в форме лепестков пальметт. На обратной стороне крепится пластина, повторяющая форму накладки, имеющая выступ в центральной части, которая соединена с лицевой пластиной с помощью пяти расклепанных шпеньков. Бляха сделана из белого металла (предположитель-

но серебра), а задняя пластина для крепления изготовлена из металла на медной основе и имеет красноватый оттенок.

Зарисовок о расположении накладок нет, но, судя по составляющим деталям, узда была подобной вышеописанной узде из ЖК 65 Дубовского могильника. Обращает внимание на себя большое количество решм (не менее 12), которые, вероятно, служили украшением ремней не только уздечки, но и других деталей украшения коня.

На окраине могильника «Нижняя стрелка» на склоне дюны обнаружены компактно расположенные находки: фрагменты ремня, железного котелка и берестяного тусека. Вероятно, был разрушен жертвенный комплекс при распашке поверхности под сосновую посадку (Никитин, 2005, с. 7).

Фрагменты ремня шириной 2,3 см с соединительным кольцом имели достаточно крупные размеры: один длиной 24 см, второй 15 см.

Накладки имели шпеньки для крепления, расклепанные с обратной стороны. Между расклепанным концом и кожей использовались маленькие квадратные прокладки фиксаторы. Накладки представлены 4 типами:

Тип 1. Круглые накладки с вдавленным кругом в центре диаметром 2 см с тремя шпеньками для крепления (рис. 3: 12).

Тип 2. Сердцевидные накладки размером 2,0×1,8 см с тремя шпеньками для крепления (рис. 3: 10).

Тип 3. Накладки сапожковидные 2,0×1,8 см с каплевидными выступами на коротких сторонах имели четыре шпенька для крепления (рис. 3: 13).

Тип 4. Накладки сердцевидные двухъярусные размерами 1,5×1,0 см с тремя каплевидными выступами, крепились с помощью двух шпеньков (рис. 3: 11).

Наконечники ремня с заостренным концом и дуговидной выемкой на противоположной стороне размерами 4,0×1,6 см имели три углубленные остроовальные фигуры по центральной оси и пять шпеньков для крепления (рис. 3: 15).

Накладки 1 и 2 типов и наконечники использовались для украшения оголовья лошади в Гнездовском могильнике. На этом основании мы предположили, что подобные находки на «Нижней стрелке» связаны с разрушенным комплексом, содержавшим оголовье коня.

Оголовья коня (уздечки), являющиеся показателем статусности, как и другие изделия роскоши, изготавливались индивидуально и

не имеют полных аналогий на других территориях. Но отдельные элементы, традиция сбора имеют параллели.

Широкие накладки с каплевидными выступами (ЖК 65, тип 1) В.Б. Мурашева включила в класс II, группу 1, подвид 1Г-02 (Мурашева, 2000, с. 29), и датировала X в. Такие накладки найдены в Гнездово (Сизов, 1902, табл. V: 8), на Южном Урале в Каранаевских курганах (Мажитов, 1981, рис. 60: 4, 22).

Вытянутые накладки с каплевидными выступами близки изделиям в курганах Шестовица Черниговской области второй половины X в. и в Венгрии (Мурашева, 2000, с. 28).

Накладки 3 типа (погр. 66 Дубовского могильника) имеют сходство с изделиями из памятников Западного Казахстана (Бисембаев, 2018, рис. 8, 20).

Использование султанчиков не как начальников, а в качестве наносников встречается в Сибири и на Алтае (Могильников, 2002, с. 90).

Наиболее многочисленны аналогии накладкам из случайных находок на могильнике «Нижняя стрелка». Украшения, аналогичные накладкам типа 1 и 2, обнаружены в погребении 191 центральной группы Гнездовского могильника. По результатам исследования с использованием металлографического анализа было сделано заключение, что обнаруженные в Гнездовском кургане украшения были подражанием сбруйным венгерским украшениям, но выполнены местными гнездовскими мастерами (Новиков, Ениосова, 2015, с. 199–227). Оба типа (1 и 2) встречены в древнерусских и венгерских древностях X в. (Мурашева, 2000, с. 29).

Наконечники ремня с заостренным концом В.Б. Мурашевой по древностям Древней Руси включены в класс IV, группу 1, вид 1А (Мурашева, 2000, с. 59).

Накладки типа 4 из комплекса «Нижней стрелки» аналогичны изделиям Клуза IX–X вв. в Пруто-Днестровском регионе (Рябцева, Рабинович, 2018, рис. 6: 17).

Достаточно широко представлены бубенцовые бляхи-решмы. Близкие формы и способы крепления широко используются кочевниками Прииртышья, Приалтайских степей, Нижнего Поволжья, Казахстана, восточноевропейских степей (Гаврилина, 1993), но каждое изделие индивидуально. В орнаментации блях-решм из Дубовского могильника использован мотив пальметт, характерный для венгерского стиля (The Ancient Hungarians. 1996, с. 351).

Конские принадлежности обнаружены в памятниках Волжского бассейна, в четырех

случаях – в погребениях: погр. 18 «Нижней стрелки», погр. 17 Дубовского; погр. 66 Дубовского, погр. 6 Красногорского могильников. В трех погребениях захоронены мужчины, а погр. 6 Красногорского могильника, вероятно, принадлежало женщине. В этом погребении на черепе найдены женские украшения: головная цепочка и одно височное кольцо с отогнутым концом, но центральная часть погребения разрушена поздней ямой. По способу захоронения погребения различны: три погребения (погр. 18 «Нижней стрелки», погр. 17 Дубовского и погр. 6 Красногорского могильников) являются ингумациями, а погр. 66 Дубовского – кремацией. При ингумации конские принадлежности представлены стременами и удилами, положенными в ногах с левой стороны погребенного. В трупосоже-нии вещи расположены двумя скоплениями: в одном узда, стремя, удила, монеты, фрагменты деревянной чаши, во втором – ремень, фрагменты кошелька и фрагменты этой же уздечки.

В четырех случаях (ЖК 2 «Нижней стрелки», ЖК 64, 65, 69 Дубовского могильника) находки конских принадлежностей связаны с жертвенными комплексами в неглубоких ямах, зарытых между могилами. Предметы конской сбруи в специальных ямах меньших размеров, расположенных рядом с могилами, зафиксированы также на Южном Урале в Ново-Биккинском, Ямаши-Тауском, Лагеревском, Ново-Турбаслинском курганах (Мажитов, 1977, с. 109). Исследователь этих курганов затруднился объяснить данный обряд.

Примечание:

¹ В отчете имеется упоминание с описанием, по которому возможно установить тип, но в коллекционной описи и в наличии удила нет.

Я связываю эти находки на территории марийских могильников с обычаем оставлять жертвенные комплексы на кладбищах (ритуальное подношение?). Традиция зарывать комплексы вещей (поминальные предметы?) между могилами для марийского погребального обряда эпохи Средневековья является одной из этноопределяющих характеристик культуры. О том, что жертвенные комплексы в межмогильном пространстве на территории марийских могильников связаны с поминальными обрядами автор данной статьи уже писала неоднократно (Никитина, 2015, с. 236). Конские принадлежности в жертвенных комплексах наиболее ярко иллюстрируют это положение и находят отражение в этнографическом материале.

С поминками через три года после смерти человека связан любопытный обряд восточных марийцев *сьосьо войзымаш* – принесение в жертву любимой лошади (Изибаева, 2018, с. 170).

Близкий обряд поминовения зафиксирован у других финно-угорских, а также тюркских народов (Алексеев, 1980). Наиболее полно и глубоко подобный обряд изучен у удмуртов. По представлениям удмуртов, проводится праздник, связанный с похоронно-поминальным обрядом «йыр-пыд сетон» (дословно «жертвование головы-ног») в честь человека пожилого возраста: отца или матери. Такое жертвоприношение совершается только один раз, не ранее чем через год после смерти, обычно в течение трех лет (Владыкин, Чуракова, 2012, с. 28).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
- Архипов Г.А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984. С. 160–172.
- Бисембаев А.А. К вопросу о древнененгерских памятниках в Западном Казахстане // III Международный мадьярский симпозиум. (Будапешт, 6–10 июня 2016 г.) 3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti És Régészeti Konferencia (Budapest, 2016. június 6–10) / Ред. Türk Attila, А. С. Зеленков. Будапешт: Martin Opitz Kiadó PPKE ВТК, Régészettudományi Intézet, МТА ВТК Magyar Őstörténeti Témacsoport, 2018. С. 149–172.
- Владыкин В.Е., Чуракова Р.А. Обряд «йыр-пыд сетон» в поминальном обряде удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 3. С. 27–41.
- Гаврилина Л. Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 77–85.
- Изибаева Г.М. Похоронно-поминальные обряды марийцев Республики Башкортостан. Дисс... канд. истор. наук, Уфа, 2018.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е-1-36. М.: Наука, 1973. 138 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII в. 1981. М.: Наука. 166 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Мурашева В.В. Древнерусские ремешковые украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. 136 с.

Никитин В.В. Отчет о разведках в РМЭ в 2004 году. Йошкар-Ола, 2005 / НРФ МарНИИ. Оп. 1. № 1086. с. 7.

Никитина Т.Б. Жертвенные комплексы Выжумского могильника X–начала XII вв. (к вопросу о связи живых и мертвых) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред.: М. А. Корусенко, А. А. Тишкин, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова, Н. Н. Серегин. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 234–237.

Новиков В.В., Ениосова Н.В. Снаряжение верхового коня из погребения 191 Центральной курганной группы второй половины X в. из Гнездова: результаты комплексного исследования // Археологические Вести. Вып. 21 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2015. С. 199–227.

Рябцева С.С., Рабинович А.Р. Древности венгерского круга IX–X вв. Пруто-Днестровского региона (предметы торевтики и ювелирные украшения) // III Международный мадьярский симпозиум. (Будапешт, 6–10 июня 2016 г.) 3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti És Régészeti Konferencia (Budapest, 2016. június 6–10) / Ред. Türk Attila, А. С. Зеленков. Будапешт: Martin Opitz Kiadó PPKE BTK, Régészettudományi Intézet, MTA BTK Magyar Őstörténeti Társaság, 2018. С. 429–464.

Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска / МАР. Вып. 28. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1902. 162 с.

The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue / Edited by Istvan Fodor. Budapest. 1996. 479 с.

Информация об авторе:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

REFERENCES

Alekseev, N. A. 1980. *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri (Early forms of religion of the Siberia Turkic-speaking peoples)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Arkhipov, G. A. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (Recently Discovered Archaeological Sites in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 160–172 (in Russian).

Bisembaev, A. A. 2018. In Türk, Attila, Zelenkov, A. S. (eds.) *III Mezhdunarodnyy mad'yarskiy simpozium (Budapest, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium)*. (Budapest, 2016, June, 6–10). Budapest: Martin Opitz Kiadó PPKE BTK, Régészettudományi Intézet, MTA BTK Magyar Őstörténeti Társaság, 149–172 (in Russian)

Vladykin, V. E., Churakova, R. A. 2012. In *Ezhegodnik finno-ugorskiikh issledovaniy (Yearbook of Finno-Ugric Studies)* (3), 27–41 (in Russian).

Gavrilina, L. 1993. In Kovalevskaia, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara, 77–85 (in Russian).

Izibaeva, G. M. 2018. *Pokhoronno-pominal'nye obryady mariytsev Respubliki Bashkortostan (Burial rites of the Mari people of the Republic of Bashkortostan)*. Diss. ... Candidate Historical Sciences. Ufa (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th — 13th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1–36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1977. *Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th — 14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of the Southern Urals, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Murasheva, V. V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X—XIII vv.) (Early Russian Belt Typesetting Decoration (10th—13th Centuries))*. Moscow: “Editorial URSS” Publ. (in Russian).

Nikitin, V. V. 2005. *Otchet o razvedkakh v Respubliki Marii-El v 2004 godu (Report on reconnaissances in Mari-El in 2004)*. Yoshkar-Ola. Scientific manuscript collection of the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasiliev. Inv. 1, dossier 1086 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2015. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnografi cheskikh issledovaniia (The Integration of Archaeological and Ethnographic Research)*. Barnaul; Omsk: “Nauka” Publ., 234–237 (in Russian).

Novikov, V. V., Eniosova, N. V. 2015. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 21. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; “Dmitrii Bulanin” Publ., 199–82273 (in Russian).

Ryabtseva, S. S., Rabinovich, A. R. A. 2018. In Türk, Attila, Zelenkov, A. S. (eds.) *III Mezhdunarodnyy mad'yarskiy simpozium (Budapest, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium)*. (Budapest, 2016, June, 6–10). Budapest: Martin Opitz Kiadó PPKÉ BTK, Régészettudományi Intézet, MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsoport, 429–464 (in Russian)

Sizov, V. I. 1902. *Kurgany Smolenskoy gubernii. Gnezdovskiy mogil'nik bliz Smolenska (The barrows of the Smolensk Governorate. Gnezdovo burial ground near Smolensk)*. Series: Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 28. Saint Petersburg: “Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov” Publ. (in Russian).

Fodor, I. (ed.). 1996. *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue*. Budapest (in English).

About the Author:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

УДК 902 069.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.244.253>

ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ: АРХИТЕКТОНИКА МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА

© 2022 г. К.В. Рафикова, О.В. Букина, С.Э. Зубов

Статья посвящена исследованию виртуального музея как формы цифровой музеефикации археологического наследия. На основе изучения российского опыта создания археологических информационных ресурсов в сети Интернет показаны новые возможности сохранения и актуализации археологического наследия с помощью его цифровой музеефикации. Рассматриваются сложившиеся к настоящему времени подходы определению понятия «виртуальный музей», поставлен вопрос о критериях отнесения того или иного информационного ресурса к виртуальному музею. В структуре культурного пространства виртуального музея выделены ценностно-смысловое, социальное пространство и медиапространство. На основе критерия доминирования тех или иных свойств гипертекста – фрагментарности или интегративности – выделены наиболее популярные сегодня модели обустройства (архитектоники) пространства виртуального музея: виртуальная коллекция и виртуальный тур. Отмечается, что пространство виртуальных музеев отражает изменения, происходящие в музейном пространстве в целом, и в тоже время ярко их проявляет благодаря своим возможностям. Виртуальные музеи приобретают самостоятельное значение.

Ключевые слова: археологическое наследие, музеефикация, цифровое наследие, виртуальный музей, архитектура музейного пространства, виртуальная экспозиция, виртуальная коллекция, виртуальный тур.

VIRTUAL MUSEUM OF ARCHAEOLOGY: MUSEUM SPACE ARCHITECTONICS

K.V. Rafikova, O.V. Bukina, S.E. Zubov

The article covers researching the virtual museum as a form of archaeological heritage digital museumification. Based on the Russian experience in creating archaeological information resources on the Internet, new opportunities to preserve and update archaeological heritage through digital museumification are presented. The authors consider modern approaches to define the notion of “virtual museum” and raise the question of criteria applied to assign an information resource to the virtual museum. Axiological, social and media spaces are identified within the structure of cultural space of the virtual museum. Based on the criterion of dominance of certain hypertext properties – fragmentarily or integrity – the most popular current patterns of virtual museum space arrangement (architectonics) are identified: virtual collection and virtual tour. It is noted that virtual museum space reflects the changes occurring in museum space as a whole and at the same time manifests them most vividly due to its capabilities. Virtual museums become self-sufficient.

Keywords: archaeological heritage, museumification, digital heritage, virtual museum, museum space architectonics, virtual exposition, virtual collection, virtual tour.

Археологическое наследие является значимым фактором сохранения социальной памяти, признания уникальности культурных ландшафтов и развития туризма. В отличие от других категорий культурного наследия памятники археологии после их научного исследования могут быть использованы только в музеефицированном виде. Под музеефикацией понимается «направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности» (Российская музейная..., с. 390).

В широком смысле понятие «музеефикация» означает процесс создания музея, переход чего-либо в музейное состояние. Классический музей сформировался в эпоху Нового времени как институт сохранения и трансляции социальной памяти через материально-предметные формы культуры. Во второй половине XX в. возникают такие новые формы музеефикации культурных ландшафтов и нематериального наследия, как экомuzeи, музеи ремесел, парамuzeи (музеи копий), археологические парки. Рядом с подлинными археологическими объектами создаются посетительские центры в формате эдьютейнмента¹, например, «Йорвик-викинг-центр» в Великобритании. Однозначного ответа,

можно ли относить подобные учреждения к музеям, нет, так как границы этого понятия в условиях информационного общества трансформируются.

Цифровые технологии оказывают существенное влияние на изменение всей сферы наследия: идет глобальная оцифровка памятников, широко используются сетевые формы музейной коммуникации. Виртуальные представительства ведущих классических музеев постепенно превращаются в самостоятельные и полноценные средства массовой коммуникации, использующие различные цифровые форматы (Десяева, Рязанова, 2019).

Веб-сети не только являются новым каналом музейной коммуникации, но и воздействуют на сами сообщения, которые создает и транслирует музей. Этот аспект ещё в 1964 г. продемонстрировал Маршалл Маклюэн в своем знаменитом высказывании: «средство коммуникации и есть сообщение» (Маклюэн, 2014, с. 11). Меняются средства и принципы музейного высказывания, характер взаимодействия с аудиторией и восприятие ею информации. Повышается значение информационной составляющей культурного наследия. Безусловно, определенные факторы этих процессов сформировались задолго до появления цифровых технологий и новых медиа, однако дигитализация сделала эти тенденции очевидными.

Развитие информационных технологий привело к разработке новой категории «цифровое наследие» (*digital heritage*). Цифровое наследие, согласно Хартии о сохранении цифрового наследия ЮНЕСКО, – это часть культурного наследия, представляющая собой совокупность электронных ресурсов, создаваемых в цифровой форме либо переводимых в цифровой формат (Хартия о сохранении цифрового наследия..., 2003). С одной стороны, фиксация этой группы объектов наследия позволяет утверждать самостоятельность виртуального музея как новой формы музеефикации. С другой стороны, само по себе существование собраний виртуальных моделей не превращает их автоматически в виртуальные музеи.

История развития виртуального музея насчитывает примерно четверть века, а это весьма значительный период для сферы информационных технологий. В настоящее время само понятие «виртуальный музей» уже перестало восприниматься как инновация. Количество созданных виртуальных музеев включается в плановые показатели развития

и информатизации государственной музейной сети. Приняты рекомендации по разработке виртуальных музеев (Технические рекомендации..., 2014). Вместе с тем быстрый темп технологических изменений в данной сфере приводит к тому, что теоретический уровень осмысления существенно отстает от практики.

Российскими музеями и научно-образовательными организациями в сфере археологии используются такие понятия, как «виртуальный музей»: «Древнее искусство Сибири», Томск (artefact.tsu.ru/virtualmuseum); «виртуальный тур» – Виртуальный археологический тур, Стерлитамак (strbsu.ru/arch_museum); «виртуальная выставка» – «Дневник археолога», Нижний Новгород (archeodiary.ru); «онлайн-музей» – Институт археологии РАН (archaeolog.ru/ru/online-museum), 3D-музей – музей-заповедник «Херсонес» (chersonesos-sev.ru/media/online-exposition/onlayn-proekt-3d-muzeu-). В то же время в сети присутствуют археологические ресурсы, которые не используют в названии данное понятие, но по своим функциям приближаются к виртуальным музеям. Таковы сайты «Abrau Antiqua» (abrau-antiqua.ru) и «Античный город Горгиппия» (gorgippia-antiqua.ru), которые, согласно оценке авторов, представляют собой «своеобразный виртуальный музей античного центра Северного Причерноморья» (Малышев, Новичихин, Жеребятьев и др., 2018, с. 5). Очевидно, что отбор сетевых информационных ресурсов в качестве виртуальных музеев должен строиться не столько на самоназвании проектов, сколько на осмыслении их функций, структуры и способов коммуникации.

Традиционно определение содержания понятия «виртуальный музей» связывается с различием виртуальных представительств реальных музеев и музеев в сети, существующих только в цифровом пространстве. В «Словаре актуальных музейных терминов» виртуальный музей определяется как «созданная с помощью компьютерных технологий модель придуманного музея, существующего исключительно в виртуальном пространстве, так и электронная публикация объединенных по какому-либо принципу артефактов, в действительности не составляющих коллекций» (Словарь актуальных музейных терминов..., с. 49).

Совершенно другое определение дается в технических рекомендациях по созданию виртуальных музеев, изданных Министерством культуры РФ: виртуальный музей – это

«интерактивный мультимедийный программный продукт, представляющий музейные коллекции в электронном виде» (Технические рекомендации..., 2014). Виртуальный музей в данном случае воспринимается лишь как дополнение к музею реальному. Он не претендует на самостоятельную концепцию, а имеет прежде всего функцию презентации музейных коллекций и выставок.

Можно согласиться с Т.Е. Максимовой, что виртуальный музей представляет собой качественно новую культурную форму, порожденную развитием цифровых технологий и сети Интернет, которая не сводима к сайтам традиционных музеев (Максимова, 2014, с. 167). Самостоятельность виртуального музея не означает его изолированности от традиционных форм музейной коммуникации в физическом пространстве. Наоборот, в настоящее время наблюдается тенденция их интеграции. Такая идея лежит в основе виртуального музея «Древнее искусство Сибири» Лаборатории междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Томского государственного университета (artefact.tsu.ru/virtualmuseum), который представляет возможность не только просматривать модели онлайн, но и скачивать модель артефакта для последующей 3D-печати.

Следует учитывать, что распространяющиеся практики дигитализации повседневности нивелируют различия между онлайн- и офлайн-форматами, смешивая цифровой мир и повседневную реальность. Примером виртуализации реального экспозиционного пространства является Археологический Виртуальный Музей MAV в Геркулануме (museomav.it). Музей практически не имеет подлинных экспонатов, а его экспозиция построена на виртуальных реконструкциях, сочетании дополненной реальности (AR), виртуальной реальности (VR) и смешанной реальности (MR).

Подобные технологии активно используются и в традиционной выставочной практике. Так, на выставке «Оленные камни Монголии» помимо традиционных аналоговых технологий (фотографий, рисунков, текстов) использовались цифровые технологии дополненной реальности (virtualarchaeology.ru). На использование технологий дополненной реальности ориентирован и проект «Виртуальное Гнездово». Посредством мобильного приложения посетители музея-заповедника могут увидеть 3D-модели утраченных археологических памятников в своих мобильных устройствах (gnezdovo.com).

В силу особенностей археологического наследия (плохая сохранность, быстрое разрушение, большой объем и неоднородность по составу, связь с природной средой, сложность восприятия широкой аудиторией) для его сохранения и актуализации необходимо использовать особые методы. В сравнении с традиционной музеефикацией виртуальные формы обладают рядом новых возможностей.

Во-первых, виртуальные формы музеефикации реализуют задачи цифрового документирования объектов археологического наследия до их помещения в музей. Цифровым документированием может быть охвачено значительное большее количество объектов, например, географически удаленные и труднодоступные объекты, которые невозможно перемещать для их музеефикации в классической форме. К таким объектам относятся, например, петроглифы. Проект «Трехмерное моделирование археологической среды и сакральных ландшафтов Дальнего Востока» Центра палеоискусства Института археологии РАН направлен на визуализацию петроглифов Амура и Уссури в их природной среде (aurockart.ru).

Во-вторых, цифровые технологии позволяют реализовывать комплексный подход к музеефикации, представляя возможности цифрового документирования и демонстрации археологических комплексов и среды их бытования. Такой опыт представлен в сайтах Виртуальный археологический тур Стерлитамакского филиала Башкирского госуниверситета (strbsu.ru/arch_museum), «Археологический комплекс Гнездово» (gnezdovo.com), Виртуальный музей оглактинских древностей (oglakhty.ru), где помимо артефактов демонстрируются трехмерные модели погребальных комплексов.

В-третьих, виртуальные коллекции и экспозиции позволяют применять неинвазивные методы дистанционного исследования объектов археологического наследия. Такую возможность представляют онлайн-выставки Института археологии РАН в сотрудничестве с «Лабораторией RSSDA»: «Свидетели прошлого: искусство и ремесло в археологических находках» и «Лица поздних скифов: надгробия из Юго-Западного Крыма» (archaeolog.ru). Встроенные опции 3D-модели позволяют удаленно изучать предмет с различных сторон при разном освещении и выполнять измерения.

В-четвертых, возникает возможность сохранения в цифровой форме хрупких и подверженных быстрому разрушению объектов наследия, а также реконструкции утраченных объектов или их элементов. В этом смысле интересен опыт 3D-реставрации артефактов (strbsu.ru/arch_museum), трехмерной реконструкции ландшафтов (gnezdovo.com).

В-пятых, цифровые формы музеефикации позволяют развивать сетевые формы взаимодействия вне институциональных границ. Ряд виртуальных археологических проектов появляется в результате взаимодействия различных организаций. Виртуальная выставка «Дневник археолога» – результат сотрудничества ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Дальнеконстантиновского краеведческого музея. Проект «Виртуальное Гнездово» создается в рамках партнерства МГУ, ГИМ и музея-заповедника «Гнездово».

Таким образом, виртуальные формы музеефикации реализуют новую коммуникативную модель музея, имеющего свою архитектуру. Термин архитектура указывает на строение, композиционное единство какого-либо целого, художественное выражение закономерностей создания этого целого (Чирков, 2005, с. 83).

Под *виртуальным музеем* мы понимаем различные формы музеефикации, основу которых составляют экспозиции и экспонаты, существующие в цифровой форме и доступные широкой публике в открытых ресурсах сети Интернет. К основным признакам, позволяющим отнести тот или иной информационный ресурс к виртуальному музею, следует отнести: 1) использование методов и различных форм публичного показа цифровых объектов наследия посредством сети Интернет; 2) доминирование чувственного, в первую очередь визуального, восприятия объектов над текстуальной информацией; 3) концептуальное, тематическое единство цифровых коллекций и экспозиций; 4) постоянная деятельность по сохранению, систематизации и изучению объектов наследия, представленных в цифровой форме.

Структурно культурное пространство виртуального музея включает в себя систему взаимосвязанных подпространств: ценностно-смысловое, социальное пространства и медиапространство.

Ценностно-смысловое пространство виртуального музея создает тематическое и смысловое единство концепции музея, его коллекций и виртуальных экспозиций. В его

основе лежит новое представление о культурном наследии в целом и задачах института музея в частности.

В виртуальных формах музеефикации на первый план выступает не столько материальный, сколько ценностно-смысловой и информационный аспект наследия. В связи с этим они в большей степени ориентированы на такие категории культурного наследия, как нематериальное наследие и культурный ландшафт. Опыт музеефикации нематериального наследия представлен в видеокаталоге ремесел, хозяйства и плотницкого мастерства на сайте Музея-заповедника «Кижы» (kizhi.karelia.ru).

Цифровой музеефикации может подвергаться и сам процесс археологических исследований (раскопок). Виртуальная выставка «Дневник археолога» (Нижний Новгород) демонстрирует не только археологические артефакты, найденные в процессе раскопок Старосельского могильника, но и основные этапы его раскопок в виде последовательности трехмерных панорам (archeodiary.ru). На сайте Гнездовской археологической экспедиции технология археологического исследования представлена в виде таймлапса² раскопок кургана (gnezdovo.com). Подобные формы виртуальной музеефикации выполняют функции «презентация исследования, предметом которого выступает археологическое наследие как «живой» компонент современной культуры (Андреев, 2014, с. 199).

Социальное пространство виртуального музея – это способы его организации и социальные взаимодействия, лежащие в основе производства и потребления его сообщений.

«Сетизация наследия» является глобальной тенденцией развития сферы наследия в информационном обществе (Лисицкий, 2004, с. 74). Реализуется она в виде партнерских сетевых проектов, объединяющих музеи, библиотеки, научные и образовательные учреждения. Сетевой принцип воплощается в идеях «новой музеологии» и практике создания экомузеев. Экомузей объединяет объекты наследия, местных жителей как носителей традиций, музеи и другие вовлеченные организации, а также экскурсионные маршруты, связывающие отдельные точки в культурном ландшафте. Применение цифровых технологий позволяет визуализировать эту сеть взаимодействий. По такому принципу сетевого «музея без стен» организованы, например, Виртуальный музей наличников, Виртуальный музей Гулага, Виртуальный музей

культуры коренных малочисленных народов России. Данные проекты представляют собой объединенную гиперссылками, но фрагментированную сеть различных событий, артефактов и музеев.

Медийное пространство виртуального музея – это технологии и каналы реализации музейной концепции в цифровой форме. Это музейное пространство гипермедиа и мультимедийная среда, которая используется при создании виртуального музея, его архитектура как сетевого ресурса.

Медийность представляет собой «опосредованность текста техническими возможностями передающего канала, зависимость семиотической организации текста от форматных свойств канала» (Казак, 2012, с. 322). Медиaprостранство обладает рядом противоречивых признаков. С одной стороны, оно характеризуется мозаичностью и фрагментарностью, а с другой стороны, значимыми тенденциями развития языка медиа является интегративность, связность и поликодовость, а также интерактивность. Эта противоречивость лежит в основе гипертекстуальной природы сети Интернет. Внутри этой нелинейной, фрагментированной и многомерной сети, состоящей из многочисленных взаимосвязанных узлов и фрагментов, посетитель может свободно перемещаться и с помощью гиперссылок получать информацию в произвольной последовательности.

На основе доминирования тех или иных свойств гипертекста (фрагментарности или интегративности) можно выделить наиболее популярные сегодня модели организации (архитектоники) пространства виртуального музея: виртуальная коллекция и виртуальный тур.

Модель «виртуальная коллекция». Значительная часть виртуальных музеев создается по принципу электронных коллекций, каталогов и баз данных. Такой метод востребован при цифровизации существующих музейных коллекций, а также в виртуальных музеях, создаваемых только в сетевой форме. В ряде случаев виртуальные археологические проекты ограничиваются демонстрацией отдельных экспонатов по определенным категориям и темам: виртуальный археологический тур (strbsu.ru/arch_museum), «Древнее искусство Сибири» (artefact.tsu.ru/virtualmuseum), онлайн-музей ИА РАН (archaeolog.ru/ru/online-museum). Однако более привлекательным и перспективным является создание информационных систем, каталогов и баз

данных, позволяющих производить отбор и систематизацию экспонатов по их метаданным: древнейшее искусство Сибири и Дальнего Востока (mobileart.artemiris.org/ru); петроглифы Нижнего Амура и Уссури (aurockart.ru/project), цифровой лапидарий Ставропольского музея-заповедника (3d.stavmuseum.ru).

Такая модель позволяет открыть виртуальный доступ к объектам, которые еще не музеефицированы или не могут быть музеефицированы в традиционной форме. Она также реализует задачу так называемый цифровой или виртуальной реунификации (*digital / virtual reunification*), то есть воссоединения посредством цифровых технологий близких по происхождению и теме объектов наследия, находящихся в разных коллекциях (Punzalan, 2014; Ли, 2017). В качестве примера можно привести виртуальную реконструкцию художественной коллекции Н.П. Румянцева, предметы которой в силу исторических обстоятельств оказались частью фондов разных музеев (tmuseum.ru).

Фрагментарность подобной модели проявляется в показе отдельных объектов археологического наследия без попыток моделирования виртуальной экспозиционной среды. Подобный способ представления ориентирован на вовлеченного посетителя, способного самостоятельно выстраивать необходимые смысловые связи между экспонатами.

Модель «виртуальный тур» представляет собой другой путь организации пространства виртуального музея, ориентированный на показ не только отдельных экспонатов, но и их визуальной последовательности в целостной предметно-пространственной среде экспозиции. Основная проблема виртуальных туров заключается в том, что они не позволяют в полной мере рассмотреть отдельные экспонаты и дают мало дополнительной информации, как, например, в 3D-турах по Анапскому археологическому музею (museumanapa.ru). Некоторые туры включают в себя поясняющие надписи, карты, графические элементы и аудиогиды, приближаясь по своим функциям к виртуальной экскурсии. Подобные виртуальные туры представлены на сайте Староладожского историко-архитектурного и археологического заповедника (ladogamuseum.com/vm) и музея-заповедника «Кижы» (kizhi.karelia.ru). Появляются также виртуальные экспозиции, соединяющие возможности виртуального тура и показа отдельных экспонатов в виде трехмерных моделей. Такой вариант предлагают виртуальные выставки, размещенные

на сайте Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (archaeology.nsc.ru/muzei/virtual-vystavki).

Прием моделирования трехмерного пространства путем интеграции виртуального тура и показа трехмерных археологических моделей нам кажется наиболее перспективным для организации виртуального музея археологии. В отличие от виртуальных туров по реальным экспозициям, примеров подобных туров по музеям, не имеющих физического воплощения, не так много. Интересный опыт представлен в проекте виртуального художественного музея VOMA, который включает модель здания с окружающим ландшафтом и меняющимся от времени суток освещением, экспозиционные пространства, в которых посетители могут виртуально перемещаться, рассматривая отдельные экспонаты более подробно (voma.space).

Подобная идея легла в основу проекта Виртуального музея археологии Самарского университета. В целях разработки концепции музея был рассмотрен опыт российских университетов по виртуальному экспонированию археологического наследия (Букина, Зубов, Рафикова, 2021б), определен подход к структуре музея (Букина, Зубов, Рафикова, 2021а). Концепция виртуального музея ориентирована на объединение возможностей цифровой коллекции объектов археологического наследия, в том числе трехмерных моделей, виртуального тура по сконструированной экспозиционной среде, а также дополнительной информации. Это позволяет соединить разные модусы архитектоники пространства виртуального музея: коллекционного и экспозиционного, научного и научно-популярного.

Предприняты необходимые технологические шаги: создается цифровая коллекция 3D-моделей археологических объектов (sketchfab.com/ArhLabSU), а также разработан алгоритм проектирования виртуальной экспозиции в виде виртуального тура (vrmuseum.ssau.ru). Виртуальный тур по экспозиции музея использует игровой прием «бродилки», согласно которому посетитель может выбирать маршрут своего перемещения и попасть в любую точку музейного пространства. Определенной инновацией является интеграция в виртуальный тур 3D-моделей археологических объектов и других мультимедийных материалов. Это позволит посетителю ощутить эффект присутствия, дистанционно изучив трехмерные экспонаты с разных сторон, а также получить необходимую

информацию о историко-культурном контексте археологического наследия.

Возникает правомерный вопрос, так ли необходимо воссоздание в цифровой среде физического музейного пространства? С одной стороны, принцип гипертекстуальности позволяет связывать в единую сеть отдельные тексты и изображения, но, с другой стороны, сама медиасреда порождает фрагментарный, мозаичный характер восприятия информации. Одна из важнейших функций современного музея – коммуникация, основным и специфическим каналом которой по-прежнему остается музейная экспозиция. Сущность музейной экспозиции предполагает пространственность – создание целостной визуально-предметной среды как сложной знаковой системы, культурного текста, в интерпретацию которого включается посетитель. Погружение в визуальное пространство поможет широкой публике выстроить смысловые связи, задействовать историческое воображение. Как для посетителя реального музея, так и для пользователя сети Интернет уже привычен принцип перемещения в физическом или цифровом пространстве. Инновации, которые предлагает цифровая среда, могут приниматься публикой не сразу, поэтому сама форма музейной экспозиции, перенесенная в виртуальное пространство, позволит посетителю быстрее адаптироваться в меняющихся условиях цифрового общества.

Безусловно, виртуальный музей, как и музей реальный, представляет собой не только экспозиционное пространство. Сегодня музеи расширяют его, организуя открытое хранение фондов и демонстрируя работу реставраторов, а также создавая новые интерактивные образовательные пространства. Эту тенденцию реализует и виртуальный музей: все эти элементы становятся частью его открытого и интегративного медийного пространства, которое выполняет одновременно функции музейного документирования, сохранения, исследования, показа и интерпретации археологического наследия. Тем самым пространство виртуальных музеев отражает изменения, происходящие в музейной сфере в целом, и в тоже время ярко их проявляет благодаря своим новым возможностям.

При конструировании пространства виртуального музея археологии продуктивно ориентироваться на принципы сетизации, модульности, интерактивности и иммерсивности. *Принцип сетизации* реализует идею «музея без стен», основанного на сетевых

партнерских взаимодействиях, позволяющих представлять археологические объекты и информацию из разных музейных и университетских коллекций.

Принцип модульности позволяет интегрировать разные элементы музейного пространства и постепенно включать в него новые виртуальные экспозиционные и выставочные залы, пополнять цифровые коллекции, библиотеки и фонд дополнительных материалов, а также реализовывать образовательные программы.

Принцип интерактивности выражается в возможности взаимодействия посетителя виртуального музея с его разными модулями и элементами. Это взаимодействие предполагает индивидуальный выбор пользователем информационных фрагментов, маршрутов перемещения в виртуальной экспозиции, точки зрения на объекты.

Принцип иммерсивности реализуется в создании эффекта погружения посетителя трехмерного пространства виртуальной экспозиции музея и организации перемещения в ней посетителя, а также трехмерном показе археологических объектов,

артефактов, раскопов, позволяющем детально рассмотреть их и получить дополнительную информацию.

Виртуальный музей представляет собой новую форму музеефикации, которая позволяет сохранить элементы классического музея (документирование, сохранение, изучение и публичный показ), а также обладает рядом новых возможностей. В первую очередь это новые возможности в сфере документирования и экспонирования объектов археологического наследия, которые не подлежат традиционным формам музеефикации, технологии комплексной музеефикации археологических комплексов и среды их бытования, реконструкции объектов наследия. Коммуникативные возможности виртуального музея, такие как использование в экспонировании 3D-моделей, существенно расширяют возможности взаимодействия посетителя с хрупкими и плохо сохранившимися археологическими предметами. Виртуальные музеи обладают большим потенциалом в реализации новой архитектоники «музея без стен» – открытого, мультидисциплинарного и интерактивного пространства.

Примечания:

¹ Эдьютейнмент – это обучение в формате развлечений (от англ. education – образование, entertainment – развлечение).

² Таймлапс (Time-Lapse) представляет собой замедленную кино- или фотосъемку с точным количеством кадров в минуту, которые затем объединяются в один видеоряд.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев В.М. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11. С. 195–200.

Археологический комплекс Гнёздово. Доступно по: URL: <http://gnezdovo.com> (дата обращения 27.03.2022).

Богослужебные одеяния дьякона и иерея. Доступно по: URL: <http://simvol-veri.ru/xp/bogoslujebnie-odeyaniya-diakona-i-iereya.html>.

Букина О.В., Зубов С.Э., Рафикова К.В. Виртуальный музей археологии Самарского университета: проблемы и перспективы реализации проекта // *Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина (Самара, 28–30 апреля 2021 г.)* / Под общей ред. А.Ю. Нестерова. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2021а. С. 718–722.

Букина О.В., Зубов С.Э., Рафикова К.В. Опыт российских университетов по виртуальному экспонированию археологического наследия в сети Интернет // *Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина (Самара, 28–30 апреля 2021 г.)* / Под общей ред. А.Ю. Нестерова. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2021б. С. 723–727.

Видеокаталог ремесел, хозяйства и плотницкого мастерства. Доступно по: URL: <http://kizhi.karelia.ru> (дата обращения 28.03.2022).

Виртуальная выставка «Оленные камни Монголии» Доступно по: URL: <http://www.virtualarchaeology.ru/news/3d/index.php?lang=ru> (дата обращения 22.03.2022).

Виртуальные выставки. Доступно по: URL: <https://archaeology.nsc.ru/muzei/virtual-vystavki/> (дата обращения 21.03.2022).

Виртуальный 3D музей «Древнее искусство Сибири». Доступно по: URL: <https://www.artefact.tsu.ru/virtualmuseum/> (дата обращения 15.12.2021).

Виртуальный археологический тур. Доступно по: URL: http://strbsu.ru/arch_museum/ (дата обращения 07.12.2021).

Виртуальный музей оглактинских древностей. Доступно по: URL: <https://oglakhty.ru/> (дата обращения 28.03.2022).

Десяева Н.Д., Рязанова В.А. Концептуализация модели «СМК-музей»: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 1. С. 93–102.

Дневник археолога. Доступно по: URL: <https://archeodiary.ru/> (дата обращения 10.12.2021).

Древнейшее искусство Сибири и Дальнего Востока. Информационная система мобильного искусства. Доступно по: URL: <http://mobileart.artemiris.org/ru/> (дата обращения 21.03.2022).

Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика / Ред. Г.Я. Солганик, Н.И. Клушина, В.В. Славкин, Н.В. Смирнов. М.: Наука, 2012. С. 320–334.

Ли Джэсун Цифровое воссоединение рассеянных коллекций: проект оцифровки Национальной библиотеки Кореи // Новости Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений. 2017. № 1 (110). С. 35–39.

Лисицкий А.В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития. Дисс... канд. культурологии. М. 2004. 151 с.

Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014. 464 с.

Макимова Т.Е. Виртуальные музеи: анализ термина // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 14 (136) С. 163–169.

Малышев А.А., Новичихин А.М., Жеребятьев Д.И., Королева С.В., Моор В.В. Античная Горгиппия: история, исследования и исследователи. М.: МАКС Пресс. 2018. 84 с.

Онлайн-музей. Доступно по: URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/online-museum> (дата обращения 13.12.2021).

Петроглифы Нижнего Амура и Уссури. Доступно по: URL: <https://aurockart.ru/project/> (дата обращения 20.03.2022).

Российская музейная энциклопедия: в 2 т. Т. 1. / Ред. В.Л. Янин. М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. 416 с.

Румянцевский музей. Коллекции. Доступно по: URL: <http://www.rmuseum.ru/museum/collections/> (дата обращения: 27.03.2022).

Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47–68.

Староладожский историко-архитектурный и археологический заповедник. Доступно по: URL: <https://ladogamuseum.com/vm> (дата обращения 27.03.2022).

Технические рекомендации по созданию виртуальных музеев (25.07.2014) Доступно по: URL: <https://culture.gov.ru/documents/po-sozdaniyu-virtualnykh-muzeev-250714/> (дата обращения 20.03.2022).

Хартия о сохранении цифрового наследия. Принята 15 октября 2003. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml (дата обращения 20.03.2022).

Цифровой лапидарий Ставропольского музея-заповедника. Доступно по: URL: <http://3d.stavmuseum.ru/> (дата обращения: 28.03.2022).

Чирков В.Ф. Архитектонические принципы пространства места // Омский научный вестник. 2005. № 4. С. 83–87.

3D музей – Музей-заповедник «Херсонес». Доступно по: URL: <http://chersonesos-sev.ru/media/online-exposition/onlayn-proekt-3d-muzeu/> (дата обращения 20.03.2022).

3D-тур по Археологическому музею Горгиппия. Анапский археологический музей. Доступно по: URL: <https://museumanara.ru/> (дата обращения 28.03.2022).

abrau-antiqua.ru Доступно по: URL: http://abrau-antiqua.ru/?page_id=58/ (дата обращения 08.12.2021).

[Gorgippia-antiqua.ru](http://gorgippia-antiqua.ru) Доступно по: URL: <http://gorgippia-antiqua.ru/> (дата обращения 09.12.2021).

[Museomav.it](https://museomav.it) Доступно по: URL: <https://museomav.it> (дата обращения 22.03.2022).

Punzalan R. Understanding Virtual Reunification // The Library Quarterly: Information, Community, Policy. 2014. Vol. 84. No. 3. P. 294–323.

[Voma.space](https://voma.space). Доступно по: URL: <https://voma.space/> (дата обращения 22.03.2022).

Информация об авторах:

Рафикова Катерина Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); alyakina@mail.ru

Букина Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); bukina@yandex.ru

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru

REFERENCES

- Andreev, V. M. 2014. In *Fundamental'nye issledovaniya (Fundamental Research)* (11), 195–200 (in Russian). *Arkheologicheskiiy kompleks Gnezdovo (Archaeological assemblage Gnyozdovo)* Gnezdovo.com Available at: <http://gnezdovo.com> (accessed 27.03.2022).
- Bogosluzhebnye odeianiia d'iakona i iereia (Deacon's and Priest's Liturgical Robes)*. Available at: URL: <http://simvol-veri.ru/xp/bogoslujebnie-odeyaniya-diakona-i-iereya.html> (in Russian).
- Bukina, O. V., Zubov, S. E., Rafikova, K. V. 2021. In Nesterov, A. Yu. (ed.). *Chelovek v informatsionnom obshchestve: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu poleta v kosmos Yu.A. Gagarina (Samara, 28–30 aprelya 2021 g.) (Man in the information society: a collection of materials of the scientific and practical international conference dedicated to the 60th anniversary of Yu. Gagarin's space flight (Samara, April 28-30, 2021))*. Samara: Samara University, 718–722 (in Russian).
- Bukina, O. V., Zubov, S. E., Rafikova, K. V. 2021. In Nesterov, A. Yu. (ed.). *Chelovek v informatsionnom obshchestve: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu poleta v kosmos Yu.A. Gagarina (Samara, 28–30 aprelya 2021 g.) (Man in the information society: a collection of materials of the scientific and practical international conference dedicated to the 60th anniversary of Yu. Gagarin's space flight (Samara, April 28-30, 2021))*. Samara: Samara University, 723–727 (in Russian).
- Videokatalog remesel, hozyajstva i plotnickogo masterstva (Video catalog of craft, household and carpentry skills)*. Available at: <http://kizhi.karelia.ru> (accessed 27.03.2022).
- Virtual'naya vystavka «Olennye kamni Mongolii» (Virtual exhibition "Deer stones of Mongolia")*. Available at: <http://www.virtualarchaeology.ru/news/3d/index.php?lang=ru> (accessed 22.03.2022).
- Virtual'nye vystavki (Virtual exhibitions)*. Available at: <https://archaeology.nsc.ru/muzei/virtual-vystavki/> (accessed 21.03.2022).
- Virtual'nyy 3D muzey «Drevnee iskusstvo Sibiri» (Virtual 3D-museum "Ancient art of Siberia")*. Available at: <https://www.artefact.tsu.ru/virtualmuseum/> (accessed 15.12.2021).
- Virtual'nyy arkheologicheskiiy tur (Virtual archaeological tour)*. URL: http://strbsu.ru/arch_museum/ (accessed 07.12.2021).
- Virtual'nyy muzey oglakhtinskikh drevnostey (Virtual museum of Oglakhty antiquities)*. Available at: <https://oglakhty.ru/> (accessed 28.03.2022).
- Desyaeva, N. D., Ryazanova, V. A. 2019. In *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika (RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism)* Vol. 1 No 1, 93–102 (in Russian).
- Dnevnik arkheologa (Diary of an archaeologist)*. Available at: <https://archeodiary.ru/> (accessed 10 December 2021).
- Drevneyshee iskusstvo Sibiri i Dal'nego Vostoka. Informatsionnaya sistema mobil'nogo iskusstva (The most ancient art of Siberia and the Far East. Mobile art information system)*. Available at: <http://mobileart.artemiris.org/ru/> (accessed 21.03.2022).
- Kazak, M. Yu. 2012. In Solganik, G. Ya., Klushina, N. I., Slavkin, V. V., Smirnov, N. V. (eds.). *Lingvistika rechi. Mediastilistika: kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya 80-letiyu professora G.Ya. Solganika (Linguistics of speech. Media plastic: a collective monograph dedicated to the 80th anniversary of professor G.Ya. Solganik)*. Moscow: "Nauka" Publ., 230–334 (in Russian).
- Lee, Jaesun. 2017. In *Novosti Mezhdunarodnoy federatsii biblioteknykh assotsiatsiy i uchrezhdeniy (Newsletter of the International Federation of Library Associations and Institutions)* 110 (1), 35–39 (in Russian).

Lisitsky, A. V. 2004. *Kul'turnoe nasledie kak resurs ustoychivogo razvitiya (Cultural heritage as a resource for sustainable development)*. Diss. of Candidate of Cultural Science. Moscow (in Russian).

Mcluhan, H. M. 2014. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka (Understanding Media: the Extensions of Man)*. Moscow: "Kulekovo pole" Publ. (in Russian).

Maksimova, T. E. 2014. In *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie (Russian State University for the Humanities Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies)*. 136 (14), 163–169 (in Russian).

Malyshev, A. A., Novicikhin, A. M., Zherebyat'ev, D. I., Koroleva, S. V., Moor, V. V. 2018. *Antichnaya Gorgippiya: istoriya, issledovaniya i issledovateli (Ancient Gorgippia: history, studies and reserchers)*. Moscow: "MAKS Press" Publ. (in Russian).

Onlain-muzei (On-line museum). Available at: <https://www.archaeolog.ru/ru/online-museum> (accessed 13.12.2021).

Petroglify Nizhnego Amura i Ussuri (Petroglyphs of the Lower Amur and Ussuri). Available at: <https://aurokart.ru/project/> (accessed 20.03.2022).

Yanin, V. L. (ed). 2001. *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya: v 2 t. (Russian museum encyclopedia: in 2 volumes)* 1. Moscow: "Ripol Klassik" Publ. (in Russian).

Rumyantsevskiy muzey. Kollektii (Rumyantsev Museum. Collections). Available at: <http://www.rmuseum.ru/museum/collections/> (accessed 27.03.2022).

In 2009. *Muzei (Museum)* 5, 47–68 (in Russian).

Staroladozhskiy istoriko-arkhitekturnyy i arkheologicheskiy zapovednik ("Old Ladoga" The Museum of the Archaeology of Old Ladoga). Available at: <https://ladogamuseum.com/vm> (accessed 27.03.2022).

Tekhnicheskie rekomendacii po sozdaniyu virtual'nyh muzeev, (25 Iyulya 2014) (Technical recommendations for the creation of virtual museums (25.07.2014)). Available at: <https://culture.gov.ru/documents/po-sozdaniyu-virtualnykh-muzeev-250714/> (accessed 20.03.2022).

Khartiya o sokhranении tsifrovogo naslediya. Prinyata 15 oktyabrya 2003 (Charter on the preservation of digital heritage. Adopted on October 15, 2003). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml (accessed 20.03.2022).

Tsifrovoy lapidariy Stavropol'skogo muzeya-zapovednika (The digital lapidarium of the Stavropol State Historical-Cultural and Natural-Landscape Museum-Reserve). Available at: <http://3d.stavmuseum.ru/> (accessed 22.03.2022).

Chirkov, V. F. 2005. In *Omskiy nauchnyy vestnik (Omsk Scientific Bulletin)* (4), 83–87 (in Russian).

3D muzej – Muzej-zapovednik «Hersones» (3D-Museum – The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»). Available at: <http://chersonesos-sev.ru/media/online-exposition/onlayn-proekt-3d-muzej/> (accessed 20.03.2022).

3D-tur po Arkheologicheskomu muzeyu Gorgippiya. Anapskiy arkheologicheskiy muzey. (3D-tour of the Gorgippia archeological museum. Anapa archaeological museum). Available at: <https://museumanapa.ru/> (accessed 21.03.2022).

Abrau-antiqua.ru Available at: http://abrau-antiqua.ru/?page_id=58/ (accessed 08.12.2021).

Gorgippia (Gorgippia). Available at: <http://gorgippia-antiqua.ru/> (accessed 09.12.2021).

Museumav.it Available at: <https://museumav.it> (accessed 21.03.2022).

Punzalan, R. 2014. In *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*. Vol. 84. No. 3, 294–323 (in English).

Voma.space. Available at: <https://voma.space/> (accessed 22.03.2022).

About the Author:

Rafikova Katerina V. Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation; alyakina@mail.ru

Bukina Olga V. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation; bukina@yandex.ru

Zubov Sergey E. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation, guberfond@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.254.270>

О РЕМЕСЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НА БУЛГАРСКИХ СЕЛИЩАХ XI – НАЧАЛА XIII В.

© 2022 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением ремесел на неукрепленных поселениях Волжской Болгарии. В первом исследовании на эту тему Е.П. Казаков, предположил, что на селищах, располагавшихся в нижнем течении Камы, во второй половине X – первой половине XI в. существовали различные ремесла, включая кузнечное и ювелирное. Он утверждал, что на Семеновском селище изготавливали стеклянные бусы, а на V Старокуйбышевском – медные котлы, кумганы, ковши. Однако мест, где находились металлургические горны, плавилось стекло и изготавливалась металлическая посуда не было выявлено. Автор утверждает, что археологические доказательства плавки железа имеются на Остолоповском и Лаишевском селищах – металлургические шлаки, крицы, остатки горнов. На последнем имеются следы плавки меди, а также переработки вышедшей из употребления медной посуды. Мастерская ювелира функционировала на Остолоповском селище. Автор считает, что сельские кузнецы нередко приобретали на рынке заготовки изделий и из них изготавливали некоторые мелкие артефакты, например, накладки и пряжки. Основной их продукцией были гвозди и скобы. Таким образом, развитие ремесленного производства на селищах было связано с рядом факторов: составом населения, расположением поселения, его статусом и временем существования. Крупные сельские центры, как, например, Лаишевское селище, обеспечивали кузнечной продукцией расположенные рядом поселения. Домашнее керамическое производство существовало на большинстве селищ, в отличие от производства изделий из кости и рога, которых на селищах немного.

Ключевые слова: археология, Волжская Болгария, Билярское городище, болгарские селища, ремесло, металлургия, кузнечное дело, Лаишевское селище.

ABOUT CRAFT PRODUCTION ON THE BULGAR SETTLEMENTS OF THE XI - BEGINNING OF THE XIII CENTURY

К.А. Rudenko

The article deals with issues related to the study of crafts on the unfortified settlements of Volga Bulgaria. In the first study on this topic Ye.P. Kazakov suggested that on the settlements located in the Lower Kama areas in the second half of the 10th – the first half of the 11th century there were various crafts, including blacksmith's work and jeweller's art. He points out that glass beads were made on the Semyonovka settlement, and copper cauldrons, kumgans, and ladles were made on Starokuibyshevskoe V settlement. However, the location of the metallurgical furnaces, glasswork and metal cookware production were not revealed. The author claims that there are the archaeological evidences of iron smelting on the Ostolopovo and Laishevo settlements – metallurgical slags, blooms, remains of furnaces. On the latter there are traces of copper smelting, as well as the processing of disused copper cookware. The jewellery workshop functioned at the Ostolopovo settlement. The author believes that rural blacksmiths often bought semi-finished products on the market and made some small artifacts from them, for example, plates and buckles. Their main products were nails and brackets. Thus, the development of craft production on settlements was associated with a number of factors: the structure of the population, the location of the settlement, its status and time of existence. Large unfortified settlements, such as, for example, the Laishevo settlement, provided nearby settlements with blacksmithing products. Domestic pottery production existed on most settlements, in contrast to the production of items from bone and horn, which are few in the sites.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Bilyar fortified settlement, Bulgar settlements, craft, metallurgy, blacksmithing, Laishevo settlement.

Вопрос о болгарском ремесле не нов. В той или иной степени он изучался на протяжении более чем 150 лет. Во второй половине XX в. были проведены исследования керамики, железообработки и кузнечного производства, стеклоделия, ювелирного искусства, медниц-

кого дела и др., позволившие представить процесс формирования различных отраслей этого вида деятельности в Волжской Болгарии домонгольского периода. Но при этом большая часть изученных материалов касалась городских центров – в первую очередь

Биярского и Булгарского городищ, исследованных наиболее масштабно в последней трети прошлого столетия.

Что касается селищ, то эта тема отражена лишь в одной публикации – монографии Е.П. Казакова, вышедшей 30 лет назад. Это был итог более чем 20-летних исследований, включавших раскопки, но чаще разведки, на 13 памятниках в зоне Куйбышевского водохранилища в низовьях Камы (Казаков, 1991, с. 12–22). Из них 5 объектов представляют собой комплексы памятников, как, например, Семеновские I–V или Старо-Куйбышевские IV–V, вместе со Старо-Куйбышевским городищем.

Е.П. Казаков привел свидетельства производства ювелирных изделий, обработки кости и рога и как ремесленной специализации – изготовления медной и бронзовой поясной гарнитуры на Измерском I селище (Казаков, 1991, с. 54, рис. 19: 1, 2). По его мнению, железные товарные крицы, разнообразные кузнечные изделия, как и медные бытовые сосуды, изготавливались на Старо-Куйбышевском IV селище, а на Семеновском I функционировала стеколделательная мастерская (Казаков, 1991, с. 43, 148, рис. 14: 2, 3, 38: 10–19; 44; 47). В целом Е.П. Казаковым на болгарских селищах приустьевой части Камы зафиксированы такие ремесла, как железоделательное, деревообрабатывающее, косторезное, ювелирное, медницкое. Часть из них, по его мнению, была ориентирована на рынок, то есть являлась не только домашним производством (Казаков, 1991, с. 43, 48).

Во второй половине 1980-х – начале 2000-х гг. активно исследовались поселения в бассейне рек Архаровки, Курналки и Шенталки, расположенные выше по течению Камы относительно вышеописанных памятников. Особо стоит отметить изучение в 1980-х – 2000-х гг. Лаишевского селища (Чакма) в правобережье Камы, в нижнем течении ее притока – Брыссы. Его начали изучать в 1961 г. в связи с активным разрушением культурного слоя водами Куйбышевского водохранилища. В 1960-х – начале 1970-х гг. на размытой части поселения были зафиксированы остатки 15 хозяйственных ям, собран многочисленный подъемный материал, преимущественно изделия из железа (Габяшев и др., 1976, с. 27; Археологическая, 1981, с. 111, 112, 191, № 527, 528, табл. XVII).

Судя по этим находкам, в XI – начале XIII в. Чакма являлась специализированным поселением по плавке железа и кузнечно-

му производству, специализировавшемся на предметах вооружения, в первую очередь наконечниках стрел, железной поясной и уздечной гарнитуре и конском снаряжении, бытовых изделиях (ножах, гвоздях, скобах и т. п.), а также навесных замках и ключах к ним. В 1964 г. здесь были обнаружены остатки больших производственных объектов, от которых сохранились в материке пятна прямоугольных очертаний (14,4×4–4,5 и 8–11,5×7 м); в 1968 г. – размытый сыродутный горн, а в 1990-х гг. – усадьба металлурга, в пределах которой находились металлургические горны, ямы, заполненные железными шлаками, и мастерская кузнеца-универсала (Габяшев и др., 1976, с. 27, 28; Старостин, Казаков, 1992, с. 128, 128, рис. 3: 1, 3; Руденко, 1999, с. 80–87). Некоторые из этих производств были сложными в технологическом плане, предполагавшими особую организацию деятельности, что по уровню развития было близко городским мастерским (Семыкин, 2015, с. 97).

Интересные наблюдения были сделаны при анализе ряда категорий железных изделий с селищ, например, железных накладок. Выяснилось, что на них практиковалось изготовление таких предметов из уже готовых заготовок, которые, скорее всего, продавались на местных рынках.

Менее всего оказался изучен вопрос о керамическом производстве на селищах. Априори подразумевалось, что лепная и подправленная на круге керамика изготавливалась самими жителями, а круговые сосуды типа кувшинов, корчаг и т. п. могли быть привозными и приобретались у городских гончаров. В Болгаре и Бияре изучены горны и места деятельности гончаров (Руденко, 2014, с. 238, 239; Кокорина, 2006, с. 113–119, рис. 2–7). Впрочем, не исключалась вероятность, что и круговые сосуды делали на селищах. В литературе упоминается гончарный горн, остатки которого были исследованы в 1970 г. А.Х. Халиковым на Рождественском I селище. А.Х. Халиков датировал его золотоордынским временем, однако Н.А. Кокорина, изучив этот материал, отнесла горн к домонгольскому времени. По ее данным, это печь с топкой, разделенной продольной опорой-перегородкой. Она считала, что он типологически близок домонгольским горнам Биярского городища (Старостин, 2009, с. 73; Кокорина, 2006, с. 114, 115).

Стоит отметить еще один аспект. Это собственно вопрос о термине «селище». Если обратиться к их топографии и положению по

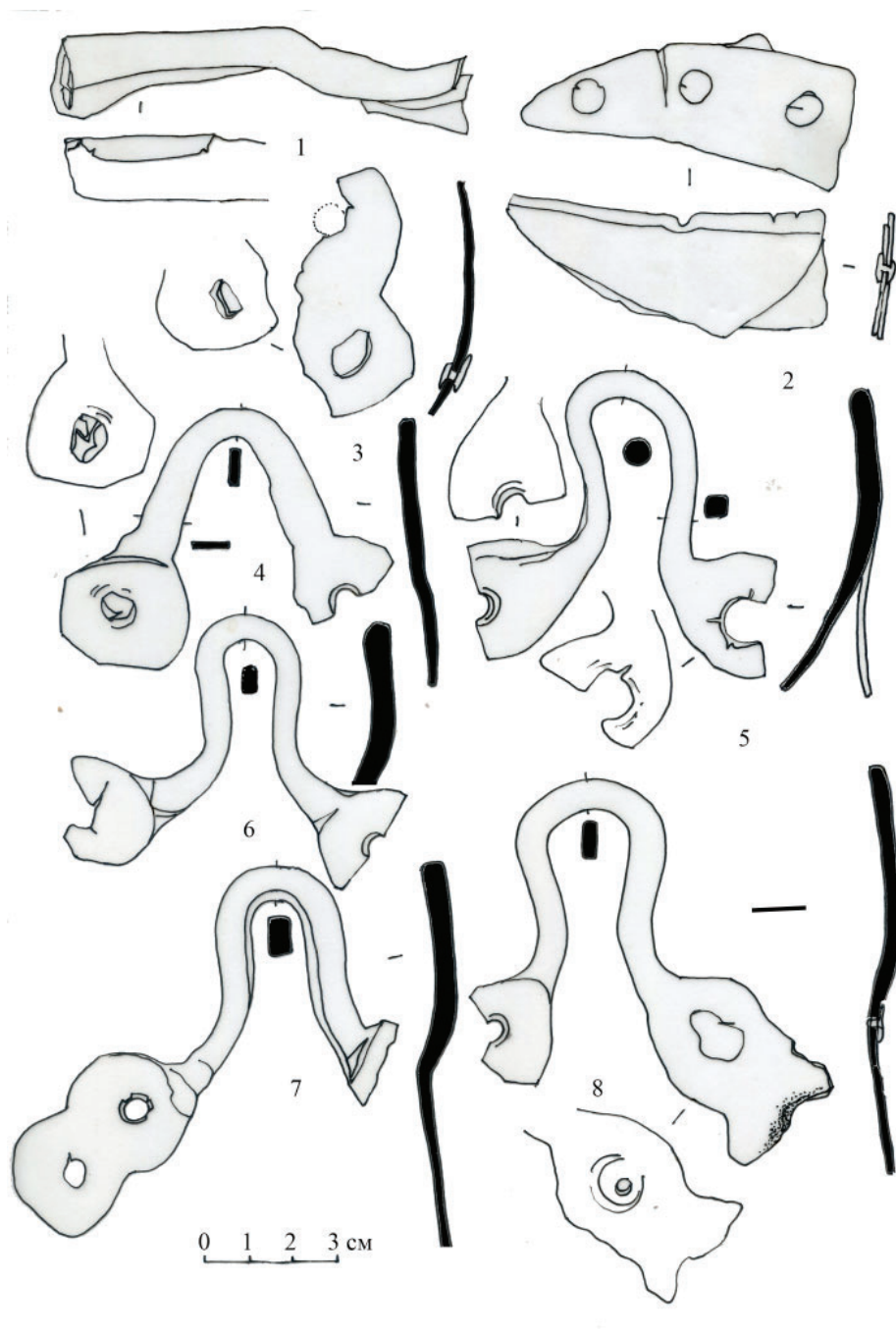

Рис. 1. Остолоповское селище. Алексеевский район РТ. Изделия из меди. 1 – венчик котла; 2 – «заплата» на стенку сосуда; 3–8 – ушки от котлов. Подъемный материал 1983 г. Коллекция МА ИА АН РТ. Исследователь – Е.П. Казаков. 1 – I O.c. - 83/10; 2 – I O.c. - 83/11; 3 – I O.c. - 83/7; 4 – I O.c. - 83/6; 5 – I O.c. - 83/2; 6 – I O.c. - 83/1; 7 – I O.c. - 83/3; 8 – I O.c. - 83/4.

Fig. 1. Ostolopovo settlement. Alekseyevskoye district of the Republic of Tatarstan. Items made of copper. 1 – rim of the cauldron; 2 – "patch" on the vessel wall; 3–8 – ears of cauldrons. Surface finds of 1983. Collection of MA IA AS RT. Researcher – E.P. Kazakov. 1 – I O.s. - 83/10; 2 – I O.s. - 83/11; 3 – I O.s. - 83/7; 4 – I O.s. - 83/6; 5 – I O.s. - 83/2; 6 – I O.s. - 83/1; 7 – I O.s. - 83/3; 8 – I O.s. - 83/4.

отношению к другим памятникам (Руденко, 2014, с. 176–179), то становится очевидным, что под этим названием скрываются разнообразные виды поселений, имевшие разные возможности развития ремесленного потенциала. Так, материальная культура Старо-Куйбышевских селищ, расположенных вокруг

городища, явно отражает специфику малого города и тесно связана с особенностями его истории и экономического уклада (Руденко, 2020, с. 26, 27, рис. 2).

Остановимся только на тех селищах, которые территориально не связаны с близлежащим городищем. На них встречаются

несколько категорий артефактов, в той или иной степени связанных с производственной деятельностью.

Первая категория изделий – это фрагменты медной посуды, в первую очередь ушки медных котлов, фрагменты венчиков, частей стенок и т. п. Они не редкость на болгарских селищах и городищах домонгольского периода. Несмотря на достаточно большое количество фрагментов, которые происходят с селищ, предполагать, что их изготавливали здесь, нет оснований: слишком сложна была технология производства и, самое главное, не было столько дефицитного и недешевого металла – меди – у сельских мастеровых. В силу этого медные котлы были дорогими и редкими изделиями. Причем в качестве кухонной посуды они могли использоваться, только если в доме была печь каминного типа либо открытый очаг, а также в летних кухнях. В таком случае была необходима еще железная цепь со специальным длинным крюком для подвешивания котла и кольцами-разделителями с одним маленьким крючком для регулирования ее длины (Жазаков, 1991, с. 69, рис. 27: 1,2,3,9). Очаги в XI–XII вв. в болгарских жилищах практически не применялись, а печи каминного типа распространены были в основном на поселениях в Западном Закарпатье, обозначая преимущественную область распространения бытового применения медных котлов.

Железные дужки (Жазаков, 1991, с. 25, 110, рис. 9: 27, 38: 20–23; Руденко, 2015, с. 239, рис. 9а: 10), которые нередко встречаются на селищах, использовались как для медных котлов, так и для деревянных ведер. Поэтому их находки не означают, что они имеют отношение именно к котлам.

Тогда какую функцию выполняли фрагменты медной посуды на болгарских селищах? Начнем с того, что встречаются единичные находки целых или почти целых медных изделий небольших размеров – чашки, блюда и ковши, например, с Алексеевского VI, Рождественского VI, Семеновских I–III, Измерского I селищ. Их аналогии обнаружены на Старо-Куйбышевском археологическом комплексе (Археологическая, 1981, с. 189, табл. XV: 6; Руденко, 2000, с. 126, рис. 24: 3,4,6,8; он же, 2015, с. 238, 239, рис. 9: 1; 9а: 9).

Рассмотрим этот вопрос на примере Остолоповского селища, существовавшего в XI–XII вв. (рис. 1–3). За все годы изучения на этом памятнике найдено около 10 фрагментов медных котлов разных размеров и примерно

столько же ушек от них. Остановимся подробнее на данных артефактах, поскольку они играли определенную роль в одном из этапов функционирования системы болгарского ремесленного производства как в городах, так и селениях.

Медные ушки от котлов представлены двумя типами: 1) с одинарной расковкой концов (рис. 1: 4, 5, 6; 2: 2, 9, 10); 2) с двойной расковкой (рис. 1: 7, 8). По деталям формы выделяются подтипы. От второго типа ушек имеются фрагменты лопасти (рис. 1: 3; 3: 5). Ушки второго типа относятся к самым распространенным у болгар котлам типа М-4. Это изделия цилиндрической формы высотой 15–17 см со стенками, состоящими из двух листов меди, соединенных фальцевым швом. Круглое в плане дно котла диаметром в среднем 27 см прикреплялось к стенкам холодной сваркой в зубец. Объем таких сосудов был от 3 до 5 л (Руденко, 2000, с. 30–33, рис. 9: 1; 11).

Два ушка приклепывались у венчика с двух сторон напротив друг друга по фальцевым швам на стенках: лопасти располагались по обеим сторонам последнего. Они укрепляли соединение и не позволяли шву разойтись при полном наполнении котла или при механическом на него воздействии. Ушки с течением времени могли ослабнуть, и приходилось менять клепки или их усиливать специальными шайбами (рис. 2: 11; 3: 4, 5). Клепочные соединения были достаточно прочными, и чаще всего причиной порчи котла становилось изнашивание отверстия в стенке, а сами клепки нередко так и оставались в ушке (рис. 1: 3, 4; 2: 2; 3: 1, 3, 5).

Изучая коллекцию медных ушек с Остолоповского, селища можно отметить, что почти все из них имеют заметную изношенность. Кроме того, это собрание артефактов весьма неоднородно. Стоит отметить небольшое медное ушко (5×2,7×1 см) весом 8,11 г от котелка малого размера (рис. 2: 10). Емкость его около 3 л и по размерам он близок типу М-1 болгарских котлов (Руденко, 2000, с. 29). Аналогичные ушки встречаются на Измерском селище (МА ИА АН РТ, инв. № Из-89/97). Данное ушко относится к подтипу «а» ушек (тип 1а)¹ с аркой радиусом 3 см и разводом лапок в 54–58°. К этому подтипу относятся три более крупных ушка из подъемного материала 1969 и 1987 г. (рис. 1: 4; 2: 2, 9). Диаметр лопасти у таких поделок 3 см с отверстием диаметром 0,6–0,7 см. Ушки этого типа изготовлены из уплощенного дрота прямоугольного сечения (0,4×1 см).

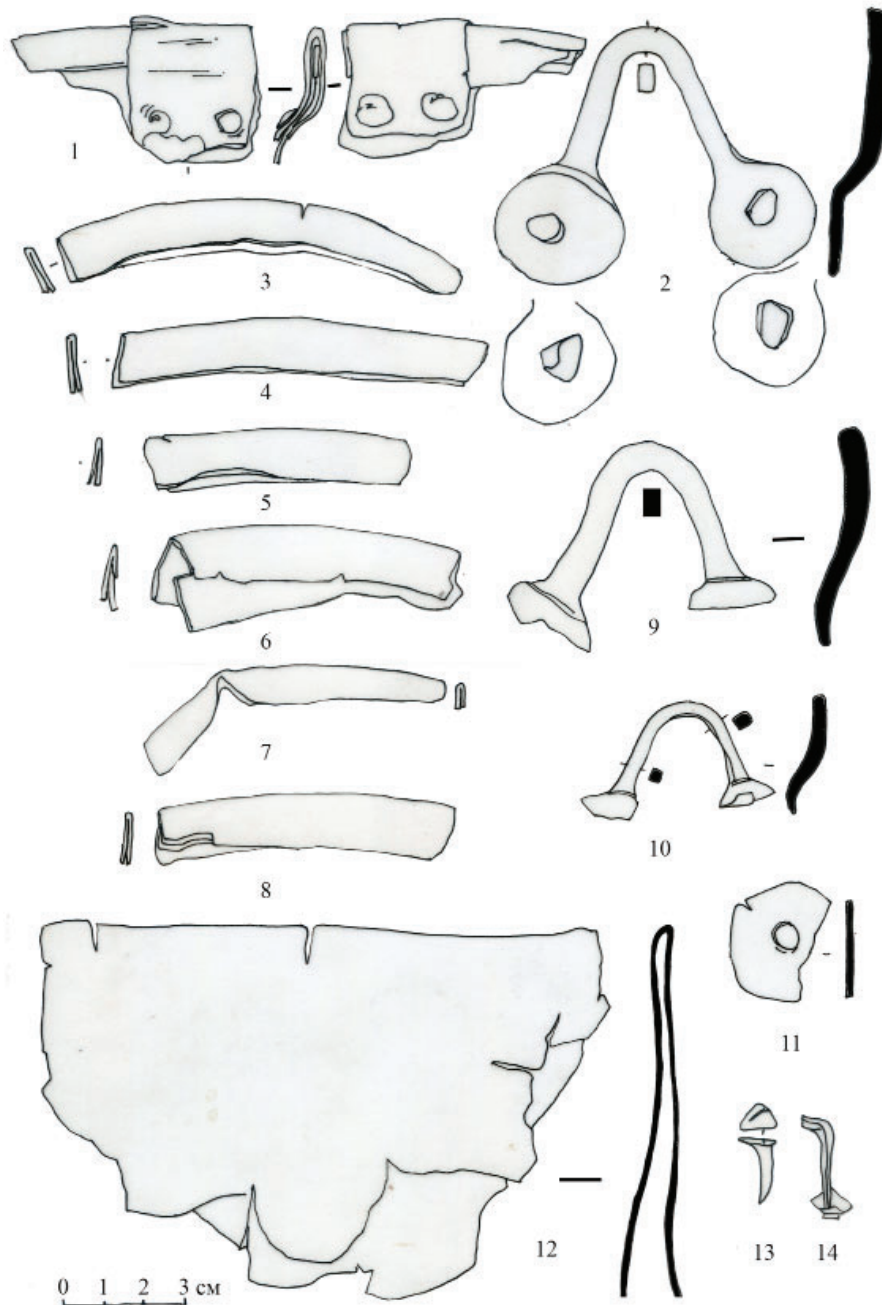

Рис. 2. Остолоповское селище. Алексеевский район РТ. Изделия из меди. 1, 3–8 – фрагменты венчиков котлов; 2, 9, 10 – ушки от котлов; 12 – стенка котла; 13, 14 – клепки. Подъемный материал 1969 г. (2); 1987 г. (9, 10, 12); 1996 г. (1, 3–8, 13, 14). Исследователи Е.П. Казаков и Е.А. Беговатов. Коллекция МА ИА АН РТ. 1 – О.с. - 96; 2 – Ост - V-69/726; 3–6 – О.с. - 97; 7 – О.с. - 97, В-4379; 8 – О.с. - 97, В-4978; 9 – I О.с. - 87/77; 10 – I О.с. - 87/78; 11 – I О.с. - 87; 12 – I О.с. - 87/72; 13, 14 – О.с. - 96.

Fig. 2. Ostolopovo settlement. Alekseyevskoye district of the Republic of Tatarstan. Items made of copper. 1, 3–8 – pieces of the rims of the cauldrons; 2, 9, 10 – ears of cauldrons; 12 – cauldron wall; 13, 14 – rivets. Surface finds of 1969 (2), 1987 (9, 10, 12), 1996 (1, 3–8, 13, 14). Researchers: E.P. Kazakov and E.A. Begovatov. Collection of MA IA AS RT. 1 – O.s. - 96; 2 – Ost - V-69/726; 3–6 – O.s. - 97; 7 – O.s. - 97, B-4379; 8 – O.s. - 97, B-4978; 9 – I O.s. - 87/77; 10 – I O.s. - 87/78; 11 – I O.s. - 87; 12 – I O.s. - 87/72; 13, 14 – O.s. - 96.

Ушки первого типа имеют еще подтипы «б» и «в», отличающиеся своей конфигурацией. В первом случае (тип 1б) у артефакта стандартная арка диаметром 2,4 см; лапки опущены вертикально вниз на 1,5 см и у окончаний разведены под углом 50–53° (рис. 1: 6). Заго-

товка этого ушка была в виде стержня прямоугольного сечения 0,6×0,3 см. Общий размер ушка 6×8×2 см. Во втором случае (подтип «в») ушко отличается тем, что арка диаметром 3 см имеет круглое сечение (диаметр 0,5 см), а лапки – квадратные (0,5×0,5 см) (рис. 1: 5),

то есть изначальная заготовка была круглого сечения.

Ушки второго типа (рис. 1: 7, 8) имеют прямоугольное сечение, более массивны. Арки диаметром 3 и 3,4 см выполнены на болванке диаметром 1,2 и 2 см. Лапки разведены под углом 48° и 50°. Нижние концы лапок раскованы дважды. Образовавшиеся лопасти круглой формы имеют диаметр в среднем 2,6 см. Диаметр отверстий для клепок составляет 0,4–0,5 см.

Все ушки за единственным исключением (рис. 2: 2) в той или иной степени деформированы: обрублены лопасти (рис. 1: 5, 6, 7, 8; 2: 9, 10), немного перекручен стержень (рис. 1: 5); одно ушко после удаления части лопасти оплавлено (рис. 1: 8). О том, что лопасти удалялись преднамеренно, свидетельствуют и сохранившиеся отсеченные части лопастей (рис. 1: 3; 3: 3, 5). Некоторые из них обрезались (рис. 2: 11) и, видимо, использовались как обоймы или шайбы. Разрубались ушки на 3 части. Предварительно ушко уплощалось, чтобы уменьшить изгиб между лопастями и лапками (рис. 1: 4), затем разрубленные части проковывали еще раз, а если была удалена клепка, то стержень перекручивали в несколько оборотов (рис. 1: 1, 2). Возможно, как и другие утилизированные фрагменты котлов, их после этого сплавляли, по крайней мере оплавленные части медных котлов имеются в коллекции с селища (рис. 3: 6).

Из стенок котлов вырезались ровные листы меди – на селище найден сложенный пополам такой лист (18×13,6×х0,2–0,3 см) (рис. 2: 12). Отделялись венчики длиной от 6,5 до 10 см (рис. 1: 1; 2: 3–8) чаще всего вместе с подкладкой – узкой медной полоской под отогнутым краем венчика. Также отделялись от стенок и дна заплатки – следы ремонта. Это пластины разной формы, приклепанные к прохудившимся местам корпуса или дна; встречена укрепляющая накладка на венчик (рис. 1: 2; 2: 1; 3: 6).

Завершая обзор этого материала, можно констатировать, что в качестве кухонной посуды на селище на протяжении примерно 50 лет использовались 1–2 медных котла, затем утилизированные, от которых сохранились парные ушки (рис. 1: 4, 7, 8; 2: 9). От этих котлов, видимо, происходят и медные клепки (рис. 2: 13, 14; 3: 4). Не исключено, что жители поселения имели еще пару котлов, один из которых был небольшого размера (рис. 2: 10). Остальные ушки, которые служили только сырьем, возможно, были привезе-

ны из других мест. Судя по тому, что с селищ низовой Камы, например, с поселений Семеновского острова или Мурзихинского селища, происходит немалое количество такого рода артефактов (Руденко, 2015, с. 360, 367–369, рис. 108: 9–11; 115: 1–40), можно предположить, что они являлись специально собранным ломом цветного металла, который мог быть реализован на рынке либо использован для текущих нужд на самом поселении. Такого рода артефакты обнаружены в мастерской бронзолитейщика на Тигашевском городище (Федоров-Давыдов, 1962, с. 81). Судя по материалам Билярского городища и Лаишевского селища (МА ИА АН РТ, инв. № Ч-61/89), их могли переплавлять (рис. 6: 8) или сковывать в брусок металла, а мелко нарезанные фрагменты стенок можно было сразу плавить в тиглях. Такой производственный цикл прослеживается на материалах Билярского II селища (Беговатов, 2001, с. 151, 152, рис. 3: 1; 4). Общая масса сплавляемого медного лома была в среднем 16–20 г.

Мастерские, производственные объекты (за исключением Лаишевского селища) на селищах выявлены в небольшом количестве, что связано, на наш взгляд, с тем, что работы велись на разрушающихся памятниках в зоне Куйбышевского водохранилища и многие объекты были сильно разрушены или уничтожены водой, а подъемный материал нередко был перемешан с артефактами XVIII – первой половины XX в. из размытого культурного слоя селений Нового и Новейшего времени, располагавшихся рядом или непосредственно на территории средневековых памятников. Так, на Мурзихинском селище в середине 1990-х гг. нами изучалась жилая и хозяйственная застройка, остальная часть селища была смыта, и установить, что было на этом месте, уже невозможно. Среди имеющегося материала с селища кузнечных инструментов, необходимых для работы с крицами и ковкой железа, не зафиксировано. Встречены инструменты для работы по дереву: топоры, стамески, долота разных типов, сверла небольших диаметров, фрагмент пилы-ножовки (Руденко, 2015, с. 359, 361, рис. 107: 1, 2; 109: 1–7, 10, 11, 16). Отметим находку на селище чекана, а также маленького железного молоточка со стилизованным зооморфным обушком, использовавшегося в ювелирном деле (Руденко, 2015, с. 361, рис. 109: 8, 12).

Основания нескольких печей производственного назначения, судя по найденному рядом шлаку, зафиксированы на размытой

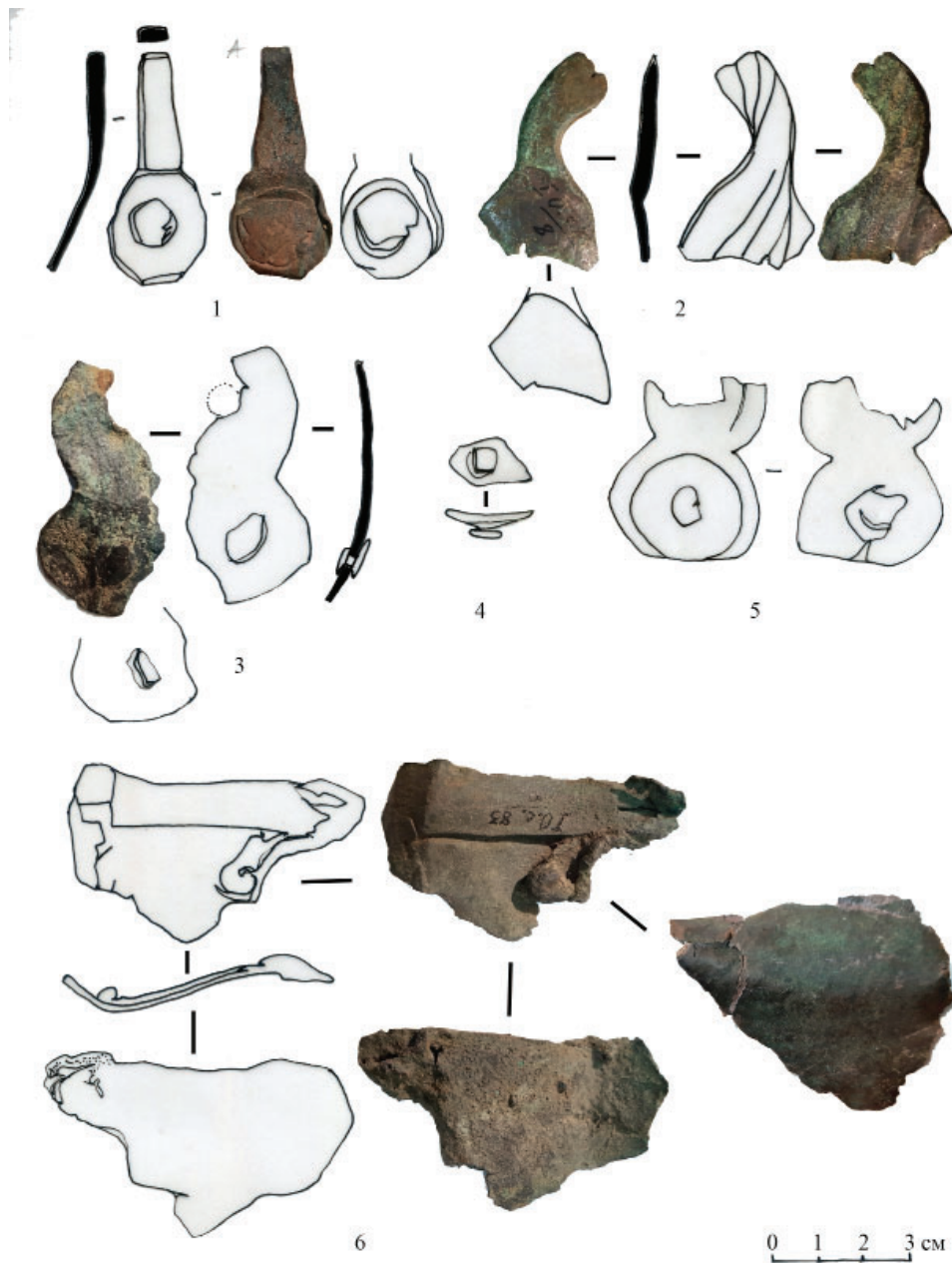

Рис. 3. Остолоповское селище. Алексеевский район РТ. Изделия из меди. 1, 2 – разрубленные и деформированные ушки котлов; 3, 5 – лопасть от ушка котла типа «б»; 4 – заклепка; оплавленная стенка котла. Подъемный материал 1983 (1, 2, 3, 6) и 1997 гг. (4, 5). Исследователи: Е.П. Казаков и Е.А. Беговатов. 1 – I О.с. - 83/6; 2 – I О.с. - 83/8; 3 – I О.с. - 83/7; 4, 5 – О.с. - 97; 6 – I О.с. - 83/9.

Fig. 3. Ostolopovo settlement. Alekseyevskoye district of the Republic of Tatarstan. Items made of copper. 1, 2 – split and deformed ears of cauldrons; 3, 5 – blade of ear of cauldron type «b»; 4 – staves; fused cauldron wall. Surface finds of 1983 (1, 2, 3, 6) and 1997. (4, 5). Researchers: E.P. Kazakov and E.A. Begovatov. 1 – I O.s. - 83/6; 2 – I O.s. - 83/8; 3 – I O.s. - 83/7; 4, 5 – O.s. - 97; 6 – I O.s. - 83/9.

части Алексеевского VI селища (Руденко, 2015, с. 18, 19). При этом производственный инструментарий с селища, как и в предыдущем случае, представлен только орудиями деревообработки – фрагментами топоров, сверлами и т. п. (Руденко, 2015, с. 229, 231, рис. 1: 11, 12; 66, 67).

Интерес представляет обнаруженная Е.П. Казаковым² в 1994 г. разрушенная печь у Остолоповского I селища. Остатки ее находились к

северо-западу от основной территории поселения, за ложбиной – старицей р. Шенталки, на месте более раннего селения второй половины X в. (Остолоповское Ia селище), которое прекратило существование в конце X столетия (Руденко, 2021, с. 66). Судя по сопутствующим находкам, это сооружение относится к Остолоповскому I селищу и функционировало в XI–XII в. Находился объект в отдалении от берега и, скорее всего, был частью произ-

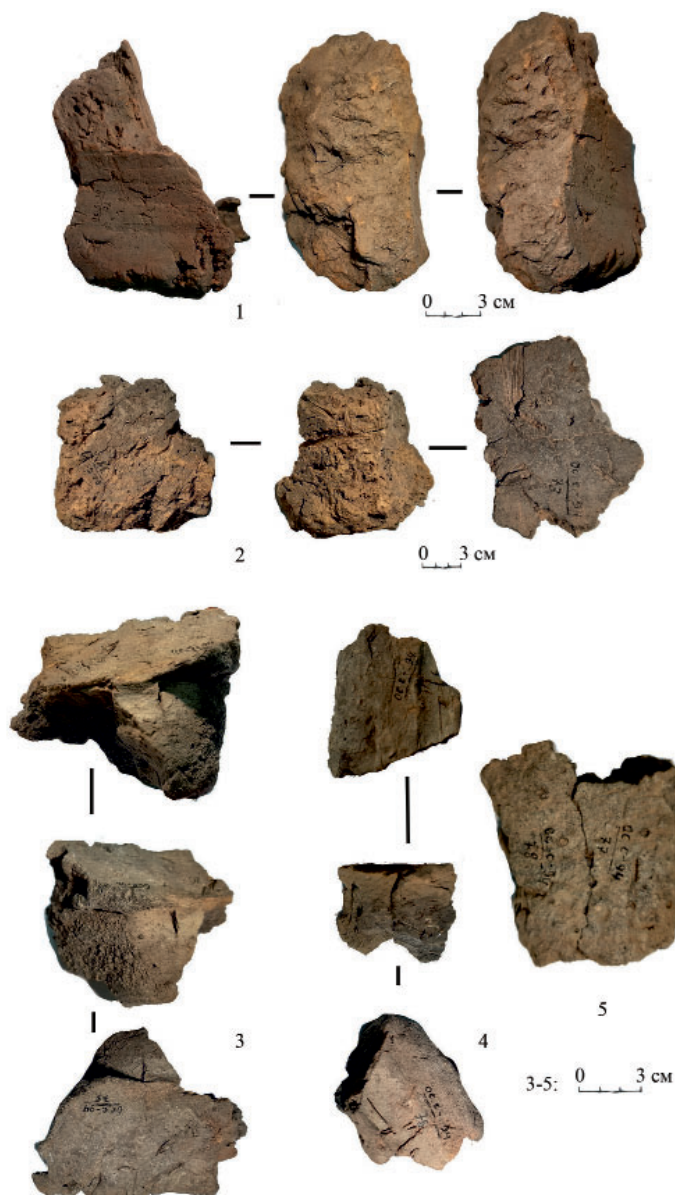

Рис. 4. Остолоповское селище. Алексеевский район РТ. Глиняные стенки (1, 2, 4, 5) и под (3) (фрагменты) горна. Подъемный материал 1994 г. Исследователь – Е.П. Казаков. 1 – О.с. - 94/72; 2 – О.с. - 94/73; 3 – О.с. - 94/75; 4 – О.с. - 94/76; 5 – О.с. - 94/77,78.

Fig. 4. Ostolopovo settlement. Alekseyevskoye district of the Republic of Tatarstan. Clay walls (1, 2, 4, 5) and hearth (3) (fragments) of the metallurgical furnace. Surface finds of 1994. Researcher – E.P. Kazakov. 1 – O.s. - 94/72; 2 – O.s. - 94/73; 3 – O.s. - 94/75; 4 – O.s. - 94/76; 5 – O.s. - 94/77.78.

водственного комплекса (кузни), функционировавшего небольшой промежуток времени. Печь большей частью была разрушена водохранилищем, что затрудняет ее интерпретацию. От нее в собрание МА ИА АН РТ³ попали глиняные фрагменты стенок и пода печи. Их размеры – от 8×11×8 до 16×9×11 см (МА ИА АН РТ, инв. № О.с. -94/72, 75) (рис. 4: 1, 2). Это крупные куски обожженной глины, сформированные из больших комков глиняной массы с примесью шамота и органики. Некоторые из них сохранили участки ровной поверхности, выровненные и местами заглаженные щепкой.

Изучение этих артефактов показало, что на некоторых фрагментах стенок внутри сохра-

нились каналы диаметром 2 см, а на других с одной из сторон – отпечатки деревянных дощечек. Это позволило предположить, что при возведении стенок печи использовался деревянный каркас из тонких прутьев (рис. 4: 4), а также опалубка, судя по отпечаткам на глине, из небольших досок (МА ИА АН РТ, инв. № О.с. 94/72, 79) (рис. 4: 1; 5: 1). Основание печи (под) было укреплено небольшими кольями диаметром 3 см, обугленные части которых сохранились в массиве глиняной подушки ниже пода. Под печи имел толщину около 3 см, судя по сохранившемуся фрагменту (8×11×8 см) (МА ИА АН РТ, инв. № О.с. 94/75) (рис. 4: 3). На его поверхности местами заметны

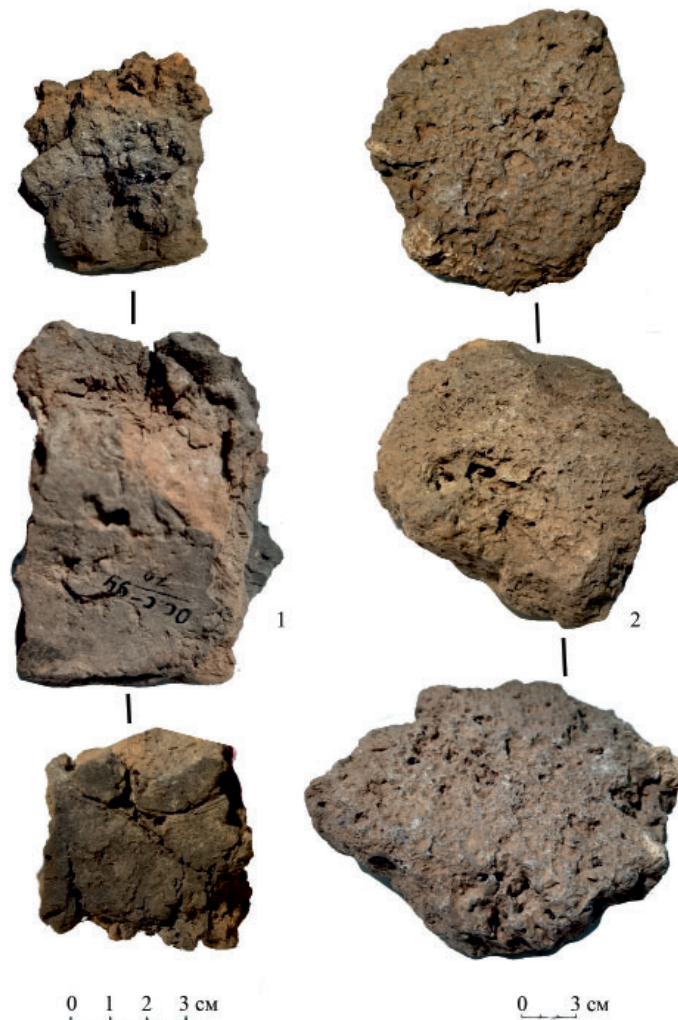

Рис. 5. Остолоповское селище. Алексеевский район РТ. Глиняные стенки (1) (фрагменты) горна и кузнечная крица (2). Подъемный материал 1994 г. Исследователь – Е.П. Казаков. 1 – О.с. - 94/79; 2 – О.с. - 94/87.

Fig. 5. Ostolopovo settlement. Alekseyevskoye district of the Republic of Tatarstan. Clay walls (1) (fragments) of a metallurgical furnace and bloom (2). Surface finds of 1994 Researcher – E.P. Kazakov. 1 – O.s. - 94/79; 2 – O.s. - 94/87.

остатки прикипевшего шлака. На одном куске стенки выявлено канальце диаметром около 3 см, возможно, являвшееся отверстием для сопла. Судя по имеющимся данным, фрагменты могли принадлежать наземному полусферическому горну для плавки железа с искусственным дутьем и с круглым отверстием для загрузки шихты, аналогичному тем, что были изучены А.М. Ефимовой на Булгарском городище. Датированы последние домонгольским временем (Семькин, 2015, с. 39, 181, рис. 18).

В этом же месте были найдены железные кузнечные крицы небольших размеров (6×4,5×3 и 9,5×8×3 см) (МА ИА АН РТ, инв. № О.с.-94/83, 85). Помимо них в коллекции имеются два куска шлака с губчатой поверхностью. У них чашевидная нижняя часть и неровная верхняя поверхность (12×10×6 см) (МА ИА АН РТ, инв. № О.с.-94/86,87) (рис. 5: 2).

Исходя из этого, можно предположить, что на Остолоповском I селище работали кузнецы,

изготавливавшие бытовые предметы, например, гвозди и, возможно, ножи, что подтверждается анализом технологии изготовления последних (Семькин, 2000, с. 204–207). Они же выполняли несложные кузнечные работы, как и текущий ремонт изделий. Не исключено, что в таких горнах нагревался и затем сваривался в одну массу или плавился медный лом (см. выше). В сущности, по данным на XVII–XIX в., работа кузнеца была сезонной и не исключала другие занятия. (Сербина, 1978, с. 55). Проблема была, с одной стороны, в заготовке руды, которой требовалось в два раза больше по сравнению с получаемой крицей, и с другой – в угле, которого было нужно в 8–10 раз больше чем самой руды (Сербина, 1978, с. 38, 39, 57).

Из массовых находок на булгарских селищах домонгольского времени встречаются железные поясные накладки разных типов, некоторые типы пряжек, часть которых отно-

Рис. 6. Лаишевское селище (Чакма). Лаишевский район РТ. Железные шлаки (1, 2); изделия из железа (3–6) и меди (7–9): деформированные медные ушки (7, 9); сплавленная стенка медного котла (8); железные заготовки (3–6). Подъемный материал 1961 г. Исследователи: Е.П. Казаков, П.Н. Старостин. 1 – Ч-61/105; 2 – Ч-61/106; 3 – Ч-61/59; 4 – Ч-61/60; 5 – Ч-61/152; 6 – Ч-61/166; 7 – Ч-61/120; 8 – Ч-61/89; 9 – Ч-61/112.

Fig. 6. Laishevo settlement (Chakma). Laishevo district of the Republic of Tatarstan. Iron slags (1, 2), items made of iron (3–6) and copper (7–9): deformed copper ears (7, 9); fused copper cauldron wall (8); iron blanks (3–6). Surface finds of 1961. Researchers: E.P. Kazakov, P.N. Starostin. 1 – Ch - 61/105; 2 – Ch - 61/106; 3 – Ch - 61/59; 4 – Ch - 61/60; 5 – Ch - 61/152; 6 – Ch - 61/166; 7 – Ch - 61/120; 8 – Ch - 61/89; 9 – Ch - 61/112.

сятся к аскизскому горизонту древностей Волго-Камья середины XI–XII в. (Руденко, 2001; 2015б, с. 151, рис. 13). Для болгарских поселений они являются хронологическим маркером второй половины XI – середины XII в. На Чакме представлен практически полный цикл изготовления таких поделок. Декорированные изделия – дериваты аскизских изделий – изготавливались, видимо, на Билярском городище. В этой связи несомненный интерес представляет заготовка накладки, обнаруженной на Мурзихинском селище

(Руденко, 2001, с. 98, рис. 12: 38). Интересно, что исходных материалов в виде железных брусочков, таких как на Лаишевском селище (рис. 6: 3, 4, 5), как и полуфабрикатов, на этом селище не было выявлено. Аналогичная ситуация и на других селищах, где также встречаются заготовки железных накладок и пряжек. Это, на наш взгляд, свидетельствует о циркулировании этих заготовок на внутреннем рынке и продаже их именно в виде готовых заготовок, помимо готовых изделий, сельским кузнецам, которые могли потребоваться при

ремонте поясного гарнитура, а также ремней портупей и уздечки, где они использовались. Это было дешевле и позволяло подгонять заготовку под нужный размер взамен утраченной детали. Однако и в этом случае это имело место лишь на тех селениях, где жили и работали достаточно квалифицированные кузнецы. Кузнецы-универсалы, скорее всего, были на большинстве болгарских селений.

Сложнее решить вопрос об изготовлении на селищах изделий из бронзы и серебра. Е.П. Казаковым на Измерском I селище в подъемном материале обнаружен фрагмент заполнения литникового канала с отлитыми бронзовыми поясными накладками. Литье в данном случае осуществлялось в глиняную форму (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 53). Также на этом памятнике был найден обломок каменной литейной формы (Казаков, 1991, с. 55, рис. 19: 1,2). Однако специальных приспособлений для литейного производства, например, тиглей на селище не обнаружено. Отметим, что и фрагментов медной посуды как потенциального сырья для ювелиров здесь немного. При этом часть котлов типов М-2 и М-3, от которых сохранились небольшие железные ушки (МА ИА АН РТ, инв. № I Из.с.-86/ n-299, n-300; Из-89/13-16), вероятно, были полностью утилизированы. Это практиковалось с начала функционирования данного поселения, о чем свидетельствует находка медного ушка котла типа «а» с частью стенки в нижнем горизонте культурного слоя селища (раскоп VII (1981 г.), уч. А-Б/3, глубина -60–70 см) (Казаков, 1991, с. 23, табл. I). Косвенно это подтверждает и установленный И.Е. Зайцевой факт по результатам изучения состава болгарских украшений с селищ (Измерского I, Семеновского I, Мурзихинского, Лаишевского). Проанализированные ей ушко котла и фрагмент ковша были сделаны из меди с примесью свинца от 2 до 4,6%. Аналогичный состав металла выявлен у височного кольца, поясной накладки с Измерского I и Семеновского I селищ (Зайцева, 2010, с. 120). Также около 30% изделий на этих селищах были отлиты из бронзы и многокомпонентных сплавов, причем, по утверждению И.Е. Зайцевой, в основе их – плохо очищенная медь, при этом одно такое изделие происходило с Остолоповского селища (Зайцева, 2010, с. 121–123), возможно, от переработки медной посуды. Анализы металла из льячки с Билярского II селища показали сплав с повышенным содержанием мышьяка, как и у анализов металла бронзовых изделий с Болгарского городища

(Беговатов, 2001, с. 158, рис. 4: 1; Беговатов, 2006, с. 92).

Следы переработки медного сырья зафиксированы на Лаишевском селище. Здесь найдены сплавленные части медной посуды, медные шлаки, сплески бронзы и т. п. (рис. 6: 8).

В целом места производства бронзовой и медной поясной гарнитуры в Волжской Булгарии домонгольского времени в большинстве своем пока не имеют конкретной привязки к археологическим памятникам. Производственный брак и следы самого производственного процесса, включая приспособления и инструментарий (горны для плавки металла, ножницы по металлу, зубильца, тигли со следами металла, литейные формы, многочисленные обрезки медной посуды, в том числе и приготовленные для переплавки, медная проволока, бракованные накладки и т. п.) для конца X – первой половины XI в. по материалам раскопок пока документированы только на Билярском II селище по исследованиям Е.А. Беговатова (Беговатов, 2001, с. 151–152). Предположение о меднолитейном производстве на Тигашевском городище сделал Г.А. Федоров-Давыдов (1962, с. 80, 81).

Для XI–XII вв. представительную коллекцию литейных форм, тиглей, слитков меди, разнообразного ремесленного инструментария и немногочисленных изделий дает Билярское городище. Очевидно, что здесь ювелирное дело было развито, однако поскольку в большей степени это подъемный материал, происходящий из старых коллекций (за исключением, фрагментов медной посуды, выявленных на раскопах 1970–1980-х гг.), то точной датировки данных артефактов у нас нет. Разнообразие сплавов, использовавшихся билярскими ремесленниками, работавшими с металлами, подтверждает высокий уровень развития ювелирного дела на Билярском городище (Зайцева, 2010, с. 123). Есть и определенные особенности микропримесей даже в составе «чистой меди», из которой сделана металлическая посуда (Хлебникова, 1997, с. 270–276, табл. II, № 3, 31, 36).

В научной литературе высказано мнение, что пояса с накладками из цветного металла производились во второй половине X – первой половине XI в. у болгар и отсюда привозились к русским. С прекращением этого импорта они исчезают из материальной культуры древнерусских селищ Северо-Восточной Руси, и, в частности, Суздальского Ополя (Зайцева, 2015, с. 197). Факт резкого сокращения быто-

вания поясов с гарнитурой из цветных металлов в Волжской Булгарии с последней трети XI в. установлен и по материалам собственно болгарских поселений (Руденко, 2015б, с. 149, рис. 11).

На большинстве изученных раскопками селищ следов деятельности ювелиров не обнаружено, кроме отдельных находок ювелирного инструментария, сырьевых материалов и следов производства. Отметим, что и на древнерусских селищах, исследованных весьма масштабно во второй половине XX в., их тоже немного (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 72, 73). Судя по имеющимся данным, на болгарских домонгольских селищах были распространены холодная обработка цветного металла и мелкий ремонт ювелирных изделий, включая пайку. Об этом свидетельствуют, например, небольшие железные наковаленки, получившие в литературе название «каблуки», встречавшиеся как на селищах, так и на городищах (Руденко, 2007, с. 234–239; 2015, с. 356, рис. 104: 1–4; 107: 3). На Мурзихинском селище, скорее всего, жили мастера-ювелиры. Как уже отмечалось, среди находок здесь встречены различные инструменты, включая весы для мелких взвешиваний и гирьки к ним, а также сырье – фрагменты медной посуды (Руденко, 2015, с. 361, рис. 105: 59, 65–71; 109: 8, 12; 115; цв. рис. XIV: 11–13). Использование фрагментов медной посуды в качестве сырья зафиксировано на селищах северных областей Древней Руси в отложениях XI–XII и XIII вв., причем в слоях XII–XIII в. их число существенно увеличивается. В качестве сырья использовали их и на поселениях «Земли вятичей» (Зайцева, 2008, с. 72, 73, 75, рис. 54, 56; Зайцева, Сарачева, 2011, с. 41, 52).

На Мурзихинском и Остолоповском I селищах обнаружены вырезанные касты от серебряных перстней со вставками из лазурита, а также серебряные шинки также от перстней (Руденко, 2015, с. 335, рис. 86: 3, цв. рис. XIV: 10; 2015а, с. 386, 466, кат. № 92, 328). Они относятся к одному типу перстней из золота и серебра с лазуритовыми вставками (тип 3 по К.А. Руденко), целые экземпляры которых найдены на Измерском I и Билярском II селищах (Казаков, 1991, с. 90, рис. 33: 14; Руденко, 2015а, с. 162, 381, 499, кат. № 79, 395). Вероятно, эти фрагменты утилизированных изделий были нужны для переделки или обновления других подобных украшений по желанию заказчика. Могли они выступать и в качестве средства платежа, учитывая редкость и ценность лазурита в то время. Судя

по составу металла, для изготовления серебряных изделий, в основном перстней, в начале XI в. использовалось монетное серебро. Но за исключением Семеновского I селища (Казаков, 1991, с. 29, табл. II), находки саманидских монет на селищах единичны, а чаще всего отсутствуют, поэтому это была продукция городских ювелиров. Впрочем, в качестве сырья могли использоваться небольшие серебряные слитки, которые нередко встречаются на болгарских селищах, существовавших в XI–XII вв.

Очевидно, что на селищах практиковались мелкий ремонт и утилизация ювелирных изделий. На Остолоповском I селище выявлена мастерская, вероятно, связанная с работой мастера по цветному металлу и железу. Ее планировка отличалась от жилых и хозяйственных построек этого селища, что позволяло предполагать ее использование как мастерской. В ней хорошо сохранилась печь с предпечной ямой, последнее принципиально отличает ее от печей в жилых домах (Руденко, 2008, с. 292–294, рис. 1–7). Эта мастерская оказалась заброшенной накануне тотального разгрома селища на рубеже XI–XII вв., о чем говорит и малочисленность каких-либо находок в заполнении ее котлована. Однако на том же раскопе в яме 2б на дне была найден фрагмент медной нашивки, отрезанный ножницами от целого изделия (Руденко, 2008, с. 300, рис. 9: 12). Мелкие металлические шлаки и зола были зафиксированы вне пределов мастерской, а в непосредственной близости от нее найдены обрезки медных пластин и нашивок, рубленные кусочки свинца, серебра и олова, помимо этого, на соседнем раскопе был обнаружен клад конусовидных свинцовых слитков. Конструкция печи в этой мастерской находит аналогии с металлургическим горном в Серенске, который был частью усадьбы ремесленников с различными видами деятельности. Сопутствующий материал, в частности находки сырья, близки тем, что связаны с остолоповской мастерской (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 39–41, рис. 15).

Таким образом, на сельских поселениях в рассматриваемом регионе существовало как кузнечное, так и ювелирное дело, на каждом оно было организовано по-разному, что зависело от времени их существования, развития внутренней торговли и их места в социально-экономической иерархии поселенческих агломераций. Можно предполагать, что на селищах осуществлялся сбор фрагментов медной посуды, отсюда и достаточно большое число

таких артефактов на ряде селищ, например, Мурзихинском или Семеновском. В дальнейшем это сырье отправлялось на продажу городским ремесленникам.

На селищах изготавливали глиняную посуду. Как показали анализы, керамические сосуды ручной лепки с Алексеевского VI селища были изготовлены из сырья местного происхождения и обжигались при температуре не более 400° С (Руденко, 2015, с. 58, табл. б), что возможно и без использования специализированных устройств. Можно допустить и использование горнов для обжига посуды, но гончарные горны на домонгольских селищах, помимо рождественского, не выявлены. Лепная и подправленная на круге посуда была явно домашнего изготовления. Часть ее делалась на продажу, чаще всего для селений ближайшей округи. Так, на Мурзихинском и Лаишевском селищах, а также на городище Кашан I обнаружена серия однотипных сосудов типа «джукетау» с характерными приемами орнаментации, что предполагает их изготовление в одном центре, скорее всего, на Чакме (Руденко, 1999, с. 86, рис. 5: 18, 19; 2015б, с. 137, 139).

Косторезное дело на селищах представлено по-разному. На Измерском I селище встречаются как заготовки и бракованные костяные изделия, так и готовые поделки. В их числе гребни и расчески, копоушки, рукояти ножей, затыльники, пуговицы, черешковые наконечники стрел (Казаков, 1991, с. 140–144, рис. 46). На Остолоповском I селище нет заготовок костяных изделий, единичными экземплярами представлены гребни, накладки на футляр расчески, копоушки; также рукояти ножей, затыльники, пуговицы, амулеты, плетки и втульчатые наконечники стрел. Массовой категорией находок являются альчики – бараньи астрагалы, использовавшиеся в играх. Достаточно много встречено проколов. Немногочисленны находки костяных изделий на Семеновском I селище, а на Лаишевском и Мурзихинском – это единичные находки. Часть костяных поделок была привозной – вероятно, из городских косторезных мастерских, например, из Биляра. В целом производство предметов из кости и рога на селищах если и было, то незначительным, по крайней

мере, полного цикла обработки сырья, включая первичный раскрой, отходы производства и т. п., что характерно для мастерских этого профиля (Яворская, Бадеев, 2019, с. 214), на селищах не зафиксировано.

Таким образом, на большинстве болгарских селищ (не являвшихся частью комплекса, включавшего городище) имелось домашнее производство лепной и подправленной на круге керамики. Круговую глиняную посуду, как правило, покупали у городских гончаров. Практиковалась выделка кожи и изделий из нее, а также, судя по соответствующему инструментарию, изготовление деревянных предметов, в первую очередь посуды и различных приспособлений, не говоря уже о столярных и плотницких работах в строительстве. Наличие кочедыков свидетельствует о плетении из лыка. Судя по сохранившимся конструкциям, было распространено плетение из ивовых прутьев: помимо плетней делали корзины, лукошки и т. п. На селищах изготавливали ткани из растительных волокон и шерсти: для получения ниток применялись веретена с пряслами, а для производства полотна использовался ткацкий станок.

На селищах были кузнецы-чернодельцы, изготавливавшие простейшие изделия, а также осуществлявшие текущий ремонт железных деталей и замену утраченных, используя покупные заготовки. Специализированное производство кузнечных изделий, как и получение кричного железа, чаще всего практиковалось на специализированных поселениях (Чакма), хотя небольшие кузницы могли функционировать и на некоторых селищах, например, Остолоповском. Ювелирное дело, за исключением поселений второй половины X – начала XI в., на селищах было развито слабо, причем основным сырьем здесь выступали утилизированные части медной посуды, в первую очередь ушки котлов. В мастерской ювелира на Остолоповском селище занимались ремонтом украшений, как правило, из серебра. На Чакме местные ювелиры изготавливали медные и бронзовые поделки, в первую очередь детали поясной гарнитуры, упоры для ножей и т. п. Косторезное дело на селищах, вероятно, не выходило за рамки домашнего промысла.

Примечания:

¹ Ушко котла имеет три конструктивные части: арку, лапки и лопасти. Арка – верхняя несущая часть ушка, предназначенная для зацепки крючков железной дужки. Лапки (синонимы – ножки или стержни) – части исходного дрота, отходящие вертикально или под углом от 50–58° в стороны от арки вниз, распределяющие вес котла равномерно на окончания ушка – лопасти. Лопасти – расплюснутые до 0,3 см окончания лапок. Они

имеют вид круглых дисков, если расковка одинарная, или 8-видную форму, если расковка двойная. В центре лопастей пробивались отверстия для клепок, с помощью которых ушко крепилось к стенке котла. Лопасты имели коленчатый или пологий уступ с обратной стороны, дающий отклонение лопасти от центральной оси изделия как минимум на ширину стержня и арки, чаще всего это 0,5–0,8 см при угле отгиба 20°, а максимально на 1–1,2 см и 30° соответственно. Уступ был сделан по ширине венчика, которая составляла в среднем в 1–1,5 см, а также угла его отгиба, который был необходим для плотного закрывания котла крышкой. Это была самая уязвимая часть ушка и котла в целом, поскольку основная нагрузка приходилась на лопасти ушка, клепки и участок стенки, с которым было соединено ушко.

² Благодарю Е.П. Казакова за возможность использовать в статье данные материалы.

³ Выражаю искреннюю признательность сотрудникам Музея археологии Института археологии АН РТ за помощь при работе в фондах музея.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 211 с.
- Беговатов Е.А.* Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 148–159.
- Беговатов Е.А.* Волжская Булгария на рубеже X – XI вв. (по материалам II Билярского селища) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: ГИМ, 2006. С. 92–93.
- Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 3–34.
- Зайцева И.Е.* Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. С. 57–142.
- Зайцева И.Е.* Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 116–138.
- Зайцева И.Е.* Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI–XIII вв. М.: Индрик, 2011. 404 с.
- Зайцева И.Е.* Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополе // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. Сб. статей к 60-летию акад. Н.А. Макарова. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: ИА РАН; Древности Севера, 2015. С. 184–198.
- Казаков Е.П.* Булгарское село X – XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
- Кокорина Н.А.* Гончарное производство Волжской Булгарии X – начала XIII веков: становление и развитие // Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетнёвой / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3. / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. М.; Йошкар-Ола: МарГУ, 2006. С. 108–157.
- Руденко К.А.* К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 73–102.
- Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII – XIV вв. Казань: Репер, 2000. 155 с.
- Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Казань: Заман, 2001. 256 с.
- Руденко К.А.* Об атрибуции некоторых болгарских предметов из музейных археологических коллекций // Материалы Лихачевских чтений. 5-7 апреля 2006 года / Отв. ред. Г.Р. Назипова. Казань: РИЦ «Школа», 2007. С. 234–239.
- Руденко К.А.* Некоторые вопросы использования археологических материалов в музейной экспозиции // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии / Отв. ред. И.Г. Шапран. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2008. С. 291–300.
- Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.
- Руденко К.А.* Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 г. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015а. 528 с.

Руденко К.А. Хронология булгарских селищ конца X — XIII в. в Западном Закамье (по материалам исследований 1992–2011 гг.) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. Сб. статей к 60-летию акад. Н.А. Макарова. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: ИА РАН; Древности Севера, 2015. С. 135–154.

Руденко К.А. Клады эпохи Волжской Булгарии на Старо-Куйбышевском археологическом комплексе в Татарстане: состав, датировка, интерпретация // Народы и религии Евразии. 2020. №4 (25). С. 7–33.

Руденко К.А. К вопросу о датировке Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. 2021. №3. С. 65–79. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.65.79>.

Семыкин Ю.А. Технология изготовления кузнечной продукции с Остолоповского I селища // Музей в системе ценностей Евразийской культуры. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. / ред. Г.С. Муханов, Г.Р. Назипова, Л.К. Гущина, Л.Г. Алексеева. Казань: Школа, 2000. С. 204–207.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. / Археология евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015. 168 с.

Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л.: Наука, 1978. 192 с.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

Старостин П.Н., Казаков Е.П. Булгарское поселение в урочище «Чакма» // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 125–142.

Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 49–89.

Хлебникова Т.А. Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1997. С. 269–292.

Яворская Л.В., Бадеев Д.Ю. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 210–225 DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2019.4.30.210.225>.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Khalikov, A. Kh. (ed.). 1981. *Arkheologicheskaiia karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Kama River area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Begovatov, E. A. 2001. In Zav'ialov, V. I. (ed.). *Drevnie remeslenniki Priural'ia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Institute of Language, Literature and History, 148–159 (in Russian).

Begovatov, E. A. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktной evro-aziatskoy zone. Tezisy dokladov III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Fedorova-Davydova (City and steppe in the contact Euro-Asian zone. Abstracts of reports of the III International scientific conference dedicated to the 75th anniversary of the birth of G.A. Fedorov-Davydov)*. Moscow: State Historical Museum, 92–93 (in Russian).

Gabiashev, R. S., Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh., Khlebnikova, T. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3–34 (in Russian).

Zaitseva, I. E. 2008. In Zakharov, S. D. (ed.). *Arkheologiya severnorusskoi derevni X–XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th – 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake)*. Moscow: "Nauka" Publ., 57–142 (in Russian).

Zaitseva, I. E. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 116–138 (in Russian).

Zaitseva, I. E. 2015. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: arkheologiya, istoriia, kul'tura (Towns and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 184–198 (in Russian).

Zaitseva, I. E., Saracheva, T. G. 2011. *Iuvelirnoe delo «zemli viatichei» vo vtoroi polovine XI–XIII vv. (Jewelry of the “Vyatichi Land” in the Second Half of 11th – 13th Centuries)*. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Kokorina, N. A. 2006. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiiia evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of Eurasian Steppes)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh’ia (Materials and Researches on the Archaeology of the Volga Region)* 3. Moscow; Yoshkar-Ola: Mari State University, 108–157 (in Russian).

Rudenko, K. A. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po srednevekovoii arkheologii Povolzh’ia i Priural’ia (Recent Researches in Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk-Glazov Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, 73–102 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaya posuda Povolzh’ya i Priural’ya v VIII – XIV vv. (Metal household ware of the Volga and the Urals regions in the VIII – XIV centuries.)*. Kazan: “Reper” Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kambe v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh’ye (Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th – 14th cc.: Articles of the Askiz Range in the Middle Volga Region)*. Kazan: “Zaman” Publ. 141 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2008. In Nazipova, R. G. (ed.). *Materialy Likhachevskikh chteniy. 5–6 aprelya 2007 g. (Proceedings of Likhachev Readings. April 5-6, 2007)* Kazan: “Shkola” Publ., 234–239 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2008. In Shapran, I. G. (ed.). *Arkheologicheskaiia ekspeditsiia: noveishie dostizheniia v izuchenii istoriko-kul’turnogo naslediiia Evrazii (Archaeological Expedition: Latest Achievements in the Study of the Historical and Cultural Heritage of Eurasia)*. Izhevsk: Izhevsk Republican Printing House, 291–300 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniiia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th – the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Issledovaniia VI Alekseevskogo i Murzikhinskogo selishch v Tatarstane v 1992–1996 g. (Studies of VI Alekseevskoye and Murzikha Settlements in Tatarstan in 1992–1996)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: *Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar)* II. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Goroda i vesi srednevekovoii Rusi: arkheologiiia, istoriia, kul’tura (Cities and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Vologda: “Drevnosti Severa” Publ., 135–154 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2020. In *Narody i religii Evrazii (Peoples and Religions of Eurasia)* 25 (4), 7–33 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2021. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 65–79. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.65.79> (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2000. In Mukhanov, G. S., Nazipova, R. G., Gushchina, L. K., Alekseeva, L. G. (eds.). *Muzey v sisteme tsennostey Evraziyskoy kul’tury (A museum in the system of values of Eurasian culture)*. Kazan: “Shkola” Publ., 204–207 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2015. *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoy Bulgarii v VIII – nachale XIII vv. (Ferrous metallurgy and blacksmithing of Volga Bulgaria in the 8th - early 13th centuries)*. Series: *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 21. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Serbina, K. N. 1978. *Krest’yanskaya zhelezodelatel’naya promyshlennost’ Tsentral’noy Rossii XVI – pervoy poloviny XIX v. (Peasant iron industry of Central Russia in the 16th – first half of the 19th century)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil’nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: *Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 19. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Starostin, P. N., Kazakov, E. P. 1992. In Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. (eds.). *Srednevekovye drevnosti Volgo-Kam’ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Series: *Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 21. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 125–142 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 4. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 49–89 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1997. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 269–292 (in Russian).

Yavorskaya, L. V., Badeev, D. Yu. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30(4), 210–225. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2019.4.30.210.225> (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

УДК 90.1
ББК 63.4 (2)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.271.281>

ЗАПАДНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ ИМПОРТЫ В КОМПЛЕКСАХ КУРГАНА 1 ГРУППЫ «СТУДЕНИКИН МАР» НЕКРОПОЛЯ «СТУДЕ- НИКИН МАР – ВЫСОКАЯ МОГИЛА» В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ

© 2022 г. С.В. Сиротин, Д.С. Богачук, К.С. Окорокров

В статье публикуется комплекс предметов импортного происхождения, найденных при исследовании кургана 1 группы «Студеникин Мар» некрополя «Студеникин Мар – Высокая Могила» в Южном Приуралье. Исследованный курган относится к категории крупных сооружений кочевой знати. В кургане выявлена специфичная архитектура и погребальная организация подкурганной площадки, которые позволяют отнести его к памятникам филипповского круга. Помимо дромосной могилы в центре кургана исследовано еще 5 погребений на периферии. Погребальный обряд и вещевые комплексы имеют широкие аналогии среди древностей южноуральских номадов IV в. до н.э. Особый интерес вызывает комплекс предметов импортного происхождения. Железный меч, отдельные элементы узды имеют аналогии в комплексах Предкавказья, Прикубанья, Нижнего и Среднего Дона. Все эти вещи были получены в результате связей южноуральских кочевников с населением скифского мира. Вьючная гончарная фляга имеет азиатское происхождение и была изготовлена в мастерских Хорезма. Находки азиатских вещей маркируют восточный вектор связей номадов Южного Урала. Многие предметы импорта происходят из комплексов, имеющих твердую дату, поэтому они являются хорошими хронологическими индикаторами для кочевнических комплексов. Наличие импортных предметов в погребальных комплексах номадов южного Урала свидетельствует о широких связях и культурных контактах с населением сопредельных территорий.

Ключевые слова: степи Евразии, Южный Урал, ранние кочевники, культурные связи, предметы импорта, хронология.

WESTERN AND EASTERN IMPORTS IN BARROW COMPLEXES OF THE 1 GROUP «STUDENIKIN MAR» OF NECROPOLIS «STUDENIKIN MAR – VYSOKAYA MOGILA» IN THE SOUTHERN URALS

S.V. Sirotin, D.S. Bogachuk, K.S. Okorokov

The article is about a complex of items of import origin, found in the study of the barrow of the 1 group «Studenikin Mar» of necropolis «Studenikin Mar – Vysokaya Mogila» in the Southern Urals. The studied barrow belongs to the category of large structures of nomadic nobility. The specific architecture and burial organization of the burial site were noted, that allows us to attribute it to the Filippovka type. In addition to the dromos burial in the center of the barrow, another 5 burials on the periphery were studied. Burial rites and items sets have broad analogies among the antiquities of the South Ural nomads of the IV century. BC. Of particular interest is the items set of imported origin. The iron sword, bridle pieces have analogies in the sites of the Pre-Caucasus, Kuban, Lower and Middle Don. All these items are a result of contacts of Southern Urals nomads with the population of the Scythian world. The pack pottery flask is of Asian origin and was made in Khorezm workshops. Findings of Asian items point the eastern vector of contacts of Southern Urals nomads. Many imports come from fixed-date sites and are therefore they are chronological indicators for nomadic complexes. The presence of imported items in the burial complexes of the Southern Urals nomads indicates extensive links and cultural contacts with the population of neighboring areas.

Keywords: steppes of Eurasia, Southern Urals, early nomads, cultural contacts, imports, chronology.

Введение. Ранние кочевники Южного Урала, находясь на периферии античного мира, тем не менее осуществляли активные контакты с населением сопредельных территорий, получая разнообразный комплекс импортных предметов. Традиционно импортные предметы в погребениях номадов пред-

ставляют особый интерес в рамках разработки вопросов хронологии и культурных связей. Комплекс предметов, имеющих статус привозных, был найден при исследовании в 2019 г. кургана 1 группы 3 «Студеникин Мар» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» на Южном Урале.

Курганный некрополь «Высокая Могила – Студеникин Мар», расположенный в Оренбургской области, представляет собой крупный могильник, в составе которого выделяется пять курганных групп, насчитывающих несколько десятков курганов разной величины, включая большие погребальные сооружения раннекочевнической знати. Курганный группа находится к югу от р. Урал на территории Урало-Илекского междуречья. В природном и географическом отношении площадка некрополя располагается в условиях типичного степного ландшафта.

В культурно-хронологическом аспекте могильник представляет собой разнокультурный и разновременный комплекс. Большие курганы некрополя хронологически относятся к последним десятилетиям IV в. до н. э. и характеризуются схожестью погребального обряда, архитектуры насыпей и планиграфией подкурганых площадок. Погребальный обряд и вещевые комплексы некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» в культурно-хронологическом плане относятся к раннепрохоровскому времени и имеют многочисленные аналогии с материалами могильника Филипповка 1 и целым рядом других комплексов филипповского круга. В малых и средних курганах, отличающихся невысокими насыпями, были исследованы комплексы позднесарматской культуры II–III вв. н. э. (Сиротин и др., 2018; Сиротин, Богачук, 2018; Сиротин и др., 2020; 2020а).

Археологический контекст находок. Группа 3 «Студеникин Мар» находится в западной части некрополя. Всего в группе насчитывается четыре кургана разной величины. Курган 1 являлся самым крупным в группе (диаметр 58 м, высота 2,64 м). В основе погребальной конструкции кургана находилось погребение 4 (центральное основное). Погребение относилось к дромосным могилам. Могильная яма имела округло-овальную форму размерами 6,7×6,4 м, углублена в материк до 1,1 м. С южной стороны в могильную яму вел узкий и относительно неглубокий дромос длиной до 2,6 м. Вынутая в процессе сооружения камеры и дромоса материковая глина рассыпалась вокруг могильной ямы, образуя кольцевой вал диаметром до 33–35 м. Насыпь кургана сооружалась из дерновых блоков. Над центральной могилой возводилась деревянная конструкция. Проследить ее конструктивный характер не удалось, поскольку ко времени исследования она оказалась полностью сгоревшей. Исходя из

аналогий подобных курганных сооружений на Южном Урале, можно предполагать, что конструкция могла быть шатрового типа из радиально уложенных бревен. Очевидно, что горение происходило с достаточным доступом кислорода, поскольку дерево выгорело полностью, а пожар был такой мощности, что прокалилась не только погребенная почва, но и материк.

В центральном погребении 4 обнаружено коллективное захоронение. В западной части ямы были расчищены остатки деревянного ящика, в котором находился мужской костяк, ориентированный в южный сектор. Были зафиксированы остатки деревянного перекрытия ящика и фрагменты стенок. Дно погребального ящика представляло собой погребальное ложе из хорошо обработанных и плотно подогнанных поперечных плах. В северной части ямы были расчищены еще три костяка, уложенных на погребальные ложа (носилки?) из продольных деревянных плах, скрепленных поперечинами. Из инвентаря в центральном погребении были найдены железный колчанный крюк, бронзовые наконечники стрел и ряд других вещей.

В насыпи кургана и на подкурганной площадке были исследованы периферийные погребения. Одно погребение (погребение 1) было найдено в северо-западном секторе кургана. Мужской костяк был уложен на погребенной почве внутри кольцевого вала под деревянной конструкцией, которая сооружалась над центральным погребением. Сопроводительный инвентарь представлен железным мечом синдо-меотского (меотского) типа, бронзовыми ворворками и бронзовыми наконечниками стрел.

Вызывает интерес погребение 5, устроенное в непосредственной близости от центральной могилы. Была исследована обширная яма (3,4×2,36 м, глубиной от материка до 0,95 м), заполненная прокаленным грунтом и остатками сгоревшего дерева от надмогильного перекрытия. На дне могильной ямы были найдены обгоревшие кости мужского скелета. Очевидно, что в процессе пожара часть перекрытия рухнула на погребенного. В могильной яме был найден железный меч переходного типа с дуговидным перекрестьем и слабоизогнутым наконечником, набор бронзовых наконечников стрел. Около остатков черепа был найден железный наконечник копья.

Два погребения (погребения 2, 3) были устроены в подбойных ямах (2,×2,4 м, глубиной от материка до 0,7 м; 2×1,7 м, глубиной

от материка около 1 м) за пределами кольцевого валика. В каждом из них был обнаружен костяк подростка. В обоих захоронениях у погребенных были найдены железные мечи. Кроме того, зафиксированы остатки деревянных луков скифского типа, уложенных слева от костяков поверх колчанов с бронзовыми наконечниками стрел. В погребении 2 среди погребального инвентаря была найдена гончарная вьючная фляга хорезмийского производства.

Еще одно погребение (погребение 6) было совершено в юго-восточном секторе кургана, в большой прямоугольной яме (3,3×2,65 м, глубиной от материка до 1,45 м). По углам ямы фиксировались фрагменты дерева, вероятнее всего, от опорных вертикальных столбов. На дне ямы были расчищены остатки деревянных погребальных носилок, на которых был уложен женский костяк. Из инвентаря в погребении обнаружены орнаментированное бронзовое зеркало, округлая пронизь из белого мрамора, железный стилет с характерной проволочной петлей на рукояти.

При исследовании насыпи кургана в южной поле обнаружены многочисленные скопления костей лошади. Помимо костей лошади, там же был найден бронзовый ковш, а также богатый уздечный набор, уложенный в качестве жертвенного комплекса на погребенной почве за пределами глиняного валика. Уздечный набор включал в себя железные удила, биметаллические псалии, бронзовый пластинчатый налобник, пронизи, а также бронзовые зооморфные уздечные бляхи (рис. 1: 1).

Анализ инвентаря и хронология комплекса. Архитектура, погребальный обряд и вещевые комплексы кургана 1 группы «Студеникин Мар» имеют близкие параллели как с исследованными ранее большими курганами некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар», так и с курганами могильника Филипповка 1, а также другими памятниками филипповского круга на Южном Урале.

Значительная часть найденного в насыпи и погребениях кургана инвентаря (бронзовые наконечники стрел, железные мечи, колчанные крючки, бронзовое зеркало и др.) имеет многочисленные аналогии среди южноуральских комплексов раннепрохоровского времени и достаточно хорошо атрибутирована в культурно-хронологическом отношении. Вместе с тем особого внимания заслуживает ряд вещей из восточных (азиатских) и западных (скифских) территорий.

Обращает на себя внимание уздечный набор, найденный в южной поле кургана недалеко от границ глиняного вала вокруг центральной могилы (рис. 1: 1).

Двучастные удила из железных стержней с загнутыми в петли окончаниями по своей форме и устройству для кочевников раннего железного века являются универсальной категорией. Они широко представлены в уздечных наборах Евразии с VI вв. до н. э. и продолжают бытовать достаточно продолжительное время (Смирнов, 1961, с. 82; Мошкова, 1963, с. 36; Савченко, 2009, с. 228, 230).

Биметаллические псалии, найденные в составе уздечного набора с железными сердечниками и бронзовыми приливами, имеют аналогии в западных областях. Они отмечены в комплексах Предкавказья, Среднего и Нижнего Дона, лесостепных памятниках скифского времени IV в. до н. э. (Эрлих, 2010, с. 90, 91; 2011, с. 56). Наиболее многочисленная серия железных псалиев, имеющих бронзовые приливы, найдена в Прикубанье в уздечных наборах второй половины IV в. до н. э. (Эрлих, 2006, с. 62; 2010, с. 91). В.Н. Васильев считает, что применительно к южноуральским комплексам подобные псалии могут выступать в качестве хроноиндикаторов второй половины IV в. до н. э. (Васильев, 2004, с. 155). Рассматривая данную категорию конского снаряжения, В.Р. Эрлих полагает, что происхождение биметаллических псалиев связано с ареалом савроматской культуры, о чем свидетельствуют находки из Пятимаров, Кырык-Обы II и Филипповки I (Эрлих, 2006, с. 62; 2011, с. 57). Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Комплексы из Пятимаров и Кырык-Обы II датируются значительно более ранним временем. Курган 15, где были найдены биметаллические псалии, автором датируется концом VI–V вв. до н. э. (Гуцалов, 2010, с. 64). Дата кургана 6 могильника Пятимары I К.Ф. Смирновым устанавливается в пределах V в. до н. э. (Смирнов, 1964, с. 50–51, 322). Оформление бронзовых окончаний псалиев из Пятимаров и Кырык-Обы II принципиальным образом отличается от прикубанских образцов и выполнено в иной стилистической манере (Смирнов, 1964, рис. 29: 4а; Гуцалов, 2010, с. 53, 54 рис. 2: 2, 3; 3: 5, 6, 10, 11, 14, 15). Не исключено, что технология изготовления псалиев с использованием железа и бронзы могла появиться на Южном Урале достаточно рано. Вместе с тем это не исключает конвергентный характер ее появления и в Прикубанье, где складывается

Рис. 1. Импортные предметы из кургана 1: 1 – уздечный набор; 2 – налобник; 3 – бронзовая зооморфная бляха; 4 – колесовидная бляха; 5 – бляха с профильным изображением волка; 6 – меч; 7 – вьючная гончарная фляга; 2 – 5 – бронза; 6 – железо; 7 – круговая керамика.

Fig. 1. Imported items from barrow 1: 1 – bridle set; 2 – frontlet; 3 – bronze zoomorphic plaque; 4 – wheel-shaped plaque; 5 – plaque with a profile image of a wolf; 6 – sword; 7 – pack pottery flask; 2 – 5 – bronze; 6 – iron; 7 – ceramics.

вполне самостоятельный центр их производства. Если рассматривать известные находки биметаллических псалиев из Южного Приуралья (могильники Филипповка 1, Переволочан I, Высокая Могила – Студеникин Мар), то их происхождение, так же как и целый ряд других элементов раннепрохоровской сбруи (налобники, уздечные бляхи и др.), явно связано с Прикубаньем второй половины IV в.

до н. э. В этой связи обращает на себя внимание, что речь идет не только о перемещении отдельных предметов, но и уздечных наборов в целом.

Особого внимания заслуживает бронзовый пластинчатый налобник (рис. 1: 2). Данная категория инвентаря, до недавнего времени практически не известная в комплексах южноуральских степей, вместе с тем широко

представлена в уздечных наборах в Прикубанье, Предкавказье, лесостепном Поднепровье и др.

На Южном Урале бронзовые пластинчатые налобники происходят из известных памятников, таких как Большой Климовский курган, Переволочан I, Филипповка 1, Высокая Могила – Студеникин Мар. Примечательно, что все они найдены в богатых и статусных комплексах кочевой элиты, которые датируются второй половиной IV – рубежом IV–III вв. до н. э. (Сиротин, 2019, с. 224–223)

Найденный в кургане 1 группы «Студеникин Мар» налобник наибольшее сходство имеет с налобниками из погребения 1 кургана 2 группы «Богатырские Могилки» этого же некрополя (Сиротин, 2019, рис. 1: 5). Определенное сходство с этими налобниками по форме имеет декорированный в близких традициях «елизаветинского стиля» налобник, найденный в составе комплекса 1 узды г. Гюэноса (Адыгея) (Эрлих, 2010, с. 97, рис. 10: 8). Помимо этого, они имеют также определенные аналогии и в степном Ставрополье (Прокопенко, 2014, ч. 1, с. 256; ч. 2, рис. 127: 3). Широкое распространение таких налобников в Прикубанье и Предкавказье позволяет рассматривать эти территории в качестве исходных локаций, откуда данная категория вещей, наряду с другими, попадает к южноуральскимномадам.

Примечательной находкой можно считать и бронзовые уздечные бляхи (рис. 1: 3–5), в числе которых особо следует отметить зооморфные бляхи (рис. 1: 3), имеющие прямые аналогии в комплексах Предкавказья и Среднего Дона второй половины IV – начала III вв. до н. э. (Могилов, 2008, с. 415, рис. 193; Гуляев, Савченко, 2004, с. 40, рис. 4: 10, 11). Особого внимания заслуживает комплекс из кургана 10 могильника Горки на Среднем Дону, где были найдены аналогичные бляхи (Гуляев, Савченко, 2004, с. 40, рис. 4: 10, 11). Дата комплекса определяется античной амфорой и относится к концу третьей четверти IV в. до н. э. (Гуляев, Савченко, 2004, с. 43).

Интересной находкой является бронзовая колесовидная бляха с петлей на обороте (рис. 1: 4). Похожие по форме и стилю бляхи выявлены на Среднем Дону в материалах могильников у с. Русская Тростянка, с. Терновое, с. Мастюгино и у хут. Дубовой (Савченко, 2009, с. 277–278, рис. 15: 18–21). Помимо этого, стилистически похожая бляха была найдена в кургане 4 у хут. Сладковский, который датируется второй половиной или концом IV в.

до н. э. (Смирнов, 1980, с. 43; 1984, с. 51, 54, рис. 18: 2). Наличие подобных блях в составе конской узды отмечается в комплексах IV в. до н. э. из Абхазии (Эрлих, 2010, с. 100, 101, рис. 11: 4–9). В.Р. Эрлих, помещая эти предметы в круг вещей меотской традиции, отмечает, что своими первоначальными истоками эти бляхи могут быть связаны с комплексами Закавказья (Эрлих, 2010, с. 101). На Южном Урале бляхи такого типа найдены в погребении 5 кургана 12 могильника Переволочан I (Сиротин, 2020, с. 185, рис. 2: 8) и в одиночном кургане Яковлевка II (Сиротин, 2015, с. 249, рис. 2: 1) в комплексах второй половины IV в. до н. э.

Обращает на себя внимание бронзовая бляха в виде профильного изображения длинномордой головы волка с оскаленной пастью (рис. 1: 5). Немногочисленные экземпляры подобных блях известны в южноуральских раннекочевнических комплексах. В.Н. Мышкин подобные бляхи выделяет в особый тип уздечных зооморфных блях, щитки которых оформлены в виде фигуры или части хищного животного (Мышкин, 2019, с. 59, 60).

Наиболее ранние образцы профильных изображений головы волка найдены в кургане 18 могильника Кырык-Оба II (Гуцалов, 2010, рис. 2: 13), который датируется автором раскопок концом VI – пер. пол. V в. до н. э. (Гуцалов, 2010, с. 60). Однако, несмотря на общее сходство мотива, для блях из Кырык-Обы II следует отметить принципиально иную манеру изображения. Бляха, найденная в кургане 1 группы «Студеникин Мар», относится к группе блях, которые на Южном Урале известны в некрополе Филипповка 1 (Канторович, Яблонский, 2009, с. 78–79, рис. 7, 8; Пшеничнюк, 2012, с. 32, рис. 57: 12; Яблонский, 2013, с. 66, № 33; с. 174, № 2141).

На наш взгляд, бронзовые зооморфные бляхи, а также бляхи с профильным изображением головы волка происходят из Прикубанья, попав на Южный Урал в качестве импортных предметов с западных скифских территорий.

Следует также отметить находку меча синдо-меотского (меотского) типа (рис. 1: 6), который был найден в погребении 1 данного кургана. Такие мечи представлены на территории Северного Кавказа, Закавказья, Северного Причерноморья, Прикубанья, Подонья и Поволжья в V–III вв. до н. э. (Смирнов, 1980; Клепиков, 2002, с. 22–25; Эрлих, 1991; Маслов, 2019). Немногочисленная серия таких мечей найдена в южноуральских комплексах IV – рубежа IV–III в. до н. э. (Васильев, 2001,

с. 170, 171; Мещеряков, Яблонский, 2007, с. 358, 359). По наблюдениям К.Ф. Смирнова, большая часть подобных мечей происходит из меотских курганов и грунтовых могильников Прикубанья IV – начала III в. до н. э., откуда они через прикаспийские степи попадают на нижний Дон и Волгу и далее на восток в Южное Приуралье (Смирнов, 1980, с. 41–43). На наш взгляд, на Южный Урал серия данных клинков попадает из Прикубанья, вероятно, через нижнедонские и поволжские степи во второй половине IV – начале III вв. до н. э.

Очень важной находкой является круговая фляга, найденная в погребении 2 (рис. 1: 7). Выючные гончарные фляги являются относительно редкой находкой в погребениях южноуральских ранних кочевников. К настоящему времени известно всего девять (включая публикуемую находку) экземпляров данного типа керамической тары с территории Южного Урала. Впервые выючные фляги из комплексов южноуральских номадов в рамках специальной работы были рассмотрены В.Н. Васильевым, который разделил их по профилю тулова на два типа (Васильев, 2006, с. 58). Наиболее полная сводка известных к настоящему времени выючных фляг на Южном Урале содержится в работах С.Б. Болелова (Болелов, 2012). Фляга из кургана 1 группы «Студеникин Мар» по типологии В.Н. Васильева относится к I типу с двояковыпуклым туловом и ручками ушками, время появления которых на Южном Урале определяется последними десятилетиями IV в. до н. э. (Васильев, 2006, с. 62). По своей форме и метрическим данным она имеет наибольшее сходство с флягой из центрального погребения кургана Темир, который датируется авторами публикаций концом V – началом IV в. до н. э. (Зданович, Хабдуллина, 1987, с. 50, рис. 3: 2). Такая датировка является существенно заниженной, и данный комплекс имеет более позднюю дату в пределах конца IV – начала III вв. до н. э. (Васильев, 2001, с. 170; 2004; 2006; Васильев и др., 2019, с. 103). Выючные фляги, найденные в погребениях ранних кочевников Южного Урала, происходят с территории древнего Ирана. По определению С.Б. Болелова, большинство фляг имеют аналогии в керамическом комплексе Хорезма. Определенно в мастерских Хорезма была изготовлена фляга из кургана Темир (Болелов, 2012, с. 212). Хорезмийское происхождение имеет и публикуемая в данной работе фляга из погребения 1 кургана 1 группы «Студеникин Мар».

Обращает на себя внимание хронологическая позиция данного типа гончарной тары. По наблюдениям С.Б. Болелова, наиболее ранние находки керамических фляг относятся к концу II – началу I тыс. до н. э., однако достаточно широкое распространение они получают с середины I тыс. до н. э., и для Средней Азии наиболее ранние находки датируются временем не позднее конца IV до н. э. (Болелов, 2012, с. 212). Сходную хронологическую картину констатирует и В.Н. Васильев (Васильев, 2006, с. 59–60). Однако при рассмотрении азиатских аналогий флягам из южноуральских раннекочевнических комплексов есть все основания для более узких датировок как времени попадания данной керамической продукции в степи Южного Урала, так и их бытования в обиходе кочевников, и в этом вопросе мы вполне разделяем позицию В.Н. Васильева о том, что выючные фляги могут рассматриваться в качестве хроноиндикаторов последних десятилетий IV – III вв. до н. э. (Васильев, 2006, с. 60–62).

Учитывая общий характер погребального обряда, датировки инвентаря и датировки привозных предметов, на наш взгляд, дата кургана определяется последней третью IV в. до н. э. – рубежом IV–III вв. до н. э.

Исследователи неоднократно отмечали наличие связей ранних кочевников Южного Урала с сопредельными и отдаленными территориями. Очевидно, что кочевники Южного Приуралья не составляли изолированный локус, а были интегрированы в общеисторические процессы и находились под определенным влиянием передовых культур Евразии. Найденные в насыпи и погребальных комплексах кургана 1 группы 3 «Студеникин Мар» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» вещи, имеющие импортное происхождение, в очередной раз подтверждают это. Наличие импортных вещей в погребениях южноуральских номадов фиксируется еще с конца VI – V вв. до н. э., однако значительная часть предметов ахеменидского круга, а также импортов с западных территорий содержится в комплексах филипповского круга. Вопросы, связанные с хронологией и атрибуцией импортных вещей восточного происхождения, неоднократно рассматривались в работах исследователей (Смирнов, 1964, с. 257–285; Влияния..., 2012). Причины попадания этих предметов на Южный Урал связываются с целым комплексом обстоятельств, в числе которых можно назвать торговые, военно-политические, дипломатические. Очевидно,

им соответствуют яркие исторические события: в результате походов Александра Македонского на южной границе кочевого мира происходит крушение Ахеменидской империи, знать из среднеазиатских сатрапий бежит к кочевникам-массагетам, которые сражались с греками на берегах Яксарта/Сырдарьи (Сиротин и др., 2019).

Вместе с тем в материальной культуре южноуральских номадов отчетливо проявляется наличие западного вектора их связей. Это касается, прежде всего, конского снаряжения и предметов вооружения (мечи синдомеотского типа). Мысль о скифских истоках раннепрохоровского уздечного набора неоднократно высказывалась в работах исследователей (Смирнов, 1961, с. 77, 81; Гуцалов, 2004, с. 41–42; Савельев, 2007, с. 336; 2020). Значительная часть предметов конского снаряжения имеет аналогии в комплексах, расположенных в западных регионах – Предкавказье, степном и лесостепном Северном Причерноморье, среднем и нижнем Дону. В связи с этим многие элементы уздечного набора южноуральских номадов могут рассматриваться в качестве

миграционного компонента их материальной культуры (Сиротин, 2019). При анализе элементов конского снаряжения, имеющих западное происхождение, обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Практически все предметы конского снаряжения, как отдельные экземпляры, так и уздечные наборы, найдены в статусных раннепрохоровских комплексах – в могильнике Филипповка I и других комплексах филипповского круга (Переволочан I, Яковлевка II, Ивановские I курганы и др.). Отдельные немногочисленные элементы, такие как железные стержневидные псалии или железные налобники, могут встречаться и в относительно небогатых комплексах степи и лесостепи (Савельев, 2007; 2020).

Применительно к конскому снаряжению подавляющее большинство аналогий в скифских территориях датируется в пределах второй половины IV – начала III вв. до н. э. В этой связи есть все основания полагать, что именно в этот относительно узкий хронологический период на Южный Урал и поступает основная часть импортов с западных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Болелов С.Б. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1. / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 208–219.

Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 169–179.

Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса / УАВ. 2004. Вып. 5. С. 153–172.

Васильев В.Н. К хронологии вьючных фляг ранних кочевников Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 58–62.

Васильев В. Н., Обыденнова Г. Т., Федоров В. К. Курганы в окрестностях села Верхняя Кардаилловка на р. Урал (по материалам раскопок 1993 года) и заметки к хронологии опорных комплексов второй половины IV в. до н.э. // Вестник ОГПУ. Электронный научный журнал. 2019. № 4 (32). С. 90–111. Доступно по URL: http://www.vestospu.ru/archive/2019/articles/7_4_2019.html (дата обращения: 05.08.2022)

Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1 / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. 671 с.

Влияния ахеменидской культуры в южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) Т. 2 / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: ТАУС, 2012. 468 с.

Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 35–52.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.

Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. 2010. № 2. С. 51–66.

Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1986. С. 45–65.

Канторович А.Р., Яблонский Л.Т. О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. 2009. № 10. С. 73–99.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: ВолГУ, 2002. 216 с.

Маслов В.Е. Синдо-меотские мечи vs. акинаки (реалии сегодняшнего дня) // *Stratum plus*. 2019. № 3. С. 133–154.

Мецгеряков Д.В., Яблонский Л.Т. О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М.П. Абрамовой / МИАР. Вып. 8 / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ТАУС, 2007. С. 357–368.

Могилев О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: Інститут археології НАН України, 2008. 440 с.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1–10. М.: изд-во АН СССР. 1963. 56 с., 32 табл.

Мышкин В.Н. Уздечные бляшки с зооморфными и антропоморфными изображениями у кочевников Южного Приуралья скифского времени // Нижневолжский археологический вестник. 2019. № 18. С. 57–73.

Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 1. Ставрополь: СКФУ, 2014. 446 с.

Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь: СКФУ, 2014. 726 с.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

Савельев Н.С. Конская узда IV–III вв. до н.э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966). Материалы Международной конференции (20–22 апреля 2007 г., г. Уфа) / Отв. ред. В.С. Горбунов, В.А. Иванов, Г.Т. Обьеденнова, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков. Уфа: Китап, 2007. С. 330–339.

Савельев Н.С. Скифская узда в лесостепи Южного Приуралья : конечная точка западного импульса // *Stratum plus*. 2020. № 3. С. 31–52.

Савченко Е.И. снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–326.

Сиротин С.В. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 247–256.

Сиротин С.В. Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала // Крым в сарматскую эпоху. Вып. V. Мат-лы X Международн. научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 224–233.

Сиротин С.В. Дромосное погребение IV в. до н.э. из кургана 12 некрополя Переволочан I на Южном Урале // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 181–200.

Сиротин С.В., Богачук Д.С., Окороков К.С. Курганная группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 334–339.

Сиротин С.В., Маслов В.Е., Богачук Д.С. Аристократия кочевников Южного Урала. Филипповские курганы // Природа. 2019. № 1. С. 50–56.

Сиротин С.В., Богачук Д.С., Окороков К.С. Филипповские параллели в погребальном обряде больших курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья. Материалы Круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения» / Отв. ред. С.В. Сиротин. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 203–217.

Сиротин С.В., Богачук Д.С., Окороков К.С. Позднесарматские комплексы курганной группы «Высокая Могила» на Южном Урале // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья. Материалы

Круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения» / Отв. ред. С.В. Сиротин. М.: МАКС Пресс, 2020а. С. 218–225.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 376 с.

Смирнов К.Ф. О мечях синдо-меотского типа // КСИА. Вып. 162. / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1980. С. 38–44.

Эрлих В.Р. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Отв. ред. В.Р. Эрлих. М.: Государственный музей искусства народов Востока, 1991. С. 77–105.

Эрлих В.Р. Связи Прикубанья с Поволжьем и Приуральем во второй половине IV в. до н.э. (по материалам Тенгинских святилищ) // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая лит-ра, 2006. С. 60–62.

Эрлих В.Р. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 73–106.

Эрлих В.Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II IV в. до н.э. М.: Наука, 2011. 212 с.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

Информация об авторах:

Сиротин Сергей Викторович, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); sirovsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

Богачук Дарья Сергеевна, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); BogachukDS@iran.ru

Окорокон Константин Сергеевич, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); okorokov.arx@mail.ru

REFERENCES

Bolelov, S. B. 2012. In Treister M. Yu., Yablonsky, L. T. (eds.). *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V–III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid Culture in the Southern Ural Region (5th–3rd Centuries BC))* 1. Moscow: "Taus" Publ., 208–219 (in Russian).

Vasilyev, V. N. 2001. In Sergatskov, I. V. (ed.). *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes)* 1. Volgograd: Volgograd State University, 169–179 (in Russian).

Vasilyev, V. N. 2004. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 5, 153–172 (in Russian).

Vasilyev, V. N. 2006. In Obydenova, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time)*. Ufa: "Gilem" Publ., 58–62 (in Russian).

Vasilyev, V. N., Obydenova, G. T., Fedorov, V. K. 2019. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal (Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal)* 32 (4), 90–111 Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2019/articles/7_4_2019.html (accessed: 05.08.2022)

Treister M. Yu., Yablonsky, L. T. (eds.). 2012. *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V–III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid Culture in the Southern Ural Region (5th–3rd Centuries BC))* 1. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Treister M. Yu., Yablonsky, L. T. (eds.). 2012. *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V–III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid Culture in the Southern Ural Region (5th–3rd Centuries BC))* 2. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Gulyaev, V. I., Savchenko, E. I. 2004. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy (b. Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don (Former Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 35–52 (in Russian).

Gutsalov, S. Yu. 2004. *Drevnie kochevniki Iuzhnogo Priural'ia VII–I vv. do n.e. (Ancient Nomads of Southern Cis-Urals: 7th – 1st Centuries BC)*. Ural'sk: Center for History and Archaeology of Western Kazakhstan (in Russian).

Gutsalov, S. Yu., 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 51–66 (in Russian)

Zdanovich, G. B., Khabdulina, M. K. 1986. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyskского mezhdurech'ia (Early Iron Age and Middle Ages in the Ural–Irtys Interfluve)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 45–65. (in Russian).

Kantorovich, A. R., Yablonsky, L. T. 2009. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* (10), 73–99 (in Russian).

Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ia v IV-III vv. do n.e. (The Sarmatians of the Lower Volga Region in the 4th-3rd Centuries BC)*. Volgograd: Volgograd State University Publ. (in Russian).

Maslov, V. E., 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 133–154 (in Russian).

Meshcheryakov, D. V., Yablonsky, L. T. 2007. In Kozenkova, V. I., Malashev, V. Yu. (eds.). *Severnnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sbornik pamyati M.P. Abramovoy (The North Caucasus and the world of nomads in the Early Iron Age: a collection in memory of M.P. Abramova)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; “Taus” Publ., 357–368 (in Russian).

Mogilov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoï Evropi (Inventory of a Horse from the Scythian Period in the Forest-Steppe Area of Eastern Europe)*. Kiev; Kamianets-Podilskiy: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Myshkin, V. N. 2019. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* (18), 57–73 (in Russian).

Prokopenko, Yu. A., 2014. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoj kul'tury Central'nogo Predkavkaz'ya vo vtoroj polovine I tys. do n.e. (Scythians, Sarmatians and tribes of the Koban culture of the Central Pre-Caucasus in the second half of the I millennium BC)*. 1. Stavropol: North-Caucasus Federal University (in Russian).

Prokopenko, Yu. A., 2014. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoj kul'tury Central'nogo Predkavkaz'ya vo vtoroj polovine I tys. do n.e. (Scythians, Sarmatians and tribes of the Koban culture of the Central Pre-Caucasus in the second half of the I millennium BC)*. 2. Stavropol: North-Caucasus Federal University (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 2012. *Filippovka: nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of Nomadic Nobility of the 4th c. BC in the Southern Urals)*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the RAS Publ. (in Russian).

Savelyev, N. S. 2007. In Gorbunov, V. S. (ed.) *Formirovanie i vzaimodeystvie ural'skikh narodov v izmenyayushchey etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K.V. Sal'nikova (1900–1966). Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii (20–22 aprelya 2007 g., g. Ufa) (Formation and Interaction of the Ural Peoples in the changing ethno-cultural environment of Eurasia: problems of study and historiography. Readings in memory of K.V. Salnikov (1900-1966). Materials of the International conference (April 20–22, 2007, Ufa)*. Ufa: “Kitap” Publ, 330–339 (in Russian).

Savelev, N. S. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 31–52 (in Russian).

Savchenko, E. I. 2009. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg. (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2004–2008)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 221–326 (in Russian).

Sirotnin, S. V. 2015. In Tairov A.D. (ed.) *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in the Southern Urals)*. Cheliabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local History, 247–256 (in Russian).

Sirotnin, S. V. 2019. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC –400 AD))* 5. Simferopol: “Firma “Salta” LTD” Publ., 234–243 (in Russian).

Sirotnin, S. V. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (258), 181–200 (in Russian).

Sirotnin, S. V., Bogachuk, D. S., Okorokov, K. S. 2018. In Engovatova, A. V. (ed.). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 (Towns, ancient villages, burial grounds. Excavations of 2017)*. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy (Proceedings of Rescue Archaeological Studies) 25. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 334–339 (in Russian).

Sirotnin, S. V., Maslov, V. E., Bogachuk, D. S., 2019. In *Priroda (Nature)* (1), 50–56 (in Russian).

Sirotnin, S. V., Bogachuk, D. S., Okorokov, K. S., 2020. In Sirotnin, S. V. (ed.) *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya. Materialy Kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya» (Early nomads of the Southern Urals and the Lower Volga*

regions. *Materials of the round-table discussion "Archaeology of the early nomads of the Eurasian steppe: key problems and prospects for their solution"*). Moscow: "MAKS Press" Publ., 203–217 (in Russian).

Sirotin, S. V., Bogachuk, D. S., Okorokov, K. S., 2020a. In Sirotin, S. V. (ed.) *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya. Materialy Kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya» (Early nomads of the Southern Urals and the Lower Volga regions. Materials of the round-table discussion "Archaeology of the early nomads of the Eurasian steppe: key problems and prospects for their solution")*. Moscow: "MAKS Press" Publ., 218–225.

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Sauromatians)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (The Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smirnov, K. F. 1980. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (162). Moscow: "Nauka" Publ., 38–44 (in Russian).

Erlich, V. R. 1991. In Erlich, V. R. (ed.) *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ya (Antiquities of the North Caucasus and the Black Sea regions)*. Moscow: State Museum of Art of the Peoples of the East, 77–105 (in Russian).

Ehrlich, V. R. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktной Evro-Aziatskoy zone (The city and the steppe in contact Eurasian space)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 60–62 (in Russian).

Ehrlich, V. R. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology)* 13. Moscow: "Taus" Publ., 73–106 (in Russian).

Ehrlich, V. R. 2011. *Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II IV v. do n.e. (Sanctuaries of the necropolis of the Tenginsky settlement II of the IV century BC)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdey. Elitnyy nekropol' Filippovka I (po materialam raskopok 2004–2009 gg.). (The gold of the Sarmatian chiefs. Necropolis of nobility Filippovka I (based on the materials of excavations in 2004-2009).)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Sirotin Sergei V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

Bogarchuk Dar'ya S. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; BogachukDS@iaran.ru

Okorokv Konstantin S. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; okorokov.arx@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

ДЕРЕВЯННЫЕ НОЖНЫ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ ОБКЛАДКАМИ ИЗ БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

©2022 г. Ю.А. Подосёнова, А.В. Данич, Н.Б. Крыласова, О.Ю. Каменщиков, П.А. Иванов, М.П. Красновских, И.Г. Мокрушин

Баяновский могильник, датируемый IX – первой половиной X вв., является одним из интереснейших средневековых памятников Пермского Предуралья. В настоящий момент это наиболее изученный погребальный памятник ломоватовской археологической культуры (исследовано 527 погребений). Публикация посвящена результатам изучения обнаруженных при раскопках памятника деревянных ножен с металлическими обкладками. На основе сбора, визуального анализа источников и их изучения с помощью разных естественно-научных методов даётся подробное представление о конструкции изделий, особенностях их изготовления и техниках декорирования. Авторами выяснено, что для изготовления основы ножен основным материалом выступала береза. Также использовались береста, кожа и текстиль. Для изготовления металлических обкладок ножен использовались тонкие листы из чистой меди или листы из сплава с повышенным содержанием серебра. Декорирование изделий производилось с помощью разных ювелирных техник. Наиболее часто изделия декорировали с помощью штампованной проволоки с зерновым эффектом, треугольниками из зерни, инкрустацией или оттиснутыми орнитоморфными и антропоморфными изображениями. Нередко использовалась и позолота, нанесенная с помощью амальгамирования.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, ножны, зернофилигранный декор, тиснение, позолота, рентгенофлуоресцентный анализ, сканирующая электронная микроскопия, термический анализ, древесина

WOODEN SCABBARD WITH METAL PLATES OF BAYANOV BURIAL GROUND OF THE LOMOVATKA CULTURE ARCHAEOLOGICAL CULTURE: RESULTS OF CHEMICAL AND TECHNOLOGICAL STUDY²

Yu.A. Podosyonova, A.V. Danich, N.B. Krylasova, O.Y. Kamenchikov, P. A. Ivanov, M.P. Krasnovskikh, I.G. Mokrushin

The Bayanovo burial ground dating from the IX – first half of the X centuries is one of the most interesting medieval sites of Perm Cis-Urals. At the moment it is the most studied burial site of Lomovatovo archaeological culture (527 burials have been studied). The article deals with the results of the study of wooden scabbards with metal plates found during the excavation of the monument. Based on the collection, visual analysis of sources and their study with the help of different natural scientific methods, a detailed view of the design of items, the features of their manufacture and decoration techniques are given. The authors found out that birch was the main material for making the base of the scabbard. Birch, leather and textiles were also used. Thin sheets of pure copper or sheets of an alloy with a high silver content were used to make the metal plates of the scabbard. The decoration of the items was carried out with the help of various jewelry techniques. Often the artifacts were decorated with stamped wire with a grainy effect, triangles made of grains, incrustation or

¹ Основная часть исследования выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках проекта № 20-49-590001 «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности». Сбор источников выполнен в рамках государственного задания, номер регистрации темы АААА-А19-119032590066-2. Фотофиксация и отрисовка изделий производилась при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

² The main part of the research was carried out with the financial support of the RFBR and Perm Krai within the framework of project No. 20-49-590001 "Medieval jewelry heritage of Perm Krai: stylistic and chemical-technological features". The collection of sources was carried out within the framework of the state task, the registration number of the topic АААА19-119032590066-2. Photofixation and rendering of items was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of Perm Krai, Agreement No. C-26/1192 dated 19.12.2019.

squeezed ornithomorphic and anthropomorphic images. Gilding applied with the help of amalgamation was also used.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Perm Cis-Urals, scabbard, grain-filigree decor, embossing, gilding, X-ray fluorescence analysis, scanning electron microscopy, thermal analysis, wood

Деревянные ножны с металлическими обкладками принадлежат к числу достаточно распространенных находок, обнаруженных в материалах средневековых памятников Пермского Предуралья (ломоватовская археологическая культура). В 2021 году в рамках изучения средневекового ювелирного наследия Пермского края проводилось всестороннее исследование этой категории изделий. Первые результаты исследования позволили прийти к важным выводам об особенностях распространения и функционирования изделий. Было выявлено, что изделия местного изготовления и основной период их распространения – IX- первая половина X вв. Эти изделия являлись частью поясного набора и использовались исключительно в женских костюмных комплексах, возможно, как символический и декоративный элемент. Подобные по конструкции и/или похожие по декору изделия были распространены в материалах культур, имевших тесные контакты с населением ломоватовской археологической культуры – полемской культуры, культуры средневековых марийцев, раннебулгарских материалах. Возможно, на этих территориях существовали и свои центры изготовления подобных изделий (Подосёнова и др., 2022, С. 72-88).

Отдельный этап исследования был посвящен получению данных об элементном составе металлов и сплавов и органических материалах, использованных при изготовлении изделий, а также реконструкции техники их изготовления. Предлагаемая вниманию публикация посвящена полученным результатам по исследованию деревянных ножен в металлических обкладках из Баяновского могильника.

Баяновский могильник – один из самых исследованных погребальных памятников ломоватовской археологической культуры – расположен на территории Добрянского городского округа Пермского края, в 170 м к северо-западу от д. Бояново, на правом берегу р. Исток, пр. притока р. Вильвы, л. притока р. Косьвы, л. притока р. Камы, на гребне пологого холма. Памятник открыт в 1951 г. при разработке карьера, откуда брали грунт для насыпи строящейся железной дороги. В 1951, 1953 гг. В.А.Обориным изучено 17 погребений. С

2005 г. раскопки могильника возобновились, и по настоящее время ежегодно проводятся Камской археолого-этнографической экспедицией ПГГПУ (руководитель А.В. Данич). На настоящий момент в общей сложности исследовано 527 погребений. Преимущественно погребения совершены по обряду ингумации с положением вещей в порядке ношения при жизни. В настоящий момент времени памятник датируется IX – первой половиной X вв.

Из материалов памятника происходит 73 изделия¹. Большинство изделий дошло до нас в «плачевном» состоянии. Коррозия железа повлекла увеличение ножа, вся конструкция ножен расслоилась, а многие изделия распались еще до изъятия их из культурного слоя. Однако это обстоятельство дало редкую возможность изучить конструкцию изделий и выявить важные детали. Несмотря на то, что внешне практически каждое изделие индивидуально по оформлению, их основная конструкция одинакова.

Отдельное изделие включает железный нож, рукоять, футляр для лезвия ножа и подвес (рис. 1).

Тип ножей в большинстве изделий трудно восстановим, чаще всего их форма не читается из-за объемных наростов из продукции коррозии железа или «спекшихся» с коррозией железа кусков дерева. Судя по немногочисленным сохранившимся экземплярам, *ножи в ножнах принадлежали к типу универсальных*, имели длину 10–15 см и узкое лезвие шириной 1–1,5 см (рис.1: Д).

Сохранившиеся *ножны состоят из двух частей* – верхней (рукоять ножа) и нижней (собственно ножны, футляр для лезвия) (рис.1: А, Б). Они имеют длину от 23 до 43 см (с рукоятью), ширина их составляет 2–3, толщина 1–1,5 см.

Рукояти всадные, слегка уплощенной цилиндрической формы имеют длину от 2,5 до 5 см (за исключением двух экземпляров длиной 7–8 см). Их деревянная основа выполнялась двумя способами: с помощью склеивания двух деревянных планок полусферического сечения с вырезанными пазами для черешка ножа или с помощью «всаживания» в цельную деревянную основу черешка ножа.

Основа футляра ножен также слегка уплощенной цилиндрической формы, немного

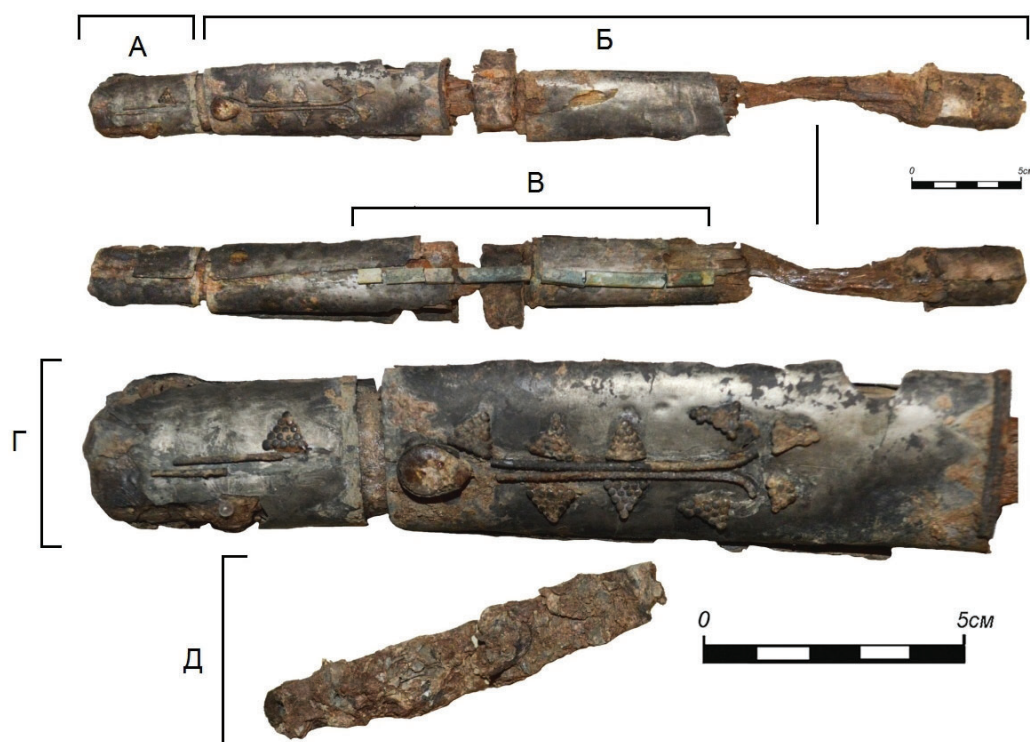

Рис. 1. Нож в ножнах с серебряными обкладками из погребения 512. Пример.
А – рукоять; Б – футляр для лезвия; В – фрагменты подвеса; Г – особенности декоративного оформления рукояти и футляра; Д – сохранившийся фрагмент железного ножа.

Fig. 1. Knife and scabbard. Burial 512. The sample.

A – handle; Б – sheath; В – device for wearing; Г – decoration; Д – iron knife.

Рис. 2. Фрагменты деревянных основ ножен со следами от проволоки или нити.
1 – погребение 345; 2 – погребение 365.

Fig. 2. Fragments of the wooden base of the scabbard with traces of wire or thread.
1 – burial 345; 2 – burial 365.

сужающейся к низу, сборная. Она складывалась из двух деревянных пластин полуовального сечения, где предварительно выбиралось ложе для лезвия ножа. Возможно, при сборке основы футляра деревянные пластины склеивались и стягивались друг с другом – на отдельных фрагментах из дерева зафиксированы следы в виде тонких насечек или бороздок, оставленные тонкой проволокой или жесткими нитями (рис. 2).

Основные *металлические элементы обкладки ножен* изготовлены из *медных* (рис.3) или *серебряных пластин* (рис.1, 4) толщиной 0,1–0,6 мм.

Предварительно они выкраивались и собиралась без пайки на деревянной основе будущего изделия. На тыльной стороне их края сводились внахлест. Пайка проводилась отдельно от деревянной основы ножен.

Рукояти чаще всего покрывались цельной пластиной. На нижний и верхний края рукояти нанизывались колечки-обоймы, дополнительно скреплявшие пластину и всю конструкцию.

Затильники у рукоятей редки и зафиксированы в трех экземплярах:
- в виде *бересты*, обернутой вокруг деревянной основы (рис. 5: 1);

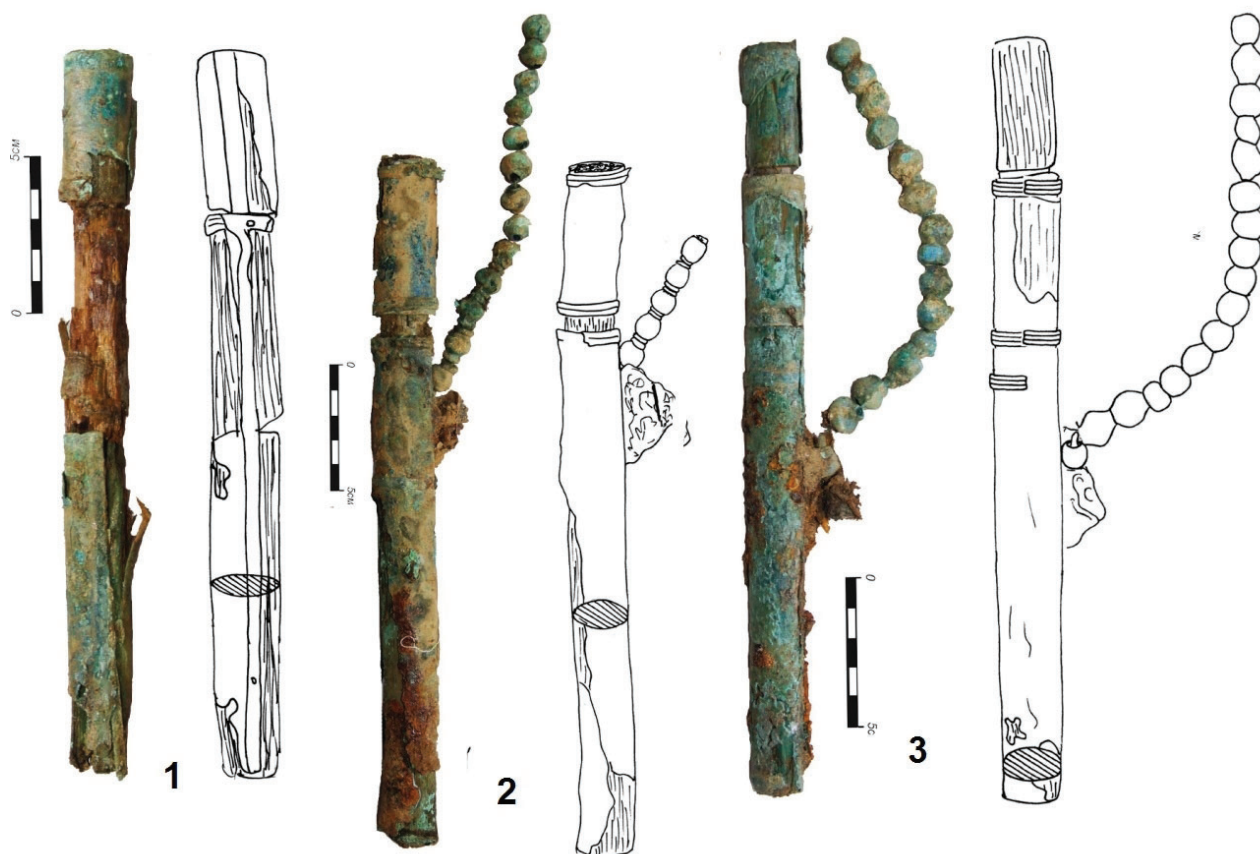

Рис. 3. Примеры ножен с медными обкладками. 1 – погребение 266; 2 – погребение 276; 3 – погребение 281.

Fig.3. Examples of scabbards with copper plates. 1 – burial 266; 2 – burial 276; 3 – burial 281.

- в виде *пластинки с припуском*, вырезанной из тонкого листа металла по форме сечения рукояти с небольшим припуском, наложенной на деревянный торец рукояти. Припуск отогнут и зажат металлической обкладкой рукояти (рис.4:1);

- в виде *надетого на рукоять ножа поло-го шара*, собранного из двух спаянных между собой тисненых полусфер (рис.4:6).

Обкладка металлическими пластинами деревянной основы *футляров* производилась по-разному. Цельная металлическая пластина могла покрывать большую часть футляра (например, рис. 3: 2) или на деревянной основе футляра размещались 2–3 отдельные пластины (рис. 1, 3: 1, 3; 4), расположенные на некотором расстоянии друг от друга, или цельные пластинчатые обкладки, покрывавшие нижнюю часть футляра, дополнялись кольцами-обоймами, нанизанными на верхнюю или среднюю часть изделия (например, рис. 6). Каждая отдельная пластина сгибалась, её края заводились внахлест и спаивались. После этого они надевались на деревянную основу и края дополнительно зажимались проволочными кольцами-обоймами.

Наконечник ножен зафиксирован только в одном экземпляре – он слегка изогнутой грушевидной формы, спаянный из двух половинок, тисненых из тонкого листа металла (рис. 7).

Подвес для ножен представлял собой узкий литой бронзовый или медный стержень прямоугольного сечения, завершающийся сверху полукруглым изгибом, образующим *петлю*, следом за которым конец прутка был раскован (рис. 1: В; 2: 6; 8). На сохранившихся подвесах часто фиксируются небольшие отверстия для шпеньков, идущие вдоль стержня и на раскованном конце прутка. Часто подвесы не сохраняются, но отверстия от них, следы зеленой окиси на серебряных обкладках позволяют восстановить их расположение (например, рис. 8).

Кольца-обоймы располагающиеся на пластинах и дополнительно фиксирующие их в основном представлены гладкими проволочками, штампованными проволочками с зерновым эффектом, узкими тонкими металлическими полосками с продольным профилем, простыми узкими металлическими полосками без декора или декорированными неболь-

Рис. 4. Примеры ножен с серебряными обкладками. 1 – погребение 374; 2 – погребение 392; 3 – погребение 400; 4 – погребение 401; 5 – погребение 404; 6 – погребение 358.

Fig. 4. Examples of scabbards with silver plates. 1 – burial 374; 2 – 392; 3 – 400; 4 – 401; 5 – 404; 6 – 358.

шими чередующимися сквозными отверстиями (рис. 5: 2)

Сборка изделия производилась после изготовления основных конструктивных частей ножен.

Деревянная основа дополнительно обтягивалась кожей - ее фрагменты фиксируются на многих ножнах под металлическими обкладками и/или между ними (рис. 5: 3а). Наряду с кожей использовалась береста и текстиль,

зафиксированные на отдельных экземплярах, между деревянной основой и металлическими обкладками (рис. 5: 3 б,в). Вероятнее всего кожа, береста и текстиль служили для лучшей подгонки конструктивных элементов – металлических обкладок и деревянной основы изделия. Кожа одновременно выполняла и эстетическую функцию: чередуясь с металлическими обкладками и различалась по цвету и фактуре она делила ножны на зоны.

Рис. 5. Детали: 1 – торец рукояти, обернутый берестой (погребение 392); 2 – кольца – обоймы на металлических пластинах ножен: а – в виде гладкой проволочки (погребение 328), б – в виде проволочки с зерневым эффектом (погребение 480); в – в виде полоски металла с продольным профилем (погребение 374); г – в виде полоски металла с рядом сквозных отверстий (погребение 517); 3 – фиксация кожи, бересты и текстиля между основной и металлическими пластинами: а – кожа (погребение 392), б – береста (погребение 406); в – текстиль (погребение 480); 4 – сквозные шпеньки в нижней части футляра ножен и их оформление: а – фрагмент шпенька (погребение 401); б – фрагменты декоративного элемента (погребение 404), в – шайба на месте шпенька (погребение 328).

Fig. 5. Details: 1 – the butt of the handle, wrapped with birch bark (burial 392); 2 – rings for additional fixation of plates: а – in the form of smooth wire (burial 328), б – in the form of filigree (burial 480); в – in the form of strip of metal with a longitudinal profile (burial 374); г – in the form of strip of metal with a number of holes (burial 517); 3 – fixation of the remnants of leather, birch bark and textiles between metal plates: а – leather (burial 392), б – birch bark (burial 406); в – textiles (burial 480); 4 – through pegs in the lower part of the sheath case and their design: а – fragment of a peg (burial 401), б – decorative piece (burial 404), в – rhombus in place of a peg (burial 328).

На полученную конструкцию надевались металлические части ножен – обкладки и кольца-обоймы, наконечник футляра и затыльник рукоятки (при наличии). Затем на тыльную сторону с помощью шпенок прикреплялся *подвес*. Его изгиб располагался у верхнего края футляра². В нижней части футляра он не доходил до конца. Подвес не только являлся деталью для подвешивания изделия, но и скреплял конструкцию, прикрывал места пайки и стыка внахлест металлических обкладок.

В нижней части ножны дополнительно скреплялась *сквозным шпеном* – у всех сохранившихся изделий фиксируются отверстия от них или их фрагменты. На отдельных изделиях отверстия шпенок окружены следами припоя, что свидетельствует о том, что шпеньки могли прикрываться отдельными припаянными декоративными элементами, которые не сохранились. В одном из экземпляров фрагмент небольшой декоративной бляшки прикрывает шпенок, в двух изделиях – на месте шпенка шайба ромбической формы (возможно подкладка под декоративный элемент) (рис. 5: 4). Необходимо отметить, что отверстия как в нижней части ножен, так и в подвесе правильной формы, имеют ровные края – их производили с помощью сверления.

В рамках изучения рассматриваемой категории изделий была проведена идентификация видов древесины, использованных при изготовлении внутренней основы ножен. Исследование выполнялось по специально разработанной для археологических образцов методике в Лаборатории термического анализа кафедры Неорганической химии, химической технологии и техносферной безопасности Пермского государственного научно-исследовательского университета под руководством И.Г.Мокрушина. Применяемая методика позволяет идентифицировать породу древесины низкой сохранности, одновременно подготавливая образец для рентгенофлуоресцентного анализа (РФЛА), позволяющего идентифицировать как органические, так и костные останки, а также устанавливать следы контакта образца с металлами. Всего для определения было отобрано 23 образца из ножен Баяновского могильника.

Для исследования каждый образец древесины подготавливался к карбонизации: острым скальпелем, вдоль волокон, вырезался квадрат со стороной 3-4 мм. Затем надрезами сверху и снизу перпендикулярно волокнам формировался куб со стороной 3-4 мм. Образцы карбонизировались в приборе синхронно-

го термического анализа (STA 449 F1 Jupiter, Netzsch Германия). Нагревание проводилось с предварительным вакуумированием в атмосфере особо чистого аргона (марка 5-0, расход 60 мл/мин) при температуре от 45 до 1000°C со скоростью 45°C/мин в корундовом (Al₂O₃) тигле с одновременной регистрацией потери массы. Карбонизированный образец разламывался посередине, перпендикулярно волокнам, для раскрытия поперечной грани и анализировался сканирующей электронной микроскопией, совмещенной с РФЛ анализатором (прибор Hitachi S3400N, Япония), где изучался с трёх сторон (поперечная грань, полученная разломом, и 2 прилегающих к ней грани) с увеличением 100-1500 крат (рис. 9).

Идентификация археологических образцов проводилась по предварительно подготовленным по данной методике эталонным образцам карбонизированной древесины известных пород. В результате проведенного исследования вид древесных растений 20 образцов был определен как береза. 3 образца были исключены из выборки на начальном этапе так как представляли костные фрагменты³ (Табл. 1).

Также было проведено исследование химического состава основных металлических конструктивных деталей ножен – обкладок. Анализ химического состава металла проводился в основном для серебряных обкладок ножен. Полуколичественные данные о химическом составе металла были получены двумя способами.

На первом этапе с целью получения предварительных данных и исследования предметов, хранящихся в фондах музеев, исследование было проведено с помощью рентгенофлуоресцентного анализа (с использованием портативного РФА-анализатора Bruker S1). Исследуемая выборка – 17 изделий. На одном конструктивном элементе изделия проводилось от 3 до 5 замеров. Полученные результаты усреднялись. Предварительная чистка мест замеров не проводилась.

Путем РФА в обкладках ножен зафиксировано высокое содержание серебра (от 86,70 до 94,20%), небольшое количество меди (от 3,00 до 6,41%), золота (от 0,63 до 1,40 %), свинца (от 0,47 до 1,56%), цинка (от 0,28 до 0,61%), незначительное содержание мышьяка и железа (до 1 %, что обусловлено загрязненностью образцов) (Табл. 2).

На втором этапе исследование химического состава металла проводилось с помощью метода сканирующей электронной микроскопии с приставкой для локального микро-

Таблица 1. Результаты исследования по идентификации видов древесных растений, использованных при изготовлении внутренней основы ножен

Table 1. Results of a study on the identification of woody plant species used in the manufacture of the scabbard base.

№	изделие	определение	№	изделие	определение
1	П.326	береза	11	П.327	береза
2	П.345	береза	12	П.353	береза
3	П.358	береза	13	П.359	береза
4	П.367	береза + кость	14	П.392	береза
5	П.406	береза + кость	15	П.416	береза
6	П.433	береза	16	П.435	береза
7	П.473	береза	17	П.475	береза с продуктами коррозии
8	П.495	береза	18	П.502	береза с продуктами коррозии
9	П.526	береза	19	П.480/1	береза
10	П.480/2	береза	20	П.365	береза

Таблица 2. Результаты исследования химического состава металла обкладок ножен с помощью рентгено-флюоресцентного анализа

Table 2. The results of the chemical composition research of the metal of the plates (X-ray fluorescence analysis)

№	Изделие	Cu	Pb	Zn	Au	Ag	Остальные	Примечание
1	Погр. 440	5,38	1,56	0,49	0,71	86,70	Fe	б/о, футляр
2	Погр. 364	4,05	0,99	0,61	1,31	89,70	Fe, As	б/о, рукоять, декор, позолота
3	Погр. 435	4,92	1,00	-	-	93,40	Fe, As	б/о, рукоять
4	Погр. 433	5,33	1,42	0,38	1,02	91,20	Fe, As	б/о, декор, позолота
5	Погр. 328	4,50	1,03	-	-	93,70	Fe, As	б/о, футляр
6	Погр. 502	4,38	0,92	0,51	0,89	92,30	Fe, As	б/о, футляр
7	Погр. 495	5,60	1,45	0,32	0,83	86,20	Fe, As	загрязнения, б/о, футляр
8	Погр. 492	6,14	1,36	-	-	92,30	Fe, As	б/о, футляр
9	Погр. 473	5,14	0,68	-	-	93,30	Fe, As	б/о, футляр
10	Погр. 401	2,61	1,54	-	-	95,10	Fe, As	б/о, футляр
11	Погр. 404	4,83	1,04	0,47	-	93,30	Fe, As	б/о, футляр
12	Погр. 400	4,14	1,06	-	-	94,20	Fe, As	б/о, футляр
13	Погр. 392	5,35	0,47	0,28	-	93,50	Fe, As	б/о, футляр
14	Погр. 333	9,43	1,42	-	-	79,0	Fe, As	загрязнения, б/о, футляр
15	Погр. 358	5,85	0,51	-	0,63	92,70	Fe, As	б/о, футляр
16	Погр. 425	5,10	1,34	-	1,40	90,90	Fe, As	б/о, футляр, позолота
17	Погр. 475	6,41	1,10	-	-	92,30	Fe, As	б/о, рукоять

рентгеноспектрального анализа (СЭМ РФЛА; с помощью сканирующего электронного микроскопа Hitachi S3400 с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа Bruker). Второй способ исследования был нацелен на получение более точных данных о составе металла. Всего для определения было отобрано 13 образцов. Образцы представляли собой небольшие кусочки металла (максимальный размер 5x10 мм). Под увеличительными приборами проводилась предварительная поверхностная механическая чистка отдельных образцов⁴ (Табл. 3).

С помощью СЭМ РФЛА в обкладках ножен зафиксировано высокое содержание серебра (от 87,94 до 96,10%) и небольшое количество

меди (от 1,51 до 10,07%) и свинца (от 0,32 до 5,18%). Также в отдельных изделиях зафиксировано золото (от 0,34 до 5,79 %).

В целом, был изучен химический состав металла обкладок 21 экземпляра ножен. Расхождение между данными, полученными разными способами с одних и тех же образцов, наблюдается по доле свинца, золота и цинка в отдельных образцах, что связано с особенностями проведения исследований. Выявленные при первом способе цинк, мышьяк и железо связаны с загрязненностью проб. Содержание золота более 1% в основном было выявлено при анализе проб и образцов с декорированных позолотой деталей изделий. Причины присутствия золота менее 1%, выявленные в

Таблица 3. Результаты исследования химического состава металлических фрагментов от ножен, полученные с помощью СЭМ РФЛА
 Table 3. Results of the study of the chemical composition of metal pieces (scanning electron microscopy with an attachment for X-ray fluorescence analysis)

№	Изделие	Cu	Pb	Au	Ag	Остальные	Примечание
1	Погр. 517	5,91	0,71	2,95	87,94	Si, Al, Mg	вкрапления позолоты, декор
2	Погр. 359	3,74	0,32	0,34	74,89	Fe, Si, Al, Mg, O	загрязнения, б/о, футляр
3	Погр. 473	2,01	2,60	5,49	89,91	-	б/о, декор
4	Погр. 433	5,84	2,66	-	91,50	-	м/о, рукоять, изн.сторона
5	Погр. 328	1,51	5,18	-	93,31	-	м/о, футляр
6	Погр. 404	5,78	0,72	-	93,50	-	м/о, рукоять
7	Погр. 400	2,07	0,92	-	96,10	-	м/о, футляр
8	Погр. 359	10,07	1,10	-	88,83	-	м/о, рукоять
9	Погр. 440	3,06	-	5,79	90,47	-	м/о, рукоять, декор
10	Погр. 358	1,86	0,50	-	97,60	-	м/о, футляр
11	Погр. 364	6,36	-	-	91,20	-	б/о, футляр, изнаночная
12	Погр. 435	5,48	0,50	-	94,02	-	м/о, рукоять
13	Погр. 374	3,03	1,90	-	95,07	-	б/о, футляр

Рис. 6. Ножны с кольцами-обоймами в средней части из погребения 517.
 Fig. 6. Scabbard with rings-clips from burial 517.

Рис. 7. Ножны с полым грушевидным наконечником из погребения 270.
 Fig. 7. Scabbard with a tip from burial 270.

Рис. 8. Ножны с сохранившимся подвесом из погребения 367.
Fig. 8. Scabbard with hanging element from burial 367.

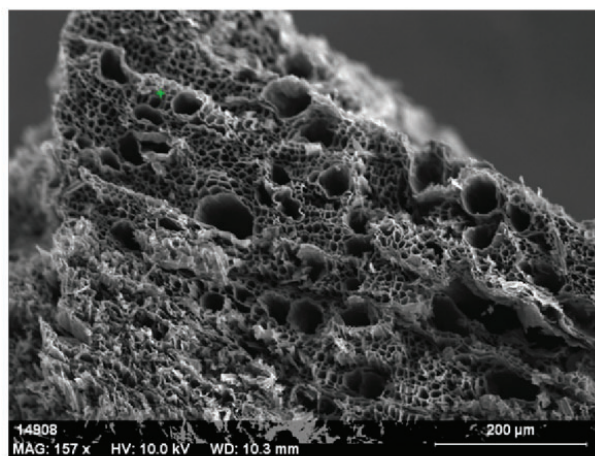

Рис. 9. Фото карбонизированных образцов дерева из ножен. Погребения 475 и 435.
Fig. 9. Photos of carbonized wood samples from the scabbards. Burials 475 and 435.

основном при первом, менее точном способе, неоднозначны и требуют более детального изучения. Тем не менее, результаты разных методов сопоставимы и показывают, что обкладки ножен производились из сплава с высоким содержанием серебра. Для их изготовления использовали серебро, разбавленное чистой медью или медью с добавкой свинца.

Обкладки ножен, выполненные из тонкого медного листа подверглись глубоким коррозионным процессам. В связи с этим было принято решение массово не исследовать их химический состав, так как результаты являлись бы серьезно искаженными. Был проведен только пробный анализ одного из фрагментов, который показал «чистую медь» с высокой долей загрязнения (методом СЭМ РФЛА) (рис. 10).

Отличие отдельных ножен заключается не только в разных способах наложения металлических обкладок, но и в особенностях их декорирования. Коллекция изделий с декором из памятника, выполненным с помощью разных ювелирных техник весомая – 30 экземпляров.

Однако, вероятнее всего, декорированных изделий было больше – на небольших металлических фрагментах, отпавших от пластин ножен, а также на пластинах ножен фиксируются следы припоя от утраченных декоративных элементов или фрагменты оттиснутого орнамента, контуры которого восстановить бывает невозможно⁵.

Большая группа изделий декорирована зернью и филигранью. Толщина металлических пластин в ножнах с таким декором – 0,4-0,6 мм. Преимущественно в основе зернофилигранной композиции лежит элемент в виде якоря (12 экз.)⁶. Его контур выполнен из филигранной проволоочки, а в верхней части (в петле якоря) – каст со вставкой (рис. 11 : 1-6, 8) или розетка (рис. 11: 7), выложенная из зерни. Контур «якорьков» также дополнительно декорирован треугольниками, выложенными из зерни. В отдельных экземплярах филигранной проволоочкой по бокам и треугольниками зерни вдоль неё выделена орнаментальная зона (рис. 11: 4-6, 8).

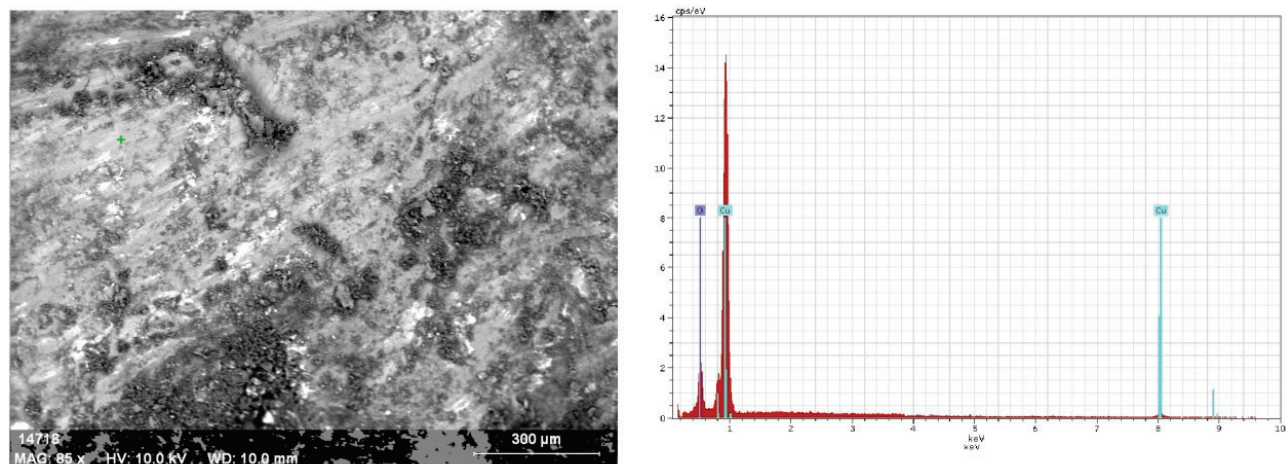

Рис. 10. Исследование химического состава металла медной обкладки ножен методом СЭМ РФЛА. Погребение 327.

Fig. 10. Research of the chemical composition of the metal of the copper sheath plate. Burial 327.

Зернь, использованная для декорирования ножен небольшого размера (от 1, 2 до 1, 6 мм) (рис. 11: 9 а-в), одинаковая по размеру, калиброванная. Отличие в размере наблюдается только при увеличении. Выделяется зернь правильной, сферической формы и зернь слегка уплощенная, в виде дисков (рис. 11: 9 б, в).

Во всех изделиях *филигрань* представлена в виде аккуратной штампованной проволоочки небольшого сечения (от 1 до 1,5 мм), имеющей регулярный зерновой эффект (рис. 11: 9 г, д).

Касты каплевидной формы выполнены из полоски, вырезанной из тонкого листа металла и напаянной под прямым углом по отношению к поверхности изделия. Вставка в касте крепилась с помощью небольшого заваливания его краев и, возможно, дополнительно подклеивалась (рис. 11: 11).

Вставки выполнены из янтаря, смолы и полупрозрачного поделочного камня⁷. Вставки из янтаря и смолы, имеют каплевидную форму с выпуклой поверхностью (рис. 11: 10 а, б). Единственная вставка из полупрозрачного поделочного камня имеет полусферическую форму (рис. 11: 10в). В касте вставка дополнительно закреплена не только заваливанием его краев, но и заполнением смолой пустого пространства в месте его сужения.

Из всех изделий, декорированных зернью, выделяется одно изделие. Широкая пластина в верхней части ножен, обрамлена сверху и снизу узкими серебряными полосками с чеканным орнаментом в виде ряда точек, вверху и внизу – два треугольника, обращенные вершинами друг к другу, выложенные из треугольников зерни, расположенных в

шахматном порядке. На нижней пластине ножен также когда-то был отдельный декоративный элемент (возможно в виде накладки) – здесь четко выделяется оконтуренная припоем площадка овальной формы (рис. 6).

Другая большая по численности группа изделий с серебряными обкладками декорирована *орнаментом, выполненным с помощью художественного тиснения* (18 экз.)⁸. Металлические пластины ножен, декорированных данным способом, разные по толщине – от 0,1 до 0,6 мм. На изделия нанесены *антропоморфные и орнитоморфные изображения* (рис. 4: 1, 4, 5; 12). В разном количестве изображения декорируют как металлические пластины рукоятей, так и пластины на футлярах ножен, но изображения не варьируются друг с другом (на одном изделии один определенный вид изображений).

Для изготовления изделий с антропоморфными изображениями использовались как минимум 3 разных штампа, для изготовления изделий с орнитоморфными изображениями – 2 штампа.

Также изделия декорировали и с помощью нанесения *позолоты*⁹. В зерно-филигранных изделиях золочением выделялся фон основного орнамента – «якорька», треугольников из зерни (рис. 4: 1, 2; 6). В изделиях с тисненными изображениями позолотой покрывались отдельные оттиски или определенные части изображений (например, рис. 12: 2, 11, 12).

С помощью метода СЭМ РФЛА целенаправленно был исследован химический состав фрагментов металла с слоем позолоты (рис. 13).

Рис. 11. Ножны с зерно-филигранным орнаментом. Особенности декора. Примеры. 1 – погребение 392; 2 – погребение 328; 3 – межмогильный материал; 4 – погребение 400; 5 – погребение 365; 6 – погребение 136; 7 – погребение 86; 8 – погребение 502; 9 – зернь и филигрань: а, г – погребение 359; б, д – погребение 328; в – погребение 512; 10 – касты со вставками: а – погребение 328; б, в – погребение 392; г – погребение 359; д – погребение 512; а, д – янтарь; б, г – смола; в – стекло.

Fig. 11. Decorative elements on the scabbard with filigree beads decor. Examples. 1 – burial 392; 2 – burial 328; 3 – material found between graves (burials?); 4 – burial 400; 5 – burial 365; 6 – burial 136; 7 – burial 86; 8 – burial 502; 9 – grain and filigree: а, г – burial 359; б, д – burial 328; в – burial 512; 10 – casts with inserts: а – burial 328; б, в – burial 392; г – burial 359; д – burial 512; а, д – amber; б, г – resin; в – glass.

Рис. 12. Тисненый антропоморфный, орнитоморфный и чеканный орнамент на ножнах: 1 – погребение 492; 2 – погребение 124; 3 – погребение 127; 4 – погребение 106; 5 – погребение 404; 6 – погребение 62; 7 – погребение 92; 8 – погребение 480; 9 – погребение 440; 10 – погребение 401; 11 – погребение 374; 12 – погребение 99.

Fig. 12. Embossed anthropomorphic, ornitomorphic and chased ornament. 1 – burial 492; 2 – burial 124; 3 – burial 127; 4 – burial 106; 5 – burial 404; 6 – burial 62; 7 – burial 92; 8 – burial 480; 9 – burial 440; 10 – burial 401; 11 – burial 374; 12 – burial 99.

Всего было отобрано 5 образцов. Образцы исследовались с двух сторон – изнаночной и лицевой. При анализе лицевых сторон 4 образцов в разных точках зафиксировано высокое содержание золота (от 73,15 до 94,1%) и ртути (от 5,18% до 12,76%) (Табл. 4). При анализе изнаночной стороны зафиксировано отсутствие данных элементов, полученные данные показали основной состав металлической основы. Наличие значительного количества ртути свидетельствует о нанесении позолоты способом *амальгамирования* (нанесение

на поверхность металла раствора золота с ртутью с последующим нагревом).

В единственном экземпляре представлены ножны, металлические пластины которых декорированы *чеканным орнаментом в виде полугорошин* по краям пластины в верхней части футляра (рис. 12: 14).

Суммируя полученные результаты исследования, возможно кратко выделить основные характерные особенности ножен с металлическими обкладками из Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры:

Таблица 4. Результаты исследования химического состава металла фрагментов от ножен с наличием позолоты, полученные с помощью СЭМ РФЛА

Table 4. Results of the research of the chemical composition of gilding (scanning electron microscopy data with an attachment for X-ray fluorescence analysis)

№	Изделие	Cu	Pb	Zn	Au	Ag	Hg	Остальные	Примечание
1	Погр. 517	0,67	-	-	73,15	16,83	6,58	O	без очищения
2	Погр. 425	3,06	0,04	-	64,34	12,15	12,76	Mg, O	без очищения
3	Погр. 400	0,44	-	-	94,1	-	5,18	O	без очищения
4	Погр. 374	0,48	-	-	41,4	37,2	11,5	Fe, Si, Al, Mg, O	без очищения

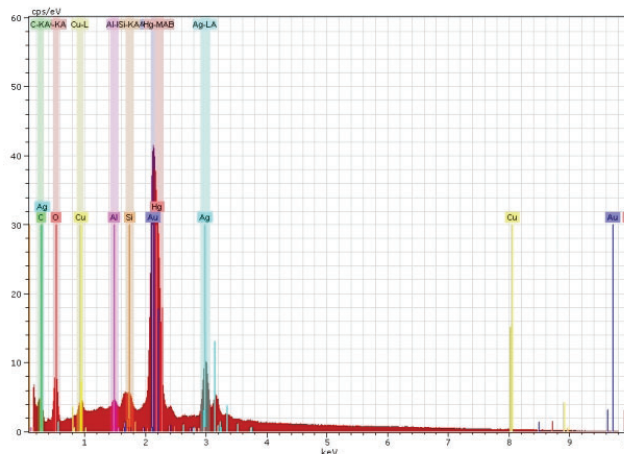
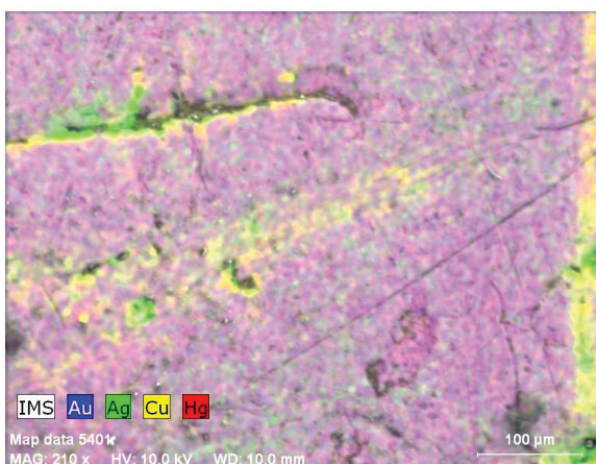

Рис. 13. Исследование химического состава металла с позолотой методом СЭМ РФЛА. Погребение 517.

Fig. 13. Research of the chemical composition of the metal with gilt. Burial 517.

- изделия сложной конструкции и сборки и состоят в основном из ножа рукояти, футляра и подвеса;

- деревянная основа футляра и рукояти выполнена из березы, в качестве дополнительных органических материалов используется кожа, береста, текстиль;

- при изготовлении основ изделий применены кройка, пайка, ковка, литье (подвес), сверление, подгонка;

- для изготовления металлических обкладок ножен используются медь или сплав с высоким содержанием серебра;

- при декорировании изделий применяются техники: зерни, филиграни (в виде штампованной проволоочки с зерновым эффектом),

золочения (с помощью амальгамирования), художественного тиснения, чеканки (окантовка краев изделия в виде полугорошин), инкрустации (в основном - янтарь, смола);

- основные орнаменты, декорирующие ножны: антропоморфные и орнитоморфные изображения, якорьковидный орнамент.

Выделенные характеристики кардинально не отличаются от химико-технологических характеристик других категорий ювелирных изделий массово распространенных и изготавливавшихся на территории Пермского Предуралья в период IX- первой половины X вв. (Подосёнова, Данич, 2019, с. 75-78; Подосёнова, 2018, с. 132,134,135; Подосёнова, 2020, с. 153-161).

Примечания:

¹ Подробная систематизация изделий с отрисовками и отдельными фото представлена в публикации: Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б., Данич А.В. «Деревянные ножны с металлическими обкладками в средневековом Пермском Предуралье» (Подосёнова и др., 2022, в печати)

² Исключение составляют ножны из погребений 328, 367, 406 Баяновского могильника, где подвесом были соединены рукоять и футляр

³ Вероятнее всего, попадание костных фрагментов связано с ошибкой при отборе образцов. Важно отметить, что образцы не вырезались из больших цельных кусков деревянных основ ножен, которые возможно будут использованы в дальнейшем при реставрации изделий.

⁴ Важно отметить, что в качестве образцов использовались металлические фрагменты, отпавшие от обкладок ножен в процессе залегания изделий в культурном слое погребений или в процессе изъятия ножен из культурного

слоя погребения

⁵ К таким изделиям можно отнести ножны из погребений 231, 475, 476, 195.

⁶ Погребения: 86, 136, 328, 365, 392, 400, 404, 440, 433, 502, 512. Межмогильное про-во – 2 экз.

⁷ Янтарь – погребения 365, 328, 136 (2 экз.), м/м, 502, 512; смола – погребение 392,400; стекло/поделочный камень: погребение 392.

⁸ Погребения: 62, 80, 92, 106, 124, 127, 374, 401, 404, 425, 440, 473, 480/1, 480/2, 492, 495, 491, м/м.

⁹ Изделия с позолотой орнамента, выявленной визуально и с помощью исследования химического состава металла, происходят из погребений 364; 374,425, 517, 433, 473, 400, 440, 328 (?)

ЛИТЕРАТУРА

Подосёнова Ю.А. «Древнененгерские» изделия из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // III Международный мадьярский симпозиум. (Будапешт, 6–10 июня 2016 г.) 3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti És Régészeti Konferencia (Budapest, 2016. június 6–10) / Ред. Türk Attila, А. С. Зеленков. Будапешт: Martin Opitz Kiadó PPKE BTK, Régészettudományi Intézet, MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsoport, 2018. С. 121–136.

Подосёнова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: Пггпу, ПФИЦ УрО РАН, 2021. 210 с.

Подосёнова Ю.А., Данич А.В. Височные украшения Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 61–78.

Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б., Данич А.В. Деревянные ножны с металлическими обкладками в средневековом Пермском Предуралье // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 72–88.

Информация об авторах:

Подосёнова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь, Россия); podosenka@yandex.ru

Данич Андрей Васильевич, ведущий специалист лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); adanich@yandex.ru

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук; профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

Каменщиков Олег Юрьевич, заведующий лабораторией, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); koy@chemanalysis.ru

Мокрушин Иван Геннадьевич, кандидат химических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); mig@psu.ru

Красновских Мария Павловна, заведующая лабораторией, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); krasnovskih@yandex.ru

Иванов Петр Алексеевич, студент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); zukk33@gmail.com

REFERENCES

Podosyonova, Yu. A. 2018. In Türk, Attila, Zelenkov, A. S. (eds.) *III Mezhdunarodnyy mad'yarskiy simpozium (Budapest, 6–10 iyunya 2016 g.) (III International Magyar Simposium. (Budapest, 2016, June, 6–10). Budapest: Martin Opitz Kiadó PPKE BTK, Régészettudományi Intézet, MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsoport, 121–136 (in Russian)*

Podosyonova, Yu. A. 2021. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Podosyonova, Yu. A., Danich, A. V. 2019. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 61–78 (in Russian).

Podosyonova, Yu. A., Krylasova, N. B., Danich, A. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2), 72–88 (in Russian).

About the Authors:

Podosenova Yulia A., Candidate of Historical Sciences, Perm scientific center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; podosenka@yandex.ru

Danich Andrei V. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation adanich@yandex.ru

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; Associate Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Kamenshchikov Oleg Yu. Head of the Laboratory, Perm State University. Bukirev Str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; koy@chemanalysis.ru

Mokrushin Ivan G. Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Perm State University. Bukirev Str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; mig@psu.ru

Krasnovskikh Marina P. Candidate of Engineering Sciences, Head of the Laboratory, Perm State University. Bukirev Str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; krasnovskih@yandex.ru

Ivanov Petr A. Perm State University. Bukirev Str., 15, 614990, Russian Federation; zukk33@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 343.5

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.298.304>

ОТГРАНИЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ОТ КЛАДА, НАХОДКИ

© 2022 г. И.А. Халиков

В статье на основании проведенного обобщения внесенных в законодательство об охране памятников истории и культуры изменений в части правового регулирования возможности владения и распоряжения предметами, имеющими особую историческую, культурную и (или) научную ценность, сделан вывод о наличии отдельных проблем, связанных с их практическим применением. Так, в ходе обращения к положениям Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной), нормам зарубежного и отечественного позитивного права, обобщены условия отнесения обнаруженных в ходе раскопок предметов к числу археологических, перехода права собственности на них, а также условия правомерного поведения лица, непреднамеренно обнаружившего в ходе осуществления хозяйственной деятельности предмет, имеющий признаки археологического. Кроме этого, на основании изучения правоприменительной практики, в частности, вынесенных судебных решений, учета позиции лиц, занятых незаконным созданием и пополнением коллекций археологических предметов, определены критерии дифференциации схожих дефиниций, таких как «археологический предмет», «клад», «находка». Автором высказано мнение о наличии определенных трудностей, обусловленных необходимостью включения в негосударственную часть Музейного фонда РФ предметов, обнаруженных до 1 сентября 2016 г., а также пути их практического преодоления.

Ключевые слова: незаконная археология, археологический предмет, культурный слой, клад, находка.

SEPARATION OF ARCHAEOLOGICAL ITEMS FROM THE TREASURE, FIND

I.A. Khalikov

The author of the article has made generalization of the changes of the legislation on the protection of historical and cultural monuments in terms of the legal regulation of the possibility of owning and disposing of objects of special historical, cultural and (or) scientific value. It is concluded that there are some problems associated with their practical application. Thus, during the appeal to the provisions of the European convention on the protection of archaeological heritage (revised), the norms of foreign and domestic positive law, the conditions for classifying objects discovered during excavations as archaeological, the transfer of ownership of them, as well as the conditions of lawful behavior of a person who inadvertently discovered an object with signs of archaeological during the course of economic activity. In addition, the criteria for differentiation of similar definitions, such as «archaeological object», «treasure», «find», are determined based on the study of law enforcement practice, in particular, court decisions, taking into account the position of persons engaged in the illegal creation and replenishment of collections of archaeological objects. The opinion is expressed by the author that there are certain difficulties caused by the need to include objects discovered before September 1, 2016 in the non-state part of the Museum Fund of the Russian Federation as well as ways to overcome them in practice

Keywords: illegal archaeology, archaeological item, cultural layer, treasure, finding.

Предмет, извлеченный из культурного слоя археологического памятника, в силу закона находится под защитой государства. Он не может быть свободно отчужден, а его легальный оборот существенно ограничен. Российской Федерации *может принадлежать право собственности* на все предметы, обнаруживаемые на ее территории, а также в ее территориальных водах в случае установления их особой научной и (или) культурной, а также исторической ценности. Предложенная вари-

ативность связана с необходимостью отграничения археологических предметов от клада и находки, обладающих особыми условиями, определяющими правомерность их владения и распоряжения. Это важно для выявления и привлечения к уголовной и административной ответственности лиц, занятых незаконным поиском и изъятием археологических предметов из мест их залегания.

Необходимо отметить, что одной из наиболее распространенных причин совершения

преступлений и административных правонарушений в отношении предметов археологического наследия является отсутствие должного противодействия со стороны представителей органов государственной власти развитию «теневого» рынка археологических древностей, а также объектов, имеющих историческую, научную, художественную или культурную ценность. С приведенным суждением согласны 84% опрошенных респондентов из числа профессиональных археологов, а также представителей территориальных органов охраны объектов культурного наследия России. Преимущественно на электронных площадках, как на территории нашей страны, так и за ее пределами, реализуется не подверженная внешнему контролю значительная часть археологического наследия, легальное научное изучение которого смогло бы стимулировать новые научные открытия. Но этого не произойдет, поскольку предметы выведены из легального оборота, который предусматривает необходимость их включения в негосударственную часть Музейного фонда РФ, а также утрачена их гносеологическая связь с местом их обнаружения – культурным слоем памятника археологии.

Дополнение законодательства об охране объектов культурного наследия новыми предписаниями лишь частично реализует волю государства. По мнению Е.В. Кобзевой, полноценное воплощение их в жизнь возможно только при организации противодействия незаконному обороту археологических предметов (их поиску, изъятию, коллекционированию, реализации и т. п.), что в свою очередь воплощается путем разработки рекомендаций, направленных на раскрытие содержания нововведений, в том числе в части отграничения преступлений от гражданско-правовых отношений (Кобзева, 2014, с. 117–121). Вместе с тем подобного рода предписания либо отсутствуют, либо воспринимаются злоумышленниками как необязательные для исполнения. В этой связи следует обратиться к правовым основам формирования существующей в Российской Федерации системы охраны археологического наследия.

Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) от 16 января 1992 г. (ETS № 143) признала археологический предмет одним из важных источников информации, а также обязала государства, присоединившиеся к ней, внести изменения в национальное законодательство в части принятия мер по пресечению проти-

воправных действий в отношении элементов археологического наследия. В соответствии с п. «iii» ст. 2 международного документа археологические предметы подлежат передаче государству, даже если они были обнаружены, найдены каким-либо лицом случайно, непреднамеренно¹.

В связи с этим в Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ) были внесены изменения. Так, в ч. 3 ст. 49 было императивно подчеркнуто, что «обнаруживаемые в месте залегания предметы не могут рассматриваться нашедшим их лицом в качестве *находки* либо *клада*, поскольку их владельцем является государство». Определенная ограниченность правового предписания требует разъяснения его содержания. Это возможно через обращение к зарубежному правоприменительному опыту.

Так, в законодательстве большинства европейских стран установлено исключительное право государства на обнаруживаемые на его территории археологические предметы. При этом одни страны связывают возможность его реализации с *индивидуальными ценностными характеристиками движимых элементов археологического наследия* (Норвегия, Греция), другие относят к ним *все предметы, представляющие государственный, общественный интерес* (Италия, Франция).

К примеру, в соответствии с §12 Закона № 50 от 9 июня 1978 г. «О культурном наследии» Королевства Норвегия в случае, когда невозможно установить кому принадлежит право собственности или отыскать владельца, объекты (предметы), обнаруженные случайно, благодаря научному открытию, археологическим раскопкам или любым иным путем, признаются собственностью государства, если отвечают следующим ценностным характеристикам: а) созданы до 1537 г. (оружие, орудия труда, культовые предметы, камни, куски, дерева или объекты из других материалов...); б) являются монетами чеканки до 1650 г.; в) являются объектами (предметами) саамской культуры старше ста лет. Кроме этого, в тексте Закона указано, что при наличии особых оснований археологический объект (предмет) может быть признан собственностью государства независимо от возраста его создания. Особым основанием являются культурная, научная и историческая

ценность объекта (предмета) (Зарубежное законодательство..., 1999, с. 36–37).

В ст. 91 Кодекса культурного наследия и ландшафта Итальянской Республики (введен в действие законодательным Декретом от 22 января 2004 г. № 42) указано: «вещи, представляющие художественный, исторический, археологический или этно-антропологический интерес, вне зависимости от того, кем, когда и каким образом они найдены в земле или на морском дне, принадлежат государству. Все сделки по их приобретению являются не действительными» (Codice dei beni culturali..., п. 137). Законодательство Итальянской Республики не проводит *исходную дифференциацию обнаруживаемых предметов*. Схожее отношение к извлекаемым из земли артефактам выражено и в отечественном законодательстве.

Так, в соответствии со ст. 50 Федерального закона № 73-ФЗ правом собственности на объекты археологического наследия (движимые и недвижимые) обладает Российская Федерация. В иной собственности могут находиться археологические предметы, приобретенные субъектами гражданских правоотношений до принятия Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» (далее – Федеральный закон № 245-ФЗ)². Однако гражданский оборот подобных предметов существенно ограничен. Положение закона требует дополнительного обсуждения. Так, археологические предметы признаны неотчуждаемыми по инициативе лица, которому они принадлежат. В качестве исключения в ч. 2 ст. 218 ГК РФ предусмотрена возможность их передачи государству либо замена собственника в порядке универсального правопреемства. Это не ограничивает владельца археологических предметов в праве владения и пользования ими при условии, что отдельные артефакты либо их коллекции созданы (приобретены) до вступления в силу положений Федерального закона № 245-ФЗ. В данном случае собственникам разрешено свободное экспонирование археологических предметов, а также предусмотрена возможность проведения их исследования и реставрации без получения специального разрешения.

В соответствии с приказом Министерства культуры РФ от 27 ноября 2015 г. № 2677 утвержден «Порядок передачи государству

археологических предметов, обнаруженных физическими и (или) юридическими лицами в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в ст. 30 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», работ по использованию лесов и иных работ»³. Документ императивно обязывает передавать государству все археологические артефакты, обнаруженные физическим или юридическим лицом в ходе проведения указанных в тексте работ, для включения их в состав государственной части Музейного фонда РФ. В случае обнаружения предметов, обладающих признаками археологических, проводившее работы лицо должно незамедлительно их приостановить и письменно уведомить о находке региональный орган охраны объектов культурного наследия. Изъятие предметов производится в соответствии с требованиями ст.ст. 36, 45.1 Федерального закона № 73-ФЗ *и только в ходе проведения археологических полевых работ на основании выданного разрешения (открытого листа)*. В случае если исполнителем археологических полевых работ извлеченный из земли предмет будет признан не имеющим историко-культурной ценности, региональный орган охраны культурного наследия дает разрешение на продолжение проведения земляных или иных работ и возвращает предмет фактически нашедшему его лицу. Таким образом, Министерством культуры РФ определен порядок и процедура получения легальной возможности владения и пользования обнаруженным предметом. Нарушение приведенных условий в зависимости от наступления общественно-опасных последствий будет квалифицировано как административное правонарушение, предусмотренное ст. 7.15 КоАП РФ, либо как преступление, предусмотренное ст.ст. 243.2, 243.3 УК РФ. При этом критерием разграничения преступлений от правонарушений будет ценность сокрытого от государства предмета, а также установление факта повреждения (уничтожения) культурного слоя.

В правоприменительной практике суды, как правило, воздерживаются от установления времени приобретения и фактической принадлежности изъятых у подсудимых археологических предметов. Так, в соответствии с приговором Балаклавского районного суда г. Севастополя от 10 декабря 2019 г. №

1-194/2019 М.Н. и О.Ю. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а, в» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ. В ходе расследования совершенного в отношении археологического наследия преступления у осужденных были обнаружены и изъяты артефакты, представляющие особую культурную и историческую ценность. Исходя из их аксиологических характеристик, можно было сделать вывод, что они ранее были извлечены из культурного слоя памятника археологии, но поскольку предметы не имели отношения к инкриминируемому злоумышленникам преступлению, законность их нахождения у задержанных не была должным образом оценена в вынесенном решении. Суд в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ вернул их М.Н. и О.Ю. как законным владельцам. Возможность приобретения археологических предметов осужденными до принятия Федерального закона № 245-ФЗ, а также наличие сведений о них в негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации в приговоре не исследованы⁴.

О необходимости ограничения возможности свободной реализации археологических предметов высказался экс-директор Исторического музея, член президиума союза музеев России А.И. Шкурко (Шкурко, 2004, с. 31–32). По его мнению, купля-продажа частными лицами представляющих особую ценность предметов должна регулироваться нормами права, что и было сделано с приятием Федерального закона № 245-ФЗ. В соответствии с ч. 3 ст. 8 лицам, имеющим археологические предметы, в целях получения возможности реализации права собственности было предложено в срок до 1 сентября 2016 г. передать полные сведения о находящихся у них коллекциях, отдельных предметах в негосударственную часть Музейного фонда РФ. Это было сделано с целью получения контролирующими органами исчерпывающей информации о находящихся в частной собственности археологических предметах, а также исключения возможности последующего незаконного пополнения частных коллекций (Бердников, 2014, с. 94–109). Кроме того, с указанной датой законодатель связал начало действия ст. 243.3 УК РФ, предусматривающей возможность привлечения к уголовной ответственности граждан, уклонившихся от обязательной передачи в Музейный фонд Российской Федерации случайно либо целенаправленно обнаруженных археологических ценностей.

Таким образом, в настоящее время все юридически значимые действия с учтенными в негосударственном Музейном фонде РФ предметами проводятся только после регистрации их совершения. Собственник предметов и (или) созданных музейных коллекций в письменной форме должен известить федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативному регулированию в сфере культуры, о намерении реализовать принадлежащий ему археологический предмет, предоставив государству преимущественное право его выкупа⁵. Указанные требования не устроили большую часть владельцев частных коллекций археологических предметов, поскольку стали препятствием бесконтрольного их пополнения, в том числе за счет предметов, полученных в ходе проведения незаконных раскопок. Как следствие, негосударственная часть Музейного фонда РФ не приобрела форму «единого» реестра находящихся в частной собственности археологических предметов, через обращение к которому можно отследить законность их владения и распоряжения. Во многом это стало прецедентом для перманентного незаконного пополнения частных коллекций, таких как была создана в г. Тюмени П., у которого было обнаружено и изъято 1588 предметов, признанных археологическими (Просит признать его невиновным..., 72.ru).

Как правило, в целях преодоления созданных государством условий приобретения и владения предметами, представляющими особую научную и культурную ценность, лица, занимающиеся их незаконным поиском, неверно истолковывая содержание гражданско-правовых норм, относят археологические предметы к категории бесхозяйных вещей. Ссылаясь на содержание ч. 3 ст. 218 ГК РФ, они указывают на возможность приобретения права собственности на обнаруженные в ходе раскопок предметы без соблюдения приведенных в Федеральном законе № 245-ФЗ условий, что является незаконным. В соответствии с приведенной нормой гражданского законодательства это возможно в отношении вещей, от которых собственник отказался либо на которые он утратил предоставленное ему право. Сторонники незаконного археологического поиска утверждают, что вправе осуществлять поиск любых предметов, в том числе с использованием металлоискателей, за пределами территории объекта культурного

наследия, выявленного объекта культурного наследия, сведения о которых должны находиться в общедоступных базах данных. Так, подобной позиции на стадии предварительного расследования придерживался М., осужденный Отрадненским районным судом Краснодарского края за совершение преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ. Нахождение при нем археологических предметов М. объяснил правом свободного металлопоиска за пределами территории принятого на государственную охрану объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия⁶.

Разбирая позицию лиц, занятых незаконным поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания, следует отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 218 ГК РФ лицо может приобрести право собственности на имущество, которое не имеет собственника либо собственник которого не известен. Кроме этого, возможно приобретение права собственности на имущество, от которого собственник отказался или на которое он утратил право собственности по иным основаниям, предусмотренным законом. При этом предложенная законодателем правореализация возможна только при соблюдении специально предусмотренных процедур.

По мнению И.Г. Бублика, в гражданском праве существуют особенности правового режима некоторых объектов собственности, которые продиктованы наличием определенного публичного интереса в регулировании правоотношений, связанных с ними (вещи, изъятые из гражданского оборота; предметы, составляющие исключительную государственную собственность и т. п.), а также наличием публичного субъекта (государства либо муниципального образования). Следовательно, безусловное огосударствление ценностей должно проходить, когда обнаруженные в составе клада либо как находка вещи ввиду их особого значения для истории, искусства, науки и культуры в установленном законом порядке отнесены к культурным ценностям (Бублик, 2015, с. 96–98).

Исходя из содержания ст. 225 ГК РФ, бесхозяйными вещами, приобретение права на которые возможно при соблюдении условий, приведенных в ст.ст. 227, 228, 233 ГК РФ, являются клад, находка. Основное отличие клада от совокупности (комплекса) археологических предметов в том, что на момент обнаружения последнего отсутствуют фактические данные о намерении сокрыть его от

посторонних, а также исключить возможность его обнаружения кем-либо. Лица, которым принадлежали ранее археологические предметы, как правило, не преследовали подобной цели. Артефакты могли быть в прошлом утеряны (выброшены, иным образом утрачены) либо использовались для отправления религиозного культа, к примеру, в погребальных обрядах. Ценность археологического предмета в отличие от клада измеряется не в материальном эквиваленте, подобная оценка является вторичной, а в культурной и научной значимости, и его сокрытие является следствием естественного хода истории, развития природных и антропогенных процессов. Место нахождения археологического предмета в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ является культурным слоем либо конструктивной частью объекта археологического наследия. Процессу, квалифицируемому как преступление, предшествуют целенаправленные действия по изучению различного рода источников о месте незаконного поиска, а также о характеристиках искомым предметам. Таким образом, археологический предмет не является находкой, признаки и условия обнаружения которой приведены в ст. 228 ГК РФ. Об этом может свидетельствовать и тот факт, что обнаружение искомого злоумышленником артефакта не носит случайный, непреднамеренный характер. Законодательство Российской Федерации предусматривает специальные условия для передачи случайно найденных археологических предметов в собственность государства.

По справедливому замечанию А.А. Ковалева, археологические предметы не могут быть отнесены к числу бесхозяйных, так как они уже имеют собственника в лице государства и должны быть переданы ему без всяких условий, нормами ст. 233 ГК РФ их правовое положение не регулируется (Ковалев, 2015, с. 8–32).

В этой связи Федеральным законом № 245-ФЗ даны соответствующие разъяснения положениям ч. 2 ст. 233 ГК РФ. В частности, законодателем сделан вывод о том, что в отношении археологических предметов нет необходимости устанавливать их фактического владельца и они без дополнительных условий принадлежат государству, регулирующему порядок их хранения, реставрации и экспонирования.

Изложенное определяет правовой статус предметов, обнаруживаемых в ходе исследования культурного слоя известного (неизвестно-

го) науке памятника археологии и наделенных особыми аксиологическими характеристиками, представляющими возможность получения качественно иной информации, способной расширить границы познания отдельных исторических событий. При этом крайне важно, чтобы археологические предметы находились в собственности государства, способного силами научного сообщества организовать их верифицируемое изучение.

Примечания:

¹ Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS № 143) [рус., англ.] от 16 января 1992 г. // Бюллетень договоров. 2013. № 3. С. 41–54.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30 (Ч. I). Ст. 4078.

³ Порядок передачи государству археологических предметов, обнаруженных физическими и (или) юридическими лицами в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в ст. 30 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», работ по использованию лесов и иных работ: приказ Министерства культуры РФ от 27 ноября 2015 г. № 2677 / Сайт Министерства культуры РФ (URL: https://www.mkrf.ru/documents/o_poryadke_peredachi_gosudarstvu356082/) Дата обращения: 21.02.2022 г.).

⁴ Приговор Балаклавского районного суда г. Севастополя от 10 декабря 2019 г. № 1-194/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Правил приобретения или выкупа государством музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 9 июня 2017 г. № 692 // Собрание законодательства Российской Федерации. 26 июня 2017 г. № 26 (часть I), ст. 3838.

⁶ Приговор Отраденского районного суда Краснодарского края от 26 мая 2014 г. по уголовному делу № 1-35/2014 (URL: <http://sudact.ru/regular/doc/1qWtKNSIKpWU/>) Дата обращения: 05.07.2020).

ЛИТЕРАТУРА

Бердников Н.Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 10. С. 94–109.

Бублик И.Г. Юридическая ответственность за присвоение кладов, содержащих культурные ценности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-2. С. 96–98.

Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия. Информационный сборник / сост. Г.Ф. Онуфриенко, Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1999. С. 36–37.

Кобзева Е.В. Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания – новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2(85). С. 117–121.

Codice dei beni culturali e del paesaggio, ai sensi dell'articolo 10 della legge 6 luglio 2002, n. 137. URL: http://www.sardegnaambiente.it/documenti/19_4_20080215150630.pdf (дата обращения 21.02.2022).

Шкурко А.И. Актуальные вопросы сохранения культурного наследия // Сохранение археологического наследия России. «Круглый стол» Совета Федерации. М.: Изд. Совета Федерации, 2004. С. 31–32.

Просит признать его невиновным. Владелец тюменского музея Гай Першинг не смог обжаловать решение Ленинского районного суда // 72.ru - новости Тюмени. URL: <https://72.ru/text/gorod/2021/12/23> (дата обращения 21.02.2022)

Ковалев А.А. Применение понятий «археологический предмет» и «культурный слой» в правоохранительной деятельности // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы. науч.-практ. конф. Противодействие незаконной деятельности в области археологии (г. Москва, 9-10 декабря 2013 г.) / Отв. ред. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2015. С. 8–32.

Информация об авторе:

Халиков Искандер Альфредович, кандидат юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Казани, Россия); iskanderh@mail.ru

REFERENCES

Berdnikov, N. E. 2014 In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 10, 94–109 (in Russian).

Bublik, I. G. 2015. In *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami (Actual problems of combating crimes and other offenses)* (15-2), 96–98 (in Russian).

Onufrienko, G. F., Vedenin Yu. A. (comp.). 1999. *Zarubezhnoe zakonodatel'stvo v oblasti sokhraneniya kul'turnogo i prirodnogo naslediya (Foreign legislation on the preservation of cultural and natural heritage)*. Moscow: Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 36–37 (in Russian).

Kobzeva, E. V. 2014. In *Chelovek: prestuplenie i nakazanie (Man: crime and punishment)* 85 (2), 177–121 (in Russian).

Kovalev, A. A. 2015. In Zelentsova, O. V. (ed.). *Sokhranenie arkheologicheskogo naslediya: problemy i perspektivy. nauch.-prakt. konf. Protivodeystvie nezakonnnoy deyatelnosti v oblasti arkheologii, Moskva, 9-10 dekabrya 2013 g. (Preservation of archaeological heritage: problems and prospects. scientific-practical conf. Counteracting illegal activities in the field of archeology, Moscow, December 9-10, 2013)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 8–32 (in Russian).

Shkurko, A. I. 2004. In *Sokhranenie arkheologicheskogo naslediya Rossii. «Kruglyy stol» Soveta Federatsii (Preservation of the archaeological heritage of Russia. "Round table" of the Federation Council)*. Moscow: Federal Council, 31–32 (in Russian).

Prosit priznat' ego nevinovnym. (He asks to be found innocent. The owner of the Tyumen museum Guy Pershing could not appeal the decision of the Leninsky district Court | 72.ru - Tyumen news. Available at: <https://72.ru/text/gorod/2021/12/23> (дата обращения 21.02.2022)

Codice dei beni culturali e del paesaggio, ai sensi dell'articolo 10 della legge 6 luglio 2002, n. 137. Available at: http://www.sardegnaambiente.it/documenti/19_4_20080215150630.pdf (accessed 21.02.2022).

About the Author:

Khalikov Iskander A., Candidate of Law, Professor of the Department of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws in Operational Investigative Activities and Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moskovskaya, Str. 41, Kazan, 420111, Russian Federation; iskanderh@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЛИЦЫ КАСИМОВСКОГО ХАНСТВА¹

© 2022 г. Ф.А. Ахметгалин

В статье рассматривается история изучения средневекового Касимова – столицы Касимовского ханства (середина XV – конец XVII вв.). Выделены этапы археологического изучения. Представлены результаты археологических исследований 2008–2021 гг. даны результаты исследований Ханской мечети и мавзолеев-текие Шах Али и Афган Мухаммед султана. Локализованы некоторые исторические объекты средневекового города, анализ картографического материала и данные полевых исследований позволили локализовать место расположения ханского дворца. С районом Старого Посада увязано первоначальное расположение г. Касимова ханского времени, известного также как Городец Мещерский, Царевичев Городок, Касимов XIII – первой половины XVI вв. Геофизические исследования Старопосадского татарского кладбища выявили остатки нескольких мавзолеев. Выявлено начало формирования культурного слоя – не ранее середины XVI в. в районе Татарской Горы и Татарской слободы. Прослежена преемственность развития средневековых поселений от Касимовского археологического комплекса (городище Земляной Струг, селище Дорофеево поле IX–XIII вв.) к Городцу Мещерскому (XIII – первая половина XV в.) и ханской столице. Археологически установлено время формирования исторического ядра средневекового города и этапы освоения территорий. Даны перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология, Касимов, ханство, Средневековье, город, история, городище, селище, могильник.

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE KASIMOV KHANATE CAPITAL²

F.A. Akhmetgalin

The article examines the history of the study of medieval Kasimov – the capital of the Kasimov Khanate (mid-15th – late 17th centuries). The stages of archaeological study have been highlighted. The results of archaeological research in 2008–2021 are presented. Historical objects of the medieval city have been localized. The original location of the city of Kasimov during the Khan period, also known as Gorodets Meshchersky, Tsarev Gorodok, Kasimov of the 13th – first half of the 16th centuries, is linked to the area of Old Posad. Geophysical studies of the Staroposadskoye Tatar cemetery revealed the remains of several mausoleums. The beginning of the formation of the cultural layer has been revealed – not earlier than the middle of the 16th century within the area of the Tatarskaya Gora and the Tatarskaya Sloboda. The continuity of the development of medieval settlements has been traced from the Kasimov archaeological complex (the settlement of Zemlyanoy Strug, the village of Dorofeyevo Pole) till the Gorodets Meshchersky (13th – first half of the 16th century) and the khan's capital. The time of the formation of the historical core of the medieval city and the stages of the development of territories have been established archaeologically. Prospects for further research are given.

Keywords: archaeology, Kasimov khanate, Middle Ages, city, history, hillfort, settlement, burial ground.

Вопрос возникновения и развития города Касимова широко освещен в обширной научной и краеведческой литературе. Бывшая столица Касимовского ханства всегда вызывала живой интерес историков. Традиционно считается, что поселение берет свое начало от Городца Мещерского, заложенного в 1152 г., в XIII в. город становится владением князей

Мещерских, выходцев из Золотой Орды представителей рода Ширинов. Во второй половине XV в. город передается Великим князем Василием II хану Касиму. Новым правителем город был заново отстроен выше по течению р. Оки. С этого времени он становится столицей ханства, просуществовавшего до конца XVII в. За городом с этого времени закрепля-

¹ Исследование реализуется в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

² The research is being implemented within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the national identity of the Tatar people".

ется и новое название Касимов, известное и сейчас (Вельяминов-Зернов, 1866, с. 41).

Современный город Касимов, административный центр Рязанской области, расположен на левом крутом берегу р. Оки, прорезанном многочисленными оврагами и ложбинами.

Письменных источников по исторической топографии Касимова очень мало. Большинство из них не опубликованы. К числу доступных источников относятся гравюры XVII в. и карты Касимова конца XVIII–XIX вв., а также летописные сведения, записки путешественников и тексты переписных книг (Переписная, 1646 г., с. 5–10; Олеарий, 1906, с. 141; Паллас, 1773, с. 43, и др.).

Попытка первой систематизации разнородных сведений об истории Касимова и прилегающей к нему территории была предпринята в XIX в. архитектором И.С. Гагиным. Его исследования сохранились в рукописном виде. В этот же период осуществлялись и первые археологические обследования. В 1920–30-е гг. А.А. Мансуров и О.Н. Бадер составили археологическую карту города и его округа. Ими же были организованы и исследования на некоторых памятниках археологии. В 1926–1932 гг. в нижней восточной части Городецкого мыса, обращенной к Старому посаду, А.А. Мансуровым был выявлен вал и ров, была собрана керамика раннего железного века (Мансуров, Бадер, 1974, с. 281).

После большого перерыва работы были возобновлены в 1999 г. В.П. Челяповым. Тогда были проведены археологические исследования в городе, заложено два шурфа на месте предполагаемого Городца Мещерского, сделаны зачистки на длинном мысу, на месте впадения речки Бабенки в реку Оку, тогда были выявлены слои второй половины XVI – XVII вв. Исследования затронули и район Ханской мечети, где было заложено три шурфа, два шурфа за оградой мечети возле ретрансляционной вышки (на этом месте сейчас сквер Сююмбеки), один шурф заложен внутри ограды, в юго-восточном углу, на месте, где сейчас расположена бойлерная. В результате раскопок выявлены слои второй половины XVI – XVII вв. (Челяпов, 1999, с. 9–17).

В следующем, 2000 году В.П. Челяпов продолжил исследования г. Касимове, первоначально им осмотрен Городецкий мыс, и был заложен шурф, где выявлен культурный слой раннего железного века. В этом же году заложен небольшой раскоп во дворе Ханской мечети, в котором найдены слои XVII–XIX вв.

и глинобитные печи XVII в. (Челяпов, 2001, с. 29–35) (рис. 1).

В 2001 году его исследования продолжились в другой части города, за Успенским оврагом, где в настоящее время располагается административный центр города. В этот район, по мнению, сложившемуся в историографии, был перенесен город в середине XV в., здесь же, по предположению А.А. Мансурова, располагался Кремль средневекового г. Касимова (Мансуров, Бадер, 1974, с. 287–288). В этом году В.П. Челяповым были продолжены археологические исследования на Советской площади, за Успенским собором, где им было заложено два шурфа. В результате проведенных исследований в шурфе № 1 выявились слои, сформировавшиеся не ранее XVII в., в шурфе № 2 – не ранее XVIII в. (Челяпов, 2001, с. 55). В этом же году В.М. Буланкиным были проведены наблюдения при реконструкции ул. Набережной. Археологические исследования, проведенные этом районе, не выявили слои ранее конца XVI – начала XVII вв. (Буланкин, 2003, с. 30).

В 2015 г. И.Ю. Стрикаловым были проведены наблюдения в этом же районе при строительстве жилого дома на ул. Советской. Были выделены слои XVII – XVIII вв. (Стрикалов, 2015, с. 25–27).

В 2008–2014 гг. исследования реализовались в рамках проекта по историко-археологическому изучению средневековых памятников лесостепной зоны Волго-Окского региона (Ахметгалин, Ситдинов, Хузин, 2007, с. 30–31). Они дали новые материалы для изучения исторической топографии Касимова, в этот период исследования были в основном сосредоточены в Касимове в Татарской слободе (Татарская гора с Ханским двором и мечетью, у Новой мечети), в урочище Городец (включающее в себя Городец Мещерский и Городище Старое Мещерское) и на Старом Посаде и Касимовском археологическом комплексе. (Ахметгалин, Хамзин, 2016, с. 183–201).

С 2014 г. археологические исследования реализуются в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа». Всего в районе Татарской горы у Ханской мечети и мавзолея Шах Али в период с 2008–2020 гг. было заложено 25 шурфов. Стратиграфически здесь выделилось четыре горизонта. Нижний горизонт был датирован серединой XVI – началом XVII вв. В 2016 г. был заложен шурф между южной стеной

Рис. 1. План археологической изученности г. Касимова за 2000–2020 гг.
Fig. 1. Plan of archaeological exploration of the city of Kasimov for 2000–2020

минарета и западной стеной мечети. Основание минарета покоилось на горизонте, сформировавшемся в первой половине XVI в. Стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что минарет построен не ранее середины XVI в. одновременно с мавзолеем хана Шах Али. В 2020 г. в рамках программы реставрации Ханской мечети было заложено 7 шурфов возле нее. Археологическими исследованиями было выявлено три строительных горизонта: 1– горизонт связывается нами со строительством здания мечети в середине XVI в., 2 – горизонт частичного разрушения и восстановления здания в 60-х и 70-х годах XVIII в., 3 – горизонт связан со строительством 2-этажа мечети в середине XIX в. (Ахметгалин, 2021, с. 40–46).

Одним из значимых объектов Ханского двора был не сохранившийся до наших дней каменный дворец Касимовских ханов. Проведенный нами сопоставительный анализ картографического материала и данные полевых исследований позволяют предположить,

что остатки Ханского дворца, вероятно, были расположены на ул. Воровского, в районе домов 28–30 (рис. 2). Дальнейшие исследования позволят более точно локализовать это здание.

В 2020 г. в рамках программы реставрации были проведены исследования текие-мавзолея Шах Али, по углам и у стен мавзолея было заложено 8 шурфов. В результате исследований выявилась глубина залегания фундамента и основания подземного склепа – крипты, выявлены 2 стратиграфических горизонта, связанных со строительством и реставрацией здания, в шурфах были выявлены остатки сооружений и столбовых ям от лесов, которые были возведены в ходе строительства здания мавзолея. Проведенные исследования не выявили в этом районе слоев, сформировавшихся ранее середины XVI в. (Ахметгалин, 2021, с. 47–48).

В Татарской слободе также были проведены археологические исследования за пределами Татарской горы с целью определения

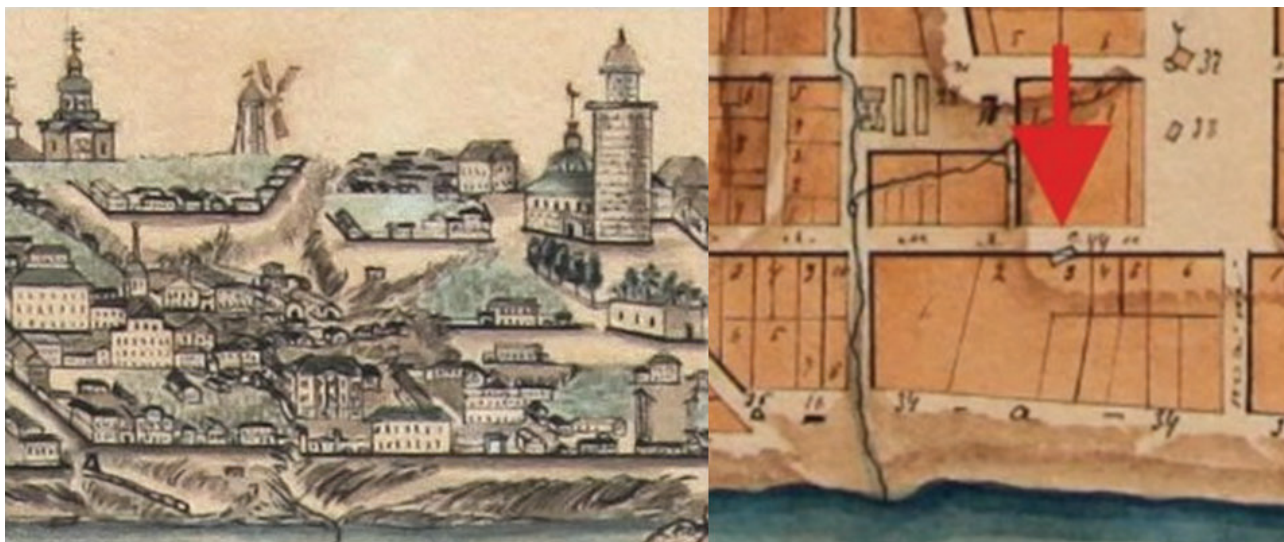

Рис. 2. Вид г. Касимова в конце XVIII–XIX вв. с изображением остатков ханского дворца и фрагмент плана города с указанием ханского дворца

Fig. 2. View of Kasimov at the end of the 18th – 19th cc. depicting the remains of the khan's palace and a fragment of the city plan showing the khan's palace

распространения культурного слоя посада. В 2009–2014 гг. в шурфе рядом с Новой мечетью, в огороде дома по ул. Илюшкина, 47, при исследованиях в нижних слоях были найдены фрагменты керамики, характерные для второй половины XVI–XVII вв. Полученный материал подтверждает синхронность освоения всей территории Татарской слободы во второй половине XVI в. (Ахметгалин, Ситдииков, 2020, с. 135).

Археологические исследования Городецко-го мыса, расположенного у впадения р. Бабенки в р. Оку, на котором ранее локализовали Городец Мещерский XII–XIV вв., выявили слои раннежелезного века сер. – конца I тыс. до н. э. и слои конца XVI–XVII вв. В верхней части мыса возле Георгиевской церкви археологические исследования датировали нижние горизонты культурного слоя концом XVI–XVII вв. (Ахметгалин, Ситдииков, 2020, с. 135–136).

Объектом изучения в 2009–2018 гг. стал ранее не исследованный район Старого Посада, хорошо известный в исторической топонимии Касимова. На территории Старого Посада было заложено шесть шурфов. Археологические исследования 2014–2020 гг. выявили два средневековых слоя: первый слой конца XIII–XIV вв., второй слой сер. XV – первой половины XVI в. Среди находок которые были найдены при исследованиях, выделяются фрагменты кувшинов в болгаро-ордынских традициях, краснолощенный керамический кумган с зооморфным носиком, расписанный белым ангобом, лепная чашечка для сцеживания

творога и др. находки (Ахметгалин, 2019, с. 29–30, рис. 3,4).

Рядом со Старым Посадом находится обширное Старопосадское татарское кладбище, на котором сохранилось текие – мавзолей Афган Мухаммед султана 40-х годов XVII в. С территории кладбища известны татарские мусульманские надгробия XVI–XVII вв., опубликованные в XIX в. Х. Фаизхановым и В.В. Вельяминовым-Зерновым (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 500–502; 1887, с. 175–178). По сведениям этнографов, захоронения там совершались до XIX в. (Исхаков, 2002, с. 102). Нами были произведены исследования текие Афган Мухаммеда в связи с программой реставрации, были заложены четыре шурфа по углам, выявлены строительные периоды, в одном из шурфов найдено детское захоронение XIX в. (Ахметгалин, 2021, с. 120).

В 2020–2021 гг. проводились геофизические исследования на площадке перед текие Афган Мухаммед султана, в результате которых были выявлены остатки нескольких объектов разного размера: 14,6×13,3 м, 8×6,7 м, 6,5×6,5 м и др., которые мы можем связать с остатками несохранившихся мавзолеев, некоторые из них больше сохранившегося текие, который имеет размеры 9×5,5 м. (рис. 3). О “палатках” касимовских царей – мавзолеях касимовских ханов на Старопосадском татарском кладбище есть сведения у В.В. Вельяминова-Зернова (Вельяминов-Зернов, 1887, с. 187, 191), их остатки наблюдал касимовский архитектор и краевед И.С. Гагин (Гагин, 1902, с. 277–278). Таким образом, Старопосадское кладбище

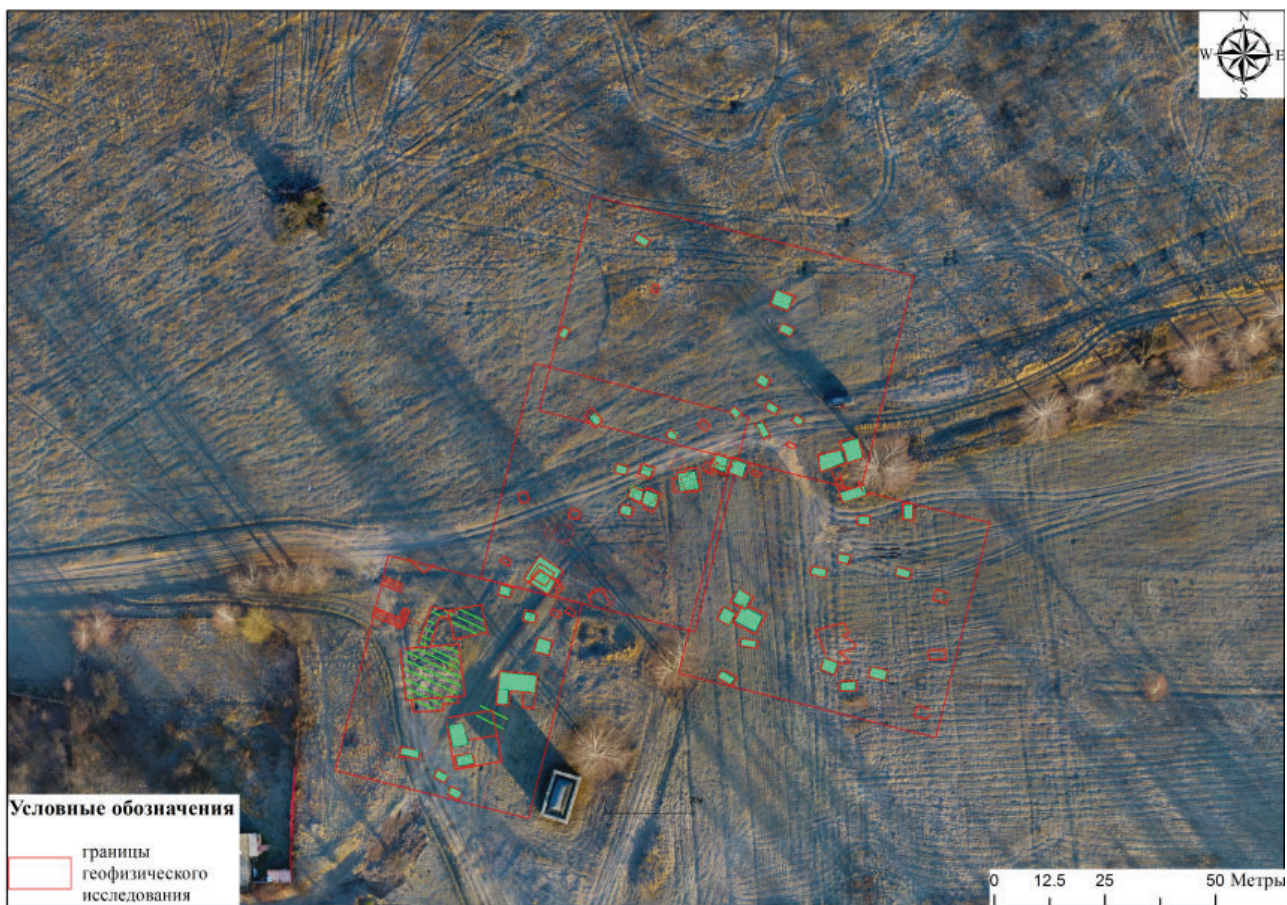

Рис. 3. Ортофотоплан Старопосадского татарского кладбища с итогами геофизических исследований
Fig. 3. Orthophotomap of the Staroposadskoye Tatar burial ground with the results of geophysical research

является священным местом захоронения чингизидов и знати, куруком, где были захоронены ханы, правившие городом, и, вероятно, там же находится и мавзолей хана Касима (Ахметгалин, 2021, с. 20).

За пределами исторического центра исследования приводились и в ближайшей округе Касимовского археологического комплекса, в верховьях речки Бабенки. В этом районе был выявлен домонгольский комплекс, состоящий из известного еще в XIX в. городища Земляной струг, которое датируется второй половиной I тысячелетия – IX–XIII вв. (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 36; Мансуров, Бадер, 1974, с. 288–289), недавно выявленного селища Дорофеево поле и около 200 курганов между ними (Агеев, 2015, с. 88) (рис. 1). В 2002 г. В.П. Челябиным на городище Земляной струг было заложено два раскопа общей площадью 100 кв. м., в ходе раскопок были найдены предметы IX–XIII вв., среди находок есть фрагменты дирхемов IX–X вв. (Челяпов, 2002, с. 11). С территории селища Дорофеево поле также происходят находки дирхемов IX–X вв. и свинцовые слитки. Полученные с территории памятника материалы указывают на его

торгово-ремесленный характер. На территории селища нами было заложено два шурфа и собран подъемный материал, по находкам оно датируется IX–XIII вв. Хотя городище и селище разделяют чуть более 1 км, вместе со средневековыми курганами они, вероятно, образуют единый комплекс (Ахметгалин, Ситдииков, 2020, с. 138).

Таким образом, используя итоги десятилетних археологических исследований г. Касимова, с учетом анализа материалов предшествующих лет изучения и данных письменных источников мы можем остановиться на анализе некоторых вопросов исторической топографии средневекового города.

На основании анализа исторических материалов и результатов археологических исследований местом первоначального города Городца Мещерского домонгольского периода IX–XIII вв. предположительно являются средневековые поселения Касимовского археологического комплекса – городище Земляной Струг, селище Дорофеево Поле, а также расположенные здесь же средневековые курганные захоронения. Там располагался племенной центр мещеры – одного из финских племен

Рис. 4. Керамический кумган второй половины XV в. Находка на Старом Посаде.

Fig. 4. Ceramic kumgan of the second half of the 15th c. Find on Old Posad.

Среднего Поочья (Ахметгалин, Ситдигов, 2020, с. 140–141).

По результатам археологических исследований на территории, известной в литературе как Городец Мещерский, длинном пологом мысу между р. Окой и р. Бабенкой, располагается городище раннего железного века сер.конца I тыс. до н. э. (Ахметгалин, 2019, с. 37–38).

Территория Старого Посада начала осваиваться с XII в. На этом месте располагался Городец Мещерский XIII–XIV вв., Царевичев городок – Касимов XV–XVI вв. Площадь поселения достигает размеров около 11 га. Вероятно, в этот же период и возникает Старота-

тарское кладбище. Кладбище и средневековое поселение образуют один комплекс. Интенсивность формирования культурного слоя и хозяйственной деятельности с середины XV в. связана с превращением города в столицу Касимовского ханства. Культурный слой поселения и некрополь, расположенные за р. Бабенкой, содержат свидетельства, связанные с историей столицы ханства до середины XVI в. Кладбище является местом захоронения чингизидов – куруком (Ахметгалин, Ситдигов, 2020, с. 138). В результате геофизических исследований нам удалось выявить остатки нескольких мавзолеев, которые еще предстоит

изучить. Таким образом, этот район отождествляется нами с Городцом Мещерским XIII–XIV вв. и с Царевичевым Городком – Касимовым середины XV – первой половины XVI вв.

Территория Татарской горы и Татарской слободы начинает осваиваться с сер. XVI в., когда здесь строится мавзолей-текие хана Шах Али и каменная Ханская мечеть, которая становится соборной мечетью Касимова. С ее постройкой центр города переносится на новое место. Ядром города в этот период является расположенный в Татарской слободе район Ханского двора, имевший свои укрепления, они хорошо видны на известной гравюре А. Олеария (Олеарий, 1906, с. 141). Вся территория Татарской горы и Татарской слободы заселяется в период с сер. XVI по нач. XVII вв. Площадь города в этот период составляла около 100 га и была достаточно равномерно заселенной.

Чуть выше по течению р. Оки от Татарской слободы между Успенским и Никольским оврагами в начале XVII в. был построен Касимовский кремль с воеводским двором.

Актуальной темой, требующей своего отдельного изучения, остается вопрос о резиденции баскака Мусина. В результате изучения картографических материалов

конца XVIII в. нами был выделен топоним под названием Мусина Гора, с которым связано, вероятно, местоположение этой резиденции. Будущие археологические исследования позволят определить время и особенности ее заселения (Ахметгалин, Ситдииков, 2020, с. 141).

Всего за 21 год исследований г. Касимова и его окрестностей на территории города было заложено 27 шурфов и один раскоп, общей площадью 60 кв. м; на Старом Посаде, на поселении и Старотатарском кладбище было заложено 10 шурфов общей площадью 22 кв. м; на Касимовском археологическом комплексе на Городище Земляной струг – два раскопа и три шурфа, общая площадь исследований составила 112 кв. м (рис. 1). Таким образом, в результате археологических исследований были получены новые сведения по исторической топографии г. Касимова, локализованы отдельные районы средневекового города и уточнены этапы заселения. Отдельной темой дальнейших исследований, бесспорно, должно стать обследование окрестности города, что позволит изучить связь близлежащих поселений эпохи Касимовского ханства с городом и исследовать своеобразие материальной культуры этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев В.В. К проблеме истории Касимова до середины XV в.: археологический аспект // XLVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция / Отв. ред. В.Н. Рассадин. Кострома: КГУ им. Некрасова, 2015. С. 86–90.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках на территории г. Касимова, Касимовского района Рязанской области, Пильненского района Нижегородской области, за 2018 год. Казань, 2019 г. / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. Р-1. 100 с.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории «Текие Авгана» в 2020 г. Казань, 2021 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 4, оп. 1, электронный ресурс. 128 с.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории Старой татарской (ханской) мечети в 2020 г. Казань, 2021 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 4, оп. 1, электронный ресурс. 79 с.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории текие (мавзолея) Шах Али в 2020 г. Казань, 2021 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 4, оп. 1, электронный ресурс. 246 с.

Ахметгалин Ф.А., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Материальная культура населения Волго-Окского региона в эпоху средневековья: проблемы и перспективы изучения // Фаизхановские чтения. Материалы IV науч.-практич. конф. Н. Новгород: ИД Медина, 2008. С. 30–31.

Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н, Беляев А.В, Ситдииков А.Г. Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 183–201.

Ахметгалин Ф.А, Ситдииков А.Г. Историческая топография ханской столицы г. Касимова // Поволжская археология. 2020. № 2(32). С. 130–145.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. 558 с.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. 510 с.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 4. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. 178 с.

Буланкин В.М. Отчет о проведении охранных археологических работ (наблюдений) при реконструкции набережной г. Касимова. Рязань, 2003. / НА РИАМЗ. 13 с.

Гагин И.С. О Касимовских царях татарских и памятниках с их времени существующих // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1901. Том XVI. Вып. 3. / Под ред. С. Д. Яхонтова. Рязань 1902. С. 266–279.

Исхаков. Д.М. Глава 5. Этнографические группы волго-уральских татар: опыт системного анализа. *Этнографические группы в составе субэтноса касимовских татар* // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Приуралья и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа / Отв. Ред. Р.К. Уразманова, Н.А. Халиков. Казань. Дом печати “Пик”, 2002. С. 110–131

Мансуров А.А., Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 253–323.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 638 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1773. Ч. I. 786 с.

Переписная книга по г. Касимову за 1646 г. (7154) // Труды рязанской ученой архивной комиссии. 1891. Т VI. № 1. / Под ред. С. Д. Яхонтова. Рязань, 1892. С. 5–10.

Стрикалов И.Ю. Отчет о проведении научно-исследовательских охранно-спасательных археологических исследований (наблюдений) на объекте археологического наследия «Касимовское городище» при проведении строительства Многофункционального культурного центра на участке, расположенном по адресу: Рязанская обл., г. Касимов, ул. Советская. М. 2015. / НОА ИА РАН. Ф. 1. Р.1. 61 с.

Челяпов В.П. Отчет о предварительных археологических исследованиях исторической части г. Касимова в 1999 г. / НФ МАРТ ИА АН РТ Ф.4. оп.2. 76 с.

Челяпов В.П. Отчет об археологических разведках в Рязанской области в 2000 г. Рязань, 2001. / НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 24330. С. 29–113.

Челяпов В.П. Отчет об археологических разведках в Рязанской области в 2001 г. Рязань, 2002. / НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 30000.

Челяпов В.П. Отчет об археологических городища Земляной Струг в 2002 г. Рязань, 2002. / НА РИАМЗ. №.19. 20 с.

Информация об авторе:

Ахметгалин Фарид Альбертович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ach_farid@mail.ru

REFERENCES

Ageev, V. V. 2015. In Rassadin, V. N. (ed.). *XLVII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (47st Ural-Volga Archaeological Student Conference)*. Kostroma: Kostroma State University Publ., 86–90 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2019. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii g. Kasimova, Kasimovskogo raiona Riazanskoj oblasti, Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti, za 2018 god (Report on Archaeological Exploration in the City of Kasimov, Kasimovsky District of Ryazan Oblast, Pilnensky District of Nizhny Novgorod Oblast, for 2018.)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute for Archaeology named after Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2021. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Kasimove Riazanskoj oblasti na territorii «Tekie Avgana» v 2020 g. (Report on Archaeological Exploration in the City of Kasimov, Ryazan Oblast, in the Territory of “Tekiye Avgana” in 2020)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute for Archaeology named after Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4 Inv. 1 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2021. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Kasimove Riazanskoj oblasti na territorii Staroi tatarskoj (khanskoi) mecheti v 2020 g (Report on Archaeological Exploration in the City of Kasimov, Ryazan Oblast, in the Territory of the Old Tatar (Khan) Mosque in 2020)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute for Archaeology named after Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2021. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Kasimove Riazanskoj oblasti na territorii tekie (mavzoleia) Shakh Ali v 2020 g (Report on Archaeological Exploration in the City of Kasimov, Ryazan Oblast in the Territory of the Tekiye (Mausoleum) of Shah Ali in 2020)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute for Archaeology named after Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2008. In *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings) IV*. Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 30–31 (in Russian).

Akhtetgalin, F. A., Khamzin, R. N., Belyaev, A. V., Sitdikov, A. G. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 18 (4), 183–201 (in Russian).

Akhtetgalin, F. A., Sitdikov, A. G. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 130–145 (in Russian).

Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1863. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1866. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 2. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1887. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 4. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Bulankin, V. M. 2003. *Otchet o provedenii okhrannykh arkheologicheskikh rabot (nabliudenii) pri rekonstruktsii naberezhnoi g. Kasimova (Report on Protective Archaeological Activities (Observations) during the Reconstruction of Kasimov Embankment)*. Ryazan. Scientific Archive of the Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve (in Russian).

Gagin, I. S. 1902. In Yakhontov, S. D. (ed.). *Trudy riazanskoj uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission)*. 1901. XVI (3). Ryazan, 266–279 (in Russian).

Iskhakov, D. M. 2002. In Urazmanova, R. K., Khalikov, N. A. (eds.). *Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ia i Priural'ia i voprosy ikh formirovaniia. Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda (Ethno-territorial Groups of the Tatars from the Volga and Ural Regions and the Issues of Their Formation. Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People)*. Kazan: "Pik" Publishing House, 110–131 (in Russian).

Mansurov, A. A., Bader, O. N. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiya Riazanskoj zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 253–323 (in Russian).

Olearii, A. 1906. *Opisanie putesthestviia v Moskoviiu i cherez Moskoviiu v Persiiu i obratno (Description of the Journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and Back)*. Saint Petersburg (in Russian).

Pallas, P. S. 1773. *Putesthestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire)*. Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Yakhontov, S. D. (ed.). 1892. In *Trudy riazanskoj uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission)*. 1891. Vol. IV. No. 1. Ryazan, 5–10 (in Russian).

Strikalov, I. Yu. 2015. *Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skikh okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovani (nabliudenii) na obekte arkheologicheskogo naslediiia «Kasimovskoe gorodishche» pri provedenii stroitel'stva Mnogofunktional'nogo kul'turnogo centra na uchastke, raspolozhennom po adresu: Riazanskaia obl., g. Kasimov, ul. Sovetskaia (Report on the Scientific Research, Security and Rescue Archaeological Studies (Observations) at "Kasimov hillfort" Archaeological Heritage Site during the Construction of the Multifunctional Cultural Center at the Plot Located at: Ryazan Oblast, City of Kasimov, Sovetskaya Str.)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Found-1. R-1 (in Russian).

Chelyapov, V. P. *Otchet o predvaritel'nykh arkheologicheskikh issledovaniakh istoricheskoi chasti g. Kasimova v 1999 g. (Report on Preliminary Archaeological Studies of the Historical Part of the City of Kasimov in 1999)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute for Archaeology named after Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 2 (in Russian).

Chelyapov, V. P. 2001. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Riazanskoj oblasti v 2000 g. (Report on Archaeological Exploration in Ryazan Oblast in 2000)*. Ryazan: Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Fund-1. R-1. No 24330 (in Russian).

Chelyapov, V. P. 2002. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Riazanskoj oblasti v 2001 g. (Report on Archaeological Exploration in Ryazan Oblast in 2001)*. Ryazan: Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Fund-1. R-1. No 30000 (in Russian).

Chelyapov, V. P. 2002. *Otchet ob arkhologicheskikh gorodishcha Zemlianoi Strug v 2002 g. (Report on the Archaeological Exploration of Zemlyanoy Strug Hillfort in 2002)*. Ryazan. Scientific Archive of the Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve. No 19 (in Russian).

About the Author:

Akhmetgalin Farid A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ach_farid@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

АРАБСКИЙ ГЕОГРАФ АЛ-ИДРИСИ (XII В.) О ТЮРКСКИХ НАРОДАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

© 2022 г. А.Н. Юзеев

Автором статьи представлены переводы с арабского языка на русский географа XII в. ал-Идриси фрагментов сочинения «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), касающихся народов Средней Азии (казахов, киргизов, туркмен). Среди других подобных средневековых географических произведений оно до сих пор является малоизученным и даже не исследованным – нет полных переводов на русский язык источниковедческих материалов, имеющих отношение к тюркским народам Средней Азии. Несмотря на то, что сочинение ал-Идриси является географическим, в действительности оно несет массу информации касающейся жизни и быта многих тюркских племен и народов Средней Азии Средневековья. Поэтому его по праву можно назвать и историческим и этнографическим сочинением, отражающим дух средневековой эпохи. Более того, это произведение среди других арабо-мусульманских сочинений является одним из самых информационных географических источников о народах Средней Азии. Данный перевод послужит источником для развития археологии, поскольку связан с определением места расселения древних тюркских народов Средней Азии. Переводы выполнены автором публикации на основе итальянского издания 1970–1984 гг., которое наиболее правильно отражает название этнонимов и географических названий Средней Азии.

Ключевые слова: регионоведение, археология, ал-Идриси, народы Средней Азии, кимаки, карлуки, огузы.

THE ARAB GEOGRAPHER AL-IDRISI (XII CENTURY) ABOUT THE TURKIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA²

A. N. Yuzeev

The author of the article presents translations of the fragments of the 12th century geographer al-Idrisi composition "Nuzhat al-mushtak fi ikhtirak al-afak" ("Entertainment of the exhausted in wandering through the regions") concerning the peoples of Central Asia (the Kazakhs, Kirghiz, Turkmeni) from Arabic into Russian. Among other similar medieval geographical works, it is still poorly studied or even didn't studied at all – there are no complete translations into Russian of source materials related to the Turkic peoples of Central Asia. Despite the fact that the composition of al-Idrisi is geographical, in reality it carries a lot of information concerning the life of many Turkic tribes and peoples of Middle Asia in the Middle Ages. Therefore, it can rightly be called a historical and ethnographic composition, reflecting the spirit of the medieval era. Moreover, this work, among other Arab-Muslim ones, is one of the most informative geographical sources about the peoples of Central Asia. This translation will serve as a source for the development of archaeology, because it is connected with the determination of the ancient Turkic peoples places of settlement in the Central Asia. The translations were made by the author of the publication on the basis of the Italian edition of 1970–1984, which most correctly reflects the name of ethnonyms and geographical names of Central Asia.

Keywords: regional studies, archaeology, al-Idrisi, peoples of Central Asia, Kimaks, Karluks, Oguzes.

Сочинение арабского географа XII века ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») является важным источником для изучения средневековой истории тюркских народов Средней Азии. Среди других подобных средневековых географических произведений оно до сих пор является

малоизученным и даже неисследованным – нет полных переводов на русский язык источниковедческих материалов, имеющих отношение к тюркским народам Средней Азии.

Настоящий перевод представляет собой отрывки из сочинения ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»)

1 Данная работа является продолжением статей, опубликованных в журнале «Археология Евразийских степей» (№5, 2021) и «Археология Евразийских степей» (№1, 2022).

2 This work is a continuation of the articles published in the journal «Archaeology of the Eurasian steppes» (№ 5, 2021) and «Archaeology of the Eurasian steppes» (№1, 2022).

девятой части третьего климата, посвященные этнической истории (этнонимам и географическим названиям) тюркских народов Средней Азии. Арабский текст фрагментов сочинения публикуется по полному изданию труда ал-Идриси, изданного в Италии в 1970–1984 гг. (Al-Idrisi. *Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant» / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Fasc. I–IX Neapoli–Romae, 1970–1984).*

Ал-Идриси, или его полное имя Абу Абдаллах Мухаммад б. Мухаммад б. Абдаллах б. Идрис ал-Хаммуди ал-Хасани, происходил из эмирского рода Алидов-Идрисидов, возводивших свое происхождение к Хасану б. Али, внуку пророка Мухаммада. Поэтому он известен также под именем «аш-Шариф» («благородный, знатный»). Непосредственные предки ал-Идриси – Хаммудиды правили (1010–1057) в Малаге и Альхесирасе, на юге Испании. Затем переселились в Сеуту, на севере Марокко, где в 1100 г. и родился тот, чья биография здесь описывается. Ал-Идриси получил образование в Кордове – крупном культурном центре южной Испании. Много путешествовал: побывал в Малой Азии и даже во Франции и Англии. В 1138 г. ал-Идриси остановился в Палермо при дворе сицилийского короля Рожера II (1130–1154), по указанию которого и приступил к написанию своего географического труда «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), также известного под названием «Китаб ар-Руджар» («Книга Рожера»).

Работа продолжалась в течение пятнадцати лет и была завершена в 1154 г. После смерти Рожера II ал-Идриси оставался в Палермо при дворе сына Рожера II и его приемника Вильгельма I (1154–1166). В конце жизни вернулся на родину в г. Сеуту, где и скончался в 1165 г.

При написании «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» ал-Идриси использовал множество нарративных, документальных, картографических, устных источников. Некоторые из них указаны автором в предисловии к сочинению, на другие он ссылается в самом труде.

В настоящее время известно десять списков рукописей сочинения ал-Идриси, пять из которых находятся за рубежом: в Париже, Оксфорде, Стамбуле, Каире и Софии; одна из рукописей хранится в Санкт-Петербурге в

Государственной Научной Библиотеке (Коновалова, 2006, 328 с.).

К настоящему времени имеются четыре издания сочинения ал-Идриси. Самое первое издание полного текста сочинения на арабике, основанное на парижской сокращенной редакции, опубликовано в Риме в 1592 г. в знаменитой типографии Медичи. Ученые полагают, что это издание неудовлетворительно передает текст ал-Идриси. Также представляет лишь исторический интерес латинский перевод вышеназванного издания, передававший текст в сокращенном виде, напечатанный в 1619 г. в Париже двумя учеными-маронитами, которые занимались преподаванием восточных языков – Иоанном Хесронита (ал-Хасруни) и Гавриилом Сионита (ас-Сихйауни) (Gunter, 1909, s. 113–123).

Полный перевод на французский язык оригинала сочинения ал-Идриси в двух томах вышел только в 1836–1840 гг. Его автором был французский востоковед П.А. Жобер (1799–1847) (P. Amedee Jaubert, 1836–1840). Однако детальное изучение перевода учеными Дози и де Гье обнаружило полную его неудовлетворительность (Dozy R., de Goeje M.J., 1866, p. VI–XXI).

В 60–70-е гг. прошлого века в связи с изучением истории народов СССР среднеазиатскими учеными (киргизскими, казахскими и туркменскими) привлекалось множество фактического материала, в том числе источники средневековых ученых, написанные на арабском и персидском языках (Караев, 1973, с. 4–48; Кумеков, 1972, 155 с.). Так, фрагменты перевода О. Караева из географии ал-Идриси, посвященные территории проживания тугузгузов, карлуков, кимаков, киргизов, хазлажия и хилхия, содержат ряд неточностей, главным образом связанных как с различием названий этнонимов, городов, территорий (различные диактрические знаки), основанных на старых изданиях текста ал-Идриси, так и с использованием критикуемого учеными французского перевода П.А. Жобера.

В последнее время пристальное внимание российские ученые уделяют сведениям ал-Идриси о народах Восточной Европы. Выделяются труды И.Г. Коноваловой своей новизной методики исследования, переводами на русский язык, основанными на последней римской редакции рукописи ал-Идриси касательно народов и стран Восточной Европы (Коновалова, 2006, 328 с.).

Но главным образом вышеназванные труды (за исключением книг, опубликованных после

70–80-х гг. прошлого столетия) были основаны на трех указанных изданиях сочинения ал-Идриси. Предлагаемые в данной публикации переводы девятой части третьего климата выполнены с четвертого римского издания 1970–1984 гг., подготовленного итальянскими востоковедами: E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci, A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Итальянские ученые привлекли массу до сих пор неиспользованного материала, и поэтому это издание в настоящее время является самым верным из имеющихся в смысле установления правильного чтения, транскрипции сочинения ал-Идриси.

Перевод с арабского языка на русский язык отрывков сочинения «Нузхат ал-муштак» (на основе последнего издания), касающихся народов Средней Азии дается впервые в новом прочтении автора данной публикации.

II. Текст [с. 711–717]

Девятая часть четвертого климата

Поистине, этот [раздел] включает девятую часть четвертого климата, часть страны харлухов¹ и тюрков-харлухов, а это – Рузан² и местность Ялан³, местность Нижний Барсхан⁴, земля халаджей⁵ и их города, реки и крепости и часть страны кимаков⁶. Мы хотим привести это, [основываясь] на достоверном тексте и того, что в нем, подобно тому, как мы и делали раньше перед этим, с помощью могущества Аллаха Всевышнего.

Мы говорим: Дорога из Ахсикеса⁷ в Каранатию⁸ из страны тугузгузов⁹ и Ахсикеса в Кашукас¹⁰ – мархалия, [оттуда] в Анешт¹¹ – мархалия, в Каншукас¹² – мархалия, [оттуда] в Букенд¹³ – мархалия, оттуда в Каркас¹⁴ – мархалия, оттуда до горы – мархалия, от горы в Хавлак¹⁵ – три мархалии, а из селения Хавлак до города хакана харлухов – тридцать три мили.

Это город хакана харлухов; этот город [имеет] много зданий, людей, орудий, укреплений. Оттуда в Атракана¹⁶ – а это город большой из городов харлухов – шесть мархалей. Город Атракана с неприступной крепостью, водой из бьющих источников и с храбрыми людьми, подчиняющимися правителю харлухов. Из города Атракана в город Каранатию – десять мархалей по степи, [населенной] народом из тюрков-кочевников, у которых пасущиеся стада и верблюды и которые живут в благоденствии. Город Каранатия – первый из городов кимаков. И он большой; длина его – девять миль, ширина – три мили. Он [находится] на большом озере, называ-

емым Гаган¹⁷. Длина его, как говорят, шесть дней [при переходе], ширина – полтора дня. А правитель Каранатии – могуществен и храбр; имеет [много] людей, многочисленные орудия, лошадей и лучников. Так, все они стреляют из лука. От него [Каранатии] до города правителя кимаков – двадцать четыре мархалии. Весь этот путь идет с запада на восток.

Из города Каранатии в Бахван¹⁸ – семь дней; а из Атракана в Бахван – три мархалии на юг. А на западной стороне озера, известного как Гаган, находится город Гаган¹⁹; между ним и Каранатией – шесть мархалей. Гаган – город красивый, изобилующий богатствами – ореол благодати. В нем станки для выделывания хлопковой одежды; изготовляют всякие диковинные шерстяные одежды, и тюркские купцы оснащаются там ими [одеждами] в большом количестве, [чтобы везти] в другие страны тюрков.

Из города Гаган до Дамурии²⁰ на запад – четыре дня пути. А город Дамурия из страны кимаков процветающий и очень населенный. От Дамурии в город Сараус²¹ на северо-восток – две мархалии через строения и селения тюрков-кимаков. Сараус – город большой, с крепкими стенами; храбрыми тюрками, лошадьми и кавалерией. От него до Гагана на юг – три дня пути.

Дамурия и Сараус [расположены] на реке Шарии²². Это река полноводная, со спокойным течением; по ней поднимаются и спускаются различные судна. Река Шария имеет два истока: один у подножья горы Ашлуб²³, другой – на земле Дамурии; далее их вода течет на восток в город Сараус. Затем впадает в нижнюю часть озера Гаган с северной стороны. Так, течение этой реки [длина] с самого начала до впадения в море – семьдесят пять фарсахов, а это двести двадцать пять миль.

Также из города Сараус в город Банджар²⁴ на восток – а дорога между ними [проходит] через пустынные, бесплодные земли, вдоль подножья горы Гараз²⁵ – десять дней. Но эта дорога самая безопасная. Банджар – город большой, населенный родами тюрков-кимаков. В нем войска, орудия и богатства, которыми их жители распоряжаются по своему усмотрению. В их горах – рудники серебра, там охотятся на леопардов, бобров, ялгашей и на других животных, имеющих шерсть. Купцы вывозят их в другие страны.

А если кто захочет путешествовать водным путем до Гагана, или до Каранатии, или до Сарауса, или до Дамурии, то должен отправиться от Банджара до селения Дахрат²⁶, в

котором имеются перевозочные суда. А он расположен на берегу озера; между ними – полтора дня пути. Ты выходишь из Банджара на главный проход и там перевал. Далее следует спуститься от горного прохода в селение Дахрат, где садишься на судно. А тот, кто захочет пуститься в путь в Каранатию, должен плыть по озеру шесть мархалей и идти там, держась берега. Если пойти прямым путем на парусах, то следует пересекать в трех потоках. Также если кто захочет в город Гаган, пересечет озеро поперек за один день и одну ночь при хорошем ветре. А тот, кто захочет в город Сараус или в Дамурию, проплывет большой рекой из селения Дахрат до устья реки Сараус и проедет по этой реке до города Сараус или до города Дамурия – кто хочет на веслах, а кто на парусах.

А от Дамурии до города хакана харлухов – двенадцать дней пути по ненаселенным пустынным землям. А это дорога опасная, редко кто следует по ней, если даже он с большим войском. Эта пустыня является препятствием между страной харлухов и страной кимаков.

Дорога от Тараза²⁷ до Нижнего Барсхана – тридцать девять миль, и она [проходит среди] селений и населенных мест. Оттуда до Касрабас²⁸ – шесть миль. Это теплое место, на лугах которого зимние пастбища тюрков-харлухов, и близко оно одной горе, где зимовья халаджей. А они – род тюрков, спокойного нрава. Оттуда до Кул-Шуба²⁹ – двенадцать миль. Оттуда до Джабла-Шуба³⁰, селения, населенного тюрками, двенадцать миль. Оттуда до Кулана³¹ – богатого селения – пятнадцать миль. От селения Кулан до селения Бирк³² – пятнадцать миль. Река Бирк³³ берет свое начало из горы под тем же названием и протекает по стране Илак³⁴, впадая в реку Шаш³⁵. Оттуда до Атбараха³⁶ – пятнадцать миль. Оттуда до богатого селения Буракис³⁷ – двадцать четыре мили. Оттуда до селения Джуль³⁸ – двенадцать миль. А оно – селение большое. Оттуда до Сараха³⁹ – большого селения – двадцать одна миля. Оттуда до города хакана – двенадцать миль. Оттуда до Навакеса – двенадцать миль. Оттуда до Кубаля⁴⁰ – тридцать шесть миль. Оттуда до Верхнего Барсхана⁴¹ около десяти мархалей караванным путем по плодородным пастбищам и по текущей воде. А что касается тюркского гонца, то [для него путь займет] пять дней.

Дорога от Тараза до Банджара страны кимаков – тридцать шесть мархалей. От Тараза до Касра⁴² – сорок пять миль. Затем пере-

секают горы и прибывают в Демирнах⁴³ через четыре мархаля. Демирнах – маленький город у подножья горы. В нем храбрые люди, хорошо вооруженные. Оттуда [проходят] по степи и по необработанной земле, хотя очень плодородной, где живут непокоренные халаджи. У них войлочные шатры, в которых они укрываются подобно арабам [бедуинам]; до крепости Хайхам⁴⁴ – двадцать мархалей на восток. Эта крепость тюрков-халаджей. В ней правитель, который всегда готов выступить с воинами и войском. [Он владеет] плодородной страной. Эта крепость высечена на вершине горы и окружена водой, образуя особое кругообразное озеро, в котором в изобилии ловят большую и малую рыбу.

От крепости Хайхам до крепости Захлан⁴⁵ на восток – семь мархалей. А крепость Захлан также неприступная, высокая, с воинами, орудиями. Это первое из владений страны кимаков; у подножья этой крепости также большое озеро, с пресной водой, [расположенное] в самой горе. Из него пьют воду жители крепости. От крепости Захлан до Банджара – четыре мархаля по земле, возведенными на ней сплошными строениями и по засеянным полям пшеницей, ячменем и рисом. От крепости Захлан до Ханауша⁴⁶ – шесть дней пути на север. Город Ханауш населен кимаками и [расположен] на реке, берущей начало из горы, где находится Захлан, и которая берет свои воды из другой реки, приистекающей из другой горы – Лалан⁴⁷.

От Ханауша до города Лалан⁴⁸ – шесть мархалей на запад. Город Лалан расположен в нижней части высокой горы, на самой вершине которой – большой идол, сооруженный на ее возвышении как статуя из мрамора. Жители этой местности поклоняются ему [идолу], верят в него и приходят к нему со всех сторон.

От Демирнаха до Лалана две дороги; верхняя от города Демирнаха до города Шалуния⁴⁹ на восток – четыре мархаля. Оттуда до города Баграз⁵⁰ – шесть мархалей на восток. Он [Баграз] неприступная крепость; оттуда до Лалана – семь мархалей.

От города Шалуния до Джинку⁵¹ – четыре мархаля к северу, а от Джинку до Награна⁵² – шесть мархалей. Награн – красивый город у основания горы, хорошо укрепленный; его можно достичь, только приложив усилия; с селениями и прилегающими полями. Жители пьют воду из колодца, выдолбленного в скале. Оттуда до города Лалана на восток – шесть мархалей. Город Лалан большой территории, густонаселенный. Он у основания горы и

защищен [горой] с южной стороны, которая также носит название Лалан. На расстоянии двух дней пути берет начало большая река и течет в западном направлении, впадая в большое, многоводное озеро, где ловят много рыбы.

Кто желает ехать от Демирнаха, о котором мы уже упоминали, до Бенхдаха⁵³ – пять мархалей на север. А он [город] красивый. От

Бенхдаха до Джинку – пять мархалей. Джинку – город большой, густонаселенный; от него до Награна – шесть мархалей. Также от Награна до Лалана – шесть мархалей, как мы уже говорили об этом.

Мы завершаем девятую часть четвертого климата, – Слава Аллаху, – за ней последует десятая часть, если пожелает Аллах Всевышний.

Примечания:

¹ Харлухи (см. комментарий 3 к 9 части 3 климата).

² Рузан – местность. Не удалось идентифицировать.

³ Ялан – местность. Не удалось идентифицировать.

⁴ Нижний Барсхан – О. Караев отождествляет этот город с развалинами около станции Уч Булак Байзакского района Жамбылской области Казахстана (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 41).

⁵ Халаджи (см. комментарий 16 к 10 части 3 климата).

⁶ Кимаки (см. комментарий 5 к 10 части 3 климата).

⁷ Ахсикес – распространенное название Ахсикет или Ахсы, наряду с Касаном – один из древнейших городов и главный город Ферганы в X в. Ныне развалины Эски Ахсы на правом берегу Сыр-Дарьи, около г. Чуста – административного центра Чутского района Наманганской области Узбекистана.

⁸ Каранатия – У О. Караева – Каранатия, у Б. Кумекова – Карантия. По карте ал-Идриси находится на юго-восточном берегу озера Алаколь.

⁹ Тугузгузы (см. комментарий 2 к 9 части 3 климата).

¹⁰ Кашукас – у Б. Кумекова – Кашукет. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

¹¹ Анешт – у Б. Кумекова – Аншат. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

¹² Каншукас – у Б. Кумекова – Каншикет. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

¹³ Букенд – у Б. Кумекова – Букент. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

¹⁴ Каркас – у Б. Кумекова – Каракет. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

¹⁵ Хавлак – у Б. Кумекова – Джулак. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

¹⁶ Атракана – город, отмеченный на карте ал-Идриси на юго-востоке от столицы хакана хазлажей. О. Караев предполагает, что развалины Атракана, возможно, развалины г. Алмалык (Кульджи) Ташкентской области Узбекистана или развалины Чингильды (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 38–39).

¹⁷ Гаган – озеро проживания кимаков. В. Григорьев отождествляет его с озером Бостон-Нор (Баграш-куль) в Средней Азии (Григорьев В.В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. Дополнения. Отдел II – историко-географический. СПб., 1873. С. 233). У О. Караева – Гаган; он предполагает, что это озеро следует отождествлять с озером Алаколь, поскольку, согласно арабским источникам, кимаки в IX–XII вв. кочевали к северу от озера Балхаш.

¹⁸ Бахван (см. комментарий 14 к 9 части 3 климата).

¹⁹ Гаган – город, расположенный на озере Гаган. По мнению О. Караева, его следует искать на крайнем северо-восточном Семиречье (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 40). Б. Кумеков, согласно карте ал-Идриси, где Гаган расположен на юго-западной оконечности озера Гаган, отождествляет его с городищем в с. Коктума Алакольского района Алматинской области Казахстана (Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 108).

²⁰ Дамурия – город кимаков. По мнению Б. Кумекова, поскольку Дамурия отмечена на карте ал-Идриси его следует отождествить с одним из городищ, обнаруженных в бассейне реки Тентек близ с. Уч-Арал (Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 106–107).

²¹ Сараус – город кимаков, так же как и Дамурия, должен находиться в бассейне реки Тентек.

²² Шария – река в Средней Азии. Б. Кумеков отождествляет ее с Тентеком – рекой в Казахстане в Алматинской области (Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-ата, 1972. С. 75–76).

²³ Ашлуб – гора вдоль дороги от Тараза, идущей в страну кимаков, на южных склонах которой находилась крепость Хайхам. Встречается разное написание в различных рукописных изданиях – *Ашлун*, *Ашлуп*.

²⁴ Банджар – город страны кимаков. По мнению О. Караева, его следует искать на северных склонах горы Тарбагатай (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 45, 47).

²⁵ Гараз – у О. Караева – гора Гаргар, которую он отождествляет с горой Тарбагатаем (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 45). У Кумекова – Гиргир, также означает Тарбагатайские горы.

²⁶ Дахрат – на карте ал-Идриси отмечено как селение, расположенное на северном побережье озера Гаган, вдоль дороги между городами Банджар, Сараус, Дамурия и Каранатия.

²⁷ Тараз (Джамбул) – у О. Караева, как и у В. Бартольда, – Тараз, последний считает, что город был согдийского происхождения. «Еще в V–XI вв. в Таразе говорили по-согдийски и по-тюркски» (Кашгарский М. Диван лугат ат-турк. Стамбул. I–III. Т. I. С. 31). Тараз – ныне город Джамбул, что доказано в результате раскопок, производившихся под руководством А.Н. Бернштама.

²⁸ Касрабас – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. У О. Караева – Каср Айас. По его мнению, сведения взяты у Ибн Хордадбеха и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

²⁹ Кул-Шуба – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. У О. Караева – Кук Шуба. По его мнению, сведения взяты у Ибн Хордадбеха и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

³⁰ Джабла-Шуба – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. По мнению О. Караева, сведения взяты у Ибн Хордадбеха и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

³¹ Кулан – О. Караев отождествляет это селение с с. Луговое Рыскуловского района Жамбыльской области Казахстана (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 41).

³² Бирк – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. По мнению О. Караева, сведения взяты у Ибн Хордадбеха и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

³³ Бирк – река на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. По мнению О. Караева, сведения взяты у Ибн Хордадбеха и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

³⁴ Илак – историко-культурная область и государственное образование в бассейне реки Ахангаран с рядом прилегающих районов (ныне – юг Ташкентской области Узбекистана и север Согдийской области Таджикистана) в период от раннего Средневековья до монгольского завоевания.

³⁵ Шаш – имеется в виду р. Сыр-Дарья.

³⁶ Атбарах – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. У О. Караева – Ашпара. По его мнению, сведения взяты у Ибн Хордадбеха и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

³⁷ Буракис – селение. Не удалось отождествить ни с каким географическим названием.

³⁸ Джуль – ныне развалины Чала Казак около Бишкека в Киргизии.

³⁹ Сарах – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. У О. Караева – Саа. По его мнению, сведения взяты у Ибн Хордадбеха и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34–35).

⁴⁰ Кубаль – у О. Караева – Кубаб (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 35).

⁴¹ Верхний Барсхан (см. комментарий 18 к 9 части 3 климата).

⁴² Касра – на карте ал-Идриси эта местность не отмечена. Сведения о Касре имеются у Ибн Хордадбеха и Кудама б. Джафара. По О. Караеву, эта местность, согласно сведениям ал-Идриси, занимала территорию почти до станции Луговой (административной территории с. Луговое Рыскуловского района Жамбыльской области Казахстана) (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 41).

⁴³ Демирнах – у О. Караева – Демиртаг (Темиртах), который следует искать на правом берегу р. Чу (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 42).

⁴⁴ Хайхам – крепость. На карте ал-Идриси расположена на южных склонах горного хребта. По мнению О. Караева, крепость Хайхам находилась в районе между реками Токрау (река в Казахстане) и Баканас (небольшая река в Восточно-Казахстанской области Казахстана) (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 43).

⁴⁵ Захлан – у Б. Кумекова – Дахлан. По ал-Идриси, находится севернее западной оконечности Тарбагатай (Гараз) и соответствует приблизительно району Аязгоза – административного центра Аязгозского района Казахстана.

⁴⁶ Ханауш – город кимаков. На карте ал-Идриси расположен к северу от гор Гараз и к востоку от равнины с Алакольскими озерами. Согласно Б. Кумекову, Ханауш должен быть локализован к северу от Тарбагатай, в западном районе Карагандинской области (Кумек Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-ата, 1972. С. 107).

⁴⁷ Лалан – гора, находящаяся на пути от Демирнаха до Шалуния. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

⁴⁸ Лалан – город вдоль дороги от Демирнаха до Шалуния. По мнению О. Караева, месторасположение города

следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

⁴⁹ Шалуния – у О. Караева – Салуния. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

⁵⁰ Баграз – у О. Караева – Хозара. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

⁵¹ Джинку – у О. Караева – Жинку. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

⁵² Награн – у О. Караева – Награн. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

⁵³ Бенгдах – у О. Караева – Бенгдах. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

Данный перевод и комментарии послужат источником для развития археологии, поскольку связаны с определением места расселения древних тюркских народов Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Караев О. Земли тогузгузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах / Отв. ред. О. Караев. Фрунзе, 1973. С. 4–48.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.: восточная литература, 2006. 328 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по источникам. Алма-Ата, 1972, 155 с.

Dozy R., de Goeje M.J. Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrisi: Texte arabe avec une traduction. Leyde, 1866. P.VI–XXI.

Gunter S. Der Arabische Geograph Edrisi und seine maronitischen Herausgeber // Archiv für die Geschichte der Naturwissenschaften und Technik. Lpz. Bd.I.1909, S.113–123.

La Geografie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P. Amedee Jaubert. Paris, 1836–1840. T.I–II.

Информация об авторе:

Юзеев Айдар Нилович, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Казанский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Казань, Россия); youzeev@yandex.ru

REFERENCES

Karaev, O. 1973. In Karaev, O. (ed.). *Arabo-persidskie istochniki o turkskikh narodakh (Arab-Persian Sources on the Turkic Peoples)*. Frunze: "Ilim" Publ., 4–48..

Konvalova, I. G. 2006. *Al-Idrisi o stranakh I narodakh Vostochnoi Evropy (Al-Idrisi on the Countries and Peoples of Eastern Europe)*. Moscow: "Vostochnaia literature" Publ. (in Russian).

Kumekov, B. E. 1972. Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po istochnikam. (The State of the Kimaks in the 9th – 11th Centuries According to Sources). Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dozy R., de Goeje M.J. 1866. *Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrisi: Texte arabe avec une traduction*. Leyde, P.VI–XXI.

Gunter S. Der Arabische Geograph Edrisi und seine maronitischen Herausgeber // Archiv für die Geschichte der Naturwissenschaften und Technik. Lpz. Bd.I.1909, S.113–123.

La Geografie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P. Amedee Jaubert. Paris, 1836–1840. T.I–II.

About the Author:

Yuzeev Aidar N. Doctor of Philosophy, Kazan branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice". 2-ya Azinskaya Str., 7/A, Kazan, 420088, Russian Federation; youzeev@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИАК – Известия археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной Академии материальной культуры, Ленинград
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КНЦ РАН – Казанский научный центр Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МАР ИААН РТ – Музей археологии Республики Татарстан А АН РТ.
МарГУ – Марийский государственный университет
МАЭ – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
НФ МА РТ ИА АН РТ – Научный фонд Музей археологии ИА АН РТ
НЦАИ ИИ АНРТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РФ ПГКМ – Рукописный фонд Пензенского государственного Краеведческого музея
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГУАК – Симбирская губернская учёная архивная комиссия
СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
УАВ – Уфимский археологический вестник

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата подписи в печать 29.10.2022

Дата выхода в свет 31.10.2022

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 37,67

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

